

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова
РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕФОРМА?

Общеизвестно нормативное значение античной культуры. Понятие классического накрепко связано в представлении людей Нового времени с историей древней греко-римской цивилизации, с несравненными достижениями этой цивилизации в сфере человеческой культуры. Однако обычно это представление опирается на достижения древних греков и римлян прежде всего в областях художественной и духовной культуры – в архитектуре и скульптуре, в поэзии, истории и философии. Между тем исключительная интенсивность политической жизни античного общества, невероятное разнообразие форм и редкостная продуктивность экспериментов в этой области обусловили образцовость также и политического творчества античности. Античные примеры городской жизни и гражданского общества, демократии, республиканизма и империализма стали хрестоматийными.

Можно сказать, что политическое творчество греко-римского мира столь же образцово, сколь и художественное и духовное. Для историка, для любого человека с развитым историческим интересом античность предоставляет обширное поле для наблюдений и сопоставлений. Это своеобразная виртуальная лаборатория, где можно ставить один социологический опыт за другим. Изучение доставляемых античностью примеров, плодотворное не только в силу разнообразия созданных классической древностью форм, но и вследствие исключительного богатства письменной традиции, делает обращение к историческому опыту античности занятием в высшей степени увлекательным и поучительным.

В наш век бурных социальных и политических перемен, в век разрушительных революций, кровавых военных конфликтов и рискованных общественных экспериментов (под нашим веком мы понимаем столетие, прошедшее от первой русской революции 1905 г.) особенно интересным оказывается обращение к последнему веку Римской республики, к столетию, прошедшему от реформ братьев Гракхов до установления единодержавия Августа, иными словами, ко времени Гражданских войн (133–30 гг. до н. э.). Здесь всё – и гражданские смуты, и массовые выступления рабов, и завоевательные войны, и крушение республиканского строя, и установление военной диктатуры, режима империи, – может доставить параллель к нашему недавнему прошлому, а стало быть, возможно, пролить дополнительный свет на вполне современные, актуальные проблемы.

Вот этому моменту римской истории и посвящена предлагаемая теперь вниманию читателей книга Н. В. Чекановой. Автор – преподаватель древней истории в Ярославском университете. Там, в Ярославле, Н. В. Чеканова получила университетское образование, но завершение специальной высшей подготовки в области антиковедения было осуществлено ею в аспирантуре и докторантуре при кафедре истории древней Греции и Рима Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Так что по своему специальному образованию и направлению научных занятий она несомненно является представителем Петербургской исторической школы.

Книга Н. В. Чекановой представляет собой фундаментальное научное исследование, посвященное одной из самых важных тем античной истории – переходу Рима от республики к империи. Изложение исторично в лучшем смысле слова, поскольку опирается на факты и концентрируется вокруг ключевых событий, составлявших содержание перехода Римского государства от республиканской формы правления к военной диктатуре. Но это не голая фактология; изложение проникнуто определенной идеей, содержит важный концептуальный элемент и, в частности, призвано ответить на неоднократно обсуждавшийся в литературе Нового времени вопрос: переход Рима от республики к империи был революцией или реформой?

Рассмотрение ключевых событий эпохи Гражданских войн, приведших Римское государство к радикальной политической метаморфозе, ведется Н. В. Чекановой на широком историческом фоне. Автор начинает с анализа римской государственной системы накануне кризиса конца II–I в. до н. э. При этом подчеркивается, что самым существенным фактором развития Римской республики были внешние завоевания, которые породили в римском гражданском обществе процессы дезинтеграции и дезорганизации. Державная, имперская политика нередко чревата страшным плодом – военной диктатурой, императорским режимом. Так произошло и в Риме, но утверждение нового режима вовсе не было

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org само собой разумеющимся или простым. Обществу пришлось пройти через ряд испытаний, ряд более или менее радикальных преобразований, веками которых были диктатура Суллы, затем Первый триумvirат и диктатура Цезаря, наконец, Второй триумvirат и единодержавие Октавиана Августа.

Замечательным аспектом осуществленной Н. В. Чекановой работы является воссоздание римской общественной жизни в эпоху Гражданских войн, мыслей и чувствований различных социальных групп, тех духовных ценностей, которые они исповедовали. Н. В. Чеканова убедительно показывает социальный и идейный раскол в римском обществе времени поздней Республики: с одной стороны, общественная верхушка, сенаторская знать и некоторая часть средних слоев, с их приверженностью к традиции, к заветам предков; с другой – младшая сенаторская знать, «новые люди» (*homines novi*), городской люмпен-пролетариат, жители италийских общин и провинциалы, слабо интегрированные в римское общество, которым было присуще в той или иной степени безразличие к традиционным установлениям и ценностям. Эта поляризация и была пружиной социальных раздоров, основой для столкновения главных политических группировок – рядившихся в одежды демократии популяров и убежденных консерваторов-оптиматов, равно как и их лидеров.

Деятельность этих лидеров, и в первую очередь, разумеется, тех, кто пролагал пути к новому императорскому режиму, к системе империи, представлена в книге Н. В. Чекановой выпукло и живо. Сулла, с его утопической попыткой соединить реставрацию старой нобильской республики с личной диктатурой, Цезарь, искусно разыгравший популярскую карту в борьбе за единоличную власть, Октавиан, преподавший (правда, не в одиночку, а вместе с партнерами по Второму триумvirату) последний кровавый урок старому обществу, – вот наиболее значимые фигуры и одновременно узловые моменты на пути от республики к империи.

Главное теоретическое положение, которое отстаивает Н. В. Чеканова, состоит в том, что переход от республики к империи был процессом сложной этнокультурной и социально-политической реформации, – не революции и не реформы, а именно реформации. Выбор слова «реформация», по-видимому, не самый удачный, поскольку так обычно обозначается вполне конкретное историческое явление – антипапское движение времени позднего Средневековья и начала Нового времени, но самая мысль понятна и заслуживает внимания. Переход от республики к империи, проходивший в Риме в рамках Гражданских войн конца II–I в. до н. э., не был, конечно, таким всеобъемлющим радикальным переворотом, влекшим за собой системную перемену, который обычно именуют революцией. Не сводился он и к частному подновлению существующей системы, чем является реформа (или даже группа реформ). Это был сложный ряд преобразований, включавший в себя элементы как революционного, так и реформаторского плана.

В самом деле, с именами Суллы, Цезаря, Октавиана Августа связан целый ряд конструктивных преобразований, носивших характер реформ: расширение состава сената, увеличение числа магистратов, оформление муниципального строя, решение аграрного вопроса (правда, в особенной форме наделения земель ветеранов) и т. д. Вообще в понятие «глубокой и всеобъемлющей социокультурной реформации» более всего укладывается административная деятельность Цезаря. Чего нельзя сказать о кровавой вакханалии сулланских проскрипций и о терроре Второго триумvirата, для членов которого террор был и способом действия, и политическим принципом. А как определить в этом плане военно-политическое соперничество Суллы и Мария, Цезаря и Помпея, Октавиана и Антония, выливавшееся в такие масштабные конфликты, которые уже современниками приравнивались к гражданским войнам?

По-видимому, не может быть однозначного ответа на вопрос о том, был ли переход в Риме от республики к империи революцией или реформой. Возможно, этот вопрос, породивший бесконечную дискуссию и необозримую научную литературу, должен быть отнесен к числу вечных. Тем более заслуживает всяческого уважения отважная попытка Н. В. Чекановой, используя все возможные средства (свидетельства античных источников, гипотезы предшественников, теоретические выкладки о том, что такое революция и что такое реформа, собственные наблюдения и размышления), разобраться в этой сложной проблеме, занять при решении ее определенную позицию и дать новое, более точное определение тем процессам, которые происходили в позднереспубликанском Риме. Прекрасная же литературная манера, в которой написана книга Н. В. Чекановой, скрупулезно выверенная в отношении античных источников и в то же время современная и выразительная по языку и стилю,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org делает чтение ее фундаментального труда не только весьма информативным, но и увлекательным.

Доктор исторических наук, профессор СПбГУ

Н. С. Широкова

июнь 2005 г.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга представляет собой попытку обобщения и отчасти переосмысления уже накопленного наукой фактического и историографического материала по римской истории периода поздней Республики. Одно из центральных мест в том обширном круге проблем теоретического и методологического характера, которые ставит перед наукой история Рима второй половины II–I в. до н. э., занимает проблема перехода от республики к империи. Это не случайно: именно в событиях, определивших этот переход, заложены основные импульсы всего последующего развития римского государства и общества. Особенно оживленный характер обсуждение данной проблемы приняло в Новое время (начиная с середины XIX в.). Сегодня можно говорить о двух определяющих, совершенно противоположных подходах к ее исследованию: революционном и неревлюционном (или реформационном).

Концепция революционного характера перехода от республики к империи идет от Т. Моммзена, который считал, что начало революции в Риме было положено выступлением братьев Гракхов, и завершилась она установлением «монархии Цезаря»: #с_1. По сути своей это была реакция широких демократических слоев против господства сената, превратившегося к середине II в. до н. э. в замкнутую корпорацию. По движущим силам это была демократическая революция, имевшая, однако, в себе некую монархическую основу. Во главе римской революции стояли, по мнению Т. Моммзена, такие истинные демократы, как Гракхи, Марий, Сульпиций, Цинна: #с_2.

В целом концепция Т. Моммзена получила широкое признание в антиковедении и вызвала множество откликов, вариаций и подражаний: #с_3. Так, Г. Ферреро, придерживаясь общего моммзеновского взгляда на проблему характера римской революции, принципиально иначе определял ее хронологические рамки и итоги, а в качестве носителей революционно-демократических идей называл совсем других политических лидеров. Он считал, что римская революция завершилась лишь в эпоху Августа и не утверждением новой политической системы, а истинным восстановлением аристократической республики: #с_4.

Среди отечественных исследователей концепцию революционного перехода от республики к империи принципиально и настойчиво развивал М. И. Ростовцев. Причем он сам подчеркивал, что такой взгляд на историю поздней Римской республики был навеян лично пережитыми событиями. Этим, по-видимому, можно объяснить некоторую парадоксальность предложенного им взгляда на сущность римской революции: ее содержанием был переход «крестьянского государства, управляемого земельной аристократией, к олигархическому правлению знатных родов»; однако основной движущей силой революции был «вооруженный пролетариат» – римская армия: #с_5.

Особый вариант революционной концепции представлен в работе Р. Сайма, в которой дана принципиальная оценка перехода Рима от республики к империи. Эпохой революции Р. Сайм считал период второй половины I в. до н. э. и вплоть до смерти Августа; наиболее существенный фактор ее развития видел в борьбе аристократических кланов за власть, богатство и славу; истинным революционным вождем считал не Цезаря – «реалиста и оппортуниста», а Августа. Р. Сайм указывал при этом на тесную взаимосвязь трансформации состава правящей римской олигархии и трансформации государственно-политической системы Рима: #с_6. [1 – В западноевропейской

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org историографии концепция аристократического характера социальных революций, безусловно, имеет публицистический характер и идет от теории А. Токвиля и П. Сорокина, которые считали, что «революции делаются не голодными людьми, а теми, кто не пообедал один раз»; они возникают в периоды быстрого развития общества, при котором традиционные привилегированные группы испытывают дискомфорт и становятся деструктивным элементом, см.: Токвиль А. Старый порядок и революция. Пг., 1918; Sorokin P. A. The Sociology of Revolution. L., 1924.]

В западноевропейской историографии в связи с общим интересом к роли аристократической личности концепция Р. Сайма получила широкое признание. В духе этой концепции рассматривает, например, события позднереспубликанской истории Рима Дж. Норт. Он не считает возможным говорить ни о важных экономических трансформациях, ни о глубоком социальном перевороте. Главную роль в развивающейся римской революции Дж. Норт отводит аристократии: один и тот же земледельческий класс был и при республике, и при империи. Однако в отличие от Р. Сайма он иначе оценивает историческую роль Октавиана Августа, который, по его мнению, не был продолжателем социальной революции последних лет Республики; напротив, был основателем противоположного контрреволюционного движения и в этом смысле был «Наполеоном для Римской республики»: #с_7.

Об аристократическом характере римской революции, правда, в связи с совершенно иными событиями, иным периодом и иными задачами говорил Р. Ю. Виппер. «Аристократической революцией» он называл реакцию римской знати (120–111 гг. до н. э.) на законодательные инициативы братьев Гракхов: #с_8.

В целом концепция римской революции оказалась чрезвычайно популярной в историографии. Однако следует заметить, что, начиная с Т. Моммзена и до сегодняшнего дня, она не получила четкого концептуального выражения: ее сторонники не смогли выработать единых подходов к таким аспектам проблемы, как хронологические рамки, задачи, цели, основные движущие силы и результаты революции. Широкое толкование термина «революция» и часто некритичное его применение к событиям римской истории II–I вв. до н. э. делает концепцию революционного перехода от республики к империи рыхлой, а порой откровенно публицистичной. Уже в начале XX в. нашей эры она была подвергнута критике и, прежде всего, со стороны марксистской советской исторической науки: #с_9. В результате в рамках все той же революционной концепции возникли два новых подхода к проблеме.

Определяя существо революционных переворотов как «перерыв постепенности», некий «качественный скачок» в развитии того или иного общества и не считая возможным использовать такое толкование термина «революция» применительно к событиям римской истории, некоторые исследователи обратились к более мягкой трактовке тех изменений и социально-политических конфликтов, которые растянулись в Риме почти на 100 лет и в конечном счете привели к падению республики: не как революции, а как мощного, длительного, сложного революционного движения, являвшего собой несколько мощных революционных взрывов. Среди западноевропейских историков с подобными оценками выступил Е. Корнеманн: #с_10, в отечественном антиковедении – С.И. Ковалев[2 – Правда, еще раньше С. А. Жебелев утверждал, что Римская империя возникла из Римской республики в результате длительных политических и социальных революций не механически, не насильственно, а путем закономерной эволюции. См.: Жебелев С. Л. Древний Рим. Царская и республиканская эпохи. Ч. 1. Пг., 1922. С. 88.]. Так, С. И. Ковалев, пересмотрев отчасти концепцию римской революции как «революции рабов», которой он первоначально придерживался[3 – Крайнее выражение этой концепции можно обнаружить в работах А. В. Мишулина и В.Н. Дьякова, когда любой социально-политический конфликт, будь то выступления в провинциях, Нумантинская война или даже 3-я Пуническая война, оценивался как отголосок революционных настроений рабов; рабы рассматривались как инициаторы и катализаторы народноосвободительных движений в Риме, направленных в конечном счете на уничтожение рабовладельческого способа производства. См.: Мишулин А. В. Спартакосское восстание. М., 1936. С. 181; Ковалев С.И. История античного общества. Эллинизм. Рим. л., 1936. С. 164–165, 223–225; История древнего мира / Под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. М., 1952. С. 527–610.], в целом по-прежнему опирался на марксистско-ленинское толкование и понимание термина «революция» как вооруженного захвата власти с целью замены одного способа производства другим. При этом он утверждал, что социальное движение в период восходящего развития формации, даже если оно направлено против этой формации, не может считаться революцией: #с_11. В истории древнего

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org Рима подлинной революцией, по его мнению, была «революция рабов и колонов» в эпоху поздней Империи. События II–I вв. С. И. Ковалев представлял как широкое демократическое по своим движущим силам революционное движение, точнее, как «несколько крупных взрывов революционного движения», которое, однако, не могло перерасти в революцию; установление же военных диктатур I в. до н. э. и переход к системе империи был контрреволюцией: #с_12. Подобный взгляд упрощал проблему перехода Рима от республики к империи, лишал историческую концепцию ее основного методологического звена – социального содержания римской революции. В результате в ряде исследований, особенно в последнее время, понятие «революция» вообще приобрело метафорический характер. Так, А. Хойс считает, что римская революция не имела ни сознательно поставленной цели, ни определенных движущих сил: аграрная программа Гракхов была демократической по форме, консервативной по существу и имела своей целью реставрацию римских общинных отношений; сулланская конституция, аристократическая по своему духу, должна была восстановить и укрепить сенатскую республику; Цезарь, стремясь к собственному возвышению: #с_13, остановил развитие римской революции, лишь после его смерти она должна была пойти дальше: #с_14.

Об отсутствии единых социально-экономических, политических и духовных установок в римском обществе, следовательно, «размытом» характере социальных выступлений, говорят Р. Смит и Ф. Кауэлл: #с_15.

Карл Крист, определяя события 133–30 гг. как эпоху римской революции – «Römische Revolutionszeitalter», имеет тем не менее в виду не резкое столкновение сословно-классовых противоречий, а перманентный кризис Римской республики, развивавшийся в течение ста лет и проявлявшийся в дезинтеграции экономической, социальной и политической жизни римского общества: #с_16. Некоторые исследователи вообще пытаются отойти от термина «революция» и определяют переход от республики к империи как «общественный переворот»: #с_17.

Особый взгляд на проблему римской революции высказал С. Л. Утченко. С одной стороны, он выступил с критикой упрощенных подходов к данной проблеме; с другой – принципиально отверг идею реформационного характера перехода от республики к империи; наконец, предложил собственное определение характера и существа событий II–I вв. до н. э. как «социальной революции», осуществленной в рамках единой общественно-экономической формации. По мнению С. Л. Утченко, это была демократическая революция против Рима-полиса, против «староримской аристократии, против крупного землевладения... борьба италийского крестьянства за землю и политические права»: #с_18. Она развивалась условно в 146–88 гг. до н. э., ее кульминационным пунктом была Союзническая война, превратившая Рим из полиса в федеративное государство с единой территорией и единым гражданством, движущими силами – социальные элементы, несущие неполисные традиции. Все последующие события, с точки зрения С. Л. Утченко, имели контрреволюционный характер, и установление принципата Августа означало по существу реакцию нобилитета на широкое революционное антиполисное движение: #с_19.

Сторонники неревлюционной (реформационной) концепции перехода Рима от республики к империи принципиально иначе рассматривают события второй половины II–I вв. до н. э.: #с_20 Состояние римского общества и государства они определяют как «кризис», «трансформацию», «процесс обновления», «симптомы адаптации», «переходность», «палингенез» и т. п. Однако так или иначе за этими различными определениями стоит сходное понимание исторической ситуации: кардинальные структурные изменения во всех сферах республиканской жизни при одновременном рождении новых структурных элементов. Именно так оценивал характер диктатуры Цезаря и положение Помпея Эдуард Майер. Он подчеркивал различие государственно-правовых форм их власти, но видел в них два варианта развития одного процесса – становления единовластия в Риме с той лишь разницей, что диктатура Цезаря была аналогом эллинистической монархии, а сложившаяся в Риме империя в форме принципата – воплощением и развитием политических идеалов и практики Цицерона и Помпея: #с_21. В целом систему принципата он рассматривал как трансформированную в результате реформ форму республики.

Л. Виккерт видел в системе принципата Августа результат развития элементов, имманентно присущих римскому обществу, его правовой системе и политическим традициям. В самом понятии *principes* он выделял исконно римскую идею первенства авторитетных римских политиков: #с_22.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Эрнст Мейер отмечал, что в основе процесса падения Римской республики лежали постепенные важнейшие изменения римской общественно-политической системы, а существо перехода к империи расценивал как процесс постепенной реконструкции республики: #с_23.

Чрезвычайно ярко и образно определил суть проблемы В. Эдер: дело не в смене одной формы правления другой, а в «сползании, едва различимом переходе к системе, в котором чисто республиканский принцип – формирование социальной и политической власти, основанной на персональных взаимоотношениях и зависимостях, – дошел до крайности»: #с_24.

В западноевропейской историографии наиболее последовательными выразителями идеи постепенной трансформации Римской республики в территориально-державное государство являются сторонники социологической «теории конфликтов». Они говорят о гетерогенном характере социально-политического конфликта, охватившего римское общество и государство с середины II в. до н. э., и рассматривают этот конфликт как результат поляризации социальной структуры Римской республики и ослабления республиканской системы всевластием римских наместников: #с_25.

В отечественном антиковедении принципиальным противником революционной концепции был Н. А. Машкин. Он считал, что революция – переворот, вносящий в общественную жизнь качественные изменения и устанавливающий новые отношения. Поскольку римские политики не ставили принципиально перед собой и перед обществом таких задач, вряд ли их деятельность и события с нею связанные можно, по мнению, Н. А. Машкина, считать революцией: #с_26. О постепенной трансформации Римской республики в империю, правда, не дефинируя процесс ни как революцию, ни как реформу, говорили В. С. Сергеев, А. Б. Егоров, А. В. Игнатенко, Я. Ю. Межеричкий и др. Главный их аргумент в том, что в самой республиканской системе, какой бы аспект социально-экономической, политической или духовной жизни ни рассматривать, была заложена возможность подобной трансформации и предпринимаемые римскими политиками реформы усугубляли ситуацию: #с_27.

Таким образом, проблема перехода Рима от республики к империи является сложнейшей проблемой римской истории. Она поднимается во многих работах. Высказанные оценки принимают порой злободневно публицистический характер, чаще – строго научный; одни выглядят легковесными, другие – фундированными; одни развивают традиционный взгляд на римскую историю, другие – парадоксальный.

Революционная концепция представляется рыхлой, не имеет единых критериев. Ее сторонники расходятся в вопросах хронологии, существа, характера, основных движущих сил и целей революционного движения. Подбор фактов, которые, по мнению исследователей, должны продемонстрировать революционный характер ситуации, различный. В конечном итоге всякое социальное движение II–I вв. до н. э. классифицируется как революция. Более того, исследователи часто признают постепенность, перманентность переходного (кризисного) состояния римского общества. М. И. Ростовцев считал I в. до н. э. переходной эпохой, суть которой состояла в вырождении древнего города-государства и росте новой системы – монархии. При этом в деятельности Августа он не видел ничего революционного. Его заслугой считал искусное сочетание элементов власти, уже использованных предшественниками. С. Л. Утченко, несмотря на принципиальную приверженность концепции «социальной революции», вынужден был отметить, что события периода поздней Республики – звенья одной цепи, единого длительного, сложного и противоречивого процесса.

Насколько неустойчивой может казаться концепция римской революции, демонстрирует статья Б. Зухольд. Исходя в целом из марксистского понимания исторического развития и классифицируя вслед за С. Л. Утченко ситуацию второй половины II – начала I в. до н. э. как «социальную революцию в границах одной общественной формации», она тем не менее видит суть перехода от республики к империи в постепенном разрушении античной общины и считает, что объективно этот процесс имел эволюционный характер: #с_28.

Концепция неревolutionного (реформационного) характера перехода от республики к империи выглядит более однородной. Ее сторонники представляют суть и принципиальное значение исторического развития Рима в том, что он постепенно превратился из общины в мировую территориальную державу. Это вызвало дезинтеграцию всех структурообразующих республиканских систем.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Аграрное движение Гракхов, восстания рабов, грандиозное выступление италиков, возмущения городской бедноты, поддержавшей Катилину, Клодия и других демагогов, непрекращавшиеся волнения на территории римской провинциальной периферии, противостояние политических группировок в сенате и народном собрании, переросшее в личную борьбу отдельных честолюбцев за власть, с одной стороны, были факторами проявления этой дезинтеграции; с другой – демонстрировали необходимость осуществления широкого круга социокультурных реформ. При этом одни римские политики (Гракх, Сулла) пытались приспособить римскую норму к сложившейся римской действительности, другие (Помпеи, Цезарь и даже Октавиан до 30 г. до н. э.) стремились реализовать уже намеченные тенденции. Однако, представляя процесс трансформации Римской республики в империю как серию реформ, сторонники этой концепции часто вынуждены признать революционный характер методов и решений, к которым прибегали римские политические лидеры.

Таким образом, исследователи, придерживающиеся революционной или, напротив, неревлюционной (реформационной) концепции перехода от республики к империи, исходят в своих рассуждениях из различных методологических оснований. Первые считают, что развитие поздней Римской республики осуществлялось скачкообразно при сильнейшем влиянии субъективных факторов, волевого импульса. Вторые говорят о постепенной трансформации Рима-полиса в державу, республики в империю на основе постепенного накопления и развития объективных факторов, хотя и с достаточной степенью решительности, что в конечном счете обеспечило переход из одного качественного состояния в другое.

Более того, историки по-разному определяют само понятие «революция». Одни исходят из функционалистских представлений, когда общество рассматривается как система, а революция – ее тотальное разрушение; другие – из социально-психологических, когда в основе революционного переворота видится коллективное насилие; третьи – из сравнительно-исторических, когда революция представляется как быстрое, фундаментальное и насильственное изменение доминирующих в обществе ценностей и представлений, политических институтов, принципов политического лидерства, социальной структуры и т. п.

Такое многообразие методологических установок и дефиниций, нежелание исследователей «договориться» о терминах затрудняет видение исторических реалий и перспектив, порождает новые дискуссии.

Предлагаемая читателям книга – еще одна попытка приблизиться к верному пониманию скрытых закономерностей развития сложной общественно-политической жизни римского государства в последний период существования республики. Мы убеждены, что, отталкиваясь от понимания термина «революция» как самого интенсивного, насильственного и осознанного социально-политического движения, заключающего в себе не только объективные предпосылки, но и высоко развитую и четко выраженную идеологию социального протеста, мы сумеем показать, что переход Рима от республики к империи являл собой глубокую и всеобъемлющую социокультурную реформацию.

Глава 1.

СПЕЦИФИКА РИМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАКАНУНЕ КРИЗИСА КОНЦА II–I в. до н. э.

Важнейшим фактором существования и развития Римской республики с момента ее возникновения и до установления системы принципата была римская внешняя агрессия. Сам факт перехода от республики к империи был ознаменован присоединением к Риму Египта в качестве личной провинции первого принцепса Октавиана Августа (RGDA, 27). О римской экспансии написано много и высказано несколько точек зрения: от признания Рима агрессивной империалистической державой, стремившейся к бесконечному расширению границ, до оправдания колониационного движения интересами не только римлян, но и населения присоединенных территорий: #с_29.

Этот вопрос предполагает два основных аспекта: 1) расширение территории и проблемы, возникавшие перед обществом и государством в связи с этим процессом; 2) влияние демографического и географического факторов на

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
развитие государства.

К середине III в. [4 – Здесь и далее в тексте все даты, кроме специально оговоренных, «до нашей эры».] в результате активных завоеваний Рима под его гегемонией сложилась римско-италийская федерация. Границы римских владений значительно расширились. На землях италиков было основано большое число римских поселений. По сообщению Тита Ливия, первые колонии были выведены римлянами еще в царский период. Это – Остия и Сигния (Liv., I, 33, 9; II, 21, 7).

Довольно активно процесс римской колонизации Италии происходил в IV–III вв. Опираясь на данные Ливия, мы можем говорить о выводе к середине III вв. более 20 римских колоний (Liv., II, 31, 4; III, 1, 5; IV, 11, 3; 30, 6; V, 24, 4; VI, 21, 4; VIII, 16, 1314; 21, 11; IX, 26, 45; 28, 78; X, 1, 12; Per., 14; 16). Эти сведения в целом соответствуют цифрам, приведенным Веллеем Патеркулом, который говорил о выводе за 383–264 гг. 21-го поселения (Vell., 1, 14, 2–7). У того же Веллея есть сообщение о том, что еще 12 римских колоний были выведены за время между 1-й и 2-й Пуническими войнами, т. е. к концу III в. (Vell., I, 14, 8).

Римская колонизация этого периода была вызвана главным образом возникновением относительного аграрного перенаселения и носила военно-земледельческий характер: #с_30. Полисная система хозяйства предполагала определенную предельную густоту населения. Дальнейшее развитие было возможно либо путем перехода к более интенсивному способу ведения хозяйства, либо с помощью колонизации. Первое требовало времени, знания, средств, психологической подготовки. К этому прибегали, когда не было более простой возможности расширить территорию, например путем колонизации. У населения Рима такая возможность была: расселение римлян могло быть осуществлено в пределах Апеннинского полуострова. Это позволяло, во-первых, наделить землей и материально обеспечить безземельное и малоземельное римское гражданство; во-вторых, ослабить остроту социального конфликта внутри формировавшейся гражданской общины; в-третьих, за счет эксплуатации соседей-италиков получить дополнительные материальные возможности для решения внутренних проблем.

Территориальную экспансию стимулировали геополитические соображения: стремление обеспечить прочные границы, порты, воспрепятствовать захвату римских территорий соседями. В V– III вв. эти задачи были в основном решены – Рим объединил всех италиков под своей властью. Присоединение италийских общин осуществлялось в форме протектората: их административное и общественное устройство, степень автономии зависели в первую очередь от воли Рима; определенную роль играли принцип лояльности италиков к победителю и культурная традиция, наличие накануне римского завоевания четких границ, администрации, писаных законов и т. п. При этом само римское государство по-прежнему оставалось гражданской общиной, изолированной по отношению ко всей остальной территории Италии. В отношениях между римской *civitas* и италийскими союзниками абсолютный характер приобрела установка «мы» – римляне и «они» – неримляне, что в конечном итоге породило сложнейшую социально-политическую проблему.

Некоторое время в продолжение первых двух Пунических войн у римлян не было возможностей для активного освоения италийских территорий. Веллей Патеркул писал по этому поводу: «Во время войны более необходимо было набирать воинов, чем распускать (их), после войны – собирать граждан, чем расселять (их) – *cum esset in bello conquirendus potius miles quam dimittendus et, post bellum, vires refouendae magis quam spargendae*» (Vell., 1, 15, 3–6). Однако по окончании 2-й Пунической войны колонизационная деятельность Рима оживилась. Как сообщил Ливий, с 264 по 146 г. римлянами были выведены 33 поселения (Liv., XXXI, 4, 2; 49, 56; XXXII, 2, 7; XXXIV, 45, 15; 53, 1; XXXV, 9, 7; 40, 5; XXXVII, 57, 7; XXXIX, 23, 3; 44, 10; 55, 7; XL, 29, 1; 34, 2; XLI, 13, 4; XLII, 4, 4; XLIII, 17, 1; Per. 19; 20). Эти сведения частично были скорректированы Веллеем Патеркулом, который говорил о выводе 24 колоний (Vell., I, 14, 8; 15, 1–3): #с_31.

Более того, во второй половине III в. римская агрессия «выплеснулась» за пределы Италии. Э. Бэдиан полагает, что главными целями Рима при этом были стратегические и политические: #с_32. На наш взгляд, ученый в данном случае неоправданно отодвигает на второй план экономические мотивы римской агрессии. Еще в 312 г. была проведена военно-торговая магистраль – Аппиева дорога, связавшая Рим с южным морским побережьем (Liv., IX, 29, 6; Diod.,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosofff.org XVI, 69). ВЗиг. народным собранием был принят закон о том, чтобы «народ решал (вопросы) о назначении корабельных дуумвиров с целью снаряжения и починки судов – ut duumviros nauales classis ornandae reficiendaeque causa idem populus iüberet» (Liv., IX, 30, 4, 1–3). Ливии подчеркивал, что последняя акция касалась прежде всего «военного дела». Отрицать военно-стратегическое значение осуществленных в 312–311 г. мероприятий нельзя. Однако нам представляется, что они отражали и усилившийся уже в конце IV в. материальный интерес римского гражданства (причем самых широких его кругов) к морской торговле. Постепенно на первое место в экспансионистских планах Рима выступили экономические мотивы: #c_33.

В результате 1-й Пунической войны у Рима появились первые провинции – Сицилия, Сардиния и Корсика. Позднее в качестве провинций и зависимых государств, связанных с римской республикой союзническими договорами, под властью Рима оказалось практически все Средиземноморье. Движение на запад диктовалось стремлением найти новые сельскохозяйственные и торгово-ремесленные возможности. Аннексия на востоке была связана со стремлением поставить под римский контроль более развитые в экономическом отношении области Восточного Средиземноморья. На север римлян влекла возможность воспользоваться природными богатствами, стремление получить рынки сбыта ремесленной продукции, необходимые источники сырья и рабов.

Римское государство успешно эксплуатировало провинциальную периферию: из Сицилии и Северной Африки поступал дешевый хлеб[5 – в 200 г. хлеба, привезенного в Рим из Африки, было так много, что «курульные эдилы... продавали его народу по два асса за модий» (Liv., XXXI, 50).], из Македонии и Испании – металлы и т. п. Кроме того, в ходе экспансии Рим получал огромные денежные доходы и колоссальное количество рабов. Римские завоевания были столь мощным источником материального достатка, что в середине II в., после кампании Эмилия Павла в Македонии (168 г.), римские граждане перестали платить налоги (Plut. Paul., 38).

Переломными в процессе римской агрессии можно считать события середины II в., когда после подчинения Цизальпинской Галлии и разрушения Карфагена и Коринфа (146 г.) Рим, во-первых, столкнулся с варварским миром галлов, германцев и дунайских племен; во-вторых, оказался перед необходимостью покорения остального эллинистического мира. Однако в это время обнаружилась парадоксальная в истории Римской республики ситуация: следствием каждой новой внешней победы являлось в конечном итоге внутреннее потрясение: #c_34. Главной причиной этого исторического парадокса было несоответствие между возникшей к середине II в. территориально-административной по существу имперской системой Рима и организованной на полисных основах римской государственностью. Римская экспансия делала прежнюю республиканскую политическую систему, рассчитанную на небольшую общину и нецелесообразную в новых условиях, анахронизмом.

При всем своем стимулирующем значении для развития Римской республики внешние завоевания стали тем не менее фактором дезорганизации римской civitas: #c_35. Чтобы преодолеть процессы дезорганизации и дезинтеграции, охватившие римское государство, необходимо было перейти от традиционной полисной внешней и внутренней политики к политике имперской. Это было возможно лишь при условии осуществления всеобъемлющей социокультурной реформации, что стало главной задачей и насущной потребностью всего последующего развития Рима. Реформация продолжалась в течение ста лет (133–30 гг.) и завершилась утверждением Римской империи.

1. Дезорганизация как фактор эволюции римской государственности второй половины II–I в. до н. э.

К середине II в. произошло колоссальное увеличение территории, объединенной римским империем, население которой могло составлять по самым приблизительным представлениям несколько десятков миллионов человек. При этом количество собственно римских граждан оставалось незначительным. К сожалению, мы не имеем абсолютных количественных показателей для того, чтобы окончательно определить численность римского населения в тот или иной период. Правда, в нашем распоряжении есть данные римских цензов, которые, начиная со времен Сервия Туллия, проводились каждые пять лет. Однако они очень ненадежны, прежде всего, потому, что неизвестны точные принципы

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org проведения переписей и включения римлян в цензовые списки. Так, Ливий, ссылаясь на Фабия Пиктора, отмечал, что в первый цензовый список Сервием Туллием были включены не все римские граждане, а лишь 80 000 способных носить оружие (Liv., I, 44, 2). Видимо, этот же принцип был положен в основу и позднейших переписей населения: #с_36. Нам известны, например, неоднократные случаи снижения минимального ценза, связанные именно с необходимостью увеличить численность римской армии (Polyb., XXXV, 4; App. Nisp., 46). Безусловно, при таком подходе учитывалась лишь часть римского гражданства, и любые попытки определить абсолютную численность населения Рима имеют гипотетический характер. По сведениям Ливия, римское гражданство постепенно увеличивалось от 117 319 человек по переписи 459 г. (Liv., III, 24, 10) до 297 797 человек по переписи 256/255 г. (Liv. Per., 16) и до 338 314 человек по переписи 160–153 гг. (Liv. Per., 47). Если иметь в виду, что приведенные Ливием цифры касаются лишь мужчин цензового возраста, общую численность римского населения в середине II в. можно определить в 1 млн. человек: #с_37. При этом население Италии могло составлять, по подсчетам П. А. Бранта и Г. Альфельди, более 3 млн. человек: #с_38.

Но дело в данном случае даже не в гипотетичности подсчетов, а в том, что при любых количественных показателях соотношение подвластных Риму территорий и их народонаселения и собственно римского гражданства было непропорциональным. Это имело важнейшие социально-экономические и политические последствия для римской *civitas*.

Первым и наиболее очевидным последствием стало расширение колонизационной политики Рима, изменение характера и целей римской колонизации. Колонизация приобрела массовый характер. Только за первые три десятилетия II в. в колонии, по подсчетам Х. Дитера и Р. Гюнтера, было выведено 40–50 тыс. римских граждан: #с_39. По причине отсутствия конкретной статистики мы можем принять эту цифру лишь условно, как показатель наметившейся тенденции, которая, кстати сказать, подтверждается античной традицией. Так, по сведениям Веллея Патеркула, в первую четверть II в. римлянами было основано около 10 колоний (Vell., I, 15, 45; ср.: Liv., XXXIV, 45, 2; XXXVII, 57, 3; XXXIX, 22, 50; XL, 10; XLII, 29, 1; XLIII, 27, 10).

Римская колонизация Италии приобрела широкий территориальный размах. К. Ю. Белох считал, что италийские владения Рима к началу Союзнической войны (90–88 гг.) составили 5 500 000 га: #с_40. Увеличение *ager publicus* шло за счет италийских общин, которые, оказавшись под римской властью, обычно теряли 1/4 часть: #с_41, а то и половину своих земель (Liv., XXXVI, 39, 3). При этом колонизация стала социально ориентированной государственной политикой: в колонии выводились беднейшие римские граждане, а начиная с конца II в. – отслужившие свой срок ветераны. Впервые было осуществлено наделение земель отслуживших солдат, «прошедших со Сципионом африканскую кампанию», в 201/200 гг. (Liv., XXXI, 4; ср.: XLIX, 5). В I в. это стало обычной практикой. Веллей Патеркул не случайно подчеркивал тот факт, что после шестого консульства Мария (100 г.) «трудно припомнить основание какой-либо колонии, ...если не военной – *Neque facile memoriae mandauerim quae, nisi militaris, post hoc tempus deducta sit*» (Vell., I, 15, 5, 57)[6 – Веллей Патеркул в данном случае неточен: широкая гражданская колонизация была предпринята в 59 г. в соответствии с *lex Iulia agraria*, на который он сам ссылался (Vell., II, 44, 4; ср.: Suet. Iul., 20, 3; App. B.C., II, 10).].

Практика выведения военных поселений изменила характер колонизации. Новые колонисты получали, как правило, небольшие наделы земли, но полностью сохраняли права римского гражданства: #с_42. Таким образом, с одной стороны, они оставались самым тесным образом связанными с Римом, сохраняли экономические и политические привилегии римского гражданина, в том числе и возможность участвовать в разделе *ager publicus*; с другой – являлись проводниками римских интересов в Италии и были противопоставлены жителям союзных общин.

Новый характер римской колонизации особенно ярко проявился в реформаторской деятельности братьев Тиберия и Гая Гракхов (133–121 гг.), которые считали главной задачей, стоявшей перед римской государственной властью, восстановление римского гражданства, ослабленного многолетними войнами и их последствиями (App. B. C., I, II). Реставрационная программа Гракхов имела множество аспектов экономического и социально-политического плана. Исходным моментом и основным содержанием гракханской реставрации был *lex agraria* – аграрный закон Тиберия Гракха. По этому закону предполагалось

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
восстановление земельного максимума, введенного еще законом Лициния-Секстия в 367 г. и забытого в результате расширения *ager publicus* в процессе колонизации Италии (Liv. Per., 58; Plut. Tib. Gr., 9; App. B. C., I, 910). Предполагалось далее за особое вознаграждение изъятие земельных излишков у крупных посессоров на *ager publicus*, перераспределение изъятых земель небольшими участками среди неимущих и малоимущих римских граждан и организация из их числа новых поселений. Позднее аграрный закон Тиберия был дополнен его братом Гаем Гракхом, предложившим организовать поселения не только в Италии, но и в провинции (Cic. In Cat., IV, 4; Liv. Per., 60; Plut. G. Gr., 56; Vell., II, 6, 3; App. B. C., I, 23). Италикам в качестве компенсации за потерянные земли Гай Гракх предложил предоставить права римского гражданства (Vell., II, 6, 2).

Деятельность Гракхов вызвала сильнейшее социально-политическое движение в Риме: #с_43. В результате римское общество утратило гражданское единство и расколосось на несколько противостоявших друг другу группировок: сторонников радикальных реформ во главе с Гракхами, умеренных реформаторов во главе со Сципионом Эмилианом и консерваторов во главе с сенатским большинством: #с_44. Не случайно, древние авторы даже те, которые признавали целесообразность и определенное благородство цели, поставленной Гракхами, считали, что аграрный закон 133 г. и последовавшие мероприятия были пагубными для Римской республики, расшатали всеобщий порядок и вовлекли государство в опасное и двусмысленное положение (Cic. De rep., I, 19, 31; De leg., III, 19, 19; Liv. Per., 60; Vell., II, 2, 3).

Современные исследователи по-разному подходят к оценке социальной направленности гракханского движения. Одни считают, что реформы Гракхов имели общедемократический характер и отвечали интересам римского крестьянства или всадничества: #с_45. Другие полагают, что Гракхи действовали в интересах сенатской «военной» группировки, заинтересованной в усилении экономической и военно-политической мощи Римской республики: #с_46. Оценки политических итогов деятельности Гракхов более однородны. Исследователи, определяющие общие тенденции развития Римской республики порой с противоположных политических позиций, в данном случае практически сходятся во мнениях. Так, Т. Моммзен считал, что деятельность Гракхов, и особенно Гая Гракха, была направлена не на усиление римской демократии и республиканизма, а на утверждение единоличной власти в варианте «наполеоновской абсолютной монархии»: #с_47. Г. Блох и Ж. Каркопино определяли трибунат Гракхов как «начало цезаризма»: #с_48. Кроме того, со времени Т. Моммзена общим местом в исследовательской литературе стал тезис о революционном характере гракханских реформ, если не по существу, то по методам: #с_49. Нам представляется, что определение деятельности Гракхов как «гракханской революции» может иметь место лишь как метафора. Данные источников не позволяют говорить о сознательных монархических устремлениях Гракхов. И по целям, и по характеру это было широкое реформационное движение – попытка воссоздать традиционные полисные отношения в условиях разросшейся до пределов территориального государства Римской республики: #с_50. Другое дело, что в подобных условиях реформа, направленная на восстановление полисных структур, имела утопический характер, объективно углубляла социально-политический кризис римской *civitas* и способствовала неизбежной замене ее территориальным государством с сильной централизованной формой власти.

Расширение римской колонизации привело к постепенному изменению отношений между Римом и связанными с ним договорными отношениями италийскими общинами: #с_51. Постоянное увеличение *ager publicus* влекло за собой соответствующее сокращение земельных владений италийцев и ограничение их экономических возможностей (Liv., XXXVI, 39, 3; XXXVIII, 28, 1; XLV, 13, 10). Т. Моммзен, безусловно, был неправ, когда в соответствии со своей общеметодологической оценкой римского «империализма как оборонительного» и на основе общих рассуждений о допуске италийцев вместе с римским гражданством к эксплуатации провинций заключал, что в материальном отношении население Италии не особенно пострадало от римской колонизации: #с_52. Италики испытывали экономическую дискриминацию и со стороны римской официальной власти, и со стороны римских откупщиков: #с_53.

Социально-политические возможности италийских союзников также были ограничены. Несмотря на то что уже к началу II в. италики составляли 2/3 римского войска и обеспечивали, по существу, все римские победы, они получали меньшее содержание во время похода и вдвое меньшую долю при распределении военной добычи – после, при раздаче земель наделялись

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org меньшими участками, не имели права апеллировать по поводу решений военных судов и т. п. (Liv., XXXII, 1,5; XXXVI, 53,2; XXXVII, 57, 7; XL, 34, 4; XLI, 13, 8; XLII, 4,35; XLIII, 9, 23; Vell., II, 15, 2). Это касалось даже союзников латинского права (Plut. G. Gr., 9). Господство Рима над италийскими общинами проявлялось в религиозной (Liv., XXXII, 1, 8-9; XXXVII, 3, 4; XLII, 3, 3) и морально-этической сферах – союзные города Италии рассматривались римлянами как места изгнания (Liv., XXVI, 3, 10), они должны были содержать под стражей пленников, а при появлении римских магистратов принимать и содержать их за счет союзной казны (Liv., XLII, 1, 1; XLIII, 2, 10; XLV, 42, 4; 43, 9).

К середине II в. обозначилась унифицирующая тенденция в отношении Рима к италийским союзным общинам: #с_54: все они стали рассматриваться как зависимые от римского государства. Даже наиболее привилегированные из них – общины с латинским правом и римские приморские колонии – стали испытывать римский диктат (Liv., XXVI, 3,5-6). Важным показателем этого процесса является принятие закона Гая Клавдия 177 г., запрещавшего латинам переход в римское гражданство путем переселения в Рим или через фиктивное рабство и дальнейшее волеотпущенничество (Liv., XLI, 9, 9-12). В 95 г. этот закон был дополнен «политически безумным», по определению Т. Моммзена: #с_55, законом Лициния–Муция, запрещавшим под страхом наказаний присваивать гражданские права негражданам.

Более жестокой и откровенной была политика давления и подчинения Риму в провинциях. По мнению самих римлян, провинциальные общины и государства были свободны лишь благодаря доброй воле римского народа и находились в легальной зависимости от сильного покровителя. Отношения Римской республики и провинций не фиксировались письменно. Они опирались на правосознание римлян, держались на силе римского оружия и имели моральный характер: #с_56. При этом накладывались обязательства как на покровителя, так и на покровительствуемого: первый должен был быть милостивым, снисходительным, оказывать протекцию; второй – верным Риму. Однако при том, что эти отношения не были заключены в легитимные рамки, Рим (главным образом, представители римской власти) имел абсолютную возможность решать судьбу провинциального населения произвольно, оставляя за собой право карать и милловать (Polyb., XX, 9, 1-10; Liv., XXXVI, 27, 1; 28, 45; Per., 54). Подобное положение, с одной стороны, развивало антиримские настроения в провинциях; с другой – требовало от римлян концентрации сил и средств и вело к социальному напряжению в самой римской общине.

В начале II в. прокатилась волна провинциальных антиримских выступлений: в Цизальпийской Галлии (Liv., XXXI, 10, 1-7), в Испании (Liv., XXXIV, 1121). В середине II в. (154-133 гг.) мощное движение развернулось в Испании: сначала в Лузитании под руководством Вириата (Liv. Per., 52; Vell., II, 1, 3; App. Hisp., 61), позднее под Нуманцией: #с_57. Почти одновременно (151-141 гг.) развивалось антиримское восстание в Македонии; сначала под руководством самозванца Андриска, человека, по словам Ливия, «темного происхождения», объявившего себя сыном македонского царя Персея – Филиппом (Liv. Per., 49; 50); спустя несколько лет здесь объявился новый самозванец (Liv. Per., 53).

Антиримские выступления приобретали порой выраженный социальный характер. Таким было, например, восстание Аристоника в Азии (133-129 гг.): #с_58. В оценке этого события мы придерживаемся комплексного подхода, предложенного О. Ю. Климовым и состоящего в том, что восстание Аристоника началось как борьба за Пергамский престол, но в условиях римского вмешательства вылилось в антиримское движение, в котором не могли не проявиться социальные мотивы: #с_59. Судя по характеру восстания и идеологии восставших, события 133-129 гг., безусловно, были отражением провинциальной оппозиции римской системе наместничества.

Замечательной иллюстрацией тезиса о влиянии внешнеполитических событий на внутреннее состояние Римской республики является рассказ Ливия о ситуации рубежа III-II вв., связанной с легатом Сципиона Африканского Квинтом Племинием[7 – У Ливия Племиний один раз назван пропретором (XXIX, 6, 9); в остальных случаях – легатом Сципиона. Т. Броутон в своем своде «Магистраты Римской республики» называет его легатом с преторскими полномочиями – *legatus pro praetore*. См.: Broughton T. R. S. *The magistrates of the Roman republic*. Vol. 1. N. Y., 1951. P. 157.]. Суть ее состоит в следующем. В 205 г. Квинт Племиний был оставлен во главе римского гарнизона в Локрах для контроля над городом. Преступностью и корыстолюбием римляне, по

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org свидетельству локрийцев, превзошли даже господствовавших здесь прежде карфагенян (Liv., XXIX, 8, 511; 9, 112; 16, 47; 1722). Это вызвало смуту в Локрах, возмущение в римской армии и недовольство в самом Риме. Главная опасность для римского государства, по мнению Ливия, состояла в том, что, когда решался вопрос, римляне или карфагеняне будут владыками мира, из-за бедствий, которые локрийцы терпели от римского гарнизона, предпочтение могло быть отдано карфагенянам (Liv., XXIX, 17, 6–7). Эта мысль была передана Ливием как составная часть обращения локрийских послов к римскому сенату. Можно сомневаться в историчности приведенной античным автором речи, однако в самой авторской оценке событий, на наш взгляд, главное схвачено верно и выражено так ясно, что исключает необходимость подробных разъяснений. Добавим лишь, что не случайно Племиний в конце концов (194 г.) был обвинен в «тяжком преступлении» против отечества и осужден (Liv., XXIX, 21, 112; 22, 710; XXXIV, 44, 68; ср.: Diod., XXVII, 4, 78).

Показателем постепенно нараставшей социально-политической нестабильности можно считать события 186 г., связанные с процессом о вакханалиях (Cic. De leg., II, 15; Liv., XXXIX, 8–20; Val. Max., I, 3; VI, 3): #с_60. Большинство исследователей рассматривает это событие с религиозно-нравственной или религиозно-культурной точки зрения: #с_61. Не отрицая подобного характера вакханалий, мы тем не менее подчеркнем, что современники событий главным образом «опасались за судьбу государства» (Liv., XXXIX, 14, 4) и видели в них угрозу для государственной стабильности, поскольку «множество посвященных составляет как бы второй народ – multitudinem ingentem, alterum iam prope populum esse» (Liv., XXXIX, 13, 14), что, видимо, расценивалось как возможность утраты гражданского единства.

Не менее важными показателями социальной нестабильности представляются нам известия о мятежах в римских армиях, расположенных в провинциях. В 198 г. вспыхнуло угрожающее по размаху возмущение воинов в Македонии (Liv., XXXII, 3, 1–3). Это был не единственный случай – угроза солдатских бунтов повторялась достаточно часто (Liv., XL, 35, 7; XLIII, 9, 2).

Очевидно, остро ощущавшееся в самом Риме в связи со всеми обозначенными событиями состояние напряженности, усугублявшееся агрессивными настроениями римского общества, позволило историку Полибию предсказать в 146 г. возможность наступления в скором времени катастрофы римского государства (Polyb., XXXIX, 4). Ее приближение обозначили также первое восстание рабов на Сицилии (136–132 гг.) и особенно – трибуна́т Гракхов (134–121 гг.).

Восстание сицилийских рабов и борьба вокруг реформ братьев Гракхов отчетливо продемонстрировали не только наличие в римском обществе и государстве сложного социально-политического конфликта, но и его гетерогенную природу. Можно принять устоявшееся в исследовательской литературе мнение о том, что I Сицилийское восстание рабов было проявлением социального антагонизма: #с_62. Реформы Гракхов и движение, ими вызванное, имели иную природу. Это была политическая (в основном) реформация: исходя из принципа римского гражданства, Гракхи пытались интегрировать территорию и население, оказавшееся под римским империем, и на этой основе решить накопившиеся в обществе и государстве проблемы: #с_63. Это была имперская, по существу, попытка, нарушившая важнейшие основы полисной организации и еще более обострившая социально-политическую ситуацию в Риме: аграрное законодательство Гракхов активизировало территориальную мобильность римлян и в конечном итоге сделало дезорганизацию главным фактором римской социально-политической жизни на протяжении последующего республиканского периода вплоть до утверждения империи.

К началу I в. общие результаты римской территориальной экспансии были неоднозначны. С одной стороны, мы наблюдаем безусловное увеличение природных и людских ресурсов; с другой – перемещение центра хозяйственной деятельности в Италию и провинции; спекулятивный характер собственности и ее перераспределения; отсутствие структурированной системы городов; утверждение принципа экстенсивного развития, ставшего парадигмой римского менталитета; оформление психологии беззаботности и нерасчетливости в обращении с собственностью; разлагающее влияние греческих колоний и восточной роскоши. Расширение территории, объединенной *imperium Romanum*, со временем оказало травматическое влияние на социально-политические процессы в Римской республике.

Важнейшим последствием расширения зависимой от Рима территории и изменения

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org принципов колонизации стала социальной мобильность римско-италийского населения. Особенно большое значение в развитии этого процесса сыграла Союзническая война (91–88 гг. – Liv. Per., 72–80; Vell., II, 15–17), открывшая новый этап трансформации Римской республики в империю: #с_64. Формально основным ее пунктом был вопрос о предоставлении союзникам прав римского гражданства, на деле – о характере и способах интеграции народов Италии в римскую социальную систему.

Изменение характера колонизации, усиление давления римлян на италийских союзников и унификация их положения по отношению к Риму способствовали чрезвычайному повышению значимости римского гражданского статуса среди италиков. В этом смысле немаловажное значение имела и активизация роли союзников в экономической и социально-политической жизни Римской республики. Многие италийские города (Путеолы – Liv., XXIV, 7; Анкона и Аквилея – Liv., XLI, 1; Strabo, V, 1, 8; Неаполь, Тарент, Брундизий) развились в крупные торговые центры. Италийских дельцов можно было встретить в Галлии, Испании, Фракии, Греции, Азии, Северной Африке (Liv., XXXVIII, 44, 4; Diod., V, 26; 34, 2; 36, 3–4; Strabo, IV, 6, 7). Сравнительный анализ данных источников позволил исследователям говорить о том, что по большей части это были не римляне, а именно представители италийских общин: #с_65. Жившие в римских провинциях италики становились для римской администрации важной и надежной опорой. Известно, например, что в Дельфах жил гражданин Брундизия Раммий, который принимал у себя римских полководцев, послов, знаменитых людей и, как следует из сообщения Ливия, являлся своего рода осведомителем Рима (Liv., XLII, 17).

Определенную роль в повышении римского гражданского статуса среди италиков играла социальная политика самого Рима: распродажи дешевого хлеба, раздача земель и военной добычи привлекали в Рим огромное количество иммигрантов из союзнических общин. Статус римского гражданина во второй половине II в. стал объектом самых активных притязаний со стороны союзников. Эта проблема неоднократно возникала в отношениях Римской республики и италиков. Она имела самые разные проявления: массовые переселения из союзнических общин в общины с римским правом (Liv., XXXIV, 42, 5–6) и непосредственно в Рим (Liv., XXXIX, 3, 4; XLI, 8, 7), переход в фиктивное рабство с последующим отпуском на свободу, а соответственно и получением на правах вольноотпущенника римского гражданства (Liv., XLI, 8, 9–10; 9, 9–12); жалобы на произвол римских граждан и римской администрации в сенат (Liv., XXVI, 3, 5–6; XLV, 13, 10); моральное осуждение римского произвола (Liv., XVII, 1; 7–8; 10; XLIV, 16, 7); открытое сопротивление [8 – Мы вслед за И. Л. Маяк склонны видеть подобные проявления в таких фактах, как расследование дел о вакханалиях 186 г. и об отравлениях 180 г. (Cic. De Leg., II, 15; Liv., XXXIX, 8–19; XL, 37, 46; Val. Max., I, 3; VI, 3). Хотя в источниках нет прямых указаний на связь этих событий с проявлением недовольства италиков, широкий размах движений – 3000 «отравителей» и 7000 участников вакханалий – позволяет предположить, что италики могли примкнуть к ним и таким образом выразить свое недовольство. См.: Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и италиков... С. 133–134, 137.].

Впервые как государственно-политическая программа вопрос о предоставлении прав римского гражданства союзникам был заявлен Тиберием и Гаем Гракхами, позднее (91 г.) народным трибуном Ливием Друзом (Liv. Per., 71; Vell., II, 14, 1). Однако решающее значение в этом сыграла Союзническая война, по итогам которой италийскому населению были предоставлены гражданские права. Для Римской республики это было неизбежным условием выживания.

В данном случае, на наш взгляд, значение имели не только социально-политические причины, но и демографические [9 – Мы благодарим А. Б. Егорова за ценные замечания, сделанные в устной беседе по поводу демографических проблем середины II – середины I в., которые частично учтены в данном сюжете.]. В 131 г. количество граждан в Риме достигло 317 823 человек (CIL, I, Fast, cons, a Varr., 131; Liv. Per., 59), что означало известный (до 20 000) спад по сравнению с серединой II в. и указывало на серьезность развивавшегося в Римской республике кризиса. В 125 г. после реформы Гракхов число римских граждан вновь возросло до 390 736 (CIL, I, Fast, cons, a Varr., 125; Liv. Per., 60). Прирост гражданского населения составил примерно 70 000. Исследователи ссылаются порой на то, что эта цифра связана с осуществлением аграрных законов братьев Гракхов: #с_66. Однако, по мнению Я. Ю. Заборовского, в соответствии с гракханским законодательством число римских граждан могло увеличиться не более чем на 17 000.: #с_67 Так или иначе независимо от экономической стороны реформа

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Грахов приостановила демографический спад. Вместе с тем, если бы планы Гая Гракха были полностью реализованы, мы имеем в виду принятие *lex de sociis*, развивавшийся общий социально-политический кризис республики мог бы принять более мягкие формы. Следующий известный ценз (115 г.) дает 394 336 человек (*Liv. Per.*, 63), а 86 г. – 463 000 человек. Эти цифры говорят о некоторой демографической стабилизации: за 30 лет количество римских граждан увеличилось почти на 70 000.

Количество италиков можно восстановить на основании данных Полибия об осуществленной в Италии накануне нашествия галлов переписи (*Polyb.*, II, 24), в соответствии с которой римляне и италики могли совместно выставить для защиты 770 000 человек. Оценка общих военных ресурсов Полибия совпадает с данными Диодора (770 000 – *Diod.*, XXV, 13), а оценка ресурсов собственно Рима (273 000) соответствует данным ближайшего, приведенного Ливием, ценза (270 213 – *Liv. Per.*, 20). Если учесть замечание Полибия о том, что 85 000 составляли латины, количество италийского населения к римскому гражданству можно определить примерным соотношением 2/1.

Таким образом, увеличение числа римских граждан в 131–86 гг. на 140 000 предполагает соответствующий рост числа италиков примерно на 280 000; соответственно этим цифрам общее число римского и италийского мужского населения цензового возраста – более миллиона человек.

Вместе с тем на 111–81 гг. приходятся огромные людские потери. Ливий сообщал о гибели 120 000 римлян в битве с кимврами при Араузионе (*Liv. Per.*, 67). Цифра, может быть, преувеличена, но, учитывая другие поражения (Карбона при Норее в 113 г., Силана в 109 г., Г. Кассия Лонгина и Л. Кальпурния Пи-зона в 107 г. – *Caes. B. C.*, I, 12; *Liv. Per.*, 65), неизбежные потери в победоносных сражениях при Аквах Секстиевых и Верцеллах (*Liv. Per.*, 68), а также в Югуртинской войне, уровень гражданского населения был отброшен примерно к догракханскому. Имея в виду эти потери, еще раз обратим внимание на то, что деятельность Грахов, направленная на увеличение количества римских граждан, спасла Рима, который мог не вынести этот и последующие кризисы.

В Союзнической войне, по оценкам Веллея Патеркула, потери с обеих сторон составили 300 000 (*Vell.*, II, 15, 3) и обессилили римлян (*Vell.*, II, 17, 1). Число римских граждан сократилось до 200–250 000. Цензовый список 86 г. включал 463 000 человек, следовательно, около половины из них были бывшие союзники. В 84 г. они были включены во все 35 триб (*Liv. Per.*, 84; *App. B. C.*, I, 77). Часть союзников – самниты, луканы, япиги, мессапии, марсы, пелигны и др., активно участвовавшие в Союзнической войне против Рима, римское гражданство не получили.

В ходе гражданской войны 83–82 гг. были опустошены Лациум, Самний, Этрурия, Кампания и некоторые другие районы и города. Значительная часть союзников, не получивших права римского гражданства по итогам Союзнической войны, была физически уничтожена. В 81–70 гг. гражданство фактически не расширялось: Рим вел тяжелейшие войны (Серторианскую, Митридатovu, во Фракии и против Спартака). Военное напряжение достигло 29–45 легионов. По переписи 69 г. число римских граждан составило 450 000 (*Liv. Per.*, 98). В этих условиях дальнейшее распространение гражданских прав на Италию стало возможным и неизбежным.

Итоги Союзнической войны трудно переоценить. Безусловно, было укреплено численно римское гражданство и изменилась его административно-государственная организация. Это имело позитивные и негативные последствия. Римская *civitas* получила дополнительные материальные и людские ресурсы и новый импульс для развития. Но именно это привело к дальнейшему ослаблению полисных основ и в конечном итоге к обострению кризисной ситуации. Возникла проблема реальной интеграции Италии в римскую государственную систему и общегосударственные интересы: #с_68. По сведениям Веллея Патеркула, италики, получившие римское гражданство, приписывались лишь к 8 сельским трибам (*Vell.*, II, 20, 2). По версии Аппиана, они были распределены в 10 новых триб (*App. B. C.*, I, 53). Несмотря на расхождение в цифрах, античные историки сходились в оценке сути явления. Они подчеркивали, что сделано это было с той целью, чтобы «новые граждане» не смешались со старыми, не получили численного преимущества в комициях и таким образом не умалили влияния последних. Непоследовательность решения проблемы «новых граждан» осложняла процесс территориальной и социальной интеграции и составляла основу нового социального кризиса: неизбежно должны

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org были обостриться аграрная проблема и проблема снабжения хлебом малоимущих римских граждан; право гражданства перестало давать преимущества, общинные отношения постепенно и болезненно начали заменяться общественными.

Союзническая война деформировала социальную структуру римской *civitas* и вместе с тем обострила внутривластный кризис республики: к традиционным проблемам в отношениях между господствовавшими сословными группировками добавилась проблема участия во власти и общинной собственности новых людей из представителей италийской аристократии.

Проблема социальной организации римского общества была и остается до настоящего времени чрезвычайно дискуссионной. Оценки исследователей этого вопроса определяются их общими методологическими установками. Большинство западноевропейских и в последнее время отечественных антиковедов склонно считать римское общество сословным, т. е. разделенным на социальные группы с законодательно закрепленными наследственными правами и обязанностями: #с_69. Иногда понятие сословия заменяется понятием гражданского статуса, предполагающего прежде всего отношение человека к земельной собственности, государству и семье: #с_70. Некоторые исследователи склонны рассматривать римскую социальную организацию как систему страт, объединенных по принципу отношения к власти: #с_71. В соответствии с основными принципами социально-политической теории марксизма историки, опирающиеся на марксистскую методологию, представляют римское общество разделенным на классы по признаку их отношения к собственности, месту в производстве, степени участия каждого в производительном труде и распределении общественного богатства. Наиболее полно марксистская концепция классовой структуры римского рабовладельческого общества была разработана в отечественной историографии советского периода: #с_72. Ортодоксальный классовый подход в значительной степени смягчили исследования С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман и В. И. Кузицина, которые помимо основных классов (рабовладельцев и рабов) выделили классы неосновные и определили их особую роль в многоукладных и переживавших процессы становления или кризиса обществах. Кроме того, каждый класс стал рассматриваться как сложный социальный организм, единство различных социальных групп и слоев: #с_73.

Наше мнение по столь спорному вопросу опирается на исходный тезис о том, что римская государственная система складывалась главным образом из потребностей общины в территориальной организации населения и территориальном управлении. При этом неизбежно важную роль приобретал фактор возникновения внутриобщинных различий, которые оформлялись не по экономическому признаку, а по социальным функциям, по объему прав и обязанностей. В процессе развития общины эти различия закреплялись, что способствовало оформлению сословий, т. е. таких социальных групп, которые обладали легитимно зафиксированными и передававшимися по наследству правами и обязанностями, привилегиями и ограничениями; имели корпоративный характер и находились в иерархическом отношении к другим подобным группам, отличались специфическим менталитетом и особыми внешними признаками групповой принадлежности. Таким образом, мы считаем возможным говорить о сословном характере римского общества.

Положение человека в сословном обществе определяется его принадлежностью к гражданскому коллективу, набором гражданских прав и обязанностей или их отсутствием. Действие такого принципа придает сословным связям устойчивость, а порой и жесткость. В основе римской республиканской сословной организации лежал именно этот принцип. Однако в Риме он действовал в уникальных условиях: 1) римская «конституция» опиралась на обычное право и состояла из актов текущего законодательства, 2) сословная принадлежность не наследовалась, 3) основой для фиксации гражданского состояния являлся имущественный ценз. В подобных обстоятельствах сословная организация не могла быть замкнутой и допускала некоторую социальную мобильность. Подтверждение этого тезиса мы находим у Цицерона, по мнению которого основной принцип гражданства состоял в следующем: поскольку нет возможности уравнивать имущество и способности людей не могут быть одинаковы, то в этом случае права граждан одного и того же государства должны быть одинаковы – *Nee vero habere virtutem satis est quasi artem aliquam, nisi utare; etsi ars quidem, cum ea non utare, scientia tamen ipsa teneri potest, virtus in usu sui tota posita est*» (Cic. De rep., I, 2, 1–4).

Вследствие отмеченных нами особенностей изменение экономической и политической ситуации вызывало не формирование новых сословий, а приспособление прежних к новым условиям, в конечном итоге – возникновение

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
различных переходных статусов и общественных состояний.

Социальная структура римской *civitas* в основном сложилась к середине III в.: #с_74 Гражданство Рима составили три основных сословия: сенаторы – *ordo senatorius*, всадничество – *ordo equestris* и плебс – *plebs*. Однако уже в период оформления сословной парадигмы эти сословия не представляли единого целого, но в соответствии с общественным положением и влиятельностью (иными словами, в соответствии со статусом) подразделялись на категории. При этом имели значение несколько аспектов: собственность, власть, морально-психологический авторитет. Таким образом, постепенно внутри римских сословий образовались социальные (статусные) группы – римский нобилитет: #с_75, люмпен-пролетариат, вольноотпущенники и др., права и обязанности которых определялись не столько законной нормой, сколько реальным положением. Оформление статусных групп указывает на неоднородность и аморфность римской сословной организации.

Ведущую роль в экономической и политической жизни Римской республики играло сенаторское сословие – *ordo senatorius*. По данным античной традиции (*Liv. Per.*, 60), до I в. его численность колебалась в пределах 300 человек: #с_76.

Сенаторское сословие не было замкнутым: #с_77. Оно постоянно пополнялось представителями всадничества, администрации италийских общин с латинским правом и даже плебса. Подобная социальная «диффузия» была порождена отчасти тем обстоятельством, что сословная принадлежность была связана с имущественным цензом, отчасти – политической традицией: низшая магистратура – эдилитет – не окупала огромных расходов, которые налагались на ее соискателей. Не случайно Луцилий в своих сатирах называл эдилов «получившими должность посредством богатства – *per saturam aedilem factum*» [10 – Автор перевода сатир Луцилия на русский язык Е. Рабинович употребляет такое определение – «сытноизбранный эдил». См.: Римская сатира: Пер. с лат. / Сост. и научн. подгот. текста М. Гаспарова. М., 1989. С. 348.] (*Lucil. Sat.*, I, 48). Политическую карьеру мог начать лишь в достаточной степени материально обеспеченный римский гражданин, способный выполнить обязанности эдила. Закреплением подобной практики стал закон Овиния, принятый между 318 и 312 гг. Текст этого закона сохранился у Феста: «законом Овиния установлено, что цензоры должны набирать в сенат по общему порядку лучших из тех, кто отслужил курульную должность – *lege Ovinia sanctum est, ut censores ex omni ordine optimum quemque (curulem) in senatum legerent*», т. е. должность консула, претора, курульного эдила (*Fest.*, Р. 246): #с_78. Примечательно, что приблизительно в это же время (304 г.) курульным эдилом, по сведениям Ливия, был избран писец Гней Флавий, сын вольноотпущенника (*Liv.*, IX, 46; *Per.*, 9).

Просопографические данные не позволяют говорить о количественных показателях. Но известно, что еще в IV–III вв. сенаторское сословие дополнили представители плебейских родов Лициниев, Ливиев, Генуциев, Марциев, Клавдиев, Марцеллов, Юниев, Попилиев, Элиев. Характерно также появление в числе римской сенаторской знати представителей общин с латинским правом: Плавтиев, Фульвиев, Атилиев. В середине III в. в сенат вошли плебейские роды Семпрониев (Блезы, Гракхи, Лонги, Софы и Тудитаны) и Цецилиев Метеллов. Хотя последние начали играть ведущую роль в среде сенатской аристократии лишь во II в., в фастах они упоминаются уже во время 1-й Пунической войны: #с_79.

Действие механизмов, заложенных в социально-политической системе Римской республики, усилилось в процессе расширявшейся римской агрессии. Колоссальный приток рабов, денег и других материальных богатств в виде военной добычи способствовал концентрации собственности, причем не обязательно в руках представителей сенаторского сословия. Для тех, кто страстно желал, курульный эдилитет и, следовательно, дальнейшее продвижение по политической лестнице становились сравнительно легко осуществимыми.

В начале II в. пополнение сената осуществлялось не только за счет курульных магистратов. По подсчетам Г. Блоха и Ж. Каркопино, в 196 г. в сенат вошли 20 некурульных магистратов: 8 квесторов, 10 плебейских трибунов, 2 плебейских эдила: #с_80. В источниках, относящихся к этому времени, все чаще фигурируют новые люди – *homines novi*, оказавшиеся в сенате (Рупилии, Помпеи, Марии, Муммии и др. – *Cic. In Verr.*, II, 5, 18; *Liv. Per.*, 54; *Vell.*, II, 1, 4; 11, 1; 13, 2). Ф. Уолбэнк приводит данные о том, что за 131 год (с 264 по 134 г.) среди умевших избранных 262 консулов 16 – новые:

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org #с_81. Он считает это показателем постепенного замыкания сенаторского сословия. На наш взгляд, приведенные цифры, напротив, указывают на «размывание» сословия сенаторов. В наших рассуждениях мы опираемся на данные консульских фаст, в соответствии с которыми в числе консулов, избранных в течение следующих 38 лет (со 146 по 108 г.), 8 были представителями новых родов, не выполнявших прежде консулата: #с_82. Сравнение использованных нами показателей позволяет говорить о том, что тенденция проникновения в сенат новых людей имела восходящий характер.

О постепенной дифференциации сенаторского сословия говорит и серия законов, направленных на ограничение концентрации собственности и против роскоши. Показательно в этом отношении принятие в 218 г. народным собранием и при поддержке оппозиционно настроенного к сенату консула Гая Фламиния закона Клавдия. Содержание этого закона сохранилось у Ливия: *ne quis senator cuius senator pater fuisset maritimam nauem, quae plus quam trecen-tarum amphorarum esset, haberet. id satis habitum ad fructus ex agris uectandos; quaestus omnis patribus indecorus uisus. res per summam contentionem acta inuidiam apud nobilitatem suasori legis Flamini, fauorem apud plebem alterumque inde consulatum peperit* (Liv., XXI, 63, 3–4). Хотя предложение Клавдия и мотивировалось этическими соображениями – для сенаторов торговля признавалась позорным занятием, – главное его содержание сводилось к ограничению торговой активности сенатской знати. Совершенно не случайно Ливий сообщал, что поддержка закона Клавдия принесла Фламинию ненависть знати, но зато любовь народа и вторичное консульство (Liv., XXI, 63, 4; ср.: Plut. Marc., 4).

Закон Клавдия и обстоятельства его принятия указывают на неоднородность сенаторского сословия, появление внутри него конфликтных групп и постепенное расхождение социально-политических интересов.

Огромное значение в «размывании» сенаторского сословия имели результаты Союзнической войны и распространение прав римского гражданства на всех италиков: доступ к магистратурам, а следовательно, и в сенат, получили жители римских муниципиев: #с_83.

В результате со временем одни роды отошли от власти, другие раздробились на отдельные семьи и утратили родовые связи, третьи, напротив, сосредоточили власть в своих руках. Так, исчезли из консульских фаст знатнейшие патрицианские роды: Вергинии, Горации, Навтии и др. Несколько пошатнулось положение таких наследственных патрицианских семей, как Эмилии, Клавдии, Валерии, Фабии, Сервилии. Все эти роды принадлежали к древнейшему римскому патрициату, вели свои генеалогии от царского времени и занимали консульские должности с начала Республики [11 – Эмилии исполняли 10 консульств в VI–V вв., 10 – в III в., 9 (или, если считать детей Эмилия Павла, 12) – во II в. На долю Клавдиев приходится 5 консульств в VI–V вв., 6 – в III в., 5 – во II в. Фабии занимали в VI–V вв. 13 консульств, в IV в. – 7, в III в. – 13, во II в. – 5. Валерии получали консульства 24 раза в VI–V вв., 10 – в III в., 5 – во II в.]. Кроме того, в V–IV вв. представители этих родов регулярно избирались диктаторами, начальниками конницы, военными трибунами с консулярной властью. Их представители были среди децемвиров [12 – к этой патрицианской элите можно отнести еще несколько родов, занимавших сходное положение в римской иерархии: Постумии, Сульпиции, Юлии, Квинкции, Манлии, Фурии, Папирии. Кроме того, в IV–III вв. в составе консулярной знати оказались представители плебейской элиты: Лицинии, Генуции, Марции, Попилии, Публилии, Юнии, Ливии, Деции, Фульвии, Домиции, Семпронии, Атилии, Цецилии, Клавдии Марцеллы, Порции, Аврелии, Секстин, Помпеи, Октавии, Папирии Карбоны, Муции, Элии, Платии.].

Однако со второй половины II в. (но главным образом в I в.) некоторые из указанных родов и их ветвей частично утратили свои позиции в консулярной элите, связанной с командованием армией и управлением провинциями. В I в. Эмилии занимали всего 4 консульства, патрицианский род Клавдиев – 3, Валерии – 4, Фабии – 1. Заметим, однако, что это не означало их полного вытеснения из числа патрицианской элиты. Представители этих родов по-прежнему считались древним патрициатом, а некоторые из них позднее оказались в родстве с династией Юлиев-Клавдиев (Эмилии Лепиды, Клавдии, Корнелии Суллы). Вплоть до Флавиев Рим с удивительной последовательностью сохранял древнюю аристократию, в том числе через браки и усыновления.

Наряду с частичной утратой старой сенатской знати ее политических позиций укреплялось положение *homines novi* в сенате: #с_84. Преодолевая вражду и

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org сопротивление влиятельных сенаторов, новые люди добивались даже консулата, о чем свидетельствуют чрезвычайно выразительные факты. Марк Порций Катон трудом и личными достоинствами добился консульской, а затем и цензорской должностей. Марк Туллий Цицерон называл его «человеком неизвестным и новым» для III в., но «...образцом трудолюбия и достоинства – *homini ignoto et novo, ...quasi exemplari ad industriam virtutemque*» (Cic. De rep., I, 1, 7–И). Особый пример являл сам Цицерон, ставший даже принцем сената.

В I в. в числе senatorской знати появились даже провинциалы: #с_85, например Бальб, из испанского города Гадес (Plin. N. N., VII, 136).

Таким образом, мы не можем согласиться с высказыванием Н. Н. Трухиной о том, что в социальном отношении сенат представлял однородную массу: #с_86. Безусловно, постепенно проникавшие в сенат и senatorское сословие новые люди адаптировались к традициям и социально-политическим нормам жизни старой знати. Однако в связи с происхождением, имущественными различиями и расхождением политических целей и интересов, наконец, в силу личных амбиций сенаторов и слишком явного карьеризма *homines novi* сенат постепенно утрачивал сословное единство. Уже для первой половины III в. очевидно выделение в senatorском сословии групп, различавшихся по имущественному положению и степени политического влияния: #с_87.

Античные авторы, например, совершенно определенно выделяли среди членов сената сенаторов *nobiles* – знатных и *ignobiles* – рядовых. При этом термину *nobiles* они придавали различные нюансы: Плавт употреблял его в смысле «известный» благодаря своему имени и личным заслугам; Цицерон и Гораций в смысле «славный, благородный, знатный» в связи с происхождением; а Ливии в смысле «популярный» порой в силу дурной славы. Таким образом, четкая аутентичная оценка *nobiles* – nobiliteta – в античной традиции отсутствует. В связи с этим обстоятельством и в исследовательской литературе нет единого критерия и единой оценки грани знатности – *nobilitas* – и, следовательно, определения nobilitарного статуса. Некоторые авторы склонны давать расширительное толкование понятия nobilitet – *nobiles* – как обозначение знати вообще и главным образом senatorской аристократии: #с_88. Другие предлагают более узкое толкование: как определение представителей senatorского сословия, занимавших курульную (Т. Моммзен) или даже исключительно консульскую должность (М. Гельцер): #с_89.

Многочисленные просопографические данные и показательные исторические факты позволяют выделить несколько составляющих *nobilitas*. Уже в III в. обозначилось влияние nobiliteta в политической сфере. Из числа 300 представителей сената nobили составляли 20 фамилий. Это были консульские семьи. Среди них типичной фигурой был, например, Фабий Максим Кунктатор – пятикратный консул, двукратный диктатор и двукратный цензор (Plut. Fab., 1, 1). Во II в. из 222 консульств 24 были у относившихся к nobilitету представителей рода Корнелиев, 15 – у Клавдиев, 10 – у Фульвиев, 9 – у Эмилиев и Постумиев, 8 – у Фабиев и Семпрониев: #с_90. Между 123 и 109 гг. шесть Метеллов были консулами и цензорами. Кроме того, по сведениям Веллея Патеркула, члены этого рода 12 раз получали триумфы (Vell., II, 11, 3). Несколько позднее Саллюстий скажет, что, передавая консулат из рук в руки, nobили превратили его в частное дело (Sail. Jug., 63, 6). В этом смысле дефиниция М. Гельцера кажется нам достаточно четкой: одной из составляющих *nobilitas* может выступать исполнение консульской должности.

Политическое превосходство nobiliteta базировалось на экономическом основании. Римская экспансия расширяла эту основу. Саллюстий подчеркивал, что в руках nobiliteta, сильного своей сплоченностью, «были сосредоточены казна, провинции, магистратуры, путь к славе и триумфы – *penes eosdem aerarium provinciae magistratus gloriae triumphique erant*» (Sail. Jug., 41, 7). Nobили были богатейшими людьми: Луция Лициния Лукулла современники называли «Ксерксом в тоге» (Plut. Luc., 39), представитель того же рода Лициние – Марк Крассе – был настолько богат, что на собственные средства мог содержать целое войско (Plut. Crass., 2; ср.: Plut. Rom., 22): #с_91. Прямым подтверждением экономического могущества nobилей был постепенный рост senatorского ценза: #с_92. Таким образом, богатство выступает еще одной составляющей *nobilitas*.

Однако сами по себе ни консулат, ни материальный достаток не означали автоматического включения в состав *nobiles*. Так, Марк Порций Катон Старший – консуляр и цензорий, имевший к тому же все основания претендовать на экономическое влияние, оставался вне nobiliteta: #с_93. Гай Марий –

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org шестикратный консул – неизменно сталкивался с пренебрежительным и даже враждебным отношением первых граждан (Plut. Mar., 20; 30; 32). Гней Помпей – четвертый консул в своем роду – так и не смог стать «своим человеком» среди старой сенатской аристократии. Напротив, Сервия Сульпиция Руфа, не исполнявшего должности консула и лишь имевшего очень далекого предка – консуляра, современники считали нобилем (Cic. Pro Murg., 15–16). Луций Корнелий Сулла еще до исполнения консулата пользовался поддержкой Метелла и других представителей нобилитета. В данном случае, на наш взгляд, играл роль династический факт – принадлежность к старинным сенаторским фамилиям. Именно эта составляющая nobilitas закрепляла экономическое и политическое влияние в руках нескольких фамилий.

Нобилитарные семейства и роды оказывали друг другу материальную и политическую поддержку, закрепляли общественное положение брачными союзами. Чрезвычайно показательным примером является негативное отношение римской аристократии к женитьбе Гнея Помпея на Корнелии – дочери нобилея Метелла Сципиона. Формально недовольство римлян объяснялось этической стороной этого брака – значительной разницей в возрасте. Но мы допускаем, что в данном случае играл роль и тот факт, что Помпей не являлся для нобилитета человеком его круга (Plut. Pomp., 55).

Высочайший престиж и моральный авторитет nobiles базировался на широкой клиентеле: #с_94. Римские нобили имели клиентов не только в Риме, но и в Италии, и в провинциях. Бывшие консуляры и претории, отслужив магистратуру, становились полководцами и наместниками римских провинций. Полновластие проконсулов и пропреторов в провинциях обеспечивало им прочные связи с представителями местной знати.

Таким образом, нобилитет был особой сословной группой, своего рода социально-политической элитой римского общества. Его положение определялось комплексом составляющих. Понятие nobilitas складывалось из принципов политического лидерства, экономической влиятельности, династического и морального престижа. Совершенно правы, на наш взгляд, те исследователи, которые считают нобилитет особой замкнутой корпорацией, обладавшей неписанным преимущественным правом на консулат, осуществлявшей господство в сенате и не допускавшей в свой круг новых людей: #с_95.

По крайней мере, в первой половине II в. к консулату были допущены лишь четверо homines novi: М. Порций Катон (195 г.), М. Ацилий Глабрион (191 г.), Гн. Октавий (165 г.) и Л. Муммий (146 г.). Близкий современник событий – Саллюстий – обратил внимание на то, что новые люди имели доступ в сенат, но их продвижение по политической лестнице ограничивалось претурой, т. к. они считались недостойными консульской должности (Sail. Jug., 63, 7).

Оформление нобилитета имело важнейшие социально-политические последствия для Римской республики. Во-первых, хотя магистратская власть была ограничена годичностью и коллегиальностью, nobiles, проводя из года в год на консульские должности своих ставленников, по существу концентрировали власть. Занимая ведущее положение в сенате и системе исполнительной власти, они могли манипулировать мнением римского гражданства. Все эти факторы способствовали персонификации власти и в конечном счете развитию монархических тенденций. Во-вторых, выделение нобилитета обозначило гетерогенный характер сенаторского сословия и по существу определило особенности политической борьбы в Риме в период поздней Республики. Противостояние Тиберия и Гая Семпрониев Гракхов и П. Корнелия Сципиона Эмилиана Младшего, Гая Мария и Л. Корнелия Суллы, Гн. Помпея и Г. Юлия Цезаря, сенатских группировок Фульвиев и Клавдиев демонстрирует развитие в сенате и римской civitas конфликта, не связанного с сословными интересами: #с_96. В-третьих, наличие у нобилитета широкой италийской и провинциальной клиентелы развивало тенденцию интеграции на территориально-державной основе.

Наряду с сенаторским к категории высших сословий относилось римское всадничество – ordo equestris. Выделение этого сословия обозначилось в середине III в., на что указывает несколько фактов: социальный статус перестал определяться службой в римской кавалерии, установился всаднический имущественный ценз, были определены и получили юридическое закрепление права, привилегии и сословные отличия. Экономическая обособленность всадничества актуализировалась с расширением римской агрессии и постепенным распространением римского империя сначала на Италию, затем на провинции. (Особенно заметным этот процесс стал после 2-й Пунической войны, что

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org прослеживается по сообщениям Полибия (Polyb., VI, 17, 2) и Ливия (Liv., XLV, 18, 3).) Политическая обособленность – с передачей всадникам судебных полномочий в результате реформ Гракхов, бытовая – в связи с закреплением внешних отличий всаднического достоинства и принятием закона о всаднических местах в театре (194 г.).

В связи с тем что процесс оформления прав и привилегий всадничества был длительным, возникает важный вопрос, когда оно конституировалось как сословие. В исторической литературе преобладает представление о том, что отделение *ordo senatorius* от всадничества произошло во второй половине II в.: #с_97 Мы, вслед за Г. Альфельди: #с_98, считаем возможным предположить, что официально статус всаднического сословия был признан в соответствии с принятым в 67 г. законом Росция – *lex Roscia*, который закрепил сословные привилегии всадников. По содержанию этот закон не был новым (Plut. Cic, 13). Он всего лишь восстанавливал норму, ставшую к началу I в. традиционной, но отмененную Суллой, по которой за всадниками закреплялись в цирке четырнадцать рядов, расположенных непосредственно за сенаторскими. Но для нас важно другое – римское гражданство признало справедливыми всаднические привилегии именно в соответствии с законом Росция.

В связи с анализом всадничества возникает другой важный вопрос. Античная традиция не содержит таких же четких количественных характеристик *ordo equestris*, как, например, сенаторского сословия. Поэтому в исторической литературе можно встретить самые различные гипотетические цифры. К. Крист считает возможным говорить о 10–20 тыс. всадников в Риме во второй половине II – начале I в.: #с_99 Эта цифра, встречающаяся в биографии Цицерона (Plut. Cic, 31, 1), маловероятна и доказательств в ее пользу нет. Напротив того, сообщение Плутарха о всадниках и 20 тыс. юношей, оказывавших поддержку Цицерону в 58 г., лишь запутывает вопрос о количественном составе всаднического сословия. Цифру в 20 тыс. можно принять, но это были, по всей видимости, юноши из всаднических и сенаторских фамилий, еще не имевшие официального всаднического ранга. Основательные выводы Кл. Николе, кажется, окончательно опровергают эту цифру: #с_100. Мы присоединяемся к мнению ученого об ограниченном числе всадников в период поздней Республики. У нас есть относительно надежные свидетельства Аппиана о том, что от проскрипций Суллы погибло около 1600 всадников, а всего в борьбе марианцев и сулланцев – около 2600 всадников (App. В. С, I, 95; 103). Учитывая, что сенат потерял в это же время до 1/3 своего состава, и имея в виду сходное соотношение, можно назвать предположительную цифру всаднического сословия в 5000–8000.: #с_101

Следующий вопрос, связанный *ordo equestris*, о степени его корпоративности. Так же как и сенаторское сословие, всадничество не было замкнутым. Принадлежность к нему не являлась жестко наследственной. Хотя формально юноши из всаднических и сенаторских семей числились всадниками (Liv., XLII, 61, 5), сословный ранг определяли цензоры. Эта процедура имела по крайней мере два основания: имущественный ценз и выполнение курульной магистратуры. Последнее давало право быть приписанным к сенаторскому сословию.

Сословие всадников пополнялось в основном за счет зажиточных представителей римского плебса и обеспеченных муниципальных римских землевладельцев. Очевидно, всадниками могли стать по протекции патрона, рекомендации влиятельного лица или в награду. Возможно, полководцы или магистраты могли возводить во всадническое достоинство. В нашем распоряжении имеется один, но очень характерный и надежный факт, позволяющий вынести твердое суждение по этому вопросу. Правда, он фиксирует ситуацию I в. – периода диктатуры Юлия Цезаря. Это – рассказ Светония о восстановлении во всадническом сословии Децима Лаберия. Лаберий был лишен всаднического достоинства за участие в состязании mimoграфов и выступление на сцене. Цезарь вручил ему золотой перстень, что являлось символом восстановления прав и привилегий (Suet. Iul., 39, 2). Напрашивается несомненный вывод: всадничество было довольно мобильной социальной группой.

Кл. Николе, например, выделяет среди 370 всадников (312–43 гг.) 69 новых всаднических имен муниципального происхождения: #с_102. Эти данные взяты в основном из традиции Цицерона. Они позволяют говорить об определенном внутреннем соотношении различных групп *ordo equestris*: #с_103. Но, к сожалению, у нас недостаточно данных, чтобы проследить динамику процесса. Мы можем лишь предположить, что социальная мобильность всадничества активизируется в связи с расширением зависимой от Рима территории и особенно после Союзнической войны.

Особенно важен вопрос о степени влияния всаднического сословия на римскую социально-экономическую и политическую жизнь. Высказанное еще Т. Моммзеном и долгое время существовавшее в литературе предположение о том, что всадники в отличие от сенаторов представляли торгово-денежную римскую аристократию: #с_104, на сегодняшний день большинством авторов признано ошибочным: #с_105. Всадники, как и сенаторы, были землевладельческим сословием. Но со временем римское законодательство оформило бытовую (194 г.), политическую (129 г.) и экономическую специфику всадничества. Особую роль в этом процессе сыграл закон Клавдия 218 г., который мы уже рассматривали. *Lex Claudia* предоставил всадникам возможность, активной торгово-предпринимательской деятельности вне Италии – в провинциях. Здесь это сословие стало особенно влиятельным. Всадники занимались торговлей, ростовщичеством; участвовали в откупе налогов, аренде рудников и земель. Ливий писал: «Где появляется откупщик, там либо общественное право не имеет силы, либо для союзников нет никакой свободы – *ubi publicanus esset, ibi aut ius publicum vanum aut libertatem sociis nullam esse*» (Liv., XLV, 18, 4).

С середины II в. присутствие всадничества ощущалось в Риме повсюду: в строительстве, благоустройстве города и пр.: #с_106 Большую роль представители этого сословия играли в свободных искусствах. Среди всадников были судебные ораторы, писатели, поэты, историки, грамматик, философы. Подобные занятия приносили популярность, а поэтому ценились. Ради известности некоторые всадники отказывались от почетных должностей.

Таким образом, всадники играли значительную роль в экономической жизни Рима. Но совершенно правы Г. Альфельди и Кл. Николе, которые подчеркивали, что социальная значимость всаднического сословия определялась не столько его экономическим положением, сколько местом, которое всадничество занимало в общей функциональной структуре римского государства, иными словами, его социально-политической ролью.

Формальный доступ к римским магистратурам всадники получили в период становления сословия. После серии законов о магистратурах [14 – Закон Лициния Секстия 367 г. – о допуске плебеев к консулату (Liv., IV, 42, 11); закон 366 г. – о ежегодном чередовании патрициев и плебеев в должности курульных эдилов (Liv., VII, 1, 1); *lex Publilia* 339 г. – о допуске плебеев к цензуре (Liv., VIII, 12, 15); *lex Ogulnia* 300 г. – о допуске плебеев в жреческие коллегии (Liv., X, 6, 6). Диктатура и претора стали доступны плебеям без специальных постановлений: первая – в 356 г., вторая – в 337 г.], принятых еще в IV в., каждый римский гражданин вне зависимости от богатства и сословной принадлежности мог претендовать на участие во власти, естественно, в порядке иерархии магистратур. Таким образом, формально всадничество было допущено к участию в исполнительной власти Римской республики. В середине II–I в. право представителей этого сословия на соискание государственных должностей не оспаривалось. Современники, по сообщению Ливия, считали всадников «рассадником сената» (Liv., XLII, 61, 5). Цицерон говорил, что «курия распахнута для людей из высших сословий» (Cic. Pro Sest., 97). Однако эти суждения во многом носят теоретический характер. Вопрос о реальных политических шансах всадников не государственно-правового, а этико-правового порядка – значительную долю успеха на выборах обеспечивал фактор влиятельности и общественного признания. Обычно всадники баллотировались в квесторы или трибуны. Исполнив магистратуру, они становились сенаторами. Кроме того, всадники, даже не занимая курульных должностей, могли оказаться среди сенаторов. Так случалось во время больших экстраординарных пополнений сената, как это было, например, при диктаторе Фабии Максиме в 216 г. (было зачислено 177 человек – Liv., XXIII, 23, 6–7), в период диктатур Суллы и Цезаря. В этом случае они получали статус сенаторов второго ранга – *pedarius*, которые не имели права самостоятельного голоса, но могли присоединяться к голосам других сенаторов. Но, как правило, к подобной практике прибегали редко и в обычной обстановке к ней не обращались.

Получив доступ к магистратуре, лишь немногие всадники добивались консулата, монополизированного консулярными фамилиями. Не имея устоявшегося влияния *nobiles*, они в лучшем случае могли достичь претуры, в худшем – оставались на положении рядовых сенаторов и вынуждены были действовать в фарватере сенаторов-нобилей. О том, насколько зависимым и несамостоятельным было положение рядовых сенаторов, Саллюстий говорил так: «Знатные люди вместе с немногими сенаторами, которых они вовлекли для поддержки своей фракции,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org одобряют, отвергают, постановляют все, что им угодно – *homines nobiles cum paucis senatoriis, quos addi-tamenta factionis habent, quaecumque libuit probare reprehendere de-cernere, ea, uti lubido tulit, fecere*» (Sail. Ep., II, 11, 6).

Безусловно, всадники стремились уравновесить влияние знатных сенаторов собственным, закрепить за собой источники богатства и могущества – право на откупа и участие в судах, реализовать политические амбиции – добиться высшей магистратуры. Вопрос о роли всаднического сословия в политических конфликтах эпохи кризиса Римской республики – один из самых сложных в историографии. Многие исследователи, начиная с Т. Моммзена, видят в событиях второй половины II – начала I в. постоянную борьбу всадников и сенаторов либо как столкновение аристократии и деловых кругов, либо как столкновение верхней и нижней части римской элиты: #с_107. Вместе с тем в исследовательской литературе существует и другая точка зрения, в соответствии с которой всадническое сословие не составляло единого политического целого и не являлось противовесом сенату: #с_108. Реформация Гракхов показала, что политическое напряжение между всадниками и сенатской элитой существовало. Но, по нашему мнению, конфликт развился недолго, примерно до 100 – начала 80-х гг. После Союзнической войны и диктатуры Суллы всадничество, изначально неоднородное по своему социально-экономическому положению и политическим претензиям, еще более утратило сословно-политическое единство и не составляло единой оппозиции сенаторскому сословию. Политический компромисс всадников и сенаторов закрепил принятый в 70 г. закон Аврелия Котты – *lex Aurelia*. Восстановить содержание этого закона можно по сообщению Светония о том, что во время диктатуры Цезаря была проведена очередная реформа суда, менявшая прежнюю норму. По *lex Iulia iudiciaria* сохранялись лишь две судебные декурии – сенаторская и всадническая, а третья декурия эрарных трибунов ликвидировалась (Suet. Iul., 41, 2; ср.: Cic. Phil., I, 19; Dio Cass., XLIII, 25). В античной традиции нет прямых указаний на то, что три судебные декурии были созданы по закону Аврелия Котты, но, судя по логике политических событий, это было именно так. Зато Ливии и Плутарх с дословной соответствием говорили о том, что по *lex Aurelia* «суды были переданы римским всадникам» (Liv. Per., 97; Plut. Pomp., 22). Видимо, они стремились раскрыть суть событий – основной вопрос политической программы всадников был решен.

Большинство римского гражданства составлял плебс – *plebs*. В результате римских завоеваний в Италии и за пределами Апеннинского полуострова, активной колонизационной политики Римской республики это сословие оказалось рассеянным и значительно ослабленным. Изменение сословной ситуации – оформление привилегий нобилитета и всадничества – существенным образом изменило политическую роль плебса.

В силу основных занятий, материального положения и общественной роли римский плебс не был однородным. Сельский плебс – *plebs rustica* – являл собой множество мелких и средних земельных собственников, которые всегда стояли на грани разорения и нищеты. Непрерывные римские завоевания сделали этот процесс вполне ощутимым. Отрицательно влияла на материальное положение мелкого и среднего крестьянства значительная продолжительность военных походов. Крестьяне надолго отрывались от своих хозяйств и постепенно утрачивали не только навыки, но и желание трудиться на земле. Безусловно, негативные последствия для крестьянского хозяйства имело разорение Италии в ходе 2-й Пунической войны. Поступление дешевого хлеба из новых провинций, приток денег, рабов и других материальных ценностей в виде военной добычи – все эти явления лишь усиливали экономическое неравенство в римском обществе.

Тезис о массовой пауперизации мелких (и даже средних) римских собственников земли присутствует в исторической литературе со времен Саллюстия (Sail. Iug., 41, 7; ср.: App. V. C, I, 7): #с_109. Гракханские реформы были обусловлены кризисом мелкого и среднего землевладения. Свидетельства Аппиана по этому поводу более чем красноречивы (App. V. C, I, 9). Реформаторы рубежа II–I вв. (Л. Апулей Сатурнин, М. Ливий Друз Младший) апеллировали отчасти к интересам безземельного и малоземельного римского крестьянства.

Пауперизация крестьянства оказывала негативное влияние на социально-политическую жизнь Римской республики. Для разорившихся крестьян существовала следующая альтернатива. Они имели возможность поправить свое

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
материальное положение, переселившись либо в колонии, либо в город. В первом случае возникавшая римская диаспора оставалась тесно связанной с метрополией, но оказывалась практически отстраненной от участия в политической жизни республики. Во втором случае крестьяне пополняли ряды *plebs urbana*, чаще всего оказывались на положении клиентов и жили за счет своего гражданского статуса. Они становились доминирующим элементом комиций, но их социально-политические претензии отличались от нужд и запросов той сословной группы, от которой они уже отделились – *plebs rustica*.

Если крестьянину удавалось сберечь хозяйство, он и в этом случае невольно и бессознательно вынужден был отступать от норм и стиля жизни, продиктованных общинной традицией; в интересах самосохранения пренебрегал идеалами экономической автаркии, переходил к товарному производству. Даже такие ревнители *mos maiorum*, как Марк Порций Катон Старший, призывали сограждан обогащаться: #с_110.

Другой категорией плебейского сословия был городской плебс – *plebs urbana*. Ее составляли свободные ремесленники, мелкие торговцы, наемные рабочие и т. п. Важнейшим феноменом общественной жизни Римской республики второй половины II – начала I в. является количественный рост этой сословной группы: #с_111. Социально-политические последствия этого явления имели катастрофический характер. В нашем распоряжении есть замечательный источник, позволяющий делать определенные выводы, – фрагмент из речи Цицерона «В защиту Луция Лициния Мурены» (*Cic. Pro Murr.*, 70–71). Правда, она была произнесена в 63 г., но сам Цицерон подчеркивал, что ведет рассказ о типичной ситуации, обычной для римлян – *eo quo semper usi sumus*. Названный фрагмент посвящен рассуждению оратора о взаимоотношениях влиятельного римлянина и его свиты, состоявшей из представителей низшего сословия – *homines tenues*[15 – Латинское прилагательное *tenuis* имеет несколько социальных оттенков – бедный, незнатный, простой. В этой же речи Цицерон дает другую дефиницию – *homines inferiori generi*. В обоих случаях речь, без сомнения, идет о *plebs urbana*.]. Цицерон отмечал, что такие незначительные люди надеются получить от влиятельного покровителя все. При этом у них есть одна возможность заслужить милость или отблагодарить за нее: содействовать своему патрону в соискании должности. Чрезвычайно интересно замечание Цицерона о том, что подобные отношения развиваются, несмотря на законодательные запреты и сенатские постановления.

Приведенный фрагмент позволяет сделать ряд несомненных, на наш взгляд, выводов. Во-первых, узкие производственные рамки Рима не могли вместить огромную массу *plebs urbana*. При таких условиях значительная часть городского плебса вынуждена была вступать в клиентские отношения, что, с одной стороны, развивало социальное иждивенчество, формировало психологию паразитирования и продажности, с другой – ослабляло общинную солидарность, социальный контроль над поведением личности и в конечном счете вело к трансформации полисных устоев. Во-вторых, развитие системы клиентелы способствовало чрезвычайной индивидуализации политически активной личности и в итоге вело к деформации римской политической практики. Эта тенденция проявилась, например, в деятельности П. Корнелия Сципиона Африканского: #с_112.

Наконец, численный рост *plebs urbana* вел к постепенной дезорганизации народного собрания и ослаблению принципов республиканского демократизма. Зависимость от политических лидеров и развивавшаяся практика продажи голосов делали социально-политическую позицию комиций неустойчивой и непредсказуемой.

Особую сословную группу *plebs urbana* представляли римские люмпен-пролетарии. Это была беднейшая часть римского городского населения. Долгое время никакой государственной программы, направленной на их обеспечение, не существовало, да и проблемы, видимо, тоже. В 80–50-е гг. Ив. в результате колоссального притока богатств в Рим путем раздачи хлеба и денег, устройства общественных обедов и игр люмпен-пролетариям был обеспечен прожиточный минимум. С конца 50-х гг., судя по ряду признаков (демографический спад, увеличение военных потерь и усиление военного напряжения, сокращение притока продовольствия из провинций), произошло общее ухудшение положения в государстве. Это сделало принятие программы, направленной на обеспечение неимущего римского гражданства, неизбежным. Гракхи первые попытались решить эту проблему (*Liv. Per.*, 58; 60; *Plut. Tib. Gr.*, 9; *G. Gr.*, 5; 6; *Vell.*, II, 2, 3; 6, 3; *App. V. C.*, I, 910; 21; 2324).

Однако реформация Гракхов и биографии самих реформаторов отчетливо продемонстрировали, что, во-первых, римский плебс по материальному положению, социально-политическим претензиям и общественной роли был чрезвычайно неоднороден; интересы *plebs urbana* и *plebs rustica*, римских городских пролетариев и римско-италийских мелких собственников в большинстве случаев не совпадали; во-вторых, самой конфликтной группой плебейского сословия являлись люмпен-пролетарии, недовольные не столько бедностью, сколько отсутствием законно унаследованного места в обществе.

В исследовательской литературе в связи с проблемой римского плебса давно обсуждается вопрос о демократизме римской государственной системы. В общих чертах суть дискуссии представлена Н. Н. Трухиной. Сопоставляя точку зрения Т. Моммзена о доступности власти для любого гражданина и М. Гельцера об аристократическом характере Римской республики, сама Н. Н. Трухина скорее опровергает тезис о демократическом характере римской республиканской системы, хотя и оставляет проблему открытой: #с_113. Похоже, что в последнее время получает развитие точка зрения М. Гельцера, правда, не в столь полной мере. Устанавливается родственная связь большинства «демократических» реформаторов с влиятельными сенаторскими фамилиями: #с_114. Пересматривается вопрос о доле участия плебеев в римской магистратуре: #с_115 и социально-политическое значение плебейского трибуната: #с_116. Автор одной из последних работ, посвященных этой проблеме, Г. Морисен ставит под вопрос наличие «демократии» в Риме. Он, анализируя функции *contio*, законодательство, состав народного собрания и т. п., приходит к выводам, что единое понятие *populus Romanus* существовало лишь как конституционная концепция, форум был «не большим центром народной жизни», а «миром элиты», а римский народ – это политически бездеятельная и безынициативная толпа: #с_117.

У нас есть достаточно выразительное свидетельство Саллюстия о социально-политической ситуации, сложившейся в Риме к началу I в. (*Sall. Hist, amplior. frg., Ler., 37–39*). По мнению античного автора, для римских граждан альтернатива свободы или рабства, демократизма или авторитаризма перестала быть актуальной: римский гражданин мог «быть рабом или повелевать, испытывать страх или внушать его – *semiundum aut imperitandum, habendus metus est aut faciundus*».

Из числа римского гражданства была исключена огромная масса населения – рабы, до начала I в. италийские союзники и провинциалы. В количественном отношении они составляли большинство населения, объединенного *imperium Romanum*. Точное количество рабов в Риме неизвестно. Но, судя по данным источников, в конце III – начале II в. оно было очень велико: #с_118. В 209 г. из Тарента поступило 30 тыс. (*Liv., XXVII, 16, 7*), в 204 г. – 8 тыс. из Африки (*Liv., XXIX, 29, 3*), в 177 г. – около 5,5 тыс. из Истрии (*Liv., XLI, 11, 8*), в 174 г. – 80 тыс. вместе с убитыми из Сардинии (*Liv., XLI, 28, 8*), в 167 г. – 150 тыс. из Эпира (*Polub., xxx, 15; Liv., XLV, 34, 5*), в 146 г. – 50 тыс. из Карфагена (*App. Lib., 130*). Таким образом, только в результате 2-й и 3-й Пунических войн в Риме оказалось около 300 тыс. рабов, что составило приблизительно 1/3 гражданского населения всей Италии. Процесс этот продолжался и позднее. По подсчетам К. Криста, со времени Ганнибала до Августа число рабов в Италии увеличилось от 600 тыс. до 3 млн: #с_119.

В исследовательской литературе проблемы, связанные с определением социального статуса рабов, решаются очень неоднозначно. В одних исследованиях рабы определены как класс, в других – класс-сословие, в третьих – негражданская страта. В нашей работе мы не будем касаться этого специфического вопроса. Нас интересует более всего один аспект – насколько рабы были интегрированы в римское общество и какую роль они играли в процессе интеграции.

Римские рабы не были гомогенной группой. Они имели самое различное экономическое положение, но их правовой статус маскировал эту разницу: раб был лишен экономических, социальных, политических прав, всего, что определяет личность. Таким образом, формально огромные массы рабов не были интегрированы в римско-италийскую социальную структуру: #с_120. Но практически рабство самым непосредственным образом касалось социально-экономической и даже политической жизни Рима и, на наш взгляд, отрицательно влияло на эволюцию римского общества. Рабовладение было не просто одним из общественно-политических институтов, оно формировало среду, в которой проходила жизнь каждого римлянина. Оно вырабатывало авторитарный

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org стиль управления хозяйством, общественных и семейных отношений, в конечном счете развращало общественную психологию и способствовало формированию идеологии политического абсолютизма.

Римская социальная практика предполагала способ общественной интеграции рабов – прежде всего через систему вольноотпущенничества. Однако она была очень ограниченной. Во-первых, вольноотпущенники не получали полных гражданских прав; во-вторых, находились в зависимости от своего патрона – бывшего хозяина (вплоть до времени Августа государство не вмешивалось в эти отношения). Тем не менее статус вольноотпущенника был чрезвычайно притягательным для рабов. Он открывал им путь в римское гражданское общество. Как правило, отпущенники становились дельцами, торговцами или ростовщиками. Однако многие предпочитали приобрести землю, добиться богатства земледельческим трудом, что позднее могло обеспечить высокое общественное положение их сыновьям. В начале I в. в результате военной реформы, связанной с именем Гая Мария, для вольноотпущенников стала доступна военная служба (Liv. Per., 74). Это также открывало им путь к полноценному статусу римского гражданина.

Между рабством и свободой кроме вольноотпущенничества был еще целый спектр состояний с различным социальным статусом и объемом прав. Это италийские союзники и провинциалы – бесправные перед коллективом римских граждан и каждым римлянином в отдельности. При довольно активных деловых и политических контактах этой группы населения с Римом особенно актуальным становилось достижение ею прав римского гражданства. Вслед за П. А. Брантом и Г. Альфельди: #с_121 мы хотим подчеркнуть, что выдвигаемое италиками и отчасти провинциалами требование равных гражданских прав и развивавшаяся на этом основании борьба не имели социально-политического характера. Суть конфликта составляла в удовлетворении сословных интересов и уравнивании сословных возможностей. Таким образом, борьба италиков и провинциалов была отражением противостояния римской общины и формировавшегося территориального государства, выражала развитие державного принципа.

Проблема была обозначена Гракхами и позднее Ливием Друзом Младшим, но до начала I в. интеграция жителей Италии и провинций в римское общество мало заметна. Важные результаты в решении этой проблемы были достигнуты в ходе Союзнической войны, а с 84 г. по постановлению сената все италики, получившие права римского гражданства, стали распределяться по всем римским трибам (Liv. Per., 84). «Новые граждане» стремились быть римлянами во всех отношениях. Это способствовало унификации образа жизни на всей территории формировавшейся римской империи, хотя в провинциях и сохранялось своеобразие.

Таким образом, с конца III в. сложились условия и постепенно активизировалась территориальная и социальная мобильность римского – италийского населения. Это вызвало важнейшие социокультурные трансформации. Римское гражданство оказалось раздробленным. Спектр сословий и статусов с разными интересами, разным объемом прав и обязанностей, в разной степени интегрированных в римское общество, расширился. В свою очередь, эти явления привели к ослаблению принципов римского государственно-политического республиканизма и демократизма, усилению значения политического лидерства и в конечном итоге стали основанием для дезорганизации римской республиканской системы и перехода от республики к империи.

Хорошо известно, что для римского республиканского правосознания была характерна концепция коллективной ответственности за государство и государственные дела. Истоки подобных представлений чрезвычайно архаичны и могут быть обнаружены в римской протогосударственной древности, когда в качестве основной и единственно возможной социально-административной единицы выступало сообщество (община) в целом, а личность была составной частью этого единого социального организма. В основе республиканской концепции легитимности власти лежали две основные идеи. Первая состояла в том, что республика – гармоничный мир, общее дело всего римского народа – *res publica... est res populi* (Cic. De rep., I, 39); вторая – что власть имеет отцовский (патерналистский) характер; ее законность, правильность и совершенство закреплены не столько правом, сколько древностью политической традиции, обычая, государственных институтов, совокупностью моральных обязательств. Подобное отношение к публичной власти и государству было отражением органичного глубинного единства каждого римлянина и всего римского гражданства: #с_122. Участие в общественной и государственной жизни (*res publica*) было важнейшей качественной характеристикой каждого

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org римского гражданина. Его жизненный путь – *cursus honorum* – отмечался военными кампаниями, успехами на государственной службе и был предметом гордости. Избрание на магистратскую должность означало признание достоинства – *dignitas* римского гражданина и считалось почетным долгом: #с_123.

Высшими носителями власти в Римской республике выступали сенат и римский народ (*Cic. De rep.*, II, 42; 62; *Sail. Cat.*, 9, 1; *Ep.*, II, 5; 10). Сенат без собрания и собрание без сената воспринимались как одинаково ненормальные явления. Их нераздельность отразилась в общей законодательной формуле – *Senatus populusque Romanus*. Народное одобрение было обязательным условием легитимности любого государственного события.

Властные функции сената не были юридически закреплены и опирались главным образом на представления о его *auctoritas*, на верность традиции – *mos maiorum* и на совокупность взаимных моральных обязательств – *pietas*. Это было закреплено законом Овиния, который обязал цензоров выбирать лучших из всех магистратов (*Fest.*, P. 246). Сенатские постановления – *senatus consulta* – с формально-правовой точки зрения являлись не юридической нормой, а простыми рекомендациями. Кроме того, коллеги магистрата – автора *relatio* – с равной или высшей властью (*per* или *maior potestas*) могли воспользоваться своим правом коллегиальной интерцессии и отменить предложение. Не случайно начиная с середины IV в. сенат стремился поставить деятельность должностных лиц под свой контроль и закрепить это положение: в 339 г. по закону Публилия Филона предлагаемый народному собранию законопроект должен был предварительно получить сенатское одобрение (*Liv.*, VIII, 12, 15). По закону Гн. Мения этот же порядок устанавливался и при выборе должностных лиц. Дата принятия закона неизвестна, однако, следуя логике событий, это произошло, скорее всего, в консульство Гнея Мения в 338 г. (*Liv.*, VIII, 13, 1). Показательной является история принятия закона Аппия Клавдия 312 г. о введении в число сенаторов сыновей вольноотпущенников. Сенат не имел возможности оказать этому противодействия. Но еще более показателен тот факт, что консулы следующего года не признали нового состава сената и создали его по старым спискам (*Liv.*, IX, 30, 1-2). Однако в целом авторитет сената был так велик, что римляне мало сомневались в правомочности его решений. Это делало власть сената подлинной властью (*Sail. Ep.*, II, 10).

Власть исполнительного лица – римского магистрата – рассматривалась как общественная обязанность гражданина, от которой он не мог уклониться, обязанность, возлагаемая народом в интересах *res publica* (*Sail. Ep.*, II, 7; I, 5). В чрезвычайных обстоятельствах это выражалось формулой – *videant consules, ne quid detrimenti respublica capiat*.

Подобные представления о власти и структуре власти позволяют говорить об изначальной слабости принципов республиканизма и демократизма в Риме. Значение обычая было больше, чем закона; идея правотворчества не была распространена; нерушимость старины была общим лозунгом всех субъектов правления; новые явления политической жизни подводились под старые формулы.

С развитием территориальной и социальной мобильности римского гражданства идея республиканизма – коллективной ответственности за состояние государства – оказалась значительно ослабленной. Обнаружилось постепенное ослабление демократических основ традиционной системы управления, возникли новые обоснования легитимности публичной власти. Современниками это воспринималось как падение самой республики. Луцилий в своих сатирах, написанных около 130–102 гг.: #с_124, рассказывал о совете богов по поводу «крайнего людского положенья: как спасти народ и Рим, чтоб могли они доле существовать...» (пер. М. Л. Гаспарова – *Lucil. Sat.*, I, 4–5). Младший современник Луцилия – Варрон – рассматривал положение дел в государстве как «всемирное безумие» (пер. М. Л. Гаспарова – *Varr. Sat. Eum.*, 117–118). Позднее Цицерон, разрабатывая римскую государственно-правовую теорию, говорил о государстве, доставшемся его поколению в наследство, как о картине, потускневшей от времени (*Cic. De rep.*, VI, 1, 2). Эти оценки современников были унаследованы поздней римской историографией. Веллей Патеркул писал о постепенной деформации римских республиканских принципов начиная со 146 г., когда, по его мнению, «старый порядок был оставлен, внедрен новый; община обратилась от бодрствования к дреме, от военных дел к удовольствиям, от трудов – к праздности – *uetus disciplina deserta, noua inducta; in somnum a uigiliis, ab armis ad uoluptates, a negotiis in otium conuersa ciuitas*» (*Vell.*, II, 1, 1).

Теоретическим воплощением принципа демократизма Римской республики было народное собрание (Poľyb., VI, 14). Правда, изначально этот принцип имел декларативный характер, был ограничен системой, организацией и компетенцией компций. В Риме существовало несколько видов собраний: *comitia tributa*, *comitia centuriata* и *concilia plebis*, что, безусловно, снижало эффективность их работы. Другим фактором, ограничивавшим демократизм народного собрания, можно считать отсутствие строгой и разработанной системы представительства в *comitia*: оно было произвольным и зависело исключительно от активности самих граждан. При этом важно подчеркнуть следующую особенность римских народных собраний: даже в наиболее демократичных трибутных комициях – *conciliae plebis* – не было равной подачи голосов. Наиболее радикальный социальный элемент – римский плебс – распределялся лишь по 4-м городским трибам из 35. При условии, что каждая триба имела один консолидированный голос, римский плебс, следовательно, получал лишь 4 голоса. Еще менее демократичными в плане представительства были центуриатные комиции, поскольку они формировались по имущественному принципу. Наконец, суверенитет народного собрания ограничивался отсутствием законодательной инициативы и права обсуждения государственных дел на *comitia*, хотя следует отметить, что на *contiones* и всякого рода неформальных собраниях такая возможность была. Что касается выборов, то теоретически возможность свободного волеизъявления существовала, поскольку, как правило, кандидатов на должности было больше, чем свободных мест, и при определенной конкуренции можно было заявить о своих претензиях и политических предпочтениях. Кроме того, в 139 г. законом Габиния было введено тайное голосование (Cic. De leg., III, 35; Lael., 41; De leg. agr., II, 4). Однако на практике выборы были далеко не всегда свободными. Яркие примеры – неудача Гракхов при повторном выдвижении своих кандидатур, выборы Гая Мария, продиктованные внешней опасностью, Суллы или Цезаря, осуществленные под давлением их армий.

«Рассеяние» римского гражданства за пределы померия, усиление имущественных диспропорций в его среде, развитие внутри- и межсословной мобильности еще более снижали демократизм римских *comitia*. Участие в комициях италиков – мигрантов, переселившихся в Рим после Союзнической войны, после диктатуры Суллы *de facto* неограниченное, усугубляло маргинальную психологию римского плебса, делало представительство и авторитетность народного собрания еще более сомнительными. Вырванные из системы традиционных общественных связей и не интегрированные в новую социальную среду, переселенцы были удобным объектом политических манипуляций. Симптоматичны слова Ливия, относящиеся еще к концу III в.: «Такова природа толпы: она или рабски пресмыкается, или гордо властвует; свободы, которая позволяет жить и действовать умеренно, она не знает; и всегда есть люди, в силу своих прихотей готовые разжечь ярость, которые подстрекают души, жадные до казней, к кровопролитию и неограниченной резне – *ea natura multitudinis est: aut seruit humiliter aut superbe dominatur; libertatem, quae media est, nee struere modice nee habere sciunt; et non ferme desunt irarum indulgentes ministri, qui auidos atque intemperantes suppliciorum animos ad sanguinem et caedes iritent*» (Liv., XXIV, 25, 8–9). Характерное определение народному собранию дал в 131 г. Публий Сципион Эмилиан, назвав его собранием тех, кому Италия – мачеха (Vell., II, 4, 4). Неустойчивость социально-политической позиции *comitia* демонстрируют события 122 г. и отношение народного собрания к демагогическим инициативам Ливия Друза – противника Гая Гракха (Plut. G. Gr., 8–9; App. B. C, I, 23). Этот фактор использовал, по-видимому, и Ливий Друз Младший в 91 г. (Liv. Per., 71; App. B. C, I, 35). Веллей Патеркул подчеркивал, что предложения Друза в пользу плебса были своего рода приманкой, чтобы «соблазнив толпу меньшим, добиться большего» (Vell., II, 13, 2).

Для народного собрания второй половины II – начала I в. были характерны люмпенизация, коррупция, случайность состава и другие кризисные явления. Некогда воплощавшие законодательную власть и исполнительную волю всего римского народа *comitia* утратили свою роль. Наши наблюдения подкрепляются свидетельствами современников. Луцилий так описывал римский форум: «Ныне с утра и до ночи и в праздничный день и в обычный целый день напролет все, кто знатен и все, кто не знатен, бродят по форуму взад и вперед, ни на шаг не уходят, все единой заботой полны и единым старанием – если болтать, то с оглядкой, если бороться – коварно, льстить – так взапуски льстить, и все притворяясь хорошим, строить подвохи – да так, словно каждый каждому недруг» (пер. М. Грабарь-Пассек – Lucil. Ex lib. incogn., 5). Варрон давал еще более резкую характеристику: «Где были народные собрания, ныне торг...

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Повелений законов не слушают, всюду бурлит лишь “дай” и “на”» (Varr. Sat. Men., 497–498). В подобной ситуации доминирующим в *comitia* неизбежно становилось мнение сената как наиболее консолидированной в социально-политическом отношении сословной группы: #с_125. Но опаснее было то, что обозначился процесс перерождения всевластия римского народа во власть политических лидеров, руководивших народным собранием, которые благодаря манипуляции народными решениями заявляли о себе как о защитниках и представителях интересов народа. Если на их стороне оказывалась реальная сила (армия), они могли монополизировать в свою пользу верховные права народа.

Важную роль в развитии принципов римского демократизма был призван играть народный трибунал. Эта магистратура возникла как орган демократической исполнительной власти, противопоставленный аристократическому сенату и консульской магистратуре. Власть трибунов – *tribunitia potestas* – с ее правом вмешательства в деятельность любого должностного лица (кроме диктатора) и личной неприкосновенностью была столь значительна, что могла бы стать основой для развития римского республиканского демократизма. Но в самой коллегии трибунов этот принцип не был полностью осуществлен. *Tribunitia potestas* ограничивалась годичным сроком, границами померия и отчасти правом коллегиальной интерцессии. Кроме того, некоторые современные исследователи считают возможным говорить о распространении на трибунал запрета итерации, аргументируя свои выводы сообщением Аппиана (App. B. C, 1, 14): #с_126. Заметим, Аппиан не был знатоком римской конституции и, видимо, не учитывал, что в описываемой им ситуации сенат просто мог манипулировать мнением народного собрания. Из более ранних сообщений Ливия мы узнаем, что в 458 г. в ответ на расширение состава трибунала до 10 человек патриции потребовали наложить запрет на вторичное переизбрание одних и тех же трибунов. Но уже в следующем году трибуны были переизбраны и, по-видимому, это условие никогда не соблюдалось (Liv., III, 30; 31; IV, 12; VI, 35; 36; 42). Официальные решения о запрете вторичного домогательства одной и той же магистратуры (постановление Генуция 342 г. и закон Виллия 180 г.) против трибунов либо не действовали, либо нарушались так часто, что *de facto* сделали итерацию трибунов возможной (Liv., IX, 41; X, 16; 22; XXIV, 9; Plut. Marc, 12–13, 23). Наконец, в 131 г. по *lex Papiria* повторные выборы народных трибунов были разрешены, и более их никто (даже Сулла) не запрещал.

Усиление социальной мобильности римского гражданства и маргинальности городского населения Рима неизбежно должны были ослаблять и эффективность народного трибунала. В целом во II – начале I в. народные трибуны еще сохраняли свои самостоятельные позиции и реальную силу. Известно, например, что народный трибун 160 г. Гней Тремеллий пытался противодействовать великому понтифику, за что был наказан штрафом (Liv. Per., 47), а народные трибуны 152–151 гг. даже заключили консулов в тюрьму за чрезвычайно суровые условия воинского набора (Liv. Per., 48), сходная ситуация повторилась в 138–137 гг. (Liv. Per., 55). Примером независимости и самостоятельности народных трибунов может быть деятельность братьев Гракхов (Liv. Per., 58, 60); Гая Меммия, возглавившего в 111 г. оппозицию сенату в вопросе об объявлении войны югурте (Sail. Jug., 27; Sic. Brut., 136) и затем инициировавшего ряд антикоррупционных процессов; Гая Мамилia Лиметана, по настоянию которого была создана комиссия для расследования связей римской сенатской аристократии с югуртой (Sail. Jug., 40–41). Трибунскими инициативами были *lex agraria* 111 г., *lex Domitia*, передавший в 104 г. право выбора жрецов народному собранию (Vell., II, 12, 3), судебный закон Главции 103 г., *lex Aruleia de maiestate*. Во время Союзнической и гражданских войн, когда усилилось давление не только на римское гражданство, но и на государственную власть, трибунская активность постепенно (особенно после диктатуры Суллы) стала ослабевать. Такие политические лидеры, как Марий, Цинна, отчасти – Помпей и Крассе, но особенно Цезарь, подчиняя себе трибунов, во многом взяли их функции на себя. Опираясь на традиции *tribunitia potestas*, они получили возможность не только использовать поддержку римского плебса, но через комиции противопоставить свою волю сенату.

Параллельно с обозначенной нами тенденцией развивалась другая. Среди народных трибунов все чаще стали появляться лидеры, которые действовали не в интересах плебейского большинства, а исходя либо из интересов сената, либо из собственных. Среди них можно назвать Марка Октавия, народного трибуна 133 г., действия которого были признаны осуществленными во вред народу (Liv. Per., 58; Plut. Tib. Gr., 11; Vell., II, 2, 3; App. B. C, I,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org 12). Безусловно, просенатские позиции занимали Луций Сатурни, который, по сообщению Плутарха, в 133 г. убил Тиберия Гракха (Plut. Tib. Gr., 19; ср.: App. В. С., 1,16), и Ливии Друз, выступивший в 122 г. с демагогической программой, скомпрометировавшей реформы Гая Гракха. По мнению Веллея Патеркула, в интересах сената действовал также Ливии Друз Младший в 91 г. (Liv. Per., 70; Vell., II, 13, 2). Начиная с Сатурнина, трибуна 103 и 100 гг. (Liv. Per., 69; App. В. С., I, 29), в деятельности некоторых народных трибунов четко обозначилась тенденция действовать в фарватере наиболее влиятельных политических лидеров. В 49–44 гг. большинство известных нам трибунов (20) были на стороне Цезаря: #с_127. При этом изменились средства политической борьбы: народные трибуны стали опираться не столько на поддержку народного собрания, сколько на право коллегиальной интерцессии. В связи с этим народный трибунал постепенно начал утрачивать свою конструктивность. Для амбициозных, начинавших политическую карьеру людей он стал важным средством дальнейшего продвижения по политической лестнице.

Воплощением римской государственности, римских традиций, основных жизненных принципов и идеалов был сенат (Polyb., VI, 15). Об этом свидетельствует обычное согласование терминов *patres-senatores*, представления о генеалогической исключительности и связанной с этим харизматической одаренности наиболее ярких представителей сената (например, о Публии Корнелии Сципione Африканском Старшем): #с_128. Кроме того, авторитет сената опирался на его особое влияние в сакральной сфере. Тезис Д. В. Дождева о «способности сената консультироваться с богами»: #с_129 кажется нам не вполне корректным. Можно говорить о том, что основные вопросы религиозной жизни решал сенат. Во-первых, это вся материальная сторона культа; во-вторых, во всех сколько-нибудь серьезных вопросах магистрат обращался к сенату хотя бы, чтобы не брать ответственность на себя. Наконец, следует учесть и тот факт, что членами сената осуществлялось представительство перед богами. Хотя, строго говоря, это была функция магистрата. Но магистрат, как правило, был сенатором.

Потрясающий пример авторитета сената – события 216 г. Когда после поражения при Каннах Ганнибал предложил выкупить пленных римлян за деньги, и их родственники были согласны на собственные средства это сделать, сенат не разрешил, и предложение Ганнибала было отклонено (Liv., XXII, 58–61).

О значительной роли сената в жизни Рима свидетельствует тщательность, с которой подбирался его состав. В «древнеримскую номенклатуру» входили лишь высшие должностные лица (консулы, преторы и т. п.). Список сенаторов – *album senatorum* – через каждые 5 лет пересматривался цензорами. Имена вносились в строгом порядке в зависимости от ранга. Во время ценза цензор мог обойти имя того или иного сенатора в списке за уголовное преступление, моральный проступок или по причине низкого происхождения. Однако такие случаи были редкими и немногочисленными. Так, в 194 г. из списка были исключены три человека, не отправлявшие курульных должностей (Liv., XXXIV, 44, 4); в 184 г. – 7 человек (Liv., XXXIX, 42, 5; Plut. Cato Maior, 17; Flam., 18; ср.: Cic. De sen., 42; Val. Max., II, 9, 3). Самым заметным в этом отношении было цензорство Луция Цецилия Метелла и Гнея Домиция Агенобарба в 120–115 гг., которые исключили из списка сразу 32 человека (Liv. Per., 62).

Притом что народное собрание созывалось редко, магистраты сменялись ежегодно, сенат являлся постоянно действовавшим высшим учреждением республики, хотя формально считался совещательным органом при магистратах. Круг его прав и обязанностей был очень широким. В полномочия республиканского сената входили: казна, крупные общественные работы, внутренняя и внешняя политика, армия, безопасность государства, религия. Республиканский сенат имел фактическое право обсуждать любой поставленный перед ним вопрос, и любой сенатор мог выступить по любому поводу на любом заседании.

Сенат был иерархичной структурой, социально неоднородной. Цензоры всякий раз, составляя список – *album senatorum*, устанавливали строгую последовательность голосов в сенате. Возглавлял список принципс сената. Сам термин «*princeps*» означал «занимающий первое место». Фест производил этот термин от «*primum coepisse*», т. е. «начать первым (говорить)» (Fest., P. 62). Думается, что первенствующее положение определялось не только последовательностью выступления принципсов в сенате, но и их личным авторитетом. Известно, что многие из них занимали особое место в сакральной

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org жизни Рима, выделялись квалификацией и компетентностью в юриспруденции и знании традиций. Так, например, Марк Эмилий Лепид, который шесть раз избирался принцепсом сената, безусловно, входил в число влиятельнейших сенаторов: прошел все ступени политической карьеры, был участником важнейших римских посольств, понтификом, цензором (Liv., XXXI, 2, 3; 18, 12; XXXII, 7, 15; XL, 42, 12; 45, 6; 51, 1; XLI, 27, 1; XLIII, 15, 6; Per., 39; 46; 48).

За принцепсами следовали бывшие диктаторы, затем – по порядку цензоры, консулы, преторы, эдилы, наконец, – народные трибуны. В каждой категории сначала слово предоставлялось патрициям, затем плебейам с учетом давности занятия магистратур. Естественно, что при такой организационной структуре мнение «первых сенаторов» влияло на позицию остальных. Этот принцип часто использовался для обструкции того или иного предложения. Кроме того, существовал еще один прием, позволявший «первым сенаторам» по существу монополизировать сенат: выступавшего в сенате обычно не прерывали. Поскольку «младшие» сенаторы имели возможность высказываться последними, у них часто не оставалось шансов заявить о своей позиции, и они лишь участвовали в голосовании. В условиях возникших во II – начале I в. социальных диспропорций неоднородность сената обозначилась более отчетливо, а вместе с этим определилось и расхождение политических интересов различных сословных групп, составлявших сенат.

«Старшие сенаторы» – сенатское меньшинство – было и генетически и экономически связано с римским нобилитетом и уже в начале II в. находилось под его определяющим влиянием. Об этом красноречиво говорит процесс 187 г. над Публием Корнелием Сципионом и его братом Луцием. Видимо, авторитет Сципионов был настолько подавляющим, что это вызывало возмущение рядовых сенаторов. Реальным инициатором процесса был Марк Порций Катон: таким было римское общественное мнение, на которое ссылался Ливий (Liv., XXXVIII, 54, 1; ср.: Polyb., XXIII, 14, 7–10; Plut. Cato maior, 15). Осуществляли инициативу Катона трибуны. Разбирательство проходило вне сената в народном собрании. «Сенатское меньшинство» защищало и оказывало поддержку своему лидеру (Polyb., XXIII, 14; Diod., XXIX, 21; Liv., XXXVIII, 50, 460; App. Syr., 40).

Таким образом, процесс над Сципионами продемонстрировал, с одной стороны, засилье нобилитета в сенате, с другой – наличие в сенате различных сенатских группировок и расхождение их политических позиций и интересов: #с_130. В связи с событиями 187 г. важен еще один вывод. Закончился период господства по крайней мере одной нобилитарной группировки и начался период смены элит. Этот процесс развивался на основе развернувшейся борьбы сенатского меньшинства за достижение монопольного права на высшие (консульские) магистратуры, соответственно – на получение провинций и доходов с них. Отдельные группировки интриговали друг против друга, общегосударственные интересы отошли на второй план.

Большинство римского сената составляли люди, о которых источники почти ничего не говорят. О них можно судить, правда, с чрезвычайной осторожностью, по относительно известным персонажам, которые выделены из общей массы рядовых сенаторов в силу своего общественно-политического динамизма, т. е. являли своего рода исключение. Судя по отношению античной традиции к сенатскому большинству, его идеологические, нравственно-психологические и социально-политические установки определялись традиционными понятиями: *mos maiorum*, *pietas*, *virtus* (Polyb., VI, 54;

Sic. De rep., V, 1). Ориентация на традицию и существовавшую норму позволяла «старшим сенаторам» манипулировать мнением большинства, что в конечном итоге оборачивалось пассивностью последнего. Активность отдельных его представителей, напротив, трактовалась римским общественным мнением как проявление хищничества, эгоизма и вызвала отрицательное отношение римского гражданства. В целом сенатскому большинству были свойственны консерватизм и традиционализм.

Римский сенат не был однородным и в политическом отношении. Можно заметить, что с начала II в. он постепенно стал распадаться на несколько политических групп: «консерваторов», выступавших за укрепление существовавшего положения и против каких-либо изменений в государстве; «умеренных», предлагавших реформы, в основном не затрагивавшие основ римской *civitas*; «радикалов», выступавших за аграрную реформу, постепенную трансформацию административно-управленческой системы, наиболее последовательную

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org интеграцию римско-италийского населения [16 – О существовании в сенате таких группировок в общих чертах говорит Я. Ю. Заборовский, правда, выделяя еще «военную оппозицию», см.: Заборовский Я. Ю. Некоторые стороны политической борьбы в римском сенате (4020 гг. II в. до н. э.) // ВДИ. 1977. № 3. С. 191.]. Каждую группу возглавляли бесспорные лидеры, вошедшие в историю и современную исследовательскую литературу как вожди оптиматов (консерваторы) и популяров (демократы и реформаторы). В исторической литературе политическая активизация сената (особенно с середины II в.) связывается с формированием римских политических партий. Несмотря на давний интерес исследователей, эта проблема не имеет удовлетворительного решения. Существует три принципиально отличные схемы деления сената по партийному принципу. Первая – «двухпартийная» – делит сенат на оптиматов (аристократов) и популяров (демократов): #с_131. Вторая – «многопартийная» – предлагает деление либо на личные партии политически активных лидеров: #с_132, либо на династические (родовые) партии, формировавшиеся на основе родственных отношений: #с_133. Третья – «трехпартийная» – выделяет мелкоплебейскую демократию (популяров), сенатскую олигархию (оптиматов) и партию центра (*boni*), объединявшую всех недовольных монопольным положением оптиматов и радикализмом популяров: #с_134.

Проблема римских партий сложна, аргументы историков запутанны, и мы не будем касаться этого специфического вопроса. Отметим лишь главное: основой партийного деления и партийной борьбы исследователи считают конфликт политических интересов, принимая, на наш взгляд, следствие за причину. По нашему мнению, в основе политической борьбы, разворачивавшейся в римском сенате, лежали более глубокие – социальные различия. И не так уж неправы С. Л. Утченко (отчасти), А. Б. Егоров, Хр. Мейер и др., которые подвергли сомнению наличие в Риме оформленных партий: #с_135. В условиях территориальной и социальной мобильности римско-италийского населения, образования внутри сословий различных статусных групп, ослабления традиционных общественных связей внутри гражданского коллектива и т. п. можно говорить о возможности и наличии политической борьбы, о формировании определенных типов политически активных граждан, но об отсутствии политических организаций.

После того как римляне приступили к регулярной эксплуатации италийской и провинциальной периферии, перед римским сенатом встали две задачи: во-первых, каким образом интегрировать завоеванные территории и население, и, во-вторых, как организовать управление и эксплуатацию объединенных под *imperium Romanum* народов и государств. Римский сенат не понял существа первой задачи и потому не смог решить вторую: одни сенаторы выступали за сохранение системы вассальных царств и свободных, но зависимых от Рима общин, другие стремились к более полному и прямому контролю над подчиненными территориями путем организации провинций и постепенного формирования территориальной державы. Показательна в этом отношении борьба, развернувшаяся в сенате между Марком Порцием Катонем и Публием Корнелием Сципионом Назикой по вопросу о 3-й Пунической войне и разрушении Карфагена (Liv. Per., 48–49).

Борьба сословных интересов и отсутствие четкой концепции государственного развития ослабляли власть римского сената и дестабилизировали ситуацию в Римской республике.

Говоря о римском сенате, следует иметь в виду не только его институциональные формы, т. е. конституционно-правовой статус, структуру и компетенцию, но и так называемый человеческий фактор, т. е. людей с их индивидуальными характерами, особенностями поведения и интересами. Именно второй аспект во многом определял отношение римского общества к сенату. Во III вв. современников особенно поражали и раздражали стремление некоторых сенаторов к роскоши, расточительству и разврату, желание быстрого обогащения, взяточничество и казнокрадство. Луцилий ставил знак равенства между тем, «кто к власти и к корысти ломится» (пер. Е. Рабинович – Lucil. Sat., XXVII, 29). В своих сатирах он обвинял представителей нобилитета (Луция Котту – консула 144 г., Кв. Муция Сцеволу – наместника Азии в 120 г.) в алчности и беспринципности (Lucil. Sat., II; XI, 10). Позднее, выражая, по-видимому, распространенное в римском обществе мнение о сенаторах – нобилеях, Саллюстий писал, что «цари и свободные народы платят дань нескольким знатым людям, ...одним и тем же достались и высшая слава и огромные богатства, ...это люди в высшей степени преступные, с окровавленными руками, невероятной алчности, зловреднейшие и вместе с тем надменнейшие, которым верность, честь, преданность, вообще честное и бесчестное – все

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
служит для стяжания – *reges et populos liberos paucis nobilibus vectigal pendere... penes eosdem et summam gloriam et maximas divitias esse... homines sceleratissimi, cruentis manibus, immani avaritia, nocentissimi et idem superbissimi, quibus fides decus pietas, postremo honesta atque inhonesta omnia quaestui sunt*» (Sail. Jug., 31, 9; 12).

Сам механизм формирования сенатского корпуса имел изначальный изъян, когда при выборах эдилов предпочтение отдавалось наиболее предприимчивым, а порой циничным людям. Сулла, добываясь претуры и не получив ее, ссылаясь на то, что толпа хотела видеть его эдилом (Plut. Sulla, 5).

Кроме того, в римском сознании политика, общественное положение и материальное обеспечение никогда не разделялись. Даже Цицерон считал допустимым обогащение в результате политической деятельности.

Сенат становился падким не только на деньги, но и на лесть. У Полибия есть подробный рассказ о том, как вифинский царь Пруссии II прибыл в 167–166 гг. в Рим. С бритой головой, в одежде отпущенника он упал перед сенаторами на колени и обратился к ним как к «богам-спасителям», за что и получил благоприятный ответ (Polyb., XXX, 18,1; ср.: Liv., XLV, 44, 20; Diod., XXXI, 15; App. Mithr., 2). Античная традиция сообщает о том, что послы Птолемея, Родоса, Евмена и Аттала обращались к сенату с подчеркнутым трепетом, а Тимарх – посол Антиоха – подкреплял лесть золотом. За всем этим, безусловно, выступает особое отношение глав завоеванных римлянами государств к римскому сенату. Но со стороны самих сенаторов, бесспорно, обнаруживается аристократическая спесь.

Вообще сенат пытался бороться с проявлениями негативных тенденций. В 169 г. законом Вокония, принятие которого поддержал Марк Порций Катон, запрещалось наследование крупных имуществ женщинами, что должно было приостановить концентрацию собственности (Cic. In Verr. II., I, 42, 7; Liv. Per., 41). Закон, по-видимому, не достиг цели. В 115 г. был принят закон о роскоши. Однако и его Луцилий назвал «тщетным» (Lucil. Sat., XIII, 1). Был принят закон о запрете подкупа избирателей (Liv. Per., 47). В 149 г. по предложению Луция Кальпурния Писона была учреждена постоянная комиссия сенаторов – *questio ordinaria* для рассмотрения жалоб на вымогательства римских провинциальных наместников. Постоянно проводились процессы о злоупотреблениях в провинциях; накладывались повышенные налоги на предметы роскоши (Liv., XXXIV, 44, 1–3). Однако все это были лишь паллиативные меры, которые в условиях развивавшейся борьбы за консулат (следовательно, за участие в управлении провинциями и в распределении провинциальных богатств) не могли остановить развивавшихся негативных тенденций.

Чрезвычайно показательны в этом отношении события Югуртинской войны (111–105 гг.). Они продемонстрировали, что в сенате общественные интересы были принесены в жертву частным (Sail. Jug., 25, 3). По свидетельству современников, при обсуждении дел часто побеждала та сторона, которая истине предпочитала деньги; те же, кому справедливость была дороже богатства, оказывались в меньшинстве (Sail. Jug., 15, 2, 3; 16, 1, 5; 27, 1). Дважды во время Югуртинской войны заключался, по определению Саллюстия, «позорный мир», купленный взятками (Sail. Jug., 29,1; 38,1; ср.: Liv. Per., 64). Необыкновенно метко охарактеризовал ситуацию в римском сенате и обществе сам Югуртой. Удаляясь из Рима, после того как при помощи лжесвидетельства и подкупа ему удалось оправдаться перед римлянами, он произнес: «Продажный город, обреченный на скорую гибель, если только найдет себе покупателя! – *urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit*» (Sail. Jug., 35, 10; ср.: Liv. Per., 64).

В обстановке продажности и своекорыстия сенаторы все чаще прибегали к нарушению установленной нормы и закона, а сенат отходил от политической традиции, которая, по существу, лежала в основе его власти. Такая практика получила закрепление созданием в 149–144 гг. четырех постоянных сенаторских судебных комиссий – *quaestiones perpetuae*. В результате судебные разбирательства по делам сенаторов стали внутренним делом сената. Таким образом, сенаторы получили возможность действовать произвольно, опираясь на ситуацию и личный авторитет. Именно так развивались события в 133 г., когда верховный понтифик П. Сципион Назика[17 – Веллей Патеркул особенно подчеркивал факт принадлежности П. Сципиона Назики к влиятельнейшим сенаторским фамилиям: его дед – консул 191 г. – был провозглашен «*vir bonorum optimus*» за то, что в 204 г. доставил в Рим статую Великой богини-матери (Liv., XXIX, 14); отец был дважды консулом и цензором (Vell.,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org II, 3, 1).] по собственной инициативе, не имея на то законного постановления, организовал расправу над Тиберием Гракхом (Liv. Per., 58; Plut. Tib. Gr., 19; Vell., II, 3,12; App. B. C, 1,1617).

Аппиан обращал особое внимание на тот факт, что сенат не использовал в этой ситуации законную практику, и подчеркивал, что, таким образом, именно сенат впервые нарушил принцип трибунской неприкосновенности и создал опасный для республики исторический прецедент (App. B. C, I, 16; 17)

Явления, постепенно развивавшиеся в сенате: его раздробленность на политические фракции, засилье и произвол нобилитета, когда решение важных вопросов было predetermined, а дебаты выливались в побоища, – неизбежно должны были вызвать абсентеизм части сенаторов. Тенденция, наметившаяся во II в., четко обозначилась к середине I в.: #c_136 У Саллюстия мы читаем, что некоторым сенаторам «заботы о делах государственных... совсем не кажутся желанными, так как, с одной стороны, не доблести воздается почет, с другой стороны, те, кому он достался путем обмана, не обретают ни безопасности, ни большого почета» (Sail. Jug., 3, 1).

Параллельно с развитием абсентеизма в римском сенате формировалась приверженность вождизму. Привычка видеть и чувствовать волю сильной личности, способной взять решение проблемы на себя и вместе с тем лояльной по отношению к сенату и республике, стала постоянной. На рубеже II–I вв. сенат неоднократно прибегал к объявлению *senatusconsultum ultimum*, например, в 121 г. (Plut. G. Gr., 14; Liv. Per., 61) и в 100 г. (Cic. Pro Rab., 2627; Plut. Mar., 30; App. B. C, I, 3233). Стремление опереться на сильную личность и сильную волю не означало, разумеется, принципиального «монархизма» сената, воспринималось скорее как механизм укрепления власти и влияния самого сената. Однако этот метод политической борьбы за власть, доставлявший сиюминутные выгоды, в перспективе неизбежно вел к постепенному «перетеканию» властных полномочий из рук сената к инициированным самим же сенатом чрезвычайным магистратам.

Таким образом, сенат – воплощение римской государственности, римских традиций, основных жизненных принципов и политических идеалов – постепенно утрачивал тот авторитет, на котором прежде держались его власть и влияние. Злоупотребления сенаторов своим положением, неспособность сената управлять политическими событиями и направлять их в интересах всего римского общества компрометировали всю традиционную систему публичной власти и требовали ее перестройки на новых имперских началах: #c_137. Принципы «республиканизма» и «демократизма» оказались оторванными от государственных институтов сената и комиций. И римская аристократия, и римская демократия были вынуждены искать опору вне республиканской государственной системы.

Постепенно реальное управление республикой все больше отходило к политически лидерам, активно выступавшим в сенате и народном собрании. Таким образом, возникали атрибуты новой системы власти и контроля – теперь уже над республиканскими органами управления, которые помогали узкому слою функционеров и должностных выборных лиц контролировать и сенат, и волю народа; способствовали активизации монархических тенденций, заложенных в государственно-политической системе самой римской *civitas*. Разумеется, говорить о подобных явлениях во II – начале I в. можно лишь как о возможной тенденции. Часто сами современники событий не вполне отчетливо понимали их суть.

Свойствами монархической власти изначально, с момента провозглашения республики, была наделена римская магистратура (Polyb., VI, 12; Sail. Cat., 6, 7; Cic. De rep., I, 63, 57; De leg., III, 8, 5–8; Liv., II, 1, 7). Юридически это выражалось в форме империя, предоставлявшего курульным магистратам высшую военную и гражданскую власть. В исследовательской литературе со времен Т. Моммзена получил распространение тезис лишь об относительной зависимости исполнительной власти от народного собрания и полной независимости от сената: #c_138. Нам представляется, что этот тезис статичен и не учитывает реального соотношения политических сил в Римской республике в различные периоды ее истории. Источники, среди которых важнейшее значение имеют сообщения Ливия, однозначно указывают на постепенное усиление влияния коллективных органов власти. Исполнительная магистратская власть при этом рассматривалась как высокая честь, выражение доверия римского народа и его поручение. Вместе с тем, как справедливо заметил А. Б. Егоров, монархический элемент сохранился в скрытой форме и при определенных исторических обстоятельствах мог регенерировать: #c_139.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Подобные обстоятельства начали складываться в Римской республике в связи с активной завоевательной политикой и вызванной ею трансформацией полисных основ.: #с_140

Доступность магистратуры для рядовых римских граждан была условной. В обстановке резкого усиления имущественных диспропорций, массового разорения и пауперизации плебса это стало практически невозможным. Но одновременно с развитием территориальной, внутри- и межсословной мобильности римского гражданства доступ к исполнительной власти получили *homines novi* из всаднического сословия и италийской аристократии (особенно после Союзнической войны). Их положение в римском обществе определялось имущественным состоянием. Магистратуру они рассматривали как ступень, которая могла бы привести к еще большему обогащению и более значимому общественному положению. У современников встречаются постоянные упреки в адрес римских магистратов в своекорыстии и алчности при исполнении государственных обязанностей. В поздней античной традиции этим фактам также придавалось немалое значение. Ливии рассказывал о жалобе македонян на претора Децима Юния Силана, который «грабил провинцию» (141–139 гг. – Liv. Per., 54). Известно, что проконсулы Маний Аквиллий и Квинт Муций привлекались к суду за вымогательство (Liv. Per., 70). О продажности консулов, проконсулов, плебейских трибунов и т. п. говорил Саллюстий в истории Югуртинской войны (Sail. Jug., 4, 7–8; 8, 1; 13, 6–7; 16, 3–5; 29). Ссылаясь на речь плебейского трибуна Гая Меммия, он подчеркивал, что хищения из государственной казны и вымогательства промагистратов в провинциях стали к концу II в. привычными. Югуртинская война, по его мнению, продемонстрировала, что «в Риме и на войне интересы государства выставлены на продажу – *domi militiaeque res publica venalis fuit*» (Sail. Jug., 31, 25).

В новых условиях значительные деформации исполнительной власти были обусловлены также процедурой магистратских выборов: #с_141. В соответствии с римской традицией обычной практикой было самовыдвижение кандидатов на магистратские должности и открытая подача голосов во время голосования. Уже на подготовительном этапе (накануне голосования) разгоралась борьба за голоса избирателей. Важную роль в предвыборной борьбе получила инвектива – искусство личных нападок на противника, его родственников и личную жизнь. На критике непопулярной политики сената и его кандидатов было совсем нетрудно заработать политический капитал. У Ливия есть замечательный рассказ о том, как во время консульских выборов на 184 г. консул Аппий Клавдий так бурно и беззастенчиво агитировал за своего брата Публия Клавдия, что сенат вынужден был напомнить ему, что он «должен быть сначала консулом римского народа, а уж потом братом соискателя магистратуры» (Liv., XXXIX, 32, 10). Ливии специально подчеркивал, что соперниками Публия Клавдия были опытные политики и влиятельные патриции; тем не менее избранным оказался именно он. У Аппиана сохранились подробные сведения об избирательной кампании Тиберия Гракха в 133 г., когда он лично обходил плебейские кварталы Рима и призывал голосовать за него (App. V. C, I, 14).

Однако самым важным аргументом в пользу кандидата в условиях, когда народное собрание было представлено в основном пауперизированной массой, являлась его способность на щедрые раздачи. Обычным явлением стала практика покупки голосов. В середине I в., по свидетельству Аппиана, плата за эпонимные магистратуры достигала 800 талантов (App. V. C, II, 19).

Видимо, со временем консульские выборы стали такими бурными и скандальными, что вызвали необходимость принятия специального закона о порядке прохождения должностей и об ограничении предвыборных злоупотреблений. Он был внесен в народное собрание плебейским трибуном Л. Виллием Анналом в 180 г. (Liv., XL, 44, 1). Однако, зная хитросплетения римской политической системы, этот закон можно было обойти. Не случайно со второй половины II в. получает распространение практика перехода в плебейское сословие, что давало возможность быть избранным на должность народного трибуна и оставаться у власти сколько угодно долго.

Таким образом, римская магистратура из высокой чести и достойного служения Республике постепенно «выродилась» в возможность удовлетворения личных амбиций и корыстных интересов. Более того, политическая практика II – начала I в. внедряла в общественное сознание идею значимости не столько конкретных действий, сколько результатов, восприятие сильной личности как носительницы не столько полномочий, сколько возможностей.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Римлянам вообще была чужда идея внешних ограничений власти. Предел личному произволу ставили не нормативные права и обязанности, а в соответствии с целями личные представления магистратов о границе собственных полномочий. Это было характерно для ординарной магистратуры (цензоров, консулов, преторов), но еще более – для носителей экстраординарных полномочий (диктаторов), в том числе и для промагистратов. Цензоры формально в осуществлении «сенатской политики» были неподвластны и неподотчетны никому. Хотя цензорские полномочия были четко определены, границы компетенции определялись личными представлениями о целесообразности и соответствии тех или иных решений традиции. Консулы считались прямыми наследниками царской власти, разделенной, однако, между двумя ее носителями и ограниченной годичным сроком. Преторы при всей конкретности их функций сами преторскими эдиктами устанавливали правила судопроизводства. Власти диктатора в сфере его компетенции подчинялись все другие магистраты.

В основе подобного отношения к власти лежало несколько определяющих принципов римских общественных отношений: во-первых, представление о патриархально-общинном единстве римского гражданства и патерналистском характере властных полномочий; во-вторых, развитые отношения патроната – клиентелы: #с_142. Эти принципы опирались не столько на государственно-правовую, сколько на религиозно-нравственную традицию. В соответствии с ними предполагалась зависимость младшего члена общины и клиента от *auctoritas* отца и патрона; гражданские и клиентские связи, в основе которых лежало понятие о верности – *fides*, допускали добровольное подчинение сильному человеку.

Полномочия, порядок осуществления власти, компетенция римских магистратов с юридической точки зрения не были точно определены. Они руководствовались в своих действиях обычаями, традицией и перспективой ответственности после сложения полномочий. Их отношение к собственному положению зависело во многом от личных качеств, от лояльности по отношению к сенату и народному собранию. Это приводило к нарушению сложившейся практики, особенно в чрезвычайных условиях, вызванных ведением продолжительных военных кампаний или социальной нестабильностью в самом Риме.

Начиная с III в. наблюдается нарушение традиции в отношении возрастного ценза, порядка прохождения должностей и т. п. Так, в ходе 2-й Пунической войны, которая потребовала от римлян колоссального напряжения сил, сенат и народное собрание путем «изъятия из закона» или «сверх принятого порядка – *extra ordinem*» допускали отступления от политической нормы, предоставляя отдельным политически активным гражданам чрезвычайные поручения. Практика чрезвычайной власти создавала абсурдную политическую ситуацию: по существу, действовало две управленческие структуры – государственная республиканская и «аппаратная», расположенная в иерархии власти выше государственной. Ярким примером в этом плане является политическая биография Публия Корнелия Сципиона Африканского: #с_143. В 216 г. в должности военного трибуна он принял на себя командование отрядом римских воинов, уцелевших после сражения при Каннах (*Liv.*, XXII, 53); в 213 г. в 22 года был избран курульным эдилом, а на возражение народных трибунов по поводу несоответствия возрастному цензу ответил, что такова воля римского гражданства (*Liv.*, XXV, 2, 6-7; ср.: *Polub.*, X, 4); в 24 года на народном собрании получил командование в Испании, после того как, по сообщениям Ливия и Аппиана, в день выборов никто не выставил своей кандидатуры (*Liv.*, XXVI, 18-19, 1-4; *App. Iber.*, 18). Избрание проконсула народным собранием было экстраординарной процедурой. Кроме того, проконсульская должность была вручена человеку, не занимавшему еще курульной должности. В 206 г. Сципиона, не достигнувшему к тому времени 30-летнего возраста, помимо всяческих рекомендаций сената «все центурии при общем одобрении провозгласили консулом» (*Liv.*, XXVIII, 38, 6). Суть этих событий и наметившаяся политическая тенденция были очевидны для современников. Пожилой и прославленный сенатор Квинт Фабий Максим в день консульских выборов говорил так: «Я полагаю, что Публий Корнелий избран консулом ради государства и нас, а не от своего имени ради себя самого, и что войско набрано для защиты Италии и Рима – *ego, patres conscripti, P. Cornelium rei publicae nobisque, non sibi ipsi priuatim creatum consulem existimo, exercitusque ad custodiam urbis atque Italiae scriptos esse, а не ради царственных амбиций консула*» (*Liv.*, XXVIII, 42, 22).

Политическую карьеру Сципиона отчасти повторил Тит Фламинин, ставший консулом в 30 лет после того, как отслужил квестуру (*Liv.*, XXXII, 7, 9; *Plut. Flam.*, 2). Мы не касаемся в данном случае вопроса о том, насколько

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
подражание Сципиону было субъективно осознано фламинием: #с_144. Важнее другое: по сообщению Ливия, народные трибуны категорически возражали против избрания фламиния консулом, заявляя, что нарушается традиционный порядок прохождения магистратур – *gradus honorum* (Liv., XXXII, 7,10, 2).

За рамки обычного выходило продвижение по лестнице должностей Публия Лициния Красса Дивита, ставшего в 30 лет великим понтификом, затем до консульства – цензором и только позднее – консулом (Liv., XXV, 5, 3; XXVII, 6, 17). Известно, что относительно понтификата возрастных ограничений не было. Тем не менее у Ливия эта ситуация зафиксирована как исключительная.

Развитие практики экстраординарных поручений обозначило начавшиеся процессы оживления политического индивидуализма и персонализации власти. В свою очередь эти процессы имели негативные последствия для республиканской системы: политически активная личность для достижения своих целей, как правило, использовала широкую демагогическую программу и пыталась опереться на народное собрание; римская демократия, таким образом, отрывалась от республиканских структур и получала опору во вне республиканских элементах.

Если в Риме во второй половине II – начале I в. главные вопросы государственной жизни формально еще решались по формуле *Senatus populusque Romanus*, то на местах властные отношения приобрели совершенно иной характер. Активная и продолжительная экспансия Рима в Италии и за ее пределами, потребовавшая реорганизации военного командования и концентрации власти в руках полководцев, породила практику продления полномочий ординарных магистратов, прежде всего состоявших при войсках консулов, в форме пролонгированной магистратуры. Первоначально это была, с одной стороны, мера чрезвычайная, вызванная необычными обстоятельствами; с другой – попытка решить насущные вопросы государственного управления, не меняя по существу структуры римской государственной власти. Еще Т. Моммзеном была высказана мысль о том, что развитие промагистратского империя составляло сущность процесса трансформации Римской республики в империю, а такие элементы республиканской власти, как *imperium proconsulare* и *tribunicia potestas*, являлись юридической основой власти принцепса. С тех пор к проблеме исследования промагистратской власти обращаются практически все исследователи ранней империи: #с_145. Чтобы правильно определить основную тенденцию эволюции промагистратуры, необходимо прежде всего рассмотреть вопросы о ее происхождении, характере и положении в общей республиканской структуре.

В соответствии с античной традицией впервые звание проконсула получил Кв. Публий Филон в 327 г. в войне против Палеполя (Liv., VIII, 23,12; 26, 7). Позднее, в 308 г., срок консульских полномочий был продлен Кв. Фабия «за славно покоренную Этрурию – *ob egregie perdomitam Etruriam*» (Liv., IX, 41, 1). В 297 г. пролонгированный на 6 месяцев консульский империй получили консулы для ведения войны в Самнии (Liv., X, 16,1). Следующий факт продления империя связан с Л. Волумнием (295 г. – Liv., X, 22, 9).

Первые проконсулаты имели чрезвычайный характер и были связаны с военными функциями. Процедура предоставления проконсульской власти практически соответствовала приведению к должности диктатора. Полномочия проконсула предоставлялись по инициативе сената, на основании сенатского постановления и решения народного собрания – *ex senatus consulto et scito plebis* (Liv., X, 22, 9). Поскольку, как правило, продление полномочий было вызвано военной необходимостью, вопрос решался в центуриатных комициях. На это есть и прямые указания Ливия (Liv., X, 15, 7–12; 22, 1, 89). Процедура продления консульских полномочий, как правило, была связана с выборами консулов на предстоящий срок. Поскольку организация выборов высших магистратов входила в консульские обязанности, консул вносил в комиции предложение сената о пролонгации полномочий. Проблемы с кандидатурой промагистрата не возникало – полномочия продлевались консулу, который вел успешные военные действия. По сути, промагистрат не избирался, а назначался. Только одно упоминание Ливия не позволяет закрыть вопрос о процедуре продления консульского империя окончательно. Мы имеем в виду события 327 г., когда впервые был избран проконсул: оба консула вели успешные военные действия и не могли быть отозваны для проведения новых выборов; сенат обсудил вопрос о пролонгации консулата с народными трибунами и, видимо, окончательное решение было принято плебейскими комициями.

В источниках нет полных и точных сведений о компетенции и положении раннереспубликанских промагистратов. При решении этих вопросов можно

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
высказать лишь некоторые предположения.

Полномочия проконсулов юридически не устанавливались. Закон о предоставлении пролонгированного империя предполагал лишь взаимоотношения промагистратов с центральной властью. Промагистратура опиралась на высшую военную власть – консульский *imperium maius*. Но она вводилась исключительно для решения внешнеполитических задач и в Риме не могла иметь силы: проконсул являлся в город как частное лицо. И. Бляйкен выделял промагистратуры с «независимым империем», когда полномочия не оговаривались строго, и с «зависимым империем», когда власть промагистратов зависела от суммы предоставленных законом прав: #с_146. На наш взгляд, это различие имеет формальный характер, т. к. при условии отдаленности республиканских органов власти и в военных обстоятельствах трудно было проследить, насколько промагистраты придерживались установленных ограничений.

Вероятно, на вверенной проконсулам территории они выступали полновластными правителями, т. к. в их лице концентрировалась высшая военная, гражданская, судебная и законодательная римская власть. Их положение было независимым и бесконтрольным. На них не оказывали давления ни коллегиальная, ни трибунская интерцессия, ни возможность провокации, т. к. они действовали без коллеги, власть трибунов не распространялась за пределы померия. Если говорить о провокации, то следует учесть, что в сфере *militiae* даже на консулов до 123 г. она не распространялась. Не случайно античная традиция оценивала положение промагистратов как царское (Polyb., X, 40, 4; Liv., XXXVIII, 42, 10–11).

Мы согласны с высказанным в исследовательской литературе мнением о том, что промагистратская власть имела локально ограниченный авторитарный характер: #с_147. Действительно, своеволие промагистратов реально сдерживалось лишь двумя обстоятельствами. Во-первых, после сложения пономочий они должны были представить в сенате отчет о своей деятельности. Но он мог иметь формальный характер. Во-вторых, промагистратский империй первоначально был ограничен сроком (6 месяцев) или необходимыми конкретными задачами (как раннереспубликанская диктатура), а также территорией (в отличие от раннереспубликанской диктатуры). До конца III в. проконсульства были недолгими (1–2 года). Затем, особенно во II в., несмотря на возмущение римского гражданства, промагистратуры приобрели длительный характер, например, проконсульство П. Корнелия Сципиона в Испании, М. Клавдия Марцелла в Сицилии, Л. Манлия Ацидина в Испании и др.: #с_148 Важную роль в развитии этой тенденции, на наш взгляд, сыграл закон виллия 180 г., который не только определил порядок прохождения ординарных магистратур, но и трансформировал промагистратуру: введением 10-летнего перерыва между исполнением одной и той же должности *lex Villia* направил политическую активность отслуживших высшие магистратуры римских политиков в провинции.

Таким образом, со временем единственным серьезным фактором, сдерживавшим полновластие промагистрата, осталось территориальное ограничение. По существу, в форме промагистратской власти монархический элемент, ограниченный римской республиканской конституцией, восстанавливался, но не в Риме, а за его пределами. С середины III в., когда были организованы первые провинции, промагистратура получила ординарный характер, но существо ее власти не изменилось. Это во многом способствовало дестабилизации политической ситуации в Риме, т. к. привело к усилению борьбы за консулат, открывавший дорогу к армии, провинциальным доходам и неограниченной власти. Кроме того, привычку к самовластию и установившимся за время управления провинциями отношениям команды-подчинения промагистраты переносили в Рим, что вызывало деформацию общественных связей. Просопографические исследования и многочисленные исторические факты позволяют говорить о чрезвычайном, выходящем за рамки республиканских представлений и норм, возвышении личности, достигнутом на основе промагистратских полномочий.

Могла ли промагистратская власть стать основой трансформации Римской республики в империю? Несомненно да, но при определенных условиях: необходимо было преодолеть те немногие ограничения, которые предполагались по закону и римской конституции. Не случайно именно на основе промагистратского империя в середине I в. возникнут диктатуры Суллы и Цезаря.

Большое значение в процессе эмансипации политически активной личности и усиления политического лидерства сыграли изменения в военной сфере. Участие римских граждан в народном ополчении, как и их участие в политической жизни

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org *civitas* и производительный труд, было обязательным. Военная служба выступала воплощенным принципом римского гражданского статуса и была формой социально-политической идентификации личности: #с_149. Римский гражданин гордился правом служить, а римский воин – званием гражданина. Идя в армию, римлянин лишался части гражданских прав, переходил в сферу отношений, где действовали иные правовые и религиозно-нравственные нормы, воинская дисциплина и власть военачальников: #с_150. Не случайно существовал и обряд триумфа, который являлся не только демонстрацией римских побед, но в сакральном смысле был призван очистить и искупить преступления воинства. Особый статус римского воина определял специфический характер отношений в воинской среде, особый характер отношений полководца и армии – персонализированное военное лидерство, взаимные личные обязательства и суровую дисциплину. Эти отношения закреплялись личной заинтересованностью каждого воина в исходе военной кампании, поскольку для Рима войны V–III вв., и особенно II в., были не только актом военно-политического и государственного, но и хозяйственно-экономического значения, приносили гражданам добычу, служили источником существования и обогащения.

Продолжительные военные кампании диктовали необходимость заменить ежегодно сменяемое консульское командование многолетним промагистратским. В этих условиях императивность установления особых личных отношений полководца с солдатами неизбежно усиливалась. Важное значение на деформацию римской республиканской военной системы оказала, на наш взгляд, конкретная историческая коллизия, связанная с военными неудачами и потерями в ходе 2-й Пунической войны. Так, после поражения при Каннах для пополнения воинского контингента был снижен минимальный ценз, позволявший гражданам вступать в армию. Набирали даже рабов и заключенных. П. Корнелию Сципиону было отказано в войске, и ему пришлось набирать добровольцев (Liv., XXVIII, 45,13). Несмотря на вынужденный характер, подобные действия создавали весьма опасные для республиканской традиции прецеденты.

На основании сообщений Ливия, возникает впечатление, что после 2-й Пунической войны римские граждане не хотели воевать. Известны, например, гарантии П. Корнелия Сципиона по поводу освобождения ветеранов от дальнейшего участия в войнах. Македонская война (200–197 гг.) началась при активном нежелании комиций (Liv., XXXI, 6, 1–6). Это делало практику набора добровольцев еще более актуальной. Так, Гай Фламиний набирал добровольцев даже в Африке, Сицилии и Испании (Liv., XXXV, 2, 8–9). Отчасти на добровольной основе осуществил набор Луций Сципион для ведения Сирийской войны (Liv., XXXVII, 4, 3).

При наборе добровольцев воины не приводились к государственной присяге и не могли претендовать на государственное жалование. В этом случае источниками их существования становились удача и щедрость полководца. Это, безусловно, усиливало влияние и авторитет последнего.

Личные отношения продолжали связывать полководцев и ветеранов их армий и в мирной жизни. Думается, не случайно Публий Корнелий Сципион Африканский, который первым использовал практику добровольного набора, был, по сообщению Ливия, первым, кто организовал наделение своих ветеранов земельными участками (Liv., XXXI, 4, 1). Позднее (в I в.) это вошло в обычай. Поскольку земельные и другие, например денежные, раздачи исходили не от общины, а от победоносного императора, заставлявшего каждый раз сенат удовлетворять требования ветеранов, надежды солдат на государственную поддержку ослабевали, но одновременно крепла вера в полководца: #с_151. Популярность военного вождя укреплялась его личными качествами, а порой и сознательными претензиями на авторитет, освященный сакральной традицией. Замечательным является тот факт, что, по данным античной традиции, все тот же Сципион Африканский активно поддерживал возникавшие слухи о его божественном происхождении и особом предназначении (Polyb., X, 2, 5–13; Liv., XXVI, 19, 1–9; Dio Cass., XXXVI, 56; ср.: Val. Max., I, 2). Что Сципион заботился таким образом об укреплении своего положения и популярности – это не требует доказательств, и мнение некоторых современных исследователей об истинности его переживаний и искренности поведения: #с_152 не противоречит нашему утверждению. Впрочем, есть и доказательства: если не непосредственный современник, то человек, близкий к дому Сципионов – Полибий, писал, что за всеми подобными действиями стоял политический расчет (Polyb., X, 2, 10–12). Позднее Ливий подчеркивал, что, возможно, Сципион и был во власти суеверий, но это позволяло ему ловко манипулировать настроениями толпы и укреплять веру в себя и свою правоту (Liv., XXVI, 19, 5–6).

Все обозначенные новации имели важные и далеко ведущие социальные последствия: укреплялась персональная связь между солдатами и полководцем, формировалась своего рода военная клиентела, которая во много раз превосходила аристократическую гражданскую клиентелу, что было важным фактором усиления персонального политического влияния: #с_153. Командование армией стало рассматриваться как возможность дальнейшего продвижения по политической лестнице, служба – как ступень к возвышению. Чрезвычайно показателен такой факт: когда еще в начале II в. Марк Порций Катон после своего триумфа отправлялся в Испанию служить военным трибуном у своих преемников, это было воспринято как вызов обществу (Plut. Cato Maior, 12).

Важную роль в закреплении наметившихся еще в III в. и получивших развитие во II в. тенденций сыграла военная реформа, которую античная традиция приписывает Гаю Марию. Большинство современных исследователей считает авторство Гая Мария условным, поскольку, по их мнению, он лишь кумулировал накопившиеся новации и придал им постоянную основу: #с_154. Марий, действительно, набрал армию «не по обычаю предков и не по разрядам (pop more maiorum, neque ex classibus), а всякого, кто пожелает, большей частью лично внесенных в списки» (Sail. Jug., 86, 2; ср.: Plut. Mar., 9 – «вопреки закону и обычаю»; Val. Max., II, 3, 1; Flor. Ep. bell., III, 1, 13). Таким образом, Марий закрепил форму комплектования армии, которая стала актуальной во время кризиса Римской республики. К тому же набор добровольцев был вызван, видимо, конкретными потерями и разорением в ходе Кимврской войны.

Римское войско формировалось теперь и по призыву в соответствии с цензом, и на добровольной основе из числа неимущих граждан. Для последней категории легионеров основным источником доходов стало не государственное жалование, а военная добыча; личные интересы концентрировались вокруг военного лагеря; согражданами выступали такие же легионеры; норму жизни определял лагерный уклад, единственно возможной формой социальных контактов были отношения команды-подчинения. Служение Республике, защита ее интересов, осознаваемая прежде как долг, постепенно отходили на второй план: #с_155. Победоносный полководец стоял для солдат выше, чем Рим и его законы.

Связь традиционных понятий «воин – гражданин» оказалась нарушенной. Идея сосредоточения власти в руках командующего стала популярной среди солдат и ветеранов. Для командира открылись перспективы достижения единовластия при опоре на армию: #с_156.

В исследовательской литературе можно встретить противоположные оценки социально-политического значения военной реформы Мария. Одни исследователи вслед за Т. Моммзеном считают, что она заложила основы будущей римской монархии: #с_157; другие – что она вызвала преобразования в направлении общей демократизации римского общества: #с_158. Нам представляется, что при всей совокупности новаций, возникших в военной сфере на рубеже II–I вв., нельзя не видеть в ней определенного традиционализма – связи с полисно-республиканскими формами и нормами. Солдаты оставались римскими гражданами, полководцы – римскими магистратами, которые в провинциях воплощали власть римского государства [18 – Совершенно справедливо, на наш взгляд, суждение А. В. Коптева о невозможности в начале I в. разделения интересов реформированной Марием армии и гражданства в земельном вопросе. См.: Коптев А. В. Античная форма собственности... С. 26. Принимая этот основной тезис, мы тем не менее не можем согласиться с автором в некоторых частных вопросах, например, о том, что вмешательство полководцев в решение аграрной проблемы не имело заметных социально-политических последствий вплоть до времени Сатурнина.]. Поведенческие стереотипы полководцев и легионеров были ориентированы на республиканские императивные нормы. По точному, на наш взгляд, наблюдению А. Б. Егорова, все это сдерживало процесс реформации римской civitas, тормозило развитие антиполисных явлений – военной диктатуры и в конечном счете монархии: #с_159. Кроме того, мы считаем необходимым подчеркнуть, что все отмеченные нами изменения римской военной системы, даже связанные с мероприятиями Мария, выглядят на рубеже II–I вв. не как свершившийся факт профессионализации армии: #с_160, а как тенденция, безусловно, опасная для Республики: на основе наделения земель ветеранов формировалось не столько римское гражданство, сколько новая социальная среда, часто изолированная от римско-италийского населения, но тесно связанная с бывшим полководцем; на основе развивавшихся в военной среде личных отношений полководца и солдатской массы возникала реальная сила (сначала в лице действующей армии, затем в лице армии ветеранов) для

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org осуществления политических амбиций и становилось возможным использовать ее в гражданских столкновениях и конфликтах отдельных политиков. Первым серьезным проявлением обозначенной тенденции стал переворот Суллы 88 г., а затем его диктатура 82–79 гг.

Закljučая сюжет, еще раз подчеркнем те аспекты социально-политической истории Рима II – начала I в., которые представляются наиболее значимыми. Важнейшим фактором эволюции римской государственности в этот период стала дезорганизация и модификация всех тех начал, на которых была создана Римская республика и на которых она до этого времени покоилась. Дезорганизация была обусловлена как активизацией внешней римской агрессии в целом, так и постепенным усложнением внешнеполитической ситуации; изменением отношений внутри римско-италийской федерации и расширением римской периферии. Рим, оставаясь формально гражданской общиной, превратился по существу в территориальную державу. Расширение территорий, объединенных римским империем, обусловило чрезвычайную территориальную мобильность римского гражданства и особенно не связанного границами римской *civitas* италийского населения. Римские граждане и италики, вплоть до начала I в. не включенные в состав римского гражданства, оказались разбросанными по миру. В результате усилилась социальная мобильность: принадлежность к гражданскому коллективу постепенно начала заменяться территориальной, общинные отношения – общественными. Вместе с тем полисные принципы социальной организации (принцип римского гражданства и соответствовавших ему социальных прав и обязанностей) оставались доминирующими: население Рима, Италии и провинций в связи с этим оказалось чрезвычайно дезорганизованным; появились новые статусные группы со своими правами, обязанностями и претензиями. Даже после Союзнической войны значительная часть италиков, провинциалы, вольноотпущенники, рабы не были последовательно интегрированы в римскую социальную структуру. При этом мера страданий и социальных потрясений, которые переживали эти сословные группы, была различна, но всех объединяло то, что они были лишены полноценного гражданского статуса. Те же, кто этот статус сохранил, пытались закрепить его и противопоставить остальным. Это вызывало социальное напряжение и требовало адекватных мер.

Территориальная и социальная мобильность имела важные политические последствия. Рассеянные по огромной территории римские граждане оказались лишены возможности полноценной государственной жизни и полноценного государственного мышления, сопряженного с политической практикой. Народное собрание перестало быть выразителем воли демократического большинства и превратилось в собрание люмпенизированной массы. Сенат также оказался дезорганизованным и утратил социально-политическое единство. Для сенатского большинства была характерна политическая пассивность и консерватизм; для сенатского правящего меньшинства – социально-политический эгоизм. Реально у власти оказался гетерогенный блок сил, в той или иной степени понимавший необходимость реформ. Внутри этого блока шла сложная борьба за гегемонию. Эта борьба стала фактом кризиса римского государственно-политического республиканизма, ослабления римской демократии, усиления политического лидерства и нарастания монархических тенденций.

2. Трансформация межличностных отношений и ценностных общественных образцов

Государство – система публичной власти и права, основанная на социально-экономических связях, безусловно, организующая сила общества. Но не только власть и право определяют нормы жизни. Важным элементом культурной основы государственности является ценность определенного типа межличностных отношений. Состояние общественных отношений в Риме во II–I вв. в исторической литературе оценивается по-разному: «революция», «кризис», «переходность», «процесс обновления», «адаптация» и т. п. При всем многообразии дефиниций исследователи имеют в виду такое состояние общества, при котором обнаруживаются кардинальные структурные изменения во всех сферах жизни при одновременном зарождении новых структур, в том числе и в области межличностных отношений. А. Тойнби определил подобное состояние как «палингенез», что соответствует понятию «регенерация» или «внутреннее возрождение»: #с_161.

Специфика межличностных отношений в Риме определялась тем, что Римская республика оформилась и развивалась как гражданская община – *civitas*. Это

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org предполагало особый тип социальных связей, особую систему эталонных норм и морально-этических ценностей, особый менталитет, т. е. особые социально-психологические стереотипы, автоматизмы поведения, привычки сознания и ценностные ориентации. Еще Р. Пельман определил подобный тип общественных отношений как уравнилельно коммунистические: #c_162. О равенстве и коммунизме древних римлян говорил Ж. Вальтер: #c_163. Развернутую характеристику подобной модели социальных связей дал Ф. Теннис: #c_164, а В. Тернер определил подобный тип отношений как «коммунократический», «коммунитарный» или «солидаристский»: #c_165. Против подобного определения социальных отношений в республиканском Риме особенно резко выступали сторонники ортодоксального марксизма и формационной теории общественного развития. Безусловно, в определениях Р. Пельмана и его последователей заметна модернизаторская тенденция. Однако эгалитаризм и принудительная нивелирующая социально-экономическая тенденция были естественными для общинных социальных отношений и межличностных связей. В общине неотъемлемой и необходимой формой существования было объединение всех ее членов во имя общего блага в союз на основе общности территории и коллективного владения землей. При этом основными принципами, эталонными нормами социального поведения были следующие. Каждый член общины обязан трудиться и имел такую возможность. Труд должен быть умеренным, и отдельный общинник не должен выделяться из общего ряда. Община гарантировала каждому своему члену определенный материально обеспеченный досуг, если человек принимал на себя необходимые обязательства. Общинные интересы имели приоритет перед интересами личными и семейными. Община имела право вмешиваться во внутрисемейные и личные отношения, если они вступали в противоречие с нормой и традицией. Между общинниками по всем вопросам должно существовать согласие, они должны поддерживать коллективизм, солидарность и общинные морально-этические нормы. Коллектив и каждый в отдельности ориентировался на старину как на образец. Инициатива признавалась до тех пор и в тех границах, пока она не нарушала обычая: #c_166.

Эти принципы обеспечивали стабильность, закрепляли корпоративный дух, обеспечивали прочную связь индивида с общиной. Такое единение имело много проявлений: общественные раздачи, угощения, общественные культовые праздники, зрелища. При этом каждый член общины стремился к публичности. Не было сугубо личных дел, которые не касались бы соседей, родственников: свадьба, рождение, похороны, передача и получение наследства не были действительными, если не одобрялись общиной. Открытость личности была необходимым условием ее действительности; публичность общественных отношений – условием действительности этих отношений. Одиночество (индивидуализм) воспринималось как величайшее преступление и тягчайшее наказание. Мы согласны с Г. С. Кнабе, который определил сущность социальных связей в римской общине – *civitas* – как равновесие общего и частного, гражданского и личного: #c_167.

Таким образом, характер социальных связей в римской *civitas* был задан объективно, а главными условиями их стабильности были консерватизм и традиционализм всех сторон общинного бытия. Однако развитие римской гражданской общины не могло не менять заданной объективной реальности. Изменения общинных социальных связей были также объективно заложены. Рядом с объективно заданной идеологией консерватизма и традиционализма возникла и укреплялась столь же объективно заданная идеология развития и новаций: #c_168. В истории римской общины эти тенденции сосуществовали. В V–III вв. в период становления и развития *civitas* определяющей была первая: #c_169. Именно это время считалось латинскими авторами продолжением времени «предков» с их доблестями, обычаями, институтами. К этому же времени относятся и выделенные Полибием идеальные качества римлян, которые обеспечивали им победы и оправдывали притязания на мировое господство: совершенство политического строя; мудрость решений; способность усваивать то, что полезно для равновесия в государстве; справедливое распределение наград и наказаний; равная выгода для всех от откупов; соблюдение обычаев и законов; прославление подвигов предков, воспитывавшее патриотизм и мужество; жизнь скромная, без роскоши; неподкупность и верность долгу (см.: Polyb., III, 118, 79; VI, 10, 10–13; 14, 79; 18, 4; 47, 14; 56, 615; IX, 10, 1; XVIII, 35, 1–2). Хотя необходимо подчеркнуть, что уже в Ранней республике консервативная идеология не была универсальной: принятые в ходе борьбы патрициев и плебеев реформы диктовались необходимостью перемен (Liv., IV, 4, 1–2).

Развитие Римской республики способствовало накоплению новаций в

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org экономической и социально-политической сферах жизни. Это не могло не влиять на сферу межличностных отношений. Постепенно стала заметной вторая тенденция, обозначился конфликт традиции и новаций, традиционализма и «модернизма». В исследовательской литературе хронологические рамки этого конфликта определяются по-разному и связываются с различными событиями. В последнее время его начало относится большинством исследователей к событиям середины II в., на которые ссылались еще античные авторы (выступление братьев Гракхов и широкое социально-политическое движение, им вызванное – *Cic. De rep.*, I, 19, 31; *De leg.*, III, 19, 19). Некоторые историки обращают внимание на события I в., когда кризис Римской республики стал необратимым: #с_170. Нам представляется, что изменения межличностных отношений в Риме становятся заметными сразу после 2-й Пунической войны. В трудах античных авторов уже это время окрашивается чувством скептицизма и пессимизма, вплоть до признания ими начавшегося духовного кризиса, охватившего римское общество. Во время цензорских выборов 185 г. Марк Порций Катон Старший обличал людей, погрязших в пороке, и настаивал, что Риму необходимо очищение (*Plut. Cato Maior*, 16; ср.: *Plut. Reg. et imper. apophth.*, 199 в). Правда, в это время идеология новаций не развилась до степени теоретического осмысления. Теоретические обобщения были сделаны позднее. Так, Веллей Патеркул связывал начало разложения римской нравственности с итогами Пунических войн, особенно – второй. Он писал: «Старший Сципион положил начало могущества римлян, следующий (Младший. – Н. Ч.) – их изнеженности: ведь избавившись от страха перед Карфагеном, устранив соперника по владычеству, не постепенно, но стремительно они отошли от добродетели и перешли к пороку; старый порядок был отброшен, новый введен; граждане обратились от бодрствования к дреме, от воинских дел – к удовольствиям, от трудов – к праздности – *Potentiae Romanorum prior Scipio uiam aperuerat, luxuriae posterior aperuit: quippe remoto Carthaginis metu sublataque imperii aemula, non gradu, sed praecipiti cursu a uirtute descitum, ad uitia transcursum; uetus disciplina deserta, noua inducta; in somnum a uigiliis, ab armis ad uoluptates, a negotiis in otium conuersa ciuitas*» (*Vell.*, II, 1, 1–7). Как фактор морального упадка римлян рассматривал отсутствие *metus hostilis* после победы над Карфагеном Саллюстий (*Sall. Cat.*, 10, 1; *Iug.*, 41, 1). Наиболее полно динамика процесса нравственного разложения римского гражданства представлена Ливием. Он считал, что начало этому было положено столкновением Рима с Азией (*Liv. Per.*, 39). Именно в азиатских легионах Гнея Манлия в 187–183 гг., по его мнению, распущенность приобрела недопустимые формы и размах (*Liv.*, XXXIX, 1, 4). Ливий подчеркивал: «...Начало чужеземной роскоши в Городе было положено азиатским воинством... Однако это тогда едва было заметным, это были лишь зародыши будущих пороков – *luxuriae enim pere-grinae origo ab exercitu Asiatico inuecta in urbem est... uix tamen ilia quae turn conspiciebantur, semina erant futurae luxuriae*» (*Liv.*, XXXIX, 6, 7–9). В целом в изложении Ливия эволюция римских общественных отношений представляется следующим образом: «...Сначала последовал разлад нравов, затем они падали больше и больше, наконец, падение стало неудержимым, пока (дело) не дошло до настоящих времен, когда ни пороки наши, ни средства (от них) мы не можем терпеть – *labente deinde paulatim disciplina uelut desidentes primo mores sequatur animo, deinde ut magis magisque lapsi sint, turn ire cooperint praecipites, donee ad haec tempora quibus nee uitia nostra nee remedia pati possumus peruentum est*» (*Liv. Praef.*, I, 9, 4–7).

Хронологически это, по всей видимости, можно представить так: процессы ослабления традиционных связей и развития нехарактерных для римской *civitas* межличностных отношений становятся заметными к середине II в., на рубеже I в. эта тенденция делается ведущей, а в середине I в. – уже определяющей. Однако даже в условиях прогрессирующего разложения общинных отношений и формировавшихся имперских связей проблема сосуществования традиции и новаций оставалась актуальной для римского общества.

Во II–I вв. происходило медленное вытеснение традиционного новым. Однако специфика эволюции Римской республики состояла в том, что трансформации не получали окончательного завершения, а накапливались: «новое» сосуществовало со «старым», одно противопоставлялось другому. В этом процессе могли иметь значение несколько факторов, часть которых была заложена уже в самой римской *civitas*. Первый из них – структурно-функциональный дуализм гражданской общины. Перед римской *civitas* изначально стояла двойственная задача: удовлетворение потребностей живших на ее территории людей и организация публичной власти. Общинные интересы порождали неофициальные отношения (личные или групповые), необходимость осуществления государственных задач вела к формированию официальных структур и

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org официальных отношений. Этот социально-функциональный дуализм римской общины усугублялся следующим обстоятельством. В римской общине господствовало мнение, демократическое по своей сути, что избранные лица всегда должны выполнять волю избирателей. Но должностные лица избирались на народных собраниях, а их основная деятельность проходила в сенате. Как государственные чиновники они должны были отстаивать интересы всей общины, как члены определенной группы – выражать ее интересы. Как избранные в народном собрании они должны были отстаивать интересы демократического большинства, но чтобы оказаться в сенатском списке – соответствовать нормам и требованиям аристократической этики. Поскольку в Риме не было четко разработанного и зафиксированного государственного права, осуществление властных полномочий во многом опиралось не на легитимный порядок, а на норму, традицию, импульсивную импровизацию должностных лиц. Последние имели возможность отстаивать интересы выдвинувших их групп, даже вопреки интересам государства. Подобный структурно-функциональный дуализм римской общины объективно был основой нарушения заложенных общинных традиций, развития настроений индивидуализма, с одной стороны, и социального отчуждения, формирования отношений команды-подчинения – с другой: #c_171.

Второй фактор – общие мировоззренческие установки древних римлян, их религиозно-этические нормы. Для римлян было характерно отсутствие идеализации загробного существования: #c_172. Это ориентировало людей на земные ценности, активное отношение к действительности, тенденцию к преобразованию окружающего мира, социальную динамику.

Объективные, заложенные в самой римской *civitas*, факторы трансформации общинных отношений и формирования новаций во II в. оказались дополнены активной агрессией Рима. Нарастание территорий способствовало расширению экономических возможностей, что, в свою очередь, развивало хозяйственные интересы и обеспечивало условия самореализации римского гражданина, приводило его к постепенной эмансипации от общины, утверждало принцип личной ответственности за хозяйство, при котором каждый должен был полагаться на себя, а вместе с этим развивало индивидуализм, делало связь между людьми механической, трансформировало образ жизни и сознание.

Доходы от военных кампаний Рима распределялись не пропорционально сословному делению. Это вызвало сильнейшую имущественную дифференциацию римского гражданства, прогрессирующий рост численности деклассированных элементов, пауперов, маргиналов и т. п., активизировало эгалитарные устремления (требования перераспределения земли, кассации долгов), провоцировало рост социального напряжения, в конце концов делало невозможным гражданское единство, ослабляло общинную солидарность и коллективизм.

Расширение состава гражданства за счет италиков (особенно после Союзнической войны), а затем и провинциалов, усиление социальной мобильности, появление новых сословных и статусных групп, которые имели специфические интересы, порой далекие от общинных традиционных морально-этических норм, – все это меняло систему социального контроля. Общественное осуждение отходило на второй план, на первый план выступали формальные санкции: штрафы, конфискации, исключение из общины. Менялись и принципы самоконтроля. Внутренний самоконтроль, характерный для общинных отношений, основой которого было добровольное следование существовавшим правилам и нормам, стал постепенно заменяться внешним, когда главным побудительным мотивом, определявшим поведение, выступали страх выживания, наказания или ожидание награды. Это ослабляло общие принципы демократизма и республиканизма, развивало и усиливало принципы принуждения и ощущение социально-политического отчуждения.

Этнически гетерогенные, цивилизационно неоднородные, социально конфликтные части формировавшейся территориальной державы можно было удержать под римским империем только силой административного и военного давления. Расширение социально-политической практики вело к увеличению числа должностных лиц. Включение италиков в состав римской общины и присоединение провинций неизбежно увеличивало римскую бюрократию, что вело к столкновению интересов правящих аристократических кланов, а вместе с этим обернулось еще большим отчуждением большинства от государственно-политических интересов, персонификацией публичной власти, развитием политического лидерства, что также воспринималось, по определению К. Криста, как разложение традиции – «*Sittenverfall*»: #c_173.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Важным фактором разложения традиционных общинных отношений стало расширение в ходе римских завоеваний практики рабовладения. Негативные социально-экономические последствия этого процесса, такие как дифференциация гражданства, сокращение римского ополчения и т. п., стали очевидны уже к середине II в. Об этом говорил, например, Тиберий Гракх (Plut. Tib. Gr., 9; App. В. С, I, 9–10): #с_174. Периодические рабские выступления (Liv., XXXIII, 36,1–3 – *coniuratio servorum*; XXXIX, 29,8–9 – *mag-nus motus servilis*; XXXIX, 41, 6 – *magnas pastorum coniurationes*; Per., 56; 69; 95–97 – *bellum servile*), безусловно, усиливали политическое напряжение в Римской республике. Еще опаснее для общины было вовлечение рабов в гражданские столкновения. Известно, что Л. Сергий Каталина использовал их в своей борьбе за консулат (App. В. С, II, 2; ср.: Cic. In Cat., II, 26; III, 14; Sail. Cat., 24, 4). Аппиан обращал особое внимание на отрицательную роль, которую сыграли рабы в беспорядках, возникших в Риме в 52 г. в результате противостояния Клодия и Милона (App. В. С, II, 21–23). Показателем широкого включения рабов во внутривнутриполитические конфликты можно считать тот факт, что во второй половине I в. практически не было самостоятельных рабских выступлений. Участие рабов в экономической жизни и в гражданских столкновениях I в. «раскачивало» социально-политическую систему, хотя не играло определяющей роли в процессе трансформации республики в империю: #с_175. Особенно пагубными для римской *civitas* были моральные последствия рабовладения, что признается практически всеми без исключения исследователями, начиная с А. Валлона: #с_176. Совершенно права была М. Е. Сергеевко, когда подчеркивала, что «рабские восстания были наименее страшной формой мести» рабов своим хозяевам: #с_177. Дело в том, что рабы, не включенные официально в гражданский коллектив, на практике принимали самое активное участие в жизни римских граждан. Рабов можно было встретить повсюду: в домашнем быту, в сельском хозяйстве, в ремесле. Смешиваясь со свободным населением, они несли настроения постоянной социальной неудовлетворенности, нагнетая напряженность в общине: #с_178. Кроме того, рабы оказались включенными в интеллектуальную сферу. Рабом, а затем отпущенником одного из римских сенаторов был Ливии Андроник – основоположник римской литературы, создатель римского эпоса и драматургии (Liv., VII, 2, 8), сочинения которого даже в I в. считались школьной классикой (Cic. Brut., 71–74). Большое число грамматиков и риторов: Публий Валерий Катон, Стабрий Эрот, Леней, Квинт Цецилий Эпирот, Марк Веррий Флакк – были либо рабами, либо вольноотпущенниками. По сведениям, сохранившимся у Светония, ритор Л. Атей филолог, грек по происхождению, попавший в рабство во время пребывания Л. Корнелия Суллы в Греции и затем освобожденный, был наставником многих знатных молодых римлян, состоял в наилучших отношениях с Саллюстием и Азинием Поллионом (Suet. De gram, et rhet., 10, 1–7). Грамматик Корнелий Эпикад был вольноотпущенником Л. Корнелия Суллы и наставником его сына Фавста (Suet. De gram, et rhet., 12,1–2). Все они имели возможность непосредственно влиять на умы и настроения римской элиты и формировать отчасти общественное мнение. Например, грамматик Леней – вольноотпущенник Помпея Великого, преданный памяти своего патрона, выступил с резкими обличениями в адрес Саллюстия, который, как известно, был сторонником Юлия Цезаря (Suet. De gram, et rhet., 15, 1–3).

Еще одним фактором разложения традиционных общинных отношений в Риме и формирования новаций стало развитие в ходе римской экспансии политических, экономических и культурных контактов с неримской периферией и особенно с восточно-греческим миром. В исследовательской литературе было высказано мнение, что это субъективный процесс, связанный с притоком греческой интеллигенции, бежавшей от бедствий войны с Митридатом: #с_179. Мы вслед за Е. М. Штаерман считаем это не главной причиной. Главное – усложнение римской жизни, расширение территории, развитие экономики, рост потребности в комфорте, роскоши, утонченности; иными словами – развитие *humanitas* и *urbanitas*: #с_180.

Проникновение иноземных влияний первоначально (до середины II в.) было спонтанным и неконтролируемым. В нем участвовали и тысячи переселившихся в Рим заложников, и возвратившиеся с Востока воины, многочисленные рабы, торговцы и переселенцы. Это стало фактором внутреннего динамизма римской цивилизации, способствовало ослаблению традиции и переоценке ценностей в римском обществе: #с_181. Современники видели прямую связь забвения *mos maiorum* с распространением новых, особенно восточно-греческих, идей, настроений, бытовых норм. Например, Луций Кальпурний Пизон Фруги – консул 133 г. и цензор 120 г. – сознательно противопоставлял нравам предков новые нравы, по его мнению, проникшие в римское общество с Востока, видел в этом

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org реальную угрозу нравственным устоям Рима и связывал с этим упадок гражданского и политического сознания римлян (Gell., XI, 14). Позднее концепция падения нравов была положена римскими историографами в основу теоретического обоснования кризиса Римской республики (см.: Liv., XXV, 40, 1–2; XXXIX, 1, 4,6; Veil., II, 1, 17).

Римляне постепенно знакомилась с греческим образом жизни, эллинистической религией, литературой, философией: #с_182. Греческое влияние начало ощущаться в римском обществе задолго до установления римского протектората над Грецией. Некоторые историки считают возможным говорить об активных греко-римских контактах в V–IV и даже в VI–V вв.: #с_183 Однако большинство современных исследователей относит первые сколько-нибудь серьезные отношения римлян и греков к III в.: #с_184 Так, в ходе 2-й Пунической войны римляне познакомились с образцами греческого изобразительного искусства: в 212 г. Марцеллом из Сиракуз были привезены в Рим статуи и картины (Polyb., IX, 10–13; Liv., XXV, 40, 12; Plut. Marc., 21).

Чуть позднее греко-восточные влияния отчетливо проявились в религиозной сфере. Получили распространение восточные культы. Культ Идейской богини – Великой Матери – в 204 г. был включен даже в официальный пантеон: ей были посвящены храм и праздник, устроены лектистерний и игры (Liv., XXIX, 10–11, 5; 14, 5–10). Оргиастический характер этого культа противоречил римским представлениям о добродетели (Strabo, XII, 469–470). С 80-х гг. II в. выросла популярность восточного мистицизма. Сохранились, например, подробные сведения о распространении сначала в Этрурии, затем в Риме вакхического культа (Cic. De leg., II, 37; Liv., XXXIX, 820; Val. Max., VI, 3, 7): #с_185. Его отрицательное влияние на традицию и нормы общинного поведения отчетливо осознавалось современниками. Не случайно Ливии подробно передал речь консула 186 г. Спурия Постумия Альбина, в которой содержатся сведения не только о самих вакханалиях, но и их пагубном характере, хотя, следует отметить, что теоретическое обобщение событий, судя по всему, принадлежит самому Ливию.

К середине II в. стало заметным проникновение в Рим греческой философской мысли. В среде римской интеллектуальной и политической элиты получили распространение стоицизм, эпикуреизм, учение Новой Академии, пифагореизм (чуть раньше). В 155 г. афиняне послали в Рим с политическим поручением знаменитейших писателей, философов и ораторов платоника – Карнеада, стоика – Диогена и перипатетика – Критолая. Их искусная диалектика произвела глубокое впечатление на римское общество, особенно на молодежь. Римляне с удовольствием глядели на то, как их сыновья приобщаются к греческому образованию (Plut. Cato maior, 22). Греческие философы и риторы активно открывали школы, в которых обучалась молодежь из римских аристократических семей. Диофан Митиленский был наставником Тиберия Гракха (Plut. Tib. Gr., 8). Другой идейный наставник Гракхов – философ Блоссий из Кум – сам, вероятно, находился под влиянием философа-стоика Антипатра Тирского, жившего некоторое время в Афинах (Plut. Tib. Gr., 8; Mar., 46). Марк Крассе следовал учению Аристотеля, а его наставником и ближайшим другом был философ-перипатетик Александр (Plut. Crass., 3). Родосец философ-перипатетик Андроник после возвращения Суллы из восточного похода составил указатели к сочинениям Аристотеля и Феофраста и обнародовал их (Plut. Sulla, 26). Катон Младший в вопросах о нравственности и о публичной власти находился под влиянием философа-стоика Антипатра Тирского (Plut. Cato min., 4); его советником был также философ-стоик Аполлонид (Plut. Cato min., 65–66; 69–70). Вероятно, при Юлии Цезаре «знатоком греческой литературы» Артемидором Книдским была открыта риторская школа (Plut. Caes., 65). Стаберий Эрот был учителем Брута и Кассия (Plin. N. N., XXXV, 199). Учителем Октавиана был философ-стоик Арий Дидим (Plut. Ant., 80). Обратим внимание на то, что молодые римляне, обучавшиеся у греческих риториков и философов, как правило, со временем вставали во главе государств, занимали ведущее положение в римской политике и часто выступали с идеями реформации римской общественной и политической жизни. Это можно объяснить отчасти и влиянием их греческих наставников. Даже если допустить, что поздняя римская историография значительно преувеличивала роль этого фактора в деформации Римской республики, в деградации римского общества и римского гражданства, внимание к нему в древнеримской публицистике и историографии само по себе симптоматично.

Греческое влияние было особенно заметным в бытовой сфере и в римской системе образования и воспитания. Пятикратный консул Рима Марк Клавдий Марцелл ценил эллинскую культуру и с уважением относился к людям,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org получившим греческое образование (Plut. Marc, 1). Победитель македонского царя Персея Л. Эмилий Павел был воспитан в «старинном римском духе» и своих детей воспитывал в правилах *mos maiorum*, но вместе с тем он был сторонником нового греческого образования: окружил детей целым штатом греческих учителей, более того, просил афинян прислать для их обучения самого опытного философа (Plut. Paul., 6, 28; Plin. N. N., xxxiv, 54; xxxv, 135). Даже такой совершенный представитель римских добродетелей, как Сципион Африканский Старший (Polub., X, 36, 1-2), был замечен в приверженности греческой культуре. Современники обвиняли его в том, что во время сицилийской экспедиции он вел себя не по-римски и даже не по-военному. «Расхаживает в паллии (простонародном греческом плаще. – Н. Ч.) и сандалях по гимназию, – говорили о нем, – занимается книжками и риторическими упражнениями – *cum pallio crepidisque inambulare in gymnasio; libellis eum palaestraeque operam dare*» (Liv., xxix, 19, 11-12). Как несколько помпезно, довольно категорично и, на наш взгляд, не вполне точно определила ситуацию Т. А. Бобровникова, «эллинизм сросся с римской душой»: #с_186.

Римляне оказались достаточно восприимчивыми к греческому культурному влиянию, особенно в быту и в системе образования: #с_187. Это неизбежно должно было прививать римскому юношеству новые привычки и мысли, что уже само по себе ставило под удар высшие римские ценности: мужество, служение отечеству, преклонение перед традицией и т. п. Не случайно именно в этих сферах проявление «традиционализма» и антигреческих настроений было особенно заметным. Известно, что в 161 г. были приняты специальное сенатское постановление и преторский эдикт о запрете риторских школ и высылке греческих учителей из Рима (161 г. – Suet. De gram, et rhet., 25, 1). А Марк Порций Катон, ссылаясь на возможные опасные для государства последствия присутствия в Риме людей, которые легко могут убедить кого угодно и в чем угодно, потребовал «депортации» греческих философов, прибывших из Афин в 155 г. (Plut. Cato Maior, 22). Примеров подобного предубеждения против греков можно привести много: сатирик Луцилий выступал против активного включения грецизмов в латинский язык и увлечения всем греческим (Lucil. Sat., I., 13-17; II, 88-94), Энний был противником излишнего философствования на греческий манер (Cecill., xviii, 2, 7). Вместе с тем отметим, что все эти факты не являлись отражением официальной политики Рима в отношении восточно-греческого культурного влияния. Они были, как правило, вызваны определенной коллизией, направлены против конкретных действий и конкретных лиц. Культурно-этническое противостояние римлян и греков наблюдается лишь на уровне конкретной практики и, по всей видимости, не поднималось до теоретического осмысления. Более того, по нашему мнению, и не могло подняться, т. к. главным принципом, определявшим положение человека в римском обществе, был не этнокультурный или этнотерриториальный, а принцип принадлежности к гражданскому коллективу.

Специфическая проблема соотношения «римского традиционализма» и «эллинского модернизма», «эллинофобства» и «филэллинизма» является, на наш взгляд, порождением новой и новейшей историографии. Некоторые исследователи считают, что проникновение в Рим эллинистической культуры было поверхностным, задевало лишь узкие привилегированные слои общества: #с_188. Большая часть римского гражданства, по их мнению, относилась к грекам настороженно: греческих врачей считали отравителями, риториков – краснобаями, философов – людьми бесполезными для республики. Другие современные историки, напротив, утверждают, что этот процесс был всеобъемлющим и всепроникающим настолько, что римская культура утратила свою самобытность: #с_189. Мы считаем, что прав А. П. Беликов, который вслед за Г. Коленом говорит, что не было ни единого филэллинского течения, ни единой политической группировки филэллинов, а в государственной политике филэллинизм никак не проявлялся: #с_190. Более того, добавим, что «модернизм» – в данном контексте стремление подражать греческим образцам и нормам жизни – выступал чаще всего как проявление индивидуальных запросов, а на уровне государственной политики – как необходимое условие выполнения конкретных прагматических задач, направленных на обеспечение римских политических интересов. Известные филэллины П. Корнелий Сципион Африканский и Тит Фламиний, Эмилий Павел, охваченный, по мнению современников, грекоманией, и другие меньше всего думали об интересах Греции и эллинов и при осуществлении внешнеполитических задач проявляли чувства обостренного римского патриотизма и традиционализма (Liv., xxix, 20; xxxii, 16, 24; xliv, 45). Л. Корнелий Сулла, проявлявший безусловный интерес к греческой культуре, тем не менее вырубил священные рощи вокруг Афин, опустошил Академию и Ликей, сам город взял штурмом и отдал его на разграбление своим солдатам, сжег Пирей и т. п. (Plut. Sulla, 12-14). Античная традиция

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org приписала ему примечательный афоризм, высказанный в ответ на обращение афинских послов и определяющий суть проблемы греко-римских отношений. Сулла заявил участникам переговоров, которые пытались напомнить ему о «великом прошлом Афин», что римляне послали его не учиться, а усмирять изменников (Plut. Sulla, 13).

Таким образом, мы признаем, что отношение римлян к греко-восточному миру зависело от конкретных принципов римской политики. Чувства патриотизма и верность традициям играли при этом определяющую роль. Однако в условиях формирования территориальной державы и активизации процесса этнотерриториальной и социальной мобильности римского гражданства эллинистический культурный опыт широко проникал в римское общество. Римское право и общественное мнение в целом не были против этого. Общественное недовольство вызывали не столько факты проникновения конкретного греческого опыта в Рим, сколько негативные последствия этого – «порча нравов». В I в. взаимопроникновение культурных традиций стало, по всей видимости, таким органичным, что обвинения в приверженности к греческому образу жизни и греческой культуре практически не встречаются.

В основе разложения системы традиционных отношений лежал и тот факт, что в условиях кризиса римской *civitas* многие перестали воспринимать ее как идеальную. Это получило отчетливое отражение в государственно-правовых концепциях Полибия (Polyb., VI, 57; XXXI, 24; XXXII, 11), Цицерона (Cic. De leg., I, 47, 71; III, 29, 41), Саллюстия (Sall. Cat., 10, 36; Jug., 41, 310; 42, 1–4): #c_191. Более того, система ценностей и традиции гражданской общины оказались чуждыми для значительной части населения, объединенного римским империем, но неинтегрированного в римское общество, что в конечном итоге способствовало развитию социально-политического приспособленчества и лицемерия.

Во второй половине II – начале I в. стержень реальных межличностных отношений по-прежнему составляла общинная традиция. Но постепенно стали заметными альтернативные формы стиля жизни, поведения и выражения чувств. Хотя этот раскол общественной жизни не достиг еще абсолютного характера, а признаки нового и традиционная норма выступали не столько в своей противоположности, сколько во взаимопосредованности, распад социальных связей стал вполне ощутимым. Негативные с точки зрения традиционной морали и традиционных нравственных основ явления развивались в семейно-брачных отношениях, религиозно-нравственной и морально-этической сферах.

Важнейшим рычагом социализации, каналом подключения индивида к общественному целому в римской *civitas* выступала *famīlia* – большая патриархальная семья. Принадлежность к римской семье считалась прерогативой римских граждан. Принципы демографического поведения не имели альтернатив и были закреплены нормами обычного права и общинной этикой. Их несоблюдение ставило римлянина вне общины. Основные принципы демографического поведения сводились к следующему: брак – важнейшее условие материального благосостояния и общественного веса; вступление в брак – моральный долг римского гражданина; семейно-брачные отношения имеют публичный характер и строятся на строгом подчинении младших старшим, женщин – мужчинам. Римляне считали, что заключение брака, рождение детей, порядки в любом частном доме и даже такие проявления частной жизни, как устройство пиров, должны быть предметом общественного внимания и обсуждения (Plut. Cato Maior, 16).

Правовые основы семейных отношений, являясь сферой гражданского права – *ius civile*, определялись законами XII таблиц (Cic. De leg., III, 8, 19; Phil., II, 28; 69; Gell., III, 16, 12; Gai. Instit., 1,144–145; II, 47). Позднее они были частично подтверждены Манлием Торкватом (Dionys., II, 27, 1–2)[19 – Римская юриспруденция получила новое оформление довольно поздно. По мнению юриста Помпония, основателями ее стали – *ius civile fun-daverunt* (Dig., I, 2, 2, 39) Маний Манилий – консул 149 г., Марк Юний Брут – претор 140 г., Публий Муций Сцевола – консул 133 г. Первая систематизация гражданского права была проведена сыном Сцеволы Квинтом – великим понтификом, консулом 95 г. Другим систематизатором норм гражданского права был Сервий Сульпиций Руф – консул 51 г. Хотя следует заметить, что римляне называли в числе юристов П. Папирия, Анн. Клавдия, Сципиона Назику, Тиб. Корункания, а еще раньше – понтификов и самого Нуму Помпилия. См.: Нерсисянц В. С. Правопонимание римских юристов // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 87–88; Дождев Д. В. Римское архаическое наследственное право. М., 1993. С. 18.]. В соответствии с закрепленными правовыми нормами и общинной традицией только глава семьи – *pater famīliae* – был единственным

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org самостоятельным и полноправным лицом – *persona sui iuris*; все остальные члены римской *familia*: жена, дети, другие родственники и, разумеется, рабы – находились под властью отца. Особый характер отцовской власти был отмечен в *Institutiones* юриста II в. н. э. Гая – *quod ius proprium civium Romanorum est fere enim nulli alii sunt homines, qui talem in filios suos habent potestatem* (Gai. *Instit.*, I, 55).

Зафиксированные в античной исторической и правовой традиции нормы семейных отношений позволили некоторым исследователям, например историкам римского права, уподобить римскую семью монархии, а власть *pater familiae* – императору, который включал личные и имущественные полномочия главы семьи, а на подвластных, особенно на детей, распространял право жизни и смерти: #с_192. Крайним выражением подобного взгляда на римскую семью можно считать «политическую концепцию», высказанную в начале XX в. П. Бонфанте, согласно которой римская *familia* была не естественным организмом со специфическими, в том числе и властными, функциями, а суверенным государством, возникшим с целью защиты своих членов: #с_193. «Политическая концепция» не получила поддержки и большинством исследователей была встречена критически: #с_194, хотя идея об абсолютной власти отца прочно закрепилась в историографии: #с_195. Нам «политическая концепция» также представляется мало убедительной, а суждения о неограниченном характере *patria potestas* сильно преувеличенными. Во-первых, мы считаем, что специфика положения *pater familiae* – проявление естественных общинных представлений о сопряжении генеалогического и потестарного начал: полнота отеческой власти определялась его положением ближайшего из живых на пути к предкам. Такое понимание *patria potestas* опирается на *Дигесты* (*Dig.*, I, 16, 51).

Во-вторых, хотя жена и дети были объектами права, но даже на самых ранних этапах римской истории и они обладали определенной фиксированной правоспособностью. Вполне убедительными представляются аргументы И. Л. Маяк, высказанные ею вслед за К. У. Веструпом, по поводу принципа общей семейной собственности в эпоху первых царей: #с_196. Наконец, в-третьих, границы власти были определены традиционными представлениями римлян о природе власти, наиболее радикальные ее проявления подвергались установленным законом наказаниям или религиозному проклятию. Еще Ромулу традиция приписывала закон, ограничивавший убийство детей, доживших до 3 лет, кроме явных уродцев (*Dionys.*, II, 15). У Ливия есть чрезвычайно яркий пример, подтверждающий положение об ограниченном характере *patria potestas*. Античный автор рассказал о том, как Луций Манлий по прозвищу Империзус (Властный) был вызван народным трибуном (362 г.) по обвинению в неоправданно жестоком обращении с сыном (*Liv.*, VII, 4, 15).

Есть исследователи, которые, напротив, идеализируют римскую семью, противопоставляют ее греческой, персидской, семитской; подчеркивают ее нравственность, строгую моногамию и благородство, выражавшееся в цели получения потомства: #с_197. С подобным взглядом также вряд ли можно согласиться. Морально-этическим ориентиром в демографическом поведении римских граждан были традиции и обычаи. В сфере семейно-брачных отношений традиционность была «отрефлексирована», осознана как ценность, а обычай выступал как универсальная норма: #с_198. Однако в реальных условиях постепенное развитие товарно-денежных отношений, относительное перенаселение, падение благосостояния значительного числа римских граждан, территориальная и социальная мобильность подтачивали патриархальные устои римской семьи. Это относилось ко всем сословиям, но в разной степени.

Тон изменений в семейно-брачной модели задавала элита римского общества. Появилось снисходительное отношение к разводам, безбрачию и т. п. Первый развод, по сообщениям античных авторов, случился в 306 г. Тогда цензоры исключили из сената Л. Анния, потому что он «взяв в жены девушку, развелся с ней, не созвав совета друзей» (*Val. Max.*, II, 9, 2). В III в. разводы были еще редкостью. В 231 г. Спурий Карвилий Руга развелся с женой Рацилией из-за ее бесплодия (*Dionys.*, II, 25). Хотя обе ситуации были конкретно обусловлены, видимо, для современников они находились за рамками *mos maiorum*. 231 г. сохранился в античной традиции как год страшных бедствий.

Со II в. разводы стали обычным делом. Плутарх рассказывал, какие смехотворные причины расторжения брака выдвигались порой: «Сульпиций Галл дал развод жене за то, что увидел ее с плащом, накинутым на голову; Публий Семпроний – за то, что та смотрела на погребальные игры» (*Plut. Quaest. rom.*, 14; ср.: *Val. Max.*, VI, 3; 10; 12). Причинами развода могли быть измена жены мужу или неповиновение ему, отсутствие детей и пр. Все чаще на

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
первый план стали выступать психологические, а затем и меркантильные мотивы: мог не устраивать характер супруга, играла роль возможность за счет развода и нового брака поправить свои материальные дела или устроить карьеру. Так, Луций Корнелий Сулла был женат пять раз. Два первых его развода никак не мотивированы античными авторами. Третий брак с Клелией был расторгнут под предлогом бесплодия супруги (Plut. Sulla, 6). В пятый раз Сулла женился на Валерии – дочери Мессалы, для которой это тоже был не первый брак. Как сообщал Плутарх, Суллу на этот брак толкнули «самые позорные и разнузданные страсти» (Plut. Sulla, 35). Неоднократно разводился Луций Лициний Лукулл, в первый раз женатый на сестре Клодия, второй – на племяннице Катона Младшего Сервилии. Оба развода объяснялись «разнузданностью и бесчестьем, ...гнустью и бесстыдством» женщин (Plut. Luc., 38). Целий Руф в числе прочих римских городских сплетен сообщил своему другу Цицерону, что Павла Валерия развелась со своим мужем безо всякой причины в тот самый день, когда муж должен был вернуться из провинции, и собирается выйти за Д. Брута (Cic. Ad Fam., VIII, 7, 2). Супруга Катона Младшего была известна скандальным поведением, что вынудило его расстаться с нею (Plut. Sato Min., 24). Сами римляне объясняли легкость разводов падением нравов в римском обществе. Симптоматично, что в эпитафиях мужья все чаще стали возносить похвалу женам, сохранившим верность и супружество. На изменившееся отношение к браку указывает и тот факт, что цензор 132–129 гг. Квинт Метелл «постановил, что все граждане должны вступать в брак для рождения детей» (Liv. Per., 59).

В кругу римской аристократии брачные союзы стали «разменной монетой в политических играх». Совершенно скандальный и вместе с тем трагический характер имел брак Гнея Помпея с Эмилией – падчерицей диктатора Суллы, которая была в то время замужем, ждала ребенка и вынуждена была уйти от мужа (Plut. Pomp., 9). Политический расчет лежал в основе браков Юлия Цезаря, хотя ситуации его личной жизни представляются порой достаточно драматичными. Первая его помолвка с Коссутией была расторгнута по политическим мотивам: в виду женитьбы на Корнелии – дочери всесильного тогда Цинны – в связи с перспективой стать pontifex maximus, что требовало брака исключительно с представительницей патрицианского рода: #с_199. В 80 г. в ответ на требование Суллы развестись с женой Цезарь отказался, что едва не стоило ему жизни. Этот брак прекратился в 65 г. со смертью Корнелии. Цезарь произнес laudatio на ее похоронах, впервые удостоив этой почести молодую женщину. Античная традиция обращала внимание в этой ситуации не столько на скорбь человека, пережившего утрату, сколько на политический смысл совершенной акции. Плутарх писал, что таким образом он «привлек к себе симпатии народа» (Plut. Caes., 5). Вторым браком Цезарь был женат на Помпее – родственнице Гнея Помпея. В 62 г. после скандала на празднике Vona Dea произошел развод (Plut. Caes., 10). Не исключено, что это был способ свернуть процесс о святотатстве, развязанный оптиматами, направленный против Клодия, но косвенно задевавший и Цезаря, который был великим понтификом, и, если бы не последовало определенной реакции, его карьера могла пострадать. Так или иначе поведение Цезаря, видимо, парировало сложную политическую интригу. Не случайно Цицерон намекал на то, что Кресе подкупил судей с целью добиться оправдания Клодия. Следующий брак Цезарь заключил с Кальпурнией, дочерью Пизона, который был избран консулом на 58 г. По поводу этого брака Катон Младший заявлял, что таким образом люди получают высшую власть в государстве, с помощью женщин делят войска, провинции и должности (Plut. Caes., 13).

Разводы подвергались моральному осуждению. Второй брак считался нарушением целомудрия и верности. С разводами пытались бороться. Так, для женщин, состоявших в одном браке, допускалось участие в общественной жизни: разрешалось принесение жертв в часовне богини целомудрия – Pudicitiae; только они могли входить в храм богини женской судьбы – Fortunae muliebris и прикасаться к ее статуе. Только univirae могли принимать участие в праздновании Матралий в честь древней богини Матери Матуты. Однако эти меры не могли изменить нового отношения римских граждан к браку. Несмотря на возможную «поправку» по поводу подверженности сферы семейно-брачных отношений порочащим и преувеличенным слухам и толкованиям (см.: Plut. Pomp., 2; App. V. C., II, 112), следует подчеркнуть, что политика и гражданские войны оказали деформирующее воздействие на семью.

Распространенным явлением стали преступления в семье: прелюбодеяния, жестокое обращение супругов друг с другом, злоупотребление родительской властью, преступления детей против родителей, кровосмешение и т. п. Документально-бытовых свидетельств этого вполне достаточно. Потрясающий

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org пример разложения римских семейных традиций и морально-этических норм являют события 186 г., связанные с распространением вакхического культа в Риме и Италии. По свидетельству Ливия, который ссылался на впечатления и слова очевидцев, вместе с оргиастическим культом получила развитие порочная практика лжесвидетельств, поддельных печатей и завещаний, клеветнических доносов, отравлений и убийства родных (Liv., xxxix, 8–19). Тот же Ливий сообщал, что в 152–151 гг. были обвинены в убийстве мужей и после расследования дела казнены знатные женщины Публия и Лициния (Liv. Per., 48). Семпронию, сестру Гракхов, подозревали в отравлении своего мужа Сципиона Эмилиана (Liv. Per., 59). Даже допуская политизированный характер этого случая и тот факт, что, вероятнее всего, Ливий передавал слухи, сама возможность подобной ситуации симптоматична. Воплощением безнравственности и порока выступал в глазах современников Луций Сергий Каталина, которого обвиняли в убийстве сына и брата, в сожительстве с собственной дочерью и пр. (Sail. Cat., 15, 12; ср.: Plut. Sulla, 32; Cic, 10; App. V. C, II, 2). Публия. Клодия, народного трибуна 58 г., обвиняли в связи со своей собственной сестрой, которая была женой Лукулла (Plut. Caes., 10) и слыла известной развратницей (Plut. Cic, 29). Муция – жена Помпея осуждалась общественным мнением за супружескую неверность (Plut. Pomp., 42). Наконец, в интересующей нас связи можно вспомнить упоминание Ливия о казни Публиция Маллеола, который за убийство матери был зашит в мешок и брошен в море (101 г. – Liv. Per., 68).

Вероятно, уже в начале II в. преступления в сфере семейно-брачных отношений приобрели такой размах, что был принят Мениев закон. Судя по логике событий, это могло произойти во время претуры Тита Мения в 186 г. Точных сведений о законе не сохранилось, есть лишь краткая характеристика в «Менипповых сатирах» Варрона, где сказано, что «закон Мения касается благочестия, чтобы сыновья отцам не выбивали свет из глаз – *lex Maenia est in pietate, ne filii patribus luci claro suggillant oculos*» (Varr. Sat. Men., 238). Мы допускаем, что изложение Варрона имеет гиперболический тон. Но совершенно очевидно, что закон был реакцией на современные нравы и попыткой поставить ситуацию под контроль. О жесткости *lex Maenia* упоминал Цицерон (Cic. Brut., 55, 10). Но, по всей видимости, исправить положение даже официальными законодательными мерами было невозможно. Практически не было такой сферы личных и семейных отношений, которые не подверглись бы разложению. Процесс усугубила политика террора, возведенная при Сулле в качестве проскрипций в ранг государственной политики и продолженная членами II триумvirата.

Активизация экономических интересов, связей и возможностей самореализации римского гражданина вызывали, с одной стороны, постепенное смягчение владельческих прав *pater familiae*, с другой – расширение имущественной дееспособности подвластных главе семьи лиц, в частности женщин. Римское правительство на протяжении II в. неоднократно принимало попытки сдержать развитие этой практики. Античная традиция сохранила подробные сведения о цензуре Марка Порция Катона, направленной против новых тенденций (184 г. – Ner. M. Cato, 2; Liv., xxxix, 40–44; Plut. Cato maior, 17–19), известно также, что Кв. Воконий Сакса внес закон об ограничении наследственных прав женщин, с поддержкой которого выступил последовательный борец за старые нравы М. Порций Катон (ок. 169 г. – Liv. Per., 41; ср.: Cic. In Verr., II, 4, 47; De rep., II, 17): #c_200. Однако это обескураживающее по сути предложение на практике, видимо, не имело успеха.

Расширение имущественной независимости женщин еще более ослабляло брачные узы. Существовавшие модели брака начали постепенно приспосабливаться к новым условиям и новым взглядам на семейную жизнь. Сохранялись традиционные формы брачных союзов, но, как аргументированно показала Л. П. Кучеренко, наиболее распространенной формой стал брак, заключенный по принципу *sine manu*, когда женщина не попадала под власть мужа и либо сохраняла зависимость от отца, либо сохраняла статус *personae sui iuris*: #c_201

На состояние римской *familia* указывает и получившая развитие практика матримониальных политических союзов. Яркие примеры этому – союзы Аппия Клавдия и Тиберия Гракха Старшего, Помпея и Цезаря (Plut. Tib. Gr., 4; Caes., 14), Антония и Октавиана (Plut. Ant., 20; 31). В последнем случае сенат, рассчитывая на то, что этот брак принесет государству «благоденствие и сплочение», особым постановлением даже сократил срок необходимого вдовства для Октавии, которая незадолго до этого овдовела и не должна была в течение девяти месяцев вступать в новый брак. (Plut. Ant., 31). Сама Октавия открыто признавала, что вышла замуж за Антония «из государственных

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org надобностей» (Plut. Ant., 53). При всем при этом поражает высокий уровень государственно-политического сознания знатных римлян: #с_202. Октавия оставалась в доме Антония даже после его брака с Клеопатрой и официального развода, пыталась сохранить мир между бывшим мужем и Октавианом, а после гибели Антония и Клеопатры воспитывала их детей вместе со своими (Plut. Ant., 87; ср.: Suet. Aug., 17, 5).

Со временем девиантное поведение женщины стало не только заметным, но и допустимым, если не на официальном уровне, то на уровне общественного мнения. Анекдотичную в этом смысле ситуацию напомнил Плутарх: некий римлянин разводился с женой и был порицаем за это друзьями; в ответ на осуждение друзей он выставил вперед ногу, обутую в башмак, и сказал: «Разве он нехорош? Или стоптан? Но кто из вас знает, где он жмет мне ногу?» В самом деле, рассуждал далее Плутарх, «не значительные или получившие огласку проступки жены лишают ее мужа, но мелкие, частые столкновения, проистекающие из неуступчивости или просто от несходства нравов» (Plut. Paul., 5 – пер. С. П. Маркиша). Цицерон обстоятельно рассказывал, какие обходы возможны для римской женщины, чтобы избежать власти мужа, отца, опекуна (Cic. Pro Mur., 12, 27).

Для римской семьи, как и для римской *civitas*, изначально был характерен социально-функциональный дуализм. Публичная власть воспринимала семью как целое, для нее важен был факт принадлежности к семейству, а не положение внутри нее. Именно поэтому у подвластного сына, например, был ценз отца – домовладыки. Система ценза превращала подвластного сына в полноправного римского гражданина в публичной сфере, но с ограниченной правоспособностью в межсемейных отношениях. Сын мог дожить до преклонных лет, подняться на высшую ступень государственной карьеры, приобрести почет и славу, быть *vir consularis et triumphalis*, но он все равно находился под отцовской властью. Так, претор Децим Юний Силан был осужден собственным отцом за вымогательства в Македонии и вынужден был покончить жизнь самоубийством (Liv. Per., 54). Фульвия, отправившегося к Каталине, отец-сенатор приказал вернуть с дороги и убить (Sail. Cat., 39, 5). Публичные проявления *pietas*, приверженности семейным традициям и уважения наследственных родовых признаков являлись важным фактором в продвижении молодых римлян по политической лестнице. Символическим выражением социально-функционального дуализма римской семьи было отношение римлян к маскам предков: #с_203.

Однако развитие социальной и политической практики приводило к развитию конфликта между патриархальной семьей, где удерживалась статичность позиционного статуса *pater*, и публичной системой и, как следствие, между членами аристократической семьи с традиционным ретроспективным мировоззрением и свободной личностью с индивидуалистическими устремлениями: #с_204. Ярким примером развивающегося противостояния между интересами рода и аристократической личностью можно считать деятельность Аппия Клавдия Цека. Фамильная политика рода Клавдиев была направлена против плебейского сословия и совпадала с интересами всего патрицианского сословия: #с_205. По мнению В. Шура, в сенате действовала аристократическая «Клавдиева фракция», которая включала в себя Корнелиев, Постумиев, Семпрониев, Сульпициев и которая предопределила развитие римского общества по пути становления аристократической республики: #с_206. Вместе с тем известно, что Аппий Клавдий в период своего цензорства обновил сенат, допустив в него сыновей вольноотпущенников (Liv., IX, 29, 5–7; Per., 9). Безусловно, права Л. П. Кучеренко, которая считает, что это не является свидетельством личного демократизма законодателя: #с_207. Тем не менее по существу это мероприятие имело демократический характер и вызвало возмущение в среде римской патрицианской знати. Не случайно консулы следующего 311 г., посчитав закон Аппия Клавдия оскорблением сенаторского сословия, созвали сенат в прежнем составе (Liv., IX, 30, 1–2).

Наше представление о постепенном развитии конфликта между интересами личности и аристократической семьи до известной степени подтверждают сведения о политической деятельности Тиберия и Гая Семпрониев Гракхов, связанных родственными отношениями с влиятельнейшей фамилией Корнелиев Сципионов. Характерно, что предложенная Гракхами программа реформ вызвала оппозицию как представителей консервативного крыла сенатской знати, так и представителей умеренного крыла (Liv. Per., 58; 59; 61). Как нами уже отмечалось (гл. 1.1), этот конфликт был вызван серией структурных изменений римской *civitas* и к I в. стал определяющим в политической борьбе. Политически активная личность начала выступать вне связи с интересами своего сословия и даже рода. Если в карьере Гая Мария можно еще рассмотреть

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
политическое противоборство старой сенатской аристократии и всадничества,
то уже в столкновении Мария и Суллы личные мотивы выступают на первое место.

Что касается «низов» римского общества, то в нашем распоряжении недостаточно конкретного материала для того, чтобы делать однозначные выводы о развитии индивидуализма в этой среде. Можно лишь предполагать, что идея главенства интересов *civitas* и традиционных гражданских привилегий была жива. Именно на этот демократизм римского большинства опирались критики сената – популяры. Однако парадокс ситуации состоял в том, что критика сенатской республики «размывала» сложившиеся социальные отношения и республиканские идеалы. В этих условиях римское большинство постепенно начало связывать свои социально-политические ожидания с конкретными политически активными личностями, активизируя развитие монархических тенденций. В плебейской среде всегда были сильны монархические настроения. Не случайно (и не без оснований) сенатская знать обвиняла всех вождей плебса в стремлении к царской власти – от Спурия Мелия, раздававшего в 439 г. во время голода хлеб неимущим и заподозренного, таким образом, в стремлении к усилению популярности и тирании (*Plut. Brut.*, 1), до Юлия Цезаря. Трансформация социально-политических основ Римской республики вызывала ощущение близкого катаклизма. В этой ситуации монархические настроения римского большинства проявлялись еще заметнее.

Негативные с точки зрения сторонников общинной морали и этики явления развивались и в религиозно-нравственной сфере. Общим местом в исследовательской литературе, посвященной сакральной стороне жизни римлян, является рассуждение о формализованном характере римской религии и культа. Мы также придерживаемся этого постулата. Кроме того, считаем возможным подчеркнуть, что именно это делало религиозно-культурную систему Рима открытой и подверженной трансформациям, что в конечном счете играло существенную роль в ослаблении традиционных общественных связей и формировании неполисной общественной психологии. Говоря о разложении нравов, современники наряду с другими составляющими имели в виду и ослабление религиозного чувства. Приблизительно со II в. в отношении традиционной религии все заметнее стали проявляться рационализм и скептицизм. В I в. эти настроения развились до уровня теоретических обобщений. Римские интеллектуалы активно дискутировали на религиозно-философские темы (*Cic. De div.*, I, 8; *De nat. deor.*, 1,15). В этих дискуссиях и традиционные представления, и традиционная культовая практика часто подвергались критическому и порой резкому анализу. Трезво-рационалистически относился к римской религиозно-культурной традиции Цицерон: уважение к традиционным культам считал лишь необходимым проявлением уважения к государству и общественной морали (*Cic. De div.*, II, 28; 4243; 7475; *De nat. deor.*, I, 118; III, 50). Он обвинял римских авгуров в невежестве и открыто насмехался над ними (*Cic. De div.* I, 25–28; 105; 132; II, 12–13), часто повторял слова Катона, которые, видимо, вошли уже в поговорку, что невозможно не удивляться, как может один гаруспик удерживаться от смеха, когда смотрит на другого (*Cic. De div.*, II, 51; *De nat. deor.*, I, 71). Скептицизм и пренебрежение религиозной традицией стали заметны не только на личностном, но и на государственном уровне. Кв. Луцилий Бальб, по сообщению Цицерона, сожалел о том, что римские политики не опираются более на традиционное благочестие, а государственные дела и благополучие Республики оказались оторванными от религиозных основ (*Cic. De nat. deor.*, II, 9).

Но приведенные нами примеры указывают лишь на одну сторону процесса разложения религиозно-нравственных устоев римского общества. Параллельно с распространением рационализма и скептицизма развивались совершенно противоположные явления. Социальные потрясения и нарушение патриархальных общественных связей вызвали необходимость установления личного и более тесного контакта человека с божеством. В этих условиях среди основной массы римского гражданства становились популярными религиозно-утопические идеи, пророческая и магическая практика. Об оживлении в римском обществе эсхатологических и мессианских чаяний в период социального напряжения рубежа II–I вв. писал Н. А. Машкин: #с_208. В новейшей отечественной историографии этот сюжет подробно разработан Ю. Г. Чернышевым: #с_209. Наши источники (сочинения Ливия, Аппиана, биографии Плутарха) изобилуют примерами различных символических явлений и предзнаменований, сбывшихся знамений и ожидаемых пророчеств.

Процесс распространения среди римского гражданства непризнанных официально

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org культов и обрядов приобретал, видимо, время от времени такой размах, что при всей открытости и веротерпимости римская гражданская община в лице представителей политической власти вынуждена была защищать чистоту и авторитет собственно римской сакральной традиции.

Римские цензоры и сенаторы-консерваторы боролись с чрезмерным распространением магии, которая в соответствии с традиционным гражданским кодексом рассматривалась как недозволенное суеверие – *religio illicita*. Подобное отношение было вызвано, вероятно, тем, что в магической практике на первый план выступала личность, не только не зависящая от божества, но отчасти способная управлять его волей. Это вело к раскрепощению личности и ее эмансипации от общины. В интересующей нас связи можно еще раз привлечь свидетельство о вакханалиях (Cic. De leg., II, 37; Liv., XXXIX, 8–19). О социально-политической оценке этого события мы уже говорили. Теперь обратим внимание на другой его аспект: по мнению современников и античных историков, главная опасность широко распространившегося культа Вакха состояла именно в том, что его участники абсолютно пренебрегали общинными нормами и традициями.

Самое серьезное внимание официальное жречество обращало на различные пророческие книги. Если обнаруживались тексты, не признанные официально, они сжигались, дабы не подрывать основ богопочитания (Liv., XL, 29, 3–14).

Одним из наиболее возмутительных преступлений в сфере *fas* было разграбление храмов. Подобные факты вне зависимости от того, шла ли речь о римских или неримских святилищах, вызвали общественное осуждение. Характерную историю рассказал Ливий. Общественное негодование, по сведениям античного автора, вызвало в Риме известие о том, цензор 174 г. кв. Фульвий Флакк разграбил храм Юноны Лацинийской в Бруттии. Римскую общественность особенно возмущало то, что подобное святотатство совершил блюститель нравов. Однако заметим, что, хотя и было принято решение восстановить храм, этого не сделали (Liv., XLII, 3). В условиях завоевательных и гражданских войн разорение храмов стало обычной практикой. Известно, что во время триумфов победоносные полководцы демонстрировали храмовую утварь, священные реликвии и пр. Сулла во время пребывания в Греции разорил святилища Эпидавра, Олимпии и др. (Plut. Sulla, 12). Аппиан сообщил также о слухах, будто бы Сулла поджег Капитолийский храм (App. B. C., I, 86; ср.: Plut. Sulla, 17). Сам античный историк высказывал сомнения на этот счет. Мы же подчеркнем, что сама возможность появления подобного подозрения говорит о падении религиозного благочестия.

Деформация религиозно-нравственной сферы проявилась и в изменившемся отношении римлян к погребальному обряду. Процедура погребения и затраты на похороны были строго определены и зафиксированы Законами XII таблиц (см.: X, 1–10; ср.: Cic. De leg., II, 23, 59; 24, 61). Еще в середине II в. похороны не отличались особой пышностью: Марк Порций Катон похоронил сына «самым дешевым образом» (Liv. Per., 48). Но в начале I в. пышность похорон и общественных мероприятий, с ними связанных, стали символом авторитета политика. Не случайно, видимо, Сулла в период своей диктатуры принял закон, ограничивавший роскошь похорон – *lex Cornelia sumptuaria*, но сам же нарушил при погребении своей жены Метеллы (Cic. Ad Att., XII, 36, 1; Plut. Sulla, 35). При известной всем неприязнительности в быту Катона Младшего его расходы на похороны брата вызвали злорадные толки (Plut. Cato Min., 11).

Другим примером, демонстрирующим отношение к традиции, являются похвальные погребальные речи. Они составляли важную часть погребального обряда. Традиционно похвальной речи удостоивались римские граждане за особые заслуги перед государством. С IV в. эту честь стали оказывать и женщинам, правда, в совершенно исключительных случаях: #с_210. По свидетельству Ливия (Liv., V, 50, 7), впервые это случилось после 390 г.: *laudatio* были удостоены женщины, которые в тяжелое для государства время пренебрегли личными интересами ради общего блага. У Плутарха есть данные о сходной ситуации, относившейся к середине IV в.: у города не было денег для уплаты дара оракулу Аполлона в Дельфах, и женщины помогли, пожертвовав государству свои украшения (Plut. Camil., 8; ср.: Diod., XIV, 116, 8). Цицерон, не имея в виду столь отдаленную древность, считал, что первой женщиной, которой выпала честь *laudatio*, была Попилия, мать Катюла (Cic. De orat., II, 44). Со временем на фоне процессов активизации и индивидуализации личности изменился характер погребальных речей: они приобрели выраженный политический смысл. Симптоматично в этом отношении поведение Юлия Цезаря на похоронах (68 г.) его тетки Юлии, жены Мария, во время которых он не только

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org произнес похвальную речь умершей, но и впервые со времени прихода к власти Суллы выставил изображения Мария. Позднее (65 г.) Цезарь произнес *laudatio* при погребении своей жены Корнелии (Plut. Caes., 5). Интересны сохранные античной традицией сведения о содержании погребальных речей Цезаря. Похоже, что он говорил не столько о потерянных близких, сколько о себе: о связи своего рода с римскими царями и богами, об особых претензиях на могущество и влияние (Suet. Iul., 6, 1; ср.: Vell., II, 41, 1; App. В. С, II, 68). В погребальных речах не всегда и не все было правдой. Уже Цицерон писал, что из-за этого римская история полна ошибок – это «вымышленные триумфы, многочисленные консульства и даже мнимое родство – *falsi triumphi, plures consulatus, genera etiam falsa*» (Cic. Brut., 62, 7–8). Такого же мнения придерживался и Ливий (Liv., VIII, 40, 4). Со временем погребальные речи, как и весь погребальный комплекс, судя по приведенным нами примерам, стали средством политической апологии и политической агитации. Обратим внимание еще на некоторые отклонения реальной практики от традиционных религиозных основ римской общественной жизни. По Законам XII таблиц хоронить умерших в пределах города запрещалось (X, 1). Такое право предоставлялось лишь весталкам (Serv. Ad Aen., XI, 205–206). Эта норма сохранилась и в период поздней Республики. Однако особым постановлением сената стали разрешать погребения на Марсовом поле, т. е. вне городских стен, но на месте собрания центуриатных комиций. Здесь были похоронены Сулла, Цезарь, позднее – консулы Гирций и Панса, погибшие при Мутине в 43 г.

В соответствии с обычаем на девятый день после смерти устраивалась погребальная тризна. Этот обряд входил в общий комплекс представлений о культе предков. Вместе с тем Ливий рассказывал, что уже в 328 г. Марк Флавий щедрыми раздачами в виде погребальной жертвы пытался «отдать долг» за его освобождение от суда эдилов (Liv., VIII, 22, 2–3). Во II в. погребальная тризна приобрела ярко выраженный характер политической акции, главной целью которой было завоевание или укрепление политического веса и популярности ее устроителя: #с_211. Известно, что погребальная тризна, устроенная Титом Фламинием по случаю смерти его отца (174 г.), продолжалась четыре дня и сопровождалась погребальными играми, раздачами, общественными пирами и сценическими представлениями. По замечанию Ливия, такие игры были восприняты и расценены народом как «вершина щедрости» (Liv., XLI, 28). Видимо, не случайно тот же Ливий неоднократно подчеркивал, какой сильной была поддержка фламиния со стороны римского плебса. Демонстрация материальных возможностей и щедрости стала во II–I вв. неотъемлемым атрибутом погребальной церемонии. Не слепая вера, а разум и строгий расчет определяли поведение римского гражданина во время погребения. Таким образом, религиозный культ постепенно стал терять характер священнодействия.

Вместе с безверием распространялась и безнравственность. Нравственность – сфера межлических отношений, определяющаяся совокупностью общепринятых норм поведения. В конце III в. отклонения от общинных нравственных ценностей и традиций стали заметными и в этой сфере. Моральное (нравственное) сознание и поведение человека предполагает ориентацию на определенный личностный образец, т. е. реальное или вымышленное лицо, побуждающее или должное побуждать к подражанию и в этом смысле служащее объектом притязаний, предполагающее некую иерархию ценностей. Во французской социологии говорят о «направляющих образцах» и об «идеалах личности»; в английской – о «человеческих образах, представляющих предмет притязаний», «идеальных типах человека в данной культуре», «образах, вызывающих восхищение»; в немецкой – об образцах, «идеальных типах группы». Мы вслед за М. Оссовской будем употреблять термин «личностный образец». На наш взгляд, М. Оссовская совершенно обоснованно отказалась от употребления термина «идеальный тип», поскольку он предполагает совершенство и нереальность, нечто недостижимое: #с_212, тогда как термин «личностный образец» позволяет говорить о реально действующих в общественном сознании стереотипах восприятия действительности и поведения. Наличие таких стереотипов, с одной стороны, упорядочивает действительность; с другой – определяет тенденцию к окостенению общества, способствует искажению действительности, закрепляет традицию и в конечном счете затрудняет действия в меняющихся обстоятельствах.

Внутренние границы, тип и качественные характеристики личностного образца определяются типом социальной связи между людьми. В древнем Риме гражданская община – *civitas* – формировала нормы поведения, отвечавшие общинным интересам. С детских лет римские граждане следовали сложившимся в семье и общине стереотипам, которые вырабатывали способность к слиянию

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org личного «я» с общинным «мы». Г. Сэмнер и А. Келлер, определяя подобные морально-этические системы, использовали такой термин, как «этноцентризм», вкладывая в это понятие определенные свойства групповой психики и способы групповой самозащиты, направленные на актуализацию противопоставления «мы лучше, чем они»: #с_213. Этот термин был воспринят историками, в том числе и теми, кто занимается античной историей Рима. Однако в последнее время исследователи все чаще, и на наш взгляд, справедливо, говорят о невозможности применения этого определения к римскому обществу. Римские общественные отношения хотя и ориентировались на традиции гражданской общины, но эта ориентация не была односторонней. Абсолютизация традиций и ценностей замкнутого общинного мира очень редко выступала в чистом виде и была осложнена представлениями об особой исторической миссии Рима. В этом смысле мы согласны с Г. С. Кнабе, который говорил о характерном для римского общественного сознания и форм поведения противоречивом единстве традиций архаической общины и стремлении выйти за ее пределы: #с_214. Особенности общественного сознания и общественной практики римлян способствовали оформлению специфической морально-этической системы, определяя которую мы можем принять термин О. В. Брейкина – «моральный реализм» [20 – Автор понимает под этим термином особый, «принципиально иной тип нравственного сознания, который характеризуется ориентацией на реально существующую в обществе систему ценностей, уважением к этической традиции, доминированием моральной практики над сознанием, нравственной амбивалентностью образов мифологического сознания», см.: Брейкин О. В. Становление нравственного идеала в культурах древнего мира. Саранск, 1996. С. 4.].

В основе римской морали и этики лежала прежде всего общественная связь, основанная на подчинении личности интересам общинного коллектива, Республики в целом. Морально-этические стереотипы римлян воплощались в искусственно созданном идеале, который совокупно формулировался как нравы предков – *mos maiorum*. Г. С. Кнабе определил понятие *mos maiorum* как «привычку видеть в “нравах предков”, в преданности традиции и старинным установлениям высший критерий общественной морали»: #с_215. Вопрос о составляющих *mos maiorum*, их ценностной иерархии и влиянии на общинные стереотипы поведения наиболее четко был разработан С. Л. Утченко: #с_216. Как всякое идеальное представление, римский общественный идеал был отличным от реальности, но не оторванным от нее абсолютно. При этом, по справедливому замечанию В. И. Кузищина, особенно важно, что он был теоретически привлекательным и до некоторой степени играл роль парадигмы, достойной подражания: #с_217.

Господствующий личностный образец отличался такими качествами, как презрение к труду ради обогащения; гражданская активность (ощущение слитности с коллективом граждан и осознание свободы – *libertas*); стремление не к личной славе, а славе отечества; верность долгу, Риму, соратникам, слову – *fides*; благочестие к богам, предкам, древним обычаям и законам – *pietas*; представление о чести и достоинстве, которые выше материальных благ и даже самой жизни – *dignitas*. Все эти качества предполагали подчинение личных интересов государственным. Цицерон писал, что если бы римляне не ставили блага государства превыше всего, не «спасли бы от ужаса перед Карфагеном Г. Дуелий, А. Атилий, Л. Метелл, двое Сципионов кровью своей не потушили бы начинающийся пожар второй Пунической войны, кв. Максим не истощил бы (врага. – Н. Ч.), когда тот поднялся после увеличения сил, М. Марцелл не сломил бы (противника. – Н. Ч.), а П. Африканский, отбросив (врагов. – Н. Ч.) от ворот Рима, не перенес бы (войны. – Н. Ч.) внутрь вражеских стен – ... *petu liberavissent, nec C. Duellius, A. Atilius, L. Metellus terrore Karthaginis, non duo Scipiones oriens incendium belli Punici secundi sanguine suo restinxissent, nee id excitatum maioribus copiis aut Q. Maximus enervavisset aut M. Marcellus contudisset aut a portis huius urbis avolsit P. Africanus compulisset intra hostium moenia.*» (Cic. De rep., I, 1).

Прототипами личностного образца выступали мифологические персонажи. Так, символом умеренности и чистоты нравов являлся легендарный Ромул (Plut. Rom., 7; 22): #с_218. Часто примерами истинных римлян выступали исторические лица, но наделенные гиперболическими характеристиками. Символом республиканизма, «отцом свободы», как считали римские граждане, был организатор изгнания царей, консул 509 г. Марк Юний Брут, который приказал казнить своих собственных сыновей – участников заговора против Республики. Его решение в отношении детей было таким непреклонным, что даже античным историкам было непонятно, что заставило Брута поступить так:

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
гражданская доблесть или глубокое душевное страдание (Plut. Popl., 6; 10; ср.: Plut. Brut., 1; Liv., 11,5,6–8). Олицетворением воинской доблести являлся для римлян Гораций Коклес, который в 508 г. один сдерживал наступление этрусков (Polyb., VI, 55; Liv., II, 10, 212; Plut. Popl., 16; Dionys., V, 23, 2). Гай Муций Сцевола, решивший смыть с римлян позор этрусской осады в 507 г., возможно, даже ценой собственной жизни, являл образец патриотизма (Liv., II, 12, 3–9; ср.: Plut. Popl., 17).

Видимо, в ряд римских героев и героизированных персонажей, образы которых формировали положительную традицию, можно поставить Нуму, Валерия Публикола, Камилла, Фабия Руллиана, Апп. Клавдия Цека, М. Валерия Корва. Классическими образцами, воплотившими представления римлян о гражданской чести, достоинстве, неподкупности и бескорыстном служении Отечеству, считались Кв. Фабий Максим и Маний Курий Дентат (см.: Liv., XXIV, 44, 10; Plut. Cato Maior, 2).

Образцом служения Республике выступали три представителя рода Дециев, которые принесли себя в жертву ради спасения Рима (в 340, 295 и 279 гг.). Публия Деция Муса – консула 340 г. – можно считать лицом историческим. Ливии ссылались на то, что его имя есть в летописях (Liv., VII, 21, 6; Liv., VIII, 9, 8–12), что его образ не стерся из памяти римлян – свидетелей его подвига (Liv., X, 7, 3)[21 – у подвига Публия Децима Муса был легендарный прототип – «юный и славный воин Марк Курций», который прекратил землетрясение в Риме, посвятив себя богам (см.: Liv., VII, 6, 1–5)]. Историчность Деция Муса Младшего также не вызывает сомнений. У Ливия есть подробное описание всех его четырех консульств, цензорства, понтификата. Тот же Ливий подчеркивал, что в годы 2-й Пунической войны старики вспоминали подвиг Публия Деция: в сражении с галлами он, обращаясь к памяти отца, обрек себя как искупительную жертву на гибель (Liv., X, 28, 13–18; XXIV, 9, 8). Относительно достоверности жертвы последнего Деция уже древние не были вполне уверены. Ливии, например, говорил лишь о подвигах первых двух Дециев (Liv., IX, 17, 8).

Еще один эпизод, выдержанный в духе *mos maiorum*. Римский полководец времен 1-й Пунической войны Марк Атилий Регул даже в плену сохранил верность Отчизне и гражданскому долгу: посланный карфагенянами в Рим с предложением обменять его на пленных врагов, он сам выступил в сенате против этого, вернулся в плен и был замучен (Polyb., I, 31–35; Cic. De off., III, 99; Liv. Per., 18; App. Lyb., 1). Иллюстрацией римской доблести выступает в традиции и поступок консула Тита Манлия, который убил собственного сына за то, что тот нарушил его приказ не сходить с врагом вне строя (Liv., VIII, 7, 83).

Символом уважения к семейным нормам, в частности к матери семейства, выступает в римской традиции Марций Кориолан (Liv., II, 40, 3–10). Правда, необходимо заметить, что отношение к этому образу в римской историографии было неоднозначным и чрезвычайно поучительным. Отчасти в нем воплощалось негативное отношение римлян к людям с яркой индивидуальностью. В этом плане Кориолан подвергался порицанию. Вместе с тем римляне видели в образе Кориолана воплощение душевных страданий человека, оторвавшегося от родной общины, поэтому образ имел важную морально-этическую и воспитательную нагрузку.

Оформился не только гражданско-патриотический образец римского гражданина, но и социально-желательный тип римской матроны. Он имел и гражданско-патриотическую, и семейно-бытовую смысловую нагрузку. Так, образы Клелии и Валерии были воплощением долга и служения Отечеству (см.: Liv., II, 13, 6–11; Plut. Flam., 33). Семейно-бытовое нормативное поведение женщины предполагало привязанность к мужу, отгороженность от общества, замкнутость в домашнем и семейном кругу, чувствительность, эмоциональность. Образ достойной супруги закрепился в римской лирике и сатире, получил отражение в посмертных эпитафиях. Варрон так представлял идеальную спутницу: «В одно и то же время и шерсть прядет руками, и не сводит глаз с кастрюли, чтобы каша не пригорела – *simul manibus trahere lanam, nec non simul oculis observare ollam pulvis, ne aduratur*» (Varr. Sat. Men., 190). Примерами образцовых матерей были Корнелия – мать Гракхов (Plut. Tib. Gr., 1); Аврелия – мать Цезаря; Атия – мать Августа.

Часто за оформленными личностными образцами просматривается тенденция к намеренной идеализации. Так, идеалом простого римского гражданина, вставшего в критическую минуту во главе государства, эталоном личного

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org представляла Л. Квинкция Цинцинната. По версии, представленной Ливием, он, владея всего 4 югерами земли, т. е. примерно 1 га, не воспользовался высоким положением диктатора, закончив в течение 16 дней битву с врагом, сложил диктаторские полномочия и возвратился на свое поле (Liv., III, 26, 8–29). Видимо, и образ Квинкция Цинцинната, и его история чрезвычайно соответствовали концепции *mos maiorum*, поскольку античная традиция пыталась его популяризовать. На самом деле он не был «простым римским гражданином». Род Квинкциев был одним из знатнейших патрицианских родов, восходивших еще ко времени Ромула, а сам герой был уже вторым консулом из своего рода и до диктатуры 458 г. занимал консульскую должность (460 г.).

Воплощенной концентрацией римского характера был Марк Порций Катон Старший (Plut. Cato Maior, 2; 8). Однако анализ его жизни и политической деятельности позволяет говорить о том, что в публицистике, римской историографии и общественном мнении выступает искусственно созданный идеальный образ. Нравственная высота Катона превозносилась и современниками, и античными историками (Plut. Cato Maior, 19). Ему приписывали множество афоризмов по поводу морально-этического и государственно-политического состояния Республики, среди которых был, например, такой: «Если вы (римляне) достигли величия доблестью и умеренностью, не меняйтесь к худшему; если же невоздержанностью и пороком, изменитесь к лучшему» (Plut. Reg. et imper. apophth., 198 D–199 E; ср.: Plut. Cato Maior, 8). Выступая носителем традиционных республиканских ценностей и борцом за добрые старые нравы, на деле он был антиподом ортодоксальных ревнителей *mos maiorum*. Его идейный консерватизм сочетался с практическим «футуризмом». Считая, что основным источником материального состояния должно быть сельское хозяйство, он не настаивал на традиционном принципе умеренности труда и скромном уровне доходов. Катон был не столько скромным землевладельцем старого типа, сколько деловым человеком и новатором, провозгласившим новые принципы организации хозяйства, постепенно и повсеместно утвердившиеся, главный из которых – обогащение; ради прибыли был готов на мало престижные операции: #c_219. [22 – в исторической литературе можно встретить довольно резкую оценку Катона как беспринципного человека и лицемера, см.: Сергеенко М. Е. Записки о Катоне // ВДИ. 1976. № 3. С. 157.] Отстаивая приоритет государственных интересов над семейными и личными, он тем не менее не отодвигал заботы о доме на второй план (Plut. Cato Maior, 20), а стремясь к удовлетворению личных целей, азартно преследовал своих врагов, допускал сомнительные с точки зрения традиционной морали поступки (неблаговидное поведение в суде), мог изменить общинным нравственно-этическим нормам поведения (Liv., XXXVII, 57–58; Plut. Cato Maior, 19; 21; 24): #c_220. Ю. Г. Чернышов высказал несколько резкое, но довольно точное замечание, о том, что образ Катона Старшего имеет литературно-художественный отпечаток и заслоняет историческую действительность: #c_221. Мы же считаем возможным дополнить этот общий вывод: в античной традиции это было сделано намеренно, с целью создания образца, связанного с традиционной общинной моралью.

В конце II – первой половине I в. принцип идеализации традиционных норм жизни и стереотипов поведения получил теоретическое оформление в концепциях идеального государства и идеального гражданина, разработанных Полибием, Цицероном и Саллюстием. В современной историографии эта проблема была обстоятельно исследована С. Л. Утченко: #c_222. К основным выводам исследователя добавим лишь, что стремление теоретически осмыслить состояние римского общества было вызвано утопическим желанием не просто вернуть римлян к истокам общинной жизни, но приспособить традиционные формы существования к новой исторической, внеполисной по существу, ситуации.

В условиях усиливавшегося социального напряжения и обострившейся политической борьбы в римской публицистике (речи Цицерона) и римской историографии (труды Саллюстия, Ливия, Аппиана) постепенно сформировался образ антигероя. Негативными характеристиками римские моралисты наделяли отчасти Марция Кориолана (App. B. C., 1,1), дочь Спурия Тарпея (Liv., 1,11, 6–9), мать Децима Брута Семпрония (Sail. Cat., 25, 1–5), Каталину, Клодия (Plut. Sic., 29). Важно отметить, что их поступки и намерения противопоставлялись не только традиционной системе общественных отношений, но интересам Республики в целом. В связи с этим подчеркнем: оформление образа антигероя явилось одной из доминант сопротивления развивавшемуся разложению общинной морали и этики и важным средством регулирования поведения римского гражданина.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Морально-этические стереотипы были чрезвычайно сильны в Риме, а ориентация на личностные образцы – довольно устойчивой: #с_223. Симптоматичны слова Саллюстия о том, что его современники (Квинт Максим, Публий Сципион и другие прославленные граждане), глядя на изображения предков, загорались сильнейшим стремлением к доблести и пытались сравняться с их добрым именем и славой (Sall. Jug., 4; 5). До II в. общинные морально-этические образцы были не только признаваемыми, но чаще всего реализуемыми. Соответственно нравам предков вели себя в бою и в быту Камилл (Liv., VI, 8, 13), Марцелл (Plut. Marc., 3), Марк Валерий Корв (Liv., VII, 26, 2). Опираясь на моральный образец, Публий Корнелий Сципион взял на себя бремя ответственности за более чем трудную ситуацию в Испании в 210 г. (Liv., XXVI, 19, 1–9). Марк Юний Брут был в середине I в. для республиканцев символом политической борьбы (Plut. Caes., 61).

Со II в. личностные образцы становятся все более пропагандируемыми, но признаваемыми чаще всего лишь на словах. Civitas и ее жесткая общинная мораль не могли угнаться за реалиями исторического развития. В результате обнаружился разрыв между моральными императивами и реальным поведением римлян. Люди научились сочетать «заветы предков» и пренебрежение ими. Постепенно выработался двойной стандарт в отношении к действительности.

У Плутарха есть чрезвычайно показательный сюжет о двойных жизненных стандартах в Риме I в. – некий сенатор публично рассуждал о бережливости и воздержанности, тогда один из присутствовавших воскликнул: «Послушай, это, в самом деле, невозможно! Ты обедаешь, как Лукулл, строишь дворцы, как Кресе, а поучаешь нас, как Катон!» (Plut. Cato Min., 19).

Традиция говорила о скромности римских аристократов, идеализировала бедность, осуждала богатство. В то же время в итоге римских завоеваний в Рим хлынул огромный поток материальных ценностей. Марк Марцелл (212 г.) после взятия Сиракуз отдал город на разграбление: по словам Ливия, «было явлено много отвратительных примеров жадности и ожесточения – cum multa irae, multa avaritiae foeda exempla ederentur» (Liv., XXV, 31, 9). В качестве трофеев из Сиракуз были вывезены золото и серебро, драгоценная утварь и посуда, картины и статуи, украшавшие город. Это было не только первым знакомством римлян с высоким греческим искусством, но и проявлением варварства и вандализма, связанных с алчностью и распущенностью (Liv., XXV, 40, 1–2). Во время триумфа Тита Фламинина (194 г.) пронесли 3713 фунтов золота в слитках, 43 270 фунтов серебра, 14 514 золотых монет с изображением Филиппа V Македонского (Plut. Tit., 14), а в триумфальной процессии Эмилия Павла (167 г.) на 250 колесницах везли картины и статуи, на множестве повозок – красивое и дорогое македонское оружие, три тысячи человек несли 750 сосудов с серебряной монетой, было пронесено множество серебряной утвари, 707 сосудов с золотой монетой и множество золотой утвари (Plut. Paul., 32–33). Даже Катон Старший не порицал тех, кто «старается обратить войну в средство наживы» (Plut. Cato Maior, 10).

Во время триумфа Мария (102 г.) пронесли 3007 фунтов золота, 5775 фунтов серебра в слитках и 287 тыс. драхм звонкой монетой (Plut. Mar., 12). Сулла в 81 г. во время триумфальных представлений продемонстрировал добычу «великолепную и дотоле невиданную» (Plut. Sulla, 34). В триумфальной процессии Лукулла в 65 г. кроме множества вражеского оружия были пронесены 20 носилок с серебряной утварью и 32 носилки с золотыми кубками, доспехами и монетой, 8 повозок везли золотые ложа, 56 – серебро в слитках, 107 – серебряную монету общей стоимостью 2 млн. 700 тыс. драхм (Plut. Luc., 37). Триумф Помпея в 61 г. даже не вместил того, что было запланировано (Plut. Pomp., 45).

В условиях колоссального притока в Рим материальных ценностей заметным и характерным явлением стала концентрация огромных богатств в руках римской аристократии. Для примера приведем лишь несколько известных фактов. В 275 г. Публий Корнелий Руфин был исключен цензорами из сената за то, что завел у себя серебряную посуду (Liv. Per., 14). Это казалось не только нарушением норм общинной морали, но преступлением против общины. В I в. богатство и роскошь уже не смущали официальные власти. Плутарх рассказывал о том, с какой невероятной скоростью в Риме росли цены и страсть к роскоши: у Гая Мария был великолепный дом возле Мизен, предназначенный для изнеженной и роскошной жизни, Корнелия – дочь Сципиона Африканского и мать Гракхов – купила его за 745 тыс., а чуть позднее Лукулл, который, по мнению современников, задавал тон расточительной и роскошной жизни (Plut. Luc., 38–39; Vell., II, 33, 4), заплатил за него 2,5 млн. (Plut. Mar., 34).

Динамику процесса за 150 лет представил Веллей Патеркул. Он приводил следующий пример: в 125 г. цензоры осудили на изгнание Лепида, снявшего дом за 6 тыс. сестерциев; в начале I в. н. э. невозможно было даже представить, что в таком доме мог жить сенатор. «Так изменилось состояние, – заключал античный автор, – от добродетелей к пороку, от пороков к испорченности, от испорченности к падению – *adeo natura a rectis in uitia, a uitia in praua, a prauis in praecipitia peruenitur*» (Vell., II, 2, 10).

На этом фоне обнаружилось изменение отношения римского общественного мнения к богатству. Традиционно принцип материального достатка был основным фактором, определявшим общественный статус человека в Риме: римляне распределялись по сословиям в соответствии с имущественным цензом. Таким образом, богатство воспринималось как положительная характеристика, а его достижение являлось важным стимулом жизни и деятельности римских граждан. Однако достойным признавалось богатство, связанное с принципом наследования и землевладением. Приобретение состояния каким-либо иным путем осуждалось. Во II–I вв. источником богатства все чаще стало выступать «служебное положение» – консулат и промагистратура, которые позволяли присваивать часть военной добычи, доходы с провинций и пр. Именно этим античная историография объясняла ожесточенный характер борьбы за магистратские должности, распространившую практику подкупа избирателей и открытого вооруженного давления на них (Liv. Per., 101; 107). Несмотря на постоянное возобновление законов против коррупции и вымогательства в провинциях, а также на моральное осуждение стяжательства, определяющим мотивом общественно-политической практики все более отчетливо стала выступать материальная выгода.

Изменилось отношение римлян и к гражданской доблести. Традиционное понятие *virtus* включало в себя представления о воинской чести, благородстве, нравственном совершенстве. Уже во II в. оно существенно изменилось. Наиболее отчетливо представление современников о *virtus* выразил Луцилий. «Доблесть, – писал он, – состоит в том, чтоб ты, что достойно, где правда, мог различать, каково – все то, что вокруг нас, чем живем мы, доблесть – то знание, что даст человеку такой-то поступок, что для него справедливо, полезно и, главное, честно, что хорошо и что дурно, постыдно, бесчестно, бесплодно; доблесть – в умении найти всему свой конец и пределы; доблесть – в способности знать настоящую цену богатства; доблесть – в возданье того, что она заслужила, заслуге; в том, чтоб врагом беспощадным быть человеку дурному, наоборот, чтобы быть людей защитником честных, их прославлять, им желать всего доброго, жить с ними в дружбе; кроме того, всего выше ставить – родины благо, далее – благо родных, всего ниже – личное благо» (Lucil. Sat. fr., 1196): #c_224. В подобном представлении о гражданской доблести акцент с личности, наделенной общественно привлекательными качествами, оказался транспонированным на результаты действий личности, их полезности или вредности. Это было естественным отражением изменившихся отношений в римском обществе. Вместе с тем такое понимание *virtus* способствовало дальнейшему развитию индивидуализма и эмансипации личности от общинных традиций.

С изменением ценностных ориентиров изменился и стиль жизни. Отступление от исходных общинных морально-этических начал проявилось в том, что люди стали «жить напоказ». Идеал патриархальной умеренности стал все заметнее «размываться»: #c_225. Приведем лишь несколько примеров. По данным Плиния Старшего, до III македонской войны (171–168 гг.) в Риме не было мукомолов-пекарей, а в числе домашних рабов не было поваров – видимо, римские хозяйки сами пекли хлеб и готовили еду (Plin. n. n., XVIII, 28). Но даже в такой ситуации обнаруживается тяга римлян к роскоши и чрезмерному потреблению. На это указывает, например, принятие в 161 г. особого закона, запрещавшего подавать к столу блюда из специально откормленной домашней птицы. По всей видимости, данный закон, как и многие другие официальные запреты, не имел реального значения (Liv., XXXIX, 6, 8–9; Plut. Luc., 40; 41). Варрон подчеркивал, что «никакой закон не установит границы и размера чрезмерной роскоши – *legibus <nec luxu> statues finemque modumque*» (Varr. Sat. Men., 252). В одной из сатир тот же Варрон перечислял, что в I в. подавалось обычно на обед римского аристократа: павлины с Самоса, рябчики из Фригии, журавли с Мелоса и т. п. (Gell., VI, 16). В домах аристократов появилась богатая утварь. В одежде стали использовать дорогие тонкие ткани (Plin. n. n., XXXVII, 2).

Тон задавала аристократическая молодежь: Публий Корнелий Сципион (Polyb.,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org XVII, 23, 6; Liv., XXI, 49), Луций Корнелий Сулла (Plut. Sulla, 2), Юлий Цезарь (Plut. Caes., 4–5) и др. Современники и римские историки обращали внимание на тот факт, что стиль жизни и многие поступки молодых аристократов были продиктованы желанием привлечь к себе внимание. Подобный эпатаж не только вызывал интерес толпы, но часто обеспечивал массовую поддержку, авторитет и карьерный рост.

В римском обществе постепенно выработалось мнение, что мощь государства зависит от активных, удачливых, не связанных условностями «первых» людей в республике. На фоне ослабления государственно-политической системы и развивающейся анархии эта идея приобрела определяющее значение. В результате возник новый тип политического лидера, главной характеристикой которого стало гипертрофированное властолюбие. Кроме того, расширение гражданства требовало нового отношения к норме, а расширение римской провинциальной периферии передавало контроль над моральной сферой в руки наместников. Это еще более укрепляло влияние и моральный авторитет политически активной личности. Личная жизнь и деятельность политиков «новой формации» стали оказывать существенное влияние на формирование личностных приоритетов, на характер взаимоотношений в обществе. Показательна речь, произнесенная Сципионом Старшим перед солдатами-мятежниками в 208 г. «Толпа, – говорил он, – всегда проявляет те самые свойства, какими отличаются ее вожаки и советчики» (Polyb., XI, 29). А Тойнби образно определил это так: «Во времена бедствий маска цивилизации срывается с примитивной физиономии человеческого большинства, но моральная ответственность за надломы цивилизаций лежит на совести их лидеров»: #с_226. Такая развивавшаяся в условиях II–I вв. практика политической борьбы как апелляция к общественному мнению – народному собранию – еще более укрепляла представление о личной ответственности лидера за исход событий и определяла еще более тесную моральную связь политически активной личности и толпы.

На фоне развития этих процессов во II–I вв. заметной чертой общественного поведения стала противозаконная (аморальная) с точки зрения общинной морали и этики деятельность. Мы уже говорили о проявлениях аморализма как показателе развивавшегося в римской общине процесса индивидуализации личности и нарушения и забвения *mos maiorum*. Дополним, что римские моралисты считали аморальным не только порочное поведение, но и нежелание этому противостоять. Опасность этой тенденции состояла в том, что при попустительстве сената и опоре на низменные интересы толпы политически активная личность, даже негативно окрашенная в общественном мнении, добивалась личной выгоды и удовлетворения личных интересов чаще всего в ущерб интересам государственным. Особенно заметной эта тенденция стала в I в. в деятельности Марии Сатурнина и Главции, Сульпиция Руфа, Суллы, Катилины, Клодия и др.

Другим проявлением аморализма стало негативное отношение к соотечественникам. Впервые наиболее ярко эта тенденция обнаружилась в событиях 133–121 гг., когда политические противники использовали друг против друга не только политические средства борьбы, но и силовое давление. Симптоматично поведение консула Луция Опиimia, который требовал от сената абсолютных полномочий для подавления смуты в Риме. Сенат пошел на беспрецедентный поступок, впервые в мирное время провозгласив: «Да позаботятся консулы, чтобы государство не понесло ущерба!», т. е. объявив о введении чрезвычайного положения и предоставив консулу право применять к гражданам любые меры принуждения, вплоть до смертной казни без суда (Liv. Per., 61; Plut. G. Gr., 14). Известно также, что Сципион Эмилиан, Ливии Друз Младший были убиты при неизвестных обстоятельствах (см.: Liv. Per., 59; 71). В I в. негативное отношение к политическим противникам приобрело широкомасштабный террористический характер. Обоснованный интересами государства, террор стал государственной политикой. Цинна и Марий в 87 г. убили многих знатнейших представителей сената (Liv. Per., 80; см.: Plut. Mar., 41–44; Sert., 4–5; Pomp., 3). Претор Луций Дамасипп по приказу Гая Мариа Младшего в 82 г. созвал сенат и, по словам Ливия, «уничтожил почти всю римскую знать» (Liv. Per., 82). Невиданный размах приобрели проскрипции Суллы (Liv. Per., 88; Plut. Sulla, 3133) и II триумвирата (Liv. Per., 120; Plut. Ant., 1720; Cic., 45–48; Brut., 27).

Изменился до некоторой степени и стиль жизни римской женщины. По мнению большинства исследователей, женщина играла пассивную роль в римском обществе и как личность она не была выделена внутри семейной и гентильной группы: #с_227. Подобный взгляд на общественное положение римской женщины

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org имеет свои основания. Безусловно, она не обладала политической правоспособностью. Находясь под опекой мужчины, женщина не была полноправным субъектом римского права. *Ius suffragii* и *ius hono-rum* были ей недоступны. Ее уделом были дом и воспитание детей. Однако роль женщины как организатора домашнего хозяйства, морального наставника детей, хранительницы семейных отношений вознаграждалась признательностью и уважительным отношением римского общества. Участие в публичных священнодействиях приобщало ее (отчасти) к интересам римской гражданской общины. Можно согласиться с И. Л. Маяк, что римские матроны обладали пусть усеченным, не оформленным юридически, гражданским статусом: #с_228.

Постепенно, по всей видимости, менялись представления римской общественности об образцовом поведении женщины и ее роли в семье и обществе. В публицистике и римской историографии распространилось мнение, что женщина должна быть не только хозяйкой дома и добродетельной матерью, но и верной спутницей мужчины. Эти представления оформились на основе новых реалий повседневной семейной жизни. С III в. распространенной стала практика совместного участия супругов в домашних трапезах и совместное посещение гостей: #с_229. Для женщин-аристократок стало престижным получить хорошее «высшее» образование. Так, например, мать народных трибунов Гракхов, а также дочь консула Лелия учились у известных греческих риторов; Корнелия, жена Гнея Помпея, разбиралась в музыке и геометрии, имела возможность на равных общаться с философами (Plut. Pomp., 55); а Семпрония, мать Децима Брута, знала греческую и латинскую литературу (Sail. Cat., 25, 2).

О пожизненном пребывании женщины под властью отца, опекуна, мужа до некоторой степени забывается. Замужняя женщина в частной жизни стала пользоваться фактически такой же свободой, как и ее муж. Она могла имущественно. В источниках неоднократно упоминаются законы о налогообложении богатых женщин (App. V. C, IV, 32; Val. Max. IX, 3, 3). Римские женщины не прямо, но косвенно оказываются втянутыми в общественные дела. Так, в деле раскрытия вакханалий консулу помогла его теща, обходительная и тактичная Сульпиция (Liv., XXXIX, 11–14). Буса, «славная родом и богатством» гражданка Канузия (город в Апулии), организовала помощь воинам, спасшимся после Канн (Liv., XXII, 52, 7). Ее вмешательство определяло исход политической борьбы. Гай Гракх не преследовал Марка Октавия по просьбе своей матери Корнелии (Plut. G. Gr., 4). Семпрония, отравившая, по слухам, своего мужа Сципиона Эмилиана, пыталась таким образом поддержать радикальную реформаторскую деятельность своего брата Гая Гракха (Liv. Per., 59). Метелла, жена Суллы, просила у него разрешения вернуть в Рим изгнанных сторонников Мария (Plut. Sulla, 6). Фульвия, знатная римлянка, раскрыла Цицерону планы заговорщиков катилинариев (Plut. Cic, 16). На совещании, которое устроили Брут и Кассий, где решалась судьба государства, присутствовали мать и жена Брута и жена Кассия (Cic. Ad Att., XV, 11). Примеры можно было бы умножить. Но жизнь, вероятно, была еще богаче и многограннее, чем это представлено в античной традиции.

Авторитет римских матрон в семейной жизни, участие их в общественном культе, вмешательство (правда, на частном, семейно-бытовом уровне) в политическую жизнь Рима – все это позволяет признать наличие у них закрепленного гражданского статуса и одновременно выявляет такую особенность римской *familia* (и *civitas* в целом), как ее постепенно усиливавшаяся открытость, которая, с одной стороны, помогала Риму преодолевать основные социальные противоречия, с другой – порождала новые проблемы в римской семье, обществе, государстве.

Судить о том, насколько характерным для широких слоев римского общества стало отступление от исходных полисных морально-этических начал, позволяет римская литературная традиция. Нам представляется вовсе не случайным тот факт, что во II в. популярным в Риме стал жанр сатиры. Одним из первых римских сатириков был Энний (239–169 гг.). Его сатиры не были ни злыми, ни колкими. Они носили скорее моралистический характер. В сохранившихся фрагментах не заметно следов полемического тона, но есть стремление наставлять и поучать, исправлять общественные пороки. В сатире Луцилия (180–102 гг.) на первый план выступило критическое отношение к современности. Он критиковал любовь к деньгам и роскоши, скупость и мотовство, сословную спесь и чванство, сластолюбие и хвастовство. При этом его критика была персонально направлена. Луцилий называл тех, в ком видел воплощение того или иного порока. Меркой для его суждений служил

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org идеализированный образ древних; стимулом – забота о благе римского государства, а положительным идеалом – традиционная римская добродетель. Младшим современником Луцилия был Варрон (116–27 гг.). Само название его сатир «Менипповы сатиры», по имени греческого философа-киника Мениппа, жившего в III в., указывает на цель автора – осмеять все и вся и прежде всего общепринятые нормы морали и аристократическую систему ценностей. Нормой поведения Варрон считал жизнь предков, идеалом – простую и скромную жизнь прадедов и отцов. Варрон писал: «У дедов и прадедов хоть слова и дышали чесноком и луком, но высок у них был дух!» (Varr. Sat. Men., 63–64); «в Риме жили они (предки) бережливо, честно и чисто, в этом – отечество их. Мы же – в сплошной суете» (Varr. Sat. Men., 488–489). С опубликования сатир начал свой поэтический путь Гораций (65–8 гг.). В них он воспевал отца как моральный образец, высмеивал пороки. Своим насмешкам Гораций придавал общезначимый характер. В литературе существует целый спектр мнений о характере и задачах творчества Горация. Мы не имеем в виду анализ этих аспектов его творчества, хотим обратить внимание лишь на степень его рефлексии по поводу действительности, отразившейся в сатирах и отчасти в лирике. Гораций рассматривал человеческие слабости как нечто неизбежное и пытался указать путь к праведной жизни. Так, в XVI эподе он призывает покинуть Рим, раздираемый гражданскими распрями и бежать на «острова блаженных» (Horat. Ep., XVI, 17–66).

Потрясающая картина разложения римских нравов и традиции была нарисована историками и публицистами. С резкой критикой действительности выступал Саллюстий. Он писал, что если предки обладали нравственными качествами, возвеличивавшими их (трудолюбие, справедливость, беспристрастность и пр.), то его современники были рабами наслаждений в частной жизни, денег и влияния – в общественной деятельности. Для них, по мнению античного историка, были характерны развращенность, алчность, праздность, честолюбие (Sall. Cat., 12; 13, 2–5; 52, 19–23). В переписке с друзьями и близкими Цицерон представлял римскую историю середины I в. как сплошную цепь преступлений против государства и обычаев предков. В народном собрании постоянно звучали скандальные разоблачения подкупа судей, взяточничества управляющих провинциями, недееспособности сената и пр.

На глубину процесса нравственного разложения и морального падения указывает тот факт, что римские сатирики и критики осуждали и обличали «порчу нравов», но при этом искали покровительства и дружбы влиятельных нобилей, прославляли их как героев и царей. Энний пользовался покровительством Сципиона Африканского Старшего, Луцилий – Сципиона Эмилиана, Саллюстий имел поддержку в лице Цезаря, Цицерон искал опору в Помпее. Это позволяет поставить под сомнение их принципиальность и последовательность в вопросах отношения к нравам предков и социальной этике. В целом в римской литературе, историографии, публицистике II–I вв. получили развитие социально-психологический негативизм, скептицизм и критицизм, которые отражали и способствовали дальнейшему развитию индивидуализма и социально-негативного поведения.

Соединение в римском общественном сознании и межличностных отношениях устойчивой приверженности традиции и заветам предков с гедонистическим, а порой аморальным безразличием к ним, с определенной открытостью внешнему влиянию можно во многом объяснить субъективными факторами – личными вкусами, обстоятельствами биографий тех персонажей, о которых нам сообщают античные авторы. Но за этим стояли и глубокие объективные причины. Носителями новых морально-этических ценностей в период поздней Римской республики выступали представители тех сословных групп, которые по тем или иным причинам были слабо интегрированы в римское общество, а потому свободные от римских полисных традиций и норм: аристократическая молодежь, младшая сенаторская аристократия, *homines novi*, римский плебс, люмпен-пролетариат, жители италийских общин, провинциалы. Их интересы, стиль жизни и мотивы поведения невозможно объяснить лишь индивидуальными наклонностями вне общей тенденции морального перерождения общества.

Они ориентировались на такую модель отношений, основу которой составляли рационализм, прагматизм и индивидуализм. Социально-экономическое и политическое развитие Римской республики во второй половине II – начале I в. при традиционной ориентации на *mos maiorum* способствовало формированию подобных основ. Я. Ю. Межеричкий заметил, что, разворачиваясь в сфере общественной психологии и идеологии, размежевая политические группировки и философские ориентации, сталкивая эстетические симпатии, конфликт между блюстителями нравов предков и *homines novi* был лишь фоном гражданских войн:

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org #с_230. На наш взгляд, дисгармоничное единство, оформившееся в сфере межличностных отношений, явилось одной из составляющих структурного кризиса, который переживала Римская республика во II–I вв.

Нравственно-героический образ древнего римлянина оказался в противоречии с его жизненным опытом. Общинный уклад непрестанно разрушался развитием производительных сил и общественных форм: завоевания и расширение экономических связей, имущественная дифференциация уничтожали общественную замкнутость и солидарность; расширение сферы публичной власти, усложнение политической практики и все более заметное отчуждение государства – этику самопожертвования ради его интересов; деньги – примитивную простоту жизни, т. к. тратились либо на накопление, либо на роскошь и неумеренное потребление. Распад органических форм римской *civitas* определил распад консервативных общинных семейно-родовых, религиозно-этических и морально-этических связей и отношений, т. е. распад той сферы, которая составляла межличностные отношения. Все это определяло необходимость и неизбежность преобразования римской *civitas* в римскую империю.

Вместе с тем параллельно процессу распада общинных форм развивался процесс становления новых, по существу имперских структур. На фоне постепенно и естественно изживавших себя общинных отношений формировался новый уклад жизни, новые межличностные отношения, новые ценностные общественные идеалы и новые поведенческие стереотипы. Современники событий – римские сатирики, историки, публицисты и политики чувствовали взаимосвязь этих тенденций, но относили это к личностной, индивидуальной стороне бытия, не затрагивая коллективную, общественную. Общинные традиции и установки не позволяли римлянам усомниться в ценности республики и принять атрибуты нереспубликанских, монархических отношений. Однако большая часть римского общества, не имея выраженного желания радикального обновления, морально-психологически была к этому готова. Это способствовало, с одной стороны, закреплению традиции, с другой – сдерживало и усложняло процесс обновления Римской республики, наконец, определило специфику социально-политических реформ римского общества.

Глава 2.

ДИКТАТУРА ЛУЦИЯ КОРНЕЛИЯ СУЛЛЫ – ПОПЫТКА РЕСТАВРАЦИИ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Жизнь и политическая карьера Луция Корнелия Суллы (138–78 гг.) до 88 г. развивались традиционно для молодого римского аристократа. Согласно Макробию, родоначальником ветви рода Корнелиев, к которому относился Сулла, был децемвир Корнелий Руф, прозванный Сивиллой, а впоследствии из-за искажения имени – Силлой или Суллой (Macrob. Saturn., I, 17, 27). Плутарх считал отдаленным предком Суллы П. Корнелия Руфина, консула 290 и 277 гг. (Plut. Sulla, 1), который был одним из крупнейших деятелей эпохи конца Самнитских и Пирровой войн и фигурой, сопоставимой с Г. Фабрицием и Ман. Курием Дентатом. При этом он имел сильных врагов и плохую репутацию – *furax homo et avaritiae acris erat* (см.: Gell., IV, 8, 2; XVII, 21, 39). О судьбе П. Корнелия Руфина и его изгнании из сената есть упоминание и у Ливия (Liv. Per., 14). Сам Ливий в числе первых Сулл называл городского претора 212 г. П. Корнелия Суллу (Liv., XXV, 2, 4; XXVII, 23, 5), хотя ему было известно и о первом Корнелии Руфине – диктаторе 334 г. (Liv., VIII, 17, 3).

Луций Корнелий Сулла вел свой род от фламينا Юпитера середины III в. Публия Корнелия Суллы. Вполне вероятно, что Руфины – Суллы связаны и с более древними патрицианскими ветвями Корнелиев – Коссов и Малугинских. Первые упоминаются Ливием в 438 г. (Liv., IV, 19–20), вторые – в 459 г. (Liv., III, 22, 1). Появление корнелиев Руфинов примерно совпадает с появлением других ветвей рода Корнелиев (Лентулов, Сципионов, Долабелл, Меренд, Блазионов) в конце IV – начале III в. Безусловно, род Сулл относился к древнему и влиятельному в период расцвета Республики римскому патрицианскому роду (Vell., II, 17, 2): #с_231.

Однако с конца II в. род Сулл, видимо, постепенно приходил в упадок. У Плутарха есть сведения, что если прапрадед Суллы был дважды консулом, то прадед и дед – лишь преторами, а отец не поднялся даже до претуры (Plut.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org Sulla, 1). К началу I в. представители этого рода были оттеснены «по причине бездеятельности» (Sail. Jug., 95, 3) с политической арены и не имели сколько-нибудь заметного влияния. Не последнюю роль в этом, а возможно, даже и в изменении имени, сыграла судьба Корнелия Руфина – консула 290 г. и 277 г., изгнанного из сената за нарушение закона против роскоши и, вероятно, за коррупцию (Liv. Per., 14).

В экономическом отношении род Л. Корнелия Суллы также оказался чрезвычайно ослабленным. По сообщению Плутарха, его прапрадед не скрывал своих претензий на роскошный образ жизни, имел больше 10 фунтов серебряной посуды и, таким образом, выделялся среди римского гражданства (Plut. Sulla, 1). Сулла же родился и вырос в обедневшей семье. Сверстники кололи ему глаза тем, что он не получил наследства. Это исключало его из категории «благородных» граждан (Plut. Sulla, 1; 3). В молодые годы он не имел даже собственного дома. Для римского аристократа рубежа II–I вв., когда богатство стало не только результатом, но и показателем общественного веса, это было уже предосудительным.

Таким образом, Сулла не мог опереться ни на знатность происхождения, ни на обширные связи, ни на унаследованное богатство. Ему пришлось выстраивать свою жизнь и политическую карьеру самому, рассчитывая лишь на волю, ум и характер: #с_232. Современники обвиняли молодого Суллу в том, что он «целые дни проводил с мимами и шутами» (Plut. Sulla, 2). Однако это скорее всего были пристрастные характеристики и в устах современников звучали как политическая инвектива, т. к. подобный образ жизни стал нормой для молодых римских аристократов: в подобном пороке обвиняли всех, кто был замечен на римском политическом горизонте, начиная со Сципиона Африканского. В отношении же Суллы более объективной следует считать характеристику, данную ему Саллюстием, который подчеркивал, что жажда наслаждений и плотских радостей «никогда не отвлекали его от дел» (Sail. Jug., 95, 3).

Сулла со временем поправил свое материальное положение. Правда, источники его благосостояния были, с точки зрения римских моралистов, весьма сомнительными: публичная женщина Никопола, которая была влюблена в Суллу, завещала ему свое состояние; кроме того, он получил состояние мачехи (Plut. Sulla, 2). Честолюбивый, «жадный... до славы» (Sail. Jug., 95, 3), Сулла достиг, вероятно, высокого уровня образованности; по крайней мере, «в знании греческой и латинской литературы не уступал ученым людям» (Sail. Jug., 95, 3). Все свои способности, свойства натуры он направил на достижение политического влияния и авторитета в Риме.

Современникам Сулла казался непонятным и непоследовательным: умелый полководец, пользовавшийся авторитетом солдат, но эгоистичный и холодный; жадный до денег, считавший всю добычу своей собственной, вместе с тем расточительный; отличавшийся сильной волей и самообладанием, он проявлял порой и в личной жизни, и в политической практике необузданность страстей и настроений; образованный, иронически относившийся к религиозной традиции, был суеверным фаталистом; страстный поклонник римской республиканской нормы, он пренебрегал римским республиканским обычаем и традицией [23 – Примеров подобной непоследовательности можно привести множество. Вот один из наиболее ярких, на который ссылаются античные авторы: когда Сулла уже в должности диктатора столкнулся однажды с дерзостью и неуважением, проявленными к нему со стороны Гнея Помпея, в ответ на вызывающие слова: «Люди больше интересуются восходящим светилom, чем заходящим» – он не наказал его, а предоставил формально противозаконный триумф, не без иронии назвав своего обидчика Великим; зато другого военачальника, Офеллу, он приказал казнить за более незначительную провинность, чтобы преподать урок всем недовольным его политической реформой (Plut. Sulla, 12; ср.: Romp., 13). Нам эта ситуация представляется более сложной, нежели она виделась современникам: кроме того, что Офелла не имел права на консулат, он еще пытался опереться на народное собрание и возмутить толпу.]. Природу подобной противоречивости личности Суллы точно и четко пояснил Плутарх: это был не просто человек, но политик, который «ради пользы умел сдерживать гнев, уступая расчету» (Plut. Sulla, 6). Бесспорно, основным мотивом, повлиявшим на оформление подобной поведенческой позиции, были личные амбиции Суллы, имевшего перед собой пример высокопоставленного и знаменитого прапрадеда.

Восстановленное состояние, приобретенные знания, свойства натуры позволили Сулле, хотя и поздно, но чрезвычайно успешно начать политическую карьеру. В 107–106 гг. он служил квестором в армии Мария (Plut. Mar., 10; Sulla, 3;

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org Vell., II, 12,1) и отличился как самый храбрый из римских офицеров (Liv. Per., 66). Именно в это время современники прозвали его полульвом и полулисицей. Причем они говорили, что лисица в нем опаснее льва. В 104 г. Сулла вновь служил при Марии сначала в должности военного трибуна в заальпийской армии (Plut. Sulla, 4), действовавшей против наступающих германских племен; затем был претором (93 г.) и пропретором в Киликии (92 г.) (Plut. Sulla, 5)[24 – Многие даты и события начального этапа политической карьеры и частной жизни Суллы восстановлены неточно и являются предметом дискуссий. Спорным, например, остается время пропреторства Суллы в Киликии: часть исследователей вслед за Э. Бэдианом принимает 96 г., см.: Badian E. Sulla: Cilician Command // Athenaeum. 1959. № 37. P. 279–303. Мы в данном случае придерживаемся традиционной даты.]. Позднее во время Союзнической войны Сулла был легатом и вновь заявил о себе как о самоотверженном римском гражданине и талантливом командире, выиграв битву с марсами (90 г. – App. B. C, I, 46) и взяв приступом два лагеря самнитов, в том числе Бовиан, в котором находился общий совет восставших (89 г. – Liv. Per., 75; App. B. C, I, 51). Военные подвиги Суллы прославили его в глазах римских легионеров (Sail. Jug., 96, 1–4). Ливии писал, что «редко кто-либо другой, столькими подвигами проявивший себя еще до консулата, притянул на римское консульство – *quantisque raro quisquam alius ante consulatum rebus gestis ad petitionem consulatus Romam est profectus*» (Liv. Per., 75, 12–14).

Однако Сулла по-прежнему не пользовался безусловным авторитетом. Это сдерживало его дальнейший карьерный рост. Так, выдвинув впервые свою кандидатуру на преторскую должность, он потерпел поражение. Сам Сулла считал, что виной этому была «толпа», которая хотела видеть его эдилом и получать от него зрелища (Plut. Sulla, 5, 1; 6). Вряд ли дело обстояло именно так. Современники видели, что не в этом истинная причина, не толпа определяла его положение на политической лестнице, а отсутствие надежной поддержки в среде римской политической элиты. Уже через год Сулла подкупил толпу и получил претуру (Plut. Sulla, 5; Vell., II, 15, 3). К этому времени обнаружились его связи с представителями влиятельного сенатского меньшинства. Он стал «пользоваться доверием, ...и вошел в силу» при поддержке одного из лидеров этой группировки – катула (Plut. Sulla, 3–4). Вероятно, именно это укрепило его политический вес и позволило чуть позднее, в 50 лет, получить консульство на 88 г. (Cic. Pro Cluent., 11, 11–12; Liv. Per., 77; Plut. Sulla, 6; Vell., II, 17, 3).

Таким образом, до 88 г. биография Суллы складывалась традиционно. Единственное, что выделяло его из ряда молодых римских аристократов и, по-видимому, внушало сенату уверенность в его способности реально противостоять марианцам и организовать поход против Митридата, – это его неукротимое честолюбие и жажда славы.

1. Сулланская конституция – попытка реставрации республиканской политической системы, общественной морали и нравственности

Консулат резко изменил жизнь и политическую карьеру Суллы. Первая половина 88 г. прошла в Риме под знаком законодательства народного трибуна Публия Сульпиция Руфа и вызванного им мощного народного движения. В новой и новейшей историографии эти события оцениваются по-разному. Т. Моммзен считал, что их причиной было обострение долгового вопроса, а существование нового социального столкновения в Риме состояло, по его мнению, в противостоянии аристократического меньшинства, поддержанного торгово-ремесленной знатью, и демократического большинства, во главе которого стояли в разное время представители умеренных реформаторов – Луций Кресе, Ливии Друз, выступавшие за смягчение действующей законной нормы: #с_233. На связь политической программы Сульпиция с программой реформ Ливия Друза указывает и А. Кивени: #с_234. Г. Альфельди определяет политическую позицию Сульпиция как сходную с позицией римских популяров: #с_235.

Т. Моммзен оценивал выступление Сульпиция как «неожиданность» (по своему происхождению и политической тенденции Сульпиций был представителем и сторонником сената), но вместе с тем как революционную попытку «примирить непримиримое»: #с_236. А. Кивени подчеркивает закономерный характер выступления Сульпиция и его сторонников, а методы его борьбы определяет как традиционные для политической практики популяров: #с_237.

Сульпиций, по всей видимости, действительно был сторонником сенатской республики, выступал за жесткое соблюдение конституционной нормы. Так, когда эдил Гай Цезарь противозаконно, не исполнив еще должности претора, начал добиваться консулата на 87 г., Сульпиций решительнее всех выступил против этого. Стремясь к стабилизации политической ситуации в Риме, он выдвинул две основные задачи: ликвидировать коррупцию в сенате и таким образом укрепить власть в Риме; интегрировать римское гражданство путем предоставления равных прав и возможностей всему римско-италийскому населению.

Античная традиция чрезвычайно смутно передает содержание законодательства Сульпиция. Набор предложенных мер, по данным Плутарха, Аппиана и Ливия, может быть реконструирован следующим образом. Сульпиций внес в народное собрание законопроекты о проведении ценза сенаторского сословия и лишении сенаторов, задолжавших более 2000 денариев, их звания (Plut. Sulla, 8); о возвращении на родину всех, осужденных судами присяжных; о распределении новых граждан по всем трибам (Liv. Per., 77; App. V. C, I, 55); о предоставлении вольноотпущенникам права голоса во всех трибах (Liv. Per., 77; Plut. Sulla, 8). В осуществлении своей политической программы Сульпиций рассчитывал на поддержку марианцев, а также на помощь новых граждан и вольноотпущенников. Кроме того, он имел «личную партию – factio» (Vell., II, 18, 6). Аппиан называл сторонников Сульпиция – [#c_963](#); [#c_964](#); [#c_945](#); [#c_963](#); [#c_953](#); [#c_964](#); [#c_945](#); [#c_953](#); (App. V. C, II, 56, 2), придавая этому определению, безусловно, негативное значение мятежной политической группировки. Сходную характеристику сторонникам Сульпиция давал и Плутарх, который называл их [#c_956](#); [#c_945](#); [#c_967](#); [#c_945](#); [#c_953](#); [#c_961](#); [#c_959](#); [#c_966](#); [#c_959](#); [#c_961](#); [#c_959](#); [#c_953](#); – носящие нож (Plut. Sulla, 8, 2). По сведениям того же Плутарха, их было 3000 человек (Plut. Sulla, 8). Из 600 представителей всаднического сословия Сульпиций составил «антисенат» (Plut. Mar., 35, 2; Sulla, 8, 2–3). Не все современные исследователи признают факт образования «антисената»: [#c_238](#).

Относительно сословной принадлежности членов «личной партии» Сульпиция также нет единого мнения. Античная традиция сообщает о том, что это были сторонники Мария. Современные исследователи дают порой довольно неkritичные оценки. А. Кивени утверждает, что это были молодые всадники: [#c_239](#). Безусловно, всадничество могло поддерживать Сульпиция. Для укрепления своего политического влияния всадники часто использовали радикально настроенных политиков: [#c_240](#). Яркий пример политической активности всадничества – биография Мария: [#c_241](#). Однако мы более склонны принять точку зрения Т. Митчелла: [#c_242](#), который считает, что «личную партию» Сульпиция могли составлять все те, кто имел основания быть недовольными политикой римского сената: от сыновей сенаторов до вольноотпущенников и новых римских граждан: [#c_243](#).

Законопроекты Сульпиция встретили сопротивление со стороны сената. Античные авторы оценивали их однозначно как «опасные, пагубные и невыносимые для свободного государства законы – leges perniciosas et exitiabiles neque tolerandas liberae ciuitati» (Vell., II, 18, 6): [#c_244](#). В Риме вновь вспыхнули уличные беспорядки, жизнь консулов, в том числе и Суллы, оказалась в опасности.

События первой половины 88 г. показали слабость сената и официальной исполнительной власти; укоренившуюся практику насильственных методов решения политических конфликтов при условии, что существует сила, способная эту практику поддержать; политическую неустойчивость народного собрания в условиях его пауперизации, с одной стороны, и возросшей роли политического лидерства в комициях и политической демагогии – с другой.

В сложившейся ситуации Сулла оказался перед альтернативой: либо отправиться с армией на Восток против Митридата, либо поддержать сенат и восстановить порядок в Риме. Ситуацию, видимо, определил политический выпад Сульпиция лично против Суллы: народный трибун предложил передать кампанскую консульскую армию Гаю Марию, предоставить ему чрезвычайную проконсульскую власть и главное командование в войне с Митридатом (Liv. Per., 77; Plut. Sulla, 8; Vell., II, 18, 5; App. V. C, I, 56; Flor. Ep. bell., II, 9, 1923): [#c_245](#).

Амбициозность Суллы не позволила ему принять новые правила политической игры. Все, к чему он стремился многие годы, оказывалось бессмысленным:

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
первая половина консулата из-за беспорядков в Риме – бесславной (Сулла спасся бегством, и Марий укрыл его в своем доме – Plut. Sulla, 8; 10); армия и право ведения азиатской войны отняты Марием, давним военным и политическим противником. В сложившейся ситуации Сулла перевел развивавшийся в Риме конфликт политических интересов и политических группировок: #с_246 на новую стадию – повернул армию на Рим (Cic. Phil., VIII, 7; Liv. Per., 77; Plut. Mar., 35; Sulla, 910; Vell., II, 19, 1; App. B.C., 1, 57–59).

Безусловно, это решение Суллы нельзя считать субъективно осознанным государственным переворотом. По сообщению Аппиана, политическим лозунгом Суллы было освобождение Рима от тиранов. При этом имелись в виду не только Марий и Сульпиций, но все те, кто действовали заодно с ними и ослабляли государство. Об этом Сулла говорил на собиравшихся народных сходках еще во время боев под стенами Рима (App. B. C, I, 57; 59). Таким образом, он постоянно подчеркивал, что действует в интересах государства и в соответствии с ситуацией, сложившейся в результате междоусобных распрей.

Сулла отказался от мирного решения конфликта из-за политической слабости сената. Вместе с тем он подчеркивал, что действует не против государства и римского гражданства, а как тираноборец (App. B. C, I, 57, 20). И позднее, после изгнания марианцев из Рима, Сулла своим поведением демонстрировал, что благодаря ему римский народ пользуется свободой (Plut. Sulla, 10). Он не собирался использовать силу против гражданского населения. Эксцессы подобного рода сам Сулла считал вынужденными (App. B. C, I, 59), а античную традиция объясняла их не заранее намеченным планом, а стихией боя (Plut. Sulla, 9). Сулла следил, чтобы со стороны его воинов не было какого-либо насилия над рядовыми гражданами; боролся против мародерства (App. B. C, I, 59). После изгнания противников, хотя он «мог стать единоличным владыкою, отказался от применения насилия» (App. B. C, I, 63). Т. Моммзен предполагал, что при известном индифферентизме и политической беспечности Суллы он вполне мог испытывать «отвращение к столичным политическим дрязгам» и, следовательно, «вовсе не замышлял государственного переворота». Однако объективно, начиная с этого времени, в Риме установился новый политический режим – военная диктатура: #с_247. Этот факт прямо или косвенно признает большинство современных исследователей: #с_248. По замечанию Ж. Каркопино, именно Сулла открыл секрет современной ему ситуации: политика Рима зависит от легионов и их императора: #с_249. После взятия Рима Сулла провел первые мероприятия, которые должны были стабилизировать политическую ситуацию в государстве. По существу, они определили основные составляющие и главные направления его будущей конституции. Во-первых, были ослаблены политические противники. Законы Сульпиция были отменены (App. B. C, I, 59). «Двенадцать инициаторов мятежных и наихудших действий, среди которых были Марий с сыном и П. Сульпиций, он (Сулла. – Н. Ч.) изгнал из Рима – XII auctores nouarum pessimarumque rerum, inter quos Marium cum filio et P. Sulpicio, urbe exturbauit» (Vell., II, 19, 1; ср.: Liv. Per., 77; Plut. Sulla, 10; App. B. C, I, 60). Политический террор был возведен в статус государственной политики – расправа над марианцами и последующее их изгнание были закреплены законодательно (см.: Sail. Cat., III, 24): #с_250. Во-вторых, были восстановлены основы римской конституции. Сулла укрепил авторитет сената. Правда, он сделал это не столько конструктивными мерами, сколько деструктивными – одновременным ослаблением авторитета народного собрания и народных трибунов, сокращением их законодательной инициативы, «чтобы голосование было в руках не неимущих и самых смелых, но в руках лиц, обладающих достатком и здравым смыслом»; а также ужесточением контроля над исполнительной властью. Единственным источником по этому вопросу является для нас сообщение Аппиана (App. B. C, I, 59). Современные исследователи по-разному оценивают репрезентативность этого пассажа. Т. Моммзен полностью доверял античному автору. Он считал, что Сулла восстановил приоритет центуриатных комиций и древний Сервиев порядок: #с_251. Большинство историков интерпретируют сообщение Аппиана несколько иначе: Сулла ограничил полномочия трибутов комиций и таким образом усилил роль центуриатных, в этом и состояла суть сулланской реформы центуриатных комиций в 88 г.: #с_252 [25 – В исследовательской литературе можно, однако, встретить мнение о том, что в 88 г. Суллой вообще был принят лишь постановление об отмене законов Сульпиция, а все остальные античная традиция дублирует, см.: Strachan-Davidson J. L. Appian: Civil wars book 1. Oxford, 1902. P. 63; или о том, что законы Суллы 88 г. принимались в два этапа: основные решения были приняты в 88 г., а осуществлены – в 81 г., см.: Niccolini C. I Fasti dei Tribuni della Plebe. Milano, 1934. P. 148.]

Единственным конструктивным решением Суллы было пополнение сената 300 новыми членами (App. V. C, I, 59): #с_253. Многие современные исследователи считают пополнение сената в 88 г. проблематичным: #с_254. Даже если этот факт ими и признается, они не видят возможностей реализации принятого положения, приводя целый ряд аргументов: во-первых, эта реформа требовала времени, которого у Суллы в 88 г. не было; во-вторых, не было и такого количества преданных сторонников; в-третьих, консул не имел права столь широкой ревизии списка сената. Таким образом, лишь в 82 г., когда сенат оказался чрезвычайно ослабленным, а Сулла получил должность диктатора, пополнение сената стало неизбежной, необходимой и возможной мерой.

Сложность ситуации состоит в том, что единственным для нас источником, проливающим свет на государственно-политические реформы Суллы этого периода, является сообщение Аппиана и нет возможности его скорректировать или опровергнуть, что вызывает у современных исследователей серьезные сомнения в достоверности аппиановской традиции. Нам представляется, что решение о пополнении сената действительно могло быть принято Суллой. Подтверждением этого может быть тот факт, что Аппиан отчетливо разделял предложения 88 и 81 гг. Он однозначно указывал, что в 88 г. предполагалось пополнение сената знатнейшими римскими гражданами в отличие от 81 г., когда предполагалось введение в сенат представителей наиболее знатных всадников [26 – В первом случае Аппиан употребил определение #940; #961; #953; #963; #964; #959; #962; #945; #957; #942; #961; (V. C, I, 59, 25); во втором – #940; #961; #953; #963; #964; #959; #953; #943; #960; #960; #959; #953; (V. C, I, 100, 22).].

Восстановление власти консулов (App. V. C, I, 63) и выборы должностных лиц на 87 г., проведенные Суллой, должны были закрепить государственный порядок и общественное согласие (Plut. Sulla, 10).

В-третьих, Сулла предпринял попытки решить основные сословные проблемы. Частично был решен долговой вопрос. Известно, что в 88 г. был принят «закон о двенадцатой доле». Неясно, что конкретно предписывал этот закон. Г. Блох и Ж. Каркопино говорили о введении моратория на все долги: #с_255. Т. Моммзен считал, что был установлен лишь максимальный размер долговых процентов в 1012% годового капитала: #с_256. В интерпретации этого закона Суллы мы следуем за мнением Т. Франка: #с_257. Если учесть, что П. Сульпиций в 88 г. ставил вопрос об исключении из сената должников-сенаторов, а еще раньше (в 89 г.) с идеей ограничения ростовщического процента и облегчения положения должников выступил сторонник сенатского меньшинства претор Авл Семпроний Азелион, которого заимодавцы за эту инициативу убили (Liv. Per., 74; App. V. C, I, 54): #с_258, Сулла при решении долгового вопроса действовал не в интересах беднейшего населения Рима, а, прежде всего, в интересах обремененных долгами представителей сенатской знати.

Сулла пытался решить аграрный вопрос, обратив внимание на новый аспект этой проблемы – материальное обеспечение люмпенизированной массы римского гражданства и ее расселение за пределами Рима. Были выведены также колонии ветеранов (Liv. Per., 77).

Сулла продемонстрировал верность традиционным республиканским морально-этическим нормам. Раб, выдавший П. Сульпиция, за услугу государству был отпущен на свободу, а за предательство господина – сброшен со скалы (Liv. Per., 77; Plut. Sulla, 10). Современники расценили это как восстановление порядка в государстве (Liv. Per., 77).

В целом события 88 г. стали поворотным пунктом и в политической биографии Суллы, и в истории Римской республики. Они сформировали и политическую программу Суллы, и его методы политической борьбы. По оценкам современных исследователей, программа Суллы в общих чертах имела консервативный характер и была направлена на реставрацию власти сената и аристократического характера государственного правления. Однако одни авторы видят в ней удовлетворение самых общих интересов оптиматов: #с_259. Другие считают, что законы Суллы были результатом дискуссии с наиболее дальновидной и умеренной по своим целям частью нобилитета: #с_260 [27 – Т. Моммзен связывал политическую программу Суллы с программой умеренных реформаторов и считал, что реформы 88 г. были отражением «чуткого понимания (Суллой. – Н. Ч.) внутреннего содержания существующих порядков», см.: История Рима. Т. 2. С. 191.] например, группы, которая поддерживала Ливия Друза: #с_261. Третьи подчеркивают прежде всего антидемократический

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
характер проведенных мероприятий: #с_262, «лишавших народ всякого политического значения и власти, ...уничтожавших планы и перспективы обращения Италии в демократическую республику, которые развивали римские радикальные популяры 80-х годов»: #с_263.

На наш взгляд, Сулла не был послушным исполнителем навязываемой ему воли. События 88 г. показали, что он был самостоятельным политиком, по-своему понимал основные проблемы Рима и сам определял, каким образом они могут быть решены. Плутарх сообщал, что еще в годы Союзнической войны Сулла трактовал одно из предзнаменований, как предопределение того, что именно он, Сулла, прекратит смуты в государстве (Plut. Sulla, 6; 9–10). Отталкиваясь от этого сообщения, А. Кивени выдвинул предположение, что уже к 90-му году Сулла выработал программу реформ, и даже если бы год его консульства был мирный, он все равно внес бы поправки в конституцию: #с_264. Думается, что А. Кивени не вполне объективен. Законодательство Суллы 88 г. было осуществлено на фоне кровавых столкновений и, по существу, в условиях военного штурма города (App. V. C, I, 63, 1). Данное обстоятельство не могло не наложить отпечатка на характер сулланских преобразований и методы их осуществления. На это указывают и нестабильная ситуация в Риме во второй половине 88 г. (App. V. C, I, 63), и неблагоприятный для Суллы результат выборной кампании на 87 г. (Plut. Sulla, 10, 4–8)[28 – Плутарх является единственным источником информации по этому вопросу. Б. Р. Катц (Katz B. R. Studies on the period Cinna and Sulla // L'antiquite classique. 1976. № 45. P. 538–541) вслед за Х. Беннетом (Bennet H. Cinna and his times. Menasha, 1923. P. 4–6) высказал мнение о том, что Плутарх представил в этом фрагменте две разные избирательные кампании. Э. Бэдиан считал, что у Плутарха речь шла только о выборах консулов (Badian E. Foreign Clientelae... P. 83). А. Кивени предложил оригинальную трактовку: Плутарх передал ситуацию консульских выборов, но включил в список кандидатов-неудачников народных трибунов с целью показать «великий провал Суллы во время голосования», см.: Keaveney A. What happened... P. 76–78.], и позиция части сената в 88–82 гг., и, наконец, тот факт, что Сулла после наведения относительного порядка спешно покинул Рим и отправился на Восток. Мероприятия, проведенные Суллой в 88 г., были лишь ответом на требования политического момента и самым общим наброском программы возможных в будущем преобразований.

Пребывание Суллы на Востоке, по всей видимости, не только укрепили его представления о правильности осуществленной им политической программы, но убедили в необходимости и возможности более радикального ее проведения. Этому способствовала и дестабилизация политической ситуации в Риме в результате четырехлетнего (87–84 гг.) консулата Цинны: #с_265.

О том, каковы были представления Суллы о положении Римской республики, его планы и намерения, сейчас судить однозначно довольно сложно. Можно было бы реконструировать ситуацию на основе составленных им самим «Воспоминаний». Однако они не сохранились. Лишь на отдельные фрагменты этого сочинения ссылались более поздние античные авторы: #с_266. Как правило, в этих ссылках речь шла не о внутривнутриполитических мероприятиях Суллы, а о его военных кампаниях. Могли бы в определенной степени пролить свет на поставленный вопрос свидетельства непосредственных современников событий. Правда, они фрагментарны, чрезвычайно субъективны и политически тенденциозны. Известно, например, что Луций Корнелий Сизенна написал историю борьбы Мария и Суллы. Упоминания о ней есть у Саллюстия, Цицерона и Веллея Патеркула (Sail. Jug., 95, 2; Cic. De leg., I, 7; Ad Brut., 228; Vell., II, 9, 5). Однако само сочинение до нас не дошло. Современники же отмечали явную тенденциозность этого сочинения: Сизенна был ярким сторонником Суллы, и это не могло не повлиять на политическую окраску описываемых им событий. Саллюстий прямо говорил о том, что Сизенна был пристрастным в своих суждениях, «говорившим недостаточно свободно – *ragum ... libero ore locutus*» (Sail. Jug., 95, 2). Важными для нас являются оценки и характеристики, данные Цицероном. В своих политических и судебных речах Цицерон часто ссылался на события 89–79 гг. При этом одни и те же факты в зависимости от настроений самого Цицерона и целей его выступления часто приобретали различную окраску. Однако оценка существа предпринятых Суллой мероприятий оставалась практически неизменной: «знать огнем и мечом вернула себе власть в государстве» (Cic. Pro Rose, 141, 6–7); государству был обеспечен «и блеск внутри страны, и уважение за ее пределами, ...каждому возвратили его почетное положение» (Cic. Pro Rose, 136, 6–8). По определению Цицерона, все это произошло «по воле богов, при живом участии римского народа, благодаря мудрости, империи, счастью и удаче Луция Суллы»

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org (Cic. Pro Rose, 136, 9–10). Косвенно можно сослаться на речь консула 78 г. Марка Эмилия Лепида – политического противника Суллы. Она приведена Саллюстием в его «Истории». Лепид называл Суллу «этот Ромул – неудачник – Scaevos iste Romulus» (Sall. Hist. frf. ampl., Lep., 19). Видимо, это определение следует понимать таким образом: Ромул считался создателем Рима, а Сулла стремился встать в один ряд с легендарным героем, что, по мнению Лепида, ему вряд ли удалось. В другой части своей речи Лепид подчеркивал, что Сулла совершил «величайший переворот государства и разрушение устоявшегося – maxima turbamenta rei publicae atque exitia probate» (Sall. Hist. frf. ampl., Lep., 98–99). Однако следует учитывать тот факт, что оценки Лепида имели характер политической инвективы и, безусловно, были субъективны.

Таким образом, судить о том, чем на деле были для Римской республики преобразования Суллы – реставрацией, реформой или контрреформой и какие цели он мог ставить перед собой и перед обществом, возможно лишь на основании анализа конкретных мероприятий и законопроектов, получивших обобщенное определение – конституция Суллы.

Конституция Суллы – условное обозначение мероприятий, осуществленных во время сулланской диктатуры самим диктатором, по его инициативе или при его поддержке и предполагавших стабилизацию положения в Римской республике в том направлении, которое представлялось Сулле наиболее целесообразным. В античной традиции они обозначены как Корнелиевы законы. Нормы сулланской конституции, безусловно, были продиктованы личными соображениями и настроениями диктатора и имели оттенок волюнтаризма. Вместе с тем мероприятия Суллы были реакцией на сложившуюся в Риме социально-политическую ситуацию и, следовательно, должны были более или менее адекватно отражать ее.

В целом основные положения сулланской конституции мы можем разделить на две группы: первую составляют законы, направленные на стабилизацию общественной жизни и политической власти под руководством сената, вторую – на административно-территориальную интеграцию римско-италийского населения.

Осуществление стабилизационной программы Сулла начал с разгрома политической оппозиции, которая могла противостоять и лично ему, и осуществлению его планов. По сообщению Веллея Патеркула, Сулла никогда «не скрывал, что с его стороны противникам будет объявлена война – neque illaturum se bellum iis dissimulavit» (Vell., II, 24, 4, 4–5). Еще в 84 г. до возвращения в Италию Сулла официально известил сенат о намерении отомстить врагам, восстановить положение государства, сената, пострадавших во время марианского правления граждан и свое собственное (Liv. Per., 84; App. V. C, I, 77). Уже в этом послании к сенату Сулла заявил новый для римской политической практики принцип: по собственной инициативе, не имея конституционно-правовых оснований [29 – Сулла был в должности проконсула, см.: App. V. C, I, 81.], он брал на себя обязанность решать государственные проблемы, снимая при этом с себя ответственность за возможные негативные последствия и оправдывая их высшими государственными интересами. Он заявлял, что в отношении лояльных граждан, в том числе и новых, он обещает полное прощение. Это был блестящий политический маневр, рассчитанный на изоляцию политических противников: #с_267. Заявление Суллы было тем более важно, что консулы 84 г. Корнелий Цинна и Папирий Карбон пытались возложить ответственность за сложившуюся ситуацию на население Рима и, особенно, Италии. В процессе набора войск они подчеркивали, что именно из-за новых граждан они (консулы) попали в такое положение (App. V. C, I, 76). Сулла всячески откладывал возможность мирного урегулирования ситуации, более того, открыто заявил о необходимости восстановления порядка с помощью преданного ему войска (App. V. C, I, 79). Современники не сомневались в том, что он будет действовать силой: «римляне, помнившие его прежний штурм и захват Рима, были в страхе; ...они хорошо знали, что Сулла думает не о наказании их или об их исправлении, либо же об их устрашении, но что у него в мыслях всеобщая гибель, смертные приговоры, конфискации, убийства» (App. V. C, I, 81–82). На основании этого пассажа Аппиана некоторые исследователи, например Ф. Фрёлли, высказывали предположение, что Сулла имел в отношении противников чрезвычайно жесткие и суровые намерения: #с_268. Т. Моммзен считал, что сулланский террор был вынужденной мерой. По его мнению, Сулла постоянно склонялся к помилованию виновников, но марианцы спровоцировали кровавую расправу, усугубив обстоятельства политической борьбы сговором с самнитами: #с_269. [30 – В. Вегнер высказывался еще определеннее: он считал, что Сулла был намерен решить ситуацию мирным

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org путем, см.: Вегнер В. Рим... С. 62.] С ним отчасти согласен А. Кивени, который считает, что Сулла предполагал амнистию для своих противников: #с_270.

Исходя из античной традиции, невозможно однозначно оценить ситуацию и возложить ответственность на какую-либо из сторон. Если Аппиан прямо обвинял в кровопролитии Суллу (App. В. С, I, 82), то Ливии и Веллей Патеркул, напротив, считали виновниками марианцев, которые «добились, что соглашение (с Суллой. – Н. Ч.) не состоялось» (Liv. Per., 84); Сулла же прибыл в Италию «не как инициатор войны, но как поборник мира – *pop bellii uindicem, sed pacis auctorem*» (Vell., II, 25, 1, 12) и «попытался предупредить войну при помощи справедливых законов и благоприятных условий – *temptauitque iustis legibus et aequis conditionibus bellum componere*» (Vell., II, 25, 1, 5–6).

Можно допустить, что Сулла предполагал мирное решение конфликта. По сообщениям Аппиана и Ливия, он, например, пытался договориться о мире с консулами Луцием Сципионом и Юнием Норбаном (Liv. Per., 85; App. В. С, I, 85, 86): #с_271. Современники восприняли эти попытки негативно. Цицерон, например, оценил их позднее как коварство: «...*pacem cum Scipione Sulla sive faciebat, sive simulabat*» (Cic. Phil., XIII, 2). Даже если Сулла и рассчитывал на некое соглашение с противниками, речь при этом не шла об их полной безнаказанности и сенат должен был принять ультимативные требования Суллы без оговорок. В этом смысле, безусловно, правы те исследователи, которые считают, что инициатива гражданской войны исходила именно от Суллы: #с_272.

Высадившись в Брундизии, Сулла и его легаты начали военные действия против противников по всей Италии. Главные силы марианцев были осаждены и разбиты в Пренесте и у Коллинских ворот, а разрозненные остатки уничтожены при Клузии, Фавенции и Фиденции (Liv. Per., 85, 86, 87, 88, 89; Vell., II, 28,1; App. В. С, I, 8494).

Одновременно с военными действиями в Италии Сулла направил своих легатов в ближайшие провинции – Африку и Сицилию (App. В. С, I, 95). Восточные провинции не представляли опасности, т. к. были «умиротворены» в результате войны с Митридатом. Западные провинции контролировал Серторий, против которого Сулла послал Метелла (App. В. С, I, 97). Вскоре обе Испании подчинились Сулле, Серторий бежал в Мавританию.

Победа над политическими противниками сопровождалась показательной расправой: сдавшихся на милость победителя, по одним сведениям, 8 тыс. (Liv. Per., 88; App. В. С, I, 93), по другим – 6 тыс. (Plut. Sulla, 30), по третьим – 4 тыс. (Flor. Ep. bell., II, 9, 90–91), Сулла убил: #с_273. Саллюстий писал, что «победители не имели ни меры, ни сдержанности, совершали против граждан отвратительные и жестокие злодеяния – *neque modum neque modestiam victores habere, foeda crudeliaque in civis facinora facere*» (Sail. Cat., 11, 4, 4–5).

Оказавшись в Риме, Сулла возвел террор в ранг государственной политики. Характерна форма, в которой это было сделано. 3 ноября 82 г.: #с_274 на народном собрании был оглашен официальный список тех, кого Сулла считал своими противниками и кто будет подвергнут наказанию – проскрипционный список – *proscriptiones* или *tabulae proscriptionis* (Cic. Pro Ros., 21,1–2; 27; In Cat., III, 24; Liv. Per., 88, 78; Plut. Sulla, 31; Vell., II, 28, 3; App. В. С, I, 95; Flor. Ep. bell., II, 9, 95–96)[31 – в 63 г. Цицерон произнес речь о сыновьях проскрибированных, которая не сохранилась. В этом же году и позднее Цицерон вспоминал о проскрипционных списках в своих речах и письмах, см.: De leg. agr., II, 10; Ad Att., II, 1, 3; IX, 10, 6; IX, 11, 3.].

Современники восприняли проскрипции неоднозначно. С одной стороны, сулланский террор вызвал ужас (App. В. С, I, 95) и долгое время воспоминания о нем приводили римлян в содрогание (App. В. С, II, 41). Цицерон вспоминал о проскрипциях как о государственном бедствии (Cic. Pro Rose, 1, 5–7; 16, 1–2; In Cat., III, 24). Саллюстий расценивал их как проявление дальнейшего разложения римского гражданства (Sail. Cat., 11, 4). С другой стороны, среди части римского населения проскрипции нашли понимание. Симптоматично поведение сенаторов, которые просили «не избавления от кары тех, кого (Суллы. – Н. Ч.) решил уничтожить, но избавления от неизвестности для тех, кого (Суллы. – Н. Ч.) решил оставить в

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org живых» (Plut. Sulla, 31). Цицерон в речи, произнесенной в защиту Секста Росция в 80 г., отмечал, что «эти злодеяния и гнусности совершались без ведома Суллы – *imprudente L. Sulla scelera haec et flagitia fieri*» (Pro Ros., 25, 9). Более того он подчеркивал: «...бесчестные граждане были бы, кто не присоединился бы к тем, успехами которых великолепие внутри и уважение за пределами государства было удержано, ...каждому его достоинство и положение возвращено, ...все это произошло по воле богов, при деятельном участии римского народа, благодаря мудрости, империю, счастьем Л. Суллы – *...perditi civis erat non se ad eos iungere quibus incolumibus et domi dignitas et foris auctoritas retineretur...suum cuique honorem et gradum redditum, ...eaque omnia deorum voluntate, studio populi Romani, consilio et imperio et felicitate L. Sullae gesta esse*» (Cic. Pro Rose, 136, 5–10). Можно, разумеется, предположить, что это был вынужденный реверанс в сторону диктатора. Однако и позднее Цицерон оценивал действия Суллы как «победу благонадежных» (Cic. Deorat., III, 12), «нравственно-прекрасное дело» (Cic. De off., II, 27): #с_275. Цезарь, которого ни в коем случае нельзя считать апологетом Суллы: #с_276, в 63 г., выступая в сенате по поводу суда над катилинариями и ссылаясь на общественное мнение, говорил, что все «восхваляли его (Суллы. – Н. Ч.) поступок – *quis non factum eius laudabat?*», и утверждал, что сулланские проскрипции были направлены против «преступных и властолюбивых людей», которые «мятежами своими потрясли государство и были казнены заслуженно» (Sail. Cat., 51, 32, 1–5).

В связи с подобным неоднозначным отношением современников к сулланским проскрипциям чрезвычайно важным становится вопрос об их социально-политической значимости. В конце XIX – начале XX в. получило распространение мнение Т. Моммзена, который рассматривал проскрипции как форму борьбы с «революционной партией» – популярами, которых автор считал главным образом ответственными за нестабильность в Римской республике. В результате проскрипций, по его мнению, возникли условия для перехода на законный путь преобразования старых порядков и восстановления режима олигархии: #с_277.

Сходная оценка была высказана в отечественной историографии, правда, с преобладающим негативным оттенком. Проскрипции рассматривались как средство борьбы римского нобилитета с революционно-демократическим движением, стремление восстановить позиции сенатской аристократии: #с_278.

Бесспорно, провозглашая проскрипции, Сулла имел в виду не только личные, но и государственные интересы. В своем выступлении на народном собрании он много и велеречиво говорил о себе и своих подвигах, но одновременно заявлял, что улучшит положение народа, если его будут слушаться; по отношению к врагам он не будет знать пощады, точно так же он будет жесток к тем, кто осуществлял магистратуры в 83 г. (App. В. С, I, 95). Таким образом, Сулла стремился обосновать целесообразность проскрипций не столько личными интересами, сколько их общественной необходимостью, которая состояла в восстановлении гражданского мира в Республике и консолидации римского гражданства под эгидой сената. В этом смысле проскрипции, безусловно, имели реставраторское просенатское значение. Если же иметь в виду, что ответственность за гражданскую войну и общественные беспорядки 88–82 гг. Сулла возложил не только на римско-италийское население, но даже на жителей провинций, то проскрипции можно рассматривать как форсированную попытку восстановить политический авторитет Рима и римского империя в новых условиях формировавшегося территориального государства. В этом смысле проскрипции приобретают реформаторское имперское значение. В условиях территориальной и социальной дезинтеграции римского гражданства восстановление римской нобилитарной республиканской системы можно было осуществить только силовым давлением, а потому реставрация неизбежно вылилась в массовый террор. Главной задачей для Суллы после получения диктатуры стала организация общественно-политической жизни на основе понятной и, судя по его жизни и деятельности, единственно возможной для него практике сенатской республики. Не случайно важнейшей составляющей сулланской конституции стала серия законов, направленных на реставрацию политического положения сената. Для этого Сулла прежде всего принял решение о восстановлении его численности. Он уже пытался сделать это в 88 г. После понесенных потерь в результате гражданской войны, бесчинств марианцев и проскрипций самого Суллы численность сената, видимо, значительно сократилась. Известно, что в результате марианского террора погибло около 50 сенаторов. По словам Цицерона, во время консулата Цинны был уничтожен почти весь сенат (Cic. Post red. in sen., 38; ср.: Plut. Crass., 4; Flor. Ep. bell., II, 9, 48–64). Кроме того, по приказу Гая Мария Младшего римский

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
претор (по одним сведениям, Луций Дамасипп – Liv. Per., 86, по другим – Брут – App. V. C, I, 88) при приближении Суллы к Риму перебил почти всю римскую знать. По крайней мере, Аппиан называл имена наиболее влиятельных сенаторов (App. V. C, I, 88). Только в первоначальный проскрипционный список Сулла внес 40 имен сенаторов (App. V. C, I, 95), тогда как общее число проскрибированных Суллой сенаторов, видимо, составило 90 человек (App. V. C, I, 103): #c_279. Учитывая потери последних пяти лет (88–82 гг.), можно говорить, что сенат сократился примерно на 150 человек. Если иметь в виду, что традиционная численность сената колебалась в пределах 300 человек, то осенью 82 г. в состав сената входили примерно 150 человек.

В литературе приводятся различные цифры, определяющие количественное сокращение сената. Мы, опираясь на собственные подсчеты, принимаем данные Э. Габбы – 150 человек: #c_280, хотя называются и другие цифры: в самое последнее время А. В. Еремин высказал предположение, что численность сената ко времени диктатуры Суллы составляла не более 100 человек: #c_281.

Количественные данные о чрезвычайном пополнении Суллой сената содержатся лишь у Аппиана. Ливии и Саллюстий фиксировали только факт подобного решения. Аппиан сообщал, что Сулла пополнил сенат, введя в него до 300 новых членов (App. V. C, I, 100, 21; ср.: Liv. Per., 89). Нам неизвестен общий количественный состав обновленного сената, поскольку мы не знаем точно, сколько человек входило в сенат до сулланской реформы. В исследовательской литературе существует предположение, что при Сулле сенат достиг 600 человек: #c_282. Некоторые историки, не оспаривая эту традиционную цифру, считают возможным предположить, что численность сулланского сената могла колебаться от 400 до 600 человек: #c_283.

В последнее время было даже высказано предположение, что Сулла отказался от фиксированного количества членов сената: #c_284.

При определении численности сулланского сената в расчет следует принимать не только факт сокращения числа его членов в ходе гражданской войны, но и то, что цифра в 300 человек, считавшаяся традиционной при составлении цензорами *album senatorum*, не была постоянной и неизменной. По всей вероятности, в сенате никогда не было строго 300 человек. Цифра пополнения, названная Аппианом, также не является абсолютной, поскольку им было употреблено в данном случае выражение «до 300...» человек. Все это позволяет говорить лишь о примерных цифрах: с учетом потерь 88–82 гг. это приблизительно 450 человек.

Пополняя сенат, Сулла сам рассмотрел все кандидатуры в сенаторы, а комициям было предложено лишь утвердить их или отвергнуть (App. V. C, I, 100): #c_285. В связи с этим возникает вопрос о сословном статусе «новых сенаторов». Античные авторы не дают точных и однозначных определений их сословной принадлежности. Ливии и Аппиан говорили о том, что это были всадники (Liv. Per., 89; App. V. C, I, 100). В новой и новейшей исторической литературе эти сведения принимаются практически безоговорочно: #c_286. Однако у Саллюстия есть замечание, что сенаторами стали даже некоторые рядовые солдаты (Sail. Cat., 37, 6), что позволило ряду исследователей говорить о том, что Сулла включил в состав сената даже представителей социальных низов: #c_287.

Наиболее вероятным представляется тот факт, что Сулла включил в сенат самых близких ему людей, что было продиктовано субъективным желанием Суллы расширить круг своих сторонников в сенате. Это могли быть молодые нобили, всадники, офицеры сулланской армии и даже вольноотпущенники. В результате произошло расширение сословного представительства в сенате. Известно, что в 69–68 гг. цензоры исключили из сената 64 человека. Ливии подчеркивал, что чистка сената была произведена чрезвычайно жестко (Liv. Per., 98). Вероятнее всего, из сената были исключены те, кто не соответствовал критериям традиционного ценза и, возможно, большая часть из них была сулланскими креатурами. О социально-политическом характере люстрации 69–68 гг. говорит тот факт, что даже ярый сулланец и одиозный с точки зрения общественно-политической морали человек Луций Сергий Каталина, принадлежавший однако к влиятельному аристократическому роду, был избран в преторы на 68 г.

Нам думается, что не только субъективное желание Суллы могло в данной ситуации иметь значение. Вероятно, на решение Суллы не могли не повлиять объективные изменения в структуре римского общества, распространение прав

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
римского гражданства на италиков, активизация политической роли
всадничества и пр.: #с_288

Безусловно, закон о пополнении сената имел реставраторский и просенатский характер. Однако в более широком историческом контексте решение Суллы восстановить сенат и укрепить его властные полномочия может быть рассмотрено как важнейшая со времени Союзнической войны попытка государственно-политической реформы. Восстановление численности сената укрепляло его позиции и обеспечивало его политическую дееспособность. Вместе с тем сословные изменения в сенате способствовали его постепенной трансформации в некое подобие представительного органа власти, способного учитывать и отражать более широкие общественные интересы. Сулланский сенат мог выступить интегрирующим звеном римского государства, постепенно преодолевшего полисные черты и оформлявшегося как империя.

Сулла не только пополнил и обновил сенат, но закрепил и разработал гарантии подобной практики на будущее: был принят закон об увеличении числа квесторов до 20 человек – *lex Cornelia de XX quaestoribus* (Тас. Ann., XI, 22, 20; СІІ, I, 2, 202, 587). Закон не просто увеличивал число квесторов, но автоматически открывал отслужившим квестуру дорогу в сенат: #с_289. Тацит подчеркивал, что по закону Суллы квесторы избирались для пополнения сената – *supplendo senatui*, «причем исходя из достоинства кандидатов или расположения участников трибутных комиций без какого-либо иного повода (безвозмездно) – *tamen ex dignitate candidatorum aut facilitate tribuentium gratuito*» (Тас. Ann., XI, 22, 20–24). Прежде система пополнения сената предполагала увеличение его каждые пять лет примерно на 25 человек за счет тех несенаторов, которые исполняли между цензорскими люстрациями курульные должности (ежегодно 2 консула, 2 претора и эдил). Теперь же ежегодно сенат мог пополняться примерно 20 новыми членами, исполнившими квесторскую должность.

Учитывая тот факт, что квесторы избирались наиболее демократичными трибутными комициями, можно допустить, что *lex Cornelia de XX quaestoribus* закреплял изменения сословного представительства в сенате: сенат пополнялся людьми в среднем 30-летнего возраста, которые несли с собой психологию римского гражданства, занимавшего среднее положение и в экономическом, и в политическом отношении.

Авторитет и политический вес сената были укреплены при Сулле дополнительными юридическими гарантиями: законом о нарушении величия римского народа – *lex Cornelia de maiestate*, предоставлением квесторам права высказываться по поводу обсуждаемых в сенате вопросов – *ius sententiae dicendi in senatu* и законом о предоставлении цензорских полномочий самому Сулле – *lex de potestate censoria*.

Закон о нарушении величия римского народа – *lex Cornelia de maiestate* – опирался на норму, принятую Законами XII таблиц (Dig., XLVIII, 4, 3), дополненную Аппулеевым 103 г. или 100 г. и Бариевым 90 г. законами, и был направлен прежде всего против римских магистратов, злоупотреблявших своим положением или плохо выполнявших свои обязанности. Цицерон вспоминал этот закон в связи с получением взятки, подстрекательством к заговору и т. п. (Сіс. Ad Fam., III, 2, 2; Pro Cluent., 97, 1–7; In Pison., 50, 1–7). Позднее Тацит ссылаясь на традиционные положения этого закона, в соответствии с которыми наказанию подвергались те, кто наносил ущерб государству или гражданскому единству, а также те, кто плохо управлял государством (Тас. Ann., I, 72). Закон Суллы мог предполагать также норму, направленную против такого типа преступлений, как *perduellio* – враждебное государству действие, т. е. по существу запрещавшую практику гражданских войн: #с_290. Вообще же закон позволял признать подсудным любое действие и любое лицо, неугодное официальной власти. Таким образом, с одной стороны, он выступал как дополнение к проскрипциям и отвечал субъективным целям Суллы; с другой – безусловно, укреплял политическую роль сената.

Предоставление квесторам права высказываться по поводу обсуждаемых вопросов в сенате – *ius sententiae dicendi in senatu*: #с_291 – позволяло повысить не только политическое положение будущих сенаторов во время диктатуры Суллы и в самые первые годы после нее, но и новых членов сената. Дело в том, что, по всей видимости, квестура могла предоставляться в это время людям, уже введенным в сенат, но не имевшим магистратского статуса. Такие сенаторы, «педарии», не имели права собственного голоса и должны были присоединяться к другим наиболее авторитетным членам сената. Общественное мнение ставило

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org «педариев» ниже других сенаторов. Решение, предложенное Суллой, повышало статус новых сенаторов, а это в свою очередь придавало сенату черты более широкого представительного органа власти. Не случайно к середине I в. политическая борьба в сенате отчетливо модифицируется из конфликта сословных интересов в политический конфликт, не связанный с ними: #с_292.

Принятие *lex de potestate censoria* некоторые исследователи толкуют как упразднение Суллой коллегии цензоров: #с_293. По мнению Т. Моммзена, цензорские полномочия были отменены не вообще, но лишь в отношении сената: #с_294. У нас нет оснований говорить об упразднении цензуры как таковой. Трактовать закон можно лишь в контексте приостановки действия цензоров в отношении сената и предоставления цензорских полномочий самому Сулле. Другое дело, что, являясь носителем и организатором высшей государственной власти, Сулла не произвел выборов цензоров. Таким образом, не упраздняя формально цензуру, он ликвидировал ее практически.

Не отрицая субъективного желания Суллы отстранить от власти политических оппонентов и упрочить личное положение: #с_295, подчеркнем, что объективно *lex de potestate censoria* позволял Сулле контролировать сенат, стало быть, обеспечивать его стабильное положение в том составе, который он сам определил, и, по существу, закрепить на некоторое время его несменяемость: #с_296. В литературе было высказано не критическое, на наш взгляд, мнение о том, что Сулла отменил цензуру из-за боязни новых выдвиженцев в сенат: #с_297. С этим вряд ли можно согласиться, учитывая тот факт, что Сулла сам сформировал корпус возможных претендентов на высшую исполнительную власть, как минимум, на ближайшие 20 лет.

Таким образом, законы, направленные на восстановление сената, обеспечение его стабильного положения и оптимальной деятельности, указывают на то, что Сулла безусловно имел в виду реставрацию потестарной системы республики, основанной на главенствующей роли сената. С субъективной точки зрения сулланское законодательство имело элементы волюнтаризма. Однако нельзя отрицать наличия некоторого системного подхода. Отталкиваясь же от факта признания Суллой гражданских прав за «новыми гражданами», можно предположить, что он вообще более широко смотрел на проблему реставрации сенатской аристократической республики и видел в сенате силу, способную интегрировать римское гражданство в новых условиях формирующейся территориальной державы.

Не менее важное значение в процессе восстановления римской аристократической республики и стабилизации политического положения имели законы Суллы, направленные на расширение системы исполнительной власти и вместе с тем на усиление контроля над магистратурой. Сулла провел ряд законов, распыливших по существу магистратские полномочия. Такой характер имел уже рассмотренный *lex Cornelia de XX quaestoribus*. Кроме него был принят закон об избрании 8 преторов – *lex Cornelia de praetoribus octo*, действие которого подтверждал Цицерон (*Cic. Pro Mil.*, 39, 5; *In Pison.*, 35, 7; *Ad Fam.*, VIII, 8, 8).

Нельзя отрицать того факта, что эти законы были вызваны насущной политической потребностью. В середине III в. в Риме избирались 8 квесторов (*Liv. Per.*, 15): двое военных, состоявших при консулах и оказывавших им помощь в ведении финансовых дел; двое городских, которые вели исключительно городские дела; четверо занимались италийскими и провинциальными податями и поступлениями (*Tac. Ann.*, XI, 22). Число преторов к началу II в. было доведено до шести (197 г. – *Liv.*, XXXII, 27, 6; *Per.*, 32): двое действовали в Риме, четверо разбирали провинциальные дела. Официально число квесторов и преторов более не менялось. Однако с расширением политической практики неизбежно должно было возрасти и количество должностных лиц: наместники провинций, как правило, имели при себе квестора; консулы и проконсулы, командовавшие армиями, также не могли остаться без квестора; преторы должны были разбирать дела не только в Риме, но в наместничествах, председательствовать в судебных комиссиях по делам о вымогательствах и т. д. Ко времени принятия сулланской конституции Рим контролировал 9 провинций. Кроме того, действовали, разумеется, и магистраты с прежней городской компетенцией.

Таким образом, существовала необходимость в гораздо большем числе должностных лиц, как минимум, в 17 квесторах и 11 преторах. Увеличив численность должностных лиц, Сулла юридически закрепил сложившуюся практику, положил конец анархии в этом вопросе и официально включил

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org провинции в сферу деятельности римской исполнительной власти. Вместе с тем увеличение численности должностных лиц требовало большего контроля над магистратурой со стороны сената и придавало ему большую организующую роль в политической жизни Рима.

Наиболее важные решения в отношении исполнительной власти касались консульской должности. В соответствии с принятым Суллой *lex annalis* было обновлено содержание закона Виллия 180 г. о *cursus honorum* – порядке прохождения магистратур: #с_298. По существу, Сулла закрепил действовавшую республиканскую норму, по которой невозможно было получить должность консула ранее должности претора, а должность претора – ранее должности квестора. Однако был повышен возрастной ценз и установлен 10-летний перерыв для выборов на одну и ту же должность (App. В. С, I, 100): #с_299. В новую должность можно было вступить лишь спустя два года после отправления предыдущей (Cic. Phil., XI, 5, 17).

Таким образом, Сулла упорядочил исполнительную власть уже на этапе домогательства магистратуры. *Lex annalis* создавал систему, которая, безусловно, отвечала интересам магистратов-сулланцев: в течение 10 лет все претории могли осуществить свои претензии на консульскую должность и минимум половина квесториев могла исполнить преторскую и даже консульскую магистратуру. Вместе с тем эта система препятствовала сохранению высшей исполнительной власти в одних руках в течение нескольких лет и ограничивала политические амбиции консуляров, что, в свою очередь не могло не укрепить политической роли сената. В этом смысле *lex annalis* Суллы имел реставраторское значение: #с_300. Однако следует иметь в виду следующий факт. В соответствии с законодательством Суллы *cursus honorum* начинался не должностью эдила, как прежде, а должностью квестора. Это открывало путь к власти не только представителям нобилитета, но и средних слоев римского общества, меняло характер сословного представительства в сенате, делало сенат менее консервативным. Кроме того, утрачивая постепенно сословное единство, сенат все более нуждался в организующей и направляющей его политике силе, что в конечном итоге способствовало утверждению монархических настроений в среде сенаторов. В этом плане *lex annalis* Суллы объективно имел не столько реставраторское, сколько реформаторское значение.

В отношении консульской магистратуры конституция Суллы предусматривала еще одно положение: консулам по существу запрещалось покидать Рим во время отправления должности. По *lex Cornelia de provinciis ordinandis* консулы лишались империя за пределами померия – *lege Cornelia imperium habiturum quoad in urbem introisset* (Cic. Ad Fam., I, 9, 25, 6–1). В соответствии с римской республиканской конституционной нормой консулы и преторы обладали высшим империем, т. е. совмещали высшие военные и гражданские властные полномочия. Однако эти полномочия были территориально разграничены римским померием: #с_301. Реальная военная власть – воинские наборы, военные смотры, центуриатные собрания и т. п. – осуществлялась вне городской границы. Лишь на основе специального постановления сената – *senatusconsultum ultimum* – высший магистрат мог употребить военную компетенцию в пределах города. По конституции Суллы, носители высшей исполнительной власти вообще лишались военной компетенции в период исполнения магистратуры, что отрывало их от командования армиями и от провинций: #с_302. В этой ситуации вопросы, связанные с организацией провинциального управления, полностью переходили в ведение сената, что должно было усилить его политические позиции: #с_303. Вместе с тем вслед за некоторыми исследователями социально-политической истории Римской республики: #с_304 мы должны заметить такой парадоксальный факт: на деле этот закон Суллы имел отрицательные для сената последствия. Военная власть и римские наместничества оказались в руках промагистратов. Именно лояльность последних к сенату теперь определяла степень сенатского участия в провинциальном управлении.

Таким образом, Сулла, с одной стороны, положил конец волюнтаризму и анархии в вопросе организации провинциального управления, восстановил подчинение военной сферы сенату, по крайней мере с формальной стороны. Ординарные высшие магистраты не могли командовать армией, а промагистраты не могли вмешиваться в политические события в Риме; высшая гражданская власть была отделена от высшей военной власти. Такие прецеденты, как многолетний консулат Мария, Цинны и положение самого Суллы, не могли более повториться. С другой стороны, лишением консулов военной компетенции и передачей этих полномочий промагистратам в административную практику прочно вошло понятие

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org полной, но локально ограниченной власти: #с_305. Такой важный фактор развития политических амбиций и монархических настроений, как сильная индивидуальная власть, опиравшаяся на армию, был вытеснен из Рима в провинцию.

Не только законодательство, но и политическая практика Суллы снижала традиционный престиж магистратской власти. Во время консульских выборов на 81 г. он предложил центуриатным комициям своих кандидатов (App. V. C., I, 100), на 80 г. сам определил четырех консулов-десигнатов. Кроме того, что таким образом нарушался республиканский принцип выборности магистратов: #с_306, это определяло связь и до некоторой степени зависимость высших должностных лиц от воли и личности диктатора. В связи с этим кажется странным замечание Т. Моммзена о том, что Сулла не вмешивался в выборы должностных лиц: #с_307. Действительно, он демонстрировал порой свою приверженность республиканским нормам. Когда, например, сулланец Квинт Лукреций Офелла попытался выставить свою кандидатуру в консулы, Сулла приказал убить его прямо на форуме (Liv. Per., 89; Plut. Sulla, 33; App. V. C., I, 101). Античная традиция обращает внимание на то, что Офелла действовал вопреки воле диктатора. Принимая этот аргумент в качестве определяющего, заметим, что Офелла был всадником и не занимал раньше никакой государственной должности. Хотя он и выполнял довольно важную задачу осады Пренесте, но более не был ничем знаменит. Кроме того, ранее он, видимо, выступал на стороне марианцев (Dio Cass. Fr., 106, 1; Vell., II, 27, 6). В условиях диктатуры Суллы Офелла полностью зависел от него. Занятие консульской магистратуры предполагало длительный путь прохождения государственных должностей. Восстановив закон Виллия, Сулла не хотел, по всей видимости, отступить от положений, им самим утвержденных. Отметим при этом, что все сулланцы, включая Каталину и Верреса, прошли весь традиционный *cursus honorum*. Тем не менее процесс выборов на государственные должности и прохождение магистратур были под строгим контролем диктатора.

Серия законов была направлена на ослабление политического влияния народного трибуната и комиций. Закон о трибунских полномочиях – *lex Cornelia de tribunicia potestate*, по мнению одних современников, «отнял у трибунов власть совершать беззакония, но оставил власть оказывать помощь» (Cic. De leg., III, 22), по мнению других – практически уничтожил трибунат (Sail. Cat., 38, 1; Hist. fr. ampl., Lep, 8587; ср.: Vell., II, 30, 4; App. V. C., I, 100), но в любом случае кардинально сокращал властные возможности народных трибунов (Suet. Iul., 5). Особенно важное значение в этом плане имели два положения: о сокращении права законодательной инициативы и о сокращении права трибунского вето (Liv. Per., 89; App. V. C., I, 59). Аппиан относил их введение к 88 г. [32 – είσηγούντο τεμηδέν ετιάππροούλευτονέςτόν δημονέσφέρεθαι– App. V. C., I, 59.] В 81 г., по его мнению, Сулла дополнил уже принятые законы пунктом о запрете народным трибунам занимать какую-либо другую должность [33 – νόμω κωλύσαςμηδεμίανάλλην τόνδήμαρχονάρχήν έτιάρχειν– App. V. C., I, 100.]. Ливий ничего не говорил о конституционных изменениях 88 г. и относил принятие законов о трибунате к периоду сулланской диктатуры 81–79 гг. Позднее Тацит подчеркивал, что Сулла внес изменения в конституцию, уже будучи диктатором (Tac. Ann., III, 27). Можно предположить, что под впечатлением мятежного трибуната Публия Сульпиция Руфа Сулла действительно внес в 88 г. предложения об ограничении трибунских полномочий, но нам известно, что в период консулата Цинны все сулланские законы были отменены (App. V. C., I, 73). Став диктатором и не имея возможности окончательно ликвидировать народный трибунат, поскольку он был закреплен в римской государственно-правовой практике еще с середины V в. законом Дуиллия (Liv., III, 55, 14), Сулла, видимо, восстановил все предложенные им в 88 г. законы: #с_308, в том числе и закон о трибунате, еще более расширив его в плане ограничения трибунской компетенции. За трибунами формально сохранялись *sacrosanctas*, *ius auxilii*, *ius intercedendi*, *ius rogandi* (Caes. V. C., I, 5, 12; Cic. De leg., III, 22, 4–7). Сохранялась, вероятно, и возможность

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org итерации, но только спустя 10 лет: #с_309. Однако теперь народные трибуны были ограничены в возможности вести за собой народ по собственному усмотрению – *licentia quoquo vellent populum agitandi* (Tac. Ann., III, 27), т. к. могли предлагать законы в народное собрание лишь с согласия сената. На это указывал Саллюстий, заявляя от имени Лепида, что римский народ... лишен возможности действовать – *populus Romanus... agitandi inops* (Sail. Hist. fr. ampl., Lep., 40–42).

В исследовательской литературе было высказано мнение, что сулланские ограничения трибуната имели косвенный характер и вследствие этого не меняли политического положения, которое занимали трибуны в системе аристократической Римской республики, являясь существенной и необходимой частью ее государственного аппарата: #с_310. Мы считаем, что политическая значимость той или иной управленческой структуры определяется не только ее законодательно установленной компетенцией, но также и законодательно установленными нормами соподчинения ветвей власти. Сулланская конституция ставила трибунал под контроль сената, и это значительно меняло ее политическую роль.

Кроме того, Сулла ограничил и судебную компетенцию народных трибунов. Если прежде дела, поступившие в порядке апелляции к народному собранию, а также дела, связанные с ответственностью должностных лиц за свою деятельность, поступали в руки народных трибунов, то по законодательству Суллы последние дела были поставлены в зависимость от предварительного согласия сената.

Право интерцессии в дела других магистратов, по мнению ряда исследователей, было значительно урезано тем, что за злоупотребления этим правом налагались огромные денежные штрафы, которые могли подорвать не только политическую, но и гражданскую жизнь оштрафованного трибуна [34 – Сулланские ограничения были ослаблены в 75 г. и отменены в 70 г., см.: Sail. Cat., 38, 1; Liv. Per., 89; Plut. Romp., 21; Vell., II, 30, 4.]. У нас нет прямых свидетельств подобной практики. Однако можно косвенно судить об ограничении *ius intercedendi* трибунов вследствие введенных Суллой новых процессуальных норм: отныне любой вопрос должен был сначала пройти обсуждение в сенате.

В силу того, что теперь по исполнению трибуната бывшие трибуны не могли претендовать на другие магистратуры, значительно снижался политический престиж этой должности. Не случайно именно вопрос о трибунских полномочиях стал одним из главных политических вопросов после смерти Суллы (Sail. Hist. fr. ampl., Phil., 7475).

Сулланское законодательство в отношении народных трибунов должно было предотвратить попытки пересмотра конституции Суллы. Сулла пытался таким образом укрепить сенат, устранить от власти демагогов и политических честолюбцев, превратить трибунал в орудие сената и послушного посредника между сенатом и римским гражданством: #с_311.

В исследовательской литературе часто подчеркивается антидемократический, аристократический характер сулланского законодательства в отношении трибуната: #с_312. По образному замечанию М. И. Ростовцева, «основное в этих реформах – решительное отрицание лозунга “вся власть народному собранию”»: #с_313. Действительно, законы Суллы о народном трибунате были чрезвычайно пагубны для принципов римского демократизма и республиканизма. Это отчетливо понимали современники событий. Об этом говорил Цицерон: «...с роостр... перестал раздаваться голос трибуна» (Cic. Pro Cluent., 110, 56). Народное собрание, и без того гетерогенное и дезорганизованное, стало еще более податливым на политическую демагогию, что укрепляло позиции политических лидеров, связанных с римским сенатом и нобилитетом, т. к. носители империума в отличие от народных трибунов могли обращаться к народу без предварительного постановления сената. Складывалось представление об априорной правоте такого лидера, истинность действий которого могла быть определена успехом или неудачей его политических начинаний. Постепенно на основе этих представлений утверждались методы не столько политического управления, сколько политического господства, т. е., по определению А. Людке, «засилия, принимаемого теми, кого оно затрагивает»: #с_314.

В отношении комиций Сулла, видимо, не провел никаких серьезных изменений. Нет оснований с достаточной определенностью говорить о том, что постановление 88 г. относительно комиций было возобновлено в период диктатуры Суллы. Свидетельства современников сулланской диктатуры передают в основном общее впечатление, произведенное законодательством Суллы, и

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org связанное главным образом с ограничением полномочий народных трибунов. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что антисулланская оппозиция 70-х годов, выступая за восстановление досулланских норм, не выдвигала никаких требований в отношении комиций. На наш взгляд, можно согласиться с мнением С.И. Ковалева, который считал, что Сулла не возобновил реформу центуриатных комиций 88 г.: #с_315 Несмотря на стремление усилить роль сената и снизить политическую роль народного собрания, Сулла тем не менее был заинтересован в сохранении не только центуриатных, но и трибутных комиций: именно через народное собрание он мог осуществлять свои полномочия диктатора. Более того, положение Суллы в комициях было чрезвычайно прочным. Это обеспечивалось властью диктатора, сокращением прав народных трибунов, наличием в комициях просулланской группы в лице 10 000 вольноотпущенников – корнелиев и огромной армии военной клиентелы, сулланской креатуры среди высших магистратов, которые могли направлять решения народного собрания в необходимое диктатору русло.

Однако главным носителем государственной власти, основой восстановления норм сенатской республики и стабилизации политической ситуации в Риме должен был стать сенат. В связи с этим при реставрации политической системы Сулла считал необходимым ослабление двух ветвей власти из трех ее составляющих – магистратуры и народного собрания – и на этом общем политическом фоне дополнительное усиление политической роли римского сената.

Важное место в процессе реставрации сенатской республики Сулла отводил сословной политике и сословному законодательству. Судя по принятым им законам, он отчетливо понимал, что для восстановления догракханских республиканских норм политической и общественной жизни необходимо возродить приоритет сенаторского сословия и снизить социально-политические амбиции всадничества.

Одним из самых острых социальных вопросов, начиная со времени гракханского движения, был вопрос о судах. Сулла не мог не обратиться к этой проблеме. Оставив организацию суда без видимых изменений, он тем не менее трансформировал систему судопроизводства: #с_316. Все судебные дела, касавшиеся должностных лиц, привлеченных к ответственности за свою деятельность, традиционно находились в ведении народного собрания и относились к компетенции народных трибунов. Однако по законодательству Суллы последние были поставлены в зависимость от сената. В результате их юрисдикция, как и законодательная инициатива, стала ограничиваться предварительным обсуждением юридических вопросов в сенате. Это, безусловно, сокращало юридические полномочия трибунов и обеспечивало носителям магистратур относительную свободу действий: #с_317.

Обычные дела, связанные с уголовными или гражданскими преступлениями, остались в компетенции преторов. В силу *lex Cornelia de VIII praetoribus* эта коллегия претерпела значимые изменения. Юридические полномочия преторов оказались распыленными, а их юрисдикция в целом ослаблена. Более того, при Сулле суды некоторое время вообще не действовали. По крайней мере в 80 г. об этом говорил Цицерон в речи «В защиту Росция». Суд над Секстом Росцием, которого обвиняли в отцеубийстве и которого защищал Цицерон, был первым после долгого перерыва (*Cic. Pro Rose*, 11, 79; 28).

Наиболее значимым в этом направлении решением было преобразование суда присяжных, который разбирал чрезвычайные гражданские и уголовные дела, например, дела о вымогательствах, о подкупе избирателей и т. п. По закону Гая Гракха 123 г. эти суды были переданы всадникам: #с_318. Сулла принял *lex Cornelia iudiciaria* – закон о судопроизводстве, по которому суды передавались в руки сената (*Cic. In Verr.*, I, 38; *Sail. Hist. fr. ampl.*, *Lep.*, 87). Содержание закона кратко передал Веллей Патеркул: «*Iudicandi munus, quod Gaius Gracchus eceptum senatui ad equito, Sulla ab illis ad senatum transtuderat* – обязанность осуществлять суд, которая была изъята Гаем Гракхом у сената в пользу всадничества, Сулла передал от тех (всадников. – Н. Ч.) сенату» (*Vell.*, II, 32, 3). Цицерон упоминал совет судей, избранных из числа сенаторов (*Cic. Pro Rose*, 8, 13–14). Передача чрезвычайных уголовных и гражданских дел в руки сената, безусловно, укрепляла и социальные и политические позиции сенатской знати. В ряде обличительных речей Цицерон приводил примеры бесчинства и попустительства сенаторов во время судебных разбирательств (*Cic. In Verr.*, I, 1, 38–39; *Pro Cluent.*, 79; 89–93). Кроме реорганизации суда, Сулла произвел унификацию норм уголовного и гражданского права. Были приняты *lex Cornelia de sicariis*

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org et veneficiis – об убийствах и отравителях (Cic. Pro Rose, 28; Pro Mil., 11); lex Cornelia de falsis – о подлогах и лжесвидетельстве (Cic. Pro Cluent., 41; ср.: Tac. Ann., XIV, 40); lex Cornelia de confirmandis testamentis eorum qui in hostium potestate decessis-sent – об утверждении завещаний тех, кто потерпел ущерб от власти врагов; lex Cornelia de iniuriis – о нанесении оскорбления; lex Cornelia de ambitu – о подкупе избирателей при соискании государственных должностей; lex Cornelia de repetundis – против вымогательств (Cic. Pro Cluent., 104). Отдельные выдержки из сулланского уголовного законодательства даны Цицероном (Cic. Pro Cluent., 148; 151; 157). В целом они составили «первый после Двенадцати таблиц римский свод законов и вообще первый специально изданный уголовный кодекс».: #с_319

Дополнением к судебному законодательству стали законы, направленные на исправление поврежденных за годы гражданских столкновений общественных нравов и на реставрацию традиционных римских добродетелей. В этой сфере деятельности Сулла выступил как крайний консерватор. При нем были приняты: lex Scantinia – закон Скантиния о преследовании педерастии, который вменял за совершенное преступление штраф в 10 000 сестерциев; серия законов об ограничении расходов – lex sumptuaria: об ограничении расходов на погребения (Plut. Sulla, 35); об умеренности в еде (Plut. Sulla, 35; ср.: 41); законы о браке (Plut. Sulla, 35). В данном случае прослеживается безусловное желание Суллы заявить о своей приверженности основным принципам традиционной сенатской практики восстановления норм общественной жизни, т. е. законы против роскоши, против преступлений в семье, против нарушения морально-этических норм и прочие периодически инициировались и возобновлялись римским сенатом. Эта подчеркнутая преемственность сенатской политики и возвращение к традиции должны были, на наш взгляд, возродить в общественном сознании уважение к сенату.

Юридическое законодательство было направлено на решение важнейшей для Суллы сословно-политической проблемы – ограничить влияние всадников в сфере государственного управления и унифицировать судопроизводство под контролем сената. На ослабление экономического влияния всаднического сословия был направлен закон об отмене откупов и замене финансовых повинностей фиксированным трибутом в провинции Азия: #с_320. Не все исследователи признают реальность этой акции: #с_321. Античные свидетельства позволяют допустить возможность подобного факта. Косвенно об этом законе упоминал Цицерон, сообщая, что греки, например, были не в состоянии выплачивать возложенные на них Суллой взносы и вынуждены были обращаться к откупщикам (Cic. Ad Quint., I, 1, 11; 33), а также что на постройку римского флота в 82 г. деньги были получены от налогов (Cic. In Verr., I, 1, 35; 89). Некоторые свидетельства о введении фиксированного трибута в Азии есть у Аппиана, который упоминал о распределении Суллой недоимок за 5 лет с азиатских общин (App. Mithr., 62–63).

Закон об отмене откупной системы в Азии был демонстрацией важной и опасной для всадничества тенденции – сломить экономическую мощь всадников, укрепить роль сената в организации государственных финансов. Сбор трибута был вменен в обязанности наместников провинции, которых в соответствии с lex Cornelia de provinciis назначал сенат. Таким образом, финансовое благополучие Рима в конечном итоге должно было определяться сенатскими решениями.

Сулла ограничил и внешний престиж всадников. По-видимому, именно он лишил их особых мест в театре. Не сохранилось конкретных данных о том, когда и кем был внесен этот закон. Известно лишь, что в 67 г. Росций инициировал его отмену. Однако логика сулланской конституции позволяет нам вслед за Т. Моммзеном отнести принятие этого закона ко времени Суллы: #с_322.

Явно реставраторский характер имел и сословный закон Суллы, отменявший раздачу хлеба римским пролетариям по заниженной цене в 6 /асса за модий. Затраты на подобные раздачи составляли «пятую часть не прямых государственных доходов – vectigalium» (Cic. Pro Sest., 55,10–12; ср.: Sail. Hist. fr. ampl., Lep., 42). Мы считаем, что эта мера была направлена прежде всего на пополнение государственной казны. Однако наряду с ослаблением давления на эрарий ограничение хлебных раздач неизбежно влекло за собой сокращение притока люмпенизированной массы в Рим, что в свою очередь способствовало стабилизации обстановки в народном собрании и в конечном счете было дополнительным фактором укрепления положения сената.

Важным дополнением сословно-политической реставраторской программы Суллы

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org было религиозное законодательство: #с_323. Обращение к этой стороне жизни диктовалось естественной необходимостью. Развитие территориальной мобильности римлян требовало расширения сферы влияния и римской религиозной практики, т. е. возможности идеологического влияния на римское гражданство за пределами померия. Сам Сулла стремился закрепить за собой репутацию человека, связанного с богами и состоявшего с ними в особых отношениях (Plut. Sulla, 17, 5–6; 27, 6; Vell., II, 25, 4; CIL, IX, 3828): #с_324. Предполагая осуществить всестороннюю реставрацию республики, он провел серию законов, связанных с организацией культа. В результате число понтификов и авгуров было доведено до 15 (Liv. Per., 89). Сулла изменил процедуру выборов верховного понтифика и членов других жреческих коллегий, которая сложилась еще в III в., была подтверждена законом Домиция 104–103 гг. и осуществлялась путем голосования в трибунных комициях: #с_325. Сулла предоставил право выбора самим жреческим коллегиям. По существу, они получили возможность неограниченной кооптации. Авгуры и понтифики обладали чрезвычайно высоким достоинством. Цицерон говорил, например, о «почти царском» достоинстве авгуров (Cic. De div., I, 89), которые были главными экспертами по ауспациям: #с_326 и в связи с этим ведали обрядами, связанными с организацией работы центуриатных комиций: последние не имели права ни начинать работу, ни принимать какое-либо решение без публичных птицегаданий. Авгуры могли распустить народное собрание, объявить выборы негодными богу, отменить уже принятые законы, наложить штраф в виде осуществления жертвоприношения (Cic. De leg., II, 21). Понтифики выступали хранителями божественной воли и следили за тем, чтобы деятельность частных и государственных лиц не противоречила ей (Dionys., II, 73; Liv., I, 20, 56; Plut. Numa, 9–12; Fest., P. 113). Таким образом, члены жреческих коллегий могли оказывать влияние на политическую сферу публичной жизни. Это делало их чрезвычайно значимыми. По существу, Сулла распространил римскую религиозную систему на всю Италию и пытался таким образом закрепить территориально – административную унификацию [35 – Sullam ultimum Romanorum protulisse pomerium, pontifex maximus? (Sen. De brev. vitae, XIII, 98).].

В целом конституция Суллы в части политического, сословного и религиозного законодательства имела реставраторский характер.

Принятые законы были направлены на усиление политического влияния сената и ослабление всех других ветвей власти, укрепление сословно-политического приоритета сенаторского сословия и устранение из сферы государственного управления всадничества, восстановление традиционных норм гражданской жизни и подчинение ее сенатскому контролю.

Сулла осуществлял программу реставрации республики в условиях активно развивавшегося процесса территориальной и социальной мобильности римского гражданства, расширения сферы влияния римского империя и формирования территориальной державы. В этих условиях субъективное желание Суллы реставрировать сенатскую республику имело характер контрреформы, поскольку было направлено против объективно развивавшихся тенденций.

Однако Сулла не мог не учитывать объективно изменившегося положения. Кроме того, задача восстановления порядка в условиях развернувшейся гражданской войны диктовала необходимость учитывать настроения и интересы самого широкого круга римского гражданства. В связи с этим социально-ограниченная, ориентированная на социально-политические запросы сенатской знати конституция Суллы объективно приобрела характер реформы, способствовала дальнейшему ослаблению общинных принципов и развитию имперских отношений. Введение в состав сената сулланских креатур способствовало ослаблению ортодоксальной римской аристократии и закладывало тенденцию формирования новой правящей элиты, способной осуществлять власть в интересах формирующейся империи: #с_327. Важно отметить, что попытка Суллы реставрировать римскую сенатскую республику опиралась на такой важный имперский принцип, как консолидация римского гражданства вокруг сильной власти сената на основах традиционных добродетелей: #с_328. [36 – Т. Моммзен и Ж. Каркопино поразному оценивают и общий характер сулланского законодательства, и диктатуру Суллы, но в данном аспекте их позиции совпадают.]

Вторую часть сулланской конституции составляют законы, направленные на административно-территориальную интеграцию римско-италийского населения. Действуя в этом направлении, Сулла еще до начала военных действий в 85 г. обещал сохранить гражданские права италикам, которые, однако, не были уверены в том, сдержит ли Сулла свое обещание: #с_329. А. В. Короленков

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org вслед за Э. Бэдианом предполагает, что пассаж Аппиана по этому поводу (App. В. С, I, 77) является позднейшей версией самого Суллы: #с_330. Как бы там ни было, к какому бы периоду мы не относили принятие подобного решения и какие бы причины при этом не называли (общегосударственные или личные мотивы), главным остается факт закрепления гражданских прав за всем римско-италийским населением. Подобное решение еще раз доказывает глубину осмысления Суллой существовавшей проблемы. В 83 г. Сулла подтвердил намерение сохранить гражданские права новых граждан: #с_331. Он сдержал свое обещание и, отменив все предшествующие постановления Сульпиция и Цинны, признал действительным распределение новых граждан по всем 35 трибам.

Т. Моммзен пояснял этот шаг Суллы его проаристократической позицией и нежеланием усиления демократической оппозиции: #с_332. Ж. Каркопино считал новых граждан основой монархии и личного господства Суллы: #с_333. С.И. Ковалев рассматривал административную реформу Суллы как одну из «прочных и прогрессивных реформ», которая, по существу, оформила положение, сложившееся в результате Союзнической войны: #с_334. На наш взгляд, это свидетельство того, что Сулла по-новому видел проблему отношений Рима и Италии, рассматривая эти территории как составные части единого целого. На это указывает и тот факт, что Сулла не произвел переписи населения и восстановления цензового списка граждан. Он, видимо, не придавал особого значения правам, связанным с внесением в этот список. На это же указывает и политическая практика: Сулла в равной степени разделил ответственность за гражданскую войну между всеми областями Италии и Римом в том числе. Некоторые области были вознаграждены за поддержку Суллы. Брундизий, например, был освобожден от пошлин (App. В. С, I, 79). Другие были наказаны в той степени, в какой Сулла считал их ответственными за противодействие: денежными штрафами, уничтожением укреплений и городских стен, частичной или полной конфискацией земли и в крайнем случае лишением гражданских прав (см.: Cic. Ad Att., I, 19, 4; Ad Fam., XIII, 4,1). Подобному наказанию были подвергнуты Капуя, Пренесте, Норба, Сполетий (App. В. С, I, 94). Город Сульмон в области пелигнов был вообще скрыт до основания. Самому суровому наказанию были подвергнуты две области – Этрурия и Самний, оказавшие самое сильное сопротивление сулланцам. Здесь полной конфискации земли подверглись города Флоренция, Фезулы, Арреций и Волатерры. Самний и Лукания были буквально опустошены (Cic. De domo sua, 79; Liv. Per., 89; Strabo, XI, 254). Саллюстий прямо говорил о том, что именно чрезвычайная жесткость Суллы в отношении Этрурии побудила жителей этой области выступить на стороне Катилины в 63 г. (Sail. Cat., 28, 4). На этом основании Л. Парети считал возможным утверждать, что часть жертв сулланских конфискаций присоединилась к восстанию Спартака: #с_335. Бремя финансовой политики также было возложено Суллой на всю Италию.

Разорение италиков дополнялось бесчинствами сулланских колонистов. По свидетельству античных авторов, местное население оказало чрезвычайно активное сопротивление поселенцам-ветеранам. Это могло быть одной из причин отмеченного современниками событий разорения сулланских колонистов: #с_336. Известно, что в Фезулах местное население перебило новых поселенцев (Sail. Cat., 30, 13; ср.: App. В. С, I, 107; Flor. Ep. bell., II, 11).

Признав права за новыми гражданами и включив Италию в сферу своей политики, Сулла таким образом расширил представление о территориальных границах римского государства. Более того, он на практике продемонстрировал, что расширение римского померия возможно. Корнелий Тацит сообщал, что Сулла был первым римским магистратом, отодвинувшим городскую черту. При этом он опирался на существовавшую конституционную норму, по которой тот, кто увеличил территорию, подвластную римскому империи, мог расширить и городские границы (Tac. Ann., XII, 23).

Одной из форм административно-территориальной интеграции была и колонизационная политика Суллы. На конфискованные земли италийских общин он вывел около 120 000 колонистов: по сведениям Аппиана, 23 легиона; по сведениям Ливия, 27 легионов (App. В. С, I, 100; 104; Liv. Per., 89; ср.: Cic. Ad Att., X, 19, 4). Это мероприятие имело чрезвычайно важное значение. Одни исследователи видят в нем осуществление программы умеренных консерваторов, например Ливия Друза Младшего: #с_337. Другие расценивают как новаторское, «революционное»: #с_338. Еще Т. Моммзен справедливо выделил две стороны этой реформы: экономическую и военно-политическую: #с_339. Сулла решал сразу несколько задач: наделял землей своих солдат и таким образом пытался восстановить слой мелких и средних собственников;

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org ослаблял политическое противостояние между политиками-радикалами и умеренными консерваторами; но главное – создавал по всей Италии военные гарнизоны, которые не только были опорой власти Суллы, но силой «стягивали» всю территорию Италии. Именно на этот последний аспект обратил внимание Аппиан (App. В. С, I, 96). Это являлось особенно важным в условиях, когда армии были выведены за пределы Италии. Т. Моммзен называл сулланских колонистов «как бы постоянной армией сената», находившейся в Италии: #с_340.

Военное назначение новых колоний не вызывает сомнения, поскольку новые колонисты не сливались с италийским гражданством, а образовывали самостоятельные поселения, даже в пределах уже существовавших общин. Однако вызывает возражение тезис Т. Моммзена о том, что это был военный резерв сената. Колонисты получали землю из рук Суллы. Сулла учреждал новые колонии не на основании сенатского постановления, а напрямую, опираясь на центуриатные комиции (Cic. De domo sua, 79, 1–3), видимо, на основании закона Валерия Флакка о диктатуре, который предоставлял ему широкие административные права, в том числе и право основания новых поселений. Таким образом, колонисты скорее являли собой личный военный резерв диктатора и в целом способствовали формированию и распространению подданнических отношений в среде римского гражданства. Не случайно разорившиеся ветераны Суллы составили основу сторонников М. Эмилия Лепида в 77 г., а после его поражения от 20 до 26 тыс. восставших удалились к Серторию, т. е., по существу, проявили свои антисенатские настроения: #с_341.

В самом Риме интегрирующим фактором, видимо, должен был выступить отряд корнелиев, состоявший из 10 000 вольноотпущенников – бывших рабов, принадлежавших проскрибированным лицам и получивших свободу и гражданские права по закону Суллы (App. В. С, I, 100).

Т. Моммзен считал, что корнелии должны были выступать «своего рода телохранителями... олигархии», обеспечивать порядок в Риме и при отсутствии военного гарнизона в городе противостоять столичной черни: #с_342. Это отчасти, безусловно, так. Однако, на наш взгляд, корнелии должны были выполнять более радикальную задачу: #с_343: если колонисты-ветераны служили опорой сулланской конституции в Италии, корнелии должны были обеспечивать проведение законодательства Суллы в Риме. Являясь по существу клиентами Суллы, они были обязаны поддерживать своего патрона и защищать от любых оппозиционных выступлений, а также обеспечивать необходимую поддержку любого предложения Суллы в комициях: проводить законопроекты (Cic. Pro Mur., 47), добиваться нужного назначения на магистратские должности (Cic. Pro Sulla, 15), изолировать политических противников (Cic. Ad Att., II, 24, 2). Интересны два взаимоисключающих на первый взгляд обстоятельства. С одной стороны, никаких следов особой активности корнелиев в городе не видно. С другой стороны, хотя городской плебс и представляется в античной традиции бессильной, но ненавидящей Суллу и сулланцев массой, всегда готовой поддержать оппозицию, сулланские эдикты принимались комициями безропотно и признавались римским гражданством (Cic. In Verr., II, 81). Нам думается, что определяющую роль в этом играло присутствие в комициях корнелиев.

Сулла произвел муниципальное деление, предоставив многим общинам статус самоуправляющихся муниципиев: #с_344. Косвенные свидетельства этому мы встречаем у Плутарха и Цицерона (см.: Plut. Sulla, 4; Cic. De domo sua, 79, 1–4). Одновременно с этим Италия была объявлена единой гражданской территорией: войска были выведены в провинции и проконсулам было запрещено уводить их с собой: #с_345. Это еще одно свидетельство того факта, что были раздвинуты границы римского государства и римского империя. Северная граница была отодвинута в связи с этим к реке Рубикон. Новый порядок поставил на место города Рима Италию. Сулланская Италия являла собой прообраз единого территориального государства: #с_346.

Таким образом, административно-территориальное законодательство Суллы стало следующим после Союзнической войны этапом территориальной и социальной интеграции: диктатор включил Италию в орбиту общегосударственной политики. Однако методы и задачи интеграции, которые утверждали господство римского сената и сенатской аристократии, вызывали недовольство римско-италийского населения и порождали новые политические проблемы.

Характеристики, данные сулланской конституции – Корнелиевым законам – в

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org исследовательской литературе, имеют полемичный характер. Начало полемики было положено оценками Т. Моммзена, который признавал за конституцией Суллы положительное историческое значение. В соответствии с ними большинство исследователей приняло тезис о конституции Суллы как попытке реставрировать и закрепить римскую Республику в ее нобилитарной форме: #с_347.

В рамках парадигмы Т. Моммзена социальные задачи сулланской реставрации представляются исследователями как средство борьбы, направленной на усиление римского нобилитета, на восстановление сената как единственного привилегированного сословия; на ослабление и раскол всадничества и в целом как реставраторские и консервативные: #с_348.

Сходную с общей моммзеновской трактовкой концепцию сулланской конституции как консервативной реставрации высказал Г. Ферреро: #с_349. Однако в отличие от Т. Моммзена и его единомышленников он не видел в ней конструктивного содержания, считал противоречивой и нежизнеспособной.

Хр. Мейер в контексте общих тезисов Т. Моммзена и Г. Ферреро определил сулланскую конституцию как консервативную реставрацию, может быть, последнюю и самую значительную. Вместе с тем он считал ее неудачной попыткой сохранить «старый порядок», причем методами, вызвавшими недовольство самой аристократии: #с_350. Созвучные идеи были высказаны и К. Кристом, который считает Суллу пленником (Gefangener) римской традиции, стремившимся реставрировать традиционную политическую систему. Правда, К. Крист делает по сравнению с Хр. Мейером больший акцент на деструктивном характере сулланской конституции. По мнению К. Криста, реставрация, предпринятая Суллой, была тотальной и систематичной, но она бескомпромиссно и последовательно противостояла существовавшей тенденции политического и социального развития, игнорировала интересы различных слоев римского общества, а потому имела деструктивный характер, провоцировала широкий фронт противников и была обречена на скорую отмену: #с_351.

Не отказываясь от общих оценок Т. Моммзена, Ф. Фрелих поставил вопрос о том, были ли у Суллы оформленные идеи государственности. По его мнению, главным в сулланском законодательстве и политической практике было преобладание идеи господства олигархии и стремление к личному возвышению: #с_352. Такая постановка вопроса определила развитие нового взгляда на законодательство и политическую практику Суллы.

Чуть позднее Ж. Каркопино отчетливо и однозначно отказался от моммзеновской парадигмы. Его концепция сводилась к тому, что Сулла не был сторонником ни одной из социальных сил, он стремился к единоличной власти и стал, таким образом, выразителем развивающейся монархической тенденции в Риме и прототипом Цезаря: #с_353. В связи с этим Ж. Каркопино расценивал законодательную и политическую практику Суллы не как консервативно-реставраторскую, а как реформаторско-монархическую. Созвучна концепции Ж. Каркопино аргументация К. Ланзани, Р. Сайма, И. Бляйкена и др.: #с_354. Очень осторожно она была высказана и Дж. Отемом, который считал, что реформы Суллы «установили некий режим завуалированной монархии»: #с_355.

В рамках общей концепции Ж. Каркопино давал оценки сулланской конституции Р. Ю. Виппер. Он определил ее как консервативную и даже реакционную, но при этом чрезвычайно противоречивую, поскольку Сулле приходилось осуществлять две взаимно противоположные цели: сокращать авторитет народа, но проводить для него реквизиции и конфискации. Таким образом, по мнению Р. Ю. Виппера, субъективно Сулла действовал как реставратор, но объективно вынужден был встать на путь революции. В этом смысле он был основателем империи и монархии: #с_356.

Принципиально отвергли взгляд на сулланскую конституцию как консервативно-реставраторскую Э. Габба и Э. Бэдиан. Они расценивали Суллу как большего «новатора» и реформатора, чем его противники, проводившие достаточно сбалансированную и умеренную политику, особенно Цинна. При этом в отличие от Ж. Каркопино они сняли вопрос и о наличии у Суллы осознанных монархических планов. Э. Габба видел в Сулле аристократического реформатора, подчеркивал закономерность, историческую целесообразность и положительное значение его реформ, которое состояло в унификации и романизации Италии: #с_357. Э. Бэдиан признавал реформаторский характер конституции Суллы, но считал его революционером-авантюристом: #с_358.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
К сходным оценкам пришел и Ф. Инар. Он опроверг как концепцию Т. Моммзена, так и Ж. Каркопино: Сулла не был консервативным реставратором и не был прототипом монархии Цезаря, но он пытался создать новый аристократический режим, который превосходил традиционное представление: #с_359.

Таким образом, существующие в исторической литературе оценки конституции Суллы чрезвычайно неоднозначны и противоречивы. Сулла представляется, с одной стороны, как консервативный реставратор, действовавший в интересах римской аристократии, и в этом контексте – как патриот-государственник; с другой – как новатор, способствовавший развитию в Риме монархических и имперских тенденций; с одной стороны, конституция Суллы определяется как конструктивная, несущая благо для государства, с другой – как деструктивная, породившая широкое недовольство и новый социально-политический кризис.

Такое, по многим аспектам принципиальное расхождение оценок вполне объяснимо: конституция Суллы явилась в период перехода Рима от *civitas* к территориальному государству, от гражданской общины к имперским отношениям. В ней неизбежно должны были отразиться консервативная и динамичная тенденции. Не случайно в последнее время историки либо отказываются от определения характера и социально-политической значимости Корнелиевых законов [37 – Например, Ф. Блэйв считает, что мнение о монархизме Суллы преувеличено современной диктатору политической риторикой, особенно Цицероном, в связи с чем не вполне обоснованы и оценки в духе реформаторского характера конституции Суллы. Сам Ф. Блэйв говорит, что это остается загадкой, см.: *Blaise Fr. Sylla ou le Guerrier Impie inacheve // Latomus. 1988. № 47. Fasc. 4. P. 819-820.*], либо делают акцент на их своеобразии [38 – Например, А. В. Еремин признает, что государственная реформа носила консервативный характер, но консерватизм был своеобразным – консервация одних элементов сочеталась с модернизацией других. В реформе Суллы он видит искусное переплетение реставраторского и реформаторского начал, см.: Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 118.]

На наш взгляд, конституция Суллы была вызвана широким спектром причин и имела широкое социально-политическое направление. Она отвечала субъективному желанию Суллы восстановить сенатскую республику, политическую роль сената и авторитет сенаторского сословия. Однако при этом законодательство Суллы не было принципиальной антивсаднической политикой, хотя современники и делали акцент на ненависти Суллы по отношению к всадническому сословию (*Cic. Pro Cluent., 151*).

Среди сторонников Суллы было много представителей всаднического сословия, например, Гней Помпеи, Кресе и др. Некоторых из них Сулла ввел в сенат. В процентном соотношении официальное число проскрибированных сенаторов не меньше, чем всадников. Известно, что традиционное число сенаторов в Риме было 300 человек. В официальные проскрипционные списки были внесены имена приблизительно 90 сенаторов, что составило 30% от их общего числа. Если учесть, что в результате гражданской войны марianцев и сулланцев часть сенаторов погибла, то этот процент окажется еще больше. Число всадников, имена которых были официально внесены в список, составляло примерно 1600 человек при общем количестве представителей всаднического сословия примерно в 5000–8000 человек [39 – Наши расчеты численности всаднического сословия см.: гл. 1.]. Число проскрибированных всадников составило, таким образом, 32–20%.

Вместе с тем на каждого представителя этих доминировавших в экономическом и политическом отношении сословий приходился десяток лиц из числа рядовых римских граждан и муниципального населения.

Хотя Сулла и ограничил судебные полномочия всадников, но представители всадничества были введены в сенат и на деле вполне могли привлекаться к участию в судебных разбирательствах: #с_360.

Несмотря на то что в Азии был установлен фиксированный трибут, торгово-ростовщическая деятельность всадников здесь продолжалась. П. А. Брант считает даже возможным говорить о сохранении относительно неизменных экономических позиции всадничества: #с_361.

Законодательство Суллы в целом не изменило структурно сословную ситуацию в Риме. По своим целям и задачам оно имело не столько социальный, сколько политический характер: #с_362. Сулла стремился к укреплению республиканской

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org потестарной системы в ее классической для Рима форме – сенатской республики. В условиях глубокого и всеобъемлющего кризиса римской *civitas* сделать это можно было только силовым давлением. Отсюда автократизм Суллы и террористические методы осуществления задуманных мероприятий.

В политическом отношении конституция Суллы не может быть охарактеризована как простая реставрация. С одной стороны, Сулла восстановил политические позиции сената, ослабил коллегию трибунов, ограничил функции магистратов и провинциальных наместников. Это соответствовало нормам нобилитарной республики, но слишком противостояло тем объективным тенденциям, которые развивались в Риме начиная с середины II в. В этом контексте конституция Суллы может быть охарактеризована как контрреформация. С другой стороны, сулланская креатура в сенате (отчасти и сам Сулла) выражали возникший исторический парадокс: они были сенаторами и выступали за сильную сенатскую республику, являясь активными противниками ортодоксальной сенатской знати. Сулланский сенат стал по существу правительственным органом, выразившим интересы широкой части римского гражданства. Гетерогенному сулланскому сенату была необходима направляющая и организующая сила, какой, собственно, был сам диктатор. Таким образом, Сулла укрепил не традиционный римский сенат, а идею необходимости сильного носителя политической воли, который мог бы возглавить сенатскую республику в новых социально-политических обстоятельствах. Сулла создал исторический прецедент, когда первое место в таком сенате занял победоносный император. В этом контексте конституция Суллы имела реформаторский характер.

Выступая субъективно за стабилизацию республики путем подавления антисенатских сил и антисенатской политики, объективно Сулла способствовал закреплению в общественном сознании нескольких важных идей: о моральной оправданности террора, если он осуществляется во имя государства; о возможности освободиться от гражданских обязанностей и переложить ответственность за судьбу государства на того, кто способен обеспечить ему стабильное существование; о возможности и оправданности личного политического лидерства. Предлагая конституцию, направленную на стабилизацию республиканской системы, Сулла по существу способствовал дальнейшему ослаблению принципов государственно-политического республиканизма и демократизма, развитию имперских и монархических настроений.

Конституция Суллы не только порождение сложной ситуации, когда Римская республика переживала состояние перехода от гражданской общины к территориальной империи, от республики к монархии, – но и отражение этого переходного состояния.

2. Диктатура Суллы – первый опыт на пути к монархии и империи

С законодательством и политической практикой Л. Корнелия Суллы современники: и сторонники республики, такие как Цицерон, и сторонники сильной власти авторитетного лидера, такие как Саллюстий, – связывали начало новой эпохи в истории Рима, эпохи перехода от республики к империи. Так, Саллюстий, передавая речь консула 78 г. Марка Эмилия Лепида, называл диктатуру Суллы «величайшим переворотом Республики – *maxima turbamenta rei publicae*, ...рабством – *servitio*, ...примером потомкам, как уничтожить Республику – *exemplum posteris ad rem publicam circum-veniundam*» (Sall. Hist. frg. ampl., Lep., 98–102). На основании свидетельств современников сулланской эпохи поздняя античная традиция делала заключение, что Цезарь и Август были последователями Суллы, но более «прочно и крепко» утвердили свою власть (App. V. C, II, 150). При этом все происходившие события античные авторы рассматривали как результат конкретной общественно-политической коллизии – тирании марианцев и Цинны (Liv. Per., 84; Plut. Compar. Sulla, 1, 5; App. V. C, 1, 1619). Вернувшись в Италию и уничтожив в гражданской войне политических противников, Сулла *de facto* утвердил свою власть. Не случайно Аппиан замечал, что Сулла был тираном не столько по избранию, сколько по силе и мощи (App. V. C, I, 98). Однако он ставил перед собой определенные задачи: во-первых, восстановить собственное положение и, во-вторых, стабилизировать общую ситуацию в Риме. Для их выполнения необходимо было придать фактическому влиянию официальный правовой статус. Приступая к решению поставленных задач, Сулла использовал сложившуюся в ходе гражданской войны ситуацию.

По римской республиканской конституционной традиции принцип легитимности государственной власти был тесно связан с принципом ее непрерывности и преемственности. Это обеспечивалось правом и обязанностью консулов проводить выборы представителей исполнительной власти на предстоящий год. На случай отсутствия консулов по каким-либо причинам механизм осуществления этого принципа также был разработан: организацию выборов брал на себя сенат, он вводил положение интеррегнума, когда из состава сената избирался междуцарь – *interrex*, который в свою очередь и должен был организовать ординарную исполнительную власть: #с_363.

После разгрома марианцев и их сторонников ситуация в Риме сложилась таким образом, что один из консулов 82 г. – Марий Младший – после падения Пренесте покончил с собой; другой – Папирий Карбон – был схвачен на Корсике Помпеем и убит (App. В. С, I, 94; 96; 98). Возникла естественная необходимость проведения консульских выборов. Сулла вернулся в Рим в должности проконсула, т. е. в соответствии с римской конституцией обладал высшей военной и гражданской властью только вне римского померия. В городе он являлся лишь частным лицом. Это делало положение Суллы чрезвычайно опасным: после гражданской войны против него могло быть возбуждено судебное разбирательство. Рассчитывать на успех при выборе консулов на предстоящий год он также не мог – слишком напряженной и неоднозначной была ситуация и в сенате, и в народном собрании. Таким образом, не только планы государственно-правового урегулирования, но и понимание личной политической нестабильности диктовали Сулле необходимость официально закрепить свой статус. Традиционными методами он воспользоваться не мог, поэтому вынужден был обратиться к существовавшей в Риме практике экстраординарного вручения империя.

Античная традиция однозначно связывает установление власти Суллы с предоставлением ему должности диктатора. При этом подчеркивается, что он восстановил практику избрания диктатора, к которой в Риме не прибегали с конца III в. Аппиан ошибался, сообщая о том, что диктатура в Риме не избиралась в течение 400 лет (App. В. О, I, 98, 24). По данным Ливия, последним диктатором был назначен Гай Сервилий Гемин для проведения консульских выборов на 202 г. (Liv., XXX, 39, 4; ср.: Plur. Sulla, 33; Vell., II, 28, 2).

Государственно-правовой статус Суллы был оформлен законом Валерия Флакка – *Lex Valeria*, который предоставлял ему полномочия диктатора. Таким образом, Сулла становился законным представителем высшей военной и гражданской власти в Риме. Однако возникает проблема: насколько диктатура Суллы соответствовала принципам римской республиканской системы и в какой степени укрепляла или ослабляла эти принципы. Античные историки довольно туманно излагают вопрос о легитимности и правовой сущности сулланской диктатуры. Например, сообщение Ливия Сулла – «*dictator factus*» (Liv. Per., 89, 8) – можно переводить и пассивно, как «провозглашенный», и активно, как «став диктатором». Веллей Патеркул очень неопределенно говорил о том, что Сулла был «назначен диктатором – *dictator creatus*» (Vell., II, 28, 2, 3). О правовых тонкостях получения Суллой диктаторских полномочий могли бы рассказать современники событий. Однако их оценки по большей части эмоционально окрашены и не содержат четкого государственно-правового анализа. Так, Саллюстий замечал, что «государство было завоевано Суллой силой оружия – *L. Sulla armis recepta re publica*» (Sail. Cat., 11, 4, 2–3). Об общественном мнении некоторой части римского гражданства по этому вопросу можно составить представление на основе речи Марка Эмилия Лепида, произнесенной им в народном собрании, на которую мы уже ссылались. Он, в частности, говорил о том, что Сулла преступным образом приобрел господство – *dominatio per scelus occupata* (Sail. Hist. frg. amplior., Lep., 32). Позднее Плутарх подчеркивал, что Сулла сам «провозгласил» себя диктатором (Plut. Sulla, 33, 3). Проводя сравнение Суллы с Лисандром, античный автор косвенно обвинял его в том, что он получил власть не по доброй воле граждан, а вопреки их желанию, опираясь на насилие и нарушая законы (Plut. Compar. Sulla, 1). Наиболее полно и четко резюмировал вопрос о введении сулланской диктатуры в структуру государственной власти Рима Аппиан. Он реконструировал процедуру выборов следующим образом: Сулла выехал из Рима и приказал сенату избрать *interrex*'а, который должен был по расчетам сената и по конституционной норме осуществить выборы консулов, но Сулла поручил интеррексу внести в народное собрание другое предложение – избрать диктатора на неопределенный срок, пока Рим, Италия и вся римская держава не укрепятся; при этом он рекомендовал интеррексу назначить диктатором именно

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org его (App. В. С, I, 98). Из приведенного пассажа становится совершенно ясно, что Аппиан сознательно акцентировал внимание на личной инициативе Суллы и его давлении на процесс введения должности диктатора.

В исследовательской литературе существует некритически высказанное мнение о том, что диктатура Суллы, в том числе и процесс предоставления ему диктаторских полномочий, соответствовали всем нормам римской конституции: #с_364. Трудно согласиться и с высказываниями по поводу того, что инициатива назначения Суллы диктатором могла принадлежать сенату: #с_365. Главным нашим аргументом в данном случае является замечание Аппиана, что, избирая интеррекса, сенат ожидал проведения консульских выборов (App. В. С, I, 98).

Попытаемся разобраться в возникшей коллизии. По римской конституционной традиции решение о введении диктатуры принимал сенат (Cic. De leg., III, 9, 4; ср.: Plut. Marc., 24). Т. Моммзен считал, что официальное сенатское постановление по этому вопросу было не обязательным: #с_366. Судя по свидетельствам Ливия, возможно, это и так. Однако при любых обстоятельствах и в любой форме решение о назначении диктатора исходило от сената: #с_367. Далее сенатское решение передавалось одному из консулов, который по согласованию с сенатом определял кандидатуру диктатора и предлагал ее куриатным комициям. По существу, он выносил в народное собрание закон о назначении диктатора и его компетенции – *lex curiata de imperio*: #с_368. Куриатный закон нельзя считать простой формальностью. Несмотря на то что комиции лишь голосовали предложенную кандидатуру, только после этого решение сената принимало официальный характер.

В ноябре 82 г. при введении диктатуры Суллы была сделана попытка сохранить традиционные формальности: Сулла как проконсул удалился из Рима, сенат избрал интеррексом принцепса Луция Валерия Флакка, который внес в куриатные комиции закон о назначении Суллы диктатором (Cic. De leg. agr., III, 5; Ad Att., IX, 15, 2; Plut. Sulla, 33; Vell., II, 28, 1). Однако эти выборы во многом были лишь видимостью соответствия республиканской традиции: #с_369. Аппиан подчеркивал, что инициатором введения диктатуры был именно Сулла, в данной ситуации частное лицо: он «приказал» сенату избрать интеррекса, «поручил» Флакку внести в комиции *lex curiata de imperio*, определил продолжительность, компетенцию и исполнителя вводимой диктатуры. По поручению Суллы интеррекс, не имея законных оснований и нарушая существовавшую процессуальную норму, внес в куриатные комиции закон о выборе диктатора – *lex Valeria*. Кроме того, именно Сулла назвал и будущего носителя диктаторских полномочий – себя самого.

Вопрос о том, было ли имя Суллы названо в законе, остается спорным прежде всего из-за состояния источников. Сам закон полностью не сохранился, а свидетельства современников очень лаконичны. В силу этого некоторые исследователи считают возможным говорить о наличии имени Суллы в законе: #с_370, другие – нет: #с_371. Бесспорно одно: комиции утвердили кандидатуру Суллы, которая была продиктована Валерию Флакку. В условиях сулланского террора это было равносильно приказу. Цицерон говорил:

«Римский народ принял закон, чтобы его (Суллы. – Н. Ч.) личная воля могла выступать в качестве закона – *legem populus Romanus iusserat ut ipsius voluntas ei posset esse pro lege*» (Cic. In Verr., II, 3; 82, 4–7). Плутарх подчеркивал, что Сулла в течение 10 лет «назначал себя» то диктатором, то консулом, то проконсулом (Plut. Compar. Sulla, 1; ср.: Plut. Sulla, 33). По мнению современников, которое привел Аппиан, Сулла все устроил по своему желанию, не было речи о законах и голосовании, это была лишь тень выборов – видимость свободы (App. В. С, I, 97; 99).

Lex Valeria имел еще ряд отклонений от традиционной нормы: #с_372. У Аппиана есть замечание о том, что диктатура предлагалась не на 6 месяцев, как прежде, а на неопределенный срок (App. В. С, I, 98). В этом плане легитимность диктатуры Суллы также представляется проблематичной. Следуя античной традиции, в соответствии с которой Сулла на 80 г. получил консулат, Э. Габба, Э. Бэдиан, Ф. Инар считают возможным говорить об относительной легитимности власти Суллы, т. к. он пробыл в должности диктатора законные 6 месяцев: став консулом, он сложил с себя диктаторские полномочия, а в 79 г. отказался и от консульской власти: #с_373. Подавляющее большинство ученых считает, что диктатура Суллы была введена на неопределенный срок, что явилось принципиальным новшеством. Этот общий тезис вызывает сомнение лишь по поводу корректности предложенных учеными

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org определений и аргументации. Так, еще Т. Моммзен высказал предположение, что Сулла избирался диктатором с расчетом, что диктатура имеет ограничение по продолжительности, но он сам определит срок действия своих полномочий: Сулла отказался от неограниченной власти лишь в 79 г.: #c_374 В. С. Сергеев считал возможным говорить о том, что Сулла стал *dictator perpetuus*, т. к. поставленные задачи не предполагали временных ограничений: #c_375. По мнению А. Кивени, диктатура Суллы не была ограничена сроком, но, выполнив в течение года свою задачу, он затем сложил диктаторские полномочия: #c_376.

В античной литературе на этом вопросе подробнее всех останавливался Аппиан. Он подчеркивал, что впервые диктатура не была ограничена временем и это придавало ей форму абсолютной тирании – #964; #965; #961; #945; #957; #957; #943; #962; #941; #957; #964; #949; #955; #942; #962; (App. В. С, I, 99). Более того, Аппиан совершенно однозначно и недвусмысленно говорил, что для сохранения видимости республиканского правления Сулла был избран на 80 г. консулом, но оставался при этом в должности диктатора (App. В. О, I, 103). Косвенные свидетельства о том, что Сулла сложил диктаторские полномочия и стал частным лицом лишь в 79 г., ко времени консульских выборов на предстоявший 78 г., есть у Плутарха (Plut. Sulla, 34).

Таким образом, получившие в традиции Аппиана и Плутарха представления об особом характере диктатуры Суллы, а также то обстоятельство, что различий в положении Суллы на протяжении 81–80 гг. практически незаметно: #c_377, позволяют считать сулланскую диктатуру неограниченной во времени.

Специфика сулланской диктатуры обнаруживается не только на процессуальном уровне, но и на уровне компетенции диктатора. На это указывают по крайней мере три обстоятельства. Первое состоит в том, полномочия Суллы были прописаны в законе, следовательно, законодательно закреплены. В соответствии с общей формулировкой куриатного закона, данной Аппианом, Сулла получал право проводить законопроекты, которые он сочтет необходимыми для восстановления порядка в государстве (App. В. О, I, 99). Этому вполне соответствует полученная Суллой титулатура – #948; #953; #954; #964; #940; #964; #969; #961; #941; #960; #943; #952; #941; #963; #949; #953; #957; #972; #956; #969; #957;... #954; #945; #953; #954; #945; #964; #945; #963; #964; #940; #963; #949; #953; #964; #951; #962; #960; #959; #955; #953; #964; #949; #943; #945; #963; (App. В. С, I, 99, 12–13), что тождественно латинской формуле – *dictator legibus scribundis et rei publicae constituendae* (ср.: Cic. De leg. agr., III, 5, 3–6): #c_378. Плутарх довольно подробно расшифровал эту общую формулировку *lex Valeria*: Сулла не нес никакой ответственности за все уже совершенное им, на будущее получал право распоряжаться жизнью и имуществом граждан и организовывать управление Римом, Италией и провинциями (Plut. Sulla, 33; ср.: App. В. С, I, 97). Не все современные исследователи признают наличие в *lex Valeria* норм, определявших компетенцию диктатора: #c_379. Э. Габба, например, отрицал наличие в нем пункта об оправдании всех предшествовавших диктатуре действий Суллы: #c_380. Некоторые историки считают возможным говорить о том, что комиции приняли лишь общую формулировку закона, на основании которой сложилась позднее конкретная политическая практика Суллы: #c_381. Отметим однако: и Плутарх подчеркивал, что все это «было постановлено» именно *lex Valeria* (Plut. Sulla, 33, 4), и Аппиан отмечал, что это «было прибавлено» к закону (App. В. С, I, 99, 10–11). На наш взгляд, нет оснований не доверять античным свидетельствам.

Второе обстоятельство, указывает на специфический характер компетенции Суллы при сравнении ее с компетенцией раннереспубликанских диктаторов. В античной литературе это положение отчетливо выражено Веллеем Патеркулом, который заявлял, что прежние диктаторы пользовались властью для отражения величайших опасностей, Сулла – как возможностью полного подавления римского гражданства (Vell., II, 28, 2). Иногда в исследовательской литературе можно встретить мнение о том, что традиционная республиканская диктатура носила исключительно военный характер и к внутренней политике никакого отношения не имела: #c_382. Разумеется, в V–III вв. внешнеполитические задачи преобладали при назначении диктатора: #c_383. Вместе с тем нет оснований отрицать и тот факт, что в раннереспубликанский период диктатура выступала вообще важным средством стабилизации положения в Риме и диктатор обладал высшей военной и гражданской властью: #c_384.

Компетенция раннереспубликанских диктаторов была очень широкой (Plut. Cam.,
Страница 90

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org 18), но она касалась исключительно вопросов внутреннего и внешнего состояния римской *civitas*. Полномочия Суллы распространялись на огромную территорию формировавшейся империи (App. В. С, I, 102). Однако в плане полноты полномочий, на наш взгляд, главные отличия диктатуры Суллы от раннереспубликанской состояли в том, что, во-первых, диктаторы V–III вв. не имели всеобъемлющей законодательной власти, особенно в таких важнейших сферах, как объявление войны и начало военных действий. Они могли инициировать проведение закона через народное собрание, но всегда только с согласия сената (Liv., VI, 14, 1; VII, 19, 10; 41, 3). Процедура принятия нового закона происходила по одной определяющей формуле: «по предложению сената и по воле народа – *ex auctoritate patrum ac populi iussu*» [40 – Чрезвычайно показательным в этом отношении сообщение Ливия о начале войны против Велитр в 383 г., которая, правда, велась не диктатором, но также носителями неординарных полномочий – военными трибунами с консульской властью: «сенат постановил, ...чтобы было предложено об объявлении войны от имени народа ... затем ... все трибы приказали быть войне – *patres... decreuerunt... ad populum ferretur de bello indicendo... turn... omnes tribus bellum iusserunt*» (Liv., VI, 21, 3–5).]. Сулла получил самые широкие законодательные полномочия относительно римского государства и римского общества, а наличие в сенате и в комициях большого числа сулланских ставленников и сторонников делало любую законодательную инициативу Суллы вполне приемлемой. В источниках мы практически не встречаем сведений о сопротивлении им. Более того, Аппиан подчеркивал, что с введением диктатуры римляне осознали невозможность свободных выборов и законного голосования и приняли показную видимость свободы (App. В. С, I, 99). Во-вторых, Сулла получил, по существу, право, принадлежавшее прежде комициям, неограниченное время по личному усмотрению распоряжаться империей и предоставлять его своим сторонникам. Так, на 81 г. он организовал выборы консулов, в результате которых на должности были избраны сулланцы Марк Туллий Декула и Гней Корнелий Долабелла (App. В. С, I, 100); на 80 г. Сулла сам стал консулом, а его коллегой – один из военачальников Квинт Цецилий Метелл Пий (App. В. С, I, 103); на 79 г. Сулла «назначил» консулами П. Сервилия Исаврийского и Аппия Клавдия Пульхра (App. В. С, I, 103). кв. Лукреция Офеллу, претендовавшего на консулат в 81 г. против воли диктатора и вне установленного им порядка прохождения магистратур, он приказал убить (Liv. Per., 89; Plut. Sulla, 33; App. В. С, I, 101).

Косвенным подтверждением выходящих за рамки традиционной республиканской магистратуры полномочий Суллы можно считать его чрезвычайное влияние на политическое положение в Риме даже после сложения им диктатуры. Плутарх рассказывал, что за 10 дней до смерти, будучи частным человеком, он установил в Дикеархии мир и составил для ее жителей закон об управлении городом; а за день до кончины приказал казнить Грания, занимавшего одну из высших должностей и не желавшего возвращать в казну долг (Plut. Sulla, 37). Эти факты позволили А. Кивени утверждать, что отказ Суллы от власти не являлся «уходом в полном смысле слова»: #с_385.

Наконец, третье обстоятельство состоит в том, что власть Суллы получила совершенно особое символическое оформление: его постоянно сопровождали 24 ликтора. Т. Моммзен считал, что это отличало диктатуру Суллы от раннереспубликанской по форме, поскольку раннереспубликанские диктаторы имели в городе 12 ликторов и лишь за городом – 24.: #с_386 Это суждение можно принять, т. к. оно имеет подтверждение в традиции: Ливии подчеркивал, что так «никто никогда не делал – *neto unquam fecerat*» (Liv. Per., 89); Аппиан обращал внимание на то, что это ставило Суллу в один ряд с прежними царями (App. В. С, I, 100).

Приведенные аргументы и, кроме того, свидетельства античной традиции о самовластии Суллы (App. В. С, I, 101) позволяют сделать вывод о том, что его компетенция значительно превосходила компетенцию раннереспубликанских диктаторов и в этом плане «выводила» диктатуру Суллы за границы правового поля Республики. Специфика *lex Valeria* состояла в том, что в правовом плане этот закон позволил Сулле сконцентрировать законодательные, исполнительные и юридические полномочия, а в практическом плане – закрепить его личную власть в Риме.

Важной составляющей проблемы правовой сущности диктатуры Суллы является вопрос об отношении диктатора с республиканскими органами власти: сенатом, народным собранием и магистратурой. Диктаторские полномочия Суллы давали ему право созывать и распускать сенат, инициировать в сенате любые вопросы (ср.: Liv., VIII, 30, 11). Однако если раннереспубликанские диктаторы

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org взаимодействовали с сенатом, то отношения Суллы с сенатом нельзя определить как взаимодействие: с момента провозглашения сулланской диктатуры и до самой смерти диктатора это был диктат. Сулла и его воля стояли выше *auctoritas* сената. *Lex Valeria* не только предоставил Сулле полную личную правовую инициативу, но и освободил от какого-либо контроля (App. В. С, I, 97; 99). Это позволило ему свободно, без оглядки на сенат, решать финансовые, военные и административные вопросы. Но отношения Суллы с сенатом определялись не столько правовым статусом диктатора, сколько его реальным влиянием. В сенате еще до начала гражданской войны и введения диктатуры были сторонники Суллы – знатные нобили: #с_387. Именно они проявили наибольшую заинтересованность в том, чтобы войну с Митридатом вел Сулла: #с_388. Позднее, во время марианского террора 87–86 гг., они бежали в его лагерь (Liv. Per., 85; Plut. Rompr., 6; Vell., II, 23, 3; App. В. С, I, 77), действовали вместе с ним против марианцев (App. В. С, I, 81; ср.: Plut. Rompr., 5) и не скрывали своих политических симпатий после победы. По словам Плутарха, они, «самые знатные и могущественные из граждан», составили украшение триумфа Суллы (Plut. Sulla, 34). Плутарх подчеркивал даже, что вокруг него собралось «подобие сената» (Plut. Sulla, 22, 1, 5). Еще в ходе гражданской войны и позднее, во время сулланской диктатуры, они составили «личную партию» диктатора, гетерогенную, но сплоченную вокруг своего лидера: #с_389. В нее вошли представители влиятельнейших аристократических фамилий (до 50 семей). Например, Цецилий Метелл Пий – сын оптимата Метелла Нумидийского, военачальник Суллы, активный участник гражданской войны, позднее триумфатор и великий понтифик; М. Лициний Лукулл – активный сторонник партии оптиматов в сенате, позднее консул, триумфатор, понтифик. Активно поддерживал Суллу Гн. Корнелий Долабелла. Он был консулом в 81 г., затем проконсулом в Македонии в 80–78 гг.; позднее был обвинен Цезарем в вымогательстве, но благодаря защите Гортензия и Котты оправдан. Это дает основание думать, что Долабелла был связан с оптиматами и имел в сенате определенное влияние. Сторонниками Суллы являлись П. Сервилий Исаврийский и Клавдий Пульхр – представители слоя самой высокой старой аристократии; Кв. Лутаций Катул – один из вождей аристократической группировки в сенате: #с_390. На сторону Суллы еще в ходе гражданской войны перешли Г. Корнелий Цетег (App. В. С, I, 80), Г. Валерий Флакк, сторонник оптиматов Л. Марций Филипп (Plut. Rompr., 17) и др. Видимо, сторонники Суллы составляли в сенате значительную группировку, поскольку когда встал вопрос о почестях, необходимых при погребении Суллы, победу одержал Катул и сулланцы (App. В. С, I, 105). Марк Эмилий Лепид, выступая в народном собрании, назвал их сообщниками – *satellites* – Суллы (Sail. Hist. fr. ampl., Lep., 10–11).

Кроме того, была группа сенаторов, занимавшая нейтральные политические позиции. Видимо, именно они настаивали на переговорах с Суллой в 84 – начале 83 г. (Liv. Per., 83; App. В. С, I, 77; 79). Судя по тому, что Марий Младший приказал убить Л. Домиция Агенобарба, Кв. Муция Сцевола, Г. Карбона и П. Антистия, они могли составлять в сенате «партию центра», которая была готова частично принять политические условия Суллы (Vell., II, 26, 2).

Наиболее влиятельные противники Суллы в сенате были физически уничтожены или изгнаны из сената в результате проскрипций (по сведениям Аппиана, до 90 человек – App. В. С, I, 103).

Сулла опирался в сенате и на свою креатуру (до 300 человек). Это могли быть представители старой сенатской знати, но большую часть составляли «новые люди», в том числе и представители всаднического сословия. Известно, что в 70 г. цензоры исключили из числа сената 64 человека, объясняя такое решение дурной репутацией и низким происхождением сенаторов (Liv. Per., 98). Следует думать, что все они были сулланскими креатурами.

Хотя диктатура Суллы получила легальное правовое оформление и частичную поддержку в сенате, власть его опиралась главным образом на реальную силу – армию. Гражданская война и проскрипции буквально парализовали сенат. Античная традиция недвусмысленно подчеркивала этот факт. Плутарх говорил, что Сулла заставил смотреть на него со страхом и трепетом (Plut. Compar. Sulla, 2). Веллей Патеркул, комментируя введение диктатуры, подчеркивал, что главным фактором при этом был страх: «римский народ не столько страшился обращения к диктатуре, сколько он боялся его силы – *populum Romanum usum dictatoris haut metu desiderasse alio quo timuisset potestatem*» (Vell., II, 28, 2, 6–7). Аппиан, рассказывая о сулланских проскрипциях, отмечал, что страх был так велик, что никто из свидетелей этого ужаса не смел подать голоса, ...все безмолвствовали (App. В. С, I,

Такую же позицию силы Сулла занимал и по отношению к комициям. Традиционно раннереспубликанские диктаторы признавали приоритетную роль комиций: именно голосование в комициях означало окончательное решение вопросов. Диктаторы иногда в добровольном порядке отчитывались перед комициями (Dionys., VII, 81). Изначально на действия диктатора распространялось, по-видимому, и право апелляции к народному собранию. Большинство исследователей признает его, по крайней мере для второй половины IV–III в.: #с_391 Это имеет подтверждение в источниках. У Ливия, например, есть свидетельство, что в конце IV в. даже в военной сфере можно было прибегать к провокации в отношении диктатора, и, хотя диктатор 325 г. Луций Папирий не признал обращение народного собрания и сената к нему законным, апелляция Марка Фабия была удовлетворена (Liv., VIII, 33–35). Сулла как носитель высшей исполнительной власти был организатором работы народного собрания. Это давало ему возможность инициировать в комициях любой вопрос. Раннереспубликанские диктаторы делали это с оглядкой на сенат (Liv., VI, 42, 9–11; VII, 41, 3). Сулла, имея формальное право созывать и распускать сенат и фактически поставив сенат под тотальный контроль, получил возможность действовать в народном собрании независимо: #с_392. Желая продемонстрировать видимость законности своего положения, он обращался к народному собранию: решением комиций были проведены законы о проскрипциях (App. V. C, I, 95), о предоставлении ему диктатуры (App. V. C, I, 98) и др. (App. V. C, I, 101; 103). По сообщениям Плутарха и Аппиана, Сулла заявил даже о своей готовности дать отчет в комициях обо всем им свершенном (Plut. Sulla, 34; App. V. C, I, 104). И тем не менее отношения Суллы с комициями нельзя охарактеризовать как конструктивное взаимодействие, основанное на конституционной основе. Это было скорее силовое давление диктатора. Сулла опирался в народном собрании на 10 000 вольноотпущенников–корнелиев. Аппиан прямо говорил о том, что диктатор предоставил им права римских граждан лишь с той целью, чтобы иметь возможность пользоваться их голосами в народном собрании (App. V. C, I, 100; 104). Сулла мог рассчитывать также на поддержку своих ветеранов, которые, получив от его имени земельные наделы, оказались связаны с ним клиентскими отношениями и готовы были в любой момент поддержать своего патрона (App. V. C, I, 104): #с_393. Аппиан подчеркивал не только исключительную преданность ветеранов Суллы, но и их заинтересованность в утверждении и укреплении его распоряжений (App. V. C, I, 96). Х. Ласт, Э. Габба, А. Кивени считают, что военная клиентела Суллы начала оформляться еще в 88 г.: #с_394 В источниках сведения об этом крайне лаконичны (Liv. Per., 77). Тем не менее можно допустить, что среди рядового римского гражданства были сторонники Суллы, причем не только с 88 г., но даже со времени Югуртинской и Союзнической войн: #с_395.

Таким образом, имеющийся у нас материал позволяет говорить об особых отношениях Суллы с сенатом и народным собранием. В отличие от раннереспубликанских диктаторов, которые взаимодействовали с высшими республиканскими органами власти, Сулла стоял над ними, организовывал, направлял и контролировал их деятельность.

Введение раннереспубликанской диктатуры предполагало концентрацию исполнительной власти в руках диктатора и некоторую деформацию магистратур. Сулла как диктатор обладал высшим империем – *imperiū summū*, который предоставлял ему высшую гражданскую и военную власть. Более того, в соответствии с сулланской конституцией консульский империй оказался значительно урезанным: в пределах Рима консулы лишались военной империи. В соответствии с республиканской государственно-правовой традицией на время назначения диктатора он становился главой и организатором исполнительной власти: магистраты не отстранялись полностью от своих обязанностей, но подчинялись диктатору (см.: Liv., VIII, 32, 3): #с_396. По *lex Valeria* магистратские полномочия оказались под контролем Суллы. Аппиан не случайно подчеркивал, что Сулла стоял выше консулов (App. V. C, I, 100, 4–5). Однако полномочия Суллы были значительно расширены, во-первых, тем, что он получил возможность назначать на консульскую должность. С 81 по 79 г. консулат был исключительно в руках сулланцев (App. V. C, I, 100; 103). Во-вторых, оставаясь диктатором, Сулла сам был избран на 80 г. консулом, что усилило его контроль над консулатом. Наконец, по закону о диктатуре Сулла получил право собственной инициативы и ратификации любых законодательных актов без оглядки на сенат, комиции и тем более на магистратуру (Plut. Sulla, 33, 2; ср.: App. V. C, I, 99 – τηςπολιτείας... έπίθέσεινόμων). Стоит еще

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org раз обратить внимание и на то, что законодательство Суллы в сфере урегулирования государственно-правовой системы Республики было направлено на ослабление исполнительной власти.

Можно предположить, что другие магистраты с более узкой компетенцией, чем консулы, также оказались под контролем диктатора. Диктаторские полномочия позволяли Сулле вмешиваться в деятельность преторов и через комиции отменять любое преторское решение. По закону о диктатуре Сулла сам получил в отношении римских граждан право жизни и смерти – *ius vitae necisque* (Plut. Sulla, 33, 2; ср.: Plut. Fab., 9) и активно использовал его. Показательна в этом отношении история с Лукрецием Офеллой, которого Сулла приказал убить. Античная традиция, думается, не случайно обращает внимание на то, что на возмущение народного собрания по поводу этого факта Сулла ответил заявлением о полной законности его действий (Liv. Per., 89; Plut. Sulla, 33; App. V. C, 1,101).

По закону о диктатуре *ius vitae necisque* касалось всего римского гражданства и имело действие и в пределах померия, и за его границами. Сулла расширил сферу действия этого права и в равной степени употреблял его и в отношении римского гражданства, и италийского населения, и провинциалов. Разумеется, преторы продолжали выполнять свои функции. Известно, например, что в 80 г. в суде над Секстом Росцием председательствовал претор Марк Фанний. Вместе с тем неоднократно «реверансы» в адрес диктатора со стороны Цицерона (см.: Cic. Pro Rose), защищавшего Росция, являются косвенным свидетельством строгого контроля, который осуществлял Сулла в отношении претуры.

Безусловно, под контролем Суллы продолжали выполнять свои обязанности квесторы и эдилы. Сведения источников по этому вопросу крайне скудны и имеют по большей части косвенный характер. Известно, что после провозглашения его диктатором Сулла отпраздновал триумф (Plut. Sulla, 34; App. V. C, I, 99), проводил в Риме массовые атлетические зрелища, общественные пиры и пр. Более чем вероятно, что при организации этих мероприятий он опирался на квесторов и эдилов.

Раннереспубликанским диктаторам могли вручаться и цензорские полномочия (Liv., XXIII, 22,10–11). Мы не согласны с встречающимся в исследовательской литературе суждением о том, что цензорские полномочия могли «перекрываться» диктаторскими: #с_397. В данном случае, на наш взгляд, возможны по крайней мере два контраргумента. Во-первых, данные, приведенные Ливием по поводу ограничения диктатором Мамерком Эмилием продолжительности цензорских полномочий полутора годами (Liv., IV, 24, 5), говорят не столько о нововведении диктатора, сколько о закреплении сложившейся практики; более того пятилетний срок цензуры сохранился. Сообщение Ливия о назначении в 216 г. диктатора для составления списка сената указывает не на взаимоотношения диктатора и цензоров, а на возможность введения диктатуры со специальными, цензорскими по существу полномочиями (Liv., XXIII, 22,10–11). Во-вторых, полномочия раннереспубликанского диктатора продолжались 6 месяцев, полномочия цензоров – полтора года. В силу этого цензоры имели возможность приостановить или вовсе изменить распоряжение диктатора. Lex Valeria предоставил Сулле широчайшие полномочия по восстановлению порядка в государстве. При этом диктатор сам определял, какие действия необходимы в сфере государственного управления, общественных отношений и даже морально-этической и религиозно-этической сферах. По существу Сулле были полностью переданы цензорские полномочия. Это положение закрепило Lex Cornelia de potestate censoria, рассмотренный нами в гл. 2.1. Важнейшее значение имеет и тот факт, что при Сулле не были произведены выборы цензоров. Таким образом, не ликвидируя цензуру формально-юридически, он упразднил ее практически.

Важнейшей составляющей республиканской системы управления являлась власть народных трибунов. Поэтому при рассмотрении вопроса о правовой сущности сулланской диктатуры и полноте компетенции диктатора необходимо выяснить, как соотносились диктаторские полномочия и полномочия трибуната. По римской республиканской конституции на время назначения диктатора за народными трибунами сохранялись права неприкосновенности, законодательной инициативы, со второй половины IV в., возможно, и трибунской интерцессии: #с_398. По крайней мере, источники дают нам основание говорить об этом (Liv., VII, 3, 9; 21, 2; 22, 1). Причем интерцессия народных трибунов имела реальные юридические последствия – отказ диктаторов от должности, а не только моральные, как считают некоторые исследователи: #с_399. Сулла преодолел

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org право трибунской интерцессии, во-первых, поставив решения трибунов под контроль сената; во-вторых, собственным правом окончательной ратификации решений народного собрания; в-третьих, наличием в комициях большого количества просуллански настроенных римских граждан, связанных с диктатором отношениями клиентелы, дружбы и т. п. Преодоление права провокации народных трибунов уничтожило для Суллы последние барьеры в осуществлении его собственной политики.

Таким образом, имеющиеся у нас данные позволяют говорить о типологическом отличии диктатуры Суллы от раннереспубликанской. Хотя Сулла формально и опирался на республиканскую традицию, позволявшую концентрировать власть в виде экстраординарной магистратуры диктатора, по существу он максимально ку-мулировал прерогативы римских магистратур и абсолютно контролировал сенат и народное собрание: #с_400. Сулланская диктатура имела лишь внешнее (и весьма отдаленное) сходство с раннереспубликанской. Ее сущность и конституционное положение диктатора были совершенно иными. Ослабив правовые механизмы действия республиканских органов власти, Сулла подчинил единой собственной воле и сенат, и народное собрание, и магистратуру. Опорой и гарантией его положения и, как мы показали в гл. 2.1, законодательства была не политическая традиция Римской республики, а чрезвычайная власть, выходящая за рамки республиканской конституции и опиравшаяся на реальную силу.

В современной исследовательской литературе проблема правовой сущности сулланской диктатуры решается весьма неоднозначно. Еще с XIX в. на основании характеристик Т. Моммзена: #с_401 выработалось устойчивое представление о том, что диктатура Суллы была вполне легитимной и опиралась на республиканскую традицию концентрации власти в форме раннереспубликанской диктатуры, которую, однако, Сулла значительно деформировал и придал ей новый характер: #с_402. В рамках этой единой парадигмы в зависимости от того, как исследователи оценивали социальную направленность сулланской диктатуры, оформилось несколько теорий. Исследователи, которые вслед за Т. Моммзеном видели в Сулле сторонника и последовательного защитника сенатской Республики, рассматривали сулланский режим как консервативно-реставрационный, а в организационно-правовом аспекте – повторявший либо архаичную царскую власть: #с_403, либо децемвират 451–450 гг.: #с_404. Свообразным развитием парадигмы Т. Моммзена стала концепция У. Вилькена о постепенной эволюции раннереспубликанской диктатуры, в свете которой диктатура Суллы представлялась автору как новый элемент римской политической жизни, но при максимальном сохранении черт старой раннереспубликанской диктатуры: #с_405. Крайним выражением этой точки зрения можно считать теорию А. Кивени, который рассматривает диктаторские полномочия Суллы как специфическую форму раннереспубликанской диктатуры, а самого Суллу как последнего республиканца: #с_406.

Не отрицая формальной легитимности диктатуры Суллы, Ж. Каркопино рассматривал ее как полностью суверенный и всевластный режим, что по существу сближало ее с режимом абсолютной монархии: #с_407. О монархическом положении Суллы говорили Н. А. Машкин и С. Л. Утченко: #с_408. Крайним выражением этой концепции можно считать суждения о том, что диктатура Суллы была «легальной тиранией»: #с_409 или что она не имела опоры в традиции и заложила основы монархии.: #с_410

С.И. Ковалев при оценке диктатуры Суллы главное внимание сконцентрировал на реальных основах его власти и пришел к выводу, что, хотя юридически сулланская диктатура и соответствовала римской конституции, она и по форме, и по существу отличалась от раннереспубликанской диктатуры и представляла режим военной диктатуры, а сам Сулла стал «первым императором в новом, а не в республиканском значении этого слова»: #с_411. Позднее созвучные идеи были высказаны как в отечественной, так и в западноевропейской историографии: #с_412. [41 – Г. Шнайдер и Г. Дитер, оценивая в общем сулланскую диктатуру как «военную», поразному определяли ее социальные задачи: Г. Шнайдер полагал, что она осуществлялась Суллой в интересах крупных землевладельцев; Г. Дитер принципиально отвергал эту идею и доказывал, что диктатура Суллы осуществлялась в интересах всадничества.]

А. В. Еремин, исходя из крайней противоречивости сулланского режима, предложил «синтетическую» теорию, в соответствии с которой диктатура Суллы была легитимной, не выходила за рамки республиканской конституции, не являлась ни монархией, ни военной диктатурой, а представляла собой чрезвычайный «конституционный» институт, объединивший черты старых

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
экстраординарных магистратур – диктатуры и коллегии децемвиров, т. е. была
«новым сочетанием старого».: #с_413

Подобное расхождение оценок объясняется тем, что античная традиция не дает четкого определения государственно-правовой сущности сулланской диктатуры. Так, современник событий Саллюстий определял положение Суллы как единовластие – *dominatio* (Sall. Cat., 5; 6). Единственным непосредственным источником, на основании которого мы можем судить об отношении Цицерона к диктатуре Суллы, является речь «В защиту Росция из Америи», произнесенная в 80 г. В ней знаток и будущий теоретик римской государственно-правовой системы говорил, что, «пока было необходимо и сама ситуация вынуждала (к этому), один (Сулла. – Н. Ч.) пользовался властью – *dum necesse erat resque ipsa cogebat, unius omnia poterat*» (Cic. Pro Rose, 139,1–2). Вообще же Цицерон не только не выработал четкого типологического определения сулланской диктатуры, но даже не сформулировал отчетливо личного отношения к этому вопросу: до самых последних дней своей жизни он осуждал сулланские проскрипции, но уважительно отзывался о политике Суллы, направленной на реставрацию Республики (Cic. De domo sua, 30; ср.: *Omnia legum iniquissimam dissimillimamque legis esse arbitror eam quam L. Flaccus interrex de Sulla tulit, ut omnia quaecumque ille fecisset essent rata. Nam cum ceteris in civitatibus tyrannis institutis leges omnes extinguantur atque tollantur, hic rei publicae tyrannum lege constituit* – Cic. De leg. agr., III, 5).

В поздней античной историографии получило распространение и было закреплено (главным образом в грекоязычной литературе) представление о тираническом характере правления Суллы. Плутарх охарактеризовал его приход к власти как смену тиранов, а не падение тирании марианцев (Plut. Sulla, 30; ср.: Plut. Сотр. Sulla, I, 4, 6). Аппиан не проводил типологической разницы между царской властью и властью тиранической, сравнивал диктатуру Суллы с той и другой, употребляя при этом различные термины: монархия (App. В. С, I, 3, 4; II, 1), тирания (App. В. С, I, 99, 78; 104, 22–24) и даже специфически греческий термин, обозначавший архаическую царскую власть басилеев (App. В. С, I, 100, 4). В одном и том же пассаже (App. В. С, I, 98, 1) в отношении Суллы Аппиан одновременно употребил термины «царь», «басилей» и «тиран», поставив по существу знак равенства между ними. При этом античный историк ссылаясь на мнение современников, одни из которых считали власть Суллы царской, другие – общепризнанной тиранией (App. В. С, I, 101). Наиболее терминологически выдержанной, на наш взгляд, является ретроспективная оценка диктатуры Суллы, данная Корнелием Тацитом, который вслед за Саллюстием определял положение Суллы как единовластие – *dominatio* (Tac. Ann., I, 1, 5; Hist., II, 38, 9).

Таким образом, имеющийся в античной историографии материал не содержит четких типологических характеристик диктатуры Суллы. Однако мы не можем согласиться с встречающимся в новейшей исторической литературе тезисом о том, что оценка античными историками сулланского режима как царской власти или тирании – это всего лишь литературный штамп: #с_414. Ко времени диктатуры Суллы античная традиция, особенно греческая философия, выработала довольно четкие и дифференцированные понятия о тирании как жестком произволе и деспотизме, о ее основных признаках, состоявших в узурпации власти, силовом давлении и абсолютном характере правления. Это обнаруживается отчасти в оценках сулланской диктатуры, данных Плутархом и Аппианом. Однако особенность античного государственно-правового мышления состояла в том, что характеристику конкретных политических коллизий и современники, и античные теоретики переносили из институциональной области в область морали и этики. Принципиальным для общественно-политического сознания тезисом выступало радикальное противопоставление единоличной власти и Республики. В этом контексте единоличная власть приобретала негативные характеристики. Любое отступление от республиканской нормы считалось покушением на само государство. В этом античном контексте понимания власти основным критерием ее оценки становился не столько объем, сколько характер использования властных полномочий. В условиях кризиса римской *civitas* и практики гражданских войн концентрация власти в руках одного человека уже не казалась предосудительной и воспринималась позднереспубликанской диктатурой скорее эмоциональный, морально-этический характер. В результате понятия «тиран» – «царь» – «диктатор» часто становились синонимичными (см.: Plut. Сотр. Sulla, I). Даже для Цицерона не существовало альтернативы между различными государственными формами: могли быть либо «республика», либо «нереспублика». Он говорил о болезни, кризисе республиканских норм и

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org традиций, об ослаблении государственных функций полностью или частично, но падения республики не допускал (см.: Cic. Ad Att., I, 18, 2; In Vergr., II, 1, 20; Ad Fam., I, 18, 1): #с_415. При этом институциональные характеристики не имели для него определяющего значения. В трактате «О государстве» Цицерон рассматривал понятия «царь» и «тиран» как типологически сходные, как две формы одного состояния, различающиеся лишь характером использования власти и степенью подавления свободы (Cic. De rep., I, 50, 65; II, 4749; III, 47; ср.: Cic. De off., III, 19, 32, 62; Ad Att., XIV, 4; Ad Fam., XII, I, 2). Реальную полноту власти Суллы римляне могли оценивать вполне адекватно: они видели, что «законы, суды, эрарий, провинции, цари – наконец, право жизни и смерти над гражданами в руках одного человека – *leges iudicia aerarium provinciae reges penes unum, denique necis civium et vitae licentia*» (Sail. hist. frg. ampl., Lep., 46–48; ср.: Lep., 96–97), но общую характеристику сулланской диктатуры давали на уровне более этических, чем политических суждений и определяли ее как тиранию – несомненное зло (Sail. hist. frg. ampl., Lep., 3, 32, 85). Аппиан, например, говорил, что Сулла «желал врачевать одно зло другим» (App. V. C., I, 3).

Нам представляется, что Сулла стремился создать лишь видимость опоры на республиканскую традицию. Его диктатура и по форме, и по существу превосходила раннереспубликанскую. Обращение к республиканским нормам позволяло Сулле затушевывать истинный характер власти: по существу, он сконцентрировал в своих руках полномочия магистратуры, народного собрания и сената.

Уже высказанные суждения об особом положении Суллы справедливы и в том отношении, что он опирался не только на правовые основы власти, но и на весь арсенал средств политической борьбы. Среди них немаловажная роль отводилась традиционным представлениям римлян о власти. В соответствии с римской республиканской традицией в полномочия магистрата, наделенного империем (тем более диктатора), включались сакральные функции. У Ливия есть ссылка на то, что для римлян «распоряжение диктатора всегда (являлось – Н. Ч.) смыкавшим уста, как воля божества – *dictatoris edictum pro numine semper observatum*» (Liv., VIII, 34, 2, 3). Это было проявлением традиционной республиканской идеологии, в основе которой лежали сакрализованные понятия *auctoritas*, *virtus*, *pietas*. Сулла не просто использовал религиозную ауру, окружавшую персону диктатора, но придал этому фактору власти особое значение. Он носил несколько почетных прозвищ, которые, судя по сообщению Плутарха, были закреплены за ним законодательно в народном собрании (Plut. Sulla, 34). Его называли счастливым (*Felix*), в греческих областях – тождественно любимцем Афродиты (Эпафродит). Более того, это прозвище Сулла распространил даже на своих детей, назвав их Фавстом и Фавстой (Plut. Sulla, 34; Vell., II, 27, 4; App. V. C., I, 97). Он акцентировал сознание римлян на особых отношениях с миром богов: после победы над консульской армией Г. Норбана в 88 г. воздал благодарность богине Диане и посвятил ей источники близ Капуи (Vell., II, 25, 4); благодарность за свои победы в войне с Митридатом он возносил богам Аресу (Марсу), Нике (Победе) и Афродите (Венере) (Plut. Sulla, 19); пытался, видимо, провести параллели между собою и Ромулом – легендарным основателем Рима, что было не без сарказма воспринято его политическими противниками (Sail. hist. frg. amplior., Lep., 19; ср.: Lep., 77).

Следует думать, что пропаганда особого отношения с богами должна была нести важную идеологическую нагрузку: #с_416. Мы согласны с мнением С. Л. Утченко о том, что Сулла разработал специфическую концепцию счастья, направленную на закрепление в сознании римлян идеи его личного превосходства. Это была действительно целая концепция, которая, по словам Плутарха, позволила Сулле все свои успехи приписать богам, объяснить их своим счастьем и даже добровольно отказаться от власти: его вера в особую связь с миром богов превосходила даже веру в его дело (Plut. Sulla, 6; 34; ср.: App. V. C., I, 104). Однако мы не можем принять тезис С. Л. Утченко о том, что Сулла таким образом демонстрировал презрение к системе традиционных римских добродетелей: #с_417. Решая грандиозные задачи реставрации республики и восстановления авторитета сената, Сулла неизбежно должен был обращаться к традиционным религиозно-этическим и сакрально-правовым нормам. Мы уже говорили в гл. 2.1 о том, что он провел серию законов, направленных на укрепление религиозно-нравственных основ и общественного порядка. Он вел храмовое строительство, например, обязался восстановить Капитолийский храм, сгоревший в 83 г. во время его второго похода на Рим (Tac. Hist., III, 72; ср.: App. V. C., I, 86)[42 – У Аппиана есть предположение, что Сулла сам

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org поджег Капитолийский храм (В. С., I, 86). Сулла верил в предсказания и пророчества, в оракулы и талисманы (Plut. Sulla, 6; 9; 27; 37; Vell., II, 24, 3). Более того он, возможно, был посвящен в Элевсинские таинства (Plut. Sulla, 26; ср.: App. В. С., I, 83; 105).

Нам представляется, что отношение Суллы к сакральной традиции во многом носило демонстративный и пропагандистский характер. В его реальной практике прослеживается значительная доля скепсиса. Он, разумеется, не был «религиозным фанатиком». Некоторые его действия можно даже охарактеризовать как преступные по отношению к сакральному праву. Им была нарушена священная линия померия и дважды введена армия в Рим. В ходе войны с Митридатом он опустошил священные рощи близ Афин и греческие храмы Зевса в Олимпии и Асклепия в Эпидавре, реквизировал сокровища дельфийского святилища Аполлона (Diod., xxxviii, 7; Plut. Sulla, 12, 58; Paus., IX, 7, 4): #c_418. Некоторые авторы не считают возможным говорить о принудительных реквизициях Суллой средств греческих храмов: #c_419. У нас нет оснований не доверять традиции, т. к. она устойчиво отражает сложившуюся при Сулле систему его отношений с подвластными территориями.

Несовместимыми с сакральными республиканскими нормами античные авторы представляли пренебрежение Суллой институтом брака и постоянную моральную развязность (Plut. Sulla, 2; 35; 36), манипулирование ради династических интересов основами брачных отношений (Plut. Sulla, 33, 1–6; Romp., 9). Необоснованная жестокость (Plut. Sulla, 14, 5) и нарушение обязательственных норм (Plut. Sulla, 30, 3–5) также расценивались древними как отступление от традиционных отношений *fides* и *pietas*: #c_420. Тем не менее все эти примеры не могут, на наш взгляд, считаться доказательством сознательного противопоставления Суллой своей личности и своего поведения религиозно-этическим нормам. Как мы показали в гл. 1.2, в условиях кризиса римской *civitas* и гражданских войн такое поведение не являлось исключительным: #c_421.

Нам представляется, что отношение Суллы к сакральной сфере в целом вполне соответствовало сложившейся практике и апеллировало к чувству долга со стороны рядового римского гражданства по отношению к победоносному полководцу, со стороны сулланских ветеранов и корнелиев – по отношению к патрону, со стороны официальной власти – к носителю высшего империя.

Такой же смысл придавался, по-видимому, и политике организации общественных мероприятий. Сулла организовывал массовые раздачи продовольствия, общественные пиры (Plut. Sulla, 35) и зрелища. В честь победы над самнитами и Телезином им были учреждены цирковые игры под названием «Сулланские победы – *sub eius nomine Sullanarum Victoriae*» (Vell., II, 27, 6, 6–7; ср.: App. В. С., I, 99). За время сулланской диктатуры было проведено несколько триумфальных действий, связанных не только с победами самого Суллы (App. В. С., I, 101), но и его соратников, например Гнея Помпея (Liv. Per., 89; App. В. С., I, 80). О пропагандистском характере этих триумфов недвусмысленно говорил Плутарх. Рассказывая о триумфе Суллы, он подчеркивал, что участники торжественного шествия провозглашали его «спасителем и отцом – σωτήρ καίπατήρς (Plut. Sulla, 34, 1, 6). Показательна история, рассказанная Плутархом, о предоставлении триумфа Помпею: ссылаясь на противозаконность подобной акции, Сулла выступал против, но, поняв, что римляне ожидают этого триумфа, в конце концов согласился. Данный пассаж содержит, на наш взгляд, еще один нюанс. Возможно, диктатор узнал о возникшем среди воинов Помпея недовольстве своим полководцем и даже о их намерении расстроить триумфальное шествие. Таким образом, триумф Помпея несколько не затмевал славы самого Суллы, напротив, мог создать вокруг Помпея скандальную ситуацию (Plut. Romp., 14).

Традиционная практика устройства массовых зрелищ была дополнена установкой памятников в честь военных побед Суллы (App. В. С., I, 97; ср.: Plut. Sulla, 2; 6)[43 – первый памятник в честь военных побед Суллы был установлен в Риме еще во время Югуртинской войны, см.: Plut. Sulla, 6.]. В исследовательской литературе справедливо подчеркивалось, что подобные акции являлись составной частью программы, направленной на реставрацию республики. Если же иметь в виду, что трофеи устанавливались и в провинции (Plut. Sulla, 19): #c_422, можно представить, какой размах приобрела пропагандистская кампания. Она должна была, по нашему мнению, не только символизировать основательность и стабильность восстановленного Суллой порядка в Риме, но и утвердить еще одну важную идею: территории провинций

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org должны рассматриваться (по крайней мере рассматривались самим Суллой) как составные части единого римского государства.

Таким образом, пытаясь реставрировать республику и восстановить идею сильной государственной власти, Сулла опирался на практику гражданского образа правления и на традиционные идеологические нормы, разделяемые большей частью римского гражданства. Вместе с тем его диктатура несла совершенно новый идеал сильного государства и государственной власти, в котором слились республиканская и монархическая практика, полисная и имперская идеология.

С наибольшей очевидностью это проявилось в том, что определяющим фактором сулланской диктатуры выступал не ее правовой статус, а реальная сила – легионы, армия ветеранов, клиенты-корнелии, личный вооруженный отряд охраны, явившийся прообразом преторианской гвардии (App. В. С., I, 100, 9; 104, 5; ср.: *Sail. Hist. frr. ampl.*, *Lep.*, 77). Именно эта сила позволила Сулле смотреть на Рим, Италию и провинции как на военную добычу и распространить отношения командны – подчинения из военной сферы в гражданскую. Современники неизменно подчеркивали, что сила оружия – *armis* стала основой его единовластия – *do-minatio* (*Sail. Cat.*, II, 4, 1; *Hist. frr. ampl.*, *Lep.*, 69–70; 83–85). Поздняя античная традиция закрепила эту мысль (*Liv. Per.*, 85–88; *Plut. Compar. Sulla*, 1; *Vell.*, II, 19, 1; *Tac. Hist.*, II, 38; III, 83; App. В. С., I, 79, 81, 82, 88, 101).

Особую роль в политической практике Суллы играла армия, сначала действующая, а затем армия военной клиентелы, расселенная по всей Италии. По подсчетам современных историков, например П. Бранта и А. Б. Егорова, в начале 83 г. под его личной командой стояли 30–40 тысяч человек. Вместе с армиями Гортензия, Флавия Фимбрии, Луция Сципиона, перешедшими под командование Суллы еще во время пребывания последнего в Азии и сразу по его возвращении в Италию, а также вместе с легионами своих сторонников и легатов он мог выставить против политических противников примерно 100 тысяч солдат (*Plut. Sulla*, 14): #с_423. Нам представляется, что эта цифра была несколько больше. Еще в 88 г. перед началом войны с Митридатом, по сведениям Плутарха, Сулле было поручено командование 6 полными легионами (*Plut. Sulla*, 9). Аппиан определял численность сулланской армии в это время иначе. Он писал, что под командой Суллы было 5 легионов и 6000 конницы (App. В. С., I, 79). В целом же и тот и другой источник определяют общую численность сулланского военного контингента в 36 тыс. человек. Приблизительно эта же цифра названа и в «Римской истории» Веллея Патеркула (*Vell.*, II, 24, 3). С учетом численного пополнения и военных потерь в ходе войны с Митридатом армия Суллы, по сведениям Аппиана, состояла из 40 тыс. человек (App. В. С., I, 79; ср.: *Vell.*, II, 25, 2).

В 83 г. после возвращения в Италию контингент сулланской армии стремительно пополнялся: на сторону Суллы перешли армии консула 83 г. Л. Корнелия Сципиона (40 когорт, т. е. 24 тыс. человек – *Plut. Sulla*, 28), добровольцы Гнея Помпея (3 легиона, т. е. 18 тыс. человек – *Plut. Rom.*, 6; App. В. С., I, 80), легионы проконсула Цецилия Метелла Пия (как минимум, 2 легиона, т. е. 12 тыс. человек). Таким образом, под командой Суллы собралось около 100 тыс. человек. Аппиан подчеркивал, что в конце 83 г. Сулла рассылал по Италии своих сторонников для дополнительного набора (App. В. С., II, 86; ср.: *Vell.*, II, 25, 2). Например, Марк Лициний Крассе был направлен в область марсов, где собрал значительные силы (*Plut. Crass.*, 6). В результате численность армии Суллы возросла. Имеет смысл соотнести приведенные нами цифры с количеством выведенных в колонии сулланских ветеранов. Ливии сообщал, что Сулла расселил в Италии 27 легионов, что могло составлять 160 тыс. человек (*Liv. Per.*, 89). По данным Аппиана, Сулла наделил землей в Италии солдат 23 легионов (App. В. С., I, 96; 100), т. е. более 130 тыс. человек. Можно предположить, что данные Ливия включают и тех, кто перешел на сторону Суллы в ходе гражданской войны. Нам представляется, что данные Аппиана более показательны, т. к. он подчеркивал, что землей были наделены «служившие под командой Суллы солдаты». Их число составляло 120 тыс. человек (App. В. С., I, 104). Тезис о том, что главной опорой Суллы была армия, является по существу общим местом в новой и новейшей исследовательской литературе: #с_424. На этом основании ряд авторов считает даже возможным рассматривать характер власти Суллы как военную диктатуру, о чем мы чуть раньше писали. При таком подходе к проблеме главным аргументом является тот факт, что на пути к власти Сулла использовал профессиональную армию, открыто играя на профессионально-корпоративных интересах солдат: #с_425.

Подобная аргументация представляется недостаточно убедительной. Действительно, после военной реформы Мария римская армия приобрела новый характер. Она стала пополняться за счет люмпенизированной массы римского гражданства. Союзническая война и распространение гражданских прав на италийское население способствовали еще большей люмпенизации армии. Все это, безусловно, определяло совершенно новое отношение легионеров и к римским общественно-политическим традициям, и к системе римских моральных ценностей, и в конечном итоге к положению Римской республики. Солдатскую массу в большинстве своем составляли люди, понимавшие принципы римского республиканизма и демократизма очень ограниченно. Для них главным было то, что служба в армии открывала возможность относительно обеспеченной жизни в будущем. Кроме того, в I в. войны имели затяжной характер и велись вдали от родных пенатов и могил предков. Вполне естественно, что в подобных условиях победы интересовали солдатскую массу лишь в той мере, в какой сулили размер военной добычи. При подобных обстоятельствах определяющим фактором существования римской армии становились отношения легионеров с командующим. От удачи и славы последнего зависело их положение.

Это, впрочем, не дает оснований говорить о том, что реформа Мария была последним шагом на пути превращения милиционной римской армии в профессиональную: #с_426. Даже после реформы Мария армия оставалась мобилизационной. Корпоративные интересы легионеров, которые принципиально отделяли бы их от гражданского населения, не оформились: основными требованиями по-прежнему оставались денежное обеспечение и наделение землей. По существу, армия не была противопоставлена гражданскому коллективу. Командный состав формировался на традиционной основе сословно-тимократического принципа, сохранялось чередование военных и гражданских должностей.

Разумеется, нельзя отрицать тот факт, что Сулла уже в 88 г. и позднее стремился реализовать принципы военной реформы Мария и использовать армию в своих интересах: #с_427. Античная традиция сохранила немало сведений об этом (Sail. Cat., 11,5–6; Plut. Sulla, 12; 14; 28; App. B. C., II, 86; Mithr., 32; 38; 51; 55). Однако это вовсе не означает, что Сулла строил свои отношения с армией на профессиональной основе. Во-первых, следует иметь в виду, что большая часть свидетельств об особом характере отношений Суллы с его солдатами и особой роли армии в событиях 88–79 гг. исходит от позднейших авторов, склонных в духе своего времени преувеличивать роль победоносного императора и его армии. С такой тенденцией мы сталкиваемся уже у Саллюстия, для которого были характерны промонархические идеи (Sail. Ep., II). Эта тенденция была развита более поздними писателями: Плутархом, Аппианом, Тацитом. Несомненно, что в случае с Суллой начало подобным оценкам было положено еще его современниками, но не чем иным, как стихийно складывавшимися общественными настроениями.

Во-вторых, на наш взгляд, отношения Суллы с армией строились отнюдь не на профессиональной основе, а на сложившейся в римской Республике практике отношений в армейской среде между полководцем и легионерами, между полководцем победоносной армии и римским обществом и государством. Эта практика, по крайней мере, с середины III в. предполагала определенные способы увеличения воинских контингентов и усиления заинтересованности солдат в военной службе. Еще со времен Сципиона Африканского осуществлялся набор добровольцев. Кроме того, для более широкого привлечения римских граждан в армию со II в. правительство неоднократно прибегало к снижению минимального ценза (Polyb., XXXV, 4; App. Hisp., 46): #с_428, увеличению триумфальных раздач, выдаче удвоенного жалования (Liv., XXXVII, 59, 6; XXXIX, 5, 17; LXV, 34, 4–6), наделению ветеранов землей. Показательно, что Саллюстий обвинял Суллу в разращении армии «вопреки нравов предков роскошным и сверх вольным содержанием – *contra morem maiorum luxuriose nimisque liberaliter habuerat*», приобщением к восточно-эллинским нормам жизни и культуре (Sail. Cat., 11, 5–6). Хотя известно, что римляне впервые приобщились к этому еще во время завоевания великой Греции, особенно после захвата Сиракуз М. Марцеллом (ср.: Cic. In Verr., IV, 115123; Liv., XXV, 40, 13; Iuven. Sat., XI, 100).

В-третьих, следует учитывать, что на ведение войны с Митридатом Сулла получил весьма ограниченные средства (App. Mithr., 22) и в ходе войны не получал от сената материальной поддержки (App. Mithr., 54). В этой ситуации он вынужден был изыскивать собственные возможности содержать армию.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
В-четвертых, Сулле, как, впрочем, любому римскому аристократу, стремившемуся к активной политической деятельности, было хорошо известно еще с юных лет, что притязания на власть и место в элите могли получить законное право лишь на основе военных достижений и индивидуальной доблести (особенно это касалось тех, кто не имел достаточно знатного происхождения). На это были направлены усилия Суллы на первом этапе политической карьеры. Этими же соображениями отчасти было обусловлено его стремление укрепить свой авторитет в армейской среде.

В-пятых, опираясь на существовавшую практику, для достижения авторитета в армейской среде Сулла активно использовал устойчивые стереотипы сознания и общественного поведения, в основе которых лежало обобщающее понятие о римской доблести – *virtus*. Даже в условиях люмпенизации армии республиканские военно-героические нормы и военно-этические идеалы не теряли своей значимости, по-прежнему имели императивный характер, а отчасти приобретали большую актуальность: #с_429. Сулла опирался на такие компоненты понятия *virtus*, как достоинство – *dignitas* и благочестие – *pietas*, которые определяли систему взаимных моральных обязательств между ним и солдатами его армии. Не случайно тема поправанного достоинства римского магистрата звучала на солдатской сходке перед началом похода на Рим в 88 г. (App. В. С., I, 57). О необходимости восстановления личного достоинства, принципов благочестия в отношении близких, друзей, римских граждан, наконец, самой республики Сулла говорил перед началом второго похода на Рим в 84–83 гг. (App. В. С., I, 77; 79). На эти идеи он опирался и в отношениях со своими соратниками. Показательна история с Марком Крассом. Когда Сулла направил его для набора войск в Италии, Красс просил сопровождения, т. к. боялся неприятеля. Сулла ответил, что его провожатыми будут незаконно казненные отец, брат, друзья, родные (Plut. Crass., 6).

Необходимость соответствия нормам *virtus* определяла и действия полководца, и реакцию солдатской массы на эти действия. Сулла не просто выступал организатором военных кампаний, но был патроном для своих солдат: обеспечивал материальный достаток воинства, различными способами укреплял дисциплину и свой авторитет в армейской среде (личным примером, подарками, наградами, организацией военных поселений и денежных раздач и даже штрафами – App. В. С., I, 94; 96; 100; 104; Mithr., 32; 38; 51; 49; 55; ср.: App. В. С., I, 76). В свою очередь солдаты должны были поддерживать его как своего патрона и в сражениях, и в гражданской жизни: #с_430. Сулланские легионеры и в 88 г., и в 83 г. последовали за своим полководцем, стремясь отстоять его *dignitas* (Plut. Sulla, 9; 27). Более того, в 83 г. они по собственной инициативе поклялись не расходиться, не бесчинствовать на территории Италии и даже устроили сбор средств для организации военных действий (Plut. Sulla, 27). Совершенно очевидно, что армия Суллы, удаленная от республиканских органов власти и свободная от сенатского контроля, благодаря его военному авторитету, сочетанию строгости и поощрений, проявляла преданность и благодарность к полководцу.

И наконец, еще одно – отнюдь не последнее по значимости – обстоятельство, которое не могло не повлиять на развитие отношений между Суллой и его легионами. Это – конкретная историческая коллизия. Так, в 88 г. солдаты отозвались на призыв Суллы предпринять поход на Рим из тех соображений, что выгодная в материальном отношении война с Митридатом могла быть передана Марию. При этом показательно негативное отношение сулланских офицеров к планам Суллы (App. В. С., I, 57). В 83 г. определяющим фактором стало, на наш взгляд, следующее обстоятельство. Сулла осуществлял командование армией в течение 10 лет. В 88 г. он как действующий консул получил по жребию право ведения войны с Митридатом и командование 6 легионами (Plut. Sulla, 11; Vell., II, 18, 3; App. Mithr., 22; 30). В 87–82 гг. он действовал на основе проконсульского империя, а в 82–79 гг. как диктатор. Правда, командование армией в период его проконсульства представляется не вполне легитимным: #с_431. По римской конституции лица, избранные в проконсулы, сохраняли свои полномочия до возвращения в Рим (App. В. С., I, 80). Например, даже в 83 г. Цецилий Метелл Пий сохранял свои проконсульские полномочия и командование легионами, которые были предоставлены ему еще для ведения Союзнической войны. Что касается Суллы, то известно, что он в 87 г. был объявлен врагом отечества (App. В. С., I, 73; 77; Mithr., 51; ср.: Plut. Compar. Sulla, 5), следовательно, лишился проконсульского империя и должен был передать свои полномочия консулу 86 г. Л. Валерию Флакку (Liv. Per., 82; Plut. Sulla, 20; App. В. С., I, 75). Тезис восстановления своих гражданских прав и политического положения Сулла неоднократно выдвигал в качестве основного требования к сенату и основного лозунга политической борьбы перед

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
солдатской массой и римским гражданством.

Известно, что, несмотря на принятое сенатом постановление, Сулла не сложил полномочий и сохранил за собой командование армией (App. В. С., I, 81; Mithr., 60): #с_432. Видимо, это обстоятельство внушало ему опасение, что по возвращении его армии в Италию солдаты разойдутся по домам (Plut. Sulla, 27, 3). Можно предположить также, что именно факт незаконного командования заставлял Суллу всевозможными методами укреплять свой авторитет в армейской среде (Sail. Cat., 11, 5).

Все перечисленные обстоятельства дают основание говорить, что участие армии под командованием Суллы в событиях 88–82 гг. не являлось осознанным военным переворотом, хотя Сулла, безусловно, вел определенную политическую игру, и главным козырем в этой игре выступала армия. За всеми приведенными фактами, по нашему мнению, просматривается прочная связь, установившаяся между Суллой и его солдатами. Связь эта, на наш взгляд, была определена двумя в равной степени значимыми факторами: моральным, основанным на традиционных представлениях о системе общественных связей, и личностным, имевшим в основе стремление удовлетворить материальные и социально-политические интересы сторон.

Именно армия обеспечивала уверенность Суллы в победе накануне гражданской войны (Liv. Per., 86), позволила затем разбить марианцев и продиктовать римскому сенату и комициям свои условия. На нее он опирался при осуществлении проскрипций. Опора на армию определила методы и политическую практику Суллы. В условиях кризиса римской *civitas* в политической практике и общественном сознании оставались тем не менее действенными дискурсивные установки республиканского периода. Мы уже отмечали, что они определяли своеобразное восприятие современниками властных институтов, средств и форм обеспечения престижа власти. И для сулланцев, и для марианцев, и для тех, кто не был связан ни с одной из этих политических группировок, главной ценностью оставалась Республика: все они действовали в соответствии с инерцией республиканско-аристократической традиции, а лозунг «возвращенной свободы – *recipiunda libertas*» (Sail. Hist. fr. ampl., Lep., 108) стал для всех основным. В такой ситуации осуществить личную инициативу было возможно лишь с использованием силы. Со времени сулланской диктатуры фактор силового давления и устрашения стал главным в политической практике. Рим вступил в полосу террора и насилия.

При Сулле террор получил характер государственной политики в форме узаконенных проскрипций. Практика проскрипций была известна в Риме. Термин «проскрипция – *proscriptio*» означал опись имущества, объявление о продаже. В соответствии с римской правовой нормой проскрипции были направлены не против личности римского гражданина, а на ограничение его социально-политических возможностей. Римляне знали, что «священные законы запрещают, двенадцать таблиц запрещают, чтобы предлагались законы против частных лиц, ибо – это привилегия – *vetant leges sacratae, vetant xii tabulae leges privatis hominibus inrogari; id est enim privilegium*» (Cic. De domo sua, 43, 4–6). Цицерон подчеркивал, что «...не было ничего более жестокого, ничего более губительного, ничего более нестерпимого», чем сулланские проскрипции, «что могло бы испытать государство; злосчастнейшее значение проскрипций то, что... наказание римских граждан было назначено поименно и без суда – *...nihil est crudelius, nihil periculosius, nihil quod minus haec civitas ferre possit. Proscriptionis miserrimum nomen illud ... poenam in civis Romanos nominatim sine iudicio constitutam*» (Cic. De domo sua, 43, 6–10).

Проскрипционный эдикт Суллы предписывал конфискацию имущества как живых, так и погибших в боях против Суллы политических противников; предполагал награды за убийство проскрипта и тем, кто донесет на него, наказание за укрывательство приговоренных, запрещение сыновьям и внукам проскрибированных занимать магистратуры (Cic. Pro Rose, 126; Pro Cluent., 162; De leg. agr., 56; Sail. Cat., 37, 9; App. В. С., I, 95). Террор был направлен не только против конкретных людей, но принял общегосударственные масштабы. За поддержку Мария Младшего Сулла приказал перерезать 20 тыс. жителей Пренесте (Liv. Per., 89; Plut. Sulla, 32; App. В. С., I, 96), а после ликвидации основных сил марианцев он подверг наказанию италийские города, которые выступали на их стороне (App. В. С., I, 96). Имея в виду такой размах террора, мы можем признать вслед за М. И. Ростовцевым, что проскрипции сыграли роль своеобразного завершения Союзнической войны: #с_433.

В действиях Суллы просматривается определенная идеология террора и подавления. Образованный на эллинистический манер, проявлявший интерес к греческому философскому наследию (см.: Plut. Sulla, 26): #с_434, он обратился к такому способу устрашения, как демонстрация на форуме отрубленных голов политических противников (Vell., II, 27, 3; ср.: II, 19, 1; Plut. Sulla, 32, Compar. Sulla, 2; App. V. C., I, 93; 94). Главным аргументом его террористической политики было заявление о необходимости покончить со злоупотреблениями и прочими несправедливостями, восстановить положение Римской республики (App. V. C., I, 89). Еще до начала военных действий было заявлено о намерении расправиться с врагами (App. V. C., I, 79; 95).

В ходе проведения проскрипций были попраны основы личных прав: римский гражданин без суда мог быть убит. Сулла своей волей принимал решение о казнях (Cic. Pro Lig., 12, 2–4). Закон о предоставлении ему диктаторских полномочий сделал, по существу, легитимной процедуру смертной казни (Plut. Sulla, 33): #с_435. Были нарушены имущественные права римских граждан: Сулла произвольно раздавал конфискованное имущество как отдельным гражданам, так и целых народов, а также доходы с городов не только своим сторонникам, но женщинам, мимическим актерам, певцам (Plut. Sulla, 33; ср.: Compar. Sulla, 1; Liv. Per., 89; App. V. C., I, 89). Республиканские нормы поведения в обществе и семье оказались попранными: раб мог убить господина, сын – отца. Л. Сергий Катилина, например, убил своего брата и затем просил Суллу внести убитого в проскрипционный список задним числом (Plut. Sulla, 32; ср.: Liv. Per., 88; Ron Ep. bell., II, 9, 100–102). Сулла требовал расторжения семейных отношений и навязывал браки (Plut. Caes., 1). Так, желая породниться с Гнеем Помпеем, Сулла предписал ему развестись и жениться на Эмилии – своей приемной дочери, которая уже была замужем за Глабрионом и ждала от него ребенка (Plut. Sulla, 33). Были уничтожены традиционные, признанные современниками и государством средства и формы обеспечения престижа власти: гражданской чести – *ius honorum* лишались дети и внуки политических противников Суллы (Val. Max., IX, 2, 1; Liv. Per., 89; Plut. Sulla, 31; Vell., II, 28, 4; ср.: App. V. C., I, 96). Права проскрибированных были восстановлены лишь в 49 г. (Plut. Caes., 37).

Политика террора в форме узаконенных проскрипций вылилась в массовую охоту на людей. При этом охота на политических противников была связана с корыстными интересами сулланцев (Plut. Sulla, 31–32; App. V. C., I, 96). Те, кто рассчитывал поживиться, намечали жертвы, прикидывая степень их достатка. Некий Квинт Аврелий, не связанный ни с одной политической группировкой, пострадал из-за того, что владел альбанским поместьем, по-видимому, богатым (Plut. Sulla, 31).

Первоначальный проскрипционный список оставался открытым и до 1 июня 81 г. постоянно пополнялся: #с_436. Ливии называл проскрипции резней, бойней – *caedes* (Per., 88, 8). За короткое время Сулла успел уничтожить физически почти всех потенциальных противников и скрывать ужасом все гражданское население Республики (App. V. C., I, 95). В результате проскрипций, по сведениям античных авторов погибло приблизительно от 1640 (App. V. C., I, 95) до 4700 человек (Val. Max., IX, 2, 1). Аппиан отмечал, что общее число погибших в ходе гражданской войны составило 100 тыс. человек (App. V. C., I, 103).

В исследовательской литературе оценки сулланских проскрипций имеют, как правило, негативный характер. Лишь немногие исследователи пытаются сгладить впечатление, произведенное террором на современников, говоря о необходимости противостояния Суллы политическим оппонентам. Таким образом они стремятся ограничить размах проскрипции.: #с_437

С середины 81 г. волна массового террора спала, но насилие как основной метод политической практики сохранилось. Даже сложив диктаторские полномочия и удалившись от государственных дел, Сулла продолжал оказывать насильственное давление и на граждан, и на представителей исполнительной власти в Риме (Plut. Sulla, 37).

Негативные последствия проскрипций состояли не только в том, что было уничтожено огромное количество граждан в Риме и Италии, но и в том, что попирались ценности гражданского коллектива и на этом фоне развращались те, кто был причастен к проскрипциям и насилию. По поводу взятия Суллой Рима еще в 88 г. Аппиан заметил, что у тех, кто прибегал к насилию, пропадало

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
всякое уважение к закону, государству, родине (App. V. C., I, 60).

Постепенно террор стал средством не только уничтожения и запугивания противников, но и инструментом управления совершенно лишенными политической воли согражданами (Sail. Hist, frg. ampl., Lep., 7394; Macr., 3536; App. V. C., I, 97). В тех случаях, когда Сулла предполагал возможное недовольство со стороны римского гражданства, он открыто заявлял о своей решимости использовать армию и вернуться к политике насилия. Так, во время инцидента с Квинтом Лукрецием Офеллой, добивавшимся консульской должности, он предостерегал римлян, чтобы они не защищали Офеллу и не провоцировали его в третий раз использовать армию, поскольку он уже дважды победил их (App. V. C., I, 101).

Таким образом, гарантией порядка и справедливости при Сулле стал террор. Мысль о возможности и необходимости физического уничтожения тех, кто не желал принимать условия продиктованного режима, служила утверждением идеи о сильной власти. Другой важный момент сулланской политической практики состоит в том, что террор получил оправдание современников. Идея целесообразности и допустимости насилия стала бытием римского населения. Если в 88 г., по сообщению Плутарха, сенат и народ осудили действия Суллы, а новшества, внесенные диктатором в государственное устройство, представлялись им нелепыми и даже чудовищными (Plut. Sulla, 10), то к концу 70-х гг. они сделались привычными и приобрели в глазах народа немалые достоинства (Plut. Cic, 10). В целом, признавая возможность и необходимость насилия, современники расходились лишь в определении его меры и степени.

Еще одним важным последствием сулланской политики террора и устрашения было то, что, опираясь на армию, ветеранов, собственных клиентов, политических сторонников, обремененных при его поддержке и его волей государственной властью, Сулла создал прецедент некой искусственно изолированной среды, в которой осуществлялся новый принцип социальных отношений – имперских отношений подданства и подчинения. Сулла не просто декларировал новый характер социальных связей, но практически и законодательно закрепил положение представителей этой среды в римском обществе. Он обеспечил их материальное благополучие: щедро награждал своих сторонников землями и имуществом (Sail. Cat., 51, 34; Hist. frg. ampl., Lep., 9497; ср.: Cic. Pro Rose, 6; Plut. Sulla, 31; 33; Pomp., 9; Cato Min., 17). Законы государственно-правового характера закрепили их политическое значение. Не случайно значительное число влиятельных политиков последующего периода так или иначе были связаны с Суллой (наиболее заметные – Крассе, Помпеи, Цецилий Метелл Пий, Сервилий Ватия Исаврийский).

Диктатура Суллы была следствием конкретной социально-политической коллизии. Безусловно, имел значение и личностный фактор. Однако в целом она Суллы являет собой яркий пример обозначившейся в Римской республике тенденции к столкновению общинных и имперских отношений, республиканских и монархических начал.

Сулла не стал творцом новой политической идеи, не выступал за создание новой социально-политической системы. Он не был создателем ни монархии (он в конечном итоге отказался от власти, что чрезвычайно поражало античных историков – App. V. C., I, 103), ни военной диктатуры (в своей практике он подчеркивал значимость гражданских форм правления). Более того, в своей идеологии и практике он опирался на авторитет сенатской республики. Прообразом его диктатуры являлась раннереспубликанская. С формально-правовой точки зрения предоставление ему диктаторских полномочий не меняло потестарной структуры Римской республики. Однако фактически – и по форме, и по существу – положение Суллы значительно превосходило положение диктаторов периода ранней Республики, а законным образом предоставленные ему экстраординарные полномочия, вполне предусмотренные римской республиканской конституцией, приобрели псевдореспубликанский характер и стали удобной формой прикрытия его реального единовластия. Диктатура Суллы была стихийным выражением нелояльности к республике (по крайней мере в том ее состоянии, которое сложилось в первые два десятилетия I в.). В этом смысле диктатура Суллы обозначила важную историческую тенденцию, которая заключалась в постепенном переходе от стихийного проявления нелояльности к осознанному поиску пути достижения личной власти и в конечном итоге утверждению монархии.

Диктатура Суллы, хотя и имела конституционное оформление, не

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org соответствовала ни одной из известных республиканских структур. На наш взгляд, в его идеологии и практике обнаруживается сходство с «младшей» греческой тиранией. Не без оснований Э. Д. Фролов вслед за Плутархом проводил исторические параллели между Суллой и Лисандром: #с_438. Мы наблюдаем то же проявление крайнего индивидуализма и волюнтаризма, то же стремление подчинить общество и государство собственной воле, ту же опору на силу и одновременное использование важнейших государственных идей. Диктатура Суллы и «младшая» греческая тирания были порождениями сходных исторических процессов – кризиса и постепенной деформации гражданской общины. Хотя, безусловно, ставить знак абсолютного равенства между этими историческими явлениями нельзя. Главное различие между ними в степени конструктивности решения исторических задач. Диктатура Суллы и введенная им конституция во многих аспектах имели деструктивное значение. Сулле пришлось действовать в условиях кризиса *civitas*, когда перед государством и обществом стояла задача территориальной интеграции и консолидации римско-италийского гражданства. Выход из этого кризиса он пытался найти на пути восстановления республиканских норм, авторитета сената и сенатского сословия. В этом отношении диктатура Суллы и его конституция имели характер контрреформы, вызвали сопротивление наиболее мобильной части общества и несли разрушительный заряд: усиление социальной напряженности развивало тенденцию дальнейшего ослабления принципов римского республиканизма и демократизма и эскалацию силового давления. Диктатура Суллы, таким образом, дискредитировала идею сенатской республики, способствовала поиску новых государственных форм, которые лежали на пути развития монархического и имперского принципов.

В целом диктатура Суллы явила собой ряд важнейших исторических precedентов. Первый – государственно-правовой precedent сочетания авторитарной власти при сохранении республиканской системы: не случайно античные историки подметили, что принцип кумуляции полномочий восходит именно к диктатуре Суллы (App. В. С., I, 103). Второй – территориально-административный precedent сочетания римских интересов с имперскими принципами: античные авторы подчеркивали, что Сулла распространил свое единовластие не только на Рим, но и на италийское население, и даже на провинции (App. В. С., I, 102; 104). Третий – политический precedent борьбы с личными оппонентами: не случайно в памяти многих следующих поколений запечатлелись сулланские проскрипции, ставка на насилие и террор позволила Сулле подчинить собственной воле и сенат, и народное собрание, и магистратуру, ослабить правовые механизмы действия республиканских основ власти и лишить их реального политического влияния. Четвертый – идейно-политический precedent синтеза идеологии и политики в практике борьбы за власть: Сулла оформил идеологию террора и насилия, которая была положена в основу политики консолидации всего римско-италийского гражданства вокруг носителя сильной власти – кто не с нами, тот против нас, кто против нас, тот против республики. Не случайно впоследствии лозунг восстановления республики использовался всеми претендентами на единоличное правление. Наконец, морально-этический precedent использования традиционных идей и ценностей в необходимом для носителя власти контексте: многие современники обращали внимание на тот факт, что, опираясь на республиканские нормы и идеалы, Сулла тем не менее отличался скептицизмом и даже цинизмом и мог пренебречь условностями.

Глава 3.

ДИКТАТУРА ГАЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

Попытка Суллы реформировать республику на основах олигархии не удалась. Более того, дезинтеграция римской общественной и политической жизни в условиях возвышения нескольких взаимосвязанных олигархических группировок стала еще ощутимее. Характерными чертами римской жизни и политики в середине I в. стали дезорганизация гражданства и власти, коррупция и насилие. Заговор Катилины, I триумvirат, трибунация Клодия, фактически единоличное правление Помпея стали новыми потрясениями для Римской республики. Особое значение в череде этих событий имела диктатура Гая Юлия Цезаря.

В оформлении власти Цезаря и укреплении его положения в

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
государственно-правовой системе Рима можно выделить несколько этапов. Первый – начальный этап его политической карьеры – охватывает 84–61 гг. Именно в это время, на наш взгляд, оформилась идеология и политическая практика того явления, которое позднее историки назовут диктатурой Цезаря: проявилась жажда военной славы, сложился героический образец, произошло оформление лидерских качеств и рождение императорской харизмы. Своеобразным прологом активной политической деятельности на основе уже сложившихся взглядов и принципов была испанская кампания Цезаря. Второй период – время закрепления политического лидерства – охватывает 60–52 гг. В это время окончательно оформился образ новой героической личности и закрепилось лидерство Цезаря в политической жизни Рима. Третий период важен прежде всего тем, что в результате политической деятельности Цезаря его государственно-политические идеалы и принципы реальной политики, его положение в структуре римской власти оказались приняты большей частью римского общества. Этот период охватывает 52–44 гг.

1. Оформление и государственно-правовые prerogatives власти Гая Юлия Цезаря в период его диктатуры

фигура Юлия Цезаря долгое время оставалась незаметной в политической жизни Рима, хотя свою общественно-политическую карьеру он начал довольно рано. Этот период общественно-политической жизни Цезаря оценивается в исторической литературе, как правило, либо с телеологических позиций, когда все поступки представляются осуществлением заранее определенных целей: #с_439; либо как время деятельности Цезаря, связанной с движением популяров: #с_440. [44 – В одной из последних биографий Юлия Цезаря период до 59 г. оценивается как время борьбы за достижение положения лидера популяров, см.: Etienne R. Jules Cesar. P. 35.] ни первая, ни вторая оценки, на наш взгляд, не отражают действительного положения. Телеологические оценки, безусловно, продиктованы античной традицией и, прежде всего, позицией Цицерона, который неоднократно подчеркивал, что Цезарь стремился к единоличной власти чуть ли не с юношеских лет (Cic. Phil., V, 18; ср.: Suet. Iul., 9, 30, 5; Dio Cass., XLIII, 25). Однако уже в античности такие суждения были подвергнуты некоторому сомнению. Плутарх обратил внимание на то, что Цицерон был первым из современников, кто заговорил о заранее определенных Цезарем политических целях. Хотя сам Плутарх охотно пересказывал это (Plut. Caes., 6) и не отрицал общего стремления Цезаря к захвату власти, все-таки сомневался в том, что подобные планы могли сложиться в юношеском возрасте, а оценки Цицерона имели объективный характер (Plut. Caes., 4).

Представления о союзе Цезаря с популярами и его демократических симпатиях оформились главным образом во второй половине XIX в. Во многом они были продиктованы отношением новейших историков к общественно-политическим реалиям своего времени, выдержаны в либерально-демократическом духе и имели публицистический, даже модернистский характер. Еще К. Маркс подчеркивал, что интерес к образу Цезаря был вызван именно «злостью дня»: #с_441. Идеализированный образ Цезаря, государственного деятеля, основы власти которого изначально имели надклассовый и демократический характер, был создан Т. Моммзенем и затем во многих аспектах воспринят последующей западноевропейской и отечественной историографией. С резкой критикой такого подхода выступил в свое время К. В. Нич, позднее – Г. Ферреро: #с_442, затем более сдержанно, но в том же направлении – Г. Страсбургер, Р. Сайм, Дж. Бэлсдон; среди отечественных историков – Р. Ю. Виппер, Н. А. Машкин и С. Л. Утченко: #с_443.

Впервые имя Цезаря упоминается в источниках в связи с избранием его фламинем Юпитера – flamen Dialis. Традиционно это событие относится к 84 г. Таким образом, Цезарь заявил о себе в возрасте почти 16 лет, если учитывать общепринятую дату рождения Цезаря, представленную его биографами – Светонием и Плутархом (Plut. Caes., 1; Suet. Iul., 1), а также Аппианом [45 – В данном случае мы исходим из общепринятой в исторической литературе даты рождения Цезаря – 100 г. до н. э. См., например: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 38; Bengtson I. Caesar. Sein Leben und seine Herrschaft // Kleine Schriften. München, 1974. S. 127.]. Правда, Веллей Патеркул сообщал, что это было назначение консулов Мария и Цинны (Vell., II, 43,1). Известно, что их совместное консульство приходилось на 86 г. Следовательно, либо в сообщении Веллея хронологическая неточность, либо Цезарь получил должность

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org жреца по крайней мере на 2 года раньше – в 14 лет. В том же фрагменте Веллея подчеркивал, что Цезарь был «*raene ruer* – почти ребенок». Т. Моммзен считал невозможным принять это условие, т. к., по его мнению, вряд ли Цезарь был пригоден в детском возрасте для должности жреца: #с_444. [46 – Сведения Веллея Патеркула – один из аргументов, на основании которого Т. Моммзен отодвигает дату рождения Цезаря на 102 г. С этим, по его мнению, согласуются и сроки курульных магистратур. Но если опираться на сообщения Веллея, то следует также учесть, что «Цезарю едва исполнилось восемнадцать лет, когда Сулла захватил власть» (Vell., II, 41, 2), т. е. в 82 г. Это вполне соответствует традиционной дате рождения Цезаря. Ряд исследователей считает вполне допустимым говорить о том, что Цезарь стал жрецом Юпитера в неполные 14 лет, см., например: Машкин Н. А. История древнего Рима... С. 281. На 101 г. до н. э. сдвигали дату рождения Цезаря Ж. Каркопино и Хр. Гудини: Carcopino J. *Profil de conquerants*. P., 1961. P. 843; Goudineau Chr. *Cesar et la Gaule*. P., 1990. P. 103. В целом мы вынуждены признать, что дата рождения Цезаря может быть восстановлена лишь ретроспективно.] Это довольно зыбкий аргумент, поскольку известно, например, что в жрицы Весты девочек посвящали с 6 лет.

Должность жреца не давала ни политических преимуществ, ни особых политических перспектив. Однако это была совершенно определенная заявка на участие в общественной жизни и, видимо, вполне соответствовала политическим амбициям юного Цезаря, поскольку год спустя (Suet. Iul., 1) он расторг помолвку с дочерью безвестного римского всадника Коссутия и женился на Корнелии – дочери Цинны, соратника и сподвижника Гая Мария. Это не было простым желанием эпатировать римское общественное мнение, как иногда этот шаг расценивается в исторической литературе: #с_445, не было проявлением демократических симпатий или сознательным стремлением опереться на популярное и демократические силы римского гражданства и заручиться их поддержкой в политической борьбе: #с_446. Вряд ли в столь юном возрасте Цезарь, аристократ по происхождению, представитель древнейшего патрицианского рода Юлиев, мог осознанно руководствоваться подобным политическим расчетом и совершить такой выверенный политический шаг. В этом плане можно принять аргументацию С. Л. Утченко, который объяснял расторжение помолвки исключительно ритуально-процессуальными нормами, поскольку женой фламينا Юпитера могла быть только представительница патрицианского рода: #с_447. Имея в виду этот аргумент, тем не менее еще раз подчеркнем, что это было главным образом не более чем стремление вмешаться в политические события и заявить о себе: #с_448. Цезарь не имел в это время ни четких политических пристрастий, ни четкой политической ориентации. На это указывают факты его общественно-политической и личной жизни вплоть до 65 г.

В 82 г. Цезарь вынужден был бежать из Рима, подвергнув себя добровольному изгнанию. Он опасался преследований диктатора Суллы, т. к. отказался выполнить его требование и развестись с Корнелией. При этом Цезарь потерял должность жреца, приданое жены и родовое имущество (Suet. Iul., 1, 2). Начиная с Т. Моммзена, в исторической литературе утвердилось мнение, что за всеми этими поступками незрелого юноши кроется проявление открытой антисулланской демократической оппозиции. На наш взгляд, нет оснований говорить о подобных настроениях. Во-первых, это могло быть продиктовано личными мотивами. Во-вторых, требование Суллы о разводе было направлено не столько лично против Цезаря, сколько против марианцев, на что указывал Плутарх (Plut. Caes., 1). Важен, наконец, и тот факт, что Цезарь бежал к Марку Минуцию Терму (Suet. Iul., 2) – сулланскому претору 81 г. и пропретору провинции Азия: #с_449, а не к Квинту Серторию, например, который был одним из виднейших вождей марианской оппозиции, осуществлял с 83 г. наместничество в Испании и превратил эту провинцию в центр антисулланской эмиграции (Sail. Hist., V, 18; ср.: App. V. C., I, 97; 108). Притом что Серторий оценивался Т. Моммзеном и его последователями как сторонник «народной партии» или даже как борец за создание подлинно демократической, гуманной и просвещенной республики, кажется более чем странным, что Цезарь не воспользовался ситуацией и не отправился к нему: #с_450. [47 – По нашему мнению, оценка движения Сертория в римском контексте партийной борьбы не отражает всей глубины явления и более объективен Г. Альфельди, который считал, что это событие было проявлением общего структурного кризиса Римской республики, см.: Alföldy C. *The social history of Rome*. 5nd ed. U 1988. P. 81] и позднее, в 78 г., Цезарь служил в Киликии под командой бывшего сулланца – Публия Сервилия Ватии Исаврийского. Наконец, находясь на Востоке, Цезарь некоторое время жил при дворе царя Вифинии Никомеда, что само по себе симптоматично и, как говорил Све-тоний,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org не украшало его репутации (Suet. Iul., 2; 49).

В 78 г. Цезарь вернулся в Рим, но не выступил открыто против сулланской конституции и установленного Суллой режима, как это сделал Марк Эмилий Лепид (Cic. In Cat., III, 24; Liv. Per., 90; Plut. Pomp., 16; App. B. C., II, 107), который в качестве консула 78 г. добился, например, восстановления дешевой раздачи хлеба римским беднякам, опираясь на землевладельцев – ветеранов Мария, разоренных сулланскими ветеранами. Источники очень смутно говорят нам об отношении Цезаря к этим событиям. Лишь Светоний упоминал о попытке Лепида привлечь Цезаря на свою сторону, которая осталась, однако, безрезультатной (Suet. Iul., 3). Кажется, совершенно прав был С. Л. Утченко, который подчеркивал, что это была вполне сознательная позиция Цезаря: #с_451. Принимая этот общий тезис, мы считаем возможным еще раз отметить, что это была позиция «надпартийная», не связанная принципиально с интересами антисенатской оппозиции.

Вернувшись в Рим, Цезарь попытался начать карьеру юриста. В 77 г. он выступил с обвинением виднейшего сулланца – консулара 81 г. Гнея Долабеллы (Plut. Caes., 4; Suet. Iul., 4; App. B. C., 1,100) – в вымогательстве во время наместничества в Македонии, а в 76 г. пытался привлечь к судебной ответственности другого сторонника Суллы – Публия Антония (Plut. Caes., 4). Обвинение в суде было обычным политическим дебютом для молодых аристократов – средством обратить на себя внимание и начать карьеру политика. Хотя эти процессы и имели некоторую политическую окраску, однако и этот шаг нельзя рассматривать как демонстрацию принципиального или, по оценкам некоторых современных исследователей, «наступательного демократизма» Цезаря: #с_452.[48 – Как заявление об оппозиционности сенату расценивает этот факт Р. Этьен: Etienne R. Jules Cesar. P. 22.] Цезарь, видимо, мало был заинтересован в успехе дела и первый процесс проиграл (Долабеллу защищали Гай Аврелий Котта и Квинт Гортензий – Plut. Caes., 4; Suet. Iul., 4; ср.: Vell., II, 43, 3); второй – не довел до конца. Строго говоря, дело Публия Антония вообще не дошло до суда: обвиняемый обратился за защитой к народным трибунам (Plut. Caes., 4). Эти не вполне успешные акции, безусловно, не добавили Цезарю политического веса в среде римских популяров; кроме того, вызвали недовольство сулланцев, а у сената выработали отношение к Цезарю как к безобидному и безопасному политику. Однако они принесли ему некоторую известность (Plut. Caes., 4; Suet. Iul., 55). По всей видимости, именно это и было непосредственной целью Цезаря. Подтверждением нашей мысли является и его намеренно вызывающий стиль жизни в данное время[49 – О вызывающем и даже скандальном поведении Цезаря в этот период пишут практически все его биографы, см.: Bradford E. Julius Caesar: The pursuit of power. L., 1984; Etienne R. Jules Cesar. P., 1997.].

Но, судя по всему, ни выступления в суде, ни общественное мнение (Plut. Caes., 4) не имели для него самого в данный момент принципиального политического значения. На это указывает и следующий факт его биографии. В 74 г. Цезарь был избран на должность военного трибуна. Избрание проходило в народном собрании, которое предпочло его кандидатуру кандидатуры Гая Помпилия (Suet. Iul., 5). Плутарх подчеркивал, что это событие стало первой демонстрацией народных симпатий к Цезарю (Plut. Caes., 5). И Цезарь оценил это признание: он помогал восстановить власть народных трибунов, способствовал возвращению в Рим сторонников Лепида (Suet. Iul., 5). Тем не менее для самого Цезаря «любовь народа», по-видимому, мало, что значила: он предпочел служить в Ки-ликии под началом сулланца Луция Лициния Лукулла, а не Марка Аврелия Котты, который был к тому же его родственником по материнской линии. В римской общественно-политической жизни все эти события, видимо, также не имели заметного значения, т. к. о деятельности Цезаря между военным трибунатом и квестурой (74–68 гг.) источники практически ничего не сообщают. Следует думать, что его политическая роль и политический вес в римском обществе все еще оставались незначительными.

Официальное положение государственного функционера Цезарь получил в 32 года при обычном возрастном цензе, установленном в 81 г. законом Суллы – lex Cornelia de magistratibus, в 37 лет[50 – Ранее по Виллиеву закону – lex Vilia annalis 180 г. – квестура представлялась не ранее 27 лет, эдилитет – 30 лет, претура – 33 лет, консульство – 36 лет.]. На 68 г. он был избран квестором: #с_453. По закону Суллы о магистратурах эта должность позволяла занять место в сенате[51 – Цицерон, например, ссылаясь на эту норму и говорил, что именно благодаря ей он вошел в сословие сенаторов (Cic. In Verr., I, 25)]. С этого времени началось его восходящее продвижение по политической лестнице. В исследовательской литературе иногда высказывается

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org мнение, что именно с квестуры начал оформляться дальновидный политический план Цезаря по захвату власти. В подобных суждениях чувствуется отголосок телеологических оценок личности Цезаря: #с_454. У нас нет оснований для подобных суждений. Сведения источников позволяют говорить лишь о том, что и после избрания в квесторы главной задачей Цезаря была попытка расширить собственную популярность, причем не столько за счет продуманной «партийной» программы действий, сколько за счет традиционных способов, например щедрости (Plut. Caes., 4; 5). Наиболее ярким политическим выступлением Цезаря этого периода была похвальная речь – *laudatio*, произнесенная им на похоронах его тетки Юлии – жены Гая Мария Старшего (Plut. Caes., 5; Suet. Iul., 6). Это, безусловно, была марианская демонстрация. Вместе с тем вряд ли можно говорить о ее принципиальной демократической направленности, как это пытаются порой представить некоторые современные исследователи: #с_455. Более того, по содержанию *laudatio*, частично приведенному Светонием (Suet. Iul., 6), можно заметить, что выступление Цезаря было выдержано в антидемократическом и антиреспубликанском ключе: Цезарь говорил о неприкосновенности и влиятельности рода Юлиев, которые равны царскому положению и которые позволяют претендовать на особую роль в государстве. Показательно, что примерно в это же время, после смерти Корнелии (67 г.), Цезарь женился на Помпее – внучке бывшего диктатора Луция Корнелия Суллы (Plut. Caes., 5; Suet. Iul., 6, 2).

Нетрудно заметить, однако, что при всем стремлении Цезаря к популярности он пока еще оставался на вторых ролях, занимал уравновешенную даже двусмысленную политическую позицию, что позволяло ему балансировать на настроениях популярцев и оптиматов. В пересказе Светония сохранились сетования самого Цезаря перед статуей Александра Македонского в 67 г. на нестабильность собственных позиций (Suet. Iul., 7).

Важную роль в формировании политической практики и политической идеологии Цезаря сыграли события середины I в., связанные с именами Гнея Помпея и Луция Сергия Каталины. Помпеи был старше Цезаря всего на 6 лет, но к 67 г. сумел достичь многого: сын консула, крупный земельный собственник, полководец, сражавшийся на стороне Суллы против марианцев и прославившийся многими военными успехами, неоднократный триумфатор, наконец, консул, избранный на должность без прохождения соответствовавших магистратур, Помпеи был признан и отмечен почетом и уважением как в сенатских кругах, так и большинством римского гражданства: #с_456. Цицерон чрезвычайно высоко оценивал заслуги Помпея перед государством в это время. Он говорил, что Помпеи чаще сражался с врагами в открытом бою, чем другие в судебных заседаниях; провел больше войн, чем другие прочитали о них; выполнил больше государственных поручений, чем другие желали выполнить; не знал военных поражений и считал не годы службы, а триумфы (Cic. Pro leg. Man., 28, 5–16). Цицерон не называл имен при этом сравнении, но оно было явно не в пользу Цезаря.

В 67 г. Цезарь поддержал закон Габиния, а в 66 г. – закон Манилия, предоставлявшие Помпею дополнительные чрезвычайные практически неограниченные полномочия для ведения военных действий в Средиземноморье и Азии. В античной традиции существует несколько свидетельств, объяснявших политический шаг, предпринятый Цезарем, но все они концентрируют внимание на субъективной стороне его поступка. Плутарх очень коротко (Plut. Romp., 25), Дион Кассий более развернуто поясняли, что главным мотивом в решении Цезаря было его стремление удовлетворить личные политические амбиции. Так, Дион Кассий утверждал, что Цезарь сознательно шел на создание прецедента: он поддерживал законы, принятые в интересах Помпея, имея в виду, что они будут проходить через народное собрание, и эта поддержка укрепит его позиции среди популярцев; сам же он получит возможность в дальнейшем добиваться подобного положения (Dio Cass., XXXVII, 3). Свидетельства античных авторов красноречивы, но они составлены на основе исторической ретроспективы и в контексте распространенной в античности телеологической концепции. Остается все-таки неясным вопрос, в чем состоял в данном случае конкретный политический расчет Цезаря. Ведь было совершенно очевидно: в результате принятия *lex Gabinia* и *lex Manilia* Помпеи приобретал исключительное положение в государстве, которое не соответствовало принципам римского республиканизма и римского демократизма. Современники отчетливо осознавали это несоответствие: консуляры Квинт Лутаций Катул и Квинт Гортензий, например, выступали против принятия этих законов (Cic. Pro leg. Man., 51–52; ср.: Plut. Romp., 30), а непосредственный свидетель событий, Саллюстий, говорил, что они нанесли смертельный удар демократии и что могущество Помпея внушало страх (Sall. Cat., 19; 39). В римском

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org общественном мнении получил распространение афоризм о том, что Помпеи из навархов метит в монархи (Plut. Pomp., 25). Веллей Патеркул, имея возможность дать ретроспективную и взвешенную оценку, подчеркивал, что закон Габиния «распространил власть одного человека почти на весь мир – *raene totius terrarum orbis imperium uni uiro deferebatur*» (Vell., II, 31, 3).

В возникшей политической коллизии обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Первое состоит в том, что в отношении к принятым законам, по крайней мере к инициативе Манилия, совпали позиции Цезаря и Цицерона – явного сторонника сената (Cic. Pro leg. Man., 15; 17–19). Второе обстоятельство касается политической деятельности Цезаря в период отсутствия Помпея в Риме. Известно, что во время восточного похода Помпея Цезарь сблизился с его давним соперником Крассом. Против Помпея, по существу, был направлен аграрный законопроект П. Сервилия Рулла, выдвинутый в конце 64 г. и, по мнению современников, поддержанный Цезарем: #с_457. О том, что Цезарь поддерживал этот законопроект, недвусмысленно намекал Цицерон в речах, обращенных к народному собранию (Cic. De leg. agr., II, 20; 23; 50; 98). Правда, имя Цезаря не называлось, но косвенные характеристики действительно позволяют так думать. Например, Цицерон говорил о «безмерной корысти» одних сторонников закона и «безмерной расточительности» других (Cic. De leg. agr., II, 65). Современникам было понятно, что эти характеристики могли относиться соответственно к Крассу и Цезарю. Законопроект Рулла в случае принятия предоставлял его сторонникам, в том числе и Цезарю, огромную и реальную власть: Цезарь мог стать членом аграрной комиссии децемвиров с пропреторским империем на 5 лет; кроме того, мог совмещать эту деятельность с любой другой магистратурой (Cic. De leg. agr., II, 24; 31; 3334; Plut. Cic., 12).

Цицерон, допуская безусловное публицистическое преувеличение, назвал это положение «царской властью – *regia potestas*» (Cic. De leg. agr., II, 20), более того, противопоставил его положению и авторитету Помпея (Cic. De leg. agr., II, 24–25; 50; 55).

Нетрудно заметить, что позиция Цезаря, занятая им по отношению к Помпею, в это время не была ни однозначной, ни определяющей. В возникшей политической ситуации расчет Цезаря сводился главным образом к поиску политических союзников: в условиях засилья в сенате немногих нобилитарных семей и его организационной неоднородности молодым политикам трудно было в одиночку сделать достойную политическую карьеру. Поддерживая законы Габиния и Манилия, вряд ли Цезарь смотрел слишком далеко и заботился о создании на опыте Помпея политического прецедента. Хотя некоторые факты и допускают подобное предположение, например, участие в «заговоре Каталины», претензии на внеочередное назначение наместником в Египет и на чрезвычайную власть (Suet. Iul., 9; 11). Субъективно позиция Цезаря по отношению к Помпею демонстрировала отчетливое понимание политического состояния Римской республики и основных тенденций ее развития. Цезарь, видимо, вполне осознал, что необходимость решения назревших проблем требовала концентрации власти, передачи ее лидеру, способному эту власть осуществить, и консолидации римского гражданства вокруг этого лидера. Вместе с тем он искал возможные методы включения в политическую элиту и в «большую государственную политику». Отметим, что само по себе это желание не было необычным: система римских ценностей, идеология *virtus* делали подобное поведение допустимым и до определенной степени похвальным: #с_458. Но объективно позиция Цезаря по отношению к Помпею (вне зависимости от индивидуальных целей Цезаря) способствовала расшатыванию и дальнейшему ослаблению традиционной республиканской власти, что и позволило античным авторам ретроспективно оценить ее как стремление к единовластию.

В целом диапазон политической деятельности Цезаря, начиная с 68 г., был довольно широким. С одной стороны, он участвовал в акциях явно антисенатского, марианского характера, с другой – недвусмысленно ориентировался на политиков, связанных с сенатом и признанных в сенатских кругах. Совершенно справедливой и взвешенной представляется нам оценка политической позиции Цезаря в это время, данная С. Л. Утченко, который писал, что вплоть до 49 г. он умел «держаться на какой-то последней грани, избегая или по меньшей мере стараясь избегать крайностей»: #с_459. Напротив, характеристики, выдержанные в духе партийно-политической борьбы, кажутся нам неоправданными: #с_460.

На 65 г. Цезарь был избран курульным эдилом. Эта должность не была

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org обязательной при прохождении магистратур. Однако лица, отказавшиеся от ее исполнения, не могли рассчитывать на широкую поддержку в случае соискательства следующих магистратур (*Cic. De off.*, II, 58). Коллегой Цезаря в этой должности был М. Кальпурний Бибул, связанный с авторитетнейшими римскими политиками. Чтобы не потеряться на общем политическом фоне и еще раз заявить о себе, Цезарь в определенной степени должен был, во-первых, превзойти своего коллегу по должности; во-вторых, дистанцироваться от политических лидеров. Разумеется, не случайно эдилитет Цезаря запечатлелся в памяти современников безумной пышностью и щедростью. В должности эдила Цезарь украсил комиций, форум, провел гладиаторские игры и травли животных (*Suet. Iul.*, 10). Плутарх сообщал, что во время гладиаторских боев все убранство и вооружение было из серебра (*Plut. Caes.*, 5; ср.: *Plin. N. N.*, XXXIII, 16, 53). На проведение всех этих мероприятий Цезарем, по-видимому, были израсходованы колоссальные средства: к 61 г. его долги составили 25 млн. сестерциев (*App. V.C.*, II, 8)[52 - чтобы представить величину этой суммы, проведем некоторые сравнения. 4 сестерция составляли 1 денарий. На эти деньги можно было купить 6–7 кг пшеницы. Таким образом, на сумму долга можно было купить 37 500–47 750 т пшеницы. При том, что по официальной переписи римское гражданство составляло примерно 450 тыс. человек (*Liv. Per.*, 98), из суммы долга Цезаря каждый мог быть обеспечен приблизительно 80 кг хлеба. Другое сравнение – 1 денарий соответствовал 4 г серебра. Сумма долга Цезаря, таким образом, составляла около 25 000 кг серебра.]

В политическом отношении самым ярким событием этого эди-литета было восстановление марианских трофеев в честь побед над Югуртой, кимврами и тевтонами (*Vell.*, II, 43, 4; *Plut. Caes.*, 6; *Suet. Iul.*, 11). Некоторые исследователи оценивают эти акции Цезаря как заявку на проведение «революционной политики»: #с_461. Другие дают более сдержанные характеристики, подчеркивая, что таким образом Цезарь продемонстрировал свое стремление восстановить партию populares, объединить и возглавить «демократические силы»: #с_462. Современникам, судя по сообщениям Плутарха, история с трофеями Мария не представлялась однозначной. Сам античный автор не сомневался, что это было сделано Цезарем, но он подчеркивал, что марианские трофеи были выставлены без свидетелей, ночью; тем не менее при столь неясных обстоятельствах общественное мнение приписало эту акцию Цезарю. По сведениям того же Плутарха, на заседании сената, созванном по этому поводу, Цезарь оправдался (*Plut. Caes.*, 6): аргументом, на наш взгляд, могло быть лишь отрицание принципиальных промарианских настроений. Учитывая эти соображения, а также прямое свидетельство Светония о том, что демонстрация марианских трофеев была предпринята Цезарем в отместку за проплетение сената в вопросе о предоставлении ему чрезвычайного наместничества в Египте (*Suet. Iul.*, 11), можно заключить, что и в данном случае Цезарь имел в виду прежде всего личные цели, более всего стремился противопоставить себя влиятельной сенатской *factio*, не обнаруживая принципиальной партийно-политической позиции.

Избранная Цезарем линия политического поведения обнаруживается и в его отношении к «заговору Катилины» (66–62 гг.) и катилинариям. Античная традиция не сохранила подробных и однозначных данных, на основании которых можно было бы судить о роли и степени участия Цезаря в выступлении Катилины. Саллюстий, который в целом подробно изложил события «заговора», в том числе и события 66–65 гг. (*Sail. Cat.*, 18), и обстоятельно определил политическую роль Красса в этих событиях (*Sail. Cat.*, 17, 7; 19; 48, 4–9)[53 - Это позволило некоторым исследователям назвать выступление Катилины в 66–65 гг. «путчем Красса», см.: Seager R. *The First Catilinian Conspiracy* // *Historia*. 1964. Bd. 13. P. 338–347; Etienne R. *Jules Cesar*. P. 40.], даже не упоминал имени Цезаря, а все обвинения против него считал ложными (*Sail. Cat.*, 49). Цицерон, выступивший в 63–62 гг. вдохновителем и организатором расправы с Катилиной и его сторонниками, очень коротко говорил о событиях 66–65 гг. (*Cic. In Cat.*, I, 5; ср.: *Pro Mиг.*, 81; *Pro Sulla*, 81) и при этом ни разу не сделал ни малейшего намека на участие Цезаря в «заговоре Катилины»[54 - Некоторые анонимы, «снующие по форуму», «стоящие перед курией», «приходящие в сенат», «умашенные благовониями, щеголяющие в пурпурной одежде», появляются в речах Цицерона. Однако никаких конкретных характеристик он не дает, см.: *Cic. In Cat.*, II, 5; ср.: *Cic. In Cat.*, I, 9; 18; 1920; 21–23.]. Имя Цезаря в речах Цицерона по этому поводу вообще впервые и единственный раз возникло лишь после выступления Цезаря в сенате 5 декабря 63 г. (*Cic. In Cat.*, IV, 7). Смутное упоминание о «заговоре тех, что домогались консульства» на 65 г., есть у Ливия (*Liv. Per.*, 101). В другом месте Ливий называл некоторых сторонников Катилины, в

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org том числе, например, претора 63 г. Лентула, однако о Цезаре, преторе-десигнате на 62 г., он не упоминал (Liv. Per., 102) [55 – ливий вообще впервые упоминал о Цезаре в связи с делом Клодия (Liv. Per., 103)]. Аппиан начинал изложение событий, связанных с Катилиной, лишь с 64–63 гг. и вообще ничего не говорил о заговоре 65 г. (см.: App. В. С., II, 2), а вопрос о причастности Цезаря к заговору 63–62 гг. относил к категории слухов (App. В. С., II, 6). Плутарх на событиях 63–62 гг. останавливался очень бегло и подчеркивал, что реальное отношение Цезаря к «заговору Катилины», оказывал ли он тайную поддержку и выражал ли сочувствие заговорщикам, осталось неизвестным (Plut. Caes., 7). Дион Кассий вообще не останавливался на этой проблеме, а Веллей Патеркул даже о речи Цезаря в сенате говорил анонимно (Vell., II, 35, 3).

Связная версия событий и роли Цезаря в «заговоре Катилины» сложилась довольно поздно и изложена лишь у Светония (Suet. Iul., 9; 14, 1–2). Это дает нам основание предположить, что хотя Светоний и называл в качестве своих источников информацию существовавшую во времена Цезаря и утраченную на сегодняшний день традицию («Историю» Танузия Гемина, эдикты Марка Бибула, речи Гая Куриона Старшего и даже одно из писем Цицерона к Аксию – Suet. Iul., 9, 2), его изложение имеет характер авторской реконструкции. Не вдаваясь сейчас в вопрос о развитии движения Катилины: #с_463, отметим, что невозможно объективно и с достаточной полнотой решить вопрос об участии Цезаря в этом событии. Все заключения по этому поводу неизбежно принимают характер более или менее точных реконструкций, поскольку в конечном итоге обвинения Цезаря в причастности к планам и действиям катилинариев опираются на единственное бесспорное основание – его речь в сенате 5 декабря 63 г. (Sail. Cat., 52, 16; Plut. Caes., 7–8; Cato Min., 23; App. В. С., II, 6; ср.: Vell., II, 35, 3) – и остаются недоказанными (Sail. Cat., 49; Suet. Iul., 17, 1–2). В связи с этим некоторые исследователи вообще не признают участия Цезаря в выступлении Катилины, т. к. не видят возможных оснований для этого. По мнению Г. Буассье, например, Цезарь уже в это время выступал как самостоятельный политик и, имея в виду некоторые чрезвычайные политические перспективы, не был заинтересован в каких-либо компрометировавших его мероприятиях: #с_464. С. Л. Утченко считал факт заговора 65 г. весьма «сомнительным»: #с_465.

Т. Моммзен оставлял вопрос о достоверности сведений о заговоре 65 г. открытым, а обвинения Цезаря в связях с заговорщиками оценивал как возможную инвективу его политических противников: #с_466. Однако, реконструируя события, историк пришел далее к парадоксальному выводу: Кресе и Цезарь использовали Катилину для установления военной диктатуры: #с_467. Позднее, видимо, этот вывод Т. Моммзена стал основанием для утверждения, будто бы Цезарь и Кресе были инициаторами заговора Катилины: #с_468, во всяком случае, поддерживали его: #с_469.

Для нас в данном случае важнее всего резонанс событий 66–62 гг. в общественном мнении: Катилина считался сторонником Суллы, активным участником сулланских проскрипций (Cic. Ad Att., I, 16, 9; Sail. Cat., 21; App. В. С., II, 2), возмутителем общественного спокойствия и государственной стабильности (Cic. In Cat., I–IV; Pro Mur., 6; Pro Sulla, 70; Sail. Cat., 5, 6; 16, 4; ср.: Plut. Caes., 7; App. В. С., II, 2); с его именем оказалось связано имя Цезаря, хотя для самих современников эта связь была неясной и непоследовательной.

Такой же неопределенный партийно-политический характер носят и некоторые другие инициативы Цезаря этого периода. Например, судебная инициатива Цезаря, когда в 64 г. он объявил недействительной статью сулланской конституции, по которой убийство проскрибированного оставалось безнаказанным, и на основании этого призвал к ответу участников сулланских проскрипций, в том числе самого Катилину и, возможно, его сторонников – Луция Беллиена и Луция Лусция. Заметим, однако, что Катилина был оправдан; более того, современники подозревали, что в то же самое время Цезарь оказал ему поддержку на консульских выборах. Столь же сомнительной и политически невыдержанной была и его позиция в вопросе о казни сторонников Катилины (Cic. In Cat., IV, 78; Sail. Cat., 51; Suet. Iul., 14, 12; Plut. Caes., 78): он не защищал катилинариев, но лишь апеллировал к римской традиции, не позволявшей казнить гражданина, лишенного возможности апелляции; он не выступал за смертную казнь, т. к. это могло вызвать недовольство традиционно настроенной части гражданства, и не выступал принципиально против, т. к. за этим могло последовать обвинение в содействии мятежникам и в очередной раз вызвать недовольство сената. Наконец, известен и такой

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
факт: в 46 г., когда Цезарь стоял уже во главе государства, он поддерживал тесную связь с единственным оставшимся к тому времени в живых приверженцем Каталины – Публием Ситтием (см.: *Cic. Ad Att.*, XV, 17, 1; *Ad Fam.*, V, 17; *Sail. Cat.*, 21, 3).

За всеми этими действиями, если оценивать их с принятой в историографии точки зрения партийно-политической борьбы популяров и оптиматов, единая цель и осознанные методы почти не угадываются. Но они, как нам кажется, были. Цезарь демонстрировал, что он действует независимо от узких партийно-политических интересов и стремится к общественному консенсусу в отношении собственной персоны.

Важным показателем общественно-политических позиций Цезаря в начальный период его жизни и деятельности может служить процесс против Гая Рабирия. В 63 г. Рабрий был обвинен в убийстве народного трибуна Луция Аппулея Сатурнина (*Suet. Iul.*, 12), которое произошло в 100 г. Это случилось с молчаливого согласия Гая Мария (*Cic. Pro Rab.*, 21). Процесс формально был выдержан в интересах популяров, имел явно выраженный антисенатский характер и должен был скомпрометировать право сената на введение чрезвычайного положения (*Cic. Pro Rab.*, 2; 4). Решение по делу Рабирия было выработано комиссией дуумвиров, в которую входили Юлий Цезарь и его двоюродный брат Луций Юлий Цезарь. Они вынесли обвиняемому смертный приговор. Рабрий апеллировал к народу. Дело перенесли в центуриатные комиции, где Рабрия защищал Цицерон. Оно не было доведено до конца, поскольку претор Квинт Цецилий Метелл Целер, который был авгуром, распустил собрание и вопрос более не возобновлялся (*Dio Cass.*, XXXVII, 2628). Совершенно не случайный состав комиссии дуумвиров, ход ведения дела и его исход дают основание думать, что в данном случае существовала некая договоренность Цезаря, как главного обвинителя, с защитниками Рабирия. Участие в процессе позволяло Цезарю зарекомендовать себя как борца за интересы народа, но способного на политический компромисс и готового принять паритет оптиматов и популяров. Кроме того, подобная позиция отчасти сближала Цезаря с влиятельной аристократической группировкой Метеллов.

Другое событие 63 г. можно расценить в определенной степени как политический вызов: Цезарь выдвинул свою кандидатуру на должность великого понтифика. Его противниками были влиятельнейший политик Публий Сервилий Ватий Исаврийский и принцепс сената Квинт Лутаций Катул. Поскольку решение об избрании должны были принять центуриатные комиции, исход выборов оставался крайне неопределенным. В этой ситуации Катул пытался дать Цезарю крупную взятку, лишь бы тот отказался от соискательства (*Plut. Caes.*, 7; *Suet. Iul.*, 13; *Dio Cass.*, XXXVII, 7, 2; ср.: *Sail. Cat.*, 49, 2; *Vell.*, II, 43, 3). Цезарь отказался от денег – должность была пожизненной и довольно значительной, обеспечивала непоколебимый и вечный авторитет. О том, насколько она важна была для Цезаря и вместе с тем каким неустойчивым все еще оставалось его политическое положение, говорит известное обстоятельство: отправляясь в день выборов в народное собрание, он заявил матери, что в случае неудачи он не вернется домой (*Plut. Caes.*, 7; *Suet. Iul.*, 13). Однако, судя по накалу страстей в ходе избирательной кампании, о чем красноречиво свидетельствовал Плутарх, целью Цезаря была не столько сама должность, сколько политический резонанс этих выборов: Цезарь доказал, что способен не только на компромисс, но и на открытое противостояние (*Plut. Caes.*, 7).

В 62 г. Цезарь был избран на должность городского претора: #с_470. По закону Суллы – *lex Cornelia de magistratibus* – ив соответствии с возрастным цензом претора предоставлялась не ранее 41 года. Цезарю к этому времени исполнилось 38 лет. Наиболее знаменательным событием его претуры был неприятный случай в связи с ночным праздником в честь *Вона Деа*, который в 62 г. проходил в доме Цезаря (*Plut. Caes.*, 9), связанный с именем Клодия, получивший широкую огласку и грозивший перерасти в общественный скандал. Клодий, на которого уже в это время смотрели как на носителя антисенатских настроений, был обвинен в святотатстве, совершенном во время праздника, в разврате и отдан под суд (*Cic. Ad Att.*, I, 12, 3; *Pro Sest.*, 20; 39; *De harusp. resp.*, 37; *Pro Cael.*, 36; *Liv. Per.*, 103; *Plut. Caes.*, 9–10; *Cic.*, 28). Цезарь отказался выступить в суде свидетелем обвинения (*Plut. Caes.*, 10; *Cic.*, 29). В.С. Дуров считает, что таким образом Цезарь достиг «нескольких целей сразу: подчеркнул неприкосновенность и священный характер своей собственной персоны и в то же время избег осложнений, чреватых для него роковыми последствиями», кроме того, приобрел преданного сторонника в лице Клодия: #с_471. Отмеченные результаты, бесспорно, имели значение. Но

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
главное, на наш взгляд, состояло в другом: позиция Цезаря в этом процессе позволила ему укрепить свои политические связи в среде сенатской аристократии, т. к. Клодий был тесно связан с родом Метеллов.

На это же, видимо, была рассчитана и поддержка Цезарем политических инициатив народного трибуна Квинта Цецилия Метелла Непота, когда тот предложил в 62 г. привлечь к суду Цицерона по обвинению в незаконной казни римских граждан – катилинариев. Одновременно с этим Цезарь поддержал и предложение Метелла разрешить Помпею заочно баллотироваться во второй раз в консулы и не распускать войско, а начать войну против Каталины. Наконец, Цезарь попытался привлечь к суду Квинта Катуту якобы за растрату государственных средств при восстановлении Капитолийского храма, а строительство передал Помпею (Suet. Iul., 15). Все эти шаги были явно направлены против сената и просенатски настроенных политиков. Вместе с тем нет никаких оснований видеть за этими действиями проявление принципиального демократизма. Во-первых, потому, что невозможно заподозрить Помпея в приверженности римской демократии. Первое после возвращения в Рим с Востока его публичное выступление, как свидетельствовал Цицерон, было выдержано в весьма аристократическом духе: «первая речь Помпея была не к радости черни, бессмысленной для простых (демократов), не приятна зажиточным, не значима для благонамеренных (аристократов); вследствие этого он не имел успеха – *prima contio Pompei non iucunda miseris, inanis improbis, beatis non grata, bonis non gravis; itaque frigebat*» (Cic. Ad Att., I, 14, 2). Более того, римляне не сомневались, что Помпею, опираясь на армию и чрезвычайный авторитет в военной среде, произведет государственный переворот и захватит единоличную власть (Plut. Pomp., 43). Непревзойденную характеристику дал Помпею Т. Моммзен, который заметил, что Помпею «был всегда в конфликте с олигархией и вместе с тем оставался ее послушным слугой»: #c_472. Во-вторых, Цезарь продемонстрировал откровенное пренебрежение поддержкой демократических слоев Рима, когда после отстранения от должности из-за возникших в результате предложений Метелла беспорядков не воспользовался возмущением толпы и не призвал ее к радикальным действиям, а, напротив, убедил собравшихся разойтись. Этим он восстановил расположение к себе сената, отменившего постановление и восстановившего его в должности (Suet. Iul., 16).

События 63–62 гг. важны прежде всего тем, что впервые продемонстрировали явное расположение толпы к Цезарю. Цицерон говорил, что в это время Цезарь был «любим народом и угоден ему» (Cic. In Cat., IV, 11; ср.: Plut. Caes., 8; App. V. C., II, 6). Возможно, это заставило Цицерона относиться к Цезарю с осторожностью и даже опаской. Не случайно Плутарх намекал, что Цицерон сознательно не изобличил Цезаря в причастности к катилинариям, т. к. боялся его друзей и его силы (Plut. Cic., 20). Кроме того, стали очевидны не только его возросшая популярность и усилившееся влияние среди римских граждан, но и лояльность, и здоровый консерватизм в отношении к сенату. Когда сенат отверг его предложение о передаче Помпею восстановления Капитолия (ср.: Suet. Iul., 15), порученного Квинту Лутацию Катуту, Цезарь не настаивал. Цель была достигнута: он заявил о своей лояльности и к авторитетному политику (Помпею), и к сенату: #c_473.

В конце преторы Цезарю была назначена на 61 г. провинция Испания. В Испании в должности пропретора он стремился извлечь из своего положения максимальную выгоду и встать, наконец, в один ряд с ведущими политиками Рима (ср.: Plut. Caes., 12). Во-первых, Цезарь значительно обогатился, что позволило ему частично расплатиться с кредиторами. Во-вторых, вел успешные военные действия, в результате был провозглашен императором, получил триумф и вместе с этим новое признание и дополнительный вес в римском обществе. В-третьих, увеличил число непосредственных сторонников. В Испании к предоставленным в его распоряжение 20 когортам он добавил 10 новых, набранных из местного населения. Для провинциалов это было очень важно, т. к. служба в армии позволяла им надеяться на получение римского гражданства. Не менее важно это было и для Цезаря, т. к. способствовало расширению клиентелы и в конечном счете увеличению его политического веса. Но этим значение принятого Цезарем решения не исчерпывается. В контексте общей истории Римской республики и трансформации ее в Империю важно, что Цезарь отошел от недалековидной политики Рима в отношении провинциалов, проявив таким образом элементы имперского мышления. Однако необходимо подчеркнуть, что в это время проблема провинций и провинциалов могла существовать для него на уровне конкретных прагматических мероприятий и едва ли возвышалась до уровня теоретического осмысления. В этом плане мы не можем принять и считаем преувеличением встречающееся в исторической литературе утверждение

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org об осознании Цезарем уже в то время абсурдности ситуации с союзниками и восприятии их как неотъемлемой части государства: #с_474.

Завершая анализ политической деятельности Цезаря на первом этапе, еще раз отметим, что в период 84–61 гг. оформилось его отношение к римским политическим течениям и основным политическим проблемам, частично сложилась его политическая практика. За 25 лет борьбы за влияние и авторитет Цезарь понял, что римская демократия (комиции) превратилась в слабо организованную, изменчивую, податливую на подкуп и демагогию массу, а римская аристократия (сенат) в условиях активизации отдельных политических лидеров проявляла политическое бессилие и неспособность контролировать ситуацию в государстве. Ни на одну из этих сил невозможно было опереться. С самого начала политической карьеры Цезарь заявил о себе как о политике-практике. В каждой конкретной ситуации он поступал так, как это было нужно исключительно ему, используя при этом все возможные средства. В его действиях сочетались республиканский опыт и выработанный новыми условиями развития римской *civitas* жизненный практицизм. Он продемонстрировал, что умеет пользоваться традицией и не боится обновлять ее. Не случайно уже Сулла разглядел в нем задатки политика, наиболее опасного для республики, чем кто-либо другой (Plut. Caes., 1; Suet. Iul., 1,3).

В процессе борьбы за место среди политической элиты Цезарь усвоил важный тактический прием: чтобы достичь собственного возвышения, необходимо добиться всеобщего расположения и юридически закрепить достигнутое фактическое положение. Можно согласиться с мнением современных биографов Цезаря о том, что его конформизм был врожденным, но главным образом это был выработанный с годами стиль политического поведения: #с_475. Он принял как самое прямое руководство к действию оформившийся к этому времени в среде римской политической элиты принцип, имперский по существу, который был высказан в начале 64 г. Квинтом Цицероном: «Пусть у тебя будет уверенность, что сенат расценивает тебя по тому, как ты жил раньше, и смотрит на тебя как на защитника его авторитета; ...римские всадники, честные и богатые люди на основании прошлой жизни твоей пусть видят в тебе ревнителя порядка и спокойствия... Народ же пусть считает, что ты будешь действовать в его интересах» (Cic. Quint. Comment, petit., 1–58).

Задача организации собственного положения в системе Римской республики стала для Цезаря первоочередной с 60-го г. Во-первых, к этому времени он уже достиг определенного политического положения: дослужился до претора. Во-вторых, именно с этого времени Цезарь стал заметной фигурой не только римского форума, но и римской политической жизни вообще: #с_476. Важную роль сыграл в этом I триумvirат.

К концу 60-х гг. Цезарь приобрел некоторое влияние в среде римских популяров и римского плебса. Но даже после испанского наместничества он не имел определенного политического плана, был еще очень далек от популярности таких политиков, как Помпей и Крассе (Plut. Caes., 13), и играл второстепенную роль в политической жизни Рима: #с_477. Современники воспринимали его по большей части с недоверием и скептицизмом. Подобная оценка прослеживается, например, в отношении Цицерона, который в письмах этого периода высказывался о Цезаре довольно пренебрежительно, а на предложение составить политический союз ответил отказом (Cic. Ad Att., II, 33; Ad Fam., IV, 6, 4; ср.: Plut. Caes., 4): #с_478.

В должности претора Цезарь обладал империем. Однако это был *imperium domi*, предоставлявший лишь судебную власть и лишь в пределах померия. В должности пропретора он был наделен *imperium militiae*, предоставлявшим всю полноту власти, но вне померия. Лишь положение консула позволяло магистрату концентрировать высшую гражданскую и военную власть. Правда, после законодательства Суллы военная компетенция консулов была значительно урезана: они вели военные действия лишь в Италии и только в крайних случаях, когда это касалось в основном римских внутривнутриполитических проблем (например, Катун против Лепиды в 78 г., Геллий и Лентул против Спартака в 72 г., Г. Антоний против Катилины в 63 г.). Лишь в 74 г. консулы Лукулл и Котта были направлены против Митридата, остальные войны вели проконсулы. Тем не менее консульская должность была объектом политических притязаний: во-первых, это являлось естественным продолжением политической карьеры; во-вторых, консулат открывал путь к промагистратуре и провинциальным наместничествам. Достижение консульской должности стало главной задачей Цезаря. В данном случае мы не имеем в виду неких телеологических установок.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Стремление Цезаря к консулату не было проявлением ни антиреспубликанских настроений, ни попыткой возвыситься над существующей политической системой. Цицерон подчеркивал, что стремление к почету и высокому положению двигали почти всеми, кто домогался консулата (Cic. Pro Sulla, 73). Однако современникам было хорошо известно, что такие претензии могут не осуществиться. Об этом говорил Цицерон в речи «В защиту Луция Лициния Мурены». Это отчетливо продемонстрировала история «заговора Катилины», который, имея влиятельных друзей и обширные связи (Sail. Cat., 17, 5; 7; 38, 4–5; Plut. Caes., 7; App. B. C., II, 3), отслужив претуру и пропреторскую должность (ср.: App. B. C., II, 2), тем не менее не мог добиться консулата. Таким образом, борьба за консулат приобретала порой характер открытого противостояния сенату.

За успешные действия в Испании Цезарь получил триумф, который должен был отпраздновать после возвращения в Рим. Римская сакрально-политическая традиция допускала, что на время триумфа полководец-триумфатор пользовался в Риме не только высшей гражданской, но и высшей военной властью. Цезарь предпочел этому годичный консульский империй. Так как сенат не пошел на исключение из правил и не позволил Цезарю домогаться магистратуры заочно, он отказался от триумфа и начал подготовку к консульским выборам на 59 г. (Plut. Caes., 13; Suet. Iul., 18, 2; App. B. C., II, 8; Dio Cass., XXXVII, 54). Античная традиция очень неоднозначно представляет картину избирательной кампании. Плутарх, например, писал, что Цезарь, стремясь к консулату, уговорил Помпея и Красса соединиться в «дружеский союз» для противостояния Цицеронам, Катулам и Катонам (Plut. Crass., 14; ср.: App. B. C., II, 9; Dio Cass., XXXVII, 54). По довольно поздней версии Светония, Цезарь получил консулат при поддержке другого претендента на консульскую должность – Луция Лукция, а политический союз с Помпеем и Крассом сложился уже после выборов, когда были определены проконсульские провинции и отчетливо обнаружилось пренебрежительное отношение к нему со стороны сенатских кругов (Suet. Iul., 19, 2; ср.: Vell., II, 44,1). На этом основании К. В. Нич в свое время высказал тезис о том, что консульские выборы Цезаря и образование I триумvirата не имеют ничего общего: #с_479. В подобной историографической коллизии главным становится вопрос не о том, когда, а для чего был составлен союз Цезаря, Помпея и Красса. При этом значение могут иметь несколько обстоятельств. Во-первых, политическое сближение на основе двусторонних отношений Цезаря и Красса, Цезаря и Помпея готовилось и развивалось в течение нескольких лет, начиная с 67 г. (Plut. Caes., 5; 11; Crass., 7; Suet. Iul., 15; 16; 18; App. B. C., II, 1). Во-вторых, даже при наличии столь неоднородных документальных данных становится ясно, что еще в ходе избирательной кампании Цезарь добился поддержки Помпея и Красса и их союз сложился до его официального вступления в должность (Liv. Per., 103; App. B. C., II, 9). В начале 59 г. существование триумvirата обсуждалось как очевидный факт (Cic. Ad Att., II, 9, 1–2). В-третьих, в Римской республике практика заключения политических союзов ради достижения государственной должности и поддержки кандидата влиянием и голосами клиентелы была обычным явлением. Она опиралась на сложившуюся систему организации и проведения выборов кампаний, когда кандидат должен был сам обходить избирателей и просить их о содействии на выборах, а также на традиционные римские отношения патроната, дружбы и гостеприимства. Наиболее яркими примерами предвыборных соглашений были союз кандидатов в децемвиры в 451 г. (Liv., III, 35), союз Сатурнина, Главции и Гая Мария в 100 г. (App. B. C., I, 29). Наконец, накануне образования I триумvirата Помпеи объединился с оппозиционными сенату молодыми политиками ради избрания консулом на 60 г. своего сторонника Афрания (Plut. Pomp., 44). Как правило, предвыборные политические союзы распадались сразу после проведения выборов. Союз Цезаря, Помпея и Красса просуществовал в течение нескольких лет и не только укрепил политическое влияние его членов, но стал по существу основой сначала для возвышения Помпея, затем для утверждения диктатуры Цезаря (Plut. Caes., 13). В-четвертых, совершенно очевидно, что вне зависимости от времени образования союз был рассчитан на перспективу. Непосредственной задачей союзников было удовлетворение их ближайших политических целей и взаимная политическая выгода (Vell., II, 44, 2; App. B. C., II, 9; Flor. Ep. bell., II, 13; 46–50). Цезарь домогался консулата, который позволял ему в течение еще одного, а при благоприятном для него стечении обстоятельств в случае получения выгодного наместничества нескольких лет, удерживать высшую исполнительную власть. Помпеи хотел утверждения своих распоряжений на Востоке и наделения земель ветеранов, таким образом рассчитывал восстановить и укрепить свое влияние в римских политических кругах. Амбиции Красса не получили в источниках четкого отражения. Сохранились лишь некоторые свидетельства о том, что он стремился

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org добиться первого места в государстве (Vell., II, 44, 2). Красе рассчитывал, видимо, вернуться к активной политической деятельности и получить со временем второй консулат. Косвенным свидетельством этого можно считать утверждение Плутарха, что Красе и Помпеи способствовали назначению Цезаря в Галлию, полагая, что остальное они поделят сами (Plut. Crass., 14). Если иметь в виду главное условие заключения триумvirата, в соответствии с которым союзники договаривались «править совместными силами и по единому плану» (Plut. Crass., 14), «не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из троих» (Suet. Iul., 19, 2), а также факт закрепления политического союза родственными отношениями в 59 г. (Vell., II, 44, 2; Plut. Caes., 5; 14; Pomp., 47; Suet. Iul., 21) и, наконец, то, что заключение союза открывало новые перспективы, получившие подтверждение в Луке в 56 г., когда «...частным образом союзники сговорились ... крепко держаться за власть и подчинить себе все управление» (Plut. Crass., 14; ср.: Plut. Caes., 21; Suet. Iul., 24; App. В. С., II, 17), то следует признать, что союз был рассчитан на длительный срок и был призван закрепить влияние и авторитет триумvirов в Риме в будущем: #с_480.

Таким образом, дружеское соглашение Цезаря, Помпея и Красса могло оформиться в ходе или непосредственно по итогам консульских выборов. Во всяком случае, во второй половине 60-го г. на основе этого частного дружеского соглашения оформился их политический союз, который получил название I триумvirата.

В исторической литературе господствует точка зрения, согласно которой инициатором союза был Цезарь: #с_481. Такая оценка представляется нам односторонней и не вполне отвечающей действительной политической ситуации в Риме в конце 60-х гг. Анализ событий показывает, что Помпеи в не меньшей степени был заинтересован в соглашении с Цезарем, т. к. оказался в политической изоляции и для реализации своих обещаний и планов вынужден был искать союзников вне официальных органов власти: #с_482.

Современники событий и римские историки следующего поколения считали, что I триумvirат необратимо повернул ход событий в Риме в сторону гражданской войны (Plut. Caes., 13), которая в конечном счете привела к установлению диктатуры Цезаря и уничтожила республику. Варрон, по сообщению Аппиана, посвятил этому союзу специальное исследование и назвал свою книгу «Трехглавие» (App. В. С., II, 9). Ливии расценивал образование триумvirата как претензии Цезаря на захват государственной власти (Liv. Per., 103). Веллей Патеркул считал, что это был союз, заключенный «ради могущества – potentiae societas, который оказался гибельным ... для Рима и мира» (Vell., II, 44, 1).

Образование I триумvirата, безусловно, явилось новым важным этапом в процессе ослабления республиканских основ и развития имперской системы и монархической власти. Определяющей чертой государственно-политической системы Рима в условиях I триумvirата стал дуализм – сосуществование полных и монархических элементов. Республиканская форма правления сохранялась, но над республикой возникла структура, которая контролировала и во многих отношениях определяла ее политику. Сами триумвиры находились практически вне контроля со стороны республиканских органов власти. Их положение базировалось не столько на конституированных полномочиях каждого из них, сколько на реальном влиянии и силе. По целям, характеру и форме власти I триумvirат являл собою специфическую автократическую систему – коллегиальную диктатуру, правда, конституционно не оформленную. Дуализм проявлялся и в организации власти самих триумvirов. С одной стороны, I триумvirат предполагал республиканские принципы организации власти, такие как коллегиальность и легитимность полномочий; с другой – главной основой власти триумvirов выступали реальная сила и личный авторитет, а главным принципом организации власти – личная воля и силовое давление. Наконец, дуализм прослеживается и в социально-политической практике триумvirов: при общей антисенатской и антиреспубликанской по существу политике триумвиры никогда не ставили задачи уничтожения сената и республиканской системы власти: #с_483.

Таким образом, I триумvirат стал не просто этапом в трансформации Римской республики, а важным прецедентом новой формировавшейся имперской и монархической государственно-политической системы.

Непосредственным результатом заключения I триумvirата стало избрание Цезаря в консулы на 59 г.: #с_484 Цезарь получил *imperium consulare*, который

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org предоставлял ему высшую военную и гражданскую власть в Риме. В соответствии с консульским империем он приобрел самые широкие полномочия. Прежде всего он получил право организации всей политической жизни: мог созывать и председательствовать в сенате и народном собрании. При проведении выборов должностных лиц он был не просто распорядителем, а мог устранить неугодных кандидатов: проигнорировать поданные голоса, предложить свой список, а если речь шла о выборах чрезвычайных магистратов, мнение общины вообще не запрашивалось. В сфере военной компетенции Цезарь как начальник армии мог созывать центуриатные комиции и таким образом проводить все решения, связанные с военной необходимостью. В сфере гражданской администрации он выступал прежде всего в качестве судьи. Кроме того, в его распоряжении были государственная казна и государственный архив. Хотя непосредственно эти функции выполняли квесторы, но они, в свою очередь, подчинялись консулам. Имея в виду положение Цезаря и его политическую практику в 59 г., некоторые современные историки оценивают его консулат как диктатуру: #с_485. На наш взгляд, нет достаточных оснований для подобных оценок: в 59 г. у Цезаря не было ни правовых основ, ни прочной социальной базы для утверждения личной диктатуры. Более того, у него не было подобных намерений: все его действия были продиктованы конкретной политической ситуацией в Риме и являлись ответом на нее.

После консулата Цезарь получил по закону Ватиния – *lex Vatinia* проконсульство в Цизальпинской Галлии и Иллирике сроком на 5 лет с правом иметь три легиона (*Caes. BG.*, I, 10; 21; *Cic. Pro Sest.*, 135; *In Vat.*, 15; *Vell.*, II, 44, 4; *Plut. Caes.*, 14; *Pomp.*, 48; *Crass.*, 14; *Cato Min.*, 33; *Suet. Iul.*, 22; *Dio Cass.*, xxxviii, 38): #с_486. Постановлением сената это наместничество было расширено: Цезарь получил Трансальпийскую Галлию и дополнительные военные силы (*Cic. Ad Att.*, VIII, 3, 3; *Suet. Iul.*, 22, 1; *Dio Cass.*, xxxviii, 8). В 55 г. по закону Требония – *lex Trebonia* проконсульский империй Цезаря был продлен еще на 5 лет, число легионов было доведено до 10, а их содержание возложено на государство (*Vell.*, II, 46, 4; *Plut. Caes.*, 21; *Pomp.*, 52; *Crass.*, 14; *Cato Min.*, 33; *Suet. Iul.*, 24). К середине I в. промагистратура превратилась из чрезвычайной в ординарную и провинциальные наместничества стали необходимым условием нормальной жизни Римской республики. Кроме того, утвердился неписанный моральный кодекс, который регулировал отношения между промагистратами и римским гражданством: промагистратура рассматривалась как почетное поручение магистрату и передача ему воли и власти римского народа, в благодарность за которые промагистрат должен был всеми силами и средствами обеспечивать материальное и политическое укрепление римской *civitas*. Для самого промагистрата провинциальное наместничество также открывало немалые возможности, т. к. власть его в провинции не сдерживалась ни коллегиальной, ни трибунской интерцессией, ни контролем со стороны сената. Галльский проконсулат Цезаря продолжался с 58 г. по март 48 г. Таким образом, в течение 10 лет он обладал *imperium proconsular*, который предоставлял ему высшую военную и гражданскую власть в провинции. Подобное положение, вопреки обычному уже с античной эпохи мнению, не было беспрецедентным. Известны продолжительные наместничества Помпея, Метелла Пия в Испании (79–71 гг.), Лукулла на востоке (74–66 гг.), Аппия Клавдия на Балканах (78–75 гг.) и др. Но продолжительный империй, огромное число войск, находившихся под командой Цезаря, и прочные политические связи сделали его одним из самых влиятельных политиков Рима.

Во время консулата и триумvirата Цезарь укрепил свое государственно-правовое положение опорой на народное собрание и народный трибулат. Все основные законопроекты: *lex Iulia agraria*, *lex Iulia de actis Pompeii*; *lex Iulia de publicanis*, *lex Iulia de repetundis* (*Cic. In Vat.*, 29; *In Pison.*, 37; 50; 90; *Pro Rab.*, 8; 12; *Vell.*, II, 44, 4; *Plut. Caes.*, 14; *Cato Min.*, 31; *Suet. Iul.*, 20; *App. V. C.*, II, 10; 13; *Dio Cass.*, xxxviii, 1; 3; 7) – он проводил именно через комиции без предварительного обсуждения их в сенате, таким образом абсолютно игнорируя мнение сенаторов. Закон о назначении ему в качестве провинции Цизальпинской Галлии был принят по инициативе народного трибуна Ватиния, следовательно, в народном собрании, а не решением сената, как этого требовала римская государственно-политическая практика, кроме того, в обход старинного Семпрониевого закона (122 г.), по которому консульские провинции определялись по жребию накануне почти одновременно с консульскими выборами (*Cic. Pro Sest.*, 135; *Suet. Iul.*, 22; ср.: *App. V. C.*, II, 13; *Dio Cass.*, xxxviii, 8)[56 – консулам 59 г. достались либо глухие провинции, либо надзор за государственными угодьями. Светоний говорил, что это были провинции «с незначительными обязанностями – леса и лесные тропы – *minimi*

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org *negotii, id est siluae callesque*» (Suet. Iul., 19, 2).] Решения лукской встречи триумвиров о продлении Цезарю проконсульства в Галлии еще на 5 лет и предоставлении консулата на 55 г. Помпею и Крассу были проведены также через комиции (Vell., II, 46, 2). Аппиан подчеркивал, что в год своего консульства Цезарь не созывал сенат, а все вопросы решал, опираясь исключительно на народное собрание (App. В. С., II, 10). При этом важное значение при голосовании вопросов имел фактор политического влияния в комициях Помпея, Красса и их сторонников.

Контроль над народным трибунатом Цезарь установил при помощи дружеских отношений с некоторыми из трибунов. На протяжении 59–52 гг. в коллегию народных трибунов неизменно оказывались избранными друзья и сторонники Цезаря: в 59 г. Публий Ватиний – преданный сторонник и легат Цезаря, ставший в 47 г. консулом, и Альфий Флав (Cic. In Vat., 38; Pro Sest., 114); в 58 г. Публий Клодий, в дружеских отношениях с которым подозревали Цезаря, и Элий Лиг – друг Клодия (ср.: Plut. Caes., 14); в 57 г. Публий Сестий [57 – Публий Сестий – народный трибун 57 г. был другом и подзащитным Цицерона (см.: Cic. Pro Sest.). Однако, если учесть, что в 57 г. Цезарь не возражал против возвращения Цицерона в Рим, можно думать, что Сестий мог выступать сторонником Цезаря. Кроме того, позднее, в годы гражданской войны, Сестий выступал на стороне Цезаря.]; в 56 г. Цезаря могли поддерживать Публий Рутилий Луп – сторонник Помпея и Гай Порций Катон – друг Клодия; в 55 г. Гай Требоний – цезарианец, консул 45 г. и, возможно, Луций Росций Фабат, выступавший затем посредником между Цезарем и Помпеем; в 52 г. – Гай Саллюстий Крисп – ярый сторонник Цезаря и Тит Мунаций Планк, занимавший антисенатскую позицию. С помощью своих сторонников Цезарю, видимо, удалось добиться поддержки большей части народных трибунов, поскольку, когда трибун Луций Антистий потребовал его к ответу за действия во время консульства, большинство народных трибунов воспользовалось правом интерцессии (Suet. Iul., 23, 2).

Некоторые исследователи считают, что для Цезаря и триумвиров не было необходимости в трибунате как союзнике, т. к. основой их власти были ветераны Помпея и популярность Цезаря: #с_487. Думается, это суждение не вполне соответствует действительности. Во-первых, даже в это время авторитет Цезаря не был неоспоримым. Во-вторых, в качестве проконсула он должен был покинуть Рим, но хотел оставаться в курсе всех дел. Наконец, триумвират был воспринят римским гражданством неоднозначно. Более того, ко времени окончания консулата Цезаря, когда отчетливо обозначилось стремление триумвиров встать над республиканскими органами власти, наметился поворот общественного мнения и явно не в пользу триумвиров.

Политическая практика Цезаря в отношении комиций и трибуната, его личные связи с плебейскими трибунами не дают оснований видеть в этом проявление его принципиального демократизма. Во-первых, по сложившейся в Риме практике принятия решений в народном собрании определяющую роль играл магистрат, собравший комиций. Более того, за время консулата Цезаря и господства триумвиров основы римского республиканизма и демократизма в народном собрании оказались еще более ослабленными, усилились индифферентизм, абсентеизм и коррупция. Неоднократно были нарушены традиционные принципы организации и проведения народного собрания, решения часто принимались под давлением силы (Cic. Pro Sest., 34), не соблюдались права трибунской интерцессии и трибунской неприкосновенности (Vell., II, 46, 3; Plut. Crass., 16; App. В. С., II, 18; Dio Cass., xxxix, 32, 3). Во-вторых, законодательство Цезаря было направлено на удовлетворение интересов различных сословных групп римского общества: безземельного плебса, всадничества, ветеранов Помпея, среди которых могли быть провинциалы. При этом важно отметить, что принятые Цезарем законы практически не затрагивали непосредственных интересов крупных земельных собственников: #с_488. Закон о вымогательствах (Dig., XLVIII, 11, 1–10) имел имперский характер и не столько отвечал программным требованиям популярюв, сколько был направлен против небольшой группы нобилей, присвоившей себе право распоряжаться консулатами и провинциями: #с_489. Наконец, в условиях триумвирата политическая жизнь в Риме постепенно пришла в полное расстройство, вылилась в политические скандалы и уличные беспорядки, что в конечном итоге определило поворот общественного мнения в сторону единоличного правления в форме *consul sine collega* Помпея в 52 г.: #с_490

Важным следствием I триумвирата и консулата Цезаря было то, что изменился баланс сил в сенате: Цезарь возглавил сенат, который в основном составе был к нему оппозиционным. «Сенаторы не могли противопоставить ничего равного

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org силе и подготовленности Цезаря» (App. В. С., II, И). Ему удалось нейтрализовать деятельность своего коллеги – Кальпурния Бибула, который не появлялся на заседаниях сената и ограничивался лишь тем, что писал эдикты антицезарианской направленности (Cic. Ad Att., II, 16, 2; 19, 2; 20, 4, 6; Vell., II, 44, 5; Plut. Caes., 14; Suet. Iul., 20; Dio Cass., XXXVIII, 16). Подробнее всего это представлено Аппианом (App. В. С., II, 10–12). Большая часть сенаторов либо вообще не посещала курию и воздерживалась от участия в делах (Plut. Caes., 14), либо, чтобы окончательно не потерять своего политического значения, вынуждена были принимать решения, отвечавшие интересам Цезаря. Например, именно так был принят первый аграрный закон Цезаря (Dio Cass., XXXVIII, 1–7). Из этих соображений в дополнение к Цизальпинской Галлии Цезарю в качестве провинции была предоставлена еще и «Косматая» – Трансальпийская Галлия (Suet. Iul., 22, 1). Принятым решением о публикации ежедневных отчетов о собраниях сената – *acta diurna senatus et populi* (Suet. Iul., 20) Цезарь прямо поставил себя в роль посредника между сенатом и народом. Наконец, Цезарь вынудил сенат принести присягу на верность его решениям – *in acta Caesaris* (App. В. С., II, 12; Dio Cass., XXXVIII, 7).

Таким образом, законодательная инициатива сената практически была сведена к нулю. Даже после отъезда Цезаря в провинцию сенат не принял ни одного решения, которое было бы направлено принципиально против Цезаря или триумвиров. Цицерон в своих речах говорил, что действие республиканских органов власти парализовано, что «государственный корабль» потерпел «крушение», что «кормило государства вырвано из рук сената», что сам Рим «еще не уничтожен и не разрушен, но уже захвачен и покорен» (Cic. Pro Sest., 15; 20; 35; 46; ср.: Cic. De domo sua, 41; App. В. С., II, 14). О том, насколько вынужденным и зависимым было положение сената во время консульства Цезаря, говорит следующий факт: когда по истечении 59 г. преторы Гай Меммий и Луций Домиций потребовали судебного расследования по поводу мероприятий Цезаря, сенат отказался это сделать (Suet. Iul., 23).

Цезарь и триумвиры вмешивались и в военно-политическую компетенцию сената: время набора, комплектование офицерского состава, распределение войск по провинциям – все эти вопросы, если они касались интересов триумвиров, решались их волей (Caes. В.С., 1,7). Зимой 58 г. Цезарь набрал дополнительно два легиона (Caes. В.С., I, 10), а к концу военной кампании 57 г. общее число его легионов было в 2 раза больше того, которое определялось по закону (Caes. В.С., II, 2). В 54 г. Помпей содействовал набору 4 дополнительных легионов для Цезаря, а в 53 г. передал ему один из своих легионов. Сенат утратил и общий контроль над военными действиями: Авл Габиний, например, действовал в Египте в 55 г. по распоряжению Помпея (Liv. Per., 105), Цезарь воевал в Галлии совершенно независимо от сената (Caes. В.С., II, 35; IV, 38), Кресе осуществлял подготовку к парфянской кампании и позднее ее проведение самостоятельно и отбыл на Восток, даже не дождавшись окончания консульства.

Римский сенат утратил свой авторитет в отношениях с союзными и зависимыми от Рима государствами. Минувя сенат, был принят *lex Iulia de rege Alexandrino* о провозглашении царя Египта другом и союзником римского народа. В 55 г. Птолемей Авлет обратился за политической поддержкой не к сенату, а к триумвирам и за оказанную помощь в водворении на престол выплатил 6 тыс. талантов не в римскую казну, а Цезарю и Помпею, которые разделили деньги между собой (Suet. Iul., 54, 3; Dio Cass., XXXIX, 12).

Сенат пытался оказать сопротивление Цезарю, а после его отъезда в провинцию – триумвирам. Получили распространение памфлеты антитриумвирской направленности (Cic. Ad Att., II, 18, 1; App. В. С., II, 9). Предпринимались попытки забаллотировать некоторые решения триумвиров (Plut. Rom., 49). Однако все это лишь накаляло политическую ситуацию в Риме, еще более дестабилизировало жизнь общества и в конечном счете снижало влияние сената.

Таким образом, сенат переживал тяжелейший кризис. Он утратил и свои государственно-правовые prerogatives, и авторитет. Показательно в этом плане отношение Цезаря к лидерам сената: Марку Порцию Катону, который считался совестью сената, Луцию Лицинию Лукуллу, за которым закрепилась слава доблести сената, и Марку Туллию Цицерону, слышавшим голосом сената. Катон за попытку оказать сопротивление во время принятия закона о проконсулате Цезаря был отправлен в тюрьму. Правда, чуть позднее Цезарь отменил свой приказ. Оценивая это событие, Плутарх подчеркивал демонстративный и

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org неприципиальный характер действий Цезаря, который будто бы надеялся, что Катон обратится за помощью к народному трибуналу и таким образом избежит наказания (Plut. Caes., 14). Другой биограф Цезаря, Светоний, напротив, говорил о намеренном и радикальном характере действий Цезаря и не упоминал об отмене решения (Suet. Caes., 20, 4). Лукулла Цезарь «запугал ложными обвинениями» (Suet. Iul., 20, 4). Цицерона он пытался привлечь на свою сторону. После принятия Ватиниева закона о наместничестве в Галлии Цезарь даже предложил Цицерону должность легата (Cic. De prov. cons., 41). С одной стороны, это могло быть выражением личной симпатии, но с другой – это, безусловно, было стремлением удалить Цицерона из Рима.

Наконец, чтобы разом подорвать влияние Катона, Лукулла, Цицерона и их сторонников в сенате, Цезарь инспирировал заговор, якобы направленный против него и Помпея: #с_491. [58 – Т. Моммзен ничего не говорил о причастности Цезаря к «делу Веттия», но обращал внимание на особую роль в этом деле сторонника Цезаря – народного трибуна Ватиния, см.: Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 142–143. Ж. Каркопино также считал Цезаря непричастным, см.: Carcopino J. Histoire Romaine. La republique romaine de 133 a 44 avant J.-C. Cesar. P., 1936. P. 681–682.] Участниками этого заговора были названы влиятельнейшие сенаторы (Suet. Iul., 20, 5; ср.: Cic. Ad Att., II, 24; Plut. Luc., 42; App. V. C., II, 12). Современникам событий и античным историкам это дело представлялось весьма темным, а роль Цезаря – довольно смутной (App. V. C., II, 12; Dio Cass., XXXVIII, 9). Ходили различные предположения и догадки. Одни говорили, что, боясь публичных обвинений, Цезарь убил основного свидетеля и доносчика по делу – Луция Веттия. Сам Цезарь утверждал, что это сделали те, кто боялся официального разоблачения. Так или иначе, но именно Цезарь извлек максимальную выгоду и из этого события: ему было предоставлено полное право контролировать ситуацию в Риме (App. V. C., II, 12).

Политическое поражение оппозиционеры Цезаря в сенате потерпели после его консулата, когда тот был уже в Галлии. В 58 г. по требованию народного трибуна Публия Клодия Пульхра в соответствии с принятым *lex Clodia de exilio Ciceronis* Цицерон был удален из Рима после обвинения в незаконной казни римских граждан без суда и следствия (Cic. De domo sua, 47; 50; 83; Liv. Per., 103; Plut. Cic., 32; App. V. C., II, 15; Dio Cass., XXXVIII, 17). При этом никто из сенаторов не попытался спасти Цицерона (Cic. Pro Sest., 25; 65; ср.: Ad Att., III, 13, 2). Катон под предлогом выполнения должности квестора с преторскими полномочиями был отправлен на Крит (Cic. De domo sua, 20; Liv. Per., 104; App. V. C., II, 23; Dio Cass., XXXVIII, 30). Показателен тот факт, что, хотя Катон с честью выполнил государственное поручение, на выборах в преторы на 55 г. он проиграл Публию Ватинию, внесшему в свое время в народное собрание закон о предоставлении Цезарю наместничества в Галлии. Некоторое время спустя Катон за попытку оказать противодействие в проведении через народное собрание лукских решений был отправлен народным трибуном Гаем Требонием в тюрьму (Liv. Per., 105). Сенаторы в этих обстоятельствах также не проявили ни негативной реакции, ни желания защитить Катона. Это еще раз показывает, насколько политически и организационно ослабленным был сенат.

Современники подозревали, что инициаторами решений, направленных против лидеров сената, были Цезарь и Помпеи, а Клодий выступал лишь проводником политических планов триумвиров. На связи Клодия с триумвирами и лично с Цезарем неоднократно и довольно прозрачно намекал Цицерон. В речах «В защиту Сестия» и «Об ответах гаруспиков» он обвинил Цезаря и Помпея в пособничестве Клодию (Cic. Pro Sest., 20; 39–40; De harusp. resp., 38; 47; ср.: Liv. Per., 103; 104; Vell., II, 45, 2).

Историки наших дней в большинстве своем повторяют версию, сложившуюся в античности: #с_492. Мы вслед за С. Л. Утченко придерживаемся иной точки зрения. В ряде работ С. Л. Утченко доказал, что по отношению к триумвирам Клодий был не только самостоятельной, но даже враждебной силой: #с_493. Действительно, Клодий был связан с каждым из триумвиров (по крайней мере с Цезарем и Помпеем) задолго до 59 г. Еще находясь в войсках Лукулла в середине 60-х гг., он агитировал за Помпея (Plut. Luc., 34). В 60 г. Помпей сам обращался к Клодию за поддержкой с целью проведения своих законопроектов (Plut. Pomp., 46). Цицерон намекал на поддержку, которую оказывал Помпею Клодий в 59 г. (Cic. De harusp. resp., 45). Длительные отношения связывали Клодия с Цезарем: в 62 г. Цезарь отказался выступить свидетелем в судебном процессе *de pollutis sacris*, направленном против Клодия, а в 59 г. способствовал его переходу в плебейское сословие. Хотя

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
решение Цезаря в 62 г. было продиктовано прежде всего личными соображениями, оно, безусловно, способствовало возникновению если не дружеских, то заинтересованных взаимоотношений Цезаря и Клодия. Последующие события: переход Клодия в плебейское сословие, избрание его народным трибуном на 58 г. и участие во всем этом Цезаря – нам представляются прямым следствием развития таких взаимоотношений. Совершенно очевидно, что в 59 г. Цезарь сделал ставку на Клодия с целью противопоставить его влиянию авторитету лидеров сената (App. В. С., II, 14). Но свидетельства Цицерона (Cic. De domo sua, 23; 55; 60; 124; In Pison., 37; 57; Pro Sest., 24; De harusp. resp., 52) и анализ политической ситуации в Риме 58 г. показывает, что в целом трибунал Клодия не способствовал укреплению позиций триумвиров. Более того, уже в самом начале трибунала Клодий начал активно дистанцироваться от Цезаря, Помпея и Красса (App. В. С., II, 15). Предлагая свои законопроекты, он пытался частично кассировать законы Цезаря (Cic. De domo sua, 39; De harusp. resp., 48; ср.: Dio Cass., XXXVIII, 13). По окончании трибунала, будучи уже частным лицом, а затем курульным эдилом, Клодий стал допускать открытые политические выпады против Цезаря и Помпея (Cic. Pro domo sua, 40; Plut. Pomp., 38; Cic, 33; Dio Cass., XXXVIII, 30). В Риме даже ходили слухи, что в 57 г. он намеревался составить заговор и убить Помпея (Cic. Pro Sest., 69; De harusp. resp., 49; Ad Att., II, 24, 2; Ad Quint., II, 3, 3; ср.: Plut. Pomp., 49).

Самостоятельная позиция Клодия со всей очевидностью обозначилась с 56 г. Возглавив городской плебс, он выступил за предоставление Помпею чрезвычайных полномочий по снабжению Рима продовольствием, что означало, по существу, удаление Помпея из города. В 55–52 гг. вооруженные отряды Клодия терроризировали сенат и отдельных его представителей, народное собрание и магистратов (Cic. Ad Quint., I, 2,15; Pro Sest., 18; De prov. cons., 43; Pro Cael., 78). Это чрезвычайно дестабилизировало политическую жизнь в Риме и ни в коей мере не укрепляло позиций триумвиров. Не случайно Цезарь и Помпеи уже с конца 58 г. начали политическую кампанию за возвращение Цицерона. Цезарь вел переговоры об этом с народным трибуном Публием Сестием (Cic. Pro Sest., 71). С 56 г. была налажена дружеская переписка Цезаря и Цицерона. Цезарь принял на службу сторонников и родственников Цицерона. Сам Цицерон после возвращения в Рим стал чуть ли не уполномоченным Цезаря: выступил в 56 г. с инициативой предоставления 15-дневного молебствия за победу Цезаря над белгами, а в 55 г. – 20-дневного молебствия за победу над арвернами (Cic. De prov. cons., 26–27; Plut. Caes., 21), вопреки своим личным чувствам поддержал решения, принятые триумвирами в Луке (см.: Cic. Ad Att., IV, 5,1; Ad Fam., I, 9, 9; De prov. cons.). Можно предположить, что эта политическая поддержка не была вполне бескорыстной: в 54 г. Цезарь одолжил Цицерону 800 тыс. сестерциев, и долг этот оставался невыплаченным даже к 51 г. Таким образом, постепенно между Цезарем и Цицероном сложились, видимо, прочные дружеские отношения. Сам Цицерон признавался в этом перед сенатом (Cic. De prov. cons., 40). Явные оппозиционные Клодию настроения стал проявлять Помпей. 9 июля 57 г. он открыто выступил в сенате в защиту Цицерона (ср.: Cic. Pro Sest., 67; Vell., II, 45, 3; App. В. С., II, 16). Один только Красс держался в высшей степени осторожно и не вмешивался в события.

Таким образом, первоначально, возможно, триумвиры использовали Клодия точно так же, как он опирался на влияние триумвиров: #с_494. Но приведенные свидетельства указывают на то, что едва ли между ними, в частности между Клодием и Цезарем, существовала принципиальная политическая связь. Этот общий вывод касается важного историографического аспекта. Большинство современных историков трибунал Клодия и связанные с ним события оцениваются как широкое демократическое движение, связанное с лозунгами и традициями популяров: #с_495. [59 – Пожалуй, лишь Эд. Мейер отрицал наличие у Клодия какой-либо политической идеи, см.: Meyer Ed. Caesars Monarchic. S. 87–88.] Отрицая принципиальную политическую связь Цезаря с Клодием, мы еще раз хотим подчеркнуть, что если у Цезаря и прежде не было особых демократических иллюзий, то теперь, исходя из того, насколько важным представлялось ему проконсульство, можно заключить, что он утратил их окончательно.

Итак, с 59 г. важнейшим фактором социально-политической жизни римского общества стал триумвират – союз Цезаря, Помпея и Красса. Если верить переписке Цицерона, общественное мнение было настроено против триумвиров, но они держали Рим под постоянным военным контролем и выступить против них никто не решался. Основу власти триумвиров составляли консульские полномочия Цезаря, авторитет Помпея в военной среде и поддержка огромного

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org числа его ветеранов. Влияние Красса было не менее значимым: он не имел себе равных в Риме по богатству, а следовательно, и по возможности оказывать политическое давление. Ни одно решение не принималось без участия и влияния триумвиров. Во время консульства Цезаря Помпеи стал, по существу, принцепсом сената, т. к. Цезарь при обсуждении всех вопросов обращался к нему первому (Suet. Iul., 21). Это позволяло направлять дискуссию в нужное русло и во многом определяло ее исход. Не случайно Цицерон говорил, что во время триумvirата сенат был отстранен от решения государственных проблем; консулы довели дело до того, что государственный совет был уничтожен ими самими; наиболее могущественными были триумвиры (Cic. Pro Sest., 42), а сам триумvirат он называл «беспримерно установленным господством – *instituta novo dominatu*» (Cic. De domo sua, 68). Такие же оценки I триумvirата встречаются и у римских авторов последующих поколений (Plut. Crass., 14).

Во время галльского проконсульства Цезарь оказался удаленным от администрации, сената и народного собрания. В этой ситуации его отношение к триумвирам несколько изменилось: с одной стороны, он считал необходимым поддерживать триумvirат, с другой – стремился не допустить ослабления своих собственных позиций в Риме. По данным Плутарха, Цезарь, считая не только возможным, но и необходимым принимать участие в римских событиях, первый начал обсуждать с друзьями неотложные дела «посредством писем» (Plut. Caes., 17). Кроме того, он сам приезжал в Ближнюю Галлию. Многие, чтобы решить вопрос или заручиться его поддержкой, приезжали к нему (Plut. Caes., 20; App. V. C., II, 17). Плутарх подчеркивал, что, пользуясь помощью Цезаря, римские политики добивались должностей, а пользуясь его деньгами, подкупали народ. Но в конечном итоге это увеличивало авторитет самого Цезаря (Plut. Caes., 20; 21; ср.: Suet. Iul., 27; 29): #c_496. По свидетельству античных историков, Лукские решения 56 г., названные Веллеем Патеркулом «нечестными» (Vell., II, 46,1), прошли утверждение в сенате не только из-за боязни Помпея и Красса, но и из-за желания угодить Цезарю (Plut. Caes., 21). При его поддержке союзники и их ставленники добивались ключевых магистратур (Suet. Iul., 23, 2; App. V. C., II, 14). На 58 г. консулами были избраны Авл Габиний – бывший легат Помпея и Луций Кальпурний Пизон – тесть Цезаря; на 57 г. – Квинт Цецилий Метелл Непот, связанный родственными отношениями с Помпеем, и Публий Корнелий Лентул Спинтер, сторонник Помпея; на 55 г. – сами триумвиры Помпеи и Крассе.

О том, насколько значимым оставался для Цезаря союз с Помпеем и Крассом, говорит реакция римского общественного мнения на смерть Юлии – дочери Цезаря и жены Помпея. По сообщению Плутарха, всех охватил страх и смятение, т. к. оказалась разорвана родственная связь, которая поддерживала мир и согласие «в страдающем от раздоров государстве» (Plut. Caes., 23; ср.: Vell., II, 47, 2; App. V. C., II, 19).

В целом в условиях политического господства триумвиров римская республиканская система оказалась еще более дезорганизованной. Сенат утратил контроль над политической ситуацией. Решения народного собрания определялись величиной денежных раздачи и декларативных обещаний. Выборы должностных лиц осуществлялись в условиях силового давления и подкупа избирателей. Общество, которое длительное время развивалось как милитаризованное и жило по законам команды-подчинения, прочно усвоило военный образ мышления и командный стиль отношений. Нормой политической жизни стали волюнтаризм политиков и социально-политическая апатия масс. Цезарь, безусловно, учитывал сложившуюся ситуацию. Во время консулата он впервые открыто заявил о своей политической позиции. По словам Плутарха, Цезарь, который «давно искал повод», поклялся бороться против «черствости и высокомерия сенаторов» (Plut. Caes., 14). Однако это не означало осознанного стремления Цезаря уничтожить основы римского республиканского строя. Это было проявлением желания подняться над своими политическими соперниками, но в этом смысле и над Республикой.

Во время консулата Цезаря выработалась и его политическая практика. Она сводилась к политическим мерам: дебатам в сенате и обращению к народному собранию. Вместе с тем Цезарь видел, что в сложившейся ситуации ни одна республиканская структура не может считаться подлинной основой власти, в условиях дестабилизации общественной жизни никто не может вести политику разумную и продуманную, если не имеет реальной силы давления на республиканские структуры. Отчетливо понимая это, Цезарь допускал возможность силового решения вопросов и во время консулата: именно таким образом были приняты его аграрные законопроекты, когда Цезарь призвал Помпея и Красса помочь ему «с мечом в руке» (Plut. Caes., 14), и во время

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org его проконсулата в Галлии. Таким образом, постепенно стала складываться идеология и политическая практика авторитарного правления, основанного на реальном влиянии и силе. В этом смысле взгляды Цезаря совпадали с взглядами Цицерона: #с_497. Не случайно в процессе переписки Брут упрекал Цицерона в том, что его политические взгляды способствовали осуществлению политических амбиций Цезаря. Важное влияние на оформление политических установок и политической практики Цезаря оказало наместничество в Галлии. После галльской кампании изменились его возможности: он приобрел денежные и людские резервы.

В целом амплитуда политической деятельности Цезаря в 59–52 гг. была довольно широкой: он стремился задеять в своих интересах различные политические силы и элементы. В это время оформились некоторые постоянные правила его политического поведения: реализм политического мышления, четкая установка на достижение собственных политических интересов, что на практике означало осуществление принципа надсословной политики, консолидирующей все римское гражданство вокруг собственной персоны. В это время Цезарь отчетливо заявил о себе как о политическом лидере, способном мобильно и адекватно отвечать на ситуацию. Начиная с 52 г., накаленная политическая обстановка в Риме и выпады его политических противников определили две важнейшие, на первый взгляд взаимоисключающие друг друга задачи, решение которых стало для Цезаря необходимым условием успеха в дальнейшей борьбе за влияние и власть: следовало добиться взаимопонимания и привлечь на свою сторону народное собрание и сенат, а для этого – усилить политическую роль исполнительной власти и противопоставить ее республиканским коллективным органам управления.

Третий этап в оформлении государственно-правового положения и прерогатив Цезаря (52–50 гг.) был для него самым напряженным. В это время в Риме против него оживилась сенатская оппозиция, которую возглавил Помпей: #с_498. Цезарь вернулся в Италию в январе 49 г. после начала военных действий против Помпея, а 1 апреля прибыл в Рим. Он все еще обладал проконсульским империем, который по закону Габиния был вручен ему до марта 48 г. Но мы не раз уже подчеркивали, что по римской государственно-правовой традиции полномочия проконсульского империя не распространялись на Италию и Рим. Находясь в городе, он действовал как частный человек, а это в соответствии с существовавшими представлениями было узурпацией власти и тиранией. 16 апреля 49 г. Цицерон писал Аттику, что Цезарь «не отвергает, но некоторым образом требует, чтобы его называли тираном – *pec iam recusat sed quodam modo postulat ut, quem ad modum est, sic etiam appelletur tyrannus*» (Cic. Ad Att., X, 4, 2). Римляне ожидали очередных проскрипций, а возникавшие знамения толковали как предвестие неизбежного «уничтожения старого государственного строя» (App. В. С., II, 36; 41; ср.: Plut. Caes., 33). Цезарь стремился развеять эти настроения: по пути в Рим он проявлял милосердие к врагам, пытался установить взаимопонимание с оставшимися в городе сенаторами и постарался как можно скорее удалиться в Испанию (Plut. Caes., 35; Suet. Iul., 34).

Цезарю необходимо было придать своему положению в Риме законный юридический статус. Поскольку избранные на 49 г. консулы были живы, но покинули Рим вместе с Помпеем (Vell., II, 49, 4; Plut. Caes., 34; App. В. С., II, 37), провести выборы новых, среди которых предполагал быть и Цезарь, не представлялось возможным. В сложившейся ситуации он мог получить легитимную власть лишь в форме экстраординарной магистратуры. Ввиду этого Цезарь обратился к существовавшей в Римской республике практике назначения диктатора и к относительно недавнему историческому прецеденту – диктатуре Суллы. В августе 49 г. после победы в первой испанской кампании по инициативе Цезаря городской префект Марк Эмилий Лепид заочно организовал предоставление ему диктаторских полномочий (I): #с_499. Срок полномочий не оговаривался специально. Какая компетенция вменялась Цезарю, также не было специально определено. Кроме того, мы ничего не знаем о назначении начальника конницы. Однако, исходя из фактической продолжительности и предполагаемой компетенции, можно предположить, что I диктатура Цезаря задумывалась как традиционная республиканская чрезвычайная магистратура для проведения консульских выборов на 48 г.: #с_500

На это указывает и отношение самого Цезаря к назначению. По прибытии в Рим он в соответствии с предоставленными ему полномочиями провел консульские выборы, предложив одним из кандидатов самого себя, и после этого отказался от диктатуры. Таким образом, судя по свидетельствам античных историков, I

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
диктатура продолжалась фактически 11 дней (Plut. Caes., 37; App. V. C., II, 48) и не выходила за рамки традиционной республиканской чрезвычайной должности, если не считать некоторых процедурных моментов. Аппиан подчеркивал, что избрание проходило без постановления сената и предварительного назначения консула на основе решения народного собрания. Это должно было означать, по-видимому, не только то, что Цезарь получил диктатуру с согласия всего римского народа (App. V. C., II, 48), но и то, что его политический статус в Риме получил легитимное закрепление. Плутарх говорил, что Цезаря диктатором назначил сенат (Plut. Caes., 37). Следует думать, Плутарх считал процедуру назначения диктатора в 49 г. традиционной. Отметим, однако, что в возникших обстоятельствах, когда значительная часть сенаторов была с Помпеем (Flor. Ep. bell., II, 13, 78–80), это едва ли могло иметь смысл и значение. Инициатором диктатуры выступил городской префект. Это было необычно, но также продиктовано сложившейся ситуацией: в отсутствие большей части сената и консулов назначение интеррекса представлялось, видимо, нецелесообразным, и префект выступал как бы «исполняющим консульские обязанности». И первому и второму обстоятельству были исторические прецеденты. В этом смысле пример Суллы, который являлся откровенным нарушением республиканских процессуальных норм при назначении диктатора, был особенно важен.

В эту картину I диктатуры Цезаря современные исследователи вносят ряд дополнительных обстоятельств. Дело в том, что античная традиция не содержит четкого определения формального целевого назначения диктатуры 49 г. В римских источниках о ней вообще ничего не говорится, а в сообщениях Аппиана (App. V. C., II, 48, 3) и Плутарха (Plut. Caes., 37, 2) употреблен не характерный для греческой традиции термин *dictator* без каких-либо дополнительных комментариев. Сведения о действиях, предпринятых Цезарем в 49 г. в должности диктатора, на основании которых можно было бы судить о предоставленной ему компетенции, чрезвычайно противоречивы. По свидетельству Аппиана, он лишь провел консульские выборы, а все другие мероприятия осуществил уже как консул. Плутарх, напротив, подчеркивал, что в течение 11 дней Цезарь, кроме выборов, провел еще серию законов.

Неполнота античной традиции и наличие в ней различных версий послужили основой полемики в современной историографии по вопросу о характере диктатуры Цезаря. Т. Моммзен считал, что диктатуру Цезаря (все четыре назначения) можно определить как *dictatura rei publicae constituendae causa*: #c_501. На наш взгляд, источники не позволяют делать таких выводов относительно I диктатуры. Диктатура с целью общего устройства дел в государстве предполагала чрезвычайно широкую компетенцию диктатора. В 49 г. ставились и были осуществлены задачи более скромные. Кроме того, следует принять во внимание замечание Аппиана о том, что в это время в условиях начавшейся войны с Помпеем Цезарю была не нужна такая значительная власть (App. V. C., II, 48). Оппонентом Т. Моммзена выступил У. Вилькен, определявший диктатуру Цезаря (все четыре назначения) как *dictatura rei gerendae causa*: #c_502. Мы считаем и это определение для I диктатуры Цезаря не вполне обоснованным. На наш взгляд, *dictatura rei gerendae* так же, как ее модификация *dictatura rei publicae constituendae*, ставшая основой единовластия Суллы, предполагала самые широкие полномочия диктатора во внешней политике и организации гражданской жизни в Риме. Цезарь же сознательно отказался от диктатуры в 49 г., получил консулат и вел военные действия, опираясь на консульский империй. В последнее время некоторые исследователи дают дифференцированные оценки целевого назначения цезарианских диктатур. Р. Этьен например, первые три диктатуры относит к категории *dictatura rei publicae constituendae*, четвертую – *dictatura rei gerendae*: #c_503. В силу уже приведенных аргументов мы не можем согласиться с подобной точкой зрения, по крайней мере в отношении I диктатуры Цезаря. Нам представляется, что это была традиционная республиканская диктатура для проведения выборов – *dictatura comitiarum habendarum* – с незначительными процедурными отклонениями, продиктованными реальной политической необходимостью.

Позднее для укрепления политического статуса Цезарь еще несколько раз использовал диктатуру. Вторая диктатура (II) Цезаря была годичной. Формально она продолжалась с осени 48 г. по осень 47 г., но, если учесть, что с декабря 47 г. по сентябрь 46 г. Цезаря не было в Риме, II диктатуру можно считать практически непрерывной: после битвы при Тапсе (апрель 46 г.) она была закреплена предоставлением диктатуры на 10 лет (III), а после победы при Мунде (середина марта 45 г.) – пожизненной диктатуры (IV) (Cic. Phil., II, 34, 87; Liv. Per., 116; Plut. Caes., 57; App. V. C., II, 106;

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org Flor. Ep. bell., II, 13, 356): #с_504. Мы уже писали о наличии полемики о характере диктаторских полномочий Цезаря. В данном случае отметим: диктатура (II–IV) опиралась на римскую государственно-правовую практику и должна была создавать видимость соответствия раннереспубликанской магистратуре *dictatura rei gerendae causa*. Но по полноте компетенции и по конституционному положению она превосходила традицию. Полномочия Цезаря не ограничивались ни сроками (даже Сулла не претендовал на пожизненную высшую власть), ни территорией (высшая военная и гражданская власть распространялась в равной степени на Рим, Италию и провинции), ни конституционной нормой (была нарушена процедура приведения диктатора к должности и значительно деформирована система взаимоотношений с другими органами государственной власти).

Полученные Цезарем диктаторские полномочия были исходной основой его власти, но не единственной составляющей эту власть. Положение Цезаря в Риме опиралось не только на диктатуру, но на кумуляцию регулярных республиканских магистратур, традиционных назначений, на его личную неформальную власть и реальную силу – армию. С 48 по 44 г. Цезарь обладал постоянно возобновляемой консульской властью (App. V. C., II, 103), кроме 47 г., когда Рим оставался практически без консулов, избранных лишь на последние три месяца. Более того, в 45 г. его консульские полномочия были частично единоличными, не связанными коллегиальностью, т. к. он был избран консулом без коллеги. Консулат был республиканской магистратурой. Однако многократное и непрерывное пребывание на этом посту шло вразрез с римской государственно-политической практикой, традиционными представлениями о *cursus honorum* и сулланским законодательством о магистратуре. Сенат был настолько шокирован подобным положением, что в 45 г. предложил Цезарю 10-летнее консульство, от которого тот отказался (App. V. C., II, 106–107). Компромиссным решением этой ситуации стало предоставление ему совершенно особого положения в сенате: почетного места между двумя консулами и права первого голоса при обсуждении любого вопроса. После победы под Мундой он получил право рекомендовать выборным комициям своих кандидатов (Suet. Iul., 41, 2), а в 44 г. право назначить должностных лиц на три года вперед: #с_505. Кроме того, с этого времени все его решения в будущем получали силу закона. Эти меры не были продиктованы политической необходимостью, т. к. он мог добиться нужного решения через своих ставленников и политических союзников в сенате и народном собрании; не соответствовали республиканским представлениям о магистратской власти и подчеркивали исключительный характер *imperium consulare* Цезаря, что было особенно заметно на фоне снижения престижа традиционного консулата. Консульские выборы часто затягивались и откладывались. В результате Рим оставался порой без регулярной магистратуры. Так, мы уже отмечали прецедент 47 г., когда большую часть года правил начальник конницы (Liv. Per., 113; App. V. C., II, 92), а Фуфидий Кален и Ватиний были избраны консулами лишь на последние 3 месяца: #с_506. Несколько раз откладывались выборы в 46 г. Это, в свою очередь, вело к сокращению срока консульства иногда до нескольких месяцев, а то и до одного дня, как в 45 г., когда после смерти консула Кв. Фабия всего на один день консулом был избран Каниний Ребил (Plut. Caes., 58; Suet. Iul., 76, 2; 80, 3).

Кроме того, декретированные Цезарю почетные права (например, после балканской кампании право объявления войны и мира без санкции сената и народного собрания, право распределения преторских провинций не по жребию, а по его собственному желанию; после второй испанской кампании право назначать половину магистратов; наконец, право постоянно председательствовать на выборах) значительно снижали авторитет и реальное политическое влияние регулярного консулата. Более того, следует думать, что после принятия *lex Iulia municipalis* консулат, оставаясь республиканской магистратурой, сохранил общинную значимость, но во многом утратил значение для Италии и формировавшейся римской державы.

Консульский империй и полномочия диктатора были усилены присвоением Цезарю дополнительных правовых прерогатив. В 45 г. Цезарь получил трибунскую неприкосновенность – *sacrosanctitas* (Liv. Per., 116; App. V. C., II, 106; Dio Cass., XLII, 20). Опубликованное относительно недавно мнение О. С. Метушевской о том, что таким образом Цезарь ограничился принятием лишь начальных прав трибунов, т. е. не получил законодательной инициативы: #с_507, представляется неоправданным. Опираясь на трибунскую неприкосновенность, он имел реальную возможность вмешательства в решения любого магистрата, а это наряду с полномочиями диктатора и консула предоставляло ему абсолютную полноту власти, в том числе и законодательной,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org в административно-гражданской и военной сферах. Показательно при этом следующее обстоятельство: сам Цезарь не проявлял личного интереса к трибунату, а к народному собранию и народным трибунам относился с явным пренебрежением (Plut. Caes., 61; Suet. Iul., 79). Коллегия народных трибунов продолжала избираться, но в их числе неизменно были доверенные лица Цезаря, что обеспечивало дополнительный контроль диктатора над трибунами.

В 46 г. Цезарь получил полномочия цензора на двойной срок, т. е. на 3 года. Поскольку цензоры избирались на 5 лет, следует думать, что он в течение 10 лет мог контролировать и по своему усмотрению менять состав сената (Cic. Ad Fam., IX, 15,15; 26, 3; Suet. Iul., 76; Dio Cass., XLII 1,14, 4). Кроме того, в качестве «блюстителя нравов» Цезарь выступал хранителем традиции, обычаев и правовых норм, что придавало ему в глазах общественного мнения особый авторитет: #с_508.

В 45 г. ему было присвоено постоянное (Suet. Iul., 76) и к тому же наследственное (Dio Cass., XLIII, 44) звание *imperator*, которое стало его прономеном. Т. Моммзен, безусловно, ошибался, когда утверждал, что положение Цезаря как главы государства не могло определяться ни консулатом, ни диктатурой. Лишь императорский титул, по его мнению, определял властные прерогативы Цезаря, был синонимом слова *rex* и означал восстановление царской власти: #с_509. Титул императора присваивался в соответствии с римской традицией полководцу, одержавшему решительную победу над врагом, давал право триумфа и в целом имел преходящий характер. В государственно-правовом смысле наиболее значимым моментом являлось то, что на время триумфа он продолжал и распространял на Рим проконсульский империй полководца-триумфатора. По существу, республиканское содержание звания *imperator* в отношении к Цезарю не изменилось: #с_510. Особой формально-юридической компетенции и особых полномочий оно не предоставляло и означало лишь, что проконсульский империй не ограничивался по времени и получал постоянную законную силу в Риме [60 – В данном случае мы не согласны с утверждениями С.И. Ковалева и М. Гранта о том, что титул *imperator* стал основой высшей военной власти и в конечном счете – основой военной империи. Это был в большей степени фактор морального, нежели государственно-правового порядка (см.: Ковалев С. И. История Рима. С. 447; Grant M. From imperium to auctoritas. A historical study of the aes coinage in the in the Roman empire 49 B. C – 14 A. D. Cambridge, 1946. P. 409–411).]. Это должно было, по-видимому, символизировать пожизненную связь Цезаря с армией и обеспечивать перспективы командования ею в случае новых военных действий. Однако все эти функции вполне укладывались в традиционные представления о компетенции магистрата, наделенного высшим империем, которым Цезарь как диктатор и консул обладал практически постоянно.

Наконец, должность верховного понтифика, в которой Цезарь состоял с 63 г., придавала его власти и положению в римском обществе особый сакральный характер, а легитимно закрепленные за ним почетные титулы и звания: титул отца отечества, почетное место в театре, изображение среди статуй римских царей, переименование месяца квинтилия в июль, объявление Дня рождения и дней боевых побед праздничными (Suet. Iul., 76, 1; App. V. C., II, 106; Dio Cass., XLIII, 14, 6; XLIV, 4, 4) – возвеличивали славу и авторитет: #с_511.

Положение Цезаря определялось не только официально предоставленной компетенцией и легитимно закрепленными почестями, но и реальным влиянием – опорой на «личную партию», армию и поддержку широких и разнородных в сословном отношении масс: #с_512. Именно эти силы составляли его опору в борьбе за власть, и именно они обеспечивали его реальное политическое превосходство.

К началу 44 г. римская государственная система была приведена к относительной норме: государственно-правовое положение и прерогативы власти Цезаря были определены, избраны должностные лица, назначены провинциальные наместники, стабилизирована ситуация в Риме, Италии и провинциях. На наш взгляд, именно с этого времени отчетливо обозначилось исключительное положение Цезаря в Риме и Римской державе, авторитарный характер его власти. Мы делаем такое заключение, исходя из ряда обстоятельств. Во-первых, именно так власть Цезаря стала восприниматься римским общественным мнением. Еще в 46 г. Цицерон писал своему другу Луцию Папирию Пету о «новом Риме», где все зависит от воли одного человека, где больше нет законов и нет свободы (Cic. Ad Fam., IX, 16). Окончательная победа Цезаря над помпеянами при Мунде в 45 г. внушила римлянам еще больший страх

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org (App. V. C., II, 106). Сервий Сульпиций Руф писал в это время своему другу Цицерону: «У нас отнято силой то, что дорого нам не менее, чем нашим детям – родина, уважение, достоинство, почет – ea nobis erepta esse quae hominibus non minus quam liberi cara esse debent, patriam, honestatem, dignitatem, honores omnis» (Cic. Ad Fam., IV, 5, 2). К 44 г. в Риме получили распространение слухи о стремлении Цезаря к царской власти, что вызвало возмущение римского общественного мнения. Цезарь демонстративно отказался от нее (Plut. Caes., 60–61; Suet. Iul., 79,1–2; App. V. C., II, 107). Он отрицал наличие собственных тиранических и монархических намерений. Аппиан отмечал, что Цезарь вообще не знал, как относиться к проблеме царской власти, а все попытки официального признания за ним царского положения воспринимал «не то как искушение, не то как обвинение» (App. V. C., II, 110).

Во-вторых, в ходе гражданской войны, видимо, окончательно оформилась политическая программа Цезаря. Еще в 46 г. по возвращении из Африки он выступил с речью, которая стала его программным заявлением. Цезарь говорил, что не собирается становиться ни Марием, ни Суллой; не будет обманывать народ ложными обещаниями и не хочет быть тираном; он будет добродетельным гражданином и призывает всех объединиться вокруг него (Dio Cass., XLIII, 15). Возможно, имперские и монархические идеи, которые обнаруживаются в этой речи, были приписаны Цезарю Дионом Кассием, изложившим это заявление. Важно подчеркнуть, однако, что подобный ход мысли античного автора является ретроспективным отражением основного направления эволюции Римской республики и римского общественного мнения, четко обозначившихся при Цезаре. К 44 г. необходимость осуществления такой программы проявилась с еще большей очевидностью. Для политической и интеллектуальной элиты Рима стало совершенно понятно, что республика, в том идеальном виде, в каком они ее себе представляли, давно перестала существовать. Аппиан, оценивая состояние римской общественной жизни во время диктатуры Цезаря, отмечал, что римская демократия переродилась, и в народном собрании господствовали два противоположных настроения, в соответствии с которыми римские граждане «любили свободу», но «служили за плату» интересам политических лидеров (App. V. C., II, 120; ср.: Plut. Caes., 38). Для значительной части римского гражданства главным смыслом жизни стало не государственное дело – res publica, а личные планы и настроения; изменились представления о традиционных ценностях и досуге, более значительная роль стала отводиться интеллектуальному труду: #с_513. Например, Цицерон, хотя и участвовал иногда в заседаниях сената, большую часть времени посвящал личным делам и литературным занятиям (Cic. Ad Fam., IX, 20, 3). Изгнанники и амнистированные политические противники Цезаря не торопились в Рим, например Марцелл. Общество постепенно утратило гражданскую ответственность, переложило ее на способного и сильного лидера. В связи с этим стали развиваться и распространяться идеи о необходимости восстановления республиканских норм политической и гражданской жизни, но выполнение этой задачи связывалось с политическим лидером, иногда конкретно с именем Цезаря. Подобные настроения и ожидания получили отражение, например, в речи Цицерона в защиту Марцелла и письмах Саллюстия (см.: Cic. Pro Marc., 23; 27; 28–29; Sail. Ep., II). Мы присоединяемся к мнению, высказанному Эд. Мейером и позднее С. Л. Утченко о том, что Цицерон и Саллюстий излагали программу «нравственной регенерации государства и народа», проект реформ по обновлению сената и комиций в возрожденной республике: #с_514. Современники Цезаря понимали, что в условиях кризиса Римской республики необходимо было политическое звено, которое могло бы «связать» римскую республиканскую систему с имперской реальностью, не уничтожая, однако, традиций республики. Это понимал и сам Цезарь, справедливо полагая, что его убийство никому не принесет выгоды, ибо повлечет за собой лишь хаос (Suet. Iul., 86, 2): #с_515. Его оценка состояния Римской республики уже в античную эпоху стала афоризмом. Он говорил, что «Республика – ничто, пустое имя без тела и облика» (Suet. Iul., 77). Цезарь не верил в возможность сената и пренебрегал его благосклонностью (Plut. Caes., 60; Suet. Iul., 78). Если в начале гражданской войны с Помпеем он стремился склонить сенат на свою сторону, то уже 1 апреля 49 г. дал понять, что, если сенат не поддержит его, он будет править один (Plut. Caes., 35). Цезарь не видел надежной опоры в народном собрании, понимал слабость республиканской исполнительной власти, поскольку видел ее коррумпированность и сам пользовался этим (Plut. Caes., 29). В связи с этим он поставил и сенат, и народное собрание, и исполнительную власть под свой контроль.

Наконец, стоит обратить внимание на то, что в ходе гражданской войны выработались специфические методы укрепления Цезарем своей личной власти –

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
 политика милосердия и политической лояльности, которую он проявлял не только к римским гражданам, но к италикам и провинциалам: #c_516. *Clementia* была постоянным его лозунгом. Победенные легионы либо распускались, либо включались в его армию, а их руководителям предоставлялось полная свобода. Виднейшие помпеянцы, оставшиеся в живых, получили амнистию (Liv. Per., 109; 110; 111; 115; Plut. Caes., 35; 46; 54; Vell., II, 50,13; 55, 2; 56; Suet. Iul., 75; App. V. C., II, 38; 4243; 88). Цезарь допускал восхваление своих противников и публицистическую полемику вокруг них и вокруг собственной персоны. Например, когда Цицерон написал панегирик на смерть Катона, Цезарь составил ответный памфлет *Anticato* – «*Anticato*», но никаких репрессивных действий по этому поводу не предпринял (Plut. Caes., 54; Suet. Iul., 56, 5; App. V. C., II, 99). Показателен в этом случае и факт восстановления статуи Помпея в 45 г. Цицерон, выступая по этому поводу, подчеркнул, что Цезарь, восстановив статую Помпея, укрепил свои собственные (Plut. Cic., 40; Caes., 57; Suet. Iul., 75). Современные исследователи видят в *clementia* Цезаря политический ход: либо стремление обезопасить себя и опереться на консервативные элементы государства, даже на бывших помпеянцев: #c_517; либо стремление найти новую социальную опору: #c_518. Не отрицая этой общей оценки по существу, скорректируем ее. Анализируя политику милосердия Цезаря, мы прежде всего имеем в виду ее восприятие современниками. Так, Цицерон рассматривал *dementia Caesaris* как «...новый способ побеждать – укреплять свое положение милосердием и щедростью» (Cic. Ad Att., IX, 7, 1–2). Милосердие – *dementia* традиционно воспринималось римлянами как составная часть римских гражданских добродетелей: милосердие к согражданам было таким же обязательным, как суровость к врагам. Не случайно Цицерон в одном из писем к своему другу Аттику писал, что милосердие Цезаря – политика, угодная народу (Cic. Ad Att., X, 4, 8). Таким образом, Цезарь стремился не столько завоевать симпатии, сколько включить себя как диктатора в систему традиционных ценностей и на этой основе консолидировать римское общество вокруг собственной власти. По словам Плутарха, он хотел властвовать, но – над добровольно подчиняющимися (Plut. Caes., 58). В исследовательской литературе существует проблема: какова была степень радикальности государственно-правовых новаций Цезаря и степень готовности к ним его самого – какую политическую систему в конечном итоге он намеревался создать? Одни исследователи считают, что Цезарь не был великим реформатором вообще и государственной системы в частности, не имел продуманной программы реформ, а все его действия сводились к ответам на политический вызов времени: #c_519. Другие, напротив, утверждают, что Цезарь радикально перестроил римское государство, превратил римскую *civitas* в империю, а республику в монархию: #c_520. При этом сама политическая система, созданная Цезарем определяется по-разному: «демократическая монархия»: #c_521, «монархия эллинистического типа»: #c_522[61 – М. И. Ростовцев говорил о наличии эллинистических элементов в политической практике и идеологии Цезаря, но считал их не вполне ясным, см.: Ростовцев М. И. Рождение Римской империи... С. 74.] «специфическая абсолютная монархия»: #c_523[62 – Совершенно особый подход к этому аспекту проблемы обнаружил Н. А. Машкин. Он назвал государственно-политическую систему, созданную Цезарем, и характер его власти «цезаризмом», суть которого – военная диктатура. При этом он сравнивал римский цезаризм с бонапартизмом, определял их общие характерные черты: узурпация власти, опора на военные силы, лавирование между интересами различных социальных групп, см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 72–110. Отметим, что термин «цезаризм» был введен еще Т. Моммзенем, но широкое распространение получил в историографии Нового и новейшего времени. Не вдаваясь в сложные историографические аспекты, подчеркнем, что, на наш взгляд, нельзя отождествлять «цезаризм» Цезаря и его политических последователей. В основе политики Цезаря лежала не только идея подавления, но и попытка территориальной, социальной, политической и культурной интеграции населения Рима, Италии и провинций.] «принципат»: #c_524[63 – С. Л. Утченко считает, что Цезарь не был ни создателем империи, ни носителем идеи царской власти, хотя, возможно, и «примеривался» к ней, но он признает, что Цезарь был «зачинателем» той системы, которая оформилась при Августе, см.: Утченко С. Л. 1) Юлий Цезарь. С. 318; 2) Цицерон и его время. С. 252.] «особая государственно-политическая система, сочетавшая различные типы государственной власти»: #c_525. В целом, несмотря на множество оговорок и нюансов, над исследователями продолжает довлеть схема «свободной республики», свергнутой Цезарем, установившим монархический режим.

Все три составляющие этой схемы и их жесткая связь нам представляются достаточно сомнительными. «Свободная республика» в середине I в. являла собой чрезвычайно модифицированную как в территориально-административном,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org так и в социально-политическом плане *civitas*. Рим стал мощной территориальной державой, но с чрезвычайно слабой центральной властью. В этой ситуации попытка Цезаря реформировать и укрепить государственную власть путем кумуляции основных властных полномочий; попытка интегрировать римское общество, связать Рим, Италию и провинции сильной властью политического лидера; попытка консолидировать политическую волю *homines novi* и староримской знати – все это соответствовало социально-политическим реалиям и отвечало объективно развивавшейся имперской тенденции. В этом смысле диктатура Цезаря выступала как деструктивный элемент для Римской республики и конструктивный для формировавшейся римской империи.

В какой степени Цезарь был ответственным за «государственный переворот»? Безусловно, формально он имел самое непосредственное отношение к происходившим политическим модификациям, т. к. именно он принял на себя ответственность по преодолению последствий гражданских конфликтов, происходивших в Риме в 70–50-х гг. Но объективно считать его «нарушителем мира» и «инициатором уничтожения республики», как это порой утверждается современными исследователями, вряд ли возможно. Политическая программа и реальная практика Цезаря складывались постепенно и всегда зависели от реальной расстановки политических сил. Его единственной четко оформленной политической целью было достижение влияния и закрепление авторитета среди римской правящей элиты. В условиях слабости коллективных органов власти и усилившейся борьбы политических лидеров позиция Цезаря неизменно приобретала выраженный авторитарный характер. Следует иметь в виду, однако, что это была объективная тенденция развития политической борьбы в Риме. Современники упрекали в стремлении к единоличной власти не только Цезаря, но и Помпея например. В начале 49 г. Цицерон неоднократно говорил об этом в своих письмах к Аттику (27 февраля – *Cic. Ad Att.*, VIII, 11, 2). В сложившейся ситуации симпатии большей части населения Рима и Италии были на стороне Цезаря. Тот же Цицерон подчеркивал, что, для жителей муниципиев, например, Цезарь – бог (*Cic. Ad Att.*, VIII, 16, 1). Кроме того, реальная политическая коллизия, в результате которой утвердилась диктатура Цезаря, сложилась не по его инициативе. Мы согласны с мнением С. Л. Утченко, что Цезарь не был инициатором гражданской войны и, таким образом, инициатором «государственного переворота», его устраивал мирный вариант развития событий с консульскими выборами на 48 г.: #c_526 Даже когда сенат под явным давлением помпеянцев принял решение о снятии полномочий Цезаря (недействительное из-за трибунского вето), принял *senatusconsultum ultimum* (также сомнительный с правовой точки зрения) и начал производить конкретные назначения сторонников Помпея на ключевые посты и подготовку к военным действиям, Цезарь пытался организовать переговоры. Только когда эти попытки были однозначно отвергнуты, Цезарь изменил тактику.

Наконец, что представляла собой диктатура Цезаря с государственно-правовой точки зрения? Современники не могли объективно оценить значение происходивших перемен: повседневность заслоняла суть явления. Они смотрели на диктатуру Цезаря преимущественно с морально-этической точки зрения (осуждали пренебрежительное отношение к республиканским органам власти). Античные историки следующих поколений давали оценки в соответствии с официальной имперской идеологией «восстановленной Республики»: осуждая Цезаря за стремление к единовластию (*Plut. Caes.*, 57; *Suet. Iul.*, 76; *Dio Cass.*, XLIII, 25), они тем не менее говорили о восстановлении порядка в государстве (*Plut. Caes.*, 57; *Suet. Iul.*, 40–44), сохранении республики (*Tac. Hist.*, I, 50), а Веллей Патеркул и Флор считали возможным называть власть Цезаря «принципатом» (*Vell.*, II, 57, 1; *Flor. Ep. bell.*, II, 13, 58; 360; 363). Цезарь не уничтожил республиканскую систему власти. Он лишь перегруппировал полномочия, поставив под личный контроль высшую законодательную, исполнительную и военную сферы. Таким образом, не ликвидируя формально структуру республики, Цезарь заложил основы новой монархической государственно-правовой системы. На наш взгляд, по характеру власти и полноте компетенции диктатура Цезаря была формой единоличного авторитарного правления, причем имперская монархическая тенденция была осуществлена в ней более последовательно и отчетливо (что вызывало особенное неприятие римского общества), чем преемником Цезаря – Августом. Тем не менее это была только тенденция, а не монархия в чистом виде.

2. Имперский характер государственно-административной и социальной политики Гая Юлия Цезаря

Цезарь был политиком-прагматиком. С момента вступления на политическую арену и до самой смерти главной его задачей было приобретение и укрепление собственного авторитета и положения во властной структуре. Если социально-политическая традиция соответствовала и оправдывала его положение, он возводил ее в принцип. Как прагматик, он мыслил не категориями перспективы, а исключительно настоящим моментом. В этом смысле он выступал как консерватор и даже догматик. Он искал опору своей власти в традиционных отношениях и пытался укрепить эти отношения – римская демократия и клиентела, римское гражданство, римский республиканизм, римская сакральная традиция. Римское общественное мнение ожидало от него именно восстановления этих основ. Подобные ожидания были выражены Цицероном в речи «По поводу возвращения Марцелла». В ней Цицерон призвал Цезаря употребить власть на благо государства (Cic. Pro Marc, 2) и «воскресить» все то, что пострадало в ходе гражданской войны (Cic. Pro Marc, 23, 5) [64 – В этом фрагменте Цицероном использован глагол *excito*, который имеет чрезвычайно широкое значение – не только восстанавливать, воскрешать и т. п., но и укреплять, поднимать на ноги. Это дает основание думать, что Цицерон возлагал на Цезаря более широкие надежды, связанные не только с реставрацией прежних норм, но и с их реформацией.]

Однако в условиях кризиса римской *civitas* с расширением политической практики Цезаря и его потестарных возможностей для него самого стали очевидны противоречия. В условиях разложения римской демократии главную роль начинала играть армия и военная клиентела. В условиях территориального распространения римского империя, развития италийской и провинциальной римской периферии и усиления территориальной и социальной мобильности римского гражданства большое значение получили муниципии и провинции, муниципальная и провинциальная аристократия. В условиях кризиса римского государственно-политического республиканизма стремление укрепить центральную власть неизбежно вызывало оппозицию республиканцев-ортодоксов и обострение политической борьбы.

Гражданская война стала по существу новой демонстрацией недалёковидной позиции сената и сенатской аристократии, отсутствия у них четкого представления о состоянии республики и возможных перспективах ее дальнейшего существования. Цезарь, как никто из современников, сумел понять смысл происходившего в Риме, соотнести собственные субъективные интересы с объективным развитием республики и, по существу, возглавить объективно развивавшийся процесс преобразования Римской республики в империю. Утверждение сенатом всех распоряжений Цезаря после его убийства было равносильно признанию не только легитимности его власти, но и целесообразности его реформ (Plut. Caes., 67): #с_527.

Государственно-административная и социальная политика Цезаря была продиктована временем, он вынужден был отвечать на его запросы. В связи с этим он стал активным реформатором и определил основные направления трансформации Римской республики в империю. В исторической литературе высказаны два основных мнения о социально-политической роли Цезаря. Т. Моммзен, отмечая в деятельности Цезаря элементы разрушения отживших республиканских норм жизни, общинных отношений и политических связей, считал его тем не менее наиболее результативным и конструктивным создателем римской монархической системы и империи: #с_528. Г. Ферреро одним из первых оспорил этот панегирический взгляд, признав за Цезарем (как за Помпеем и Крассом) прежде всего роль дезорганизатора и разрушителя «старого мира», деятельность которого, однако, ускорила разрешение кризиса, охватившего римско-италийское общество: #с_529. Несмотря на пиршество оговорок и множество нюансов большинство современных исследователей в той или иной степени придерживается этих двух определяющих характеристик: #с_530. В самое последнее время наиболее сбалансированная оценка места и исторической роли социально-политического творчества Цезаря была предложена И. Бляйкеном, который считает, что Цезарь шел к строительству новых отношений через постепенное разрушение старых: #с_531. Такой подход к вопросу, на наш взгляд, является наиболее плодотворным, т. к. соответствует принципам конкретно-исторического исследования и позволяет избежать произвольных реконструкций и излишнего модернизаторства. Цезарю пришлось действовать в сложных условиях трансформации Римской республики в империю. Как истинный реформатор, он, двигаясь вперед, должен был оглядываться назад и все свои мероприятия в большей или меньшей степени связывать с существовавшей традицией или сложившейся к середине I в. социально-политической практикой.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Цезарь пытался приступить к реформам в 49 г. (Caes. V. C, III, 1-2), затем после возвращения из Египта в 47 г., когда обнаружил, что «ни одна отрасль администрации не ведется достаточно надлежащим образом – nequi ullam partem re publicae satis commode geri» (V. Alex., 65). Вернувшись из Испании в конце августа 45 г., он застал государство в хаосе: хозяйство ослаблено и разрушено, Италия и провинции обескровлены (процветал лишь Рим); крестьянство люмпенизируется, всадничество в растерянности, аристократия озлоблена; сенат и народное собрание бездействуют, армия устала. После второй испанской кампании Цезарь получил мирную передышку. По словам Веллея Патеркула, он пробыл «в мирной обстановке не более пяти месяцев» (Vell., II, 56, 3). Если определять этот период точнее, то чуть более полугодия (с сентября 45 г. по март 44 г.). Именно этот период мог стать наиболее значимым в плане проведения государственно-административных и социальных реформ. В это время Цезарь целенаправленно обратился «ad ordinandum rei publicae statum – к приведению в порядок государственного положения» (Suet. Iul., 40). Важно отметить, что задуманные в это время мероприятия имели, прежде всего, социально-экономическую направленность. Видимо, Цезарь считал вопрос о власти решенным: новые его планы были нацелены на территориальную и экономическую интеграцию римской державы. Современники отчетливо осознавали значимость этих планов. Осенью 46 г. Цицерон перед сенатом говорил, что Цезарь еще очень далек от завершения своих «величайших дел» и что он не заложил еще и основ того, что задумал, но от этого зависит благополучие всего государства (Cic. Pro Marc, 25). Безусловно, следует учитывать панегирический характер подобного заявления. Однако часть римского гражданства могла воспринимать подобные оценки как вполне адекватные.

Государственно-правовые прерогативы и реальная власть Цезаря открывали перед ним возможность осуществления необходимых для стабилизации положения дел в государстве мероприятий. Еще в 46 г. Цицерон говорил, что положение Цезаря соответствовало «высшей власти – summa potestas», которой подчинено все (Cic. Pro Marc, 1, 6).

Нагромождение полученных Цезарем полномочий отдавало в его руки сенат, в котором он был и председателем, когда он того хотел, и первым вотирующим, как *princeps senatus*, когда он председательствовал, и распорядителем судеб каждого сенатора, как *praefectus iurium*, имевший право исключать одних и назначать других сенаторов.

Отношения Цезаря с сенатом складывались довольно длительное время. По закону Суллы уже со времени квестуры он являлся членом сената. Однако до консулата Цезарь не играл в сенате заметной роли, а сенаторы не воспринимали его как серьезного политика. Став консулом в 59 г., Цезарь принял в отношении сената два важных решения. Первое – он приказал составлять и обнародовать ежедневные отчеты о заседаниях сената и народа – *senatus et populi Romani diurna acta* (Suet. Iul., 20). В результате Цезарь поставил сенат под контроль общественного мнения. Кроме того, в силу консульских полномочий он получил возможность формировать это общественное мнение и влиять на него в нужном для себя направлении. Не случайно Цицерон писал, что члены сената «свободнее вздохнули в 58 г.», когда Цезарь отбыл в Галлию (Cic. Pro Sest., 33, 71). Второе – сделал принцепсом сената Помпея, своего коллегу по триумvirату, что позволяло держать сенат под контролем даже в отсутствие Цезаря в Риме и сдерживать сенатскую инициативу.

Во время галльской кампании отношения с сенатом оставались для Цезаря серьезной проблемой. Показательна реплика Плутарха по этому поводу о том, что Цезарь пытался подкупить «всех участвовавших в управлении государством» (Plut. Caes., 29). Тем не менее, по мнению античных авторов, большинство сената было настроено против него. В 56 г. на совещании триумвиров в Луке присутствовало более 200 сенаторов (Plut. Caes., 21; App. V. C., II, 17). Если иметь в виду, что при Сулле численность сената была доведена приблизительно до 600 человек, станет очевидно, что около 2/3 членов сената занимали явно или не явно выраженную антицезарианскую позицию. Известно, что с началом гражданской войны вместе с Помпеем Рим и Италию покинуло «большинство сенаторов» (Plut. Caes., 34). Это могли быть не только принципиальные республиканцы, такие как Марк Клавдий Марцелл, но и те, кто занимал центристскую позицию, такие как Цицерон (Cic. Phil., II, 54). Однако, если иметь в виду более поздние события – проскрипции II триумvirата, в результате которых цезарианцами было проскрибировано около 300 сенаторов, – можно допустить, что это была как раз та часть сената (1/2), которая была настроена принципиально против Цезаря.

В ходе гражданской войны Цезарь пытался заручиться сенатской поддержкой: призывал сенаторов признать неизбежность и необходимость сотрудничества с ним на благо восстановления государственных дел; к сенаторам, оставшимся в Риме, он обратился с примирительной речью; пытался организовать мирные переговоры с Помпеем; наконец, политика милосердия – *dementia* – должна была склонить сенаторов на его сторону (App. В. С., II, 41). Но сенат отказался от сотрудничества с Цезарем (Plut. Caes., 3031; 35; Suet. Iul., 2930; 34, 2): #с_532. Позицию сенатской аристократии относительно предложений Цезаря выразил Марк Катон. По свидетельству Веллея Патеркула, он заявил, что «хотел бы умереть прежде, чем будет принято какое-либо условие гражданина республике – *moriendum ante quam ullam conditionem ciuis accipiendam rei publicae contenderet*» (Vell., II, 49, 3).

Спротивление сената и отношение его к Цезарю на протяжении 50–49 гг. стало сигналом к окончательному разрыву: #с_533. В ходе гражданской войны и во время диктатуры Цезарь стал действовать независимо, опираясь на армию, поддержку своих сторонников, в политико-правовом отношении – на народное собрание.

Все основные функции управления государством были сосредоточены в руках Цезаря. Сенат утратил контроль над финансовой сферой Республики. Еще в 49 г. Цезарь захватил против воли народного трибуна Цецилия Метелла государственную казну, которую не успели вывезти помпеянцы (Caes. В. С., I, 33; ср.: Plut. Caes., 35; Reg. et imp. apophth., 206 с 4–9; Suet. Iul., 54, 3; App. В. С., II, 41; Dio Cass., XLI, 17; Plin. Н. Н., XXXIII, 17). В условиях военного времени и в период диктатуры Цезаря контроль над эрарием оставался в его руках: он формировал бюджет за счет военных контрибуций, реквизиций и налоговой политики в провинциях (Dio Cass., XLI, 39), назначал распорядителями государственных средств своих сторонников. Не случайно современники возлагали вину за их корыстолюбие и нечистоплотность в отношении государственных средств на Цезаря (Plut. Caes., 51). Цицерон, например, открыто обвинял Марка Антония в расхищении государственного золота и серебра, в присвоении более 700 млн. сестерциев и т. п. (Cic. Phil., II, 62; 93). Огромные суммы, которые Цезарь потратил на устройство триумфальных празднеств, и деньги, израсходованные на выплаты солдатам (Dio Cass., XLIII, 21, 3) и обещанные римскому народу по завещанию, указывают, с одной стороны, на сильную степень контроля Цезаря над финансами Республики и, с другой – на зависимость сената в финансовой сфере от воли Цезаря.

Такое же положение сложилось в отношении муниципальной и провинциальной политики. Уже в 49 г. Цезарь поставил под свой контроль наиболее значимые в военно-стратегическом, социально-политическом и экономическом отношении территории, поручив управление ими своим сторонникам. Префектом Рима был назначен Эмилий Лепид. Управление Италией и италийскими войсками передано Марку Антонию. Наместниками Сицилии и Африки, Сардинии, Иллирии, Трансальпийской Галлии были назначены соответственно Курион, Квинт Валерий, Долабелла и Марк Лициний Кресе (App. В. С., II, 41). Обращает на себя внимание тот факт, что все эти назначения были, вероятно, утверждены сенатом. На 48-й, 47-й и 46-й гг. провинциальные наместничества были перераспределены по инициативе и по воле Цезаря (App. В. С., II, 48).

В ходе гражданской войны Цезарь осуществлял независимую провинциальную политику (App. В. С., II, 92). В провинциях, отвоеванных у помпеянцев, он организовывал администрацию по собственному усмотрению. Так, в 45 г. во главе провинции Новая Африка Цезарь собственной волей назначил наместником Гая Саллюстия Криспа (App. В. С., II, 100). Наместники провинций были связаны с Цезарем не только личными отношениями, но и формально-правовыми. Диктаторский империй Цезаря, предполагавший высшую военную и гражданскую власть не только в Риме, но и в Италии, и в провинциях, к тому же усиленный постоянным титулом императора, распространялся и на их действия. Наконец, Цезарь мог до некоторой степени определять и корректировать поведение провинциальных наместников и как принцепс сената, поскольку в соответствии с римской конституционной традицией они должны были после окончания наместничества давать отчет перед сенатом. Таким образом, формально сенат не был отстранен от муниципальных и провинциальных дел, но Цезарь осуществлял практический контроль над этой сферой.

Позиции сената оказались значительно ослабленными и в военной сфере. В условиях военного времени Цезарь единолично решал вопросы войны и мира (Dio Cass., XLII, 20, 1). Он по собственной воле использовал военный потенциал:

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
сенатские легионы формально сохранялись, если в ходе гражданской войны они сдались Цезарю или перешли на его сторону (Plut. Caes., 35). Более того, Цезарь сохранял командование перешедшими на его сторону армиями за лояльными к нему командирами. К окончанию гражданской войны все легионы, по существу, оказались под присягой, принесенной Цезарю. Он осуществлял их финансирование в ходе военных действий, решал вопросы, связанные с послевоенной отставкой и обеспечением ветеранов. Показателен тот факт, что вопрос об отставке легионов, оставленных Цезарем в Италии в 47 г., не мог решить никто, кроме него (Plut. Caes., 51). В целом события конца 47 г., когда солдаты, возмущенные долгим ожиданием крупных денежных вознаграждений, двинулись на Рим и были умиротворены лишь Цезарем (Dio Cass., XLII, 52–55), указывают, что проблема отношений римской государственной власти с армией была взята им под личный контроль. Однако этот факт получил лишь практическое выражение и еще не был закреплен законодательно.

Сократилась и судебная компетенция сената. При Цезаре суды вновь стали состоять из двух декурий – сенаторской и всаднической (Suet. Iul., 41; Dio Cass., XLIII, 25). Вообще же эта проблема потеряла остроту, поскольку суд оказался в руках самого Цезаря, как постоянного обладателя высшего империя, и его друзей, из числа которых формировался преторский корпус. Более того, в конце 46 г. перед отъездом в Испанию он назначил (безусловно, из числа своих сторонников) 8 городских префектов – praefecti urbi, которым были переданы все функции преторов (Cic. Ad Fam., VI, 8, 1; Suet. Iul., 76, 2–3; Dio Cass., XLIII, 28; 48) и которые под контролем Лепида должны были управлять внутренней жизнью Рима (Cic. Phil., II, 78).

Особенно важным было то обстоятельство, что сенат утратил свою монополию и политический авторитет в государственно-правовой сфере. Сенатские постановления – *senatusconsultum* – принимались с оглядкой на легионы, расквартированные в Риме и Италии. Правовая инициатива оказалась у Цезаря, т. к. созывать сенат и организовывать его работу мог либо он сам как диктатор или консул, либо консулы, которыми, как правило, были политические сторонники Цезаря. Более того, как цензор и великий понтифик Цезарь мог контролировать морально-этическую и сакральную атмосферу в сенате. Таким образом, и законодательная инициатива, и контроль над законодательной деятельностью сената оказались в руках Цезаря. Можно согласиться с метафорическим определением Р. Этьена, что он стал «живым воплощением закона»: #с_534.

Замечательно, что само общение Цезаря с сенатом проходило в формах, далеких от республиканской традиции. К сенаторам он не проявлял традиционного для римской политической практики почтения (App. V. C., II, 107). Для занятий государственными делами ему было предоставлено особое сиденье из слоновой кости и золота (Suet. Iul., 76; App. V. C., II, 106). Как диктатор он мог появляться в сенате в сопровождении вооруженных ликторов (App. V. C., II, 107).

Следствием всех обозначенных изменений было очевидное падение авторитета сената. И все же формально сенат оставался высшим государственным органом власти. У Цезаря не было внереспубликанского аппарата управления. Мы не можем согласиться с высказанным Г. Ферреро мнением, поддержанным в настоящее время Р. Этьеном, о том, что Цезарь опирался на собственный управленческий кабинет, члены которого обеспечивали позитивное общественное мнение и государственное управление: #с_535. Все должностные лица, даже креатуры Цезаря, пусть формально, но вписывались в республиканскую структуру, избирались народным собранием, утверждались сенатом. В своей политической практике Цезарь порой вынужден был обращаться к сенату и опираться на сенатское мнение, поскольку демонстративный разрыв с сенатом означал бы разрыв с традиционными понятиями римской свободы – *libertas* – и римской гражданственности, с традиционными принципами римского республиканизма и римской государственности в целом: #с_536. В силу этого Цезарь вынужден был идти на политический компромисс. С одной стороны, он не возводил высокомерное отношение к сенату и пренебрежение сенатскими решениями в принцип. Каждый раз, выходя за рамки республиканской политической традиции, он пытался объяснить с сенатом: и когда не встал перед сенаторами для традиционного приветствия, и когда приглашал сенаторов на аудиенцию по поводу того или иного решения и т. п. (Liv. Per., 116; Plut. Caes., 60; Suet. Iul., 78; App. V. C., II, 107). С другой стороны, Цезарь откровенно стремился контролировать ситуацию в сенате, рассматривая его как подчиненный государственный орган.

В 45 г. Цезарь осуществил реформу сената: ввел в сенат около 300 своих сторонников (Suet. Iul., 41; Aug., 35) и довел его численность до 900 человек (Dio Cass., XLIII, 42). В сенат были введены даже люди, не имевшие *dignitas* – достоинства, свойственного положению римского магистрата или римского гражданина, выполнившего свой долг перед государством и заслужившего общественное признание и уважение: #с_537. Это были новые римские граждане, недавно получившие гражданские права, в том числе несколько галлов (Suet. Iul., 76, 3) и испанцев (B. Afric, 28). По социальному статусу среди них были и представители младшего офицерского состава, например Фуфидий Фангон (Dio Cass., XLIII, 47, 3): #с_538, и даже вольноотпущенники, например П. Вентидий Басе (Val. Max., VI, 99; Plin. N. N., VII, 135): #с_539. Проводя реформу сената, Цезарь опирался на исторический прецедент – опыт Суллы, но расширил его, изменив принцип комплектования сената не только за счет римской аристократии, но и за счет «имперской» аристократии и «имперского» гражданства. С введением в сенат креатур Цезаря в административном аппарате появилось большое число энергичных, лично преданных ему людей. Кроме того, положение префекта нравов давало ему возможность изменять состав сената по своему усмотрению (Cic. Ad Fam., IX, 15,15; 26, 3; Dio Cass., XLIII, 14, 4). Таким образом, Цезарь подчинил сенат и превратил его в орудие осуществления собственных планов: #с_540.

Ряд исследователей полагает, что Цезарь хотел создать из сената представительный демократический орган, который мог бы влиять на политику создаваемой им монархии: #с_541. Подобные суждения представляются гиперпровиденциальными. Мы не можем также принять и считаем явным преувеличением тезис о том, что, расширив состав сената за счет своих ставленников, Цезарь пытался превратить сенаторов в придворных: #с_542. Вряд ли у Цезаря был готовый образ той потестарной системы, которую он хотел видеть. Расширяя состав сената, он, возможно, стремился сделать его более громоздким, размытым в социальном отношении и, таким образом, еще менее действенным и еще более зависимым. На наш взгляд, совершенно справедлива мысль С. Л. Утченко о том, что для Цезаря было характерно особое понимание роли сената, в силу которого он стремился не к укреплению, а к ослаблению этой ветви римской государственной власти: #с_543.

В целом отношения между Цезарем и сенатом ни в государственно-правовом плане, ни в военной сфере, ни в области финансового управления, ни в отношении муниципальной и провинциальной политики не имели системного характера. Они развивались на уровне конкретной практики как ответ на конкретные обстоятельства, но все же они продемонстрировали его преемникам необходимость считаться с сенатом и таким способом затушевывать дилемму «личная власть» – «свобода».

Обращаясь к анализу следующего аспекта государственно-административной политики Цезаря – его взаимоотношениям с народным собранием, мы снова, как и при анализе его политики в отношении сената, и даже еще более определенно, сталкиваемся с сосуществованием двух противоположных тенденций – сохранением формального уважения к политическим правам римского народа и откровенным использованием Цезарем комиций в своих политических целях. О роли народного собрания нам уже пришлось упомянуть выше в связи с вопросом об оформлении полномочий и государственно-правовых прерогатив Цезаря. Теперь отметим, что за время своей длительной политической карьеры Цезарь отчетливо осознал, что довольно легко влиять на слабый, социально разобщенный, лишенный гражданской ответственности, зависимый от воли политиков римский народ. Кульминацией его взаимоотношений с комициями стал 45 г., когда он получил пожизненную трибунскую неприкосновенность. Это открывало перед ним колоссальные возможности в народном собрании: он мог, не опасаясь за свою жизнь, воспользоваться правом veto и наложить запрет на любой законопроект. Кроме того, Цезарь получил титул *Pater Patriae* – Отца Отечества (App. B. C., II, 106), с присвоением которого римское гражданство уподоблялось большой семье, а Цезарь – ее главе, который находился с римским народом в тесных патриархальных отношениях и вместе с тем располагал непререкаемой властью над ним. Дополнительно к этому Цезарь получил право рекомендовать народному собранию половину кандидатов на самые ответственные должности по своему усмотрению (Suet. Iul., 41, 2). Накануне парфянского похода он получил новые полномочия – право назначить должностных лиц на три года вперед (Suet. Iul., 76, 3). Эти меры шли вразрез с республиканской конституционной традицией. Более того, в них не было особой необходимости: Цезарь как принципс сената и без того мог

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org рекомендовать кого угодно на самые высокие государственные должности. Анализ этих примеров убеждает в том, что права римского народа были существенно ограничены – народное собрание утратило свою важнейшую прерогативу выбора высших магистратов. По существу, оно собиралось лишь для выбора народных трибунов и эдилов.

До некоторой степени как посягательство на полномочия комиций можно рассматривать политику милосердия Цезаря – *dementia Caesaris*. Согласно фундаментальным ценностям республиканского Рима, лишь римский народ мог простить преступление и облегчить участь виновного. В условиях гражданской войны это право апеллировать к народному собранию Цезарь фактически принял на себя.

Для того чтобы судить о характере взаимоотношений Цезаря и комиций, будет полезно еще раз вспомнить и о его отношении к народному трибунату. Приведем наиболее яркий пример: в 44 г. он лишил должности и изгнал из сената народных трибунов, которые неоднократно пытались пресечь компрометирующие Цезаря действия по предоставлению ему царских отличий и царского титула. При этом оказались нарушенными государственно-правовые, социальные и морально-нравственные нормы жизни римского общества, что, по мнению современников событий, античных историков последующих поколений да и самого Цезаря, давало повод многочисленным политическим противникам заявить о его стремлении к тирании (App. В. С., II, 108; 109).

Конечно, было бы нелепо отрицать очевидное – то, что набор полномочий и почетных титулов делал Цезаря хозяином в народном собрании. Однако точность требует сделать оговорку: с самого начала своей политической карьеры, и особенно в период диктатуры, Цезарь, противопоставив себя влиятельной сенатской аристократии, сделал своим политическим партнером комиции. Приведенные нами примеры показывают, что это партнерство имело односторонний и демагогический характер. Но Цезарь был заинтересован в нем и стремился самыми различными средствами закрепить его. Он пытался решить основные социальные проблемы римского общества (впрочем, эти вопросы будут рассмотрены нами отдельно). Цезарь широко использовал различные пропагандистские меры, в том числе и традиционные для Рима формы публицистики – публикацию *senatus et populi Romani diploma acta* и собственных сочинений, переписку с влиятельными римскими политиками, например с Цицероном, и своими друзьями, например с Саллюстием и др. Не вызывает сомнения, что в начале гражданской войны Цезарь использовал идею согласия – *concordia*, которую активно пропагандировал Цицерон. Правда, необходимо отметить, что в отличие от Цицерона Цезарь стремился не примирить людей, партии и сословия, а подчинить их своей воле. Важная пропагандистская роль, безусловно, отводилась письмам Саллюстия. Относительно них существует обширная исследовательская литература: #с_544. Большинство исследователей признает их подлинность, хотя есть авторы, высказывающие сомнения в авторстве Саллюстия. Например, Р. Этьен считает, что письма были инспирированы самим Цезарем и имели явно пропагандистский характер: #с_545. Не обращаясь в данном случае подробно к этой проблеме, отметим, что кто бы ни был здесь инициатором или автором, письма имели процезарианский характер и, во-первых, противопоставляли деятельность Цезаря мероприятиям Помпея и помпеянцев в невыгодном для последних свете (Sail. Ep., II, 3); во-вторых, задачи упрочения и укрепления государства прямо связывали с именем Цезаря (Sail. Ep., II, 4, 4; 13; I, 1, 7–8; 6); в-третьих, рисовали картину разложения республиканской государственной власти и общественной жизни и оправдывали концентрацию власти в руках одного человека (Sail. Ep., II, 5, 10; I, 5, 4–7); наконец, предлагали имперскую программу реформ. Содержание писем совершенно явно указывает на то, что они были рассчитаны на общественный резонанс (Sail. Ep., II, 12, 3; I, 3, 4; 8, 9) и не только объясняли политическую позицию Цезаря, но и закрепляли в сознании римлян мысль о необходимости и целесообразности его действий. Следствием подобной пропаганды должно было стать закрепление личного авторитета Цезаря в среде римского гражданства и еще большее усиление его влияния в комициях.

Однако важнее был другой фактор массовой поддержки – присутствие в Риме легионеров Антония, Долабеллы и самого Цезаря. В середине I в. римские легионы утратили чисто римский характер и более чем наполовину состояли из италиков и даже провинциалов. Аппиан, например, писал, что в Фарсальском сражении столкнулись друг с другом 70 тыс. человек. При этом он подчеркивал, что это были италийцы –

##906;##964;##945;##955;##943;##948;##945;##953; (App. В. С., II, 70). Присутствие цезарианских легионов в Риме меняло характер народного собрания

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org – комиции приобретали имперские черты, представляли интересы не только римской общины, но всего населения, объединенного римским империем. Важно обратить внимание и на другую сторону этого явления: для эффективной работы такого народного собрания требовались жесткая воля и контроль. Это неизбежно усиливало роль и влияние в комициях победоносного императора.

Важной составляющей государственно-административной политики Цезаря является организация исполнительной власти и его отношение к римской магистратуре. Мы уже говорили ранее о вивисекциях над исполнительной властью в период диктатуры Цезаря. Сейчас еще раз обратим внимание на то обстоятельство, что, сохранив традиционную систему магистратур, Цезарь поставил магистратскую власть под свой контроль: #с_546. Реформы, которые он проводил, не меняли качественно структуру исполнительной власти, а лишь количественно расширяли управленческий аппарат: было увеличено число преторов до 16, квесторов до 40 и эдилов до 4 (Suet. Iul., 41). Это было вызвано расширением социально-политической практики: необходимостью ускорить судопроизводство и облегчить деятельность муниципальных администраторов. Кроме того, подобные меры имели исторический прецедент – сулланские реформы. Цезарь создал лишь одну новую структуру – в 46 г. назначил 8 городских префектов (*praefecti urbi*) с полномочиями преторов, но уже в 45 г. ввиду общественного недовольства, вызванного этим нововведением, он вернулся к традиционной магистратуре (Cic. Ad Fam., VI, 8, 1; Dio Cass., XLIII, 48). Итак, не меняя структуры исполнительной власти, Цезарь придал ей имперский характер: полномочия магистратов оказались раздробленными и для организации их работы необходима была направляющая сила. Собственно в Риме магистратура была поставлена под личный контроль Цезаря и ограничена его личными полномочиями. Показателем того, насколько слабой и подконтрольной Цезарю была исполнительная власть, является пренебрежение диктатора процедурой выборов должностных лиц. Во-первых, они осуществлялись практически с опозданием на год, летом или осенью того года, в который магистраты должны были управлять. Во-вторых, выборы были несвободными и имели фиктивный характер, поскольку Цезарь обладал правом назначать, должностных лиц по своему желанию и даже на несколько лет вперед.

Немаловажное значение в плане организации исполнительной власти играла реформа календаря и роспуск профессиональных и религиозных коллегий. Эти меры должны были ограничить политические махинации во время избирательных кампаний и возможности достижения высших государственных должностей для неугодных Цезарю или вообще радикально настроенных политиков (Plut. Caes., 59; Dio Cass., XLIII, 26): #с_547. Необходимо подчеркнуть созвучие этих реформ имперскому мышлению Цезаря: социально-политическая жизнь формировавшейся Империи была не просто поставлена под контроль государственной власти (в лице Цезаря), но стала протекать по единому времени.

В целом, оценивая политику Цезаря в государственно-административной сфере, можно отметить две параллельно развивавшиеся тенденции. Оформление и укрепление личной власти Цезаря определило развитие принципов территориальной монархии. Вместе с тем сохраняла значение и некая консервативно-охранительная тенденция: Цезарь не стремился уничтожить республику, он хотел привести ее в соответствие с требованиями времени и собственной волей, насколько он «улавливал» эти требования. Цезарь оставался римским гражданином, и, по словам Р. Сайма, даже, может быть, более чем это принято считать: #с_548. Понятие *res publica* по-прежнему представляло для него определенную ценность, правда, уже не как «общественное дело», а как государство, которое нуждалось в сильной авторитарной власти: #с_549. При всем при этом сам Цезарь отчетливо понимал, что связал свою власть римские территории и римское общество и таким образом утвердил относительный порядок, что его смерть повергнет государство в новые гражданские войны (Suet. Iul., 86, 2).

В определении характера внутренней политики особое значение имеет проблема преемственности власти. Хотя в античной историографии нет прямых ссылок на наличие у Цезаря династических планов, можно тем не менее допустить, что современники считали преемственность его полномочий не вполне законным, но возможным актом. Так, например, рассматривал свое положение после мартовских ид 44 г. Марк Антоний, который был при диктаторе начальником конницы. На 44 г. он был избран консулом, но трактовал свои властные полномочия расширительно: #с_550. Законный наследник Цезаря – Октавий, начиная свою политическую карьеру, не столько акцентировал внимание

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
римско-италийского гражданства на конкретной (материальной) стороне завещания Цезаря, сколько старался придать предсмертной воле диктатора политическое содержание. По выражению В. Шмиттеннера, Октавий «сделал из завещания Цезаря то, что сделал»: #с_551. Солдаты и ветераны-цезарианцы смотрели на Антония и на Октавия как на политических преемников убитого императора. При этом чаще всего предполагалось, что у Октавия больше оснований для подобных претензий: в Брундизии легионы устроили ему торжественную встречу как «сыну Цезаря» (App. В. О, III, 11). Позднее с подобным отношением он сталкивался по всей Италии. В современной исследовательской литературе не существует однозначного мнения относительно того, намеревался ли Цезарь стать основателем правящей династии. Ряд исследователей допускает наличие династических планов в политике Цезаря: #с_552. [65 – Принципиально против подобного тезиса выступал еще Б. Низе, считавший, что власть Цезаря была личной, а о ее наследовании не было и речи, см.: Низе Б. Очерк римской истории... С. 307.] Следует, однако, иметь в виду, что подобные выводы делаются чаще всего не на основе анализа отношения самого Цезаря к конституционным проблемам, а на основе ретроспективной характеристики событий, последовавших за мартовскими идами 44 г., которые в процессе развития наметившейся монархической тенденции приобретают особое значение. Умозрительно можно допустить, что пребывание Цезаря на Востоке, особенно в Египте, могло оказать определенное влияние на его политическое мышление. Однако надежных источников, позволяющих говорить о желании Цезаря основать в Риме династию наподобие восточных, у исследователей, как нам кажется, нет. В данном случае могут иметь значение, по крайней мере, три аргумента. Первый состоит в том, что даже у оппозиционно настроенной части римского общества сохранялись надежды на восстановление республиканских основ власти. Известно, что Цицерон в начале 45 г. был намерен предложить Цезарю ряд реформ и даже написал ему письмо, а Марк Брут написал памфлет в поддержку диктатора в ответ на обвинения в смерти Марцелла (Cic. Ad Att., XII, 51; XIII, 2; 26, 2; 27, 1). Второй аргумент – сам Цезарь, судя по его действиям, не знал, как решить сложную конституционную проблему. Он, с одной стороны, действовал как авторитарный правитель, стремился удержать контроль над армией, сохранить свои чрезвычайные полномочия; с другой – страстно отрицал, что стремится к царской власти или тирании (Suet. Iul., 79; App. В. О, II, 108), отказался от 10-летнего консулата (App. В. О, II, 106–107), допускал на государственные должности оппозиционных политиков, в угоду республиканцам принял ряд законов, частично ограничивавших его властные полномочия, например, *lex de partitione comitiorum* (Cic. Phil., VI, 16; Dio Cass., XLIII, 51); проведенные им социальные реформы имели консервативный оттенок. Наконец, третий аргумент – в своем завещании, составленном в виду парфянского похода, Цезарь не касался конституционных проблем; он лишь распорядился имуществом, назначил наследников, усыновил и передал свое имя внучатому племяннику Гаю Октавию, назвал опекунов сына, если таковой родится (Suet. Iul., 83). Все это дает основание полагать, что у Цезаря не было оформленных династических планов.

Дестабилизация римской жизни и дезинтеграция римского общества, усиленные борьбой Цезаря и Помпея за власть, диктовали необходимость организации не только центральной, но муниципальной и провинциальной власти. События гражданской войны еще раз наглядно продемонстрировали, что Рим не может стабильно существовать вне связи с Италией и провинциальной периферией. Цезарем эта идея была осознана, прежде всего, в военно-стратегическом контексте. Не случайно еще во время первого консулата он восстановил права Капуи (Vell., II, 44, 4), жители которой потеряли самоуправление во время 2-й Пунической войны за поддержку Ганнибала (Cic. Leg. agr., 1, 19, 2; Liv., XXVI, 16, 7–12). В годы гражданской войны Цезарь отчетливо понимал, насколько значимой является позиция муниципиев и провинций (Flor. Ep. bell., II, 13, 84–134). Во-первых, война велась на всей территории, объединенной римским империем. Во-вторых, не только римское гражданство, но все народы, общины и государства, связанные с Римом союзническими договорными отношениями, оказались втянуты в решение проблемы римской власти (Plut. Caes., 33; 36).

Одним из первых мероприятий Цезаря – диктатора территориально-административного плана была перепись населения (Suet. Iul., 41, 3; App. В. С., II, 102). И по процедуре, и по результатам эта перепись отличалась от традиционных республиканских акций. Она была осуществлена не на Марсовом поле, как обычно, а по кварталам и через домовладельцев. Таким образом, гражданский статус признавался лишь за теми римскими гражданами, которые либо имели собственное жилье, либо были нанимателями. Таковых

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org оказалось 150 тыс. человек (Liv. Per., 115; Suet. Iul., 41, 3), что соответствовало примерно половине населения Рима до гражданской войны (App. B. O, II, 102, 25–26). Одновременно Цезарь вывел 80 тыс. человек во внеиталийские колонии (Suet. Iul., 42). Вероятно, это были люди, не прошедшие имущественный ценз, а потому не попавшие в общий список. Имея в виду отношение Цезаря к проблеме римского гражданства, о чем речь пойдет чуть далее, можно предположить, что, люди, не прошедшие имущественного ценза, не были лишены гражданского статуса, но были на формальном основании выселены из Рима. Осуществляя перепись и последующую внеиталийскую колонизацию, Цезарь решал сразу несколько проблем: формально восстанавливал традиционное понимание гражданства; ослаблял взрывоопасную социально-политическую ситуацию в Риме; укреплял римско-италийские взаимоотношения и доверие италиков к самому себе (поскольку вывод колонистов не затрагивал интересов жителей Италии). Вместе с тем следует заметить, что проведенные мероприятия развивали не столько принцип республиканского гражданства, сколько имперского подданства: с признанием римского гражданского статуса человек, согласно традиционным общинным нормам, включался в сферу действия римского гражданского права, т. е. в сферу конкретно ограниченного законами и территорией юридического пространства, в пределах которого он обладал полной правовой автономией (Cic. De leg., I, 12–33): #c_553. Законы Цезаря определяли юридическое пространство имущественно-правовыми отношениями государства и гражданина вне зависимости от территориального положения последнего.

Перепись показала, что в ходе гражданских войн произошел резкий демографический спад: по сведениям античных авторов, численность римских граждан сократилась с 320 тыс. до 150 тыс. человек (Plut. Caes., 55; Suet. Iul., 41, 3; ср.: App. B. C., II, 102, 25–26). Цезарь сделал попытку восстановить римское гражданство. Для улучшения демографической ситуации он ввел награды для многодетных семей; запретил бездетным женщинам роскошь; пытался остановить миграцию, запретив не состоявшим на военной службе гражданам старше 20 лет и моложе 40 лет покидать Италию более чем на 3 года (Suet. Iul., 42).

Однако гораздо более радикальным способом решения демографической проблемы выступала активно используемая Цезарем практика предоставления прав римского гражданства провинциалам. Еще в 49 г. жителям Транспаданской Галлии, получившим ранее от Помпея Страбона – отца Помпея Магна – права латинского гражданства, Цезарь по *lex Iulia de civitate Transpadanis danda* (Tac. Ann., XI, 24; Dio Cass., XLI, 36) предоставил римское.

Только эта акция, по подсчетам А. Б. Егорова, увеличила общее число римских граждан примерно на 1/5.: #c_554 некоторое время спустя в соответствии с *lex Iulia de civitate Gaditanis danda* Цезарь даровал права римского гражданства жителям испанского города Гадес (Liv. Per., 110; Dio Cass., XLI, 24). В ходе гражданской войны он многократно прибегал к подобной практике – предоставлял гражданство и отдельным персонам, и целым общинам. Разумеется, это имело конкретную политическую цель – подорвать влияние Помпея и укрепить собственный авторитет. Но все-таки объективно эти акции увеличивали численность римского гражданства и создавали очень важный прецедент территориальной интеграции всего населения формировавшейся державы на основе принципа единого гражданского статуса и личной связи с Цезарем – носителем высшей исполнительной власти. Кроме того, они имели и непосредственные территориально-административные результаты: распространение римского гражданства на Транспаданскую Галлию завершало процесс территориального объединения Италии и создавало условия для введения здесь единого политического устройства, а предоставление гражданских прав провинциалам и внеиталийская колонизация не могли не способствовать широкому распространению римско-италийской муниципальной системы. Это было дополнительным фактором интеграции Рима, Италии и римских провинций в единую территориальную державу. Ретроспективные оценки этих мероприятий, данные, например, Тацитом, позволяют предполагать, что их имперский характер был очевиден преемникам Цезаря, по крайней мере в середине I в. н. э. (Tac. Ann., XI, 24).

Однако мы вновь вынуждены оговориться: Цезарь очень активно осуществлял практику предоставления римского гражданства провинциальному населению, но все его действия в этом направлении носили спонтанный характер и не составляли продуманной программы. Более того, он никогда не отрицал традиционных принципов территориально-административной политики: он пытался укрепить римско-италийский характер гражданства, оформившийся после

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Союзнической войны, не посягал на «персональность» гражданского статуса, на наличие правовых особенностей римлян и перегринов и т. п.: #с_555 Таким образом, сохраняя традиционное восприятие проблемы римского гражданства, Цезарь тем не менее способствовал развитию объективно наметившейся имперской тенденции и придал ей характер государственной политики: расселение римлян в провинции и предоставление провинциалам гражданского статуса по-новому ставило перед Римом проблему гражданства теперь уже в связи с провинциальной политикой.

Важнейшим наиболее конструктивным и продуманным территориально-административным мероприятием, осуществленным Цезарем в Италии, стала широкомасштабная муниципальная реформа – *lex Iulia municipalis*. В современной исторической литературе существуют разногласия относительно времени принятия закона о муниципиях. Т. Моммзен, за ним Г. Ферреро, Эд. Мейер и другие считали, что *lex Iulia municipalis* был обнародован в конце 45 г.: #с_556 Существуют и другие точки зрения, авторы которых относят принятие закона либо к более позднему времени, периоду консулата Антония например: #с_557, или более раннему периоду и приписывают его Луцию Юлию Цезарю, который был консулом 64 г. Ведущий отечественный исследователь истории поздней Римской республики С. Л. Утченко считал возможным отнести принятие закона к 46 г., ссылаясь при этом на переписку Цицерона, в соответствии с которой уже в январе 45 г. был известен именно закон – *lex*, а не законопроект – *rogatio* (Cic. Ad Fam., VI, 18, 1): #с_558. С аргументацией С. Л. Утченко вполне можно согласиться. Однако следует сделать некоторое уточнение: закон мог быть принят в октябре – декабре 46 г. – не позднее середины января 45 г., т. е. либо еще во время пребывания Цезаря в Риме, либо по инициативе Цезаря, но в его отсутствие вскоре после отъезда в Испанию. Письмо Цицерона, на которое ссылался С. Л. Утченко и которое в данном случае является единственным источником, было написано не ранее середины января 45 г., поскольку Цицерон писал, что его самого в это время удерживало в Риме только одно обстоятельство – предстоящие роды Туллии – *Me Romae tenuit omnino Tulliae meae partus* (Cic. Ad Fam., VI, 18, 5)[66 – известно, что Туллия родила в январе 45 г. и в середине февраля умерла.]

Текст *lex Iulia municipalis* полностью не сохранился. До нас дошел лишь довольно большой, но вместе с тем путаный фрагмент (CIL, I, 206), а также неясные и противоречивые свидетельства современников о нем, вследствие чего восстановить его содержание чрезвычайно сложно. Так, Корнелий Бальб, поверенный Цезаря в общественных делах, полагал, что в нем нет ничего нового. По его мнению, закон повторял уже действующие положения в отношении декурiones – муниципальных администраторов – *praeconium vetari... in decurionibus* (Cic. Ad Fam., VI, 18, 1–3). Другие, например Цицерон, видели в *lex Iulia municipalis* не простое повторение уже действующей нормы, а совершенно новое содержание – *qui fecissent, non vetari* (Cic. Ad Fam., VI, 18, 2–3). Опираясь на сохранившийся фрагмент из закона и на сведения Цицерона, можно полагать, что муниципальный закон по сути был уставом местного самоуправления. Муниципиям предоставлялась автономия в решении местных вопросов, определялись правила проведения ценза и выбора местных городских магистратов, ограничивалось их мздоимство – *Neque enim erat ferendum, cum qui hodie haruspicinam facerent in senatu<m> Romae legerentur, eos qui aliquando praeconium fecissent in municipiis decuriones esse non licere* (Cic. Ad Fam., VI, 18, 37).

По справедливой, на наш взгляд, оценке М. Гранта, муниципальная реформа Цезаря должна была обеспечить целесообразное управление итальянскими городами и их экономический рост: #с_559. Добавим к этому, что она способствовала унификации муниципального устройства Италии, а в некоторых отношениях даже и уравнивала итальянские города с Римом. Рим перестал выступать как замкнутая померием территория римской гражданской общины и постепенно начинал восприниматься как центр формировавшейся единой территориальной державы. Это имело принципиальное значение для оформления имперской административно-политической структуры. Проблема римско-италийской интеграции была, по-видимому, учтена Цезарем при разработке основных принципов вывода колоний в итальянские области. Еще в 59 г. он в соответствии со своим аграрным законом был намерен осуществить массовое расселение римской бедноты и ветеранов Помпея. Важным принципом этой колонизации было то, что между колонистами распределялись неподделенные еще государственные земли в кампаниях (Vell., II, 44, 4; ср.: Suet. Iul., 20, 3; App. В. С., II, 10). Иной, но также безболезненный принцип колонизации был использован Цезарем при выводе ветеранских поселений в

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org 46–44 гг.: Цезарь расселял ветеранов не сплошной полосой, а рассеянно, чтобы не сгонять прежних владельцев земли со своих участков (Suet. Iul., 38). Современники отчетливо понимали, какую важную роль играла колонизационная политика. Осуществленная от конкретного лица, а не от имени государства, она обеспечивала Цезарю широкую социальную поддержку. Так, в 50 г. консул Марк Клавдий Марцелл предложил лишить гражданского права колонистов, выведенных Цезарем в Новый Ком (Plut. Caes., 29; App. B. C., II, 26). При этом формулировка была следующей: гражданство было предоставлено «per ambitionem et ultra praescriptum» (Suet. Iul., 28, 3). При общем толковании этого фрагмента, как «умышленно и противозаконно», он имеет некоторые нюансы. Его можно перевести: «по причине тщеславия и сверх установленных правил» или «по причине стремления расположить в свою пользу и сверх установленных правил». При том и другом толковании совершенно понятными становятся ближайшие цели колонизационной политики Цезаря. Однако признавая наличие субъективных замыслов, мы вместе с тем отметим важное объективное значение этой колонизации: основные принципы колонизационной деятельности Цезаря способствовали не только укреплению в его лице римской государственной власти в Италии, но и стабилизации общей социально-политической ситуации, и консолидации римско-италийского населения. Показателем этого является, например, тот факт, что в отличие от свидетельств о сулланской колонизации нигде в источниках мы не находим сведений о противостоянии цезарианских колонистов и местного италийского населения.

В целом следует думать, что политика Цезаря в отношении Италии была успешной. Не случайно в ходе гражданской войны италийцы по большей части оказывали ему поддержку. Даже Цицерон отмечал, что Италия видела в нем поборника прав италиков (Cic. Ad Att., VIII, 16).

В плане территориально-административной организации формировавшейся державы важную роль играла политика Цезаря, направленная на то, чтобы превратить Рим в притягательный центр. Меры эти были продуманными и вполне разумными. Так, всем жившим в Риме людям свободных профессий, медикам и преподавателям свободных искусств были предоставлены права римского гражданства. Цель этой акции прямо и недвусмысленно определил Светоний: чтобы они сами охотнее селились в городе и привлекали других – quo libentius et ipsi urbem incolerent et ceteri adpeterent» (Suet. Iul., 42, 1, и). С этой же целью Цезарь развернул в Риме широчайшее строительство: он восстанавливал старые храмы, закладывал новые, вынашивал планы грандиозных сооружений. Еще в 54 г. он задумал строительство нового форума, а своим доверенным лицам – Цицерону и Оппию – поручил скупать землю под застройку (Cic. Ad Att., IV, 16, 8). Вслед за М. Е. Сергеевко подчеркнем личные мотивы принятого Цезарем решения: со старым форумом в римском сознании ассоциировалось слишком много воспоминаний о «славном прошлом» свободной республики, которые Цезарю хотелось сделать хотя бы более тусклыми: #с_560. После окончания гражданской войны было задумано сооружение храма Марса, «какого никогда не бывало» (Suet. Iul., 44); колоссального театра на склоне Тарпейской скалы (Suet. Iul., 44). Цезарь думал об открытии греческих и латинских библиотек, попечение над которыми хотел поручить известному антиквару и энциклопедисту Марку Варрону (Suet. Iul., 44, 2). Светоний писал, что «день ото дня он намечал для украшения и устройства Рима, а также для укрепления и расширения державы все более многочисленное и величественное – de ornanda instruendaque urbe, item de tuendo ampliandoque imperio plura ac maiora in dies destinabat» (Suet. Iul., 44).

Цезарь нашел средство решить жилищный вопрос в Риме. Он задумал отвести Тибр к Ватиканским холмам, заменить Марсово поле Ватиканским, а Марсово поле, увеличенное отводом Тибра (- 300 га), отдать под жилищную застройку (Cic. Ad Att., XIII, 30).

Цезарь пытался решить основные проблемы коммунального хозяйства Рима: сам контролировал процесс текущего ремонта улиц и общественных зданий, разрабатывал проекты по мелиорации и проведению каналов, что должно было обеспечить землей десятки тысяч человек, активизировать торговлю и улучшить снабжение Рима продовольствием (Suet. Iul., 44, 3).

Муниципальный закон Цезаря – lex Iulia municipalis, о котором речь шла выше, также предполагал серию мероприятий по благоустройству Рима. Был запрещен въезд в Рим всякому конному транспорту после солнечного восхода и до заката. Исключение делалось для телег, которые ввозили строительные материалы для храмов и общественных зданий и вывозили из города мусор, а

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org также для триумфальных колесниц и повозок, ехавших в торжественных процессиях. Это дает основания еще раз отметить, что предписания муниципального закона в отношении Рима и сам факт применения общего закона к муниципиям и Риму ставили его лишь в положение центрального города формировавшейся империи: #с_561.

Таким образом, в решении традиционной проблемы Рим – Италия Цезарь создал важные исторические прецеденты: разделение римлян и италиков стало отходить на второй план, вовлечение италиков в политическую жизнь Рима делало муниципальную аристократию политическим партнером центральной власти (прежде всего в лице Цезаря), расширение гражданства способствовало интеграции римских территорий и укреплению формировавшейся римской территориальной державы.

Такое же значение имела и территориально-административная политика Цезаря в отношении провинций. В середине I в. Рим объединял под своим империем 14 провинций. Цезарь присоединил к ним еще три – Новую Африку (B. Afric, 97), Лукдунскую Галлию и Бельгику (Suet. Iul., 25), выделил Иллирию в особую провинцию. Общей тенденцией эпохи гражданских войн было повышение роли провинций в социально-политической и социально-экономической жизни Рима. Это закономерно вызывало дальнейшую деформацию узких римских республиканских структур и развитие имперских отношений. В исторической литературе общим местом является тезис о том, что Цезарь демонстративно стремился к созданию единой Средиземноморской державы: #с_562. Нам представляется, что этот тезис нуждается в некотором уточнении: Цезарь не скрывал своего имперского мышления, его территориально-административная политика имела наиболее последовательный характер, но осуществляя ее, он также не мог не «оглядываться» на традицию и на мнение консервативной части общества.

Прежде всего, он пытался расширить границы римского владычества и обеспечить их безопасность. Еще во время своего наместничества в Испании в 61 г. он участвовал в военных вылазках, разорении городов, сборе военной добычи – покорил лузитанов и другие племена, ранее не подвластные Риму (Liv. Per., 103; Plut. Caes., 12; App. B. C., II, 8). За 10 лет галльской кампании он подчинил народы Трансальпийской Галлии и обратил эту территорию в провинцию: было практически уничтожено племя нервиев, разбит союз племен во главе с венетами (сенат казнен в полном составе, все остальные проданы с аукциона – Caes. BG., II, 20–28; III, 13; ср.: Liv. Per., 104; 108; Suet. Iul., 24, 3). В 55–54 гг. Цезарь совершил поход в Британию (Caes. B.C., V, 8–23; Tac. Agric, 13, 2; Flor. Ep. bell., I, 45, 59–75): #с_563. Веллей Патеркул, говоря о целях британской экспедиции, писал: он «как будто разыскивал другой мир для нашего и его империя (владычества) – alterum paene imperio nostro ac suo quaerens orbem» (Vell., II, 46,1). Плутарх считал, что поход Цезаря в Британию расширял римское господство (Plut. Caes., 23; ср.: Flor. Ep. bell., I, 47,12–16). Подобные оценки античных авторов имеют в виду скорее моральный эффект британской экспедиции, нежели ее реальное значение. Важным успехом Цезаря было завоевание Нумидии и обращение ее в римскую провинцию. Будучи диктатором, Цезарь восстановил власть Рима в Сирии, Киликии, Понте; строил планы по «усмирению» вторгшихся во Фракию и Понт дакийцев, организации парфянского похода (Suet. Iul., 44, 3); задумывал совершить военную экспедицию на Кавказ, в Скифию, Германию и таким образом расширить и объединить территорию, подвластную Риму (Plut. Caes., 58). Безусловно, за всеми этими планами стояли, прежде всего, собственные амбиции Цезаря [67 – известно, например, что во время испанского пропреторства он не занимался административными делами, считая это не приносящим ему пользы (App. B. C., II, 8)]. Однако и сам Цезарь, и общественное мнение связывало его военные успехи и перспективы с интересами римского государства и расширением римского могущества.

Главным фактором провинциальной политики Цезаря была сила. В этом смысле он придерживался традиционных принципов: территория провинций рассматривалась как собственность римского народа, ее население – как бесправные подданные, обязанные выплачивать 1/10 часть доходов в римскую государственную казну и подчиненные неограниченной власти римских наместников. Однако в условиях цезарианской диктатуры эти традиционные формы эксплуатации провинций приобрели несколько иной, имперский характер. Во всех провинциях были размещены цезарианские легионы, связанные с Цезарем как с пожизненным императором. Цезарь лично следил за распределением провинций и обеспечением наместников военной силой (Caes. B. C., II, 21; App. B. C., II, 41; 48). Например, в Александрии были оставлены три легиона во главе с Руфином –

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
сыном вольноотпущенника Цезаря (Suet. Iul., 76, 3). Во главе провинции Новая Африка был назначен наместником Саллюстий Крисп – верный и надежный сторонник Цезаря (App. B. C., II, 100).

Цезарь утвердил общие принципы провинциального наместничества: срок управления консульскими провинциями он ограничил двумя годами, а преторскими – одним годом (Cic. Phil., I, 19; Dio Cass., XLIII, 25). При этом наместники провинций лишались по существу верховной военной власти. Их полномочия сводились к административным функциям и судебному надзору. Назначенные по «рекомендации» Цезаря они, по существу, составляли провинциальную администрацию, подотчетную прежде всего лично ему. В 46 г. был принят *lex Iulia de vi et de maiestate*, который довольно жестко поставил провинциальных наместников под контроль Цезаря (Cic. Phil., I, 23). Таким образом, Цезарь положил начало формированию имперской бюрократии.

Опираясь на армию, Цезарь осуществлял финансовую политику в провинциях. В начальный период своей политической карьеры он действовал традиционно, не выходя за рамки сложившейся практики: собирал регулярные налоги, контролировал сбор чрезвычайных податей, организовывал военный постой, потворствовал прямым вымогательствам своих «друзей» и легатов и пр. Будучи наместником в Испании и Галлии, он вымогал деньги у провинциальных общин. Если они оказывали сопротивление, разорял города, опустошал капища и храмы (Caes. B. C., III, 80; V. Alex., 19; Suet. Iul., 54). В результате «он и сам разбогател и дал возможность обогатиться своим войнам» (Plut. Caes., 12). После провозглашения Галлии провинцией она была обложена ежегодным налогом в 40 млн. (Suet. Iul., 24, 3). Золота в Рим было привезено столько, что оно упало в цене по сравнению с серебром на 25%.: #с_564 К подобным методам финансовой эксплуатации провинций Цезарь обращался и в период своей диктатуры. По сообщению Плутарха, после африканской кампании население новой провинции было обложено такими поборами, что Цезарь обещал ежегодно доставлять в государственную казну 200 тыс. медимнов зерна и 3 млн. фунтов оливкового масла (Plut. Caes., 55).

Однако во время диктатуры традиционный курс провинциальной финансовой политики претерпел определенные изменения. Цезарь стремился отчасти обеспечить экономическую стабильность римских провинций. К пониманию необходимости этого он пришел, по всей видимости, еще во время испанского наместничества. Не случайно одним из важнейших мероприятий Цезаря в Испании было решение долгового вопроса, когда он установил ежегодные выплаты по долгам не более 1/3 части доходов (Plut. Caes., 12). Позднее, во время консульства, Цезарь решил на сокращение откупных платежей с азиатских провинций и, по сообщению Светония, просил откупщиков быть умереннее (Suet. Iul., 20, 3). Сумма налогов и податей стала определяться конкретными соглашениями откупщиков и городских общин (ср.: Cic. De prov. cons., 21, 10; Ad Att., I, 17, 9; 18, 7; II, 1, 8; 16, 2, 4; Ad Quint., I, 1, 33), что в конечном счете не могло не облегчить налогового давления на провинции. На осознание Цезарем важности и возрастающей роли провинций указывает и принятие закона о вымогательстве – *lex Iulia de pecuniis repetundis* 59 г. (Cic. Pro Sest., 135, 13; In Vat., 29, 7). Закон касался самых различных сторон взаимоотношений провинциальных наместников с центральной властью. Он запрещал наместникам покидать провинции и вести военные действия вне их территории, регламентировал поставки воинских контингентов и содержание наместникам и их свите, предполагал преследование попыток подкупа во время суда или набора войск, лжесвидетельств, сокращал срок судебных процессов, вменял клятву на верность принятому аграрному закону Цезаря. Цицерон назвал этот закон превосходным – *optima lex* (Cic. Pro Sest., 135, 15). Если прежде наместники провинций действовали относительно самостоятельно и бесконтрольно, теперь определялись границы полномочий римских провинциальных магистратов: #с_565. Важно подчеркнуть, что закон был проведен с точки зрения имперских интересов: он не делал никаких исключений и таким образом способствовал унификации управления различными частями формировавшейся римской державы.

Как мы уже отмечали, в период диктатуры Цезаря финансовый контроль над провинциями оказался в его руках. Систему откупов он сохранил в отношении лишь косвенных сборов. При взимании постоянных государственных налогов посредники были устранены, их собирали лично уполномоченные Цезаря (Suet. Iul., 76, 3) или наместники, которые в условиях цезарианской диктатуры выступали в такой же роли. Для ряда провинциальных общин были расширены налоговые льготы, уменьшен общий размер прямых налогов. Практика выплаты

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org налога на имущество была сохранена лишь в Африке и Сардинии [68 – В ряде случаев в этих провинциях налог на имущество был даже увеличен с 1/10 до 1/8 части (В. Afr., 98)]. Все эти новации не позволяли бесконтрольно и бесконечно разорять экономику провинций, хотя следует подчеркнуть, что о планомерной экономической интеграции провинций и Римской республики в период диктатуры Цезаря можно говорить лишь как о наметившейся тенденции. Мирный период правления Цезаря был чрезвычайно коротким для того, чтобы эта тенденция стала определяющим принципом. Кроме того, в условиях гражданской войны она отходила на второй план, на первый все-таки выступала сила и соображения военно-стратегического характера.

Опираясь на армию, Цезарь стремился достичь политической стабильности провинциальной периферии: устанавливались либо союзнические, либо вассальные отношения с завоеванными общинами и государствами, скрепленные, кроме того, личными отношениями их глав с Цезарем. Во время гражданской войны Цезарь самовольно определял степень зависимости или, напротив, самостоятельности греческих общин (Plut. Caes., 48; App. В. С., II, 88), положение азиатских династов и тетрархов (В. Alex., 66–67), африканских царств (App. В. С., II, 100). Действуя от имени римского народа и сената, Цезарь тем не менее подчеркивал личный характер таких отношений. Так, лишая Дейотара царской власти в Малой Армении, которая была предоставлена ему Помпеем и утверждена сенатом, Цезарь заявил, что распоряжение сената недействительно и Дейотар мог бы знать, «кто владеет Римом и Италией, где сенат и народ римский, где республика и кто, наконец, консул после Л. Лентула и К. Марцелла – *quis urbem Italiamque teneret, ubi senatus populusque Romanus, ubi res publica esset, quis deinde post L. Lentulum C. Marcellum consul esset*», (В. Alex., 68).

Для Цезаря подобная провинциальная политика была не только средством создания личной политической клиентелы и личного стратегического резерва, но вдобавок и средством создания слоя населения, на который могла бы опираться римская власть. Хотя в условиях диктатуры Цезаря эти два замысла, разумеется, переплетались и дополняли друг друга.

Тот факт, что провинциальная политика была орудием личной власти Цезаря, подтверждается его отношением к египетской проблеме. Мы уже рассматривали ситуацию 64 г. (гл. 3.1), когда Цезарь пытался вмешаться в египетские дела, вынашивал идею собственного египетского наместничества и получил в сенате отказ (Suet. Iul., 11). Во время галльской кампании он не упускал из виду ни одной значимой политической проблемы ни в Риме, ни в провинциях (Suet. Iul., 28). В 55 г. совместно с Помпеем он добился восстановления на египетском престоле Птолемея XII Авлета, изгнанного из Египта в 59 г. (Suet. Iul., 54, 3). Позднее, в результате александрийской военной экспедиции 48–47 гг., Цезарь утвердил на египетском престоле дочь Птолемея Клеопатру (App. В. С., II, 90). События гражданской войны, видимо, определили новый взгляд Цезаря на египетскую проблему: он отказался от идеи превращения Египта в римскую провинцию, опасаясь, что ее наместник, используя огромные ресурсы, может стать организатором новых смут (Suet. Iul., 35). Для Цезаря, видимо, политически более выгодным стало казаться сохранение союзнических отношений с Египтом, укрепленных личными дружескими отношениями с египетским правителем (в данном случае с Клеопатрой – Plut. Caes., 49).

Важную роль в провинциальной политике Цезаря играли традиционные общественные связи, дружеские и клиентские отношения с «туземной» элитой. В провинциях Цезаря окружали «друзья», «гостеприимцы», «сотрапезники». Среди них было немало представителей местной провинциальной аристократии – *homines honestissimi, primi civitatis, viri primarii*: #c_566. Вождь свевов Ариовист был «союзником и другом римского народа». Тревер Цингеторикс состоял в дружеских отношениях с Цезарем. Прочная дружба связывала Цезаря с некоторыми представителями аристократии ал-лоброгов даже в 52 г., когда вся Галлия была охвачена антиримским восстанием. Цезарь подчеркнуто уважительно относился к провинциальной знати: обеды давал на двух столах, за одним возлежали военные чины и ученая греческая свита, за другим – римские гражданские чиновники вместе с представителями местной знати (Suet. Iul., 48). Подобные отношения имели и для Цезаря, и для провинциалов двойственное значение. Для «туземной» элиты они были одновременно и исполнением имущественной государственной повинности, и социальным институтом, который связывал ее с римским должностным лицом, а иногда помогал инкорпорироваться в римскую потестарную структуру. Для Цезаря эти отношения были реальной основой для укрепления своего личного положения в провинциях, залогом

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org эффективного выполнения его обязанностей, обеспечивали контроль над провинциальной периферией и способствовали распространению проримских и процезарианских настроений (Caes. BC, I, 53; Cic. Ad Quint., I, 1, 16): #с_567. Цицерон, оценивая методы и общие результаты провинциальной политики Цезаря, совершенно точно заметил, что тот «одним лишь правом поражения связал целые провинции и страны – *universas provincias regionesque uno calamitatis iure comprehenderet*» (Cic. De off., II, 27, 1213).

Одновременно с принятыми еще со времени образования первых римских провинций принципами провинциальной политики, главным образом, силовым давлением и личным авторитетом римского наместника, в период диктатуры Цезаря стали оформляться и новые. Важнейшим среди них было увеличение в провинциях числа римских граждан прежде всего за счет колонизации. Со времени Цезаря появились колонии римских граждан в Нарбонской Галлии (50-е гг.), Испании (40-е гг.), Африке, восточных провинциях. Наряду с этим Цезарь использовал и такой фактор, как предоставление прав римского гражданства провинциалам (Suet. Iul., 76, 3). Гражданские колонии в провинциях и провинциальные общины с гражданским правом получали статус самоуправляющихся общин и освобождались от административного контроля «туземных» властей. Т. Моммзен допускал даже, что они могли быть самостоятельными не только в административном отношении, но и в сфере юрисдикции: #с_568. Решение вопросов общей государственной политики переходило в ведение представителей римской власти, т. е. провинциальных наместников.

Увеличение числа римского гражданства в провинциях неизбежно должно было способствовать территориальной, экономической и политической интеграции. Некоторые исследователи даже полагают, что на провинциальные общины с римским гражданским правом распространялись римско-италийские муниципальные городские формы, утвержденные в соответствии с *lex Iulia municipalis*: #с_569. В античной традиции по этому поводу нет надежных указаний. Однако подобное предположение не лишено оснований, поскольку колонисты, безусловно, стремились организовать жизнь по римскому образцу. В целом же, несмотря на сближение римских провинций с Италией и Римом, в период диктатуры Цезаря государственно-правовые различия между этими частями формировавшейся державы сохранились: Рим и Италия находились в сфере действия гражданского права, провинции – в сфере военной юрисдикции.

Важным фактором в плане интеграции населения формировавшейся Римской державы оставался высокий статус римского гражданства. Цезарь стремился использовать это. В ходе гражданской войны он, например, не взыскивал с римских граждан, живших в провинциях, выплат в государственную казну, восстанавливал их имущество. Некоторым гражданским общинам определял награды от имени государства и от себя лично (Caes. B. C., II, 21; V. Afric, 97). Напротив, в том случае, если провинциальные общины римских граждан оказывали поддержку помпеянкам, он налагал на них штрафы, прибегал к конфискации и продаже имущества (V. Afric, 97; 98) и другим наказаниям. Назвать ряд примеров будет полезно для того, чтобы судить о степени радикальности провинциальной политики Цезаря и в конечном счете о том, насколько значимой была для него лояльность римских граждан, живших в провинциях. По итогам африканской кампании за поддержку помпеянцев римские граждане, жившие в Утике, были обложены штрафом в 200 млн. сестерциев с обязательством выплатить их в государственную казну в течение 3 лет (V. Afric, 90). На другие африканские общины с гражданским правом был наложен штраф в 211 млн. сестерциев (V. Afric, 97), а на жителей Карал в Сардинии – в 10 млн. сестерциев (V. Afric, 98). Цезарь устанавливал не только денежные, но и натуральные штрафы. Например, от жителей африканского города Аептиса он потребовал поставки 3 млн. фунтов масла; от жителей Тиздры – некоторого количества хлеба (V. Afric, 97). По собственному усмотрению Цезарь мог увеличить постоянный налог на имущество. Так, жителей Карал он заставил платить вместо десятины восьмую часть доходов (V. Afric, 98).

Обзор этих сохраненных традицией примеров убеждает в том, что, не отменяя традиционных принципов и методов провинциального управления, Цезарь определил новые задачи и направления в этой сфере. Они должны были обеспечить интеграцию провинций в единый имперский организм и эффективное управление этим организмом. При этом решение поставленных задач осуществлялось Цезарем на персональной основе: #с_570: он соблюдал и долг государственного деятеля – гражданина Римской республики, и социальные обязательства патрона и покровителя провинций от лица все той же Римской республики.

Важную роль в трансформации республики в империю играла социальная политика Цезаря. Ранее (гл. 3.1) нами было зафиксировано, что на начальных этапах политической карьеры у Цезаря не было ни однозначного отношения к сословным проблемам, ни четкой программы социальных реформ. Стремясь завоевать личный авторитет, он противопоставил свою политическую практику сенатской, что давало основание и его современникам, и историкам Нового времени считать, что он действовал в традициях республиканского демократизма и римских популяров. В 65 г. в должности эдила он украсил форум и провел игры. Плутарх писал, что пышными затратами на устройство театральных представлений, церемоний и обедов он затмил предшественников (Plut. Caes., 5). В популистском духе была проведена также акция демонстрации посмертной маски Мариа и последующего восстановления марианских трофеев. Древние подчеркивали, что это было сделано, несмотря на сопротивление нобилитета, но с одобрения народа (Plut. Caes., 6; Vell., II, 43, 4). Еще раз обратиться к анализу этой акции необходимо для того, чтобы понять, было ли отношение Цезаря к сословной борьбе и, следовательно, к сословной проблеме в целом принципиальным и осмысленным. Итак, акция была продумана и осуществлена в политическом, социальном и морально-этическом отношении идеально. Цезарь использовал такой вполне допустимый предлог, как похороны своей тетки Юлии – жены Мариа. Погребение умершего было частным событием, но римская ритуальная процедура: погребальная процессия, надгробные речи, погребальная тризна и т. п. – привлекала огромное количество людей и придавала погребальной церемонии важный общественно-политический резонанс. Сакральная традиция требовала, чтобы во время церемонии были выставлены маски предков, занимавших курульные должности, их военные трофеи и знаки отличия; в надгробной речи перечислялись не только деяния новоусопшего, но и всех предков. Продемонстрировав изображение Мариа, Цезарь, таким образом, как частное лицо, следуя кодексу *mos maiorum*, исполнил свой гражданский долг; как человек общественный, заявил об обоснованности своих политических амбиций и претензий. После похорон тайно на Капитолии были выставлены марианские трофеи. Хотя общественное мнение приписывало эту акцию Цезарю, сам он публично отрекся от причастности к ней. По причине нечеткости и противоречивости античной традиции это событие можно реконструировать двояко: либо марианцы организовали акцию и воспользовались именем Цезаря; либо ее предпринял сам Цезарь, не предполагая, однако, при этом использовать марианцев как политическую силу, поскольку те, по определению Плутарха, были в это время унижены и влачили жалкое существование (Plut. Caes., 6). Скорее Цезарь просто использовал ситуацию – играя на общественных противоречиях, он стремился достичь собственной популярности. Мы не можем согласиться с мнением исследователей, которые видят в данном событии демонстрацию принципиальной приверженности Цезаря идеям популяров: #с_571 и в конечном счете демонстрацию его революционно-демократических настроений: #с_572. За всеми действиями Цезаря нам видится главным образом его первая откровенная заявка на роль политика, вставшего над узкими сословными политическими интересами и стремившегося к завоеванию политического авторитета в самых широких слоях римского общества.

На это указывает и отношение Цезаря к событиям в Риме второй половины 60-х гг.: восстанию Марка Лепида, катилинариям и т. п. По словам Плутарха, он уже тогда «вступил на дорогу, по которой... привел римское государство к единовластию... все поступки, все надежды согласовывались с основной его целью» (Plut. Cic., 20). Аппиан подчеркивал, что во время эдилитета и претуры Цезарь был не по средствам щедрым, но это касалось, прежде всего, его честолюбия (App. V. C., II, 1).

Позднее, во время I консулата (App. V. C., II, 13) и затем во время диктатуры, Цезарь также осуществлял традиционные популистские мероприятия сословного плана. Став диктатором в 49 г., он устроил хлебные раздачи. В 46–45 гг. он провел 5 триумфов, которые сопровождались многодневными общественными угощениями, раздачами хлеба и вина (Plut. Caes., 55; 57; Suet. Iul., 38, 2; App. V. C., II, 101–102; Dio Cass., XLII, 49; XLIII, 21). В сентябре 46 г. народные празднества были устроены в честь освящения Цезарем храма Венеры-Прародительницы. Одновременно с триумфальными и сакральными торжествами были организованы всевозможные игры: морской бой, пешие и конные ристалища, сражение слонов, состязания атлетов, звериные травли, театральные представления (Vell., II, 56, 12; Suet. Iul., 37; 39; App. V. C., II, 102). После африканской кампании Цезарь произвел денежную раздачу: по различным источникам, варьирующим размеры выплат, он выдал каждому римскому гражданину от 300 до 400 сестерциев (Suet. Iul., 38; App. V. C., II, 102; Dio Cass., XLIII, 21). Цицерон подчеркивал, что все эти

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
мероприятия имели демагогический характер и осуществлялись не с учетом государственной целесообразности, а для привлечения на свою сторону неискушенной массы – *multitudinem imperitam* (Cic. Phil., II, 116, 12). Замечателен тот факт, что во время триумфов зрелища были организованы на различных языках (Suet. Iul., 39), т. е. рассчитывались на римскую толпу, ставшую к середине I в. космополитичной.

Важным показателем отношения Цезаря к сословной проблеме является его политика милосердия – *dementia*, которую он прокламировал в самом начале гражданской войны в письме к своим доверенным лицам – Оппию и Бальбу[69 – Письмо сохранилось в переписке Цицерона, которому оно было переслано (Cic. Ad Att., IX, 7 a)]. В стремлении Цезаря примирить собственные интересы и политические амбиции с интересами и политическими амбициями Помпея угадывается не только его желание умиротворить римскую аристократию, но и достичь всеобщего согласия и консолидации римского общества. Несколько раз в начале гражданской войны он пытался организовать переговоры с Помпеем, но безуспешно. Сам Цезарь говорил, что даже в 48 г. он все еще надеялся на примирение (Caes. B. C., III, 10; 90). Правда, его слова – единственный источник и невозможно корректно оценить их. Эти попытки были дополнены восстановлением в сословных правах проскрибированных при Сулле и лишенных сословных привилегий в соответствии с решениями цензоров или по суду (Caes. B. C., III, 1; Cic. Ad Att., IX, 14, 2; X, 4, 8; Plut. Caes., 37; Suet. Iul., 41; Dio Cass., XLI, 18; XLIV, 47). Традиция связывает *lex de proscriptorum liberis* с законом об отмене *lex Pompeia de ambitu* и относит их принятие ко времени I диктатуры Цезаря. Среди античных авторов лишь Веллей Патеркул называл эти законы в общем списке деяний Цезаря и некритически ставил в один ряд с мероприятиями периода эдилитета (Vell., II, 43, 4). В данном случае античный историк, безусловно, ошибался: во-первых, в должности эдила Цезарь не обладал подобными полномочиями; во-вторых, античную традицию определяет собственное свидетельство Цезаря (Caes. B. C., III, 1). Можно допустить предположение Г. Ферреро о том, что проведение *lex de proscriptorum liberis* через комиции было поручено Антонию накануне первой испанской кампании с целью успокоить общественное мнение и сгладить то негативное впечатление, которое произвела на римлян конфискация Цезарем средств государственного казначейства: #с_573. Это вполне укладывается в логику политических событий. Однако, как сообщил сам Цезарь, рассмотрение дел в соответствии с *lex de proscriptorum liberis* осуществлялось лично им, следовательно, закон вступил в действие уже после возвращения Цезаря из Испании осенью 49 г.

Принятые в 49 г. законы о восстановлении в правах проскрибированных и осужденных были дополнены объявлением в августе 45 г. всеобщей амнистии, которая касалась, прежде всего, помпейцев (Suet. Iul., 75). Т. Моммзен, а вслед за ним Г. Ферреро и другие историки считали, что амнистия была проведена в 44 г. В датировке этого события мы считаем необходимым опереться на античную традицию, в частности на сообщение Аппиана (App. B. C., II, 107). Кроме того, этот закон вполне согласуется с серией примирительных мероприятий, проведенных Цезарем сразу после возвращения из второго испанского похода, а также с получившими в это время в среде римской аристократии надеждами на восстановление республиканского образа правления (Cic. Ad Att., XIII, 40, 1).

Сам Цезарь понимал «милосердие» в традиционно римском смысле: милосердие к согражданам было такой же обязательной нормой, как суровость к врагу: #с_574. Однако он придавал политике *dementia* более широкое контекстное значение: не только внимание к друзьям и забота о клиентах, но терпимость к людям, настроенным враждебно к нему (Suet. Iul., 75). В известной степени его позицию отражали слова о смерти Катона Утического, которая была ненавистна ему так же, как Катону было ненавистно спасение, дарованное Цезарем (Plut. Caes., 54), а также о том, что он «никогда не хотел напрасно пользоваться (злоупотреблять) кровью солдат и лишать Римское государство какого-нибудь из двух войск – *neque se um-quam abuti militum sanguine neque rem publicam alterutro exercitu pri-vare voluisse*» (Caes. B. C., III, 90; Plut. Caes., 48; ср.: Cic. Ad Att., IX, 7). Кроме того, Цезарь приказал сжечь переписку Помпея, чтобы не испытывать ненависти к тем, кто там упоминается; проявил заботу о помпейцах, оказавшихся в Египте; не преследовал самых близких родственников Помпея – простил его дочь и внуков (B. Afric, 95, 3; ср.: Suet. Iul., 75, 3; Dio Cass., XLIII, 12, 3)[70 – Правда, вопреки этому устоявшемуся в античной традиции представлению, Флор утверждал, что Цезарь казнил дочь Помпея и ее детей, «чтобы это было предостережение на будущее – *hie posteris cavebatur*» (Ep. bell., II, 13,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org 352).].

В соответствии с принципом милосердия Цезарь выстраивал свои отношения с римской политической и интеллектуальной элитой: всех, кто поддерживал его, он одарял почетными должностями; ко всем, кто выступал против, относился снисходительно (ср.: Tac. Ann., IV, 34). Гая Меммия, резко обличавшего самовластие Цезаря, он тем не менее поддержал во время консульских выборов. Гая Кальва, который высмеивал его в своих эпиграммах, Цезарь простил и даже первый написал ему примирительное письмо. Поэта Валерия Катулла, который, по признанию самого Цезаря, «заклеймил его вечным клеймом» в своих стихах, простил и даже пригласил к обеду (Suet. Iul., 72–73). Оскорбительные сочинения Авла Цецины и Пифолая он воспринял спокойно (Suet. Iul., 75, 5).

В данном контексте интересны отношения Цезаря с Гаем Саллюстием и Цицероном. Саллюстий, откровенно поддерживавший диктатора, был назначен им в качестве наместника во вновь образованную на территории Нумидии провинцию Новая Африка (V. Afric, 97). Позднее, после наместничества, Цезарь неизменно оказывал поддержку Саллюстию. С Цицероном у Цезаря сложились довольно сложные отношения. С одной стороны, они были принципиальными противниками в вопросе о власти и перспективах развития Республики, с другой – видели необходимость перемен, это сближало их и в некоторые периоды придавало отношениям если не дружеский, то вполне корректный характер: #с_575. Не случайно именно Цицерон определил цену и значение политики милосердия Цезаря, превозносил его милосердие и подчеркивал, что таким образом Цезарь действует «на благо государства – *ad bene de re publica*... и ставит авторитет сената и достоинство государства выше его (личных) обид и подозрений – *auctoritatem huius ordinis (senatus. – Н. Ч.) dignitatemque rei publicae tuis vel doloribus vel suspicionibus anteferre*» (Cic. Pro Marc, 2–3). Вместе с тем он считал, что это была политика видимого (призрачного) милосердия – политическая маска Цезаря – *clementiae species*, с помощью которой он пытался привязать к себе и сторонников и противников (Cic. Phil., II, 116, 13).

В целом по верному, на наш взгляд, определению В. Н. Парфенова, политика *dementia Caesaris* в отношении римской элиты была «тестом на лояльность»: #с_576. Безусловно, она составляла важный элемент социально-политической стабилизации. По крайней мере, таким образом Цезарь обеспечил нейтралитет наиболее мобильных (средних) слоев римского гражданства и в значительной степени его консолидацию вокруг личности диктатора. В самом общем виде этот тезис признается всеми исследователями, начиная со времен Т. Моммзена: #с_577. Диссонирует с ним мнение С. Л. Утченко, который считал, что политика милосердия не оправдала себя и «была крупной политической ошибкой»: #с_578. С подобной оценкой невозможно согласиться: акты милосердия Цезаря находили у современников, даже наиболее оппозиционно настроенных, понимание и вызвали их одобрение. Так, Цицерон говорил: «Ничто не пользуется такой народной любовью, как доброта; ни одно из многих твоих (Цезаря. – Н. Ч.) достоинств не является замечательнее и не заслуживает большей признательности, чем милосердие. Ведь люди более всего приближаются к богам не иначе, как даруя спасение (другим) людям. – *Nihil est tam populare quam bonitas, nulla de virtutibus tuis plurimis nee admirabilior nee gratior misericordia est. Homines enim ad deos nulla re propius accedunt quam salutem hominibus dando*» (Cic. Pro Lig., 37–38). Известно, что было принято общее решение посвятить Цезарю храм Милосердия. Плутарх подчеркивал, что римляне считали это решение имеющим основания (Plut. Caes., 57).

Итак, исходя из анализа политической практики Цезаря, предпринятых им реформ и его образа жизни, можно допустить, что в целом сословная проблема занимала его в незначительной степени. Он относился к сословным различиям, по-видимому, как к некоей условности, а его методы политической борьбы и социально-политическая практика имели до некоторой степени надсословный характер. Мы употребляем термин «надсословный» как своего рода метафору и не придаем этому определению абсолютного значения, как это делал Т. Моммзен, а среди отечественных историков – Н. А. Машкин: #с_579. Наиболее резко и прямолинейно идея «надсословного», «надклассового» характера политики Цезаря в период его диктатуры была выражена Л. Парети: #с_580, который довольно подробно рассмотрел реформаторскую деятельность диктатора, не затронув, правда, вопрос о социальных основах его возвышения и его социальной опоре. На наш взгляд, в отношении Цезаря к сословной проблеме проявляется, прежде всего, его имперское мышление: он назначал на должности, награждал знаками отличия, завязывал дружеские отношения,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org предоставлял римское гражданство и т. п. невзирая на социальный статус.

В известной степени надсословный характер политики Цезаря получил выражение в его стремлении унифицировать римское гражданство в процессуально-правовом плане. Цезарь предполагал кодификацию римского права (Suet. Iul., 44, 2) и ужесточение системы наказаний. Эта мера была направлена, прежде всего, против землевладельческой и торгово-денежной верхушки римского общества. В соответствии с римской правовой традицией, осужденный за преступление мог до суда добровольно удалиться в изгнание. Подобная норма была действенной, когда Рим являл собой небольшую общину. С расширением римской территории она потеряла свое значение как карательный акт и человек, совершивший преступление, удалившись из Рима, практически ничего не терял. Светоний подчеркивал, что богатые люди все свое состояние и в изгнании оставляли за собой, чувствовали себя безнаказанно и тем легче шли на преступление (Suet. Iul., 42, 3). Цезарь в качестве наказания ввел такую меру как конфискация имущества: за убийство – всего состояния, за иные преступления – половины состояния (Suet. Iul., 42, 3).

Сходную цель имели законы Цезаря против роскоши и разврата (Cic. Pro Marc, 23, 7–8). Были введены пошлины на иноземные товары; ограничена показная роскошь: носилками, пурпурными платьями и жемчужными украшениями могли пользоваться определенные лица, определенных возрастов и в определенные дни; строго нормировались повседневные траты (Suet. Iul., 43, 1–2; Dio Cass., XLIII, 25). Эти постановления были проведены в духе римской общинной традиции. Однако всем была известна страсть самого Цезаря к изысканности и роскоши, которую он проявлял с молодых лет и никогда не скрывал (Suet. Iul., 46–47; 50, 2). Таким образом, унифицируя материальные запросы римского гражданства, сам Цезарь подчеркивал свое исключительное положение в этой сфере.

Равным образом Цезарь пытался восстановить и традиционные нормы семейно-брачных отношений [71 – Есть основания думать, что семейно-брачное законодательство Августа повторяло некоторые законы Цезаря, см.: Tac. Ann., IV, 42.]. Его решения в этой сфере были довольно жесткими. Безбрачные и бездетные лишались права на свободное завещание имущества. Строго определялся срок траура, при его нарушении новый брак считался незаконным и расторгался (Suet. Iul., 43). Прелюбодеяние жестоко каралось. Одного из своих любимых вольноотпущенников Цезарь казнил за то, что тот соблазнил жену всадника (Suet. Iul., 48). Вдовы и разведенные должны были в течение полутора лет снова выйти замуж. Все это должно было восстановить основы римской семьи и в целом стабилизировать гражданскую жизнь. Однако сам Цезарь и в этой сфере делал для себя исключения. По свидетельству Светония, у народного трибуна Гельвия Цинны был заготовлен законопроект, по которому Цезарь с целью рождения наследников мог жениться сколько угодно раз и на ком угодно (Suet. Iul., 52, 3).

Обладая высшей исполнительной властью, Цезарь должен был обратиться к решению насущных социальных задач. Еще во время своего первого консулата в 59 г. он в соответствии с *lex Iulia agraria* провел аграрную реформу. Античная традиция довольно смутно излагает суть реформы (App. B. O, II, 10–12; ср.: Plut. Caes., 14; Suet. Iul., 20). В основном источнике по этому вопросу, рассказе Аппиана, аграрное законодательство Цезаря представлено как единый акт наделения землей римской бедноты, хотя Аппиан говорил об аграрных законах Цезаря во множественном числе [72 – У Ливия упоминаются «аграрные законы» Цезаря, см.: Liv. Per., 103.]. У свидетелей и участников событий – самого Цезаря и Цицерона – речь идет о двух составляющих аграрное законодательство: кроме интересов римской бедноты оно учитывало запросы ветеранов Помпея (Caes. B. C., I, 14; Cic. Phil., II, 101; Ad Att., II, 6, 1). По всей видимости, Цезарь провел два аграрных закона. Во-первых, один законопроект не мог касаться таких разных аспектов проблемы, как наделение землей бедноты и выведение ветеранских поселений. Во-вторых, известно, что Помпей был настроен против аграрного законопроекта, вероятно, в той его части, которая касалась римской бедноты (Vell., II, 44, 4), и, наоборот, был заинтересован в наделении землей своих ветеранов. В исследовательской литературе Нового времени вопрос о количестве проведенных Цезарем аграрных законов решается по-разному. Одни исследователи считают возможным говорить о едином аграрном законе: #c_581, другие допускают возможность проведения двух самостоятельных аграрных законов: #c_582 или относятся к ним как надежно установленному факту: #c_583. В результате по-разному и довольно произвольно решается вопрос и о содержании аграрного законодательства Цезаря: #c_584. На основании принятого нами общего тезиса о том, что Цезарь

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org осуществлял свой аграрный проект в два этапа, можно предположить, что первый аграрный закон был проведен им в том объеме, о котором говорил Аппиан: предполагался раздел свободных государственных земель в пользу римской бедноты. Предпочтение отдавалось тем римским гражданам, у кого было трое и более детей. Их оказалось более 20 тыс. (App. V. C., II, 10; ср.: Vell., II, 44, 4; Suet. Iul., 20, 3). По этому закону надельная земля не могла отчуждаться в течение 20 лет. Для проведения землеустроительных работ создавалась коллегия чрезвычайных аграрных магистратов из 20 человек, в которую Цезарь предложил войти и Цицерону (Vell., II, 45, 2).

Аграрное законодательство Цезаря было предложено и принято в нарушение римской процессуальной нормы: во-первых, с инициативой аграрного законопроекта выступил не народный трибун, а консул, хотя необходимости в этом не было: #с_585, т. к. в коллегии народных трибунов 59 г. был Ватиний – сторонник Цезаря и триумвиров (Cic. De prov. cons., 15; 36; Vell., II, 44, 5; Suet. Iul., 22; App. V. C., II, 13); во-вторых, закон был принят не сенатом, а народным собранием (App. V. C., II, 10). Плутарх подчеркивал, что аграрная реформа Цезаря приличествовала скорее какому-нибудь «дерзкому народному трибуну – δήμαρχοςυρασύς (Plut. Caes., 14). Не случайно Катон попытался устроить obstructionism первому законопроекту Цезаря (Plut. Caes., 14; App. V. C., II, 11). Цицерон отказался участвовать в аграрной комиссии. Позднее он, оценивая аграрное законодательство Цезаря, подчеркивал, что «народное желание с планом первых людей в государстве – cupiditas popularis a consilio principium» не согласовывалось (Cic. ProSest., 103, 23).

Цезарь был настолько заинтересован в принятии первого аграрного закона, что пошел на нарушение этических и сакральных норм: приказал взять Катона под стражу. Бибула – своего коллегу по консулату, который, ссылаясь на сакральную традицию (дурные знамения), пытался отменить голосование и защитить Катона, силой прогнал с форума (Cic. De harusp. resp., 48; Plut. Caes., 14; Suet. Iul., 20, 1; 4; App. V. C., II, 11). В другой раз, когда Бибул шел на форум, кто-то из солдат Помпея высыпал ему на голову корзину с навозом. В результате Бибул перестал выходить из дома и 8 месяцев не показывался в сенате. Это была совершенно неконструктивная позиция. Цезарь остался единственным действующим консулом. Веллей Патеркул заметил, что вместо того чтобы вызвать ненависть к коллеге, Бибул таким образом преумножил его влияние (Vell., II, 44, 5). Острословы в шутку подписывались на бумагах «при консулах Юлии и Цезаре – Iulio et Caesare consulibus» (Suet. Iul., 20, 2).

Спротивление Помпея Цезарь сломил предложением второго аграрного законопроекта, который предполагал наделение землей ветеранов-помпеянцев (Caes. V. C., 1,14; Cic. Phil., II, 101; Ad Att., II, 6, 1). Этот законопроект был проведен по уже отработанному плану: через народное собрание в обход сената. Таким образом, Цезарь еще более укрепил свое положение в среде римского плебса. Сенату и его политическим сторонникам был нанесен еще один политический удар.

У нас нет определенных сведений о том, как обстояло дело с реализацией аграрного законодательства Цезаря. Вообще представляется маловероятным, что в течение 58–48 гг. велись активные землеустроительные работы. Косвенным свидетельством этого является тот факт, что когда в 46 г. Цезарь обратился к политике колонизации, это породило в общественном мнении слух о его намерении вернуться к закону 59 г. и вновь обострило недовольство и недоверие к нему староримской аристократии (Cic. Ad Fam., IX, 17).

Таким образом, и по процедуре принятия, и по содержанию, и по реальному значению аграрная реформа имела в значительной степени демагогический характер и должна была прежде всего укрепить популярность Цезаря среди неимущих и малоимущих слоев римского населения, создать широкую опору личного авторитета. Некоторые исследователи считают, что она продолжила аграрное законодательство Гракхов [73 – В этих рассуждениях они, очевидно, следовали за Цицероном, который вспоминал об аграрном законодательстве Цезаря вслед за реформами Гракхов (Cic. Pro Sest., 103–104). См., например: Дюрант В. Цезарь... С. 190.]. Другие говорят о том, что она была основана на положениях аграрного законопроекта П. Сервилия Рулла: #с_586. В этих определениях, на наш взгляд, нет принципиального расхождения. Если иметь в виду, что аграрное законодательство Цезаря предусматривало раздачу не только свободной еще части *ager publicus*, но и купленных у частных лиц за государственный счет участков (см.: Cic. Ad Fam., XIII, 3; 5; 7; 8; App. V.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org, С., II, 94; Dio Cass., XLII, 54), а также принцип неотчуждаемости надельной земли, можно определенно утверждать, что оно совместило принципы аграрных законопроектов Гракхов и Рулла и в целом соответствовало традициям римского демократизма. Однако были в аграрных законах Цезаря и новые моменты: в социально-политической обстановке середины I в. принцип неотчуждаемости участков способствовал процессу территориальной, экономической и социальной интеграции, а консульская инициатива – развитию принципов личной власти. В связи с этим становится понятно, почему после принятия *lex Iulia agraria* аграрная проблема в традиционном контексте политики популяров перестала быть актуальной (Cic. Pro Sest., 104): она утратила принципиальное демократическое значение и стала лишь лозунгом в политической борьбе.

Другая традиционная и актуальная социальная проблема, к решению которой пытался приступить Цезарь, – долговой вопрос (Plut. Caes., 37; App. B. C., II, 48; Dio Cass., XLI, 37). В 49 г. уже в должности диктатора он провел закон о долгах – *lex Iulia de pecuniis mutuis*. Долговая реформа предусматривала следующее: все выплаты по процентам зачислялись в счет долга; имущество, предоставленное в качестве залога, оценивалось по ценам, которые были до гражданской войны; остаток долга выплачивался в рассрочку (Caes. B. C., III, 1; Suet. Iul., 42, 2) [74 – Содержание реформы восстанавливается в основном на основе сообщений самого Цезаря и Светония. Аппиан и Плутарх упоминали о нем вскользь, Дион Кассий излагал довольно смутно, кроме сюжета о создании оценочной комиссии.]. Для проведения реформы Цезарь назначил собственных оценщиков (App. B. C., II, 48; Dio Cass., XLI, 37). Безусловно, *lex Iulia de pecuniis mutuis* имел паллиативный и в значительной степени охранительно-консервативный характер. С одной стороны, Цезарь видел, насколько острой была эта проблема. С другой – учитывая собственное непрочное положение и чрезвычайно напряженную общую обстановку в Риме и Италии, он не мог допустить эскалации напряжения: #с_587. Сам он писал по этому поводу, что желал, с одной стороны, устранить страх отмены долговых обязательств и удовлетворить кредиторов; с другой – защитить доброе имя должников (Caes. B. C., III, 1) [75 – Цицерон называл эту реформу «восстановлением кредита – *revocanda fides*», см.: Cic. Pro Marc., 23, 7.].

Хотя предложенная Цезарем реформа сокращала долговую зависимость почти на 1/4 часть (Suet. Iul., 42, 2; ср.: Plut. Caes., 37), она не решала проблемы кардинально, не имела принципиального демократического значения и вызвала недовольство даже процезариански настроенных сенаторов. По замечанию Светония, Цезарь не оправдал надежд на отмену долговых обязательств (Suet. Iul., 42, 2). В результате в 48 г. Марк Целий Руф предложил наиболее радикальное решение долгового вопроса – сначала беспроцентную уплату долгов с рассрочкой выплат на 6 лет, затем полную кассацию долгов, а также освобождение квартиросъемщиков от платы за наем жилья (Caes. B. C., III, 20–21; Liv. Per., III; Vell., II, 68, 2; Dio Cass., XLII, 22) [76 – Сохранилась переписка Целия с Цицероном: 8 писем Цицерона к Целию и 17 писем Целия к Цицерону. См.: Cic. Ad Fam., II, 8–16; VIII.]. Эти же вопросы поднял в 47 г. Публий Корнелий Долабелла (Dio Cass., XLII, 29–31). Социально-политическая ситуация в Риме была настолько накалена, что Марк Антоний, оставленный Цезарем в Италии, вынужден был использовать армию для подавления движения, в результате чего погибло 800 человек (Liv. Per., 113; Dio Cass., XLII, 31). Цезарь в этой ситуации вновь проявил сдержанность и осторожность: он не выразил принципиального недовольства действиями Антония, но не порвал и с Долабеллой (Целий Руф к этому времени был уже убит). Более того, он сам утвердил часть предложений Долабеллы: в соответствии с *lex Iulia de mercedibus habitationum* была кассирована задолженность по квартплате за один год и снижена плата за наемное жилье; кроме того, был введен максимум земельного залога (Plut. Ant., 10; Suet. Iul., 38, 2; Dio Cass., XLII, 50–51).

Цезарь пытался снизить социальную напряженность рядом других мероприятий: провел обязательный заем, произвел ряд конфискаций и продал с аукциона имущество погибших помпеянцев, в том числе и самого Помпея (Plut. Ant., 10; Dio Cass. XVII, 50). Совершенно очевидно, что принятые Цезарем меры были призваны стабилизировать ситуацию в Риме и Италии и, не вызывая раздражения оппозиционно настроенной к нему части общества, в конечном итоге еще более укрепить его собственное положение. Но они вовсе не означали его обращения к политике популяров, как считали, например, Г. Ферреро и Р. Ю. Виппер: #с_588.

Заключительным сюжетом анализа социальной политики Цезаря будет обзор

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org реформ, касавшихся различных римских сословий. Основные мероприятия, проведенные Цезарем в отношении римского плебса и люмпен-пролетариев, имели консервативно-охранительный характер. Понимая, насколько политически ненадежной, но вместе с тем опасной является эта часть римского общества, Цезарь пытался стабилизировать ее политическое и экономическое положение. Так, были запрещены профессиональные коллегии, организованные Клодием (Suet. Iul., 42, 3). Эту же цель косвенно преследовала перепись населения (Liv. Per., 115; Plut. Caes., 55). Одновременно Цезарь сократил бесплатные раздачи хлеба из государственной казны с 320 тыс. до 150 тыс. человек (Liv. Per., 115; Suet. Iul., 41, 3; Dio Cass., XLIII, 21). Некоторые современные исследователи видят в этих реформах, особенно в последней, проявление принципиальной антидемократической позиции диктатора. Мы же, рассматривая их в общем контексте социальной политики Цезаря, подчеркнем, что это был вполне логичный социально-политический шаг – люди, лишенные возможности получать бесплатный хлеб, должны были искать иные средства к существованию. Цезарь предлагал различные возможности для этого. Он разработал план италийской и внеиталийской колонизации. В середине 44 г. предполагал организовать поход на восток, для чего собрал огромную армию из 16 легионов и 10 тыс. всадников (App. V. C., II, 110). Была развернута огромная строительная программа не только в Риме, но и в Италии, и в северо-западных провинциях – Галлии и Испании, и в восточных провинциях – Греции и Азии (Suet. Iul., 26, 2; 28). Предполагалось осушить Помптинские болота, спустить Фуцинское озеро; связать северо-западные провинции с Римом, проложив дорогу через Апеннинский хребет до самого Тибра; перекопать каналом Истм (Suet. Iul., 44, 3), повернуть течение Тибра, возвести плотину близ Рима (Plut. Caes., 58). Чтобы занять плебс и предотвратить его люмпенизацию, Цезарь принял закон о том, чтобы крупные землевладельцы-скотоводы не менее 1/3 пастухов набирали из представителей взрослого свободнорожденного населения – *agerum ingenuorum* (Suet. Iul. 42, 1, 9).

Если в отношении рядового римско-италийского гражданства Цезарь осуществлял социальную программу, основанную на демагогии, пробуждая в массах новые надежды, иллюзии и желания, осуществление которых неизменно связывалось с самим Цезарем, то в отношении староримской знати он занимал позицию сдерживания политических амбиций и умиротворения. Мы уже отмечали, что связанный происхождением со старейшими патрицианскими родами, Цезарь тем не менее уже в начале политической карьеры отошел от сословного принципа в политике. В годы гражданской войны, провозгласив политику милосердия, он в определенной мере отказался от традиционных методов и принципов политической борьбы, характерных для Марии, Суллы, Цинны, Помпея: #с_589. Диктаторские полномочия Цезаря, его административная и социальная политика не только в значительной мере ослабили прежнее социально-политическое влияние староримской знати, но и усилили роль новых элементов в экономической и политической жизни Рима: всадников и наиболее активных представителей италийской администрации, це-зарианских офицеров, способных провинциалов и многочисленных царей-клиентов: #с_590. Видимо, желанием поставить римскую аристократию под личный контроль был продиктован ряд законов. Так, для сенаторских детей был введен запрет на выезд из Рима и Италии по частной инициативе: выехать можно было только в составе военной или гражданской свиты должностного лица (Suet. Iul., 42). Светоний расценивал этот закон как попытку улучшить демографическую ситуацию. По нашему мнению, за ним угадывается и социально-политическая направленность. Вместе с тем Цезарь вовсе не стремился вытеснить старую римскую аристократию с социально-политической арены и полностью заменить ее новой политической элитой: #с_591. Он раздавал должности и почести сенатской аристократии, стремясь привлечь ее на свою сторону и таким образом «властвовать над добровольно подчиняющимися» (Plut. Caes., 58).

По отношению к торгово-ростовщическому слою римского гражданства Цезарь проводил политику протекционизма. Ее основы были заложены еще во время его испанской пропретуры и первого консулата (Suet. Iul., 20, 3; App. V. C., II, 13). Мероприятия, проведенные и задуманные Цезарем во время диктатуры, рассчитанные на улучшение и расширение путей сообщения, введение таможенных пошлин на иностранные товары и пр. (Suet. Iul., 43), безусловно, отвечали его протекционистским планам. Развитию торговли способствовала и введенная Цезарем практика чеканки золотой монеты. Римский денарий стал единой монетной системой на Западе. В 46–44 гг., по подсчетам современных исследователей, было отчеканено 20 млн. денариев с изображением здравствовавшего полководца: #с_592. Чуть ранее мы выяснили, что Цезарь старался упорядочить фискальную систему. Это укрепляло финансовое положение

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
государства, ограничивало произвол влиятельных римских откупщиков, ослабляло позиции последних в среде провинциального населения и, напротив, усиливало авторитет центральной власти в сложившейся политической ситуации – власти Цезаря. В целом эта политика была новым этапом не только социальной, но и экономической интеграции формировавшейся римской державы.

Важнейшую проблему римской общественной жизни составляли социально-политические взаимоотношения торгово-ростовщической и землевладельческой знати. Одним из аспектов этой проблемы традиционно был вопрос о судах. Цезарь не мог не обратиться к этому вопросу и попытался разрешить его в традиционном стиле. В соответствии с принятым в 46 г. *lex Iulia iudiciaria* он ликвидировал декурии эрарных трибунов и передал судебные полномочия сенаторам и всадникам (*Cic. Phil.*, 1,19; *III*, 38; *V*, 7; *VII*, 28; *Suet. Iul.*, 41, 2; *Dio Cass.*, *XLIII*, 25): #с_593. Эрарные трибуны представляли богатую плебейскую верхушку и, по существу, создавали некую прослойку между всадничеством и плебсом. Цезарь нарушил эту связь, продемонстрировав тем самым еще раз отсутствие принципиальных демократических установок, с одной стороны, и приверженность некоторым консервативным принципам – с другой. В современной исследовательской литературе был высказан даже тезис о том, что Цезарь придерживался в вопросе о судах позиции оптиматов: #с_594. Мы уже говорили об этом законе в контексте проблемы трансформации политических отношений в Римской республике в период диктатуры Цезаря. В данном случае подчеркнем, что социальной стороне он, по-видимому, не придавал особого значения, поскольку все наиболее сложные и важные судебные дела, а также апелляции граждан он, как носитель высшей военной и гражданской власти, рассматривал сам (*Suet. Iul.*, 43).

Для того чтобы определить значение реформаторской деятельности Цезаря в процессе трансформации Римской республики в империю, важно ответить на вопросы, в какой мере его административно-территориальные и социальные реформы были систематичны и последовательны, насколько в них был обозначен переход от импровизации к планомерности и в конечном итоге – имел ли Цезарь продуманную программу реформации республики. Разумеется, если рассматривать события соответственно хронологии, как последовательный ряд фактов, то деятельность Цезаря представляется хаотичной, лишенной систематичности, конструктивности, продуманности и в конечном счете осознанной перспективы, а иногда и явно противоречивой. Большинство историков Нового времени объясняют это тем, что политика Цезаря была спонтанной реакцией на требования момента: #с_595 [77 – Справедливости ради следует отметить, что С. Л. Утченко видел и объективные результаты политики Цезаря, которые состояли в «создании новой организационно-политической структуры римского государства», см.: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 292.] а сам Цезарь был не столько политиком и первым строителем империи, сколько гениальным честолюбцем-авантюристом: #с_596, по образному определению Г. Страсбургера, не столько «предтечей Августа, сколько потомком Кориолана»: #с_597. Другие подходят к проблеме с провиденциальной точки зрения и рассматривают реформы Цезаря как предварительно спланированную и продуманную программу, где в реализации планов диктатора даже войнам и их результатам отведено заранее определенное место. При этом убийство Цезаря рассматривается ими как трагедия – результат просчетов и ошибок: #с_598. Наконец, третьи считают, что главной целью Цезаря была исключительно борьба за власть, а главной движущей пружиной всех его действий – война, которая задала, по существу, программу и последовательность реформ: реформы 49–45 гг. *ad hoc* – непродуманные; реформы 45–44 гг. – более твердые и перспективные, т. к. было время для их обдумывания: #с_599. На наш взгляд, следует прежде всего иметь в виду степень соответствия объективных задач, стоявших перед Римом, и субъективных целевых установок Цезаря на консолидацию римского общества вокруг его личной власти, а в связи с этим на стабилизацию положения в Риме и на подчиненных римскому империи территориях, на консолидацию всех частей и всего населения формировавшейся территориальной державы. Цезарь осознавал, что римское государство нуждается в реформах, которые должны были упорядочить разнообразные отношения и подготовить слияние Рима, Италии и провинций в единую территориальную державу с сильной центральной властью. Он не скрывал, что считает государственный строй Республики не только устаревшим, но и попросту мертвым. Характерно следующее его высказывание на этот счет: «Республика – ничто, только имя без тела и облика – *nihil esse rem publicam, appellationem modo sine corpore ac specie*» (*Suet. Iul.*, 77). Он уловил основные объективные тенденции и, пытаясь придать им оформленный характер, определил основные направления реформации Римской республики: #с_600. Вместе с тем гетерогенная природа социально-политического кризиса,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org который переживала Римская республика, затушевывала ближайшую перспективу: реформы Цезаря были не осуществлением продуманной программы, а попыткой найти решение наиболее важных на текущий момент проблем, отталкиваясь от сложившейся к середине I в. социально-политической практики и традиционных общественных представлений о государстве и государственной власти, сочетавших взгляды римского консервативного меньшинства, запросы демократического большинства и монархические идеи. Именно сочетание традиции и новаций в реформаторской деятельности Цезаря определило особенности дальнейшей трансформации Римской республики в территориальную монархию: общинная структура оказалась надстроеной размывающей ее единоличной властью, принцип централизации и унификации управления действовал при условии существования анклавов с различным гражданско-правовым статусом (Рим – Италия – провинции): #с_601.

Однако «социально-политический эксперимент», осуществленный Цезарем, выявил ограниченные возможности и возможные ограничения в процессе реформации Римской республики. Хотя общая направленность политики Цезаря отвечала устремлениям наиболее динамичной части римско-италийского общества, ориентированной на создание Римской империи, принятый им курс на форсированную модернизацию римской политической системы и общественных отношений вызвал сопротивление консервативно настроенной части римского гражданства. Пожизненная диктатура Цезаря, по полноте полномочий и прав сходная с монархической властью, была слишком вызывающей формой правления, чтобы быть принятой римской политической элитой: #с_602. Именно это вызвало негативную реакцию «старых сил», позволило обвинить Цезаря в тирании и призвать к смерти тирана [78 – Christ K. Geschichte der Römischen Kaiserzeit. S. 44. Ср.: Balsdon J. P. V. D. The Ides of March // Historia. 1958. Bd. 7. P. 8094, где автор тщательно проанализировал посмертные обвинения Цезаря со стороны заговорщиков в стремлении к царской власти и показал, что в основном эти обвинения были неосновательны и сочинены заговорщиками post factum для самооправдания.]. Установление, а затем крах диктатуры Цезаря свидетельствуют о том, что к середине I в. в Риме сложились условия для перехода от республики к территориальной монархии. Однако осуществить эту исторически назревшую задачу можно было лишь пойдя на компромисс со староримскими социально-политическими силами, тяготевшими к республиканской системе ценностей.

Сказанным определяется оценка места и роли политического творчества Цезаря. Его диктатура стала новым этапом трансформации Римской республики в территориальную монархию, для которого характерны четкое проявление элементов монархической власти, оформление державно-территориального единства и соответствующее этому оформление новых отношений и административных форм. В отличие от Суллы, диктатура которого субъективно была выражением тенденции на реставрацию аристократической республики и в этом смысле имела реакционно-консервативный характер, Цезарь сознательно моделировал и развивал новые формы управления и общественно-политических отношений, основанные на усилении исполнительной и ослаблении двух других ветвей римской республиканской власти.

Глава 4.

II ТРИУМВИРАТ – КОЛЛЕГИАЛЬНАЯ ДИКТАТУРА

Диктатура Цезаря показала, что Рим стоял на пути перехода от республики к империи. Но необходимо было средство для постепенного приучения римлян к идее единой сильной власти и форма, в которой возможно было ее осуществление. Важнейшую роль в этом сыграл II триумвират, введенный в римскую республиканскую политическую систему как орган чрезвычайной власти. Чрезвычайная власть была элементом, имманентно присущим Римской республике. Она получила развитие в связи с постоянной внутри- и внешнеполитической нестабильностью. Первый всплеск чрезвычайной власти обнаруживается еще в период ранней Республики, когда происходило становление *civitas*. В это время она явилась в таких основных формах, как раннереспубликанская диктатура и децемвират 451–450 гг. В период относительной внутренней стабилизации (III – середина II в.) чрезвычайная власть, постепенно утратив свою первоначальную актуальность, оказалась органично встроенной в республиканскую потестарную систему как магистратура с гражданской

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org компетенцией в основном, а ее важнейшие военные функции вне меры были переданы промагистратам. Начиная с середины II в. в период кризиса Римской республики политическая роль чрезвычайной власти вновь обозначилась довольно отчетливо. Это проявилось в деятельности аграрного триумvirата Гракхов, претендовавшего на исключительную роль в государстве, в возрождении диктатуры на основе проконсульской империи, который в середине I в. принял аномальное с точки зрения римской республиканской государственно-политической теории формы в диктаторских полномочиях Суллы и Цезаря. Античная традиция придавала им негативное значение, подчеркивала, прежде всего, их разрушающее влияние на республику. Однако оценивая объективную роль чрезвычайных магистратур середины II–I в., важно подчеркнуть, что их деятельность была попыткой реформировать римскую гражданскую общину, привести ее социально-политическую структуру в соответствие с новыми территориально-державными реалиями. В этом плане чрезвычайная власть выступала как конструктивная сила, намечавшая не только возможные пути выхода из кризиса, но и формы перехода от отживших полисных структур к новым имперским. Важнейшую роль в этом процессе сыграл II триумvirат – союз Марка Эмилия Лепида, Марка Антония и Октавиана – политических преемников Гая Юлия Цезаря: #с_603.

1. Оформление и основы власти триумvirов

Вопрос о том, как формировался II триумvirат, во многих аспектах остается неясным. Видимо, это происходит оттого, что античная традиция, по большей части опирающаяся на официальные источники эпохи раннего принципата, была пристрастной и такие темные пятна в биографии Августа, как история союза с Антонием и Лепидом, т. е. по сути предательство Цицерона, сената и в конечном счете Республики, старалась затуманить. К тому же политический союз оформлялся тайно и постепенно. Таким образом, сегодня о причинах образования и истинных инициаторах II триумvirата можно говорить лишь предположительно.

Видный советский исследователь римской античности С. Л. Утченко, наиболее подробно описавший события последних десятилетий Республики, расценил факт заключения союза Лепида, Антония и Октавиана как «вершину интуиции» со стороны последнего. Конечно, можно согласиться с его суждениями о том, что все последующие за этим события было невозможно предугадать: #с_604. Однако, на наш взгляд, шаг, предпринятый Октавианом, был глубоко обдуманым и политически выверенным: ведь у него был иной шанс добиться власти, а именно – получить консульскую должность и возглавить сенат. Ситуация для этого развивалась исключительно удачно.

Составив заговор против Цезаря и осуществив его 15 марта 44 г., заговорщики, и прежде всего Марк Брут, как идейный руководитель акции, заявляли о своем стремлении освободить Республику от человека, узурпировавшего законную власть, и восстановить традиционный характер правления. Они полагали, что самим актом физического устранения узурпатора сенату и римскому народу будут переданы их права и свобода. Именно поэтому ничего более не было предусмотрено и предпринято; никаких лозунгов, кроме свободы, не было выдвинуто. Правда, Плутарх писал, что Брут втайне подготавливал войну (Plut. Brut., 16). Нам представляется, что этот взгляд, опирающийся на историческую ретроспективу, не вполне адекватно отражает настроения принципиальных антицезарианцев в марте 44 г. Готовить планы, проекты, реформы означало для них уподобиться бывшему диктатору. В этом смысле совершенно справедливо замечание Г. Буассье, который писал, что «по странному чувству бескорыстия и законности они добровольно остались безоружными», а все мероприятие республиканцев было их самообманом: #с_605. Наиболее дальновидным в сложившейся ситуации оказался Марк Туллий Цицерон. Он настаивал, что «надо еще возбудить народ... надо было созвать сенат и воспользоваться его испугом для того, чтобы исторгнуть у него благоприятные декреты» (Cic. Ad Att., XIV, 10; XV, 11). Брут же утверждал, что «гражданам не нужно больше ничего, кроме тирана – nihil amplius civibus praeter tyranni» (Vell., II, 58, 2). Он считал, что восстановление свободы произойдет без всякого насилия. О своих целях и отношении к политической обстановке в Риме Брут (вместе с Кассием) заявил в письме Антонию: «Мы так рассуждаем: мы желаем, чтобы ты жил в свободном государстве долго и достойно; мы не призываем тебя к вражде, но мы больше дорожим своей свободой, чем твоей дружбой... Мы молим богов, чтобы твои решения были

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org спасительными для республики и тебя самого. В противном случае мы желаем, чтобы они повредили тебе как можно меньше и чтобы республика была свободной и славной – *Nos in hac sententia sumus ut te cupiamus in libera re publica magnum atque honestum esse, vocemus te ad nullas inimicitias, sed tamen pluris nostram libertatem quam tuam amicitiam aestimemus... deos quaesumus consilia tua rei publicae salutaria sint ac tibi; si minus, ut salva atque honesta re publica tibi quam minimum noceant optamus*» (Cic. Ad Fam., XI, 3).

Однако ни Цицерон, ни Брут не понимали, что нет сената, способного выработать оптимальные решения, нет народа, способного свободно принимать решения. «Уже с давних пор, – говорил по этому поводу Аппиан, – римский народ был не более как смесь всяких наций. Вольноотпущенники смешивались там с гражданами, раб ничем больше не отличался от своего господина. Наконец, производимые в Риме раздачи хлеба привлекали туда нищих, лентяев и злодеев со всей Италии» (App. В. С., II, 120). Республиканцы «оказались пленниками собственной идеологии»: #с_606. Показательно, что 15 марта 44 г. народ не поддержал ни заговорщиков, ни цезарианцев. К лозунгу «Свобода! (libertas)», которая отождествлялась республиканцами с нормами жизни и законами сенатской республики, выдвинутому в день убийства Цезаря, большая часть римского гражданства осталась индифферентной. Сенат же проявил полное непонимание ситуации, страх и растерянность перед реальностью. [79 – Ярчайший пример – отношение сената к Октавиану и его армии во время Мутинской войны, см.: Bengtson H. Die letzten Monate der r#246;mischen Senatsherrschaft // ANRW. Tl. I. Bd. 1. V.; N. Y., 1972. S. 972.] В изложении Аппиана положение сената и республики вплоть до образования II триумvirата выглядит как агония (см.: App. В. С., II, 118 – III). Децим Брут в письме к Цицерону определил это так: «следует покориться судьбе» (Cic. Ad Fam., XI, 1, 3).

В подобной ситуации возможно было одно – установление жесткой власти с чрезвычайными полномочиями. Но антицезарианцы в силу своих государственно-политических представлений не могли этого сделать. В середине апреля 44 г. Марк Брут и Кассий были вынуждены покинуть Рим (см.: Cic. Ad Fam., XI, 2; Ad Att., XV, 5, 2; 20, 2). Цицерон писал о них: «Они действовали со страстью, подобающей мужчине, и ребяческой (детской) пронизательностью – *animo virili, consilio puerili*» (Cic. Ad Att., XV, 4).

Тот, кто желал утверждения порядка в государстве, неизбежно должен был стать последователем Цезаря, значит, объективно выступить против республики. Цицерон признавался, что уже 17 марта 44 г. он «боялся побежденных» (Cic. Ad Att., XIV, 6, 2; 10, 1; ср.: Cic. Ad Att., XIV, 14, 2). В мае 44 г. в письме к своему другу Аттику он выражал опасение по поводу возможности нового цезарианского переворота в Риме: «Дерево срублено, но не вырвано с корнем; поэтому ты (Аттик) можешь видеть, какие оно дает отпрыски» (Cic. Ad Att., XV, 4, 2).

Среди цезарианцев прежде всего обозначили свои претензии на власть Публий Корнелий Долабелла, Марк Эмилий Лепид и Марк Антоний (ср.: App. В. С., II, 124). Долабелла был одним из ближайших соратников Цезаря, который в виду предстоявшего парфянского похода намеревался избрать его консулом-суффектом. 16 марта Долабелла присвоил фасции и консульские инсигнии и, вступив по существу незаконно в должность консула [80 – Процедура официального утверждения Долабеллы в качестве консула-суффекта в комициях не была проведена.], заявил претензии на высшую исполнительную власть (Vell., II, 58, 3). Именно он подавил смуту, возникшую после погребения Цезаря, и к лету 44 г. восстановил относительный общественный порядок в Риме (Cic. Phil., I, 5).

Другим претендентом на власть выступил Лепид, *magister equitum* при бывшем диктаторе. Уже в ночь с 15 на 16 марта 44 г. он призвал в Рим из Испании и Нарбонской Галлии свои легионы, занял форум и выдвинул лозунг отмщения за смерть Цезаря (Nic. Dam. De vit. Caes., XXVII, 103; 106; App. В. С., II, 118; 126; Dio Cass., XLIV, 22). Дион Кассий объяснял поведение Лепида тем, что он единственный имел прямую возможность унаследовать власть Цезаря, хотя с его смертью и должен был сложить свои полномочия (Dio Cass., XLIV, 34, 5). Античная традиция сохранила весьма нелестные отзывы о Лепиде. Современники характеризовали его как человека в высшей степени ветреного и лишённого мужества (Cic. Ad Fam., II, 9, 1; ср.: Vell., II, 80, 1). Цицерон называл его «самым опозорившимся и самым низким из всех» (Cic. Ad Att., IX, 9, 3; ср.: Vell., II, 63, 1; 80, 1; Tac. Ann., I, 9). В определенной

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org степени проливает свет на такое отношение современников к Лепиду римская историография, в частности Веллей Патеркул: «...Лепид неистово противодействовал планам Цезаря (Октавиана. – Н. Ч.), постоянно говорил то, что не нравилось другим, приписывал себе победу и даже осмеливался требовать от Цезаря, чтобы тот оставил Сицилию – *dissidendo in consiliis Caesaris et semper diuersa his quae aliis placebant dicendo, totam uictoriam ut suam interpretabatur audebatque denuntiare Caesari excederet Sicilia*» (Vell., II, 80, 2; ср.: Suet. Aug., 16). В данном фрагменте речь идет о событиях 38–36 гг. Однако важно заметить, что, являясь выразителем официальной идеологии раннего принципата, Веллей Патеркул, по-видимому, высказывал распространённое и утвердившееся в римском общественном сознании мнение о Лепиде: #с_607. Подобное негативное отношение современников к Лепиду было вызвано, вероятно, тем, что он пренебрег интересами сената и республиканцев и занял сторону Антония.

Современные исследователи, говоря о Лепиде, обращают внимание по большей части лишь на то, что он был знатного рода, дважды удостоивался триумфа. При этом они отказывают ему в мужестве и сколько-нибудь значимой политической роли: #с_608. На наш взгляд, подобная оценка не вполне соответствует действительности. Ее можно принять лишь в том смысле, что Лепид не сумел завоевать ведущих позиций в политической борьбе. При этом он был достаточно самостоятельным политиком, один из немногих имел реальную силу и реальное влияние, первый после смерти Цезаря поставил вопрос о власти: #с_609. Именно поведение Лепида во многом определило развитие политической ситуации в Риме в конце 44 – первой половине 43 г.: #с_610 Цицерон писал Бруту 15 июля 43 г., что новая гражданская «война началась и это, в немалой степени, из-за коварства Лепида – *renatum enim bellum est, idque non paruum, scelere Lepidi*» (Cic. Ad Brut., XXII, 2; ср.: Cic. Ad Brut., XX). Позднее Дион Кассий говорил о неприкрытом стремлении Лепида разделить власть между ним и Марком Антонием (Dio Cass., XLIV, 35).

Безусловно, самой значимой политической фигурой в Риме после 15 марта 44 г. был консул Марк Антоний. Его антиреспубликанские, с точки зрения римских моралистов, настроения и нормы поведения оформились, вероятно, еще в молодости. После смерти отца Антоний рос под влиянием отчима Корнелия Лентула, который был активным участником заговора Катилины. Возможно, и сам Антоний активно общался с представителями «золотой молодежи», окружавшей Катилину: #с_611. В 63 г. по распоряжению Цицерона Лентул был казнен, что не могло не наложить эмоционального отпечатка на Антония. Показателем его личных и политических пристрастий косвенно может служить и тот факт, что он женился на Фульвии – вдове Клодия, известного своими нападками на лидеров сената, в том числе на Катона и Цицерона. Именно Антонию античная традиция приписывает попытку водрузить на голову Цезаря царскую диадему. Более того, Антоний, по сообщению Цицерона, приказал даже сделать по этому поводу дополнительную запись в фастах (Cic. Phil., II, 85; ср.: Liv. Per., 116). После смерти Цезаря Антоний остался единственным носителем высшего империя и с формально-правовой точки зрения обладал в Риме высшей исполнительной властью. Два его брата – Гай и Луций Антоний – были избраны один претором, другой народным трибуном, что позволило Г. Ферреро определить сложившееся положение как «нашествие фамилии Антониев на республику»: #с_612. Кроме того, Марк Антоний пользовался чрезвычайным авторитетом в среде ветеранов и легионеров Цезаря. Все это придавало ему исключительное влияние в римском обществе. Именно его республиканцы и более всего Цицерон подозревали в стремлении к единовластию (Plut. Cic., 43; Vell., II, 60, 4). Децим Брут в письме Марку Бруту и Гаю Кассию (июнь 44 г.) сообщал о «дурных и нечестных намерениях Антония в отношении государства – *qua mente... pessima scilicet et infidelissima*» (Cic. Ad Fam., XI, 1, 6). Мотивы поведения Антония были очевидны и последовательным цезарианцам, а его неприкрытые политические цели вызывали их возмущение. Так, по свидетельству Цицерона, Кальпурний Пи-зон, консул 58 г. и тесть Цезаря, заявил, что покинет Италию, дом, пенаты, лишь бы не видеть Рим под игмом тирании Антония (Cic. Phil., X, 14; ср.: App. V. C., III, 5460). Осенью 44 г. политические настроения и амбиции Антония были очевидны уже большинству римлян. В это время Цицерон говорил об общественном недовольстве и самим Антонием, и проявлениями его явного стремления к «тирании» (см.: Cic. Phil., I, 36). И хотя Цицерон воздавал Антонию должное за принятие закона об уничтожение диктатуры – *lex de dictatura in perpetuum tollenda*, но не верил в его искренность и сравнивал со злейшими врагами республики – Катилиной и даже Спартаксом (Cic. Phil., II, 89; IV, 15; Ad Att., X, 1; XIV, 2; Ad Fam., X, 28; ср.: App. V. C., III, 25). О том, насколько были сильны позиции Антония весной – осенью 44 г., говорит тот факт, что он открыто пошел на конфронтацию и с сенатом, и с

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org Октавианом (Liv. Per., 117). Замечания же Ливия, а затем Веллея Патеркула о беспомощности, неуверенности и даже страхе Антония перед Октавианом можно отнести к влиянию официальной идеологии принципата (Liv. Per., 117; Vell., II, 60, 3).

Антоний начал с того, что превратил *laudatio* во время погребальной церемонии Цезаря 24 марта 44 г. в обвинение республиканцев (Plut. Brut., 20). Затем он прочно завладел политической инициативой, сконцентрировал в своих руках армию и финансы и заявил о претензии на роль непосредственного преемника Цезаря. Некоторые исследователи предполагают даже, что Антоний был готов повести войска на Рим и узурпировать власть, если бы основные легионы, Четвертый и Марсов, не перешли на сторону Октавиана: #с_613.

После того как 18 апреля 44 г. в Италию из Аполлонии прибыл 19-летний Гай Октавий, законный наследник и приемный сын Цезаря, в Риме стали распространяться слухи о его неизбежном столкновении с Антонием. Впервые в римской публицистике этого периода имя Октавиана появилось 14 апреля 44 г.: Цицерон вскользь упомянул о нем в письме к Аттику (Cic. Ad Att., XIV, 5, 3; ср.: Cic. Ad Att., XIV, 6, 1). А спустя всего несколько дней Корнелий Бальб – поверенный в делах бывшего диктатора – сообщил Цицерону, что юноша заявил претензию на наследство Цезаря и что конфликт с Антонием неизбежен.

Поведение Октавиана до декабря 44 г. можно рассматривать как умелую политическую интригу, смысл которой состоял в том, что, играя на интересах цезарианцев и республиканцев, он пытался укрепить свои собственные позиции, привлечь на свою сторону римско-италийское население, ветеранов Цезаря и сенатские легионы, опереться на поддержку Антония и завоевать доверие сената (App. B. C., III, 13; 28–31). При этом Октавиан не делал никаких открытых выпадов против республиканцев – участников антицезарианского заговора, предоставив решение этой проблемы Антонию. Неискренность поведения Октавиана была очевидна всем. Уже в июне 44 г. Цицерон писал Аттику, что к Октавиану нужно относиться осторожно «и всё-таки вскармливать, чтобы только оторвать от Антония – *sed tamen alendus est et, ut nihil aliud, ab Antonio se iungendus*» (Cic. Ad Att., XV, 12, 2). Однако именно на подобное отношение к себе и рассчитывал, вероятно, Октавиан. Современники, в частности Марк Брут, считали, что Цицерон, поддерживая Октавиана, самым непосредственным образом «взрастил тиранию более грозную и тяжкую, чем низвергнутая им» (Cic. Ad Brut., I, 16; ср.: Plut. Brut., 22). А в письме к Аттику он подчеркивал, что Цицерон искал «не свободы для отечества, а доброго господина для себя» (Cic. Ad Brut., I, 17; ср.: Plut. Cic., 45) и «выбирал ярмо полегче» (Plut. Brut., 22). Позднее Плутарх писал, что «он, старик (Цицерон), дал провести себя мальчишке (Октавиану) – просил за него народ, расположил в его пользу сенаторов. Друзья бранили и осуждали его еще тогда же, а вскоре он и сам почувствовал, что погубил себя и предал свободу римского народа» (Plut. Cic., 46).

На наш взгляд, С. Л. Утченко справедливо считал, что в данном случае оценка современников и античных критиков Цицерона не вполне объективна: Цицерон пытался таким образом добиться раскола в лагере цезарианцев и создать блок самих цезарианцев против претендента на единоличную власть – Антония: #с_614. Здесь могли, видимо, играть роль несколько факторов.

Во-первых, в условиях, когда Антоний имел огромную популярность в армии, а руководители антицезарианского заговора, включая Кассия, Децима Брута и Марка Брута, в цезарианских войсках никакой популярностью не пользовались, Октавиан был единственным возможным лидером, за которым могли пойти солдаты и ветераны Цезаря. И действительно, ядром правительственных сил стали войска, собранные наследником Цезаря (App. B. O., III, 11; Dio Cass., XLV, 3). Именно к Октавиану, а не к сенату, правительству или другим лидерам перешли два лучших легиона Антония, *legio Martia* и 4-й легион (Cic. Ad Fam., XI, 7, 2; X, 28, 3; Phil., III, 3, 6; IV, 2, 4; Liv. Per., 117; Vell., II, 61, 2; App. B. C., III, 45; Dio Cass., XLV, 13).

Во-вторых, Цицерону удалось сделать почти невозможное, расколов цезарианский сенат и обратив его против Антония. При этом имели значение следующие обстоятельства. Заговорщики и примерно такое же число открыто сочувствовавших им в сенате противостояли огромной массе сенаторов-цезарианцев, и создать политический перевес можно было лишь путем раскола цезарианцев и альянса с частью из них. Это Цицерону в общем и удалось сделать. Ситуация в сенате достаточно хорошо прослеживается на примере консуляров 44 г., которых можно разделить на три группы. Из 24

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org консуляров шестеро были в 50–40-е гг. сторонниками Цезаря: П. Сервий, Л. Аврелий Котта, Л. Юлий Цезарь, Г. Антоний Гибрида, Л. Кальпурний Пизон Цезоний, Л. Марций Филипп. Все они, кроме последнего, отошли отдел. Политический нейтралитет сохраняла другая часть цезарианцев и бывших нейтралов: Сер. Сульпиций Руф, Л. Эмилий Павел, П. Сервий Ватия. Цицерон мог опереться на бывших помпейцев П. Корнелия Лентула, Г. Клавдия Марцелла и участника заговора Требония, правда, никто из них не имел особого влияния. Наоборот, самая сильная и большая часть сената, легаты Цезаря (Кв. Фуфидий Кален, П. Ватиний, М. Эмилий Аепид, Кв. Фабий Максим, Г. Каниний Ребил, Л. Мунаций Планк, М. Антоний), несмотря на сложные коллизии внутри группы, оставались в целом враждебны Цицерону и были настроены мстить за Цезаря. Бороться с этой группой можно было путем союза с теми цезарианцами, которые не сочувствовали заговору, но одновременно находились в оппозиции к Антонию (это назначенные еще Цезарем консулами на 43 г. А. Гирций и Г. Вибий Панса и такие amici Цезаря, как Г. Оппий, Корнелий Бальб, Азиний Поллион и др.). В этом союзе Октавиан был наиболее оптимальной фигурой для объединения, а со стороны оппозиции это мог быть только Цицерон, связанный дружескими узами со многими из этих людей и формально не участвовавший в заговоре против Цезаря. Видимо, можно считать, что политический блок сложился в апреле – мае 44 г. во время регулярных встреч великого оратора на его виллах, с одной стороны, с Г. Клавдием Марцеллом и Филиппом, с другой – с Гирцием, Пансой, Оппием, Бальбом и Октавианом (Cic. Ad Att., XIV, 13 b, 1; 14, 4; 15, 2). Цицерон на первом этапе политической борьбы одержал верх, повернув этот альянс против Антония (App. В. С., III, 50; 75).

В-третьих, рассуждения современников и античных историографов об «обмане» Цицерона Октавианом или наоборот не более чем публицистические штампы. Похоже, что стороны очень четко понимали все выгоды, возможности и ограничения предполагаемого соглашения [81 – в современной исследовательской литературе этот политический альянс часто определяется как «противоестественный», см., например: Жебелев С. А. Древний Рим. Ч. 1. Царская и республиканская эпохи. Пг., 1922. С. 87; Межеричкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 135; Neufi A. Römische Geschichte. S. 218.]: для цезарианской стороны был немыслим альянс с убийцами Цезаря, к которым тяготел, но прямо не относился, Цицерон; для Цицерона было невозможно сближение с Антонием и радикальными цезарианцами; после того как Антоний откровенно проявил свое нежелание делить власть, идти на политический союз с Октавианом, стремясь оттеснить его на второй план, проявляя личное пренебрежение к нему, блокируя официальное усыновление и пытаясь сформировать негативное общественное мнение о нем (например, обвинением в покушении на убийство Антония – Vell., II, 60, 3; App. В. С., III, 39), естественным союзником Октавиана стали Цицерон и сторонники Цицерона в сенате: #с_615.

Опираясь на армию, но, безусловно, не без поддержки Цицерона, Октавиан добился должности пропретора и, таким образом, империя, хотя и не имел формального права на это, поскольку не достиг положенного цензом возраста и не прошел соответствующей политической карьеры (App. В. С., III, 48). При этом он отчетливо осознавал возникшие перспективы: следовать в фарватере сенатской политики и оказаться ограниченным рамками ординарных магистратур или занять собственную позицию и преодолеть конституционные ограничения (App. В. С., III, 64). Первое его не устраивало, второе неизбежно сближало с Антонием.

Таким образом, главными причинами образования II триумvirата были, с одной стороны, несмотря на усилия Цицерона, неспособность республиканцев и официальных органов власти стабилизировать положение в государстве и организовать его управление; с другой – стремление радикальных цезарианцев удержать и укрепить свое собственное политическое влияние.

Чтобы судить о том, как шел процесс сближения будущих союзников, полезно обратиться к событиям конца 44 – весны 43 г. В это время определилась расстановка военно-политических сил. Западные провинции оказались под контролем цезарианских лидеров. Антоний со своими легионами выступил в Цизальпийскую Галлию, которую определил сам себе по принятому в июне 44 г. закону об обмене провинциями, и осадил укрепившегося в Мутине Децима Брута. Сенат объявил его врагом отечества (App. В. С., III, 63). Эмилий Лепид со своими 4 легионами находился в Испании. Азиний Поллион с 2 легионами и Л. Мунаций Планк с 3 легионами действовали в Трансальпийской Галлии. На

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org востоке Иллирия, Македония и все территории восточнее Ионийского моря были переданы сенатом Марку Бруту и Гаю Кассию. В Риме и Италии оставались Октавиан и консулы 43 г. Гирций и Панса. Легионы, находившиеся под их командой, в основной своей части состояли из цезарианских солдат и ветеранов и не вызывали доверия сената.

14 апреля 43 г. под Мутиной состоялось первое сражение Антония с сенатскими легионами, 25–26 апреля – второе. Антоний потерпел поражение. Его позиции оказались значительно ослабленными, однако он рассчитывал на поддержку цезарианцев (App. В. С., III, 72). В этой ситуации Лепид и Планк занимали выжидательную позицию и действовали крайне неопределенно. Лепид, например, ведя переговоры с Антонием, одновременно направлял письма в сенат, в которых говорил о своей преданности Республике. После победы над Антонием, поскольку Гирций погиб, а Панса был тяжело ранен, сенат передал командование всеми сенатскими силами на западе и право ведения дальнейших военных действий Дециму Бруту. Упоминания об Октавиане в сенатских постановлениях были более чем скромные: ему было отказано в признании не только чести победителя, но и в сколько-нибудь значимой политической роли вообще. Показательно отношение Цицерона к Октавиану в это время. В одном из своих писем Цицерон говорил о необходимости «прославления юности, почтения и вознесения – laudandum adolescentem; ornandum, tollendum» (Cic. Ad Fam., XI, 20, 3). Нам известно умение великого философа и оратора двусмысленно формулировать свои мысли. Приведенное нами высказывание Цицерона в лучшем случае можно оценить как остроумное, в худшем – как язвительное, поскольку глагол «ото» – «читать» – может иметь значение и посмертного почитания, а глагол «tollo» вполне мог быть употреблен в значении «убирать», т. е. устранять и даже уничтожать или возносить на небеса. П. Грималь считает, что подобные высказывания не являлись выражением продуманной политики Цицерона, а были скорее непосредственной реакцией на разговор с кем-то из республиканцев. Лишь в июле 43 г. у Цицерона, по его мнению, не осталось никаких иллюзий по поводу Октавиана: #c_616. На наш взгляд, это не совсем так. Как мы уже отмечали ранее, с момента появления Октавиана в Риме его политическая роль и место при сенате были достаточно четко очерчены Цицероном. К тому же Цицерон отлично понимал, что Республика стала игрушкой в руках тех, кто владеет армией, что все зависит от каприза солдат и наглости полководцев, что армия Октавиана чрезвычайно опасна. Играя на амбициозности законного наследника Цезаря, Цицерон постоянно держал в сознании мысль о необходимости рано или поздно его устранения. Не случайно Веллей Патеркул, оценивая усилия Цицерона, направленные на создание политического альянса с Октавианом и умеренными цезарианцами, писал, что тот «говорил одно, но желал, чтобы подразумевалось другое» (Vell., II, 42, 6). Это отношение, вероятно, было правильно угадано Октавианом, который заявлял, что не допустит ничего подобного (Cic. Ad Fam., XI, 20, 1). Охлаждение, проявленное сенатом после поражения Антония по отношению к Октавиану, стало первым непосредственным поводом для разрыва созданного Цицероном политического альянса и сближения цезарианцев. Античная традиция сохранила сведения о том, что Октавиан уже в мае 43 г. делал более или менее откровенные намеки Лепиду, Азинию Поллиону и самому Антонию о необходимости объединения (App. В. С., III, 8081; Dio Cass., XLVI, 41, 5; 51, 2).

Вторым поводом к разрыву Октавиана с сенатом стало упорное нежелание сенаторов предоставить ему консульскую должность (Cic. Ad Brut., I, 4 a, 2). С одной стороны, Октавиан стремился получить законную магистратуру, с другой – настраивал своих легионеров против сената и республиканцев (App. В. С., III, 86–87). С одной стороны, убеждал Цицерона в верности республиканским традициям, с другой – вел свою армию на Рим (App. В. С., III, 82; 88). Замечательно также, что в римском обществе муссировались слухи о причастности Октавиана к смерти Пансы (Liv. Per., 119; Vell., II, 61, 4; ср.: Suet. Aug., 11; Tac. Ann., I, 10). 19 августа 43 г. Октавиан совместно с его родственником и ставленником Кв. Педием под давлением легионов был избран консулом (Liv. Per., 119; Plut. Brut., 27; Tac. Ann., I, 9; Vell., II, 62, 5; Suet., Aug., 26; 31; App. В. С., III, 94; Dio Cass., XLVI, 45, 3).

Третьим поводом, повлиявшим на политические настроения и приоритеты Октавиана, стала концентрация сил, с одной стороны, республиканцев, с другой – цезарианцев. Странники сената и республиканцев активизировались во время консульских комиций. К осени 43 г. под командой Децима Брута стояли 20 легионов и столько же было у Гая Кассия и Марка Брута в восточных провинциях (Nic. Dam. De vit. Caes., XXVIII, 111; Vell., II, 62,1; Plut.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org Brut., 2425; App. В. С., III, 85; 96; IV, 1)[82 – Античные историки по-разному оценивают общие силы республиканцев. Веллей Патеркул насчитывал 17 легионов, стоявших под командой Брута и Кассия: 10 легионов Кассия и 7 – Брута (II, 69, 2), Аппиан – 22 легиона (В. С., IV, 58; 59). Кроме того, в Италии и западных провинциях находились 10 легионов Децима Брута (App. В. С., III, 97). Очевидно, восстановить точное количество войск республиканцев не представляется возможным. Можно говорить не об абсолютных, а об относительных и приблизительных цифрах. Наиболее точный подсчет республиканских войск см.: Парфенов В. Н. Последняя армия Римской республики // ВДИ. 1983. № 3. С. 53–65.]. Концентрация сил республиканцев актуализировала такой важный аспект гражданского противостояния в Риме, как борьба между убийцами Цезаря и мстителями за его смерть. Первыми законами, проведенными Октавианом в должности консула, стали реабилитация Долабеллы и возбуждение судебного процесса против убийц Цезаря (App. В. С., III, 95).

Не меньшую опасность представляла для него и концентрация сил цезарианцев. Еще 15 марта 43 г. Антоний направил в сенат письмо, в котором сообщал, что готовит союз с Лепидом и Мунацием Планком, а 19 марта сенат получил письма, в которых Лепид и Планк просили примириться с Антонием. В это же время корреспонденты Цицерона писали о неизбежности объединения Антония и Лепида (Cic. Ad Fam., X, 11, 2; XI, 9, 1) и не ошиблись: 29–30 мая Антоний и Лепид соединили свои силы (Cic. Ad Fam., X, 23, 2; 35,1; XI, 26, 2; Ad Brut., 1,10, 2; Liv. Per., 119; Vell., II, 63, 1; Plut. Ant., 18; App. В. С., III, 84; Dio Cass., XLVI, 51, 12; Aur. Vict. De vir. ill., 85, 2). Позднее к ним примкнули Поллион и Планк. К августу 43 г. под командой цезарианских лидеров находилось, по подсчетам Цицерона и его корреспондентов, 20 легионов (Cic. Ad Fam., X, 8, 6; 15, 3; 32, 4; XI, 9, 1). По сведениям Плутарха, у Антония и Лепида только в Италии было 17 легионов и 10 тыс. конницы, 6 легионов были оставлены Антонием для сторожевой службы в Галлии (см.: Plut. Ant., 19). Ввиду явной поляризации сил Октавиан должен был занять определенную позицию. Он посчитал наиболее целесообразным для себя присоединиться к блоку цезарианцев. Нельзя отрицать очевидное: главным фактором, определившим его решение, было значительное превосходство их сил в Италии. Открытым сигналом к заключению союза Октавиана, Антония и Лепида стал закон, принятый по инициативе Педия – *lex Pedia*, по которому все обвинения в адрес Антония и Лепида были сняты, им были возвращены проконсульские полномочия. Октавиан обменялся с ними дружескими письмами (App. В. С., III, 96; ср.: RGDA, 2; Liv. Per., 120; Vell., II, 69, 5; Plut. Ant., 19; Brut., 27; Cic, 46; Suet. Aug., 8; Dio Cass., XLVI, 48). Эти факты В. Н. Парфенов совершенно справедливо определил как «государственный переворот»: #с_617 – союз Лепида, Антония и Октавиана фактически состоялся.

Проведенный анализ событий убеждает в том, что II триумvirат сложился в результате конкретной исторической коллизии, стал итогом определенной расстановки политических сил и волевых установок конкретных политических лидеров. Веллей Патеркул настаивал, что инициатором II триумvirата был Антоний, который буквально шантажировал Октавиана тем, что, если тот не пойдет на союз, Антоний объединится с республиканцами Брутом и Кассием (Vell., II, 65,1). В этом вопросе Веллей более чем в каком-либо другом следовал за официальной концепцией гражданской войны, предложенной самим Октавианом, который в собственной автобиографии ни единым словом не обмолвился о подготовке II триумvirата и его личном участии в этом процессе (см.: RGDA, 1, 3). В изложении Веллея позиция Октавиана выглядит как вынужденная, принятая либо под давлением сената и Цицерона, либо под давлением легионов, либо во исполнение римских республиканских норм и традиций (ср.: Liv. Per., 119; Flor. Ep. bell., II, 16 b, 2–5). Аппиан иначе расценивал политическую роль Октавиана. Он, в частности, считал, что сразу же после Мутинской войны Октавиан активно начал искать союза с Антонием (App. В. О, III, 80). При этом Аппиан обратил внимание на чрезвычайно важный аспект этой проблемы – формирование общественного мнения. В его рассказе есть сюжет о своего рода политическом завещании, которое якобы дал Октавиану умирающий от ран консул – цезарианец Панса, говоривший о необходимости объединения Октавиана с Антонием (App. В. О, III, 75–76). Разумеется, речь Пансы является отражением собственного представления Аппиана о том, как разворачивались события в конце 44 – первой половине 43 г., но его мысли составляют тот специфический контекст, который в некоторой степени отличается от официальной версии: уже после Мутинской войны Октавиан вынашивал план объединения с Антонием. Таким образом, именно позиция Октавиана создала необходимые условия для полного объединения цезарианцев и возникновения политического союза Лепида, Антония и Октавиана.

В историографии Нового времени историки порой объясняют причины возникновения II триумvirата стремлением отомстить за смерть Цезаря и распределить важнейшие провинции: #с_618. Подобные оценки имеют достаточно односторонний характер: они касаются лишь действий триумvirов, которые в данном случае выступают как «наступающая сила». Конечно, было бы нелепо отрицать очевидное: Антоний, например, пошел на открытую конфронтацию с сенатом, приняв закон о перераспределении провинций. Но это, на наш взгляд, было лишь внешним отражением иных, более глубоких причин. Это очевидно, по крайней мере, из трех обстоятельств.

Первое состоит в том, что сразу после выступления Марка Брута по поводу убийства Цезаря стала очевидна оппозиционность комиций и народных масс Рима в отношении к заговорщикам (Liv. Per., 116; Vell., II, 63,1; Plut. Brut., 18; App. V. C., II, 121–123; Dio Cass., XLIV, 21–22), а похороны Цезаря и реакция толпы (17 марта 44 г.) уже не оставили никаких иллюзий (даже если они и были раньше): #с_619. После этого лидеры заговора покинули Рим и, если посещали его, то эпизодически. Децим Брут выехал к войскам в Цизальпийскую Галлию и уже 17 марта написал оттуда письмо Цицерону, советуя ему отказаться от «парламентских» методов и бежать к Сексту Помпею или Цицилию Бассу (Cic. Ad Fam., XV, 1).

Второе обстоятельство касается официальной сенатской политики в отношении заговорщиков и действий последних в назначенных им провинциях. Видимо, сразу после того как Антоний и Долабелла подавили вспыхнувшее в Риме движение Гая Амафия, явно соблюдая соглашение с республиканцами, через сенат было проведено первое принятое после смерти Цезаря решение, в котором речь шла о передаче провинций только лидерам заговора: Требонию (Азия), Тиллию Кимвру (Вифиния), Марку Бруту (Крит), Кассию (Кирена) (Plut. Brut., 19; App. V. C., III, 2; 8). Уже в апреле 44 г. Требоний, Децим Брут и Кимвр поспешно начали подготовку к войне против цезарианцев (App. V. C., III, 6), а Секст Помпей, получивший амнистию, – военные действия в Испании (App. V. C., IV, 83; Dio Cass., XLV, 10). На востоке Марк Брут и Кассий почти сразу начали собирать собственные армии и вести военные операции против уже действовавших там наместников Г. Антония и Ватиния (Cic. Phil., X, 6,12; Dio Cass., XLVII, 21). К этому времени Октавиан еще только прибыл в Рим. Антоний лишь 3 июня 44 г. принял закон о Цизальпийской Галлии, в августе разорвал отношения с Марком Брутом, в сентябре – с Цицероном, вызывая войска из Брундизия начал лишь осенью (Cic. Ad Fam., XI, 4, 1; XII, 23, 2; Vell., II, 61, 2; App. V. C., III, 21–25; Dio Cass., XLV, 12). Таким образом, республиканцы начали военные действия раньше, чем началась Мутинская война.

Наконец, третье обстоятельство указывает на то, что решения сената после поражения Антония под Мутиной не оставляли никаких надежд на политическую деятельность не только Антонию и Лепиду, но даже Октавиану. Марку Бруту и Кассию передавались дополнительные провинции – Сирия и Македония, Октавиану было приказано передать войска Дециму Бруту, объявленному командующим в войне с Антонием, а Планк, Лепид и Азиний Поллион получили приказ о содействии ему (Lep. Per., 119; Vell., II, 62,1; App. V. C., III, 72; Dio Cass., XLVI, 40). Октавиан развернул свои действия уже после этих событий.

Таким образом, действия заговорщиков-республиканцев и их сторонников при всей их «утопичности» и «нелогичности» были достаточно активны и последовательны. Они, видимо, с самого начала очень мало рассчитывали на парламентские, мирные и законные методы борьбы и не меньше, чем цезарианцы, а, может быть, даже больше делали ставку на вооруженную силу и провинциальные командования. Триумvirы всерьез перешли в наступление, собственно, лишь с образованием триумvirата. В связи с приведенными обстоятельствами мы считаем, что в вопросе о причинах и основных факторах образования II триумvirата гораздо более обоснованным является мнение Р. Ю. Виппера, а в последнее время В. Н. Парфенова: союз Лепида, Антония и Октавиана оформился под влиянием общей социально-политической ситуации и окрепших позиций республиканцев, а также под давлением цезарианской армии: #с_620.

В конце октября 43 г. в Боннии состоялась встреча будущих союзников. Антоний, Лепид и Октавиан договорились разделить между собой власть и обещали оказывать друг другу поддержку. Эта встреча означала не просто образование политического союза, практика заключения каковых была традиционной для римских государственно-политических отношений; она по

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org существованию привела к трансформации республиканской системы власти, поскольку было принято решение превратить личную договоренность в пятитилетнюю законную верховную магистратуру, равную по значению консульской должности, «для приведения в порядок государства» после гражданских войн, по свидетельству Аппиана (App. V. C., IV, 2–3; ср.: Dio Cass., XLVI, 54). Триумвиры условились также о назначении ординарных магистратов, о распределении провинций и легионов, о планах подавления республиканцев: #с_621.

27 ноября 43 г. народный трибун Публий Тиций внес в трибутные комиции законопроект «об учреждении сроком на 5 лет новой магистратуры для упорядочения государственного порядка, состоящей из трех лиц: Лепида, Антония и Цезаря» (App. V. C., IV, 7). Новую магистратуру было предложено ввести не в форме диктатуры, как этого можно было ожидать и как это было принято со времени Суллы, а в форме коллегии – *triumviri (triumviri или tres viri) rei publicae constituendae*. Такая титулатура была установлена официально и воспринята античной историографией: на монетах и в надписях встречается сочетание *triumviri*, у Ливия – *tres viri* (Liv. Per., 120), в более поздней античной историографии чаще всего – *triumviri*. При этом в греко-язычных источниках (у Аппиана и Диона Кассия) латинский термин был вполне корректно передан как οί τρειςάνδρες έπί τήςκαταστάσειτων δημοσίων πραγμάτων. Говоря об основах своей власти, именно на эту титулатуру – *triumvirum rei publicae constituendae* – ссылался и Октавиан (RGDA, 1, 3; 43). Пожалуй, только Веллей Патеркул употреблял в отношении II триумvirата, как и в отношении I триумvirата, термин, не выражающий официального государственно-правового характера, – «союз ради власти – *potentiae societas*» (Vell., II, 65, 2).

Современники и античные историки объясняли возникновение новой магистратуры тем, что еще в марте 44 г. законом Антония было установлено навечное запрещение диктатуры (Cic. Phil., 1, 3; 4; 32; И, 91; Liv. Per., 116; App. V. C., IV, 2; 6; Dio Cass., XLVII, 15). Такое же объяснение встречается и в трудах современных историков: #с_622. Безусловно, юридическая сторона не могла не сыграть определенной роли. Однако главное значение, на наш взгляд, имел тот факт, что раннереспубликанская диктатура уже в правление Суллы, а затем Цезаря переродилась в автократический режим и не укладывалась в республиканские правовые нормы и каноны. В данной ситуации титул диктаторов мог лишь скомпрометировать союзников и вызвать ненужный всплеск социально-политического недовольства в Риме. Новая титулатура, таким образом, должна была завуалировать истинный характер триумvirата и продемонстрировать наличие дистанции между новой магистратурой и диктатурой, хотя уже античным историкам был понятен смысл создания этой магистратуры. Так, Аппиан, хотя и говорил, что триумvirат был магистратурой с консульской должностью, сравнивал его со спартанскими гармостами (άρμοτής), т. е. правителями (наместниками), которых спартанцы назначали в покоренные области (App. V. C., IV, 7). Исходя из этого сравнения, можно предположить, что уже в древности государственно-правовое положение и власть триумvirов воспринимались как производные от принципа завоевания, следовательно, не только близкие по сути диктаторским режимам Суллы и Цезаря, но даже превосходившие их. Не случайно Цицерон писал Бруту после того, как стало известно о договоренностях цезарианцев, что если в прежних войнах какая бы сторона не одержала верх, сохранялась «некая форма республики», то теперь, если победят «мстители», община перестанет существовать, Рим покорится властителю (Cic. Ad Brut., XXIII, 10)[83 – *tolerabile est, in hoc bello perniciosum puto. nullum enim bellum civile fuit in nostra re publica omnium quae memoria mea fuerunt, in quo bello non, utracumque pars vicisset, tamen aliqua forma esset futura rei publicae: hoc bello victores quam rem publicam simus habituri non facile adfirmarim, victis certe nulla unquam erit.* – Cic. Ad Brut., XXIII, 10].

Исследователи Нового времени часто не решаются рассматривать вопрос о конституционной основе II триумvirата, подчеркивая, что триумvirат фактически был узурпацией власти: #с_623. Аргументация представителей юридической школы опровергает надежность такого упрощенного взгляда. Историки этого направления обращают внимание на наличие несомненно конституционных начал в полномочиях триумvirов – магистратский империй, предоставленный им по *lex Titia*: #с_624.[84 – И. Бляйкен подробно

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org исследовал вопрос об эволюции магистратского империя в период поздней Республики и на основании сделанного им анализа пришел к заключению, что империй триумвиров являл собой особый пример экстраординарного империя и не соответствовал ни *imperium consulare*, ни *imperium proconsular*, см.: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat*. S. 21–27.] и действительно, во-первых, положение II триумvirата было оформлено решением народного собрания, а во-вторых, формальную правовую основу их власти составил *im-perium*. Правда, на наш взгляд, это был не просто консульский империй, но, судя по широте принятых триумвирами полномочий и военному характеру их власти, высший чрезвычайный империй – *imperium maius* или *imperium infinitum*, который подавлял и подчинял действие всех других магистратур. Однако нельзя закрывать глаза на то, что решение комиций было инспирировано союзниками и, следовательно, по существу было неконституционным. Традиция подчеркивает, что само принятие *lex Titia* было осуществлено с нарушениями процессуальных норм: «ни срока для рассмотрения законопроекта, ни определенного дня для голосования его не было указано; закон немедленно вступал в силу» (App. В. С., IV, 7). Магистратский империй был предоставлен триумвирам *post factum* и являлся не столько реальной основой их полномочий, сколько лишь формальным прикрытием их реального положения. Наконец, сама титулатура триумвиров указывает на необычный характер власти. В соответствии с нею триумвиры должны были организовать и отрегулировать основы государственной жизни. В условиях кризиса и гражданской войны это могло означать не что иное, как реформирование республиканских норм[85 – Можно согласиться с Й. Бляйкеном, что триумvirат был направлен на укрепление и консолидацию римского государства, см.: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat*. S. 12. Однако безусловным преувеличением является тезис Ф. Хамоукса о том, что титулатура триумвиров свидетельствовала о наличии у них некоей революционной программы, см.: Chamoux F. *Marcus Antonius. Der letzte Herrscher des griechischen Ostens*. В., 1989. S. 166–168.]. Таким образом, триумвиры, осуществляя свое правление до известной степени на законном основании, тем не менее совершили «государственный переворот» и узурпировали власть.

Это стало еще более очевидно в 37 г., когда срок триумvirских полномочий был продлен (с 31.12.38 по 31.12.33 г.): Октавиан и Антоний составили сепаратное соглашение (исключив Лепида), которое вообще никем и нигде официально не обсуждалось и не закреплялось юридически (App. В. С., V, 95; Dio Cass., XLVIII, 54)[86 – В «Иллирике» Аппиана есть чрезвычайно путанные сообщения относительно второго срока триумvirата. Говоря о событиях начала 33 г., античный автор подчеркивал, что оставалось еще «два года второго пятилетия этой власти, которую они (триумвиры) сами себе по окончании первого пятилетия продлили и которую утвердил народ» (App. *Ilyr.*, 28). Подробная путаница в определении срока триумvirских полномочий могла, вероятно, произойти в силу сложившейся официальной точки зрения на этот вопрос. Дело в том, что срок окончания второго пятилетия триумvirата приходился на 33 г. Таким образом, в 32–31 гг. и Октавиан и Антоний действовали нелегитимно, на этот раз открыто узурпировав власть. Официальная идеология раннего принципата стремилась затушевать этот момент. Опираясь на лаконичные и фрагментарные данные Аппиана, Г. Бенгтсон допускал, что условия договора 38 г. могли быть закреплены плебисцитом, хотя и признавал спорный характер данного тезиса, см.: Bengtson H. *Grundriß der römischen Geschichte*... S. 242.]. Тем не менее Октавиан считал эти решения основанием для продления II триумvirата и в своей автобиографии подчеркивал, что исполнял должность триумвира в течение 10 лет (RGDA, 1, 43).

II триумvirат вводился в политическую структуру Рима как чрезвычайная республиканская магистратура. Формально были соблюдены все республиканские организационные принципы: срочность, коллегиальность, право коллегиальной интерцессии и, вероятно, предполагалась отчетность новых магистратов перед сенатом и народным собранием. Так, в 36 г. после победы над Секстом Помпеем Октавиан дал в сенате и комициях отчет «о своих делах и мерах управления сначала и до настоящего времени» (App. В. С., V, 130). Важным принципом, определявшим положение римских магистратов в системе республиканской власти, традиционно выступала трибунская интерцессия. В источниках, к сожалению, нет никаких сведений о взаимоотношениях триумвиров с плебейскими трибунами. Однако если иметь в виду, что формально триумvirат вводился как магистратура, равная по значению консульской должности (App. В. С., IV, 2), можно предположить, что распространение принципа трибунской интерцессии на триумвиров предполагалось. Но в данном случае определяющее значение имеет, на наш взгляд, тот факт, что *lex Titia* являлся лишь официальной декларацией

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
реального положения союзников, которые вообще не задумывались над
формально-правовыми вопросами.

Таким образом, еще раз подчеркнем: правление триумвиров до известной степени имело республиканские основания. Но если мы обратимся к области практической политики, бросается в глаза недвусмысленное перерождение республиканских принципов власти в автократические. Принцип срочности формально соблюдался. Во всяком случае, декларировался. По *lex Titia* триумvirат вводился сроком на 5 лет (27 ноября 43 г. – 31 декабря 38 г. – *CIL*, I, 64; *Liv. Per.*, 120; *App. V. C.*, IV, 6, 27; *Dio Cass.*, XLVI, 55, 3). Кроме того, триумвиры продекларировали срочный характер полномочий, подобных собственным, заключив Мизенское соглашение с Секстом Помпеем, которому на пятилетие была предоставлена власть над Сицилией, Сардинией, Корсикой и Ахайей (*Vell.*, II, 77, 1; *Plut. Ant.*, 32; *App. V. C.*, V, 72; *Dio Cass.*, XLVIII, 36, 3): #c_625. Таким образом, они пытались подчеркнуть, что и их власть носит временный, а не бессрочный характер (*Dio Cass.*, XLVIII, 36, 6). Однако этот принцип был нарушен при первой же необходимости: в 37 г. Октавиан и Антоний, составив личное соглашение, продлили свои триумvirские полномочия на следующее пятилетие (до 31.12.33 г.), не спрашивая ни постановления народа, ни утверждения сената (*App. V. C.*, V, 95; *Dio Cass.*, XLVIII, 54). Более того, когда в 36 г. после отстранения Лепида от должности триумvirат формально прекратил существование, Октавиан и Антоний продолжали опираться на триумvirские полномочия вплоть до 32 г., а затем на их основании вообще открыто узурпировали власть. Октавиан официально сложил триумvirские полномочия лишь 13 января 27 г. (*RGDA*, 6; *Dio Cass.*, LIII, 9): #c_626.[87 – Вопрос о дате окончания второго срока триумvirских полномочий связан с более значимой и дискуссионной проблемой – о государственно-правовом статусе Октавиана в 32–27 гг. и, таким образом, о процессе оформления принципата. Содержание дискуссии подробно представлено И. Бляйкеном, см.: *Vleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 14–15*. Сам исследователь придерживается даты 31.12.33 г. При этом главным его аргументом является оговорка Октавиана о том, что он осуществлял триумvirскую власть в течение 10 лет.]

Официальная титулатура триумvirата позволяет предположить, что триумвиры действовали в соответствии с принципом равной коллегиальной власти – *par potestas*. На это указывает и тот факт, что в законе Тиция имена триумвиров были названы в следующем порядке: сначала Лепид, затем Антоний и, наконец, Октавиан. В таком же порядке имена триумвиров перечислены и в проскрипционном эдикте (*App. V. C.*, IV, 8). Этот порядок отражал не место союзников в иерархии власти (накануне образования триумvirата Октавиан был консулом, Антоний и Лепид по *lex Pedia* были восстановлены в должности проконсулов), а именно их союзнические отношения. Коллегиальность триумvirата получила отражение и в формулировках античных историографов. Говоря о триумвирах, Плутарх и Аппиан например, употребляли термин «коллеги по власти – συναρχον» (*Plut. Ant.*, 55, 3; *App. V. C.*, IV, 37,10; ср.: *Dio Cass.*, LV, 2,5). Однако постепенно и этот принцип подвергся трансформации. В эдикте триумвиров о земельных раздачах (41 г.) на первом месте стояло уже имя Октавиана, что явилось отражением изменившейся роли триумвиров внутри союза. Раздел провинций по итогам Брундизийского соглашения был произведен без учета интересов Лепида, а в 36 г. Лепид вообще был лишек звания триумвира.

Практически был преодолен и принцип коллегиальной интерцессии. Этому способствовало изначальное распределение провинций между триумвирами: в 43 г. Антоний получил всю Галлию, за исключением части, прилегающей к Пиренейским горам; Лепид – Испанию и часть Галлии, не подчиненную Антонию; Октавиан – Африку, Сардинию, Сицилию и другие острова (*App. V. C.*, IV, 2). В подобной ситуации каждый из них мог пользоваться абсолютной полнотой власти на контролируемых территориях. Лишь в Италии Лепид, Антоний и Октавиан должны были осуществлять свои полномочия на правах равной коллегиальности. Однако в условиях военного времени было очевидно, что постоянное присутствие триумвиров в Риме и Италии невозможно. Поэтому было решено, что во время их отсутствия власть будут осуществлять ординарные магистраты, назначенные по их воле и в соответствии с их политическими симпатиями. С 43 по 37 г. между членами II триумvirата было заключено 5 союзных договоров. Все они касались, кроме всего прочего, и такого важнейшего аспекта союзнических отношений, как разграничение сфер влияния.

Поскольку очень скоро власть Лепида, Антония и Октавиана разделилась по сферам влияния, главным же образом потому, что осуществлялась она при опоре

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org на вооруженную силу, потеряли свое значение *intercessio tribunicia*, *provocatio ad populum* и принцип отчетности триумвиров в сенате и перед народным собранием. Немаловажную роль играл и тот факт, что сенат и коллегию трибунов составляли сторонники триумвиров. Источники сообщают, что ко времени открытой конфронтации Октавиана и Антония в сенате было 300 антонианцев и 700 человек – сторонников Октавиана (RGDA, 5, 6–8). Можно ли считать, что все это были последовательные и принципиальные приверженцы той или иной стороны? Очевидно, нет, т. к. известны случаи перехода сенаторов как от Антония к Октавиану, так и наоборот. Кроме того, известно, что, укрепив свое политическое положение, Октавиан провел основательную чистку сената, целью которой было, вероятно, удаление всех способных оказать какое-либо противодействие ему.

Не приходится отрицать, что процесс постепенного преодоления республиканских организационных принципов II триумvirата отражал перерождение формы власти из чрезвычайной республиканской магистратуры в автократический режим, ставший историческим прототипом принципата [88 – Можно согласиться с Й. Бляйкеном в том, что триумvirат был не традиционной должностью, а новой формой власти, см.: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat*. S. 21.]. Вызванный объективной необходимостью организации военной и политической власти II триумvirат оказался основой для установления режима единоличного правления.

Важную роль в оформлении власти триумвиров играли не только формально-юридические законные основания, но и нормы обычного права, исходившие из традиционных римских представлений об *auctoritas*. Союзники не могли этим пренебречь, поскольку, несмотря на все деформации республиканских общественно-политических отношений за время кризиса республики, традиция и общинная норма по-прежнему являли важную составляющую политической жизни. Прежде всего, в области практической политики триумвиры опирались на традиции *pietas* – преданности, благочестия и *fides* – верности.

Еще одним суверенным основанием власти триумвиров выступает династическая политика. Мы уже касались коротко этого аспекта. Сейчас еще раз подчеркнем: принцип династического наследования власти не был характерен для римского государственно-политического мышления. На это указывал Антоний, отвергая претензии Октавиана на власть при первой их встрече (App. В. С., III, 18–19). Однако принцип «семейственности» в римской политической практике был вполне допустимым. Нормой были такие явления, как заключение предвыборных союзов, привлечение к исполнению должностных обязанностей близких родственников, рекомендации близких людей на должности и т. п. Если же иметь в виду систему римского воспитания, которая предполагала необходимость подражания и следования правилам и нормам жизни родителей, то станет понятно, что идея наследования если не официальной магистратуры, то политического влияния и положения могла соответствовать политической ментальности римского гражданства.

Уже до образования II триумvirата практически все его будущие члены прекрасно понимали, какие возможности для укрепления их собственного положения дает идея преемственности власти Цезаря. Да и завещание Цезаря в силу его общественной и политической роли приобрело характер наследственного документа: #с_627. В этом смысле интересен разговор, который состоялся при первой встрече Октавиана и Антония, переданный Аппианом. В данном пассаже античного историка выражена суть настроений и отношение собеседников к проблеме наследования полномочий и обязанностей Цезаря, полноты его власти и т. п. По свидетельству Аппиана, в ответ на претензии Октавиана Антоний резко подчеркнул, что Цезарь оставил Октавиану наследство и славное имя, но не управление государством (App. В. С., III, 14–20).

Антоний не являлся прямым наследником Цезаря. Однако он был его дальним родственником по материнской линии и товарищем по консулату в 44 г. Видимо, Антоний считал, что это давало ему основания и династически и политически связывать себя с Цезарем и претендовать на роль его преемника. Именно он присвоил себе завещание Цезаря и от его имени провел серию мероприятий, позволивших ему занять руководящее положение в Риме (см.: Cic. *Ad Att.*, XIV, 1; Phil., 1,17): #с_628.

Непосредственным и прямым наследником имени и имущества Цезаря определил своей предсмертной волей внучатого племянника Гая Октавия (Октавиана) (Cic.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org [phil.](http://phil.org), II, 109; Nic. Dam. De vit. Caes., XLV, 2; Liv. Per., 116; Vell., II, 59,1; Plut. Caes., 68; Brut., 20; Suet. Iul., 83, 2; App. V. C., II, 143; Dio Cass., XLIV, 35). И хотя Октавиан не имел ни малейших оснований для претензий на власть: ни соответствующего политического опыта, ни подобающего норме возраста, – он тем не менее считал возможным, опираясь на положение преемника Цезаря, заявить о своих политических амбициях. При этом он постоянно подчеркивал, что наследует не только имя и имущество Цезаря, но и его обязанности по отношению к римскому гражданству: выплатил обещанные Цезарем деньги (каждому римлянину по 75 драхм), продав для этого собственное имущество и даже имущество матери и отчима; устроил массовые игры, посвященные Венере-Прародительнице и основанные Цезарем; «обхаживал» народ, солдат-цезарианцев и всех, кто был благодетельствован его отцом (App. V. C., III, 23; 28; 94; Dio Cass., XLVI, 46, 5). Безусловно, это была продуманная политическая акция. Античная традиция по-разному оценивала династические настроения и претензии Октавиана. Апологетически настроенные к нему авторы подчеркивали прежде всего его любовь к отцу и желание отомстить за смерть Цезаря (см.: Tac. Ann., 1,9). Но в общем хоре подобных голосов Плутарх, например, подчеркивал, что таким образом Октавиан добился чрезвычайного расположения граждан (Plut. Reg. et imper. arorhth., 91, 1). Наиболее критически настроенные римские историографы отмечали, что проявления любви и верности были для Октавиана предлогом для борьбы за власть, а полученные возможности использовались против государства (Tac. Ann., 1,10). Подобное расхождение оценок может быть свидетельством искренности или, напротив, неискренности личных чувств Октавиана, но несомненно то, что он использовал династический принцип как важнейший фактор своей политической карьеры: #с_629.

Первым законодательным актом Октавиана после избрания в консулы был куриатный закон об усыновлении его Цезарем: он становился членом familia Caesaris, занимал соответственно свое преемственное место среди представителей древнейшего и влиятельнейшего рода, связанного происхождением с легендарным Энеем. Одновременно он приобретал положение патрона многочисленных клиентов Цезаря. Это придавало ему реальный вес в римском обществе. Более того, он приобщался к авторитету Юлиев, что имело чрезвычайно важное религиозно-нравственное значение. Наконец, после получения консульской должности Октавиан выступил главным мстителем за отца и, таким образом, официальным лидером цезарианской группировки (Vell., II, 69, 5; Plut. Brut., 27; Suet. Aug., 26; App. V. C., III, 95).

По большому счету, при всем значении завещания Цезаря, Октавиана можно считать человеком и политиком, который «сделал себя сам». В данном случае мы не можем согласиться с тезисом Н. А. Машкина, который считал, что Октавиан «выдвинулся не благодаря своим способностям, а потому, что принял имя Цезаря...»: #с_630

Октавиан подчеркивал значение династических связей и в отношениях между триумвирами. По сообщению Плутарха, узнав о самоубийстве Антония, он «ушел в глубину палатки и заплакал, горюя о человеке, который был его свойственником, соправителем и товарищем во многих делах и битвах» (Plut. Ant., 78). Можно расценивать этот факт по-разному: и как фарс, и как выражение искренних чувств. Однако нельзя не видеть, что династические отношения в значительной степени составляли основу триумvirата. Династические претензии триумвиров были закреплены в 43 г., когда сенат и магистраты вслед за триумвирами принесли присягу in acta Caesaris (Dio Cass., XLVII, 18).

Важным средством укрепления династических связей между триумвирами были матримониальные отношения. Привести ряд примеров необходимо для того, чтобы показать, что союзники заключали браки и с целью укрепления триумvirата вообще, и с целью укрепления собственных позиций среди коллег по магистратуре. Еще до образования триумvirата Антоний пытался закрепить свои политические преимущества установлением родственных связей с Эмилием Лепидом, обручив свою дочь с сыном последнего (App. V. C., II, 132; Dio Cass., XLIV, 53, 6). В 43 г. союзнические отношения были скреплены браком Октавиана и падчерицы Антония Клодии (Vell., II, 65, 2; Plut. Ant., 20; Suet. Aug., 62; Dio Cass., XLVI, 56). К этому средству триумвиры возвратились в 40 г., когда возникла необходимость установить и закрепить относительное равновесие сил: овдовевший к этому времени Антоний женился на сестре Октавиана Октавии (Liv. Per., 127; Vell., II, 78, 1; Plut. Ant., 31; App. V. C., V, 64): #с_631. Этот брак должен был удержать триумвиров в русле общей политики и зафиксировать за каждым его место в политической

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org жизни Рима: #с_632. Античные историки неизменно обращали внимание на примиряющую роль, которую постоянно в течение 40–33 гг. играла Октавия в отношениях между Октавианом и Антонием (Plut. Ant., 31; 35). При этом она сама действовала, вероятно, совершенно искренно, не подозревая о том, какое место отведено ей в политике и брата и мужа. Начиная с 33 г. ее миротворческую позицию Октавиан начал использовать для компрометации Антония в глазах общественного мнения (Plut. Ant., 53). В этом плане Тацит имел все основания называть брак Антония и Октавии коварным родством – *subdola afhnitas* (Tac. Ann., I, 10, 3), которое обеспечивало Октавиану поддержку Антония до тех пор, пока тот в ней нуждался. Не случайно открытые приготовления бывших союзников к военным действиям начались сразу после того, как Антоний проявил пренебрежительное отношение к Октавии, не удостоив ее в 32 г. личной встречи и отослав в Рим, а затем послав ей официальный развод.

К матримониальным связям обратились триумвиры и в 39 г., когда в состав триумvirата фактически был введен Секст Помпеи. Октавиан и Антоний пытались, видимо, с одной стороны, при участии Секста Помпея обеспечить определенный военно-политический противовес друг другу. Для этого при посредстве Мецената был заключен брак Октавиана с родственницей Помпея – Скрибонией (App. В. С., V, 53); приблизительно в то же время состоялось и обручение пасынка Антония – Марка Марцелла с дочерью Секста Помпея (App. В. С., V, 73). С другой – фактическое включение Секста Помпея в триумvirат должно было ослабить экономическое давление на Италию, влияние на римское общественное мнение, провинциальную оппозицию триумвирам. Кроме того, близкие родственные отношения могли обеспечить действия Секста Помпея в фарватере политики триумвиров.

О том, насколько важен был для Октавиана и Антония династический принцип, какое значение они придавали ему и насколько связывали с ним политические перспективы, указывает их отношение к Цезариону – сыну Цезаря и Клеопатры, т. е. прямому законному наследнику диктатора, на этом основании имевшему больше причин считаться и личным преемником Цезаря, и главой цезарианской группировки. Антоний в своем завещании признавал обоснованность подобного отношения к Цезариону, а Октавиана считал узурпатором имени и программы Цезаря (Dio Cass., I, 3, 5). Октавиан, напротив, отрицал обоснованность династических претензий Цезариона. Более того, он пытался навязать свое мнение римской общественности: призвал Оппия – ближайшего соратника Цезаря – написать памфлет, в котором отрицалось, что Цезарион был сыном диктатора (Suet. Iul., 52). После победы, одержанной над Антонием и Клеопатрой, Октавиан приказал убить Цезариона вместе со старшим сыном Антония – Антиллом.

Таким образом, династический принцип был важнейшей составляющей власти триумвиров. Он если и не позволял в силу римской республиканской традиции наследовать власть, то предоставлял возможность опереться на авторитет Цезаря и усилить собственное политическое положение.

Другой важнейшей составляющей власти триумвиров был «вождистский» момент, который не только определял имидж их власти, но обеспечивал саму эту власть. В середине I в. в Римской республике политическое влияние и политическая роль определялись главным образом наличием реальной силы, способной оказать давление и на народ, и на сенат. Такой реальной силой выступала армия. Примеры диктаторских режимов Суллы и Цезаря показали, что официальная республиканская власть (сенат) утратила монополию на военную сферу. Более того, она сама оказалась в зависимости от лояльности полководцев, которые в своем стремлении к власти могли прибегнуть к насилию, и их легионов, которые «по приказанию какого-либо вождя могли установить господство над отечеством» (App. В. С., III, 90): #с_633.

Триумвиры отчетливо понимали это. Политическая активизация каждого из них началась с концентрации легионов. В любой ситуации они искали поддержки прежде всего у армии. Сам факт заключения союзнического договора Лепида, Антония и Октавиана выглядит как подготовка военного путча: их встреча в Бононии проходила в присутствии легионов – по одному от каждого участника встречи; и было продемонстрировано, таким образом, не конституционное обоснование притязаний на власть, а, скорее, возможность реального давления на Республику (сенат и народное собрание) с целью осуществления собственной политической воли (Plut. Ant., 19; Cic., 46; App. В. С., IV, 2; Dio Cass., XLVI, 55; Flor. Ep. bell., II, 163). Армия должна была стать гарантом заключенного союза.

Решение народного собрания от 27 ноября 43 г. о создании триумvirата было по существу военной инспирацией: по свидетельству Аппиана, Октавиан, Антоний и Лепид при вступлении в должность наполнили Рим вооруженными отрядами, комиции состоялись «среди войск» (App. В. С., IV, 7). На роль армии в утверждении II триумvirата обращают внимание практически все исследователи, подчеркивая, что именно нежелание легионеров воевать друг с другом привело к оформлению политического союза: #с_634. По существу, узурпацией власти, осуществленной с помощью армии, явился и Тарентский договор 37 г., продливший полномочия триумvirов еще на пять лет (Suet. Aug., 16; App. В. С., V, 95; Dio Cass., XLVIII-XLIX; LIV): #с_635.

Армия цементировала политический союз. 30 мая 43 г. Лепид направил в Рим письмо к сенату и римскому народу, в котором оправдывал свое сближение с Антонием именно позицией легионеров (Cic. Ad Fam., X, 35; ср.: Cic. Ad Fam., X, 11, 2; Plut. Ant., 18). Оправдания лепида не были лишены основания. Известно, что в его армии были распространены проантонианские настроения. Особенно активно за Антония выступал 10-й легион (App. В. С., III, 83). Вслед за Р. Росси В. Н. Парфенов справедливо предполагает, что такие настроения могли провоцироваться самим Антонием с помощью самых различных способов, и прежде всего подкупа: #с_636.

Однако это не меняет общей характеристики настроений, царивших в армии Лепида: его легионеры срыли вал, впустили антонианцев, а затем и самого Антония (App. В. С., III, 84). Ф. Марш считает, что и переписка, которую Лепид вел с Цицероном, и его заверения в преданности сенату, и особенно детали братания его армии с армией Антония были «хорошо поставленной комедией»: #с_637. Учитывая процезарианские настроения Лепида и его отношение к событиям 15 марта 44 г., можно допустить такую оценку. Однако более важным, вероятно, было другое обстоятельство: Лепид отчетливо понимал, что в противном случае армия не пойдет за ним. Армия влияла на военно-стратегическое положение триумvirов. Под давлением легионов триумvirы неоднократно шли на примирение. В частности, именно так был заключен Брундизийский мир (Vell., II, 76, 3; Plut. Ant., 30; Plut. Ant., 30; App. В. С., V, 64; Dio Cass., XLVIII, 30). Именно позиция легионов, находившихся под командованием республиканцев, во многом определила разгром главных защитников сената и республики – Брута и Кассия. Показательна в этом отношении история заговора, инспирированного Гаем Антонием в армии Марка Брута (Plut. Brut., 26; Dio Cass., XLVII, 23; ср.: Cic. Ad Brut., I, 2, 3): #с_638. И хотя заговор был раскрыт, что, по верному замечанию Дж. Уотсона: #с_639, говорит об отсутствии единого цезарианского фронта, важно подчеркнуть: движение развивалось под цезарианскими лозунгами и способствовало, таким образом, разложению морального духа республиканской армии, а следовательно, укреплению позиций триумvirов. В конце концов, именно массовое дезертирство легионеров Брута и Кассия во многом определило военное поражение республиканцев: после поражения при Филиппах у Брута, например, оставались 4 легиона, но они отказались подчиняться и сообщили о своем намерении капитулировать (App. В. С., IV, 131). Причиной разгрома и гибели Секста Помпея также можно считать тот факт, что его армия в 36 г. перешла на сторону Антония (App. В. С., V, 97–121; 133–145; Dio Cass., XLIX, 49).

Наконец, армия предопределила формальный распад триумvirата и переход политической борьбы на новую стадию – за единоличное военно-политическое лидерство. Показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся на Сицилии после разгрома Секста Помпея. Лепид сконцентрировал там 22 легиона против 7 легионов Октавиана. Имея очевидное превосходство, Лепид потребовал от Октавиана покинуть Сицилию. Однако легионеры отказались сражаться: #с_640. Лепид остался без армии, был вынужден сдаться, Октавиан лишил его власти и отправил в ссылку (Vell., II, 80, 1; Suet., Aug., 16; 54; App. В. С., V, 122–126; Dio Cass., XLIX, 14; L, 11–12). Хотя политическая ситуация, возникшая в 36 г., была гораздо сложнее: #с_641, поскольку на ее развитие влияли и «подрывная» деятельность Октавиана среди легионеров Лепида, и близость Лепида, в том числе и родственная, к республикански настроенным кругам, и т. п., нельзя отрицать того факта, что именно отношение армии к происходившим событиям определило их исход. Необходимо обратить внимание на общую тенденцию военно-стратегического поведения легионеров. Дезертирство имело четкую направленность: сначала от противников цезарианцев к триумvirам, а затем – к Октавиану. Цезарианская и постцезарианская армия, волею судьбы вынужденная сражаться в разных лагерях, искала лидера, способного заменить ей Цезаря.

Настроения армии определяли общественное настроение в Риме: #с_642. Думается, не остались незамеченными в римском обществе куплеты, которые распевали воины во время триумфа Лепида и Мунация Планка: «Не над германцами, но над галлами торжествуют оба консула – *De Germanis, non de Gallis duo triumphant consules*» (Vell., II, 67, 2). Заметим, что термин *germanus* – *Germanus* обозначал в латинском языке не только «германец», но и «родной брат». Было известно, что оба консула включили в проскрипционный список своих родных братьев. Таким образом, куплеты приобретали характер социально-политической сатиры, выражали общее мнение по поводу политики триумвиров и отчасти это мнение формировали.

Армия была опорой социальной политики триумвиров: при осуществлении землераспределения и подавлении выступлений римско-италийского населения, недовольного осуществляемой ими экономической политикой; во время проскрипций и т. п. (App. В. С., IV, 35).

Таким образом, все решения II триумvirата, в том числе и в отношении самих триумвиров, принимались не только при участии легионов, но порой под их давлением, во всяком случае, с оглядкой на реакцию солдат и ветеранов: #с_643. Характерное суждение в этом отношении высказал Децим Брут в письме к Цицерону, написанном еще 5 мая 43 г. сразу после победы над Антонием под Мутиной. Он писал: «...Цезарю (Октавиану) невозможно приказать, но и Цезарь не может приказывать своему войску – одно хуже другого – *sed neque Caesaris imperari potest nee Caesar exercitui suo, quod ut-rumque pessimum est*» (Cic. Ad Fam., X, 10, 4). Ситуация усугубилась во время правления II триумvirата и особенно после победы триумвиров над республиканцами, когда стало очевидно, что теперь «война велась не ради пользы Рима, а в интересах правителей, желавших произвести государственный переворот» (App. В. С., V, 12). Италия и провинции оказались наводнены солдатами и ветеранами. Накануне сражения при Филиппах, по подсчетам П. Бранта, на которые опирается и А. Б. Егоров, армия цезарианцев насчитывала 110 тыс. человек, республиканцев – 90 тыс.: #с_644 Со времени основания союза до формального распада триумvirата, т. е. с 43 по 36 г., количество легионов, стоявших под командой триумвиров, увеличилось более чем в 2 раза. Власть фактически перешла к легионам. К правителям, нуждавшимся в солдатах как опоре своей власти, воины относились с пренебрежением. Аппиан рассказал характерный эпизод: однажды накануне земельных раздач ветераны собрались на сходку с раннего утра и порицали Октавиана за долгое отсутствие; тогда центурион Нонний стал упрекать их за непочтение к командиру; за это они убили его, а труп бросили на дороге, по которой должен был пройти Октавиан (App. В. С., V, 16). Характерное суждение по этому поводу мы встречаем у Веллея Патеркула, который отмечал, что «в большинстве случаев, сознавая свою многочисленность, (войско) уклоняется от военной дисциплины и считает, что, чего не достигло просьбами, может выжать (силой) – *...plerumque contemptus frequentiam suam a disciplina desciscit et, quod cogere se putat posse, rogare non sustinet*» (Vell., II, 81, 1).

Это определяло сложное отношение триумвиров с армией. С одной стороны, чтобы противостоять политическим противникам, они были вынуждены постоянно наращивать численность своих войск, с другой – вести умелую политику, направленную на сдерживание агрессивных настроений легионеров. Отношения триумвиров с легионами осложнялись еще и тем, что, несмотря на разногласия вождей, солдат объединяли узы политического единства: большинство из них служили в армии Цезаря и ощущали солидарность друг с другом, были одинаково опытны и выучены. Это приводило к братанию противников, включению побежденных в войска победителей, а в случае открытого военного противостояния – к особой жесточечности и т. п. (App. В. С., III, 67; IV, 137; V, 46–47): #с_645. В такой сложной обстановке триумвиры должны были добиться оптимального баланса между преданностью войска, его лояльностью и должной боеспособностью.

Моральная проблема для триумвиров состояла в том, что они вели междоусобные войны. В этом случае сложно было взывать к проявлению истинной воинской доблести, т. к. традиционно считалось, что только в борьбе с внешним врагом проявляется настоящая доблесть – *vera virtus*.

В организации и управлении огромными воинскими континентами, стремясь обеспечить их верность и боеспособность, они прибегали к самым различным организационным социально-политическим, социально-экономическим и морально-психологическим средствам.

Важнейшим моральным стимулом была присяга, которую легионы давали полководцам. Обычай приносить клятву был чрезвычайно древним: #с_646. Этой клятвой устанавливалась персональная связь воинов и полководца настолько, что порой забывались цели и смысл войны. Именно так действовали легионы Антония в битве при Мутинае, «разгневанные, обуреваемые честолюбием, больше следуя собственной воле, чем приказу полководцев, считая эту битву своим личным делом» (App. V. C., III, 68). Принесение присяги преследовало комплекс политических и военных целей, но прежде всего имело военный характер: #с_647. Не случайно это средство активно использовал Октавиан: #с_648. Подобной клятвой пытался связать своих сторонников и Антоний (Dio Cass., L, 6, 6), но подробной информации об этом нет.

Важным морально-психологическим средством воздействия на легионы было обращение к традиционным воинским этическим ценностям. Триумвиры использовали лозунг *pīetas* и принципы клиентских отношений, когда обращались к легионам и ветеранам с призывом отомстить за смерть Цезаря. Это должно было придать воинам-цезарианцам сознание правоты того дела, за которое они выступают. Кроме того, это требовало от них заботы о преемниках Цезаря, связанных с ним родством или политическими целями (Nic. Dam. De vit. Caes., XXIX, 115; 117): #с_649. Так, осенью 44 г. Октавиан, после того как набрал войско, по рекомендации Цицерона выступил перед *contio* с речью, выдержанной в цезарианском духе. К подобной пропаганде прибегали все члены триумвирата. В период обострения отношений между триумвирами Октавиан вел «подрывную» работу среди солдат Антония (Nic. Dam. De vit. Caes., XXXI, 139; App. V. C., II, 44; Dio Cass., XLV, 12, 1) и наоборот. Сведения о пропаганде, которая велась Антонием среди ветеранов, есть в корреспонденции Цицерона и его публичных выступлениях (Cic. Ad Att., XV, 8, 1; Phil., II, 100–107). Она имела настолько явную цезарианскую направленность, что вызывала тревогу и опасения умеренных цезарианцев: #с_650. Напротив, пропаганда Октавиана, направленная по большей части на дискредитацию Антония, строилась на основе идей республиканизма и борьбы с тиранией. Однако эти идеи имели не конструктивный, а деструктивный характер, поскольку были направлены на усиление собственных позиций и личной власти.

Что касается других методов морального воздействия на армию, то можно также назвать обращение триумвиров к традиционной для римской идеологии идее единства солдат и полководца. При этом триумвиры придавали своим действиям характер нормативных поступков. По словам Плутарха, Марк Антоний после сражения под Мутиной был замечательным примером для легионеров: употреблял тухлую воду, дикие плоды и корни и вообще любил проглотить кусок с солдатского стола (Plut. Ant., 17, 6): #с_651. Тот же Плутарх подчеркивал особую способность Антония завоевать любовь и доверие солдат. Его уважали, испытывали соединенную с послушанием любовь, ставили благосклонность Антония выше собственной безопасности (Plut. Ant., 6; 43; 68). Влияние Антония в войске было столь значительным, что вызывало страх у противника (Plut. Brut., 18). К тем же средствам завоевания популярности у легионеров прибегал и Октавиан (Suet. Aug., 83). Порой триумвиры открыто заискивали и потворствовали легионам (App. V. C., V, 17), проявляли показную доступность и простоту обращения, когда военачальник называл воинов по имени, целовался при встрече и участвовал в солдатских развлечениях (Plut. Ant., 4; 6).

Важную роль в обеспечении верности и боеспособности легионов играло укрепление дисциплины. Этого триумвиры добивались различными средствами. Они прибегали к традиционным способам воздействия на чувство воинской чести: с одной стороны, к публичной благодарности; с другой – к позорящим взысканиям (Plut. Ant., 39), порочащей отставке (App. V. C., V, 129), усилению дисциплинарной суровости – децимациям и т. п. Республиканцы обсуждали факт казни Антонием некоторых легионеров по подозрению в заговоре (Cic. Phil., XIII, 10), когда солдаты в Брундизии с насмешками встретили речь Антония, он пригрозил им децимацией, но казнил лишь нескольких, по сообщению же Цицерона, 300 человек (Cic. Phil., III, 10; ср.: Liv. Per., 117; App. V. C., III, 43; Dio Cass., XLV, 13, 3). При этом, разумеется, страх наказания не был самоцелью, но предполагал добиться беспрекословного подчинения. У Веллея Патеркула есть сообщение о том, что, опираясь на традиционные представления о дисциплине, один из мятежей в своих войсках Октавиан подавил «отчасти суровостью, отчасти добротой (щедростью) – *partim seueritate, partim liberalitate*» (Vell., II, 81,1)

Однако мы вынуждены согласиться с Ж. Арманом, что в этот период моральные стимулы перестали играть определяющую роль в отношениях армии и

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
подководцев: #с_652. На первое место выступили материальные стимулы: материальная выгода и социальные привилегии. И ветеранов-цезарианцев, и добровольцев-новобранцев привлекали не столько чины и награды, сколько обещания денежных и земельных раздач. Например, после победы над Секстом Помпеем в ответ на предложение Октавиана добавить легионам еще венков и предоставить звание члена совета на родине, отложив на время выплату наградных и наделение земель, военный трибун Офиллий заявил, что венки и пурпурные одежды – детские игрушки, награды воинам – земля и деньги (App. V. C., V, 128). Это было общим армейским настроением. Известно, что республиканцы за короткий срок на подготовку своей армии израсходовали колоссальную сумму. По подсчетам В. Н. Парфенова, она составила 97 млн. денариев: #с_653. Тем не менее 1 апреля 43 г. Марк Брут писал Цицерону: «В двух вещах мы нуждаемся, Цицерон: в деньгах и в пополнении» (Cic. Ad Brut., II, 3, 5). Известно, что Брут выплачивал деньги за каждую битву (Plut. Brut., 46). О подкупе солдат откровенно сообщал Цицерону Гай Кассий (Cic. Ad Fam., XII, 12, 2). При оценке сложившейся ситуации важно замечание Аппиана, который подчеркивал, что республиканцы старались не дать даже повода для недовольства армии (App. V. C., IV, 124), а Кассию приписывал такой афоризм: деньги – главный нерв войны (App. V. C., IV, 99). Сходными были и социально-экономические и социально-политические методы влияния триумвиров на свои легионы. В качестве наград они все чаще стали использовать денежные подарки, увеличение доли добычи, дополнительный паек, двойное жалованье. Триумвиры осуществляли денежные раздачи при наборе легионов. Так, Октавиан, вербуя осенью 44 г. ветеранов в Касилине и Калации, выдал каждому по 500 драхм (Cic. Ad Att. XVI, 8,1; Nic. Dam. De vit. Caes., XXX, 132; App. V. C., III, 40). Поэтому когда в Брундизии Антоний стал собирать свои легионы, обещая им по 100 драхм, это вызвало насмешку солдат (App. V. C., III, 43).

Денежные награды триумвиры выплачивали по окончании военных кампаний. За победу под Филиппами Антоний, например, каждому воину обещал по 5000 драхм, каждому центуриону – вдвое больше, каждому трибуну – вдвое больше, чем центурионам (App. V. C., IV, 120). Такой же суммой награждал своих легионеров Октавиан в 36 г. (App. V. C., V, 129). Используя настроения алчности и распушенности, триумвиры прибегали к такому действенному средству, как обещание отдать лагерь противника на разграбление.

Чрезвычайно действенным средством влияния на армию были обещания и практика земельных раздач ветеранам. По собственному отчету, представленному Октавианом в автобиографии, по окончании гражданских войн 300 тыс. ветеранов были выведены в колонии, получили или землю в муниципиях, или денежное вознаграждение (RGDA, 1, 16–19). Такая практика была для триумвиров решением сразу нескольких задач: ожидание обещанного скрепляло союз полководца и армии; ветераны-колонисты, являясь по существу клиентами полководца, усиливали его престиж и в гражданском обществе, и в армии; поселения колонистов создавали особую социальную среду, на которую могли опереться триумвиры. В свете сказанного вполне обоснованно выглядит точка зрения некоторых исследователей о сути Перузинской войны как борьбы за влияние Октавиана и Антония в колониях ветеранов: #с_654. Хотя, на наш взгляд, история их противостояния, в том числе и в ходе Перузинской войны, не исчерпывается лишь этим обстоятельством.

Наряду с земельными раздачами не утратил значения и такой стимул, как предоставление гражданства. Так, воинам-цезарианцам по закону Мунация (Планка) и Эмилия (Лепида) предоставлялось гражданство. По мнению Н. А. Машкина и В. Н. Парфенова, этот закон активно применялся триумвирами: #с_655.

Таким образом, армия выступала основой власти и опорой реальной политической практики триумвиров. Учитывая новую ценностную ориентацию легионеров, триумвиры использовали и республиканские традиции персонализированного военного лидерства, и материальные стимулы.

Следующей составляющей власти триумвиров был ее религиозно-культовый аспект. Органичной, внутренне присущей частью важнейших устоев римской жизни и традиций, в том числе и организации и осуществления власти, были сакральные представления и религиозно-культовая практика. Но они были еще и внешним выражением той *pietas*, которая связывала римских граждан в единое целое.

Первым из числа будущих союзников обратил внимание на значение

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org религиозно-культурного фактора для укрепления собственных политических позиций Лепид. Именно он в смутной ситуации первых дней после убийства Цезаря добился присвоения ему звания великого понтифика (App. В. С., II, 132; ср.: Liv. Per., 117; Vell., II, 63, 1). Это придавало ему определенный вес в политической жизни Рима. Однако более важным в его выступлении, на наш взгляд, был другой момент: выступая под лозунгом мести за смерть Цезаря, он назвал его «действительно священным и уважаемым мужем» (App. В. С., II, 132). Таким образом, идея мести убийцам Цезаря принимала сакральный смысл. Видимо, эту же мысль пытался провести 17 марта 44 г. и Антоний, когда, ссылаясь на римскую религиозную традицию и норму, заявил перед сенатом, что все, сделанное убийцами Цезаря, не подлежит одобрению, т. к. является «нарушением религии и закона» (App. В. С., II, 134). Не случайно Октавиан еще весной 44 г. по прибытии в Рим использовал появление кометы для обожествления Цезаря (Suet. Iul., 88; Dio Cass., XLVII, 18, 1): #c_656. Вдогонку Октавиану на заседании сената 1 сентября 44 г. Антоний провел решение, которое не просто выражало почитание, а, скорее, обожествление Цезаря (Cic. Phil., I, 6; 13). Заметим, что действия Лепида, Антония и Октавиана в направлении сакрализации личности Цезаря не встретили активного сопротивления в общественном мнении. Попытки долабеллы противостоять утверждению культа Цезаря оказались безрезультатными (Cic. Phil., I, 5).

Общим местом в исследовательской литературе является суждение о том, что картина, сложившаяся к середине I в. в религиозно-культурной сфере Рима, была довольно пестрой, сочетала традиционную римскую идеологию и греческую философскую мысль: #c_657. Римскому сознанию была близка идея героизации предков. Принципы pietas способствовали развитию этой идеи. Традиционная римская идеология, таким образом, могла вполне логично сочетаться с греческими стоическими и пифагорейскими представлениями о бессмертии души. Совершенно органичным был синтез этих идей для римской аристократии, которая таким образом поддерживала чрезвычайно высокую оценку заслуг предков и соответственно подчеркивала ее собственную социально-политическую значимость, обуславливала справедливость общественных представлений об исключительности и избранности старинных аристократических родов, особом покровительстве высших сил по отношению к ним. Подобные представления развивал Плиний Старший, утверждая, что «бог – это помощь человека человеку», т. к. она открывает путь к вечной славе, а обычай требует воздавать благодарность за благодеяние и возводить благодетеля в число богов (Plin. N. N., II, 5). Цицерон в последних философских трактатах «О славе» (De Gloria) (Cic. Philos. libr. frr., 8) и «Утешение» (Consolatio) (Cic. Philos. libr. frr., 9), от которых сохранились лишь фрагменты, также размышлял об обожествлении великих людей благодарными потомками. П. Грималь обратил внимание на то, что они могли быть политическими памфлетами, обличавшими «героев его времени», т. е. периода новой смуты, охватившей Рим: #c_658. Мы же подчеркнем тот факт, что эти рассуждения Цицерона поднимали проблему обожествления героя на философский уровень: права на славу и бессмертие достойны те, кто хорошо служил родине (Cic. Ad quir. post red., 5; 8; 10; De rep., VI, 321; De leg., II, 8-24; De nat. deor., III, 50). Правда, когда дело касалось конкретной личности, например Цезаря, ни сенат, ни принципиальные республиканцы, в частности Цицерон, ни даже умеренные цезарианцы не хотели его обожествления и отказывались признать этот акт (Cic. Phil., I, 3; ср.: Cic. Phil., II, 111). Думается, однако, что в данном случае определяющее значение играли не идеологические, а политические соображения.

Героизация личности не была чужда и сознанию социальных низов: #c_659, где традиционные римские представления удерживались наиболее прочно. Ряд исследователей совершенно справедливо, как нам кажется, видит проявление идеологии героизации личности в движении Гая Амата или лже-сына Г. Мария: #c_660. Исходя из принципа отдаленного родства с Цезарем, он заявил о намерении мстить за его смерть, а на месте погребения соорудил алтарь и устраивал жертвоприношения (Liv. Per., 116; App. В. С., II, 148; III, 2). После расправы над Аматием толпа требовала от сенаторов соорудить алтарь и первыми принести жертву Цезарю (App. В. С., III, 3). Так традиция апофеоза предка-героя смыкалась с идеей его сакрализации.

Эти представления были результатом преломления в сознании римлян того факта, что появилась новая социально-политическая сила, стоявшая над людьми и отсутствовавшая в civitas – сила личности, эмансипировавшаяся от общины и имевшей реальную возможность разрешить ту или иную конкретную ситуацию. В конечном счете все подобные изменения были обусловлены переходом от активной идеологии граждан к пассивному повиновению подданных. Героизация

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org личности особенно активно развивалась в связи с активизацией военных действий. Необходимая вера в особые возможности и дар полководца поддерживала эти настроения [89 – Подобные представления возникли еще в конце 2-й Пунической войны и были связаны с образом Сципиона Африканского, см. гл. 1.1 настоящей работы.]

На эти идеи опирались и триумвиры, выдвигая лозунг мщения за смерть Цезаря, придавая ему особый сакральный характер. Они муслировали идею дивинизации – *divinitas* – Цезаря. Наиболее заметные политические выгоды извлек из этого Октавиан: #с_661. С момента выхода на политическую арену он форсировал римский республиканский патриотизм. Он прекрасно понимал, какое значение может иметь для него причастность к божественной сущности Цезаря. Идея обращения к нравам предков и в области религии должна была удовлетворить настроения римского гражданства и создать идеологическую основу его личной власти [90 – В полной мере это получит свое проявление уже с утверждением принципата Августа. Эти вопросы наиболее подробно см. в работах: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 383–384; Штаерман Е. М. Социальные основы религии... С. 209.]

Не менее важным этот аспект был и для Антония. Все свои первоначальные распоряжения и назначения на должности он объяснял волей Цезаря, подчеркивая таким образом сакральный, а потому нерушимый характер этих действий (Plut. Ant., 15). После обожествления Цезаря Антоний стал его фламингом, внес предложение, чтобы пятый день Римских игр в честь Юпитера, Юноны и Минервы был посвящен Цезарю (Cic. Phil., II, 110). Он, таким образом, становился распорядителем этих игр.

Однако, по справедливому замечанию В. Н. Парфёнова, дивинизация Цезаря имела более глубокое основание и играла важную роль не только конкретно для Октавиана и Антония, но для триумвирата вообще: идеология и политика военных кругов были возведены на уровень государственных и подчеркивали сущность новой власти как коллегиальной военной диктатуры.: #с_662

В целом о религиозной политике триумвиров мало что известно. К тому же у них вряд ли было время продумывать этот момент. Однако очевиден тот факт, что в своем стремлении к *auctoritas* все они вместе и каждый по-своему стремились опереться на сакральные представления римлян, использовали одни и те же возможности. При этом триумвиры, видимо, руководствовались различными соображениями. Дело не только в возможности прямого влияния на события через участие в жреческих коллегиях, хотя и это имело немаловажное значение. Дело именно в возможности идеологического закрепления своих позиций.

Наиболее активно сакральные средства укрепления власти и влияния использовал Антоний. Осуществляя активную сакральную пропаганду, он настойчиво возводил свой род к Гераклу, подчеркивал это в одежде и поведении (Plut. Ant., 4): #с_663. Оказавшись на Востоке, Антоний открыто приобщился к восточной религиозно-культурной традиции. В 41 г., вступив в Эфес, он принял титулы бога Диониса: граждане величали его «подателем радостей, источником милосердия» (Plut. Ant., 24, 3; ср.: App. В. С., V, 4). Позднее в Тарсе был устроен фарс: Антоний-Дионис вступил в священный брак с Клеопатрой-Афродитой «на благо Азии – έπ'; ά γ α θ ω τ η ς Ά σ ί α ς» (Plut. Ant., 24–26). Антоний, по-видимому, относился к этому не только как к восточной экзотике, но придавал более важное значение. В 39 г. фарс священного брака был повторен – на этот раз с Октавией, которая олицетворяла Афины (Dio Cass., XLVIII, 39, 2). Тогда же появились монеты Антония с дионисийской божественной символикой: #с_664. Чуть позднее (между 38 и 36 гг.) была выпущена монета с несколько иной, но тем не менее типичной восточно-эллинистической – сотериологической – символикой. Следует безоговорочно согласиться с Ю. Г. Чернышовым в том, что подобная символика приобрела в пропаганде Антония совершенно монархический оттенок. Однако нам представляется не совсем верным утверждение Ю. Г. Чернышова, высказанное вслед за Х. Бухгеймом, что эти восточно-эллинистические формы культа навязывала Антонию Клеопатра: #с_665. Не отрицая возможности подобного влияния, мы тем не менее считаем, что при жесткой установке Антония как римского полководца и гражданина на римскую традицию и сохранение верности римским традиционным сакральным представлениям вряд ли это было бы возможно. Скорее всего, в данном случае совпало желание Антония укрепить свое положение на Востоке и стремление Клеопатры усилить собственное значение при опоре на сильные позиции

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org Антония. В исторической литературе часто обсуждаются вопросы о том, насколько приверженность Антония восточным религиозным традициям была органичной для него, в какой период он сознательно обратился к ним и пр.: #с_666 Разумеется, в теоретическом отношении все эти вопросы очень интересны. Мы же, рассматривая практическую политику Антония, считаем необходимым подчеркнуть: в любом случае, даже если его действия в сакральной сфере были спонтанной реакцией на настроения толпы или продуманными пропагандистскими акциями, они должны были символизировать особые возможности Антония и особые перспективы его власти, указывали на ее вечность и космический характер и были вызваны желанием, используя местные восточные реалии, усилить собственные политические позиции: #с_667. Октавиан также делал попытки укрепить свое идеологическое влияние. Он усиленно и постоянно пропагандировал идею о том, что является приемным сыном божественного Цезаря. Параллельно с этим Октавиан заявлял о своей генеалогической связи с Аполлоном, богом, с которым римское религиозно-мифологическое сознание связывало наступление новой счастливой эпохи (Suet. Aug., 94–96). В целях идейного воздействия на широкие массы Аполлон был объявлен патроном Октавиана: он не только обеспечил Октавиану победу и при Филиппах, и позднее при Акции, но сам руководил и сражался на его стороне (Plut. Brut., 24; Ant., 75; Dio Cass., LI, 17; Prop., IV, 6; 27). Сторонники Октавиана постоянно подчеркивали, что ему покровительствует солнечное божество (Vell., II, 59, 6; Suet. Aug., 95). Как средство наглядной пропаганды и усиления личного влияния Октавиан использовал монетную чеканку: в 43 г. он выпустил серию монет с заявкой на свою божественность. Это, безусловно, имело не только сакральный, но и политический смысл. Известно, что после Филиппа, когда Антоний и Октавиан заключили новое соглашение, а Лепиду отвели второстепенную роль, перестала чеканиться монета с изображением последнего. И наоборот, после Перузинской войны, когда Октавиану потребовался надежный союзник против Антония и он пытался опереться на Лепиду, появилась монета с портретом Октавиана и Лепида: #с_668. [91 – на оживление политической активности Лепида указывает и возобновление им чеканки собственной монеты, см.: Парфенов В. Н. Триумвир... С. 135; М. Грант также приписывает Лепиду монету с портретом Цезаря на аверсе и морской символикой на реверсе, см.: Grant M. From imperium to auctoritas... P. 11.]

В целом же в сакральной сфере Октавиан действовал осторожно. Исходя из традиционных римских представлений, он верно оценил опасность прижизненного обожествления и, хотя его неоднократно пытались непосредственно отождествить с Аполлоном, Ромулом, Меркурием, Юпитером и др., не придавал этому официального характера. Он старался не раздражать религиозных чувств греков, во всяком случае, не противопоставлять римские сакральные традиции греческим. Так, находясь в Греции, во время борьбы с республиканцами он активно опирался на популярный во всем греко-римском мире культ Аполлона. Однако после утверждения принципата с 27 г., по наблюдениям Ю. Г. Чернышова, начался «латинский период», когда Октавиан стал демонстративно использовать римскую сакральную традицию – традиционные римские культы Гениев, Ларов и т. п.: #с_669 Он понимал сам и пытался дать понять всем остальным, что он строил Римскую империю, идеологическую основу которой должен составлять «римский патриотизм». Уже в 33 г. восточные маги и астрологи были изгнаны из Рима (Dio Cass., XLIX, 43). В данном случае мог иметь значение не только сакральный, но и политический фактор: началось активное открытое противостояние Октавиана и Антония. В этой ситуации религиозные настроения римлян могли сыграть важную роль. Кроме того, это мероприятие, видимо, могло иметь своего рода охранительное значение, поскольку было призвано сдержать распространение в Риме культов, связанных с Антонием.

Таким образом, II триумвират выступает в процессе политической эволюции Римской республики как разновидность авторитарной власти, наиболее близкий прецедент принципата. Для возникновения подобной структуры требовалось сочетание предпосылок, которые можно разбить на две группы. К первой относятся особенности социально-экономической и политической эволюции Рима, римский менталитет и т. п.; ко второй – субъективные характеристики политических деятелей Римской республики I в. В середине I в. вопрос о единовластии ставился, видимо, уже открыто. Веллей Патеркул рассуждал о том, что в случае победы республиканцев «большим благом для государства был бы Брут, нежели Кассий, равно как главою государства лучше иметь Цезаря, а не Антония – *qui si uicissent, quantum rei publicae interfuit Caesarem potius habere quam Antonium principem, tantum retulisset habere Brutum quam Cassium*» (Vell., II, 72, 2). Оценивая место и роль II триумвирата в

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org развитию автократических тенденций в Римской республике, заметим: триумвиры сознательно и целенаправленно пошли на замену республиканской системы правления собственной властью, план «государственного переворота» возник, видимо, одновременно с планом уничтожения заговорщиков-республиканцев, т. е. к концу 43 г. Этому способствовал хотя и не всегда продуманный чисто технически и часто нереалистичный, но достаточно последовательный и жесткий план участников «республиканской партии» по отстранению от власти и ликвидации «партии Цезаря».

II триумvirат являл собой, как, впрочем, и будущий принципат, абсурдную с государственно-политической точки зрения систему власти, состоявшую из двух основных структур управления: собственно государственно-республиканской, не имевшей реальной власти, и аппаратной, расположенной вне иерархии государственных структур, сосредоточившей всю власть.

Основными составляющими власти триумвиров выступали формально-юридические, традиционные государственно-правовые, этико-правовые, сакральные нормы и «вождистский» элемент. При этом реальную основу власти триумвиров составляла армия. Не случайно в период существования II триумvirата мы не встречаем в источниках сколько-нибудь значимых попыток противостояния со стороны ординарных органов власти. По существу, в Риме был установлен авторитарный режим в форме коллегиальной военной диктатуры: #с_670. Главнейшей задачей этого режима было утверждение порядка в государстве, что в условиях второй половины I в. означало установление адекватной территориально-державной системы управления.

2. Полномочия и социальная политика II триумvirата

Обращаясь к проблеме исторической роли II триумvirата в процессе перехода Рима от отживших полисных структур к новым имперским, необходимо обратиться к исследованию центрального звена – объема полномочий триумвиров и основных направлений их практической политики.

Lex Titia предоставил Октавиану, Антонию и Лепиду широчайшие полномочия сроком на 5 лет (по 31.12.38 г.), которые затем были продлены до 31 декабря 33 г.: #с_671 На основании этого закона триумвиры получили право осуществлять власть и в сфере *militiae*, и в сфере *domi*. Особенно важно то, что экстраординарный характер предоставленного триумвирам империя не разграничивал территориально их военную и гражданскую компетенцию: #с_672. Это означало абсолютную и неограниченную правоспособность союзников во всех сферах управления государством: военной, административной, финансовой, законодательной и судебной. Плутарх подчеркивал, что, заключив союз и «слив свои силы воедино, (триумвиры) поделили верховную власть» (Plut. Cic, 46).

Прежде всего, союзники организовали и поставили под личный контроль военную сферу государства. Уже в Бононии они договорились об обмене и разделе легионов между собой: Октавиан и Антоний получали по 20 легионов, Лепид – всего 3 (App. B. C., IV, 3). После победы над республиканцами при Филиппах в 42 г. силы и военные обязанности были перераспределены (App. B. C.,

V, 3; Dio Cass., XLVIII, 1, 3). Весной 37 г. в Таренте при очередном свидании триумвиров Антоний передал Октавиану 130 военных судов, а Октавиан предоставил коллеге по магистратуре 20 тыс. солдат для парфянского похода (Plut. Ant., 21; 35; App. B. C., V, 95; Dio Cass., XLVIII, 54). Даже в 33 г., когда триумvirат фактически распался, а отношения между Антонием и Октавианом обострились, обмен вооруженными силами продолжался (Plut. Ant., 53).

В качестве главнокомандующих триумвиры сосредоточили в своих руках институт комплектования армии. Они объявляли воинские наборы, определяли их время и количество новобранцев (Plut. Ant., 56). После победы при Филиппах триумвиры произвели сокращение армий: у Октавиана осталось 5 легионов, у Антония – 6 (App. B. C., V, 3). Однако уже после Перузинской войны (41–40 гг.) в распоряжении Октавиана оказалось 40 легионов (App. B. C., V, 53). Для ведения военных действий против Секста Помпея Октавиан привлек Лепида с 12 легионами (Vell., II, 80, 1). В 36 г. объединенные военные силы Октавиана состояли из 45 легионов (App. B. C., V, 127), а в 32 г. ему принесли присягу 500 тыс. человек (RGDA, 1, 16–17). Огромная армия была

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org собрана и Антонием: накануне парфянского похода (36 г.) он располагал, по одним сведениям, 18 легионами (Liv. Per., 130), по другим – 13 (Vell., II, 82, 1).

Вербовка солдат осуществлялась не только в Италии, но и в провинциях. Это было наиболее характерно для Антония. Массовые наборы солдат из местного населения изменили к 34 г. этнический состав его легионов (Plut. Ant., 56), что особенно важно, поскольку способствовало территориальной интеграции, втягивало провинции в круг общегосударственных политических проблем.

В компетенции триумвиров оказались и военно-стратегические вопросы. Они самостоятельно разрабатывали и осуществляли планы ведения гражданской войны. Даже в вопросах внешне-государственной политики триумвиры действовали независимо от сената и народного собрания. Октавиан, например, по собственной инициативе предпринял военные действия против иллирийских племен (Liv. Per., 131-132; Vell., II, 78, 2; App. V. C., 128; Flor. Ep. bell., II, 23; ср.: App. Illyr., 46), а Антоний ни с кем не согласовывал планы парфянской кампании (Liv. Per., 130; App. V. C., V, 10; Flor. Ep. bell., II, 20, 510).

Армия оказалась под контролем триумвиров не только в военно-политическом, но и в экономическом отношении. Триумвиры сами брали на себя обязательства по обеспечению солдат и ветеранов как во время службы, так и после роспуска легионов (Plut. Ant. 23; App. V. C., IV, 3; V, 12-13; Dio Cass., XLVIII, 6). С этой целью производились конфискации земель и имущества гражданского населения и храмов, выводились колонии, основывались ветеранские поселения (RGDA, 1, 16-19; 5, 35-38; Liv. Per., 125; App. V. C., V, 24; ср.: Vell., II, 74, 2; Suet. Aug., 17). Испытывая недостаток материальных средств, триумвиры прибегали к принудительному изъятию храмовых имуществ. Октавиан, например, накануне Перузинской войны изымал деньги из запасов Капитолийского храма, сокровищниц в Анции, Ланувии, Нумесе и Тибуре (App. V. C., V, 24). У Диона Кассия есть свидетельства о том, что Антоний на востоке прибегал к конфискации храмовых средств (Dio Cass., LI, 1; ср.: Plin. N. N.. XXXIV, 58).

За годы гражданских войн самым важным способом достижения авторитета в армейской среде и укрепления связи с легионами стала практика денежных и земельных раздач. Отчетливо понимая, насколько важен армейский престиж, триумвиры активно использовали эту практику. Так, Антоний еще до образования триумvirата принял закон о выведении колоний для ветеранов – *lex Antonia Cornelia de coloniis in agros deducendis* (Cic. Phil., VI, 14; VIII, 26). С образованием политического союза главную роль в колонизационной политике стал играть Октавиан. Это положение было закреплено за ним в результате распределения между триумвирами военно-политических обязанностей после победы при Филиппах (App. V. C., V, 3; Dio Cass., XLVIII, 1, 3). Таким образом, в руках Октавиана оказался важнейший инструмент укрепления личного авторитета и политического возвышения. Вместе с тем именно с Октавианом римско-италийское гражданство стало связывать надежды на организацию гражданской жизни, что в конечном итоге способствовало развитию территориально-державных настроений и отношений.

Показателем особой компетенции триумвиров в военной сфере является формирование под их командованием преторианских когорт – *cohors praetoria* (App. V. C., IV, 7). Вообще преторианские когорты известны со времен Сципиона Африканского: первоначально они являли собой отряды лучших воинов и друзей, состоявших при полководце и несших его охрану. Организовывались они на время войны и в пределах померия действовать не могли. Экстраординарный империй и особая компетенция триумвиров, закрепленные *lex Titia*, позволяли им постоянно иметь при себе преторианскую гвардию и опираться на нее при осуществлении не только военных действий, но и практической политики в отношении римско-италийского гражданского населения всюду, где бы они ни находились: в провинциях, в Италии и даже в самом Риме. После Филиппа преторианские когорты Октавиана и Антония насчитывали по 4 тыс. человек (App. V. C., V, 3; ср.: App. V. C., V, 24).

Итак, триумвиры поставили военную сферу под личный контроль. Республиканские органы власти (сенат и комиции) оказались полностью отстранены от решения военно-политических и военно-стратегических вопросов. В соответствии с союзнической договоренностью триумвиры получили полную свободу внешнеполитических действий и заключения договоров, «с кем каждый

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org заочет» (App. В. С., V, 62). Они объявляли войны, организовывали военные экспедиции и заключали мир, не согласуя свои решения не только с республиканскими органами власти, но даже друг с другом (Plut. Ant., 3750; 53; App. Illyr., 13; 1528; Dio Cass., XLIX, 24–31; 35–38). В провинциях, выделенных Октавиану, Антонию и Лепиду под персональный империй, каждый из них чувствовал себя совершенно независимо и суверенно.

Особенно важно подчеркнуть, что широчайшие полномочия триумвиров в военной сфере способствовали развитию важнейшей имперской тенденции: главным орудием и опорой власти и гражданского порядка стала выступать армия. Показателем этого является факт присяги, принятой Октавианом в 32 г.: в это время он уже не являлся триумвиром и не имел консульского империя, который позволял бы ему осуществлять власть в сфере *domi*. Присяга легионов стала единственной основой его государственно-правового положения (RGDA, I, 16–17). Можно предположить, что подобную присягу принесли и солдаты Антония, но прямых сведений об этом у нас нет. Наличие подобной прочной взаимозаинтересованной связи триумвиров и их легионов было очевидно уже для современников. Более того, у Аппиана есть пространное рассуждение о том, что в то время солдаты считали себя не состоявшими на службе у государства или даже отдельных политических лидеров, а помощниками своих полководцев (App. В. С., V, 13; 17): #с_673.

Экстраординарный империй, предоставленный триумвирам по закону Тиция, предполагал и высшую административную власть как в сфере центрального, так и местного управления. В период II триумvirата центральный республиканский аппарат власти формально продолжал функционировать: собирались сенат и комиции, избирались должностные лица. Но вся эта система оказалась под контролем триумвиров. Имея в виду их титулатуру – *tres viri rei publicae constituendae*, можно предположить, что они обладали правом выступать в сенате – *ius senatus habendi* – и обращаться к народному собранию – *ius cum populo agendi*. В связи с этим они получили возможность активной законодательной инициативы, а также возможность организовывать и направлять работу центральных республиканских органов власти (App. В. С., IV, 20; 32). Взаимоотношения триумвиров с сенатом определял и тот факт, что в результате проскрипций и военных действий наиболее непримиримые республиканцы были физически уничтожены (App. В. С., IV, 135; Tac. Ann., I, 2), и большинство действовавших сенаторов по своей политической ориентации были сторонниками триумвиров. Известно, что Антоний во время первого консульства (44 г.) активно способствовал проникновению в сенат своих приверженцев. Современники называли их «замогильными сенаторами» (Suet. Aug., 35). Когда, по данным Диона Кассия, в 39 г. триумвиры предприняли сверку списка сенаторов – *lectio senatus*, выяснилось, что к этому времени сенат пополнился «пестрыми людьми, солдатами, сыновьями отпущенников и даже рабами» (Dio Cass., XLVIII, 34, 4). Вероятно, это были люди, связанные с триумвирами личными отношениями. Не случайно в период открытой конфронтации Октавиана и Антония сенаторы разделились на две части приблизительно следующим образом: 300 человек отправились к Антонию в Египет, 700 человек остались с Октавианом (RGDA, 5, 6–8). На этом фоне показательным является тот факт, что за время существования триумvirата мы не находим в источниках ни одного примера противостояния сената воле триумвиров. Более того, если триумвиры и обращались в сенат за санкциями, они получали утверждение не только того, что сделано, но и того, что предстояло предпринять (App. В. С., V, 75).

Большое значение в развитии отношений триумвиров и сената имело ограничение юридических полномочий последнего. Еще в 44 г. по инициативе Антония для осуществления судопроизводства была создана третья декурия. *Lex de tertia decuria* устанавливал, что «всякий, кто начальствовал в войсках, пусть и будет судьей... (Он включил) в число судей также и рядовых солдат из легиона жаворонков», т. е. из солдат Трансальпийской Галлии, лишь при Цезаре получивших права римского гражданства. Таким образом, суды на 1/3 стали пополняться отставными центурионами-цезарианцами (Cic. Phil., I, 20; ср.: Cic. Phil., XIII, 5). Другой закон Антония предоставлял людям, осужденным за насильственные действия (*crimen de vi*) или оскорбления величия (*crimen de maiestate*, *crimen minute maiestatis populi Romani*), право провокации к народу [92 – Прежде *crimen de vi* карались Плавциевым законом 89 г., если исходили от магистрата, и Лутациевым законом 78 г., если исходили от частного лица; *crimen de maiestate*, *crimen minute maiestatis populi Romani* – Аппиевым законом 103 или 100 г., Бариевым законом 90 г., Корнелиевым законом (*Quaestio perpetua de maiestate*) 81 г.]. По мнению Цицерона, реального права провокации этот закон не давал, зато уничтожал два важных

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org суда (Cic. Phil., I, 21–22). Он изымал из-под контроля сената такие важные аспекты политики, как самоуправство магистратов, сопротивление властям, неудачное командование войсками, выезд из провинции без разрешения сената, самочинное объявление войны, плохое выполнение обязанностей вообще. В этом смысле, безусловно, закон Антония развязывал руки магистратам и полководцам.

Судя по всему, в период II триумvirата эти законы оставались в силе. Однако важнее, на наш взгляд, то, что и в судебной сфере триумвиры действовали, исходя не столько из норм формального права, сколько из реального положения. Мы уже неоднократно отмечали, что в силу экстраординарного характера, полученного триумвирами империя, они были свободны от действия принципов *provocatio ad populum* и *intercessio tribunicia*, поэтому обладали возможностью выносить любое наказание, накладывать всевозможные штрафные санкции и т. п.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что судебная компетенция триумвиров и в Риме, и в Италии, и в провинциях осуществлялась на основе одного и того же империя (Plut. Ant., 23; App. V. C., V, 7). Триумvirат был утвержден как коллегиальная магистратура, члены которой должны были руководствоваться принципом *par potestas*. Это касалось и осуществления судебных полномочий. В источниках мы практически не встречаем сообщений о том, что триумвиры оспаривали судебные решения друг друга. Только когда в 36 г. триумvirат фактически уже распался и отношения Антония и Октавиана резко обострились, Антоний попытался опротестовать в сенате решение Октавиана о лишении Лепида власти и гражданского достоинства (Plut. Ant., 55). Однако попытка оказалась безуспешной.

Если сенат оказался под непосредственным влиянием триумвиров и их ставленников, то народное собрание действовало в условиях сильнейшего давления легионов, объединенных под командой Октавиана, Антония и Лепида. Аппиан подчеркивал, что с образованием II триумvirата Рим наполнился вооруженными отрядами, а закон Тиция был принят комициями среди войск (App. V. C., IV, 7). Таким образом, политическая инициатива сената и народного собрания оказались сведены до формального уровня. Показателем их пассивности и недееспособности является следующий факт: в конце 42 г. Фульвия обращалась к общественному мнению с упреками в адрес Октавиана и Лепида, в руках которых, по ее мнению, оказались сконцентрированы все государственные дела, а сенат и народ не могут противостоять их воле (Dio Cass., XLVIII, 4, 1). Предоставленный триумвирам империя позволял им активно влиять на функционирование исполнительной власти. К сожалению, источники смутно освещают эту сторону деятельности триумвиров. Античных авторов интересовала прежде всего внешняя сторона событий, на процессуальные и формально-юридические аспекты они практически не обращали внимания. Кроме того, формальная сторона, вероятно, мало интересовала и самих триумвиров. Исходя из разрозненных данных античной традиции, мы можем говорить, что республиканская структура исполнительной власти сохранилась: действовали консулы, преторы, квесторы, эдилы (Plut. Cic., 49, 1; Suet. Aug., 27, 3; 4; App. V. C., IV, 35; 45; 50; V, 20; Dio Cass., XLVIII, 54, 4). В числе проскрибированных упоминаются люди, выполнявшие различные магистратуры (App. V. C., IV, 18; Dio Cass., XLVI, 55, 3; XLVII, 19, 4). Однако с оформлением II триумvirата исполнительная власть претерпела серьезные деформации. Следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, выдвижение на должности осуществлялось против традиционного права, прежде всего, по инициативе триумвиров (Plut. Ant., 30; App. V. C., IV, 38). Кроме того, уже в Бононии триумвиры договорились назначить магистратов на ближайшие 5 лет, т. е. до 38 г., и сразу же, поскольку Октавиан сложил с себя консульские полномочия, на оставшуюся часть года вместо него консулом был назначен Вентидий (App. V. C., IV, 2). Затем по условиям соглашения 39 г. консулы вновь были избраны на несколько лет вперед: по данным Аппиана – на 4 года (на 31–34 гг. – App. V. C., V, 73), по данным Диона Кассия – на 8 лет (38–31 гг. – Dio Cass., XLVIII, 35, 1; L, 10, 1) [93 – Современные исследователи совершенно справедливо замечают, что право рекомендации и назначения должностных лиц на много лет вперед продолжает практику Юлия Цезаря, см.: Jehne M. Der Staat des Dictators Caesar. Köl;n, 1987. S. 110–112; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 45.]. Во-вторых, за годы II триумvirата, более чем при Сулле и Цезаре, снизился престиж консульской власти. Триумвиры часто прибегали к назначению консулов-суффектов (Vell., II, 76, 4; Suet. Aug., 26, 3; Dio Cass., XLVII, 15, 2; XLVIII, 32, 1; 35, 2). Причем иногда люди оставались в должности всего несколько дней и даже часов. Это говорит о нестабильности

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
ординарной исполнительной власти и зависимости всей республиканской
потестарной системы от воли триумвиров. В-третьих, в силу специфического
характера триумвирского империя исполнительная власть оказалась под
тотальным контролем триумвиров. Более того, они договорились, что либо сами
будут поочередно занимать государственные должности, либо назначать на них
своих друзей или родственников (Plut. Ant., 30). Известно, что Лепид
получил консулат на 42 г. (Suet. Tib., 5; App. B.C., IV, 3), одним из
консулов 41 г. был брат Антония – Луций (Liv. Per., 125; Vell., II, 74, 2;
Suet. Aug., 14; App. B. C., V, 14), Октавиан (Suet. Aug., 26, 2) и Антоний
(App. B. C., IV, 38) исполняли консульские обязанности, оставаясь в
должности триумвиров.

Следствием этих деформаций стало очевидное падение авторитета
республиканских органов власти. По существу, шло их активное вытеснение
автократическим правлением триумвиров. Однако II триумвират не уничтожал
республику. Он являл собою власть, стоявшую над нею.

Произвольный и абсолютно авторитарный стиль правления триумвиров
проявлялся, кроме всего прочего, в том, что они осуществляли свою власть не
на основании принятых комициями и утвержденных сенатом законов, а через
эдикты. Известны эдикты: о проскрипциях 43 г. (App. B. C., IV, 8–11), о
праве вступления в конфискованное имущество 43–42 гг. (Dio Cass., XLVII,
14, 5), о системе налогообложения 43 г. (App. B. C., IV, 32; 34), об
амнистии Мессалы 42 г. (App. B. C., IV, 38.), о раздаче земли и привилегиях
ветеранов 43–42 гг. (Dio Cass., XLVII, 16,1), эдикт Лепида о собственном
триумфе 43 г. (App. B. C., IV, 31).

Еще одной новацией практической политики триумвиров было появление
элементов внереспубликанского управленческого аппарата. Основа формирования
новой администрации была заложена принятой взаимной договоренностью
Октавиана, Антония и Лепида о праве выполнять консульские обязанности в
свое отсутствие в Риме через любого из друзей (App. B. C., V, 73). Такое же
право по условиям Мизенского договора было предоставлено и Сексту Помпею
(39 г. – App. B. C., V, 72). Опираясь на полученное право, триумвиры
неоднократно давали поручения государственно-административного и даже
военно-политического свойства своим друзьям и родственникам. У Аппиана есть
сведения о том, что Октавиан по возвращении в Рим в 42 г. показал друзьям
Антония письмо, на основании которого те должны были сделать необходимые
распоряжения по поводу легионов и наместников провинций, связанных лично с
Антонием (App. B. C., V, 12). В этом же отношении хорошо известна не только
общественная, но и политическая деятельность Мецената (Vell., II, 88, 2–3;
Dio Cass., LV, 7; LVI, 43), положение которого И. Бляйкен справедливо
определил как прототип *praefectus urbi*: #с_674. Важно подчеркнуть, что
подобные функции не имели магистратского характера и осуществлялись на
основе личных отношений того или иного функционера с триумвирами. Это
позволяет сделать два взаимосвязанных вывода. Во-первых, в условиях
активного оформления имперской территории возникновение внереспубликанского
административного аппарата стало жизненной необходимостью. Во-вторых,
практическая политика триумвиров наметила формы и методы создания имперской
бюрократии.

Характеристика полномочий триумвиров в административной сфере будет
неполной, если не обратиться к проблеме местного – муниципального и
провинциального управления. Октавиан, Антоний и Лепид управляли Италией и
провинциями самостоятельно, без участия сената и без опоры на народное
собрание. Единичные упоминания в источниках об обращении Антония (App. B.
C., V, 75) и Октавиана (App. B. C., V, 28; 130) к сенату и комициям лишь
подчеркивают этот факт. Основные принципы муниципальной и провинциальной
политики триумвиров были определены условиями бононской договоренности:
провинции были распределены между Октавианом, Антонием и Лепидом; Италией
они должны были управлять консолидировано (43 г. – App. B. C., IV, 243; Dio
Cass., XLVI, 55). За время существования триумвирата между союзниками было
заключено пять соглашений, и все они по существу касались вопроса
распределения провинций (наряду с соглашением в Бононии, в 42 г. – App. B.
C., V, 3; Dio Cass., XLVIII, 1, 3; в 40 г. – Plut. Ant., 30; App. B. C., V,
65; Dio Cass., XLVIII, 28, 3; в 39 г. – App. B. C., V, 72; в 37 г. – App.
B. C., V, 95).

Это был чрезвычайно важный аспект административной политики, т. к.
наместничество в той или иной провинции определяло степень влияния
наместника в Риме. Наиболее важными в военно-стратегическом отношении были

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org наместничества в Галлиях и Испании, т. к. здесь находились значительные воинские контингенты. Восточные провинции занимали существенное положение в фискальной политике. От африканских и островных наместничеств зависело снабжение Рима и Италии хлебом. О том, насколько важную роль играли провинции в политике и положении триумвиров, говорят факты перемещения и передачи провинциальных наместничеств из одних рук в другие. Постепенно в результате раздела провинций возникло своего рода три крупных территориальных наместничества, которые объединяли римские провинции под одним империем. Показательно, что в 27 г. Октавиан, как наследник триумвиров, объединил 20 провинций и заявил о *res publica restituta*: #с_675. В этом жесте получило отражение официальное оформление территориальной державы, основные контуры которой были, однако, намечены II триумвиратом.

Все вопросы, связанные с административно-территориальной организацией в провинциях, триумвиры решали самовластно. Так, Антоний, оказавшись в 42 г. в Азии, устанавливал границы административных округов, распределял налоги и предоставлял финансовые льготы, формировал структуру местного управления (App. В. С., V, 7).

По своему усмотрению триумвиры назначали и смещали правителей союзных государств. В 39 г. Антоний устроил все восточные дела согласно собственным интересам: в Понте, Идумее и Самарии, Писидии и части Киликии он посадил на престолы тех царей, которых считал нужными (App. В. С., V, 75). В 37 г. также самовластно им был захвачен и обезглавлен иудейский царь Антигон (Plut. Ant., 36). В 34 г. Клеопатра и ее дети получили от Антония огромные территории, в том числе и римские провинции – Кирену, Кипр и Сирию (Plut. Ant., 54, 6–7; Dio Cass., XLIX, 41, 1–3). «Александрийские дарения» вовсе не означали, что Антоний пренебрег политическими интересами Рима, как это пытался представить Октавиан (Plut. Ant., 54; Dio Cass., XLIX, 41, 4–5; L, 5, 1; Plin. Н. Н., XXXIII, 50): #с_676 и как это иногда пытаются представить современные исследователи: #с_677. Нам кажется совершенно оправданным мнение о том, что Антоний выполнял на востоке первоочередные задачи, стоявшие перед триумвирами: #с_678. Разумеется, нельзя отрицать очевидное: он действовал в соответствии со своими субъективными качествами: #с_679, открыто проявляя при этом свойство триумвира бесконтрольно и безотчетно принимать решения. Хотя в сложившейся ситуации немаловажное значение мог иметь и другой фактор: стремление опереться в своей политике противостояния Октавиану не на римско-италийское гражданство и его поддержку, а на ресурсы и поддержку эллинистических монархов. Этот выбор был сделан им скорее под давлением обстоятельств, чем по субъективным причинам: #с_680. [94 – Заманчивое предположение высказал в связи с этой проблемой А. П. Беликов: поведение Антония в решающем сражении с Октавианом у Акция можно объяснить тем, что он боялся вместе с потерей Клеопатры потерять Египет – главный свой оплот на востоке. См.: Беликов Л. П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 375.]

Наместниками отдельных провинций триумвиры ставили своих сторонников, не согласуя их кандидатуры ни друг с другом, ни с республиканскими органами власти. Так, после победы в Перузинской войне Октавиан распределил заальпийские провинции между своими сторонниками (App. В. С., V, 51). Чрезвычайно показательна история наместничества в провинции Африка. По бононскому соглашению она была включена в зону контроля Октавиана. Наместник соседней Нумидии цезарианец Секстий (App. В. С., IV, 53–56) потребовал от Корнифиция, направленного в Африку сенатом, выполнения решений триумвиров и передачи провинции под его контроль. По сведениям Аппиана, Корнифиций заявил, что о разделе провинций, устроенном триумвирами, ему не известно и власть, полученную им от сената, он без решения сената никому не уступит (App. В. С., IV, 53). Между претендентами на наместничество началась никем не санкционированная война, победителем в которой оказался Секстий. В течение 42–40 гг. контроль над провинцией неоднократно предоставлялся сторонникам Октавиана. В 41 г. наместник Африки Фуфидий Фангон отказался сложить полномочия и передать наместничество своему преемнику. В провинции вновь началась война теперь уже между сторонниками триумвиров. В 39 г. по брундизийскому соглашению Африка была передана Октавианом под контроль Лепида, а в 36 г. по итогам войны с Секстом Помпеем новому наместнику (Liv. Per., 129; Suet. Aug., 16, 4; App. В. С., V, 26; 53; 65; 129). Приведенные нами примеры особенно важны в том плане, что они указывают на персональную основу взаимосвязи триумвиров с наместниками провинций. Чрезвычайно важным моментом в провинциальной

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
политике триумвиров был вопрос о гражданстве. Пытаясь укрепить свое положение и противостоять коллегам по триумвирату, каждый триумвир, вероятно, прибегал к практике предоставления населению провинций гражданских прав (Vell., II, 60, 4). Еще до образования II триумvirата Цицерон обвинял Антония в том, что он растратил из государственных средств и личных накоплений Цезаря 700 млн. сестерциев, осуществляя «рыночный торг землями, городами, льготами и податями» (Cic. Phil., II, 35; 93); «льготы предоставлялись уже не отдельным лицам, но даже целым народам; гражданские права предоставлялись уже не отдельным лицам, а целым провинциям» (Cic. Phil., II, 92). Известно также, что воиныцезарианцы по окончании службы получали гражданские права. Поскольку после Филиппа воинские наборы стали осуществляться не только в Италии, но и за счет провинциального населения, практика предоставления гражданства приобрела, видимо, массовый характер. В контексте провинциальной политики это имело особое значение: кроме того, что способствовало утверждению проримских настроений, становилось мощным фактором, определявшим взаимозависимость и взаимосвязь провинциального населения с римской центральной властью в лице триумвиров и формировавшим имперские отношения.

Таким образом, провинциальная политика триумвиров соответствовала развивавшейся территориально-державной тенденции: в провинциях постепенно выстраивалась иерархия власти, в основе которой лежала традиционная система местного управления, находившаяся под контролем римских наместников, а границы последнего определяли триумвиры: #с_681.

Под контроль союзников попали не только военная и административная, но и финансовая сфера римского государства: сенат не мог самостоятельно распоряжаться денежными средствами, деньги из эрария не могли быть потрачены без ведома триумвиров. Накануне образования II триумvirата финансовое положение в Риме было крайне тяжелым. Государственная казна в ходе постоянных гражданских войн истощилась. Средств на содержание огромных воинских контингентов не хватало. Даже на обеспечение легионов, находившихся под командой республиканцев, сенат не мог предоставить серьезных дотаций (Cic. Ad Brut., II, 4). И это притом, что налоги на 43 г., по сообщению Диона Кассия, достигли 4% обложения доходов, а обложение каждой черепицы составило 2 / сестерция (Dio Cass., XLVI, 31, 3). В подобной ситуации полководцы были вынуждены или брать содержание легионов на себя, или привлекали для этого частные средства. Октавиан, заявив свои политические претензии в качестве наследника Цезаря, израсходовал на формирование собственной армии и привлечение на свою сторону цезарианских легионов и все свое состояние, и имевшую у него часть полученного наследства (Plut. Brut., 57; ср.: Suet. Aug., 10, 3). Децим Брут вынужден был платить солдатам из своих средств и просить финансовой помощи у друзей (Cic. Ad Fam., XI, 10, 5). Марк Брут получил на содержание легионов, находившихся под его командованием, 400 тыс. сестерциев от Тита Помпония Аттика – близкого друга Цицерона (Nepos. Att., 8, 6).

Положение триумвиров осложнялось тем, что к моменту их прихода к власти налоги с самой богатой провинции – Азии – были переданы сенатом Марку Бруту и Гаю Кассию (App. V. C., IV, 5). Вся Малая Азия была официально обложена десятилетней данью и уже выплатила республиканцам необходимую сумму (App. V. C., IV, 74). Кроме того, республиканцы на правах победителей (они вынуждены были вести военные действия с уже действовавшими в провинциях наместниками-цезарианцами) производили дополнительные денежные сборы с малоазийского населения. В качестве дани из азиатских городов было выкачано колоссальное количество средств. Брут, например, потребовал с жителей ликийского города Ксанф такую огромную сумму, что они, будучи не в состоянии ее выплатить, совершили коллективное самоубийство (Philo. Quod omnis probus., 118–120; ср.: App. V. C., IV, 80). Потрясающую картину сопротивления жителей Ликии фискальной политике республиканцев нарисовал Плутарх (Plut. Brut., 30–31). В целом Брут собрал с ликийцев 150 талантов (Plut. Brut., 32). В трагическом положении оказались жители Тарса, на которых Кассий наложил взыскание в размере 1500 талантов. Не имея средств выплатить такую огромную сумму, жители города сначала продали все государственное имущество, затем перелили на монету всю священную утварь, в конце концов, дело дошло до того, что должностные лица стали продавать в рабство свободных граждан (App. V. C., IV, 64). Родос и Киликия были буквально разорены Кассием (App. V. C., IV, 73). Только с Родоса он собрал около 8 тыс. талантов серебра и золота. Кроме того, Кассий обязал жителей острова выплатить дополнительно еще 500 талантов (Plut. Brut., 32).

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org для получения дополнительных доходов Брут и Кассий продавали в рабство жителей целых городов. Например, в Иудее Кассий продал в рабство жителей четырех городов. Собранные средства расходовались не столько на непосредственные и необходимые нужды армии, сколько на подкуп солдат. Так, накануне сражения при Филиппах триумвиры выдали своим легионерам лишь по куску хлеба и по 5 денариев, а в армии республиканцев по центуриям распределили множество жертвенных животных и выдали по 50 денариев на человека (ср.: App. V. C., IV, 100–101).

В сложившихся обстоятельствах триумвирам приходилось изыскивать новые возможности для получения средств на содержание своих армий. Основная тяжесть налогового бремени легла на Италию и провинции. Плутарх указывал, что триумвирами были введены налоги всех видов (Plut. Ant., 21; ср.: App. V. C., IV, 96). Сведения Аппиана и Диона Кассия позволяют конкретизировать это общее указание. В 43 г. все землевладельцы были обложены налогом в размере годового дохода, причем 2% суммы налога следовало выплатить вперед (Dio Cass., XLVII, 14–17; ср.: Sic. Phil., II, 93). С квартиронанимателей и владельцев домов взимался годовой размер квартплаты (Dio Cass., XLVII, 14; ср.: App. V. C., IV, 5). По сообщению Аппиана, в 43 г. прямой налог на военные нужды составлял 1/50 часть имущества и размер годового дохода (App. V. C., IV, 34). В 42 г. триумвиры установили прямой налог на имущество сенаторов, всадников и вольноотпущенников в размере 1/10 части доходов (Dio Cass., XLVII, 16). В 40 г. было учреждено новое налогообложение на рабов и наследство (App. V. C., V, 67). Для обеспечения военных действий вводились косвенные налоги: на сенаторов «дорожный сбор» для починки дорог, на имущество знатных женщин с целью пополнения казны (App. V. C., IV, 32; 34). Кроме того, повсюду в Риме и Италии были размещены на постой легионеры (App. V. C., V, 47). Наконец, триумвиры обратились к завуалированному способу прямой конфискации: они предложили собственникам уступить 2/3 имущества взамен уплаты всех сборов.

В 42 г. с малоазийских городов Антоний потребовал выплаты денежного налога в размере 10-летней подати, но собрать ее следовало в течение одного–двух лет (App. V. C., V, 5; 6). Общее количество собранных с Малой Азии денежных средств составило колоссальную сумму – 1200 млн. денариев. По сообщению Плутарха, Антоний прибежал иногда к двойному взиманию налогов. Так, в 41 г. после того как азиатские города уже выплатили ему 200 тысяч талантов, он обложил их контрибуцией еще раз (Plut. Ant., 24). Октавиан после победы над Секстом Помпеем получил с жителей Сицилии контрибуцию в 10 млн. денариев.

Триумвиры собирали не только денежные, но и натуральные налоги (Dio Cass., XLVII, 17). Как собственным имуществом они распорядились ценностями и вкладами храмов в Риме и в провинциях (RGDA, 4, 4951; Plut. Ant., 21; App. V. C., V, 24).

Отчасти решением финансовых затруднений являлись проскрипции (Plut. Ant., 19; 21; 24; App. V. C., IV, 1; 5–30; Dio Cass., XLVII, 114). Так, Аппиан отмечал, что в проскрипционном эдикте были оговорены и солдатские интересы (App. V. C., IV, 10). Однако поскольку средства от реализации имущества проскрибированных шли не в государственную казну, а в частные руки, доходы от проскрипций были незначительными, во всяком случае, гораздо меньше ожидаемых (App. V. C., IV, 31; Dio Cass., XLVII, 17; ср.: App. V. C., IV, 99): #с_682. В исторической литературе вопрос о том, какое место занимали проскрипции в практической политике триумвиров, рассматривается почти однозначно: проскрипции должны были не только удовлетворить личную вражду Октавиана, Антония и Лепида и обезвредить их общих политических противников, но и покрыть колоссальный недостаток средств для организации армии и военных действий. При этом общем подходе современные исследователи все же считают возможным разделять эти задачи и рассматривают проскрипции порой как средство извлечения финансовой прибыли: #с_683, порой как способ решения основных социально-политических задач: #с_684. На наш взгляд, проскрипции были важнейшей составляющей политической программы триумвиров, направленной главным образом на утверждение собственной власти. Еще древние отмечали, что толчком к образованию II триумvirата было не столько стремление Октавиана, Антония и Лепида удовлетворить экономические запросы своих легионеров, сколько известие о концентрации сил республиканцев (App. V. C., III, 96), а суть новых гражданских столкновений состояла в борьбе за государственное управление (App. V. C., IV, 33; V, 12). Следовательно, на борьбу с политическими противниками был направлен и сам триумvirат, и все проводимые триумвирами мероприятия, в том числе и проскрипции. Ими двигало желание уничтожить оппозицию, в каких бы формах она не проявлялась. Кроме

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org того, проскрипции имеют сильный отпечаток личной мести триумвиров своим политическим оппонентам.

В целом, несмотря на разрозненность и ограниченность источников о полномочиях триумвиров, можно составить картину их власти. При этом возникает два важных представления. Во-первых, в осуществлении стоявшей перед триумвирами задачи установить порядок в государстве они не могли обойтись без существовавших республиканских органов управления. Однако в своем стремлении утвердить собственную власть триумвиры, насколько это было возможно, деформировали республиканские структуры. Важнейшие деформации касались системы римских магистратур: триумвиры дискредитировали выборы должностных лиц, снизили престиж магистратской власти и подчинили ее собственной воле. Сенат и выборные комиции оказались под личным контролем триумвиров, политическая инициатива этих органов римской республиканской власти была значительно ограничена. Во-вторых, ситуация 43 г. и последовавшая гражданская война показывают, что римское гражданство утратило фактические властные полномочия, государственно-правовые функции оказались сосредоточены в руках триумвиров. Они осуществляли свои полномочия на основе особого экстраординарного империя и не только конкурировали с республиканскими органами власти, но противостояли им. Таким образом, II триумvirат, с одной стороны, сосуществовал с республиканской властью, с другой – стоял над ней: #с_685. Это было узурпированное и закрепленное с помощью *lex Titia* всевластие.

От исходных моментов, определяющих положение триумвиров, обратимся к области их социальной политики. Она была направлена на обеспечение главной цели – дальнейшем закреплении собственного положения в государственно-политическом механизме римского государства – и осуществлялась в два этапа: сначала в условиях борьбы с антицезарианской политической оппозицией, затем – друг с другом.

На первом этапе социальная политика приобрела деструктивный характер и была направлена на подавление всяческой оппозиции. Одним из главных социально-политических мероприятий этого периода стали проскрипции, осуществление которых было намерено одновременно с образованием II триумvirата. Античные авторы возлагали морально-политическую ответственность за эту акцию главным образом на Лепида и Антония, а роль Октавиана затушевывали (Suet. Aug., 27; Dio Cass., XLVII, 7,12; 8,1; Flor. Ep. bell., II, 16 b, 23–26). Веллей Патеркул например, подчеркивал, что именно Лепид и Антоний инициировали проскрипции, «в то время как Цезарем (Октавианом) оказывалось сопротивление – *repugnante Caesare*» (Vell., II, 66, 1–5). Более того, главную роль в организации террора Веллей, как выразитель официальной идеологии раннего принципата, отводил Антонию, «преступлением (которого) народный голос стал невозможен – *abscisaque scelere Antonii uox publica est*». Октавиана к участию в проскрипциях, по мнению античного автора, вынуждали союзнические договоренности (Vell., II, 66, 2).

Некоторые современные исследователи воспринимают такую оценку античной историографии как вполне обоснованную и адекватную. Например, В. Н. Парфенов считает, что Октавиан вообще не был заинтересован в проскрипциях, поскольку опасался, что террор обрушится на верхушку римского общества и приведет к дезорганизации всей социальной жизни: #с_686. А Я. Ю. Межеричкий утверждает, что проскрипции вообще были «противны... республиканским стереотипам» Октавиана: #с_687. Однако в историографии вопроса Нового времени подобные характеристики являются скорее исключением, чем правилом: большинство авторов не снимает с Октавиана ответственности за проскрипции: #с_688. Думается, что террор был вполне адекватен его политическим планам. Как магистрат, облеченный высшим империем и обладавший реальной силой в лице армии, он мог организовать социально-политическую ситуацию в Риме в соответствии с собственной волей. Проявлением этой воли стали террор и насилие.

Еще одна важная проблема возникает в связи с проскрипциями триумвиров – имели ли они законное основание. В античной традиции нет свидетельств того, что современники сомневались в их законности. Даже республиканцы – противники триумвиров, осуждая проскрипции, рассматривали их как составную часть программы по исправлению государственных дел (App. B. C., IV, 95). Античные историографы подчеркивали, что проскрипции имели свое основание в идее мести за смерть Цезаря и в связи с этим мести за личные обиды, причиненные его наследникам и сторонникам, т. е. триумвирам (App. B. C.,

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org IV, 8–11). В современной историографии по вопросу о законности проскрипций высказаны два противоположных мнения. Еще Т. Моммзен считал, что в силу военного империя триумвиров, на который не распространялось право провокации, они имели законное основание для осуществления проскрипций: #с_689. Этот взгляд впервые наиболее отчетливо оспорил В. Гардтхаузен: #с_690. Наш анализ этой проблемы опирается на следующие обстоятельства. Во-первых, судя по данным источников, решение о проведении проскрипций было принято и составление проскрипционных списков началось до принятия *Lex Titia*, т. е. еще до предоставления триумвирам формально-правовой основы власти (App. V. C., IV, 3; 5). В этой связи кажется совершенно неслучайной оговорка Аппиана о том, что, оглашая перед легионами итоги соглашения в Бононии, Октавиан умолчал о проскрипциях. Во-вторых, первые террористические меры, направленные против наиболее влиятельных римских граждан, были осуществлены вообще вне официальной акции. Аппиан обратил внимание на сомнительность ситуации: когда в городе началась резня, коллега Октавиана по консулату Педий не знал, как следует на это реагировать (App. V. C., IV, 6). По существу это был открытый террор, направленный против личных оппонентов будущих триумвиров и антицезарианцев в целом. Наконец, заметим, что накануне принятия закона Тиция официально высшим военным империем – *imperium consulare* – в Риме обладал лишь Октавиан; Антоний и Лепид имели проконсульский империй (App. V. C., III, 96; Dio Cass., XLVI, 52). По римской конституции консул имел право осуществлять свои военные полномочия лишь за пределами померия и не мог распространить нормы военного лагеря на гражданское население, а проконсульский империй в самом Риме вообще не мог быть реализован. Только *Lex Titia* предоставлял политическим союзникам формально-правовую основу власти – равный экстраординарный империй, который распространялся и на сферу *militia*, и на сферу *domi*.

Таким образом, организация проскрипций – принятие решения и первые карательные мероприятия – была по существу лишена законного основания: #с_691, представляла собой ряд террористических актов, направленных против политических противников триумвиров, продолжала и развивала имевшуюся в римской истории тенденцию, заложенную марианским террором и проскрипциями Суллы. *Lex Titia* придал им формально-юридическое основание и закрепил террор и насилие как государственную политику. Впрочем, этот общий вывод, на наш взгляд, должен быть дополнительно скорректирован: даже после правового оформления триумвирата действия Октавиана, Антония и Лепида выходили за рамки римской конституции, т. к. предоставленный им империй находился, по существу, вне этих рамок.

Специальный проскрипционный эдикт триумвиров (App. V. C., IV, 8–11) придавал проскрипциям организованность и политический смысл: #с_692. Этим эдиктом от лица государства предоставлялось право преступать все основы римской жизни, все республиканские нормы и традиции, добиваться личной выгоды, не сообразуя свои поступки ни с чьими интересами, кроме интересов триумвиров. Рабам, например, выдавшим господина, предоставлялись свобода, гражданские права и материальное вознаграждение в 10 тыс. драхм. Римские граждане получили право не только доносить на своих сограждан, но и лично убивать проскрибированного или заподозренного в том, что человек внесен в проскрипционные списки (App. V. C., IV, и).

Проскрипции задумывались и проводились как широкомасштабная акция. Они были направлены и против отдельных политических лидеров, и против определенных социальных групп, и против гражданского общества в целом. Число погибших в результате проскрипций в источниках определяется по-разному. Точную цифру проскрибированных не могли назвать уже сами современники. Это и понятно. Первый проскрипционный список состоял, по неточным сведениям античных историков, из 12 или 17 имен (App. V. C., IV, 6; 7). В ночь с 27 на 28 ноября 43 г. он был дополнен еще 130 именами, а спустя некоторое время еще 150 (App. V. C., IV, 7). В целом, по свидетельству Аппиана, пострадали 300 сенаторов и 2 тыс. всадников (App. V. C., IV, 5). Ливии говорил о 130 сенаторах и множестве всадников (Liv. Per., 120). Плутарх определял цифру пострадавших сенаторов от 200 до 300 человек (Plut. Ant., 20; Cic., 46; Brut., 27), а Флор – в 140 человек (Flor. Ep. bell., II, 16 b, 11–14). Были физически уничтожены не только принципиальные республиканцы, такие как Марк Туллий Цицерон (Liv. Per., 120; Plut. Cic., 48; Vell., II, 66,1; App. V. C., IV, 19; 20; Dio Cass., XLVII, 8; Tac. De orat., 17), но и сторонники примирения между цезарианцами и приверженцами республики. Аппиан, передавая содержание эдикта триумвиров о проскрипциях, подчеркивал, что пострадать должны были и те, кто занимал среднюю позицию (App. V. C., IV, 10). Ни узы кровного родства, ни отношения дружбы и гостеприимства, ни сословие, ни

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
положение человека в обществе не спасали от проскрипций: в числе проскрибированных оказались дядя Антония – Луций Юлий Цезарь, брат Лепида – Луций Эмилий Павел, опекун и воспитатель Октавиана – Гай Тораний[95 – Некоторые исследователи не без основания считают, что внесение родственников в проскрипционные списки было демагогическим приемом: приговоренным удалось избежать наказания (App. В. С., IV, 37), см.: Машкин Н.Л. Принципат Августа. С. 188; Туркина Л. Г. Прокрипции второго триумвирата... С. 9; Syme R. The Roman Revolution. P. 188.]

Прокрипции являлись по существу выражением и целей и методов социальной политики триумвиров. Первыми в проскрипционный список были внесены те, кто обладал высшим империем, кто имел влияние в народном собрании или пользовался моральным авторитетом. Аппиан отмечал, что «первыми в Риме были убиты народный трибун Сальвий, преторы Минуций и Анналис, бывший претор Тураний» (App. В. С., IV, 17; 18; ср.: Vell., II, 64, 4). В этом же первом списке оказался и Цицерон. Аппиан настаивал, что это произошло случайно. Однако думается, что в данном случае в очередной раз на мнение античного историка оказала влияние официальная традиция периода раннего принципата. Чтобы ни говорили античные историки, опирающиеся на официальную версию междоусобной войны между Октавианом и Антонием, вряд ли Октавиан яростно защищал Цицерона: последний неизбежно должен был вызывать в Октавиане чувство долга и напоминать о его коварстве и вероломстве: #с_693.

В целом за всеми этими фактами следует видеть прежде всего четко спланированную и продуманную политическую акцию. Наряду с тем, что триумвиры таким образом ликвидировали возможность организации реального отпора собственному самовластию, они решали еще одну важную задачу: уничтожение проскрибированных магистратов позволяло триумвирам поставить под личный контроль республиканские органы власти.

Следующими в проскрипционные списки были внесены республиканцы, их сторонники и, как сообщают современники, те, кто был просто богат и не имел никаких политических ристрастий (Suet. Aug., 70; App. В. С., IV, 29). Таким образом, триумвиры стремились подавить возможность идеологической оппозиции и любого проявления недовольства, с тем чтобы не осталось людей, способных жить и думать независимо. А оставшиеся в живых должны были отчетливо осознать, что основой их экономического и общественного положения, да и самой жизни, является повиновение воле триумвиров.

Наконец, количество проскрибированных увеличивались за счет того, что сторонники триумвиров произвольно включали в списки всех неугодных им людей. Сами триумвиры потакали им в этом, поощряли самые низменные их желания. Потрясающую картину развернувшегося насилия нарисовал Аппиан (App. В. С., IV, 4–20). Нам представляется, что это не было проявлением простой зависимости триумвиров от окружения. Исходя из того, какой масштаб приняли в Риме и Италии произвол и анархия, можно говорить о заинтересованности триумвиров в подобном положении дел. Это давало им возможность разделить ответственность за проскрипции с огромной массой своих сторонников, еще более усилить зависимость последних и создать особую среду для осуществления своей авторитарной власти.

Таким образом, проскрипции, с одной стороны, укрепляли власть триумвиров, с другой – создавали широкую социальную среду, в которой эта власть могла осуществляться. Есть и еще одна важная сторона этой политики. Осуществление проскрипций и их результаты привели к тому, что римское гражданство окончательно перестало быть привилегированной кастой. Террор был направлен в равной мере на жителей Рима, Италии и даже провинций. Прокрипции стали элементом политики, которая, с одной стороны, сводила на нет привилегии, возвышавшие прежде римлян над неримлянами, и таким образом способствовала формированию унифицированного перед лицом авторитарной власти имперского населения; с другой – позволяла сохранять контроль и власть над гражданским населением и действовать независимо от республиканских органов власти.

Разгар проскрипций приходился на 43 – начало 42 г. Веллей Патеркул указывал, что с убийством Цицерона они почти завершились (Vell., II, 64, 4). По свидетельству других античных источников, становится ясно, что репрессии продолжались даже после разгрома республиканских армий при Филиппах (App. В. С., V, 72). В исторической литературе Нового времени распространенным является мнение, в соответствии с которым конец проскрипциям был положен Мизенским перемирием 39 г., заключенным между триумвирами и Секстом Помпеем. По условиям этого договора все

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org проскрибированные объявлялись амнистированными (Ног. Od., IV, 5; 19; Vell., II, 72, 23; Suet. Aug., 98; App. В. С., IV, 36; 43; V, 72): #с_694. Безусловно, Мизенский договор подвел определенную черту под тем, что было осуществлено триумвирами к этому времени. Однако, на наш взгляд, как любое официальное заявление триумвиров, так и это имело формальный характер. Оно имело значение не столько как правовой акт, сколько должно было продемонстрировать, что оппозиция уже не опасна. На это указывает и тот факт, что отдельные террористические акты осуществлялись и впоследствии. Так, по Светонию, даже когда Лепид объявил в сенате об окончании проскрипций, Октавиан сохранил за собой свободу в отношении их проведения, заявив, что *ita modum se proscribendi statuisse, ut omnia sibi reliquerit libera* – так установил границу проведения проскрипций, что за ним сохранялась полная свобода (Suet. Aug., 27, 2). Таким образом, Октавиан фактически продлил действие эдикта о проведении проскрипций, и любой насильственный акт с его стороны получал законное основание.

Отголоском борьбы триумвиров с оппозицией в Италии можно считать разгром движения Ветулина, объединившего всех недовольных социально-экономической политикой триумвиров, в том числе и проскрибированных, которым удалось скрыться от преследователей (конец 43 – начало 42 г. – App. В. С., IV, 25).

Перузинскую войну (41–40 гг. – Dio Cass., XLVIII, 5–13; 21) также можно рассматривать как борьбу с элементами оппозиции власти триумвиров в Италии. В этом суждении мы опираемся главным образом на три аргумента: во-первых, на заявление Светония о том, что Октавиан *consulto eum ad arma isse* – обдуманно пошел на войну, чтобы обнаружился *occulti adversarii* – тайные противники (Suet. Aug., 15); во-вторых, на тот факт, что Марк Антоний не сразу откликнулся на разворачивавшиеся события, хотя в войне принимали участие его брат Луций Антоний и жена Фульвия; более того, распространялись слухи, что действия своих родственников Антоний расценивал как открытую борьбу против общей власти триумвиров и осуждал (App. В. С., V, 31); в-третьих, после взятия Перузии Октавиан помиловал всех, кроме сенаторов, которые сначала были взяты под стражу, а затем казнены (App. В. С., V, 48). Обращают на себя внимание политические лозунги движения: восстановление прежней формы правления и уничтожение триумvirата (App. В. С., V, 30; 39; 42–43). Безусловно, они носили демагогический характер. Луций Антоний и Фульвия пытались использовать их для ослабления политического влияния Октавиана (ср.: App. В. С., V, 19) [96 – Г. Ферреро, хотя и говорил, что история Перузинской войны достаточно темная, очень прямолинейно связывал события с политическими планами Луция и Фульвии. Более того, он утверждал, что в 42–41 гг. Фульвия буквально управляла Римом, см.: Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 3. С. 149–151, 159.]. Однако выдвижение подобных лозунгов с целью активизации муниципального населения говорит о наличии в этой среде антитриумvirских настроений.

В основе оппозиционного движения италиков лежали экономические интересы (App. В. С., V, 27). В этом отношении мы согласны с теми исследователями, которые видят в событиях Перузинской войны не только намечавшееся политическое противостояние Октавиана и Антония, но и реакцию италийского населения на аграрную политику триумвиров: #с_695. Перузинская война не была проявлением сенатской оппозиции, как считают некоторые: #с_696, тем более выражением общего протеста: #с_697, борьбой за восстановление республиканских традиций: #с_698. Мы определили бы ее как проявление «левой» оппозиции триумвирам, направленной не против триумvirата как формы власти, а против крайностей социально-экономической политики, осуществляемой Октавианом от имени всех триумвиров. На это указывают события, ставшие эпилогом Перузинской войны: один из ее участников – претор 42 г. Тиберий Клавдий Нерон – даже после поражения Луция Антония продолжил борьбу. По данным Веллея Патеркула, он привлекал сторонников обещанием оказать «покровительство всем, кто потерял землю» (Vell., II, 75, 1). Замечательно то, что, по сведениям Светония, Клавдий Нерон пытался призвать к борьбе даже рабов, обещая им свободу (Suet. Tib., 4, 2). Это сообщение Светония очень важно. Известно, что рабов привлекали к участию в политических событиях в случаях наибольшей опасности для государства. Обращение Клавдия Нерона к рабам обнаруживает «социально-политический нерв» этого движения.

В провинциях оппозиция триумвирам была разгромлена в битве при Филиппах осенью 42 г. (Tac. Ann., I, 2, 1; Dio Cass., XLVII, 49). В результате этого сражения у республиканских органов власти не осталось реальной возможности противостоять той силе, которой располагали Октавиан, Антоний, Лепид и их

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org сторонники. Как писал Веллей Патеркул, «государство... замерло от ужаса: у всех – негодование и печаль, силы к сопротивлению ни у кого не было – torpebat... ciuitas; indignatio et dolor omnibus, uis ad resis-tendum nulli aderat» (Vell., II, 61, 1).

Империй триумвиров объединил Италию и почти все римские провинции в некое территориально-державное единство. За границами этого единства оставались лишь Сицилия, Сардиния и Корсика, подчиненные Сексту Помпею. Аппиан называл Секста Помпея последним «партийным» участником войны (App. В. С., V, 1). Современники были твердо уверены, что некоторые проскрибированные бежали к нему. Веллей Патеркул писал по этому поводу: «Обездоленным подходил любой предводитель, ведь судьба не предоставила выбора, но указала убежище – quippe nullum haben-tibus statum quilibet dux erat idoneus, cum fort una non electionem daret, perfugium ostenderet» (Vell., II, 72, 5). Сицилия, Сардиния и Корсика представляли своего рода анклав, объединивший недовольную политикой триумвиров и консервативно настроенную часть римско-италийского населения. Античная традиция обращает внимание и на экономическую (продовольственная блокада Италии – App. В. С., V, 15; 18), и на социально-политическую составляющую (проскрипции, военные колонии, последствия Перузинской войны – App. В. С., V, 24) этого недовольства. Триумвиры не могли допустить подобной нелояльности. Война с Секстом Помпеем стала в истории II триумvirата последним этапом борьбы с оппозицией (Liv. Per., 127129; Suet. Aug., 16, 13; App. В. С., V, 25; 93–122). Победа, одержанная Октавианом над Секстом Помпеем в 36 г., имела чрезвычайное значение: Рим, Италия и римские провинции оказались объединены единым империем триумвиров. Это было важным моментом в трансформации Римской республики в территориально-державную монархию.

Важную часть социальной программы триумвиров составляла политика колонизации и организации ветеранских поселений (App. В. С., V, 15). Осуществление этой политики позволяло решить несколько задач как тактического, так и стратегического характера. Во-первых, широко декларированные земельные раздачи позволили триумвирам на самых первых порах сконцентрировать военные силы для борьбы с политической оппозицией. Не случайно решение о выводе ветеранских колоний было принято на бононском совещании и тогда же объявлено войскам (App. В. С., IV, 3). Во-вторых, право наделения землей рассматривалось как возможность создания военной клиентелы, следовательно, широкой социальной опоры для укрепления политического влияния. В-третьих, колонизация Италии, судя по ее масштабам, должна была поставить муниципальное гражданское население под тотальный контроль триумвиров.

Выше мы уже отмечали, что Антоний обратился к колонизационной политике еще в 44–43 гг. В апреле–мае 44 г. он пытался вывести колонии ветеранов в Капуя (Cic. Phil., II, 100), а также в кампанский город Касилин (Cic. Phil., II, 102). Известно также, что Антоний провел аграрный закон – lex Antonia Cornelia de coloniis in agros deducendis. На основании имеющихся в нашем распоряжении источников невозможно восстановить полное содержание этого закона. Вероятно, за счет раздела некоторой части общественных земель и покупки частных (Cic. Phil., VIII, 26) предполагалось наделение землей ветеранов-цезарианцев (Dio Cass., XLV, 9), а для осуществления этого закона создавалась специальная комиссия из 7 человек – септемвират, в числе которых был и сам Антоний (Cic. Phil., VI, 14; Ad Att., XIV, 21, 2).

Настоящий размах колонизация получила начиная с 42 г., после победы триумвиров над республиканцами. Однако делать какие-либо конкретные выводы о ее масштабах довольно сложно, т. к. мы не располагаем точными количественными сведениями по этому вопросу. Мы знаем, что после победы Октавиана и Антония при Филиппах было принято решение о наделении участников сражения земельными участками (App. В. С., V, 3; 20; ср.: Liv. Per., 125). Антоний считал, что необходимо наделить землей и деньгами 28 легионов, т. е. 170 тыс. человек (App. В. С., V, 5; 22). Но по инициативе Октавиана земельные раздачи и конфискации, видимо, приобрели более масштабный характер. Накануне Перузинской войны Маний, управляющий делами Антония в Риме во время отсутствия последнего, обвинял Октавиана в том, что землей были наделены 34 легиона, т. е. более 200 тыс. человек (App. В. С., V, 22). Сам Октавиан отмечал, что он вывел в колонии или отпустил в муниципии более 300 тыс. человек (RGDA, 1, 17–19). Некоторые исследователи не доверяют этим цифрам. Так, В. Н. Парфенов, ссылаясь на подсчеты, например П. Бранта, полагает, что приведенные данные завышены, и определяет общее число колонистов-ветеранов в 50 тыс. человек: #с_699. Ранее Г.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Ферреро снижал эту цифру вообще до нескольких тысяч (7–8 тыс.): #c_700.

Мы не находим в данных античной традиции ни противоречия, ни несоответствия объективной ситуации по ряду обстоятельств. Во-первых, судя по сопротивлению, оказанному жителями италийских муниципий, колонизация имела чрезвычайный размах. Антоний считал, что в результате запланированных мер будет осуществлено «выселение Италии» (App. В. С., V, 5). Другие говорили, что Октавиан записал за своими ветеранами чуть ли не всю Италию (App. В. С., V, 22). Во-вторых, к 41 г. колонизация, судя по сообщениям античных историографов, приобрела неуправляемый характер, а Октавиан не хотел этому противодействовать (App. В. С., V, 12–15). Новые поселенцы вели себя агрессивно, как завоеватели, сгоняя местное население с земли, отбирая лучшие земли и захватывая более того, что было положено. Римляне и жители муниципий не без оснований считали, что таким образом «устраивались для правителей поселения наемников, готовых на все, чего бы от них не потребовали» (App. В. С., V, 12). В-третьих, следует думать, что размер предоставляемых колонистам надделов был небольшим [97 – В. Н. Парфенов считает, что они не превышали 25 югеров, см.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 58. Правда, есть свидетельства современников о том, что земельные надделы могли быть колоссальными: Антоний, например, раздавая лучшие кампанские и леонтинские земли своим друзьям, предоставил 3 тыс. югеров своему врачу и 2 тыс. югеров ритору (Cic. Phil., II, 101). Однако это, безусловно, исключения из пра-вила, которые лишь подтверждают общую практику.]. У Диона Кассия есть замечание о том, что участки, не превышавшие надела одного ветерана, конфискации не подлежали (Dio Cass., XLVIII, 8, 5). Косвенным подтверждением этого является сообщение Светония о недовольстве ветеранов Октавианом, т. к. они получили меньше того, на что надеялись (Suet. Aug., 13, 3). Вместе с тем общая территория расселения ветеранов была значительной: их предполагалось расселить в 18 италийских городах (App. В. С., IV, 25; V, 12) [98 – Правда, еще до начала военной кампании 42 г. Октавиан обещал исключить из намеченного ранее списка Регий и Гиппоний, см.: App. В. С., IV, 86.]. Принимая все это во внимание, можно предположить, что в должности триумвира Октавиан, действительно, мог вывести в колонии от 170 до 200 тыс., т. е. примерно по 10 тыс. поселенцев в каждую. Эти цифры вполне согласуются с общими данными о колонизации в Италии, произведенной Октавианом: он говорил, что всего в Италии по его инициативе было основано 28 колоний (RGDA, 5, 36–38; Suet. Aug., 46) и поселено в них, как мы уже отмечали, 300 тыс. человек, т. е. приблизительно по 10 тыс. в каждой.

Раздачи земель осуществлялись как по инициативе триумвиров, так и по требованию армии (Vell., II, 81, 1–2; Dio Cass., XLIX, 14). Распределялись как государственные земли, так и земли италийских муниципиев. Поскольку денег на покупку земли у триумвиров не было, они прибегали по существу к конфискации земельной собственности – безвозмездному изъятию участков у местного населения. Более того, земли конфисковывались вместе с рабами и инвентарем (App. В. С., IV, 3; V, 12).

В историографии Нового времени к проблеме колонизационной политики триумвиров исследователи обращались довольно часто: изучались как аграрно-экономические: #c_701 [99 – наиболее обоснованный вывод содержится в работах В. И. Кузицина: последствия аграрных мероприятий неоднозначны, ветераны увеличили число мелких землевладельцев Италии, но усилились и позиции крупного землевладения в лице командного состава, см.: Кузицин В. И. 1) Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. – I в. н. э.). М., 1976. С. 144; 2) Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1973. С. 16.] так и социально-политические аспекты проблемы [100 – в западной историографии, как правило, экспроприация земли для армии триумвиров рассматривается как процесс уничтожения италийского крестьянства, см.: Cardthausen V. Augustus und seine Zeit. Bd. 1. S. 192; Syme R. The Roman Revolution. P. 208; Cabba E. Esercito e societa nella tarda Repubblica Romana. Firenze, 1973. P. 134. В советской историографии было принято считать, что земельные конфискации имели вполне определенную социальную направленность и были ударом по италийской муниципальной аристократии, см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 221; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 185. Правда, при этом признавалось, что муниципальная знать была важной опорой цезарианского режима, см.: Утченко С. Л. Становление Римской империи и проблема социальной революции // ВИ. 1967. № 7. С. 110; Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 185; Парфенов В. И. Рим от Цезаря... С. 55.]. При этом вывод колоний и основание ветеранских поселений триумвирами оценивается часто как

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org аграрный или социально-экономический переворот: #с_702. Например, Р. Сайм рассматривал передел италийской земельной собственности как социальную революцию, в связи с чем действия Октавиана характеризовал как революционные: #с_703. Не касаясь подробно этого самостоятельного и сложного сюжета, отметим, что, по всей видимости, предпринятая триумвирами колонизация способствовала значительному перераспределению земли, развитию италийской муниципальной средней и мелкой собственности. Вместе с тем на основе традиционной взаимозависимости ветеранов-колонистов, ставших муниципальными собственниками, и бывшего полководца, именем которого была предоставлена земля, намечалась реальная трансформация общинных отношений патроната-клиенты в имперские отношения подданства: #с_704. Наконец, важно отметить еще один момент. Римляне традиционно связывали представление о свободе с экономической независимостью. В силу уже отмеченных нами последствий предпринятой триумвирами колонизации значительная часть римско-италийского населения стала связывать с ними не только свою экономическую независимость, но и свободу вообще. Уничтожение республиканской оппозиции, которая могла бы оказать противоположное идеологическое воздействие, еще более способствовало распространению подобных подданнических настроений.

Политика колонизации и выведения ветеранских поселений предполагала, прежде всего, удовлетворение запросов армейской среды. В отношении гражданского населения триумвиры развили сложившуюся еще со времени диктатур Суллы и Цезаря тенденцию тотального контроля и силового давления. Цицерон определил эту тенденцию следующим образом: «Уже он (Юлий Цезарь. – Н. Ч.) развил (внушил) привычку свободного гражданства быть рабом, отчасти из-за страха, отчасти из-за терпения – *Attulerat iam liberae civitati partim metu partim patientia consuetudinem serviendi*» (Cic. Phil., II, 116). Политическая тактика насилия, с одной стороны, опора на демагогию и анархию официальной республиканской власти – с другой, позволяли триумвирам манипулировать народными массами и их мнением. Право апелляции к народному собранию теперь стало правом апеллировать к лицу, представлявшему триумвиров. Право голосования было сведено на нет. Полномочия народного собрания и избирательное право фиктивно сохранялись, но не было случая, чтобы имя какого-то кандидата было внесено в списки вопреки желанию триумвиров. Кроме того, традиционную формулу рогации законопроекта в народное собрание – «консулы в законном порядке предложили народу и народ законным порядком постановил – *consules populum iure rogaverunt ...populusque iure scivit*» – нарушало давление армии. Армия стала верховным посредником в государственных делах, ей были переданы важнейшие прерогативы сената и народного собрания – корректировать основные решения (Dio Cass., XLVIII, 12, 1) и разрешать социальные конфликты (App. В. С., V, 68). Не гражданские слои римского общества, а армия выступила социальной опорой власти триумвиров. В связи с этим не интересы гражданского населения, а приоритеты легионов определяли социальную политику Октавиана, Антония и Лепида. Замечательной иллюстрацией нашего вывода является свидетельство Аппиана о том, что, когда в 40 г. в Риме свирепствовал голод, хлеб распределялся только между солдатами (App. В. С., V, 34).

Политику триумвиров в отношении сенатской аристократии можно определить как политическое лицемерие и сиюминутный расчет. С момента гибели Цезаря будущие союзники умело играли на личных интересах сенаторов, чтобы расположить их к себе. Яркий пример – ситуация, возникшая на заседании сената 17 марта 44 г. По предложению республиканцев, Цезаря следовало объявить тираном, а его убийц – спасителями республики. Тогда Антоний заявил, что завещание Цезаря и его прижизненные распоряжения касаются многих присутствующих. В том случае, если Цезарь будет объявлен тираном, все эти распоряжения будут отменены. Это возымело действие: те, кто поддерживали заговорщиков, под угрозой потери выгодных назначений, приобретенного имущества и т. п. отказались от их предложений (App. В. С., II, 135; III, 5). В первой филиппике Цицерон намекал, что отношение сенаторов к политике Антония определяется их подкупом (Cic. Phil., I, 15). Деньгами и демагогией завоевывал авторитет в среде сенатской знати и Октавиан.

Ко времени образования II триумvirата сенаторы не составляли консолидированной группы. Отсутствие единых интересов, солидарность родственных кланов, приоритеты личных, а не государственных интересов затрудняли деятельность сената и тормозили принятие решений. Не случайно сенаторы не смогли выработать единой программы в отношении убийц Цезаря и в отношении преемников его власти. Более того, под давлением цезарианских

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org

легионов они, по-видимому, вообще не чувствовали себя ни свободными, ни способными принимать государственные решения. Это позволяло Антонию и Октавиану вести себя практически бесконтрольно. Антоний провел через народное собрание, минуя сенат, закон, позволявший ему без согласования с сенатом оглашать указания Цезаря как обязательные и имеющие силу (App. В. С., III, 5). По мнению Цицерона, этот закон давал Антонию такую полноту власти, которой не имел сам Цезарь (Cic. Ad Att., 14,1; Phil., 1,17). Показательно в этом отношении заседание сената 1 января 43 г., на котором Цицерон предложил принять *senatus consultum ultimum*, фактически объявлявший гражданскую войну Антонию, легализовать положение Октавиана и др. Но заседание закончилось безрезультатно, никаких решений принято не было. Лишь на четвертом заседании был принят ряд компромиссных решений, в том числе о необходимости направить к Антонию депутацию для выработки конкретных совместных действий. Так было и 2 февраля 43 г., когда в сенат пришел ответ от Антония с его встречными требованиями: одни сенаторы явно поддерживали Антония, другие были настроены против него, а большинство, очевидно, не имело четкой позиции, т. к. вновь было принято компромиссное решение, по которому Антоний не был объявлен врагом отечества, но государство и граждане должны были быть «в состоянии боевой тревоги – *tumultus*». Смятение и путаница дошли до предела. Цицерон показал, что решения сената этого периода были лишены какой-либо логики: сенаторы стремились к миру, но на деле способствовали войне. Оценивая настроения сенаторов, он с горечью отмечал, что они более пекутся о собственной безопасности, нежели об интересах государства (Cic. Phil., VIII). В апреле 43 г. Цицерон охарактеризовал сенат так: «...одни... питают дурные замыслы, другие вообще не заботятся ни о чем, третьи недостаточно стойки в выполнении задач, взятых ими на себя, а в своих предложениях не всегда руководствуются пользой государства, а расчетами или страхом – *...alios male sentire, alios nihil omnino curare, ... alios parum constanter in suscepta causa permanere sententiamque suam non semper utilitate rei publicae, sed turn spe turn timore moderari*» (Cic. Phil., XIV, 17). В целом политика триумвиров по отношению к сенатской аристократии сформировала две тенденции (ср.: Tac. Ann., 1,2). Первая тенденция состоит в том, что в результате проскрипций оказалась окончательно сломленной политическая воля сената и остатки старой сенатской аристократии были приведены к необходимости компромисса. Поворотным пунктом в судьбе *nobilitas* можно считать мизенский договор, по которому проскрибированные аристократы получили частичную компенсацию имущества и право вернуться в Рим (Liv. Per., 127; App. В. С., V, 72). Эта акция отчетливо продемонстрировала, что старая сенатская аристократия не представляла более сколько-нибудь значимой силы. А последовавшее за мизенским соглашением утверждение в сенате всего, что было предпринято Октавианом и Антонием в должности триумвиров (App. В. С., V, 74–75), означало, что необходимый политический компромисс достигнут. Вторая тенденция выразилась в том, что, как нами ранее отмечалось, за годы II триумvirата в сенате появилось большое число людей, выдвинувшихся благодаря службе и дружбе. Это была новая аристократия, которая не только не имела знатного происхождения и родовых традиций, но вообще утратила республиканские настроения.

Практическая политика триумвиров на первом этапе существования II триумvirата имела своим следствием ряд серьезных изменений. Во-первых, физически уничтоженной оказалась республиканская оппозиция, т. е. та часть римского гражданства, которая была наиболее политически активной и преданной республиканским традициям. Вместе с этим были значительно ослаблены республиканские элементы управления государством. Более того, развивавшаяся на основе экстраординарного империя авторитарная власть триумвиров буквально парализовала действие республиканской власти. Во-вторых, римско-италийское гражданство, состоявшее из гетерогенных в социально-экономическом и даже этническом отношении групп, нуждалось в создании эффективной структуры власти, которая неизбежно должна была иметь имперский характер. Триумвиры не создали единого имперского аппарата управления, но на основе всеобщей милитаризации политического пространства формирующейся империи они увеличили потенциал власти и сконцентрировали потестарные возможности.

После окончательного разгрома оппозиции (36 г.) в истории II триумvirата начался новый этап, содержание которого определяется борьбой триумвиров за единоличную власть и переходом к политике конструктивного взаимодействия с обществом [101 – Историки Нового времени по-разному датируют и аргументируют этот поворот. М. Грант и Г. Бенгтсон, например, считают возможным говорить о начале борьбы Октавиана за единоличную власть и о его переходе к

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org имперской политике уже в 42 г., см.: Грант М. Двенадцать цезарей. М., 1998. С. 58; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte... S. 244–245. Р. Ю. Виппер видел элементы поворота в политике Октавиана в событиях 41 г. и считал, что после 36 г. они получили развитие, см.: Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 342. Большая часть отечественных исследователей связывает начало перехода к конструктивной политике с Мизенским соглашением 39 г., см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 254; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 82; Парфенов В. И. Рим от Цезаря... С. 95; некоторые – с формальным распадом триумvirата в связи с лишением Аепида триумvirских полномочий в 36 г., см.: Ковалев С. И. История Рима. С. 459; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 197.]. В 36 г. Октавиан, во-первых, попытался установить контакт с республиканскими органами власти и восстановить систему гражданского правления: отчитался перед народом и сенатом обо всем им совершенном за время триумvirата (App. B. C., V, 130; Dio Cass., XLIX, 15), восстановил систему магистратской власти, обещал покончить с практикой гражданских войн, сложить триумvirские полномочия и восстановить республиканскую форму правления, уничтожил все бумаги, касавшиеся гражданских войн (App. B. C., V, 132), провел демобилизацию 20 тыс. солдат (App. B. C., V, 129). Во-вторых, продемонстрировал свою готовность вернуться к традиционной сословной политике: еще в 41 г. освободил знать от земельного распределения, в 38 г. укрепил личные отношения со старой римской аристократией, заключив брак с Ливией Друзиллой (Suet. Aug., 62); вернул рабов прежним их владельцам или их наследникам, оставшихся, хозяева которых не были обнаружены, казнил (App. B. C., V, 131); объявил фискальную амнистию – сложил недоимки по налогам и откупам (App. B. C., V, 130; Dio Cass., XLIX, 15). В-третьих, стремился стабилизировать положение в Италии: новые колонии основывались вне Италии, в случае организации поселений в италийских муниципиях земля не конфисковывалась, а выкупалась; вопросы землераспределения передал муниципальным органам власти (Dio Cass., XLIX, 34). Наконец, решительными мерами пытался навести общественный порядок: боролся с преступностью, ввел практику ночных сторожей (App. B. C., V, 132); восстановил практику организации зрелищ и обеспечения беднейших жителей Рима дешевым хлебом (RGDA, 15, 1; 3), развернул активные восстановительные и строительные работы (RGDA, 4, 18; Vell., II, 81, 3; Dio Cass., XLIX, 15).

Однако политика конструктивного взаимодействия при триумвирах не получила равномерного организационного характера. Их власть опиралась на военную силу и авторитет военных полководцев. Были предприняты лишь первые шаги для перехода к гражданской жизни. Но и они были сделаны в условиях военно-политического противостояния Октавиана и Антония. Несмотря на формальную ликвидацию II триумvirата в 36 г., они продолжали опираться на триумvirские полномочия вплоть до 32 г.: #с_705[102 – Более того, Й. Бляйкен считает, что Октавиан, не пользуясь титулатурой триумвира, опирался на триумvirские полномочия вплоть до 27 г., см.: Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 71–72, 82.]

Таким образом, полномочия и социальная политика триумвиров подвели итоги предшествовавшему развитию и заложили основы будущего во всех сферах римской жизни. За время между 43 и 33 гг. (время официального существования II триумvirата) римская республиканская власть, утратив возможности согласования общественно-политических интересов, утратила и целесообразность. Римское гражданство, ставшее еще более гетерогенным в социально-политическом и территориально-этническом отношении, оказалось еще более дезорганизованным. В условиях гражданских войн и увеличения потенциала власти в результате распространившейся практики террора и военного давления городские низы упали на сильную и дееспособную власть, в компетенции которой было возможно наведение общественного порядка и обеспечение люмпенизированной массы средствами существования. Мелкие собственники, по-прежнему жившие патриархальным бытом, стали переносить традиционные патриархальные представления (патерналистские, представления о патронате-клиентеле и пр.) на государственно-политическую сферу и носителей властных полномочий. Владельцы небольших villae – средние собственники – не оторвались от общинных норм, но в условиях разложения этих норм ориентировались на те структуры, которые могли обеспечить сохранение их собственности. Социальная верхушка (республиканский нобилитет) была физически уничтожена, а его остатки перестали быть политической силой; на политической арене появилась новая аристократия, лишенная республиканских пристрастий. Каждая сословная группа имела свои экономические и политические цели. Однако отсутствие единых коллективных целей и перспектив на будущее требовало силы, объединяющей все эти группы. В этих

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
обстоятельствах желание триумвиров обеспечить и сохранить собственную
власть неизбежно способствовало развитию монархической и
территориально-державной тенденций.

Завершая анализ компетенции и практической политики триумвиров, отметим
самое главное: II триумvirат занимал историческое положение между поздней
Римской республикой и принципатом. Здесь мы сталкиваемся с непосредственным
прототипом Римской империи.

С поздней Республикой его сближает конституированный характер полномочий,
сохранение республиканских элементов власти и республиканских традиций.

Тем не менее II триумvirат ближе к принципату, чем к республике. Как и там,
мы видим наличие особого империя, который обеспечивал триумвирам контроль и
над гражданской жизнью, и над армией. Как и там, мы видим расширение
империя до границ территориального единства, включавшего Рим, Италию и
провинции, авторитарное подчинение государства воле и реальной силе
триумвиров и соответственное оформление имперских административных форм.
Как и там, мы видим, что полнота власти триумвиров определялась не столько
правовой нормой, сколько неправовыми основами: вмененной экстраординарной
компетенцией и опорой на армию. Таким образом, II триумvirат, сохраняя
генетическую связь с республикой, явился непосредственным прототипом
монархической и имперской системы власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход Рима от республики к империи, ставший своего рода феноменом римской
истории, и значительные изменения во всех областях жизни, связанные с этим
процессом, объясняют значительный устойчивый, повышенный интерес
исследователей к периоду II–I вв. Несмотря на расхождения в подходах
историков к оценке этих событий, большинство из них обнаруживает некоторые
общие черты: переход оценивается чаще всего как революционный, в
исследовательской литературе распространены антитеза «республика– империя»
и идея о фатальном расхождении этих форм. При этом одни исследователи
сравнивают республику I в. с предшествующим периодом, другие рассматривают
все события сквозь призму последующего развития. При таких подходах к
оценке событий важно понять, насколько радикальным был разрыв с прошлым или
продолжалось развитие имевшейся тенденции? Каковы в конечном итоге место и
роль политических преобразований – сознательных волевых усилий наиболее
активных политических лидеров?

Обзор исторических событий II–I вв., анализ развития политических форм и
характера власти в период поздней Римской республики отчетливо
демонстрирует главное: постепенное расширение государственной территории до
масштабов территориальной державы определило неизбежность консолидации
римского гражданства, необходимость организации эффективного управления
провинциальной периферией требовала создания новой централизованной
управленческой системы и в конечном итоге преобразования римской *civitas* в
империю.

Масштабностью задач и постепенностью их решения определялся характер
перехода Рима от республики к империи: параллельно процессу распада
общинных форм развивался процесс становления новых, по существу имперских
структур и отношений. На фоне постепенно и естественно изживавших себя
общинных норм формировался новый уклад жизни, новые межличностные
отношения, новые ценностные общественные идеалы и новые поведенческие
стереотипы. Перед римской государственной властью возникла проблема
создания наиболее адекватной объективному развитию организации
территориального пространства и общества.

На рубеже II–I вв. (особенно после Союзнической войны) перед римским
обществом особенно остро встала проблема власти. Она оказалась представлена
целым хором диссонировавших голосов (члены «сципионовского кружка», Катон
Старший, Гай Саллюстий Крисп, Марк Туллий Цицерон и др.). Однако когда речь
заходила о критике современных им республиканских властных структур или о
проектировании новых моделей государства, эти голоса звучали в унисон:
республика ослаблена, необходимо восстановить сильную государственную
власть, при этом возможны различные способы от безоговорочных

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org *senatusconsultum* до идеи *vir bonus*. Постепенно в отношении государства и государственной власти в римском обществе выработался ряд устойчивых морально-этических и политико-правовых стереотипов неполисного характера.

Общинные традиции и установки не позволяли римлянам усомниться в ценности республики и принять атрибуты нереспубликанских, монархических отношений. Однако большая часть римского общества, не имея выраженного желая радикального обновления, морально-психологически была к этому готова. Это способствовало, с одной стороны, закреплению традиции, с другой – сдерживало и усложняло процесс обновления Римской республики, наконец, определило специфику социально-политических реформ римского общества.

Важным этапом в процессе трансформации Римской республики в империю стала диктатура Суллы. Она показала возможность существования власти, стоявшей фактически вне рамок традиционной политической системы. Сулла пытался организовать государственную власть на основе принципов сенатской республики. Вместе с тем он первый наиболее отчетливо начал осуществлять имперскую политику: консолидировать гражданство и бороться с сепаратизмом. Большая часть античных и современных историков в оценке диктатуры Суллы выдвигает личный момент – произвол и волюнтаризм диктатора. В действительности значение диктатуры Суллы шире: преследуя реставраторские цели, Сулла заложил основы новой политической организации, по характеру и методам управления он был предшественником Цезаря и Октавиана.

Сулла попытался разрешить важнейшее противоречие своего времени: совместить образ современной ему Римской республики и идеального государства, каким оно представлялось в соответствии с политической традицией. В его деятельности четко просматриваются две основные цели: попытка, во-первых, исправить возникшие нарушения политической системы, общественной морали и нравственности; во-вторых, утвердить новый идеал сильного государства и сильной власти. Гарантами утверждения государственного порядка, восстановления республиканских политических норм и справедливого устройства государственных дел являлись диктаторские полномочия Суллы, 120-тысячная армия сулланских ветеранов, отряд вольноотпущенников-корнелиев и возведенное в ранг государственной политики насилие в виде проскрипций. Идея о необходимости физического уничтожения тех, кто не желает «исправляться» в соответствии с новым политико-правовым идеалом, кто не желает принимать сулланскую диктатуру и конституцию, стала одной из составляющих новой концепции сильной государственной власти. Интересно, что сами древние, признавая справедливыми действия Суллы, расходились лишь в оценке меры и степени силового давления. Другой составляющей новой концепции сильной государственной власти стала идея державно-территориального государства. Не отрекаясь от республиканских идеалов, Сулла тем не менее не провел ни одного мероприятия, которое принципиально противоречило бы этой идее: он сохранил равное распределение италиков по всем трибам, произвел муниципальное деление Италии, пусть в негативном плане, но отошел от узкопартийной позиции и возложил бремя своей политики не только на римскую общину, но и на всю Италию, в своих мероприятиях опирался не на традиционные властные структуры или на политические течения, а во многом на искусственно созданную им и изолированную от традиционных римских интересов среду. Таким образом, Сулла создал государственно-правовой прецедент имперской политики.

Однако, очевидно, рудиментарное, еще только зарождаемое в менталитете римлян имперское и монархическое сознание было не достаточно сильно, что, с одной стороны, заставило Суллу обратиться к идее сенатской республики; с другой – на несколько десятилетий затормозило развитие имперской тенденции.

Лишь в диктатуре Цезаря монархическая и имперская идеи получили наиболее отчетливое выражение. Правда, на этот раз процесс реализации этих идей пошел иным путем – возвышения исполнительной власти. Формально конституционно-правовые прерогативы не предоставляли Цезарю единоличной власти. Кумуляция традиционных римских должностей и почетных титулов: пожизненная диктатура, практически постоянный консульский империй и титул императора в качестве личного имени – с государственно-правовой точки зрения лишь поднимали Цезаря над республиканской конституцией. Сенат был поставлен под контроль диктатора, по существу был лишен возможности реально управлять государственными делами и, что, вероятно, самое главное, отстаивать свои привилегии. Однако сенаторы сохраняли богатство и моральный престиж. Народное собрание утратило даже незначительные элементы политического суверенитета, предоставленные республиканской политической

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org нормой. Однако в качестве компенсации за утрату политического влияния по отношению к римскому народу усилилась формальная демонстрация уважительного отношения к его интересам и мнению. Цезарь одновременно выступал и организатором и носителем исполнительной власти. Кумулированные в руках Цезаря должности, правовые привилегии и почетные титулы, которые определяли его могущество; власть, которая являлась источником политических инициатив и политических решений; а также опора на реальную политическую силу (армию) в условиях обозначенных метаморфоз республиканской системы власти придавали личному положению диктатора монархический характер.

У Цезаря, безусловно, было свое представление о том, в каком направлении должна развиваться Римская республика. Он не скрывал, что считает государственный строй республики не только устаревшим, но попросту мертвым, и безусловно придерживался имперской идеи. На это указывают осуществленные Цезарем территориально – административные, государственно – административные и социальные мероприятия. Важно отметить и такую особенную ситуацию, что диктатура Цезаря оформилась в результате глобального военного объединения римско-италийской территории и римской провинциальной периферии. В целом именно в период диктатуры Цезаря получил четкое выражение и был закреплён важнейший имперский принцип: вся территория и все население формировавшейся державы оказались объединены единым империем.

В период диктатуры Цезаря объективно заданная тенденция трансформации Римской республики в империю, оформления новой авторитарной власти и соответственное развитие новых территориально-административных форм и идеологического обрамления стали необратимыми. Коллегиальная диктатура в форме II триумvirата закрепила ее. Главное значение II триумvirата в процессе становления имперской власти состоит в том, что была найдена наиболее адекватная форма имперской власти: промагистратский империй, прежде территориально и хронологически ограниченный, теперь стал более значительным по содержанию (не был ограничен временем и территорией, не был разделен на военную и гражданскую сферу, по существу были преодолены коллегиальная и трибунская интерцессии и *provocatio ad populum*). В компетенции триумvirов проконсульский империй получил имперское выражение – возникла единая, неурезанная власть. Таким образом, уже в период II триумvirата вопрос о форме и характере власти римского территориально-державного государства оказался решенным, а сам II триумvirат стал политической основой и непосредственным прототипом новой властной системы – принципата.

В завершении нашего обзора отметим, что процесс трансформации Рима от республики к империи, в которой тесно переплетались республиканские и территориально-державные тенденции, шел неравномерно и прерывисто, изобиловал социально-политическими катаклизмами и различными вариациями. Это был процесс сложной этнокультурной и общественно-политической реформации. Однако при всей неравномерности, сбивчивости и дискретности этого процесса, очень далекого от непрерывно восходящей эволюционной кривой однолинейного прогресса, при всей внутренней поливариантности, предполагающей несколько вариантов и форм развития, мы все же вправе представить себе период поздней Римской республики как некий временной континуум, внутри которого отдельные явления, несмотря на их многообразие и гетерогенность, были выражением единой тенденции, а диктатуру последнего века Римской республики – как форму становления основного структурного принципа – принципа наиболее адекватной объективному развитию римского государства организации территориального пространства и общества.

Примечания

1

В западноевропейской историографии концепция аристократического характера социальных революций, безусловно, имеет публицистический характер и идет от теории А. Токвиля и П. Сорокина, которые считали, что «революции делают не голодными людьми, а теми, кто не пообедал один раз»; они возникают в периоды быстрого развития общества, при котором традиционные привилегированные группы испытывают дискомфорт и становятся деструктивным элементом, см.: Токвиль А. Старый порядок и революция. Пг., 1918; Sorokin P. A. The Sociology of Revolution. L., 1924.

2

Правда, еще раньше С. А. Жебелев утверждал, что Римская империя возникла из Римской республики в результате длительных политических и социальных революций не механически, не насильственно, а путем закономерной эволюции. См.: Жебелев С. Л. Древний Рим. Царская и республиканская эпохи. Ч. 1. Пг., 1922. С. 88.

3

Крайнее выражение этой концепции можно обнаружить в работах А. В. Мишулина и В.Н. Дьякова, когда любой социально-политический конфликт, будь то выступления в провинциях, Нумантинская война или даже 3-я Пуническая война, оценивался как отголосок революционных настроений рабов; рабы рассматривались как инициаторы и катализаторы народноосвободительных движений в Риме, направленных в конечном счете на уничтожение рабовладельческого способа производства. См.: Мишулин А. В. Спартаковское восстание. М., 1936. С. 181; Ковалев С.И. История античного общества. Эллинизм. Рим. л., 1936. С. 164–165, 223–225; История древнего мира / Под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. М., 1952. С. 527–610.

4

Здесь и далее в тексте все даты, кроме специально оговоренных, «до нашей эры».

5

В 200 г. хлеба, привезенного в Рим из Африки, было так много, что «курульные эдилы... продавали его народу по два асса за модий» (Liv., XXXI, 50).

6

Веллей Патеркул в данном случае неточен: широкая гражданская колонизация была предпринята в 59 г. в соответствии с *lex Iulia agraria*, на который он сам ссылался (Veil., II, 44, 4; ср.: Suet. Iul., 20, 3; App. В.С., II, 10).

7

У Ливия Племиний один раз назван пропретором (XXIX, 6, 9); в остальных случаях – легатом Сципиона. Т. Броутон в своем своде «Магистраты Римской республики» называет его легатом с преторскими полномочиями – *legatus pro praetore*. См.: Broughton T. R. S. *The magistrates of the Roman republic*. Vol. 1. N. Y., 1951. P. 157.

8

Мы вслед за И. Л. Маяк склонны видеть подобные проявления в таких фактах, как расследование дел о вакханалиях 186 г. и об отравлениях 180 г. (Cic. *De leg.*, II, 15; Liv., XXXIX, 8–19; XL, 37, 46; Val. Max., I, 3; VI, 3). Хотя в источниках нет прямых указаний на связь этих событий с проявлением недовольства италиков, широкий размах движений – 3000 «отравителей» и 7000 участников вакханалий – позволяет предположить, что италики могли примкнуть к ним и таким образом выразить свое недовольство. См.: Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и италиков... С. 133–134, 137.

9

Мы благодарим А. Б. Егорова за ценные замечания, сделанные в устной беседе по поводу демографических проблем середины II – середины I в., которые частично учтены в данном сюжете.

10

Автор перевода сатир Луцилия на русский язык Е. Рабинович употребляет такое определение – «сытноизбранный эдил». См.: Римская сатира: Пер. с лат. / Сост. и научн. подгот. текста М. Гаспарова. М., 1989. С. 348.

11

Эмилии исполняли 10 консульств в VI–V вв., 10 – в III в., 9 (или, если считать детей Эмилия Павла, 12) – во II в. На долю Клавдиев приходится 5 консульств в VI–V вв., 6 – в III в., 5 – во II в. Фабии занимали в VI–V вв. 13 консульств, в IV в. – 7, в III в. – 13, во II в. – 5. Валерии получали консульства 24 раза в VI–V вв., 10 – в III в., 5 – во II в.

12

К этой патрицианской элите можно отнести еще несколько родов, занимавших сходное положение в римской иерархии: Постумии, Сульпиции, Юлии, Квинкциии, Манлии, Фурии, Папирии. Кроме того, в IV–III вв. в составе консулярной знати оказались представители плебейской элиты: Лицинии, Генуции, Марции, Попилии, Публилии, Юнии, Ливии, Деции, Фульвии, Домиции, Семпронии, Атилиии, Цецилии, Клавдии Марцеллы, Порции, Аврелии, Секстин, Помпеи, Октавии, Папирии Карбоны, Муции, Элии, Платии.

13

Правда, необходимо заметить, что С. И. Ковалев (С. 322), Г. Блох и Ж. Каркопино (Р. 72) делают оговорку, что всадничество окончательно отделилось от сенаторского сословия лишь при Августе, когда были установлены отдельные цензы этих сословий.

14

Закон Лициния Секстия 367 г. – о допуске плебеев к консулату (Liv., IV, 42, 11); закон 366 г. – о ежегодном чередовании патрициев и плебеев в должности курульных эдилов (Liv., VII, 1, 1); lex Publilia 339 г. – о допуске плебеев к цензуре (Liv., VIII, 12, 15); lex Ogulnia 300 г. – о допуске плебеев в жреческие коллегии (Liv., X, 6, 6). Диктатура и претура стали доступны плебеям без специальных постановлений: первая – в 356 г., вторая – в 337 г.

15

Латинское прилагательное *tenuis* имеет несколько социальных оттенков – бедный, незнатный, простой. В этой же речи Цицерон дает другую дефиницию – *homines inferiori generi*. В обоих случаях речь, без сомнения, идет о *plebs urbana*.

16

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
О существовании в сенате таких группировок в общих чертах говорит Я. Ю. Заборовский, правда, выделяя еще «военную оппозицию», см.: Заборовский Я. Ю. Некоторые стороны политической борьбы в римском сенате (4020 гг. II в. до н. э.) // ВДИ. 1977. № 3. С. 191.

17

Веллей Патеркул особенно подчеркивал факт принадлежности П. Сципiona Назики к влиятельнейшим сенаторским фамилиям: его дед – консул 191 г. – был провозглашен «*vir bonorum optimus*» за то, что в 204 г. доставил в Рим статую Великой богини-матери (Liv., XXIX, 14); отец был дважды консулом и цензором (Vell., II, 3, 1).

18

Совершенно справедливо, на наш взгляд, суждение А. В. Коптева о невозможности в начале I в. разделения интересов реформированной Марием армии и гражданства в земельном вопросе. См.: Коптев А. В. Античная форма собственности... С. 26. Принимая этот основной тезис, мы тем не менее не можем согласиться с автором в некоторых частных вопросах, например, о том, что вмешательство полководцев в решение аграрной проблемы не имело заметных социально-политических последствий вплоть до времени Сатурнина.

19

Римская юриспруденция получила новое оформление довольно поздно. По мнению юриста Помпония, основателями ее стали – *ius civile fundaverunt* (Dig., I, 2, 2, 39) Маний Манилий – консул 149 г., Марк Юний Брут – претор 140 г., Публий Муций Сцевола – консул 133 г. Первая систематизация гражданского права была проведена сыном Сцеволы Квинтом – великим понтификом, консулом 95 г. Другим систематизатором норм гражданского права был Сервий Сульпиций Руф – консул 51 г. Хотя следует заметить, что римляне называли в числе юристов П. Папирия, Апп. Клавдия, Сципiona Назику, Тиб. Корункания, а еще раньше – понтификов и самого Нуму Помпилия. См.: Нерсисянц В. С. Правопонимание римских юристов // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 87–88; Дождев Д. В. Римское архаическое наследственное право. М., 1993. С. 18.

20

Автор понимает под этим термином особый, «принципиально иной тип нравственного сознания, который характеризуется ориентацией на реально существующую в обществе систему ценностей, уважением к этической традиции, доминированием моральной практики над сознанием, нравственной амбивалентностью образов мифологического сознания», см.: Брейкин О. В. Становление нравственного идеала в культурах древнего мира. Саранск, 1996. С. 4.

21

У подвига Публия Децима Муса был легендарный прототип – «юный и славный воин Марк Курций», который прекратил землетрясение в Риме, посвятив себя богам (см.: Liv., VII, 6, 1–5).

22

В исторической литературе можно встретить довольно резкую оценку Катона как беспринципного человека и лицемера, см.: Сергеев М. Е. Записки о Катоне // ВДИ. 1976. № 3. С. 157.

23

Примеров подобной непоследовательности можно привести множество. Вот один из наиболее ярких, на который ссылаются античные авторы: когда Сулла уже в должности диктатора столкнулся однажды с дерзостью и неуважением, проявленными к нему со стороны Гнея Помпея, в ответ на вызывающие слова: «Люди больше интересуются восходящим светилом, чем заходящим» – он не наказал его, а предоставил формально противозаконный триумф, не без иронии назвав своего обидчика Великим; зато другого военачальника, Офеллу, он приказал казнить за более незначительную провинность, чтобы преподать урок всем недовольным его политической реформой (Plut. Sulla, 12; ср.: Romp., 13). Нам эта ситуация представляется более сложной, нежели она виделась современникам: кроме того, что Офелла не имел права на консулат, он еще пытался опереться на народное собрание и возмутить толпу.

24

Многие даты и события начального этапа политической карьеры и частной жизни Суллы восстановлены неточно и являются предметом дискуссий. Спорным, например, остается время пропреторства Суллы в Киликии: часть исследователей вслед за Э. Бэдианом принимает 96 г., см.: Badian E. Sulla: Cilician Command // Athenaeum. 1959. № 37. P. 279–303. Мы в данном случае придерживаемся традиционной даты.

25

В исследовательской литературе можно, однако, встретить мнение о том, что в 88 г. Суллой вообще был принято лишь постановление об отмене законов Сульпиция, а все остальные античная традиция дублирует, см.: Strachan-Davidson J. L. Appian: Civil wars book 1. Oxford, 1902. P. 63; или о том, что законы Суллы 88 г. принимались в два этапа: основные решения были приняты в 88 г., а осуществлены – в 81 г., см.: Niccolini C. I Fasti dei Tribuni della Plebe. Milano, 1934. P. 148.

26

В первом случае Аппиан употребил определение άριστος ανήρ (В. С, I, 59, 25); во втором – άριστοι ίπποι (В. С, I, 100, 22).

27

Т. Моммзен связывал политическую программу Суллы с программой умеренных реформаторов и считал, что реформы 88 г. были отражением «чуткого понимания (Суллой. – Н. Ч.) внутреннего содержания существующих порядков», см.: История Рима. Т. 2. С. 191.

28

Плутарх является единственным источником информации по этому вопросу. Б. Р. Катц (Katz B. R. Studies on the period Cinna and Sulla // L'antiquite classique. 1976. № 45. P. 538–541) вслед за Х. Беннетом (Bennet H. Cinna and his times. Menasha, 1923. P. 4–6) высказал мнение о том, что Плутарх представил в этом фрагменте две разные избирательные кампании. Э. Бэдиан считал, что у Плутарха речь шла только о выборах консулов (Badian E. Foreign Clientelae... P. 83). А. Кивени предложил оригинальную трактовку: Плутарх передал ситуацию консульских выборов, но включил в список

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
кандидатов-неудачников народных трибунов с целью показать «великий провал Суллы во время голосования», см.: Keaveney A. What happened... P. 76–78.

29

Сулла был в должности проконсула, см.: App. В. С, I, 81.

30

В. Вегнер высказывался еще определеннее: он считал, что Сулла был намерен решить ситуацию мирным путем, см.: Вегнер В. Рим... С. 62.

31

В 63 г. Цицерон произнес речь о сыновьях проскрибированных, которая не сохранилась. В этом же году и позднее Цицерон вспоминал о проскрипционных списках в своих речах и письмах, см.: De leg. agr., II, 10; Ad Att., II, 1, 3; IX, 10, 6; IX, 11, 3.

32

είσηγούντο τε
μηδέν ετι
άππροούλευτον
ές τόν δημον
έσφέρεθαι– App. В. С., I, 59.

33

νόμω κωλύσας
μηδεμίαν
άλλην τόν
δήμαρχον
άρχήν έτι
άρχειν– App. В. С., I, 100.

34

Сулланские ограничения были ослаблены в 75 г. и отменены в 70 г., см.:
Sail. Cat., 38, 1; Liv. Per., 89; Plut. Pomp., 21; Vell., II, 30, 4.

35

sullam ultimum Romanorum protulisse pomerium, pontifex maximus? (Sen. De
brev. vitae, XIII, 98).

36

Т. Моммзен и Ж. Каркопино поразному оценивают и общий характер сулланского законодательства, и диктатуру Суллы, но в данном аспекте их позиции совпадают.

37

Например, Ф. Блэйв считает, что мнение о монархизме Суллы преувеличено современной диктатору политической риторикой, особенно Цицероном, в связи с чем не вполне обоснованы и оценки в духе реформаторского характера конституции Суллы. Сам Ф. Блэйв говорит, что это остается загадкой, см.: *Blaise Fr. Sulla ou le Guerrier Impie inacheve // Latomus. 1988. № 47. Fasc. 4. P. 819-820.*

38

Например, А. В. Еремин признает, что государственная реформа носила консервативный характер, но консерватизм был своеобразным – консервация одних элементов сочеталась с модернизацией других. В реформе Суллы он видит искусное переплетение реставраторского и реформаторского начал, см.: Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 118.

39

Наши расчеты численности всаднического сословия см.: гл. 1.

40

Чрезвычайно показательно в этом отношении сообщение Ливия о начале войны против Велитр в 383 г., которая, правда, велась не диктатором, но также носителями неординарных полномочий – военными трибунами с консульской властью: «сенат постановил, ...чтобы было предложено об объявлении войны от имени народа ... затем ... все трибы приказали быть войне – *patres... decreuerunt... ad populum ferretur de bello indicendo... turn... omnes tribus bellum iusserunt*» (Liv., VI, 21, 3–5).

41

Г. Шнайдер и Г. Дитер, оценивая в общем сулланскую диктатуру как «военную», поразному определяли ее социальные задачи: Г. Шнайдер полагал, что она осуществлялась Суллой в интересах крупных землевладельцев; Г. Дитер принципиально отвергал эту идею и доказывал, что диктатура Суллы осуществлялась в интересах всадничества.

42

У Аппиана есть предположение, что Сулла сам поджег Капитолийский храм (В. С., I, 86).

43

Первый памятник в честь военных побед Суллы был установлен в Риме еще во время Югуртинской войны, см.: Plut. Sulla, 6.

44

В одной из последних биографий Юлия Цезаря период до 59 г. оценивается как время борьбы за достижение положения лидера популяров, см.: Etienne R. Jules Cesar. P. 35.

45

В данном случае мы исходим из общепринятой в исторической литературе даты рождения Цезаря – 100 г. до н. э. См., например: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 38; Bengtson I. Caesar. Sein Leben und seine Herrschaft // Kleine Schriften. München, 1974. S. 127.

46

Сведения Веллея Патеркула – один из аргументов, на основании которого Т. Моммзен отодвигает дату рождения Цезаря на 102 г. С этим, по его мнению, согласуются и сроки курульных магистратур. Но если опираться на сообщения Веллея, то следует также учесть, что «Цезарю едва исполнилось восемнадцать лет, когда Сулла захватил власть» (Vell., II, 41, 2), т. е. в 82 г. Это вполне соответствует традиционной дате рождения Цезаря. Ряд исследователей считает вполне допустимым говорить о том, что Цезарь стал жрецом Юпитера в неполные 14 лет, см., например: Машкин Н. А. История древнего Рима... С. 281. На 101 г. до н. э. сдвигали дату рождения Цезаря Ж. Каркопино и Хр. Гудини: Carcopino J. Profil de conquerants. P., 1961. P. 843; Goudineau Chr. Cesar et la Gaule. P., 1990. P. 103. В целом мы вынуждены признать, что дата рождения Цезаря может быть восстановлена лишь ретроспективно.

47

По нашему мнению, оценка движения Сертория в римском контексте партийной борьбы не отражает всей глубины явления и более объективен Г. Альфельди, который считал, что это событие было проявлением общего структурного кризиса Римской республики, см.: Alföldy C. The social history of Rome. 5nd ed. U 1988. P. 81

48

Как заявление об оппозиционности сенату расценивает этот факт Р. Этьен: Etienne R. Jules Cesar. P. 22.

49

О вызывающем и даже скандальном поведении Цезаря в этот период пишут практически все его биографы, см.: Bradford E. Julius Caesar: The pursuit of power. L., 1984; Etienne R. Jules Cesar. P., 1997.

50

Ранее по Виллиеву закону – lex Vilia annalis 180 г. – квестура предоставлялась не ранее 27 лет, эдилитет – 30 лет, претура – 33 лет, консульство – 36 лет.

51

Цицерон, например, ссылался на эту норму и говорил, что именно благодаря ей он вошел в сословие сенаторов (Cic. In Verr., I, 25).

52

Чтобы представить величину этой суммы, проведем некоторые сравнения. 4 сестерция составляли 1 денарий. На эти деньги можно было купить 6–7 кг пшеницы. Таким образом, на сумму долга можно было купить 37 500–47 750 т пшеницы. При том, что по официальной переписи римское гражданство

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org составляло примерно 450 тыс. человек (Liv. Per., 98), из суммы долга Цезаря каждый мог быть обеспечен приблизительно 80 кг хлеба. Другое сравнение – 1 денарий соответствовал 4 г серебра. Сумма долга Цезаря, таким образом, составляла около 25 000 кг серебра.

53

Это позволило некоторым исследователям назвать выступление Катилины в 66–65 гг. «путчем Красса», см.: Seager R. *The First Catilinian Conspiracy* // *Historia*. 1964. Bd. 13. P. 338–347; Etienne R. *Jules Cesar*. P. 40.

54

Некоторые анонимы, «снующие по форуму», «стоящие перед курией», «приходящие в сенат», «умощенные благовониями, щеголяющие в пурпурной одежде», появляются в речах Цицерона. Однако никаких более конкретных характеристик он не дает, см.: Cic. *In Cat.*, II, 5; ср.: Cic. *In Cat.*, I, 9; 18; 1920; 21–23.

55

Ливий вообще впервые упоминал о Цезаре в связи с делом Клодия (Liv. Per., 103).

56

Консулам 59 г. достались либо глухие провинции, либо надзор за государственными угожьями. Светоний говорил, что это были провинции «с незначительными обязанностями – леса и лесные тропы – *minimi negotii, id est siluae callesque*» (Suet. *Iul.*, 19, 2).

57

Публий Сестий – народный трибун 57 г. был другом и подзащитным Цицерона (см.: Cic. *Pro Sest.*). Однако, если учесть, что в 57 г. Цезарь не возражал против возвращения Цицерона в Рим, можно думать, что Сестий мог выступать сторонником Цезаря. Кроме того, позднее, в годы гражданской войны, Сестий выступал на стороне Цезаря.

58

Т. Моммзен ничего не говорил о причастности Цезаря к «делу Веттия», но обращал внимание на особую роль в этом деле сторонника Цезаря – народного трибуна Ватиния, см.: Моммзен Т. *История Рима*. Т. 3. С. 142–143. Ж. Каркопино также считал Цезаря непричастным, см.: Carcopino J. *Histoire Romaine. La republique romaine de 133 a 44 avant J.-C. Cesar*. P., 1936. P. 681–682.

59

Пожалуй, лишь Эд. Мейер отрицал наличие у Клодия какой-либо политической идеи, см.: Meyer Ed. *Caesars Monarchic*. S. 87–88.

60

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
В данном случае мы не согласны с утверждениями С.И. Ковалева и М. Гранта о том, что титул *imperator* стал основой высшей военной власти и в конечном счете – основой военной империи. Это был в большей степени фактор морального, нежели государственно-правового порядка (см.: Ковалев С. И. История Рима. С. 447; Grant M. *From imperium to auctoritas. A historical study of the aes coinage in the in the Roman empire* 49 В. С – 14 А. D. Cambridge, 1946. P. 409–411).

61

М. И. Ростовцев говорил о наличии эллинистических элементов в политической практике и идеологии Цезаря, но считал их не вполне ясным, см.: Ростовцев М. И. Рождение Римской империи... С. 74.

62

Совершенно особый подход к этому аспекту проблемы обнаружил Н. А. Машкин. Он назвал государственно-политическую систему, созданную Цезарем, и характер его власти «цезаризмом», суть которого – военная диктатура. При этом он сравнивал римский цезаризм с бонапартизмом, определял их общие характерные черты: узурпация власти, опора на военные силы, лавирование между интересами различных социальных групп, см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 72–110. Отметим, что термин «цезаризм» был введен еще Т. Моммзеном, но широкое распространение получил в историографии Нового и новейшего времени. Не вдаваясь в сложные историографические аспекты, подчеркнем, что, на наш взгляд, нельзя отождествлять «цезаризм» Цезаря и его политических последователей. В основе политики Цезаря лежала не только идея подавления, но и попытка территориальной, социальной, политической и культурной интеграции населения Рима, Италии и провинций.

63

С. Л. Утченко считает, что Цезарь не был ни создателем империи, ни носителем идеи царской власти, хотя, возможно, и «примеривался» к ней, но он признает, что Цезарь был «зачинателем» той системы, которая оформилась при Августе, см.: Утченко С. Л. 1) Юлий Цезарь. С. 318; 2) Цицерон и его время. С. 252.

64

В этом фрагменте Цицероном использован глагол *excito*, который имеет чрезвычайно широкое значение – не только восстанавливать, воскрешать и т. п., но и укреплять, поднимать на ноги. Это дает основание думать, что Цицерон возлагал на Цезаря более широкие надежды, связанные не только с реставрацией прежних норм, но и с их реформацией.

65

Принципиально против подобного тезиса выступал еще Б. Низе, считавший, что власть Цезаря была личной, а о ее наследовании не было и речи, см.: Низе Б. Очерк римской истории... С. 307.

66

Известно, что Туллия родила в январе 45 г. и в середине февраля умерла.

67

Известно, например, что во время испанского пропреторства он не занимался административными делами, считая это не приносящим ему пользы (App. B. C., II, 8).

68

В ряде случаев в этих провинциях налог на имущество был даже увеличен с 1/10 до 1/8 части (B. Afr., 98).

69

Письмо сохранилось в переписке Цицерона, которому оно было переслано (Cic. Ad Att., IX, 7 a).

70

Правда, вопреки этому устоявшемуся в античной традиции представлению, Флор утверждал, что Цезарь казнил дочь Помпея и ее детей, «чтобы это было предостережение на будущее – *hie posteris cavebatur*» (Ep. bell., II, 13, 352).

71

Есть основания думать, что семейно-брачное законодательство Августа повторяло некоторые законы Цезаря, см.: Tac. Ann., IV, 42.

72

У Ливия упоминаются «аграрные законы» Цезаря, см.: Liv. Per., 103.

73

В этих рассуждениях они, очевидно, следовали за Цицероном, который вспоминал об аграрном законодательстве Цезаря вслед за реформами Гракхов (Cic. Pro Sest., 103–104). См., например: Дюрант В. Цезарь... С. 190.

74

Содержание реформы восстанавливается в основном на основе сообщений самого Цезаря и Светония. Аппиан и Плутарх упоминали о нем вскользь, Дион Кассий излагал довольно смутно, кроме сюжета о создании оценочной комиссии.

75

Цицерон называл эту реформу «восстановлением кредита – *revocanda fides*», см.: Cic. Pro Marc., 23, 7.

76

Сохранилась переписка Целия с Цицероном: 8 писем Цицерона к Целию и 17 писем Целия к Цицерону. См.: Cic. Ad Fam., II, 8–16; VIII.

77

Справедливости ради следует отметить, что С. Л. Утченко видел и объективные результаты политики Цезаря, которые состояли в «создании новой организационно-политической структуры римского государства», см.: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 292.

78

Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit. S. 44. Ср.: Balsdon J. P. V. D. The Ides of March // Historia. 1958. Bd. 7. P. 8094, где автор тщательно проанализировал посмертные обвинения Цезаря со стороны заговорщиков в стремлении к царской власти и показал, что в основном эти обвинения были неосновательны и сочинены заговорщиками post factum для самооправдания.

79

Ярчайший пример – отношение сената к Октавиану и его армии во время Мутинской войны, см.: Bengtson H. Die letzten Monate der römischen Senats Herrschaft // ANRW. Tl. I. Bd. 1. V.; N. Y., 1972. S. 972.

80

Процедура официального утверждения Долабеллы в качестве консула-суффекта в комициях не была проведена.

81

В современной исследовательской литературе этот политический альянс часто определяется как «противоестественный», см., например: Жебелев С. А. Древний Рим. Ч. 1. Царская и республиканская эпохи. Пг., 1922. С. 87; Межеричкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 135; Neufi A. römische Geschichte. S. 218.

82

Античные историки по-разному оценивают общие силы республиканцев. Веллей Патеркул насчитывал 17 легионов, стоявших под командой Брута и Кассия: 10 легионов Кассия и 7 – Брута (II, 69, 2), Аппиан – 22 легиона (В. С, IV, 58; 59). Кроме того, в Италии и западных провинциях находились 10 легионов Децима Брута (App. V. С., III, 97). Очевидно, восстановить точное количество войск республиканцев не представляется возможным. Можно говорить не об абсолютных, а об относительных и приблизительных цифрах. Наиболее точный подсчет республиканских войск см.: Парфенов В. Н. Последняя армия Римской республики // ВДИ. 1983. № 3. С. 53–65.

83

tolerabile est, in hoc bello perniciosum puto. nullum enim bellum civile fuit in nostra re publica omnium quae memoria mea fuerunt, in quo bello non, utracumque pars vicisset, tamen aliqua forma esset futura rei publicae: hoc bello victores quam rem publicam simus habituri non facile adfirmarim, victis certe nulla umquam erit. – Cic. Ad Brut., XXIII, 10.

84

И. Бляйкен подробно исследовал вопрос об эволюции магистратского империя в период поздней Республики и на основании сделанного им анализа пришел к заключению, что империй триумвиров являл собой особый пример экстраординарного империя и не соответствовал ни *imperium consulare*, ни *imperium proconsular*, см.: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat*. S. 21–27.

85

Можно согласиться с Й. Бляйкеном, что триумвират был направлен на укрепление и консолидацию римского государства, см.: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat*. S. 12. Однако безусловным преувеличением является тезис Ф. Хамоукса о том, что титулатура триумвиров свидетельствовала о наличии у них некой революционной программы, см.: Chamoux F. *Marcus Antonius. Der letzte Herrscher des griechischen Ostens*. В., 1989. S. 166–168.

86

В «Иллирике» Аппиана есть чрезвычайно путанные сообщения относительно второго срока триумvirата. Говоря о событиях начала 33 г., античный автор подчеркивал, что оставалось еще «два года второго пятилетия этой власти, которую они (триумвиры) сами себе по окончании первого пятилетия продлили и которую утвердил народ» (App. *Illyr.*, 28). Подобная путаница в определении срока триумvirских полномочий могла, вероятно, произойти в силу сложившейся официальной точки зрения на этот вопрос. Дело в том, что срок окончания второго пятилетия триумvirата приходился на 33 г. Таким образом, в 32–31 гг. и Октавиан и Антоний действовали нелегитимно, на этот раз открыто узурпировав власть. Официальная идеология раннего принципата стремилась затушевать этот момент. Опираясь на лаконичные и фрагментарные данные Аппиана, Г. Бенгтсон допускал, что условия договора 38 г. могли быть закреплены плебисцитом, хотя и признавал спорный характер данного тезиса, см.: Bengtson H. *Grundriß der römischen Geschichte*... S. 242.

87

Вопрос о дате окончания второго срока триумvirских полномочий связан с более значимой и дискуссионной проблемой – о государственно-правовом статусе Октавиана в 32–27 гг. и, таким образом, о процессе оформления принципата. Содержание дискуссии подробно представлено И. Бляйкеном, см.: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat*. S. 14–15. Сам исследователь придерживается даты 31.12.33 г. При этом главным его аргументом является оговорка Октавиана о том, что он осуществлял триумvirскую власть в течение 10 лет.

88

Можно согласиться с Й. Бляйкеном в том, что триумвират был не традиционной должностью, а новой формой власти, см.: Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat*. S. 21.

89

Подобные представления возникли еще в конце 2-й Пунической войны и были связаны с образом Сципиона Африканского, см. гл. 1.1 настоящей работы.

В полной мере это получит свое проявление уже с утверждением принципата Августа. Эти вопросы наиболее подробно см. в работах: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 383–384; Штаерман Е. М. Социальные основы религии... С. 209.

91

На оживление политической активности Лепида указывает и возобновление им чеканки собственной монеты, см.: Парфенов В. Н. Триумвир... С. 135; М. Грант также приписывает Лепиду монету с портретом Цезаря на аверсе и морской символикой на реверсе, см.: Grant M. From imperium to auctoritas... P. 11.

92

Прежде *crimen de vi* карались Плавциевым законом 89 г., если исходили от магистрата, и Лутациевым законом 78 г., если исходили от частного лица; *crimen de maiestate*, *crimen minute maiestatis populi Romani* – Аппиевым законом 103 или 100 г., Бариевым законом 90 г., Корнелиевым законом (*Quaestio perpetua de maiestate*) 81 г.

93

Современные исследователи совершенно справедливо замечают, что право рекомендации и назначения должностных лиц на много лет вперед продолжает практику Юлия Цезаря, см.: Jehne M. Der Staat des Dictators Caesar. Kölner, 1987. S. 110–112; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 45.

94

Заманчивое предположение высказал в связи с этой проблемой А. П. Беликов: поведение Антония в решающем сражении с Октавианом у Акция можно объяснить тем, что он боялся вместе с потерей Клеопатры потерять Египет – главный свой оплот на востоке. См.: Беликов Л. П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 375.

95

Некоторые исследователи не без основания считают, что внесение родственников в проскрипционные списки было демагогическим приемом: приговоренным удалось избежать наказания (App. V. С., IV, 37), см.: Машкин Н.Л. Принципат Августа. С. 188; Туркина Л. Г. Прокрипции второго триумvirата... С. 9; Syme R. The Roman Revolution. P. 188.

96

Г. Ферреро, хотя и говорил, что история Перузинской войны достаточно темная, очень прямолинейно связывал события с политическими планами Луция и Фульвии. Более того, он утверждал, что в 42–41 гг. Фульвия буквально управляла Римом, см.: Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 3. С. 149–151, 159.

97

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
В. Н. Парфенов считает, что они не превышали 25 югеров, см.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 58. Правда, есть свидетельства современников о том, что земельные наделы могли быть колоссальными: Антоний, например, раздавая лучшие кампанские и леонтинские земли своим друзьям, предоставил 3 тыс. югеров своему врачу и 2 тыс. югеров ритору (Cic. Phil., II, 101). Однако это, безусловно, исключения из пра-вила, которые лишь подтверждают общую практику.

98

Правда, еще до начала военной кампании 42 г. Октавиан обещал исключить из намеченного ранее списка Регий и Гиппоний, см.: App. В. С., IV, 86.

99

Наиболее обоснованный вывод содержится в работах В. И. Кузицина: последствия аграрных мероприятий неоднозначны, ветераны увеличили число мелких землевладельцев Италии, но усилились и позиции крупного землевладения в лице командного состава, см.: Кузицин В. И. 1) Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. – I в. н. э.). М., 1976. С. 144; 2) Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1973. С. 16.

100

В западной историографии, как правило, экспроприация земли для армии триумвиров рассматривается как процесс уничтожения италийского крестьянства, см.: Cardthausen V. Augustus und seine Zeit. Bd. 1. S. 192; Syme R. The Roman Revolution. P. 208; Cabba E. Esercito e societa nella tarda Republica Romana. Firenze, 1973. P. 134. В советской историографии было принято считать, что земельные конфискации имели вполне определенную социальную направленность и были ударом по италийской муниципальной аристократии, см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 221; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 185. Правда, при этом признавалось, что муниципальная знать была важной опорой цезарианского режима, см.: Утченко С. Л. Становление Римской империи и проблема социальной революции // ВИ. 1967. № 7. С. 110; Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 185; Парфенов В. И. Рим от Цезаря... С. 55.

101

Историки Нового времени по-разному датируют и аргументируют этот поворот. М. Грант и Г. Бенгтсон, например, считают возможным говорить о начале борьбы Октавиана за единоличную власть и о его переходе к имперской политике уже в 42 г., см.: Грант М. Двенадцать цезарей. М., 1998. С. 58; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte... S. 244–245. Р. Ю. Виппер видел элементы поворота в политике Октавиана в событиях 41 г. и считал, что после 36 г. они получили развитие, см.: Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 342. Большая часть отечественных исследователей связывает начало перехода к конструктивной политике с Мизенским соглашением 39 г., см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 254; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 82; Парфенов В. И. Рим от Цезаря... С. 95; некоторые – с формальным распадом триумvirата в связи с лишением Аепида триумvirских полномочий в 36 г., см.: Ковалев С. И. История Рима. С. 459; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 197.

102

Более того, Й. Бляйкен считает, что Октавиан, не пользуясь титулатурой триумвира, опирался на триумvirские полномочия вплоть до 27 г., см.: Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 71–72, 82.

103

Подстрочная библиография представленной читателям книги насчитывает 570 названий работ отечественных и зарубежных авторов. В библиографическом приложении названы наиболее значимые, с точки зрения автора, концептуальные исследования.

comments

Ссылки

1

Проблема связи революции и роста авторитарных тенденций политической власти – предмет давних размышлений. Библиографию см.: Revolutionists. A Comprehensive Guide to the Literature. Oxford, 1982. 488 p.

2

Моммзен Т. История Рима. 2-е изд. Т. 2-3. СПб., 1994-1995. Passim.

3

См. например: Bloch J., Carcopino J. Histoire Romaine. La République Romaine de 133 a 44 avant J.-C. Des Gracques a Sulla. P., 1935. P. 169; Celzer M. Das erste Consulat des Pompeius und die Übertragung der grossen Imperien // Kleine Schriften. Wiesbaden, 1963. Bd. 2. S. 146-189, и др.

4

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 3. 2-е изд. / Пер. А. Захарова. СПб., 1998. Т. 2. С. 309.

5

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 14, 21-43, 72-100.

6

Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 1124; 52-59.

7

North J. A. The Roman Counter – Revolution // JRS. 1989. vol. 79. P. 151-156.

8

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 73-75. Ведущую роль аристократической личности в римской революции отмечали:

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosofff.org
Munzer F. Romische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 257–280; Taylor L. R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley; Los Angeles, 1949. P. 3947; Sculard H. H. Roman politics. 200150 B. C Oxford, 1951. P. 30; Cruen E. S. Roman politics and the criminal courts 149–78 B. C Cambridge, 1968. P. 42; Etienne R. Jules Cesar. P., 1997. P. 212.

9

Утченко С. Л. 1) Становление Римской империи и проблема социальной революции // ВИ. 1964. № 7. С. 106–118; 2) Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 24; Штаерман Е. М. Проблема падения Римской республики в советской историографии // ВИ. 1966. № 3. С. 8393.

10

Kornemann E. Romische Geschichte. Bel. 1. Stuttgart, 1938.

11

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 324.

12

Ковалев С. И. 1) две проблемы римской истории // ВДИ. 1947. № 4. С. 96; 2) История Рима. С. 324–325, 364, 399–409.

13

Heufi A. 1) Der Untergang der romischen Republik und das Problem der Revolution // HZ. 1956. № 182. S. 128; 2) Das Revolutionsproblem im Spiegel der antiken Geschichte // HZ. 1973. № 216. S. 172; Meier Chr. Res publica amissa. Eine Studie zu Ferfassung und Geschichte der späten romischen Republik. Wiesbaden, 1966. S. 203–204.

14

Heufi A. Romische Geschichte. Braunschweig, 1960. S. 210.

15

Smith R. The Failure of the Roman Republic. Cambridge, 1955; Kaue11 F. R. Cicero and the Roman Republic. L., 1956. P. 360.

16

Christ K. Geschichte der Romischen Keiser Zeit (von Augustus bis zu Konstantin). 2 Aufl. München, 1992. S. 2, 11.

17

См., например: Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., 1949. С. 7.

18

Утченко С. Л. 1) Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 27; 2) Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986. С. 6.

19

Утченко С. Л. 1) Древний Рим... С. 7, 25–26; 28; 2) Цицерон... С. 6, 9598.

20

Подробную историографию данной проблемы – см.: Tornow E. Der Revolutionsbegriff und die spätere römische Republik – eine Studie zur deutschen Geschichtsschreibung im 19 und 20 Jh. Frankfurt a/M.; Bern; Las Vegas, 1978; Castritius H. Der römische Prinzipat als Republik. Husum, 1982. S. 1215.

21

Meyer Ed. Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompejus. Stuttgart; B., 1922. Passim.

22

Wiedemann L. 1) Caesars Monarchie und der Prinzipat des Augustus // Saeculum Augustum. B., 1941. S. 61–77; 2) Princeps (civitatis) // RE. 1954. Bd. 22. Hbhd. 44. Sp. 2006–2014; 3) Neue Forschungen zum Römischen Prinzipat // ANRW. T.1. 2. Bd. 1. B.; N. Y., 1975. S. 376.

23

Meyer Er. 1) Römischer Staat und Staatsgedanke. Zurich; Stuttgart, 1961. С. 370; 2) Einführung in die antike Staatskunde. Darmstadt, 1968. S. 231, 229.

24

Eder W. Augustus and the power of tradition // Between republic and empire. 1990. P. 71–122.

25

Наиболее ярким выразителем «теории конфликтов» является Г. Альфельди, см.: Alföldy C. 1) Die römische Gesellschaft – Struktur und Eigenart // Gymnasium. 1976. Bd. 83. S. 1; 2) The social history of Rome. Ed. 5. Routledge, 1988. P. 73–93. Созвучные оценки высказывают П. А. Брант, Г. Шнайдер и др. См.: Brunt P. A. Social conflicts in the Roman Republic. L., 1971; Schneider H. Die Entstehung der römischen Militärdiktatur. Krise und Niedergang einer antiken Republik. München, 1977.

26

Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.;
Страница 212

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Л., 1949. С. 294–296.

27

См.: Сергеев В. С. 1) Эпоха военных диктатур // БК. 1936. № 8. С. 85–97; 2) Второй триумвират и падение Римской республики // ИЖ. 1937. № 9. С. 63–76; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985; Игнатенко А. В. Древний Рим. От военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1986; Камалутдинов К. Я. Цицерон о месте и роли *princeps* в политической системе римского общества (по материалам трактата «О государстве») // АМА. Вып. 6. Саратов, 1986. С. 30; Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994.

28

Zuchold В. Zum Problem Evolution oder Revolution in der späten römischen Republik // *Klio*. 1979. № 61. Hf. 2. S. 593–596.

29

Данная проблема имеет богатую историографию, в которой представлены различные оценки характера римских завоеваний. Теория «оборонительного римского империализма» разработана в трудах: Моммзен Т. История Рима. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1994. С. 609–610; Frank T. A history of Rome. N. Y., 1928. P. 148, 164; Harris W.-V. War and Imperialism in republican Rome: 327–70 B. C Oxford, 1979. P. 175–254; Scullard H. N. Roman politics. 200–150 B. C Oxford, 1951. P. 91; Carcopino J. Les etapes de l'imperialisme romaine. P., 1961. P. 87–88; Sigrid A. Bellum iustum. Die Theorie des «gerechten Krieges» und ihre praktische Bedeutung für die auswärtigen Auseinandersetzungen Roms in republikanischer Zeit // *FAS*. 1980. Hf. 10. S. 132. Теория «случайного римского империализма» разработана в трудах: Errington R. M. The down of Empire. Rome's Rise to World Power. Ithaca; N. Y., 1973. P. 3; Werner R. Das Problem des Imperialisms und die römische Ostpolitik in zweitem Jahrhundert v. Chr. // *ANRW*. Tl. I. Bd. 1. V.; N. Y., 1972. S. 523, 557, 562–563. Теория «агрессивного римского империализма» разработана в трудах: Беликов А. П. Рим и эллинизм: Проблемы политических экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 73–75, 86; Badian E. Roman imperialism in the Late Republic. 2 ed. Oxford, 1968. P. 17–20; De Sanctis C. Storia dei Romani. Vol. 4. Firenze, 1968. P. 23; Dahlheim W. Gewalt und Herrschaft. Das provinzielle Herrschaftssystem der römischen Republik. В., 1977. Passim. Подробно историография проблемы представлена: Кашеев В. Ил) Некоторые концепции «римского империализма» в англо-американской историографии новейшего времени // Вопросы отечественной и зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань, 1981. ч. 1. С. 139–146; 2) Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н. э. М., 1993. С. 46–86; Хашов А. М. Проблема «римского империализма» во французском антиковедении // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века. Уфа, 1990. С. 86–91.

30

Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III–II вв. до н. э. (до гракханского движения). М., 1971. С. 67; Dieter H., Cunter R. Römische Geschichte. В., 1979. S. 56–57; Hantos Th. Das römische Bundesgenossesystem in Italien // *Vestigia*. Beiträge zur alten Geschichte. München, 1983. S. 131.

31

На эти цифры опирались Г. Блох и Ж. Каркопино: Block C, Carcopino J.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Histoire Romaine. La République Romaine de 133 a 44 avant J.-C. Des
Gracques a Sulla. P., 1935. P. 162.

32

Badian E. Roman imperialism in the Late Republic. P. 17, 20.

33

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования
принципата. Л., 1985. С. 27–29; De Sanctis C. Storia dei Romani. P. 26;
Harris W.-V. War and Imperialism... P. 54, 56, 103104.

34

О римской экспансии II в. и ее последствиях см. подробнее: Ковалев С. И.
История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 305–306; Беликов А. П. Рим и эллинизм...
С. 36–112; Block C, Carcopino J. Histoire Romaine. P. 46–66, 119–139;
Badian E. Roman imperialism... P. 1720; Harris W.-V. War and imperialism... P.
2, 4, 9, 54, 103104; Diter H., Gunter R. Romische Geschichte. S. 86–101;
North J. The development of roman imperialism // JRS. 1981. Vol. 71. P. 19;
Alfoldy C. The social history of Rome. 5nd ed. L., 1988. P. 42; War and
society in the Roman world // Ed. by J. Rich, G. Shipley L.; N. Y., 1993.
Passim.

35

Определяющее значение «великих завоеваний» Рима для трансформации римской
республики в империю отмечается практически всеми исследователями римской
истории. Укажем лишь некоторые важнейшие отечественные и зарубежные
издания: Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 6, 10–12,
23–24; Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975. С. 19–20; Егоров
Л. Б. Рим на грани эпох. С. 25–36; Беликов Л. П. Рим и эллинизм... С. 36, 197;
Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 427–443, 385–611; Afzelius A, Die
römische Eroberung Italiens (340–264 B. C). Aarhus, 1942. Passim;
Rudolph H. Stadt und Staat im römischen Italien (Untersuchungen
über die Entwicklung des Munizipalwesens in der republikanischen
Zeit). 2 Aufl. Gottingen, 1965. Passim; Bengtson H. Grundriß der
römischen Geschichte mit Quellenkunde. Bd. 1. 2 Aufl. München,
1970. S. 129–130; Salmon E. T. Roman colonization under the Republic. L.,
1969. Passim; Brunt P. A. Social conflicts in the Roman Republic. L., 1971.
P. 119; Sherwin-white A. N. The Roman citizenship. Oxford, 1973. Passim;
Calsterer H. Herrschaft und Verwaltung im republikanischen Italien. Die
Beziehungen Roms zu den italischen Gemeinden vom Latinerfrieden 338 v. Chr.
bis zum Bundesgenossenkrieg 91 v. Chr. München, 1976. Passim;
Clavel-Leveque M. La societa italica dolo la terza guerra punica. I Gracchi
//La tarda republica e il principato. Vol. 2. Milano, 1987. P. 14–15;
Alfoldy C. The social history... P. 26–28.

36

Frank T. Roman census statistics from 225 to 28 B.C.// CIPh. 1924. № 19. P.
329.

37

Dieter H., Cunter R. Romische Geschichte. S. 57.

38

Brunt P. A. Italian manpower 225 B. C. – A. D. 14. Oxford, 1987. P. 121; Alfdldy C. The social history... P. 30.

39

Dieter H., Cunter R. Romische Geschichte. S. 98.

40

Beloch K. J. Der italische Bund unter Roms Hegemonic Leipzig, 1880. S. 74.

41

Dieter H., Cunter R. Romische Geschichte. S. 98.

42

Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев... С. 112–118; Dieter H., Günter R. Römische Geschichte. S. 98–99.

43

Литература, посвященная реформам братьев Гракхов и вызванному ими социально-политическому движению, обширна. Укажем на некоторые важнейшие отечественные и зарубежные исследования: Гримм Э. Д. Братья Гракхи, их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1894; Фельсберг З. Братья Гракхи. Юрьев, 1910; Штерн Э. Р. К оценке деятельности Тиберия Гракха. Харьков, 1913; Борский Г. Тиберий Гракх. М., 1920; Протасова С. И. Борьба общественных идеалов в Риме в эпоху Гракхов // Из далекого и близкого прошлого. Пг., 1923. С. 29–40; Вихи-рев И. Аграрные законопроекты Римской республики (братья Гракхи) // Пиш. 1934. № 4. С. 3344; Сергеев В. С. 1) Реформы братьев Гракхов. Горький, 1935; 2) Гражданская война в Риме в конце Республики (Гракхи) // БК. 1936. № 9. С. 90101; Бокщанин Л. Г. Попытки аграрных реформ и социальная борьба в Римской республике в конце II в. до н.э. // Пиш. 1954. № 4. С. 34–46; Сергеенко М. Е. 1) Три версии в плутарховой биографии Тиберия Гракха // ВДИ. 1956. № 1. С. 47–49; 2) Земельная реформа Тиберия Гракха и рассказ Аппиана // ВДИ. 1958. № 2. С. 150156; Егоров Л. Б. Рим на грани эпох... С. 37–45; чеканова Н. В. Эволюция системы триумvirата в Риме при переходе от республики к империи. Ярославль, 1992. С. 39–51; Мейер Э. Движение Гракхов // Очерки по экономической и социальной истории Древнего мира и Средних веков. СПб., 1899. С. 143–162; Моммзен Т. История Рима. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1994. С. 75–94; Kornemann E. Zur Geschichte der Gracchenzeit. Quellenkritische und chronologische Untersuchungen. Leipzig, 1903; Pohlman R. Zur Geschichte der Gracchenzeit. München, 1908; Meyer E. Untersuchungen der Geschichte der Gracchen // Kleine Schriften. Halle, 1910. S. 381–441; Earl D. C Tiberius Gracchus. A study in Politics. Brussels, 1963; Nicolet CI. L'inspiration de Ti. Gracchus // REA. 1965. vol. 67. P. 142–159; Taylor L. R. Appian and Plutarch on Tiberius Gracchus last assembly // Athenaeum. 1966. № 44. P. 238–250; Rodl B. Das senatusconsultum und der Tod der Gracchen. Bonn, 1969; Badian E. 1) From the Gracchi to Sulla // Historia. 1962. Bd. 11. Hf. 2. P. 197 ff.; 2) Tiberius Gracchus and the beginning of Roman revolution // ANRW. Tl. I. Bd. 1. V.; N. Y., 1972; Molthagen J. Die Durchfuehrung der gracchischen Agrarreform // Historia. 1973. Bd. 22. S. 423 ff.; Brisco J. Supporters and opponents of Tiberius Gracchus // JRS. 1974. vol. 64. P. 125 ff.; Meister K. Die Bundesgenossen Gesetzgebung des Gaius Gracchus // Chiron. 1976. № 6. S. 113–125; Bernstein A. H. Tiberius Sempronius Gracchus. Tradition and apostasy. L., 1978. Passim.

44

Christ K. Kriese und Untergang der römischen Republik. Darmstadt, 1979. S. 117–118; Alföldy C. The social history... P. 73.

45

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи... С. 14, 27; Вихирев Н. Аграрные законопроекты... С. 43; Бокиуанин А. Г. Попытки аграрных реформ... С. 43; Егоров А. Б. Социально-политическая борьба в Риме в 80-е годы I в. до н. э. (к истории диктатуры Суллы) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 118; Kornemann E. 1) Zur Geschichte der Gracchenzeit... S. 14; 2) Römische Geschichte. Bd. 1. Stuttgart, 1938. S. 428–429; Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte... S. 158, 167; Alföldy C. The social history... P. 74–76, 83.

46

Заборовский. Я. Ю. 1) Некоторые стороны политической борьбы в римском сенате (40–20 гг. II в. до н. э.) // ВДИ. 1977. № 3. С. 188; 2) Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985. С. 118, 120–122; Alföldy C. Zur Geschichte der Gracchenzeit... S. 450–453; Earl D. C. Tiberius Gracchus. P. 61; Nicolet C. L'inspiration de Ti. Gracchus. P. 142–159; Badian E. Tiberius Gracchus... P. 690.

47

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 88–89.

48

Vlock C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 265.

49

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 68, 78. Ср.: Сергеев В. С. Гражданская война в Риме... С. 93; Ковалев С. И. История Рима. С. 351–353; Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte... S. 164–166.

50

Игнатенко А. В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики. Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976. С. 115–116, 118; Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений... С. 106; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 44–45; Bernstein A. N. Tiberius Sempronius Gracchus. S. 159.

51

Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit (von Augustus bis zu Konstantin). 2 Aufl. München, 1992. S. 26.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
52

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 161.

53

Dieter H., Gunter R. *Römische Geschichte*. S. 99; Alföldy C. *The social history*... P. 53–55, 72.

54

Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и италийцев... С. 128–130; Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 623–626; Т. 2. С. 162–163; Block C., Carcopino J. *Histoire Romaine*. P. 135–137; Hantos Tk. *Das römische Bundesgenossensystem*... S. 149; Alföldy C. *The social history*... P. 26–28.

55

Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 165.

56

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 174; Коптев А. В. Античная форма собственности и государство в древнем Риме // ВДИ. 1992. № 3. С. 24–26; Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 185; Vadian E. *Foreign Clientelae*. 264–70 B. C. Oxford, 1958. P. 154–155. О провинциальной политике Рима см.: Dahlheim W. *Gewalt und Herrschaft*. S. 32–35.

57

Dieter H., Gunter R. *Römische Geschichte*. S. 92.

58

В исторической литературе восстание Аристоника чаще всего рассматривается как широкое социально-классовое движение. См.: Мишулин А. В. Революция рабов и падение римской республики. М., 1936. С. 40, 42, 47; Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 342; Ковалев С. И. История Рима. С. 331–332; Машкин И. А. История древнего Рима. М., 1956. С. 221–222; Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I–III вв. М., 1977. С. 209; Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969. С. 193, 194; Rostoutzeff M. *The Social and Economic History of the Hellenistic world*. Vol. 2. Oxford, 1953. P. 807–808; Tarn W. 1) *Alexander the Great*. Vol. 2. Cambridge, 1948. P. 411; 2) Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 129, 130; Vavrinek V. 1) *La revoke d'Aristonicos*. Praha, 1957. P. 30, 46, 51; 2) *On the Structure of the Slave Revolts // Socialen Probleme in Helenismus und in römischen Reiches* / Ed. P. Oliva, J. Burian. Praha, 1973. P. 203–212; Cunther R. *Der Aufstand des Spartacus*. B., 1987. S. 77–78.

59

Климов О. Ю. 1) Восстание Аристоника: проблема интерпретации // *Античность, Средние века и Новое время. Социально-политические и этно-культурные процессы*. Н. Новгород, 1997. С. 29–30; 2) К оценке характера восстания Аристоника в Пергаме // *Античный мир. Проблемы истории и культуры*. СПб.,
Страница 217

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org 1998. С. 235. См. также: Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 347–348; Dieter H., *Günter R. Römische Geschichte*. S. 117–118; Alföldy C. *The social history...* P. 68, 71.

60

Подробная библиография о вакханалиях представлена: Callini C. *Protesta e integrazione nella Roma antica*. Milano, 1970. P. 46–48.

61

Кашеев В. И. Эллинистический мир и Рим... С. 315–316; Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 820; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. 2-е изд. / Пер. А. Захарова. СПб., 1997. Т. 1. С. 19; Altheim F. *Römische Religionsgeschichte*. В.; Leipzig, 1932. S. 141–144; Block C., Carcopino J. *Histoire Romaine*. P. 51–52; Dieter H., *Günter R. Römische Geschichte*. S. 111. Правда, эти исследователи признают участие в вакханалиях городских низов, но и при этом делают акцент на религиозно-нравственной стороне явления. Есть работы, авторы которых, напротив, связывают вакханалии с широким социально-политическим движением. См., например: Bruhl A. *Liber Pater. Origines et expansions du culte Dianysiaque a Rome et dans le monde Romain*. P., 1953. P. 109–111. Наиболее взвешенный взгляд по этому вопросу см.: Маяк И. Л. *Взаимоотношения Рима и итальянцев...* С. 134–137; Hantos Th. *Das römische Bundesgenossesystem in Italien*. S. 179.

62

Vogt J. *Sklaverei und Humanitat. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung*. Wiesbaden, 1972. S. 20–26; Schneider H. *Zur Social- und Wirtschaftsgeschichte der spaten römischen Republik*. Darmstadt, 1976. S. 237; Dieter H., *Günter R. Römische Geschichte*. S. 115–117; Alföldy C. *The social history...* P. 67–71. Подробная библиография о рабских выступлениях периода поздней Римской республики и их характере представлена: Vogt J., Brockmeyer M. *Bibliographic zur antiken Sklaverei*. Bochum, 1971. S. 149–150.

63

Block C., Carcopino J. *Histoire Romaine*. P. 181–265; Brunt P. A. *Social conflicts...* P. 74–76; Alföldy C. *The social history...* P. 65–66.

64

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. С. 16; Badian E. *Foreign Clientelae...* P. 221–223; Hantos Th. *Das römische Bundesgenos-sesystem in Italien*. S. 168, 181; Alfölgy C. *The social history...* P. 38–40, 67, 72–73.

65

Маяк И. Л. *Взаимоотношения Рима и итальянцев...* С. 108; Циркин Ю. Б. 1) Римская колония Новый Карфаген // ВДИ. 1981. № 4. С. 145–148; 2) Древняя Испания. М., 2000. С. 168–169; Syme R. *The Testament of Dasumii: Some Novelities* // *Chiron*. 1985. № 15. P. 43; Petersmann H. *Die Urbanisierung des römischen Reiches im Lichte der lateinischen Sprache* // *Gymnasium*. 1989. Bd. 96. Hf. 5. S. 423–424.

66

Сергеев В. С. Гражданская война в Риме... С. 96.

67

Заборовский Я. Ю. 1) Римские цензы в период кризиса и падения Римской республики (102–28 гг. до н. э.) // ВДИ. 1982. № 3. С. 46–47; 2) Очерки по истории аграрных отношений... С. 19.

68

Meier Chr. *Res publica amissa. Eine Studie zu Fassung und Geschichte der römischen Republik*. Wiesbaden, 1966. S. 301–304; Alföldy C. *The social history of Rome*. P. 91.

69

См.: Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М., 1986. С. 20–24; Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 236–260; Mommson F. *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart, 1920; Celzer M. *Die Nobilität der römischen Republik // Kleine Schriften*. Wiesbaden, 1962; Nicolet C.I. *L'ordre equestre à l'époque républicaine (312–43 av. J.-C)*. Vol. 1. *Definitions juridiques et structures sociales*. P., 1966; Brunt P. A. *Social conflicts in the Roman Republic*. L., 1971.

70

Crook J. *Law and life of Rome*. Ithaca; N. Y., 1967; Burford A. *Craftsmen in Greek and Roman society*. Ithaca; N. Y., 1972.

71

См.: Alföldy C. *The social history of Rome*.

72

Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. Ч. 1. М., 1938; Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. Ср.: Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 23–34; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. С. 17–18, 21; Taylor L. R. *Party politics in the age of Caesar*. Berkeley; Los Angeles, 1949. P. 5, 55; Dinter H., Ginter R. *Römische Geschichte*. S. 115.

73

Утченко С. Л. 1) О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества // ВДИ. 1951. № 4; 2) Кризис и падение Римской республики... С. 122–152; Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964; Кузицын В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.

74

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosofff.org

Ковалев С. И. История Рима. С. 100–103; Brunt P. A. Social conflicts... P. 42–59; Alföldy C. The social history... P. 25.

75

Ковалев С. И. История Рима. С. 101; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 30–31; Celzer M. Die Nobilitat... S. 17–19; Alföldy C. The social history... P. 33–34.

76

Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 5; Alföldy C. The social history... P. 32.

77

Трухина Н. Н. Политика и политики... С. 40–45.

78

Willems P. C. Le sénat de la République romaine. Vol. 1. Louvain, 1885. P. 153; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 4.

79

Подробнее см.: Mönzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.

80

Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 6.

81

Walbank F. W. The awful revolution. The decline of the Roman Empire in the West. Toronto, 1966. P. 4.

82

Подробный анализ консульских факт за обозначенный период см.: Bengtson H. Grundrifi der römische Geschichte... S. 155. См. также: Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 32–34.

83

Трухина Н. Н. Политика и политики... С. 42; Wiseman T. P. New Men in the Roman Senate 139 B. C – 14 A. D. Oxford, 1970. P. 164–166, 203; Calsterer H. Herrschaft und Verwaltung... S. 142–145.

84

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosofff.org

Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 346; Cruen E. S. The last generation of the Roman Republic. Berkeley, 1974. P. 47–82, 455–497; Diter H., Gunter R. Römische Geschichte. S. 95; Bleicken J. Geschichte der römischen Republik. 2 Aufl. München, 1982. S. 234–235; Christ K. Römische Geschichte und Wissenschaftsgeschichte. 3 Aufl. Darmstadt, 1983. S. 136–138; Nicolet C.I. Le classi dirigenti romani sotto la repubblica: ordine senatorio e ordine equestre // La tarda repubblica e il principato. Vol. 2. Milano, 1987. P. 52, 55; Alfdldy G. The social history... P. 87.

85

Wiseman T. P. New Men... P. 191–192.

86

Трухина Н. Н. Политика и политики... С. 33.

87

Celzer M. Die Entstehung der römischen Nobilitat // HZ. 1921. № 123. S. 1–13; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 30; Diter H., Günter R. Römische Geschichte. S. 5; Alfdldy C. The social history... P. 32–34.

88

Машкин Н. А. История древнего Рима. С. 127; Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 13.

89

Егоров А. Б. Республиканская знать и становление системы принципата // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул, 1988. С. 26–36; Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 3. Leipzig, 1888. S. 461–465; Gelzer M. Die Nobilitat... S. 17; Alfdldy C. The social history... P. 45.

90

Broughton T. R. S. The magistrates of the Roman republic. vol. 1. P. 237.

91

Schneider H. Zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte... S. 311–313; Alfdldy C. The social history... P. 46–47.

92

Nicolet Cl. Le cens senatorial sous la Republique et sous Auguste // JRS. 1976. Vol. 66. P. 20–38.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
93

См.: Astin A. E. *Cato the Censor*. Oxford, 1978; Kienast D. *Cato der Censor*. 2 Aufl. Darmstadt, 1979.

94

Taylor L. R. *Party politics...* P. 47; Badian E. *Foreign Clientelae*. 264–70 B. C Oxford, 1958. *Passim*.

95

Block C., Carcopino J. *Histoire Romaine*. P. 33–34; Celzer M. *Die Nobilitat...* S. 40–41; Bengtson H. *Grundrifi der römischen Geschichte...* S. 154; Alfölidy C *The social history...* P. 33–34, 44, 48.

96

См.: Boren H. C. *Livius Drusus, t. p. 122, and his anti-Gracchan Program // CHJ*. 1956. Vol. 52. P. 27–36; Brueivaene M. van den. *L'opposition a Scipio Emilien apres la mort de Tiberius Gracchus // Phoibos*. 1950–1951. Vol. 5. P. 229–238.

97

Ковалев С. И. *История Рима*. С. 321–322; Трухина Н. Н. *Политика и политики...* С. 21; Моммзен Т. *История Рима*. Т. 1. С. 615; Block C., Carcopino J. *Histoire Romaine*. P. 72.

98

Alfölidy C. *The social history...* P. 50.

99

Christ K. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. S. 34.

100

Nicolet C.I. 1) *L'ordre equestre...* P. 162–246; 2) *Le classi dirigenti romane sotto la repubblica...* P. 46–49.

101

Ср.: Беликов А. П. *Рим и эллинизм...* С. 218.

102

Nicolet C.I. *L'ordre equestre...* P. 405.

103

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org

О социальной типологии всадничества см.: Nicolet C.I. *L'ordre equestre...* P. 285–286; Badian E. *Publicans and Sinners: Private enterprise in the service of Roman Republic.* Oxford, 1972.

104

Моммзен Т. *История Рима. Т. 2. С. 84.* Ср.: Ковалев С. И. *История Рима. С. 321–322*; Машкин Н. А. *История древнего Рима. С. 189*; Игнатенко А. В. *Древний Рим... С. 85*; Dierker H., *Antike Römische Geschichte. S. 105.*

105

Nicolet C.I. *L'ordre equestre...* P. 162–246. Ср.: Утченко С. Л. *Политические учения древнего Рима (III–I вв. до н. э.). М., 1977. С. 51*; Трухина Н. Н. *Политика и политики... С. 21*; Беликов Л. П. *Рим и эллинизм... С. 218*; Alföldy C. *The social history... P. 43.*

106

Hill H. *The Roman middle class in the republican period.* Oxford, 1952. P. 87–88; Bengtson H. *Grundriss der römischen Geschichte... S. 156.*

107

Ковалев С. И. *История Рима. С. 322–323*; Нин К. В. *История Римской республики / Пер. с нем. под ред. Д. П. Кончаловского. М., 1908. С. 125, 368, 388, 399*; Cabba E. *Mario e Silla // ANRW. Tl. I. Bd. 1. V. N.Y., 1972. P. 780.*

108

Утченко С. Л. *Кризис и падение Римской республики... С. 132*; Трухина Н. Н. *Политика и политики... С. 23–24*; Hill H. *The Roman middle class... P. 45–47*; Nicolet C.I. 1) *L'ordre equestre... P. 254–256, 283–285*; 2) *Le classi dirigenti romane sotto la repubblica... P. 49.*

109

Утченко С. Л. 1) *Кризис и падение Римской республики. С. 125–126*; 2) *Древний Рим. С. 9*; Егоров А. Б. *Рим на грани эпох. С. 32*; Моммзен Т. *История Рима. Т. 2. С. 58*; Rostowtzev M. *Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Bd. 1. Leipzig, 1932. S. 28, 54, 85, 161, 324*; Block C., Carcopino J. *Histoire Romaine. P. 165–166*; Bengtson H. *Grundriss der römischen Geschichte... S. 156*; Alföldy C. *The social history... P. 52–53.*

110

О новых принципах ведения и организации хозяйства см.: Кузищин В. И. *Античное классическое рабство... С. 163–243*; Brockmeyer N. *Arbeitsorganisation und ökonomisches Denken in der Gutswirtschaft des römischen Reiches. Bochum, 1968. S. 72–75*; Dierker H., *Antike Römische Geschichte. S. 99–100.*

111

hert P. Die plebs urbana der späten römischen Republik. В., 1991. S. 12-13.

112

См.: Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи Пунических войн: В 2 кн. Воронеж, 1996; Astin A. E. Scipio Aemilianus. Oxford, 1967; Scullard H. N. Scipio Africanus: Soldier and Politician. Bristol, 1970.

113

Трухина Н. И. Политика и политики... С. 22-23. Ср.: Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 250-253; Gelzer M. Die Nobilitat... S. 17 ff.

114

Егоров А. Б. Муции Сцеволы, Лицинии Крассы и Юлии Цезари (римская интеллигенция и кризис конца II – начала I в. до н. э.) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира /Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 2. СПб., 2003. С. 191-204.

115

Кучеренко Л. П. Цензорская магистратура в сословной борьбе республиканского Рима // Жебелевские чтения-3: Тез. докл. СПб., 2001. С. 136-140.

116

Павлов А. А. Плебейский трибунат в изображении Цицерона // Жебелевские чтения-3: Тез. докл. СПб., 2001. С. 145-149.

117

Mouritsen H. Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge, 2001. P. 42-45. См. также: Утчченко С. Л. Политические учения... С. 39-41.

118

См.: Volkmann H. Die Massenversklavungen der Einwohner eroberter Stadte in der hellenistisch-römischen Zeit // Abh. Akad. Mainz. 1961. № 3; Harris W.-V. Demography, geography and the sources of Roman slaves // JRS. 1999.Vol. 89. P. 62-75.

119

Christ K. Geschichte der Römischen Kaiserzeit. S. 31.

120

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosofff.org
Об античном классическом рабстве написано огромное количество работ.
Назовем лишь основные, в которых дана характеристика римского рабства
периода поздней Республики, см.: Westermann W. L. The slave systems of
Greek and Roman antiquity. Philadelphia, 1955. P. 57–72; Vogt J. Sklaverei
und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung.
Wiesbaden, 1978. Passim; De Martino F. Wirtschaftsgeschichte des alten Rom.
München, 1985. S. 69–81; Alföldy C. The social history... P. 56–57.
Западноевропейская историография проблемы представлена: Herrmann-Otto E.
Bibliographie zur antiken Sklaverei. Bochum, 1983; отечественная: Чиглинец
Е. А. Античное рабство как историографическая проблема. Казань, 2000.

121

Brunt P. A. Social conflicts... P. 74–76; Alföldy C. The social history...
P. 65–67.

122

Штаерман Е. М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад / Отв. ред. Е.
С. Голубцова. М., 1992. С. 147–148; Alföldy C. Die römische
Gesellschaft: Ausgewählte Beiträge. Wiesbaden, 1986. S. 335–394.

123

См.: Межерицкий Я. Ю. Iners otium // Быт и история в античности / Под ред.
Г. С. Кнабе. М., 1988. С. 41–68.

124

Рабинович Е. Луцилий. Вводная статья // Римская сатира. М., 1989. С. 347.

125

Утченко С. Л. 1) Кризис комициального устройства в Риме // ВДИ. 1959. № 2.
С. 83–85; 2) Кризис и падение Римской республики. С. 115–121; Bengtson H.
Grundriss der römischen Geschichte... S. 154–155.

126

Нич К. В. История Римской республики. С. 309; Герье В. И. Основы римской
истории. М., 1908. С. 53; Штерн Э. Р. К оценке деятельности Тиберия Гракха.
С. 23; Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 61; Сергеев В. С.
Очерки по истории древнего Рима. Ч. 1. С. 172.

127

См.: Shackleton-Bailey D. The Roman nobility in the 2-nd civil war // CQ.
1960. № 2. P. 264–265.

128

Бобровникова Т. А. Религиозно-правовые аспекты сципионовой «легенды» //
Древнее право. Ius antiquum. № 1 (4). 1999. М., 1999. С. 4455.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org

129

Дождев Д. В. Римское архаическое наследственное право. М., 1993. С. 3539.

130

Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte... S. 129–130, 155; Alföldy C. The social history... P. 48.

131

Эта схема была предложена Т. Моммзенем – см.: Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 57–58. Она иногда полностью, иногда частично была воспринята отечественными историками, см.: Машкин Н. А. Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н. э. // ВДИ. 1947. № 3; Утченко С. Л. 1) Идеино-политическая борьба в Риме... С. 233–235; 2) Кризис и падение Римской республики. С. 156–173; 3) Политические учения... С. 64.

132

Syme R. The Roman Revolution. P. 1014, 44; Taylor L. R. Party politics... P. 36–43; Cruen E. S. Roman politics and criminal courts. 149–78 B. C Cambridge, 1968. Passim.

133

Celzer M. Die Nobilitat... S. 40, 81, 89; Münzer F. Römische Adelsparteien... S. 98–112; Scullard H. 1) Scipio Africanus... P. 160–161, 182–184; 2) Roman politics... P. 38–88.

134

Трухина Н. Н. Политика и политики... С. 45–59.

135

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. С. 172–173; Егоров А. Б. Политические партии в Риме в период гражданских войн II – I вв. до н. э.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1977. С. 4–12; Meier Chr. Res publica amissa. S. 21–23, 307–308.

136

См.: Talbert R. J. A. The senate of imperial Rome. Princeton [N. Y.], 1984.

137

О некомпетентности сенатского режима во II – начале I в. и постепенном наступлении автократии писали: Егоров А. Б. Социально-политическая борьба в Риме... С. 120; Syme R. The Roman Revolution. P. 28–30; Степ Е. S. Roman politics... P. 136–137; Bleicken J. Geschichte der Römischen Republik. S. 234; Christ K. Römische Geschichte... S. 134.

138

Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 1. S. 13. См. также: Покровский И. А. *Право и факт в римском праве. Генезис преторского права*. Киев, 1908. С. 140, 205.

139

Егоров А. Б. *Рим на грани эпох*. С. 23. См. также: Чеканова Н. В. *Эволюция системы триумvirата*... С. 9–10, 14.

140

О магистратах и магистратской власти республиканской эпохи см. просопографическое исследование: Broughton T. R. S. *The magistrates of the Roman republic*.

141

О системе выборов в высшие органы государственной власти см.: Rosenstein N. *Sorting out the lot in Republican Rome* // *AJPh*. 1995. Vol. 116. № 1. P. 43–75.

142

Дождев Д. В. *Римское архаическое наследственное право*. С. 28; Badian E. *Foreign Clientelae*. Passim; Lombardi C. *Dalla «fides» alia «bona fides»*. Milano, 1961. P. 48, 69, 90; Alföldy C. *The social history*... P. 35.

143

Бобровникова Т. А. *Сципион Африканский*. Кн. 1. С. 49–51; Scullard H. H. *Scipio Africanus*... P. 30; Alföldy C. *The social history*... P. 48–49.

144

Бобровникова Т. А. *Сципион Африканский*. Кн. 2. С. 225–226; Scullard H. H. *Scipio Africanus*... P. 184.

145

Premerstein A. von. *Vom werden und wesen des Prinzipats*. B., 1937. S. 63–65; Syme R. *The Roman Revolution*. P. 323; Wickert L. 1) *Principes (civitatis)* // *RE*. Bd. 22. 1954. Sp. 2289–2290; 2) *Neue Forschungen zur römischen Prinzipats* // *ANRW*. Tl. II. Bd. 1. B.; N. Y., 1975. S. 76.

146

Bleicken J. *Das Volkstribunat der klassischen Republik*. München, 1968. S. 48.

147

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 119.

148

Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 38–43.

149

Утченко С. Л. Еще раз о римской системе ценностей // ВДИ. 1973. № 4. С. 43–44; Маяк И. Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина (эпоха Римской республики) // Античность и Средневековье Европы / Под ред. И. Л. Маяк, А. З. Нюркаевой. Пермь, 1996. С. 122.

150

Mommsen Th. Römische Strafrecht. Leipzig, 1899. S. 30; Brand C. E. Roman Military Law. Austin; L., 1968. P. 43, 96–97; Махлаук А. В. «Между заискиванием и суровостью». О некоторых аспектах римской воинской дисциплины // ВДИ. 1998. № 1. С. 290.

151

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. С. 185; Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. 1. М., 1985. С. 51; Абрамзон М. Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994. С. 21.

152

Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. Кн. 1. С. 91; Haywood R. M. Studies on Scipio Africanus. Baltimore, 1933. P. 29; Scullard H. H. Scipio Africanus... P. 178.

153

Badian E. Foreign Clientelae... P. 221 ff.; Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit... S. 30.

154

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. С. 175; Игнатенко А. В. Древний Рим... С. 111; Cabba E. Ricerche sull' esercito professional Romano de Mario ad Augusto // Athenaeum. 1951. № 29. P. 171.

155

Махлаук А. В. О роли личного примера полководца в римской армии // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н. П. Соколова: Материалы межвуз. конф. Н. Новгород, 1998. С. 35; Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhaltnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. Bd. 74. S. 212; Walbank F. W. The awful Revolution. P. 5.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
156

Утченко С. Л. 1) Римская армия в I в. до н. э. // ВДИ. 1962. № 4. С. 31, 42; 2) Цицерон и его время. С. 101; Абрамзон М. Г. Римская армия... С. 21; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 145.

157

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 145.

158

Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991. С. 59.

159

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 47. О незавершенности процесса профессионализации армии см. также: Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 233–238.

160

Этот тезис заявлен: Игнатенко А. В. Древний Рим... С. 112; Махлаук А. В. «Между заискиванием и суровостью»... С. 289; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 147; Watson C. R. The Roman Soldier. Ithaca; N. Y., 1969. P. 118. В исследовательской литературе можно встретить и безапелляционные суждения о том, что реформа Мария завершила процесс профессионализации римской армии, см.: Абрамзон М. Г. Римская армия... С. 20.

161

Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 337–338.

162

Пельман Р. История античного коммунизма и социализма // Общая история европейской культуры. Т. 2. СПб., 1910. С. 389–394 (перевод сделан по: Pöhlman R. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. Bd. 12. 3 Aufl. München, 1925).

163

Walter J. Histoire du communisme. T. 1. Les origines (juives, chrétiennes, grecques, latines). P., 1931. P. 16, 465.

164

Tonnies F. Fundamental Concepts of Sociology / Transl. and suppl. by C. P. Loomis // Gemeinschaft und Gesellschaft. N. Y., 1940.

165

Terner V. The Ritual Process. N. Y., 1969. P. 30.

166

Об общинном характере социальных связей в Римской республике см.: Утченко С. Л. 1) Кризис полиса и политические воззрения римских стоиков. М., 1955. С. 5–15; 2) Кризис и падение Римской республики. С. 7–9; 3) Политические учения древнего Рима (III–I вв. до н. э.). М., 1977. С. 19; 3) Штаерман Е. М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1992. С. 145.

167

Кнабе Г. С. Античный тип культуры. Его исторические предпосылки и главные черты // История и философия культуры. М., 1996. С. 11.

168

Кнабе Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // Культура древнего Рима. Т. 2 / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1985. С. 151–152.

169

См.: Штаерман Е. М. Эллинизм в Риме. С. 151.

170

Демина С. С. Римское общество I в. до н. э.: гражданское сознание и поведение: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2000. С. 17.

171

См.: Лапин Н. И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // ВФ. 1992. № 12. С. 30–31.

172

Об особенностях римских религиозных представлений см.: Wis-sowa C. Religion und Kultus der Romer. 2 Aufl. München, 1912; Klingner F. Römische Geisteswelt. 4 Aufl. München, 1961; Latte K. Römische Religionsgeschichte. 2 Aufl. München, 1967.

173

Christ K. Das Römische weltreiches. 3 Aufl. München, 1980. S. 33–34.

174

Речи Тиберия Гракха подробно исследованы в работах: Molthagen J. Die Durchfuehrung der gracchischen Agrarreform // Historia. 1973. Bd. 22. S. 423–425; Briscoe J. Supporters and opponents of Tiberius Gracchus // JRS. 1974. Vol. 64. P. 125–126.

175

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. С. 152; Alfdldy С. The social history... P. 70–71.

176

Валлон А. История рабства в античном мире / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1941. С. 431–457. Ср.: Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 650–651, 659.

177

Сергеенко М. Е. Жизнь в древнем Риме. 2-е изд. СПб., 2000. С. 260.

178

Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л., 1958. С. 17, 161; Штаерман Е. М. 1) Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 83,100; 2) Эллинизм в Риме. С. 16; Fabre С. Recherches sur les rapports patron-affranchi a la fin de la republique romaine. P., 1981. Passim; Phillips W. D. Slavery from Roman Times to the Early Transalpantice Trade. Minneapolis, 1985. P. 24– 26; Bradley K. R. Discovering the Roman Family: Studies in Roman social history. N. Y.; Oxford, 1991. P. 14–20.

179

Rawson E. Intellectual life in the late Roman Republic. Baltimore, 1985. P. 44.

180

Штаерман Е. М. Эллинизм в Риме. С. 161. См. также: Ковалев С. И. История Рима. С. 297; Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. С. 22.

181

Кнабе Г. С. Историческое пространство и историческое время... С. 121; Смирин В. М. Римская республика в III–I вв. // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 481; Чернышов Ю. Г. Была ли у римлян утопия? // ВДИ. 1992. № 1. С. 56; Vlosk С., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 46. О влиянии традиций примитивных обществ на культуру республиканского Рима см.: Clavel-Leveque M. Le syncretisme gallo-romain: structures et sinalites. Rome, 1972.

182

MacMullen R. Hellenizing the Romans (2 century B. C.) // Historia. 1991. Bd. 40. Hf. 4. P. 419–438; Cehrke H.J. Römischer mos und griechische Ethik // HZ. 1994. № 258. Hf. 3. S. 593–622.

183

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
См. соответственно: Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 46, 53–54, 62–63; Forte B. Rome and the Remans as the Greeks Saw Them. Rome, 1972. P. 14.

184

Ковалев С. И. История Рима. С. 290; Штаерман Е. М. Эллинизм в Риме... С. 149–150; Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 333; Rawson E. Intellectual life... P. 19; Cruen E. The Hellenistic world and the coming of Rome. Vol. 1. Berkeley; Los Angeles; L., 1984. P. 251–253; 317–321.

185

Frank T. The Bacchanalian cult of 186 B. C // CQ. 1927. Vol. 21. P. 128–132.

186

Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. Кн. 2. С. 184.

187

Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975. С. 44– 75; Степ Е. The Hellenistic world... P. 251–260, 271.

188

Rawson E. Intellectual life... P. 48.

189

Истоки подобных представлений – в трудах О. Шпенглера и А. Тойнби. В самое последнее время см.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 95–96; Дюрант В. Цезарь и Христос / Пер. с англ. В. В. Федорина. М., 1995. С. 108.

190

Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 324–327. См. также: Кашеев В. И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., 1993. С. 288, 327–328; Степ Е. The hellenistic world... P. 132–157; Rawson E. Roman tradition and the Greek world // САН. 1989. Vol. 8. P. 437–439.

191

Утченко С. Л. 1) Идеино-политическая борьба в Риме... С. 82– 92, 119–124, 178–183; 2) Кризис и падение Римской республики. С. 25– 32, 106; 3) Политические учения древнего Рима... С. 92–160, 169–177, 206–229; Meyer Ed. Caesars Monarchic und das Prinzipat des Pompeius. 3 Aufl. Stuttgart; B., 1922. S. 404–410; Schur W. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934. S. 62–101; Vogt J. Ciceros Glaube an Rom. Darmstadt, 1963. S. 87.

192

Зачатки государственного устройства видел в семье еще Т. Моммзен. См.: Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 62–65. Созвучные идеи высказаны, например: Загурский Л. Учение об отцовской власти по римскому праву. Харьков, 1884.

193

Bonfante P. Forme primitive ed evoluzione della proprieta romana: (Res mancipi e res nes mancipi. 1888–89) // Scritti giuridici van. Vol. 1. Torino, 1926. P. 1–326. В последнее время сходные отчасти суждения были высказаны на основе сопоставления функций pater familia и правителя государства, см.: Stevenson T. R. The ideal benefactor and the father analogy in Greek and Roman thought // CQ. 1992. Vol. 42. № 2. P. 421–436.

194

Voci P. Esame della tesi del Bonfante sulla famiglia romana arcaica (1952) // Scritti in diritto romano. Vol. 1. Padova, 1958. P. 147–195; Coli U. Sul parallelismo del diritto pubblico e del diritto privato nel periodo arcaico di Roma // Scritti in diritto romano. Vol. 1. Napoli, 1973. P. 212–243.

195

Кашеев В. И. Эллинистический мир и Рим... С. 129–130; Alföldy C. The social history... P. 17.

196

Маяк И. Л. Рим первых царей (Генезис римского полиса). М., 1983. С. 169.

197

См.: Paribeni R. La famiglia Romana. Roma, 1939. P. 12, 23–24, 29–38.

198

Кнабе Г. С. История. Быт. Античность // Быт и история в античности / Отв. ред. Г. С. Кнабе. М., 1988. С. 16.

199

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. 2-е изд. М., 1984. С. 40.

200

Vlock C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 66.

201

Кучеренко Л. П. Общественная жизнь, быт и досуг древних греков и римлян: Уч. пос. Сыктывкар, 1996. С. 69.

202

Dettenhofer M. H. Zur politischen Rolle der Aristokratien zwischen Republik und Prinzipat // Latomus. 1992. T. 51. Fasc. 4. P. 775–795.

203

О роли масок предков как символа политической власти аристократов см.: Flower H. Ancestor Masks and Ancestor Power in Roman Culture. Oxford, 1996.

204

Дождев Д. В. Римское архаическое наследственное право. С. 78.

205

Кучеренко Л. П. Род Клавдиев в политической жизни раннереспубликанского Рима // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 11.

206

Schur W. Fremder Adel im römischen Staat // Hermes. Bd. 70. 1924. S. 87.

207

Кучеренко Л. П. Род Клавдиев... С. 10–11.

208

Машкин Н. А. 1) Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики // ИАН СССР. Ист. и филос. 1946. Т. 3. № 5. С. 441–460; 2) Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 234–252.

209

Чернышов Ю. Г. Была ли у римлян утопия. С. 53–72; см. также: Baldry H. C. Ancient Utopias. Southampton, 1956. P. 21–23; Ferguson]. Utopias of the classical world. L., 1975. P. 138–180.

210

Сергеенко М. Е. Жизнь в древнем Риме. С. 206.

211

Ляпустина Е. В. Гладиаторские бои в Риме: жертвоприношение или состязание? // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 158–160; Clavel-Leveque M.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
L'Empire en jeux espace symbolique et pretique social dans le monde romain.
P., 1984. P. 63–74.

212

Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987. С. 29.

213

Sumner Cr., Keller A. The Science of Society. vol. 1. N. Y., 1946. P. 353–356.

214

Кнабе Г. С. Историческое пространство и историческое время... С. 121.

215

Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981. С. 22.

216

См.: Утченко С. Л. 1) Теория упадка нравов в древнем Риме как орудие политической борьбы // ИАН СССР. Общ. н. 1948. № 2. Т. 5. С. 167–173; 2) Политические учения древнего Рима... С. 158–185.

217

Кузищин В. И. Этика труда в античности // Этика и организация труда в странах Европы и Америки: Древность, Средние века, современность. М., 1997. С. 59.

218

О парадигматической связи с мифологическим прошлым см.: Дуров В. С. Художественная историография древнего Рима. СПб., 1993. С. 26.

219

Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. Кн. 1. С. 136–139; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 161; Brockmeyer N. Arbeit – sorganisation und okonomisches Denken in der Gutswirtschaft des römischen Reiches. Bochum, 1968. S. 72–77.

220

Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М., 1986. С. 97–98; Astin A. E. Cato the Censor. Oxford, 1978. Passim; Kienast D. Cato der Censor. 2 Aufl. Darmstadt, 1979. Passim.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
221

Чернышов Ю. Г. Была ли у римлян утопия. С. 57.

222

Утченко С. Л. 1) Идеино-политическая борьба в Риме... С. 82– 92, 119–124, 178–183; 2) Кризис полиса и политические воззрения римских стоиков. С. 22–32; 3) Политические учения древнего Рима. С. 146–228.

223

Кузицин В. И. Этика труда в античности. С. 56.

224

Фрагмент дан в переводе В. Брюсова по изд.: Lucilius. Satiren. Lateinisch und deutsch / W. Krenkel. Vol. 2. В., 1970.

225

Маяк И. Л. Римляне в быту и на общественном поприще // Человек и общество в античном мире / Отв. ред. Л. П. Маринович. М., 1998. С. 16.

226

Тойнби А. Постижение истории. С. 305.

227

Маяк И. Л. Женщина в раннем Риме (V–IV вв. до н. э.) // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 89; Cantarella E. Le donne fino alla XII tavole // Società e Diritto nell' epoca decemvirale: Atti del Convegno di Diritto romano. Napoli, 1988. P. 192.

228

Маяк И. Л. Женщина в раннем Риме. С. 103.

229

Vaccai C. Le feste di Roma antica: Miti, riti, costumi. Roma, 1986. P.100.

230

Межевицкий Я. Ю. Iners otium // Быт и история в античности / Под ред. Г. С. Кнабе. М., 1988. С. 67–68.

231

См.: Münzer F. Cornelii // RE. Bd. 4. 1901. Sp. 1514–1515.

232

О характере Суллы, по свидетельству его современников, римских историков и биографов, см.: Dowling M. B. The clemency of Sulla // *Historia*. 2000. Bd. 49. Hf. 3. S. 303–340.

233

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1994. С. 183–184, 190.

234

Keaveney A. 1) Sulla, Sulpicius and Caesar Strabo // *Latomus*. 1979. № 38. P. 451–460; 2) What happened in 88? // *Eirene*. 1983. № 20. P. 53.

235

Alföldy C *The social history of Rome*. 5th ed. L., 1988. P. 78.

236

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 184, 185.

237

Keaveney A. What happened... P. 53. Также: Mitchell T. N. *Cicero: the ascending years*. New Haven, 1979. P. 54–76.

238

Badian E. 1) *Foreign Clientelae*. 264–70 B. C. Oxford, 1958. P. 234; 2) *Quaestiones Variiae* // *Historia*. 1969. Bd. 18. P. 485; Cabba E. *Mario e Silla* // *ANRW*. Tl. I. Bd. 1. B.; N. Y., 1972. P. 771–780.

239

Keaveney A. What happened... P. 54. См. также: Виппер Р. Ю. *Очерки истории Римской империи*. Берлин, 1923. С. 106.

240

См.: Cruen E. S. *Roman politics and the criminal courts*. 149–78 B. C. Cambridge, 1968. P. 163.

241

См.: Ooteghem J. van. *Caius Marius*. Bruxelles, 1964; Badian E. *Quaestiones Variiae*... P. 486–487; Carney T. F. *A Biography of C. Marius*. Chicago, 1970. Показательна и карьера Азиния Поллиона, см.: Morgan L. *The autopsy of C. Asinius Pollio* // *JRS*. 2000. Vol. 90. P. 51–69.

242

Mitchell T. N. Cicero... P. 72.

243

См.: Taylor L. R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley; Los Angeles, 1949. P. 37.

244

Ливии употреблял тот же термин – perniciosae (Liv. Per., 77).

245

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 187; Вегнер В. Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Т. 2. 2-е изд. / Пер. с нем. Мн., 2002. С. 49; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. 2-е изд. / Пер. А. Захарова. СПб., 1997. Т. 1. С. 62; Luce T. J. Marius and the Mithridatic Command // Historia. 1970. Bd. 19. P. 161–194; Cabba E. Republican Rome, the army and the allies. Oxford, 1976. P. 97; Keaveney A. What happened... P. 54; Hinard Fr. Sylla. P., 1985. P. 82–85.

246

О развитии конфликта политических групп в Риме см.: Meier Chr. Res publica amissa. Eine Studie zu Ferfassung und Geschichte der spätömischen Republik. Wiesbaden, 1966. S. 21; 301–303; Lintott A. W. Violence in Republican Rome. Oxford, 1968. Passim; Brunt P. A. 1) Social conflicts in the Roman Republic. L., 1971. P. 74–111; 2) The fall of the Roman Republic. Oxford, 1988. Passim; Dieter H., Gunter R. Römische Geschichte. B., 1979. S. 105–107; Epstein D. F. Political and personal enmity in the Roman Republic. L., 1987. Passim; Cruen E. S. The last generation of the Roman Republic. Berkeley, 1974. P. 262–265; Castritius H. Der Römische Prinzipat als Republik. Husum, 1982. S. 12–13; Christ K. Krise und Untergang der Römische Republik. Darmstadt, 1979. S. 117–121; Alfdldy C The social history... S. 65–66, 80.

247

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 186–188.

248

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 111; Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. Ч. 1. М., 1938. С. 230; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 53; Игнатенко А. В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988. С. 117–122, 144; Carcopino J. Sylla, ou la monarchic manquee. P., 1931. P. 30–31; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. La Republique Romaine de 133 a 44 avant J.-C. Des Gracques a Sulla. P., 1935. P. 398; Volkmann H. Sullas Marsch auf Rom. München, 1969. Passim; Schneider H. Die Entstehung der ro- mischen Militardiktatur. Krise und Niedergang einer antike Republik. köln, 1977. S. 123–129. Наиболее последовательно против подобных характеристик выступает А. Кивени, см.: Keaveney A. 1) Sulla. The last republican. L., 1982. P. 120–125; 2) What

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org happened... P. 75.

249

Vlock C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 398.

250

Cruen E. Roman politics... P. 228; Ваитан R. The hostis declaration of 88 and 87 B. C // Athenaeum. 1973. № 21. P. 270–285.

251

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 190–191; Вегнер В. Рим... С. 50.

252

Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 36; Neumann K. Geschichte Roms während des Verfalls der Republik. Bd. 1. Breslau, 1881. S. 518; Meyer Ed. Die angebliche Centurienreform Sullas // Hermes. Bd. 33. 1898. S. 652–654; Last H. The first consulship of Sulla // CAH. Vol. 9. 1932. P. 208; Cabba E. Commento // Appiani bellorum civilium bellum primum. Firenze, 1958. P. 171; Taylor L. R. The voting districts of the Roman Republic. Rome, 1960. P. 104; Keaveney A. What happened... P. 71–72.

253

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 386; Машкин Н.Л. История древнего Рима. М., 1956. С. 247; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 36; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 190; Keaveney A. What happened... P. 73.

254

Егоров А. Б. Социально-политическая борьба в Риме в 80-е гг. I в. до н. э. (к истории диктатуры Суллы) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире: Сб. ст. Л., 1989. С. 132; Еремин А. В. Диктатура Суллы (социально-политические и правовые основания сулланского режима: Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 120; Hardy E. C. The number of the sullian senate // JRS. 1916. Vol. 6. P. 5961; Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 134; Gruen E. S. Roman politics... P. 256; Katz B. R. The first fruits of Sulla's march on Rome // L'antiquite classique. 1975. № 44. P. 117–120; Cabba E. Republican Rome... P. 136.

255

Vlock C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 397.

256

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 190.

257

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Frank T. On some financial legislation of the sullan period // AJPh. 1933. № 54. P. 54–58. См. также: Селецкий Б. П. Финансовая политика оптиматов и популяров в конце 90–80-х годов I в. до н. э. // ВДИ. 1983. № 1. С. 152–154; Nicolet Cl. L'ordre equestre a l'époque republicaine (312–43 av. J.-C). Vol. 1. Definitions juridiques et structures sociales. P., 1966. P. 382.

258

Frank T. On some financial legislation... P. 55–56; Nicolet C.I. L'ordre equestre... P. 381–383; Badian E. Quaestiones Variae... P. 475–481; Keaveney A. What happened... P. 73.

259

Машкин Н. А. История древнего Рима. С. 247.

260

Селецкий Б. П. Источники финансирования Суллы в период войны с Митридатом Евпатором // ВДИ. 1982. № 2. С. 71.

261

Cabba E. 1) Livio Druso e le Riforme di Silla // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Ser. 2. Vol. 33. Fasc. 1, 2. 1964. P. 115; 2) Mario e Silla... P. 731–741; Keaveney A. What happened... P. 7374. Ср.: Егоров А. Б. Социально-политическая борьба в Риме... С. 128.

262

Ковалев С. И. История Рима. С. 386; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 36; 2) Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986. С. 80.

263

История древнего мира / Под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. М., 1952. С. 601, 610.

264

Keaveney A. What happened... P. 74.

265

Bennet H. Cinna and his Times. Menasha, 1923; см. также: Егоров А. Б. Социально-политическая борьба... С. 134; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 431–432; Cabba E. Mario e Silla. P. 797; Meier Chr. Res publica amissa. S. 231–232; Hinard Fr. Sylla. P. 179–210.

266

На записки Суллы ссылался Плутарх, см.: Mar., 25; Sulla, 6; 14; 17; 27; 37.
Страница 240

267

Baker C. P. Sulla the fortunate, the great dictator, being an essay on politics in the form of a historical biography. L., 1927. P. 239; Keaveney A. Sulla. The last republican. P. 119.

268

Frdhlich F. Cornelius. Sulla Felix // RE. Bd. 4. 1901. Sp. 1544.

269

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 246.

270

Keaveney A. Sulla. The last republican... P. 122.

271

Обзор традиции см.: Dowling M. B. The Clemency of Sulla. P. 303–340.

272

Короленков А. В. Лев и лисица: психологические приемы Суллы в войне с марианцами // АМА. Вып. 11. 2002. С. 58; Valgiglio E. Silla e la crisi repubblicana. Firenze, 1956. P. 50.

273

О военных победах Суллы в 82 г. см.: Block C., Carorano J. Histoire Romaine. P. 437–438.

274

О дате см.: Lanzani C. La rivoluzione Sillana // Historia. 1931. P. 353–382; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 446.

275

См.: Смирин В.М. О политической позиции Цицерона в годы сулланской диктатуры // ВДИ. 1958. № 4; Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 192–193.

276

Об отношениях Суллы и Цезаря, особенно после женитьбы последнего на дочери Цинны, см.: Ridley R. T. The dictator's mistake: Caesar's escape from Sulla // Historia. 2000. Bd. 49. Hf. 2. P. 211–229.

277

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 246, 266, 270–271.

278

Ковалев С. И. История Рима. С. 395–398; Машкин Н. А. История древнего Рима... С. 252; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 48. Крайнее выражение, как избивание демократов и «террористический режим победившей военщины», подобная оценка получила в работе: История древнего мира. С. 608.

279

Neumann K. Geschichte Roms... S. 593; Marsh F.B. A history of the Roman world from 146 to 30 B. C. L., 1934. P. 118; Pignaniol A. Histoire de Rome. P., 1939. P. 164; Cabba E. Commento... P. 255; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte mit Quellenkunde. Bd. 1. 2 Aufl. München, 1970. S. 200.

280

См.: Cabba E. 1) I senatori sillani // Athenaeum. 1951. № 29. P. 262–270; 2) Commento... S. 344.

281

Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 119.

282

Утченко С. Л. Древний Рим... С. 36; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 253; Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 3. Leipzig, 1888. S. 847; Marsh F.B. A history of the Roman world... P. 129; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 455; Alföldy C. The social history... P. 79, 88.

283

Машкин Н.А. История древнего Рима. С. 252; Еремин А. Б. Диктатура Суллы... С. 121–122; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 253; Hardy E. C. The number of the sullian senate... P. 59–62; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 455; Hill H. Sulla's new senators in 81 B. C // CQ. 1932. Vol. 26. P. 170–177; Cabba E. 1) I senatori sillani... P. 262–270; 2) Commento... S. 344; Hawthorn J. R. The Senate after Sulla // GR. 1962. Vol. 9. P. 53–60; Evans R. J. The consulares and praetorii in the Roman Senate at the beginning of Sulla's dictatorship // Athenaeum. 1983. № 61. P. 521–528; Nicolet C.I. Le classi dirigenti romani sotto la repubblica: ordine senatorio e ordine equestre // La tarda repubblica e il principato. Vol. 2. Milano, 1987. P. 52.

284

Белкин М. В. К проблеме численности римского сената в I в. до н. э. // Жебелевские чтения-3: Тезисы докладов. СПб., 2001. С. 131–136.

285

Степ Е. S. Roman politics... P. 258; Cabba E. Commento... P. 344.

286

Ковалев С. И. История Рима. С. 397; Мишулин А. В. История древнего Рима. М., 1946. С. 83; Кнышенко Ю. В. Социально-политическая борьба в Риме 80–70-х гг. I в. до н. э. (сулланская реакция): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ростов/Д., 1955. С. 9; Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 125; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 252; Блок Л. Сословная и социальная история Римской республики / Пер. М. Н. Данилевского. СПб., 1904. С. 95; Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения / Пер. с нем. под ред. М. И. Ростовцева. СПб., 1908. С. 171; Last I. Sulla and the Senate// САН. Vol. 9. Oxford, 1932. P. 286; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 455; Carcopino J. Sylla... P. 65; Piganiol A. Histoire de Rome... P. 164; Cabba E. I senatori sillani... P. 262–270; Valgiglio E. Silla e la crisi... P. 9499; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte. S. 201; Nicolet C.I. 1) L'ordre equestre... P. 385 ff.; 2) Le classi dirigenti romani... P. 55; Brunt P. A. Social conflicts... P. 102–105; Cruen E. S. 1) Roman politics... P. 256; 2) The last generation... P. 47–82; 455–497; Alföldy C The social history... P. 79, 83.

287

Сергеев В. С. Очерки по истории... С. 231; Hawthorn J. R. The Senate after Sulla... P. 55–56.

288

Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 126; Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 349; Meier Chr. Res publica amissa... S. 256–258; Wiseman T. P. New Men in the Roman Senate 139 B. C – 14 A. D. Oxford, 1970. P. 203–204; Cruen E. S. 1) Roman politics... P. 256; 2) The last Generation... P. 508–523.

289

Ковалев С. И. История Рима. С. 396; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 252–253; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 455.

290

Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 453; Skrejpek M. Idi Marzo: omicidio oppure esecuzione? // Древнее право. Ius antiquum. № 1 (4). 1999. М., 1999. С 80–82.

291

Willems P. C. Le Senat de la Republique romaine. Т. 1. P., 1878. P. 233; Block C. Carcopino J. Histoire Romaine. P. 457–458.

292

Alföldy C. The social history... P. 82–83.

293

Сергеев В. С. Очерки по истории... С. 232; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 57; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte. S. 202.

294

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 253. См. также: Вегнер В. Рим... С. 67; Neumann K. Geschichte Roms... Bd. 1. S. 604.

295

Carcopino J. Sulla... P. 60–61; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 455.

296

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 253, 260.

297

Last H. Sulla and the senate. P. 287.

298

Astin A. E. Lex Annalis before Sulla // Latomus. 1957. № 16. P. 588–613; 1958. № 17. P. 4964.

299

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 58; Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. 1. S. 570; Last H. The Lex annalis // CAH. Vol. 9. 1932. P. 290; Fraccaro P. I «decern stipendia» e le «leges annales» repubblicaine // Opuscula. Pavia, 1956. Т. 2. P. 226, 232.

300

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 58; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 255.

301

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 258; Marsh F. V. A history of the Roman world... P. 132; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte. S. 202; Simonelli A. Considerazioni sull' origine, la natura e l'evoluzione del Pomerium // Aevum. 2001. A. 75. Fasc. 1. P. 119–162.

302

Alföldy C. The social history... P. 79.

303

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 259; Last H. Sulla and the army commanders... P. 293.

304

Marsh F. V. A history of the Roman world... P. 134; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte. S. 202.

305

Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики (из истории политических идей I в. до н. э.). М., 1952. С. 230–232.

306

Vlock C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 450.

307

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 255.

308

Утченко С. Л. Древний Рим. С. 44.

309

Михайловский Ф. Л. Трибунская власть в политической системе принципата: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1986. С. 9; Last H. Sulla and the tribunat // САН. Vol. 9. 1932. P. 292.

310

Михайловский. Ф. Л. Трибунская власть... С. 8–9, 15.

311

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 255–256. Сходное суждение высказывают Ковалев С. И. История Рима. С. 396–397; Машкин Н. А. История древнего Рима. С. 253; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 44; Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 137, 140; Alföldy C. The social history... P. 79.

312

Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима... С. 231; История древнего мира... С. 609; Метушевская О. С. Трибунат и аграрный вопрос в Риме в 70-х – первой половине 50-х гг. до н. э. // Проблемы истории государства и права: Сб. тр. М., 1996. Вып. 1. С. 8; Блок Л. Сословная и социальная история... С. 95; Marsh F. V. A history of the Roman world... P. 130.

313

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 44.

314

Herrschaft als soziale Praxis: Historische und sozialanthropologische Studien. Göttingen, 1991. S. 9.

315

Ковалев С. И. История Рима. С. 396.

316

Cruen E. S. Roman politics... S. 258–265.

317

Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 465.

318

О деятельности этих всаднических судов см.: Cic. Ad Fam., I, 9, 26; Ad Att., V, 17, 5; VI, 1, 15; VIII, 3, 6; IX, 12, 1; Brut., 115.

319

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 262.

320

Селецкий Б. П. Источники финансирования... С. 68–70; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 260–261; Т. 3. СПб., 1995. С. 70; Frank T. 1) An Economic Survey of Ancient Rome. Bd. 1. Baltimore, 1933. P. 272; 2) On some financial legislation ... P. 54–58; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 427; Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. P. 945–946, 949, 966; Brunt P. A. Sulla and the Asian publicans // Latomus. 1956. № 15. P. 17–18, 19.

321

Jones A. H. M. The Greek city from Alexander to Justinian. Oxford, 1967. P. 78; Broughton T. R. S. Economic Survey of Ancient Rome. Bd. 4. Baltimore, 1938. P. 518–519.

322

См.: Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 252; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 453.

323

О деятельности Суллы в сфере религии см.: Balsdon J. P. V. D. Sulla Felix // JRS. 1951. Vol. 41. P. 110; Erckell H. Augustus, Felicitas, Fortuna. Goteborg, 1952. P. 13–25.

324

Короленков А. В. Лев и лисица... С. 63; Carcopino J. Sylla... P. 99–100.

325

См.: Liv., XXV, 5, 24; XXXIX, 46, 2; XL, 42, 12; Per., 67. О законе Домиция см.: Szemler G. J. Pontifex // RE. Hbbd. 15. München, 1978. Sp. 348349.

326

Мельничук Я. В. Ауспиции римских цензоров // Исседон: Альманах по древней истории и культуре / Под ред. А. В. Зайкова и В. Т. Звиревича. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 82.

327

Vlock C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 465.

328

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 263; Vlock C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 465–466.

329

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 233.

330

Короленков А. В. Лев и лисица... С. 62; Badian E. Studies in Greek and Roman history. N. Y., 1964. P. 226.

331

Короленков А. В. Лев и лисица... С. 63; Cabba E. Commento... P. 207.

332

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 249.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
333

Vlock C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 451.

334

Ковалев С. И. История Рима. С. 397.

335

Pareti L. Storia di Roma e mondo romane. vol. 3. Torino, 1953. P. 690. См.
также: Метушевская О. С. Аграрный вопрос в Риме 70-х гг. I в. до н. э. // ВДИ. 1983. № 4. С. 146; Hinard Fr. Rome. Des origines a la fin de la Republique (suite) // Revue historique. P., 1998. T. 299. № 607. P. 617-642.

336

Метушевская О. С. Аграрный вопрос в Риме... С. 141.

337

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 250-251; Keaveney A. 1) Sulla. The last republican... P. 130-135; 2) who were the sullani? // Klio. 1984. Bd. 66. P. 114-150.

338

Vlock C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 475-476.

339

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 251; также: Frohlich F. Cornelius... Sp. 1553.

340

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 251.

341

Метушевская О. С. Аграрный вопрос в Риме... С. 144; Pareti L. Storia di Roma... P. 668; Last H. Sulla and the tribunat... P. 321.

342

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 251.

343

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 150.

344

См.: Rudolf H. Stadt und Staat in römischen Italien (Untersuchungen über die Entwicklung des Munizipalwesens in der republikanischen Zeit). 2 Aufl. Göttingen, 1965. S. 126–130.

345

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. С. 44.

346

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 259; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 476.

347

Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991. С. 22–23, 31; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 270–272; Neumann K. Geschichte Roms... S. 601; Liebanam W. Dictator // RE. Bd. 5.1905. Sp. 370–390; Marsh F. B. A history of the Roman world... P. 124, 128; Piganiol A. Histoire de Rome. P. 164; Wilcken U. Zur Entwicklung der römischen Diktatur // AbhPAW. B., 1940. S. 7; Дюрант В. Цезарь и Христос / Пер. с англ. В. В. Федорина. М., 1995. С. 137, 140; Walbank F. W. The Awful Revolution. The Decline of the Roman Empire in the West. Toronto, 1969. P. 5; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte. S. 201.

348

Селецкий Б. П. Финансовая политика оптиматов и популяров... С. 153–154, 161–162; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 270–272; Блок Л. Сословная и социальная история... С. 95–97; Frank T. On Some Financial Legislation... P. 54–58; Hill H. The roman middle class in the republican period. Oxford, 1952. Passim; Nicolet Cl. L'ordre equestre... P. 382, 559–570; Meier Chr. Res publica amissa... S. 237, 256–262.

349

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. С. 71–73.

350

Meier Chr. Res publica amissa. S. 227, 237, 256–262.

351

Christ K. 1) Römische Geschichte und Wissenschaftsgeschichte. 3 Aufl. Darmstadt, 1983. S. 134–136; 2) Geschichte der Römischen Kaiserzeit (von Augustus bis zu Konstantin). 2 Aufl. München, 1992. S. 38–39. О противоречивом и деструктивном характере сулланской конституции см. также: Егоров А. Б. 1) Рим на грани эпох. С. 58–59; 2) Социально-политическая борьба... С. 140–144.

352

Frolich F. Cornelius... Sp. 1551–1556, 1564–1565.

353

Carcopino J. Sylla... P. 26, 37; 60–61; 120; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 454–463.

354

Lanzani C. La rivoluzione Sillana. S. 353–382; Syme R. The Roman Revolution. P. 28–30; Bleicken J. Geschichte der Römischen Republik. 2 Aufl. München, 1982. S. 234–235.

355

Ooteghem J. van. Pompee le Grand, batisseur d'Empire. Namur; P., 1954. P. 87.

356

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 114–121. О двойственности сулланской конституции см. также: Ковалев С. И. История Рима. С. 397–398; Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима... С. 238; Машкин Н. А. 1) Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 16–17; 2) История древнего Рима... С. 252–254; Кнышенко Ю. В. Социально-политическая борьба в Риме... С. 8; Смирин В. М. Диктатура Суллы (классовая сущность и историческая роль): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1955. С. 13, 15; Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. С. 31, 181, 194–197; Игнатенко А. В. Древний Рим... С. 122; Кудрявцева Т. В. Чрезвычайные полномочия полководца как источник императорской власти в Риме: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 10.

357

Cabba E. Mario e Silla. P. 769, 778, 795, 797–799, 804–805.

358

Badian E. 1) Lucius Sulla: the deadly reformer. Sydney, 1970; 2) From the Gracchi to Sulla // Historia. 1962. Bd. 11. S. 197–245; 3) Notes on provincial governors from the Social war down to Sulla's victory // SGRH. Oxford, 1964. P. 71–104; 4) Caesar's cursus and the intervals between offices // SGRH. Oxford, 1964. P. 140–156; 5) Sulla's Cilician command... P. 157–178; 6) waiting for Sulla // JRS. 1962. Vol. 52. P. 58–61.

359

Hinard Fr. Sylla. P. 269.

360

Brunt P. A. Sulla and the Asian publicans. P. 23; Nicolet Cl. L'ordre

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова [filosoff.org equestre...](http://filosoff.org/equestre...) P. 577.

361

Brunt P. A. 1) Sulla and the Asian publicans. P. 1725; 2) Social conflicts... P. 102–105.

362

Alföldy C. The social history... P. 82–83.

363

Об интеррегнуме см.: Liebenam W. Interregnum // RE. Bd. 9.1914. Sp. 1713–1720; Jahn J. Interregnum und Wahldiktatur. Kallmünz, 1970.

364

Ковалев С. И. История Рима. С. 395.

365

Кнышенко Ю. В. Социально-политическая борьба... С. 7.

366

Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Leipzig, 1874. S. 132.

367

Игнатенко А. В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре: (историко-правовое исследование). Свердловск, 1988. С. 129; Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н. э.). Ярославль, 1996. С. 59–61.

368

Liebenam W. Dictator // RE. Bd. 5. 1905. Sp. 370–390.

369

Bellen H. Sullas Brief an den Interrex L. Valerius Flaccus. Zur Genese der sullanischen Diktatur // Historia. 1975. Bd. 24. S. 554–569.

370

Еремин А. В. Диктатура Суллы... СПб., 2003. С. 59–60; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte. 2 Aufl. München, 1970. S. 201; Crawford M. The Roman Republic. Hassocks, 1978. P. 152.

371

wickler U. Zur Entwicklung der römischen Dictatur // AbhPAW. В., 1940. S. 8.

372

Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1956. С. 252; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 43–44; 2) Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986. С. 81; Егоров А. Б. 1) Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 56; 2) Социально-политическая борьба в Риме в 80-е гг. I в. до н. э. (к истории диктатуры Суллы) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире: Сб. ст. Л., 1989. С. 138, 141; Игнатенко А. В. Древний Рим... С. 132; Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 56–59; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 245–246; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. С. 70; Crawford M. The Roman Republic. P. 152.

373

Badian E. From the Gracchi to Sulla // Historia. 1962. Bd. 11. Hf. 2. S. 230; Cabba E. Mario e Silla // ANRW. Tl. I. Bd. 1. В.; N. Y., 1972. S. 797–799; Hinard Fr. Sylla. P., 1985. P. 357–358.

374

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 245, 267; см. также: Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 448; сходная точка зрения: Wilcken U. Zur Entwicklung... S. 7, II, 12.

375

Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. Ч. 1. С. 230.

376

Keaveny A. Studies in the dominatio sullae // Klio. 1983. Bd. 65. Hf. 1. P. 195.

377

Этот аргумент приводит А. Б. Егоров. См.: Рим на грани эпох. С. 56.

378

Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 63; Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. 2. S. 703; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 448; Wilcken U. Zur Entwicklung... S. 8; Blaive F. Sylla ou le Querrier Impie inacheve // Latomus. 1988. T. 47. Fasc. 4. P. 816. А. Кивени дает несколько иной перевод – *legibus faciendis reipublicae constituendae*, но это не меняет значения титулатуры Суллы по существу, см.: Keaveny A. Studies in the dominatio sullae. P. 195.

379

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Last H. Sulla's dictatorship // *САН*. Vol. 9. Oxford, 1932. P. 284.

380

Cabba E. *Commento // Appiani Bellorum Civilium Liber Primus*. Firenze, 1958. P. 341. См. также: Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 61.

381

Valgiglio E. *Sulla e la crisi repubblicana*. Firenze, 1956. P. 56–58.

382

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 119–120;
Нетушил И. В. Обзор римской истории. М., 1935. С. 52.

383

Werner R. *Der Beginn der römischen Republik (historisch-chronologische Untersuchungen über die Anfangszeit der libera res publica)*. München; Wien, 1963. S. 260.

384

Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. S. 125–155; Last H. *Imperium maius* // *JRS*. 1947. Vol. 37. P. 157–164; Игнатенко А. В. Древний Рим... С. 129.

385

Keauey A. *Studies in the dominatio Sullae*. P. 198.

386

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 245; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. S. 304; Werner R. *Der Beginn der römischen Republik*... S. 262.

387

О событиях накануне сулланской диктатуры см.: Селецкий Б. П. «Concordia ordinum» 90-х годов I в. до н. э. (99–92 гг.) // *Кlio*. 1983. Bd. 65. Hf. 1. S. 209–239; Степ Е. S. Political prosecutions in the 90's B. C // *Historia*. 1966. Bd. 15. S. 39–45; Hinard Fr. *Rome. Des origines a la fin de la République (suite)* // *Revue historique*. P., 1998. T. 299. № 607. P. 617–642.

388

Cabba E. *Le origini della guerra sociale e la vita politica romana dopo l'89 a. c.* // *Athenaeum*. 1954. № 32. P. 77–78.

389

Утченко С. Л. Цицерон и его время... С. 79; Егоров А. Б. Социально-политическая борьба в Риме... С. 135; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 428.

390

Об отношении этих политиков к Сулле, их участии в гражданской войне и сулланской диктатуре см.: Liv. Per., 90; Plut. Luc, 2-4; Sulla, 34; 27; 28; 29; 34; Vell., II, 28, 1; App. B. C, I, 80; 92; 100; 103; 105.

391

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 245; Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. 2. S. 147; Liebenam W. Dictator. Sp. 386-387; Wilcken U. Zur Entwicklung... S. 6; Scullard H. N. Roman politics. 200-150 B. C Oxford, 1951. P. 103.

392

Kaevoney A. Studies in the dominatio sulae. S. 190-192.

393

Ковалев С. И. История Рима. С. 395; Машкин Н. А. История древнего Рима. С. 253-254; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 43; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 251; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 453.

394

Last H. The first consulship of Sulla // CAH. Vol. 9. 1932. P. 209; Cabba E. 1) Republican Rome, the army and the allies. Oxford, 1976. P. 136; 2) Mario e Silla... P. 795; Kaevoney A. What happened in 88? // Eirene. 1983. № 20. P. 73-74.

395

Hinard Fr. Sulla... P. 45-47, 73.

396

Нетушил И. В. Первый римский диктатор // ЖМНП. 1907, февраль. Ч. VII. С. 97; Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. 2. S. 168; Wilcken U. Zur Entwicklung... S. 4-6; Werner R. Der Beginn der römischen Republik... S. 28.

397

Дементьева В. В. Магистратура диктатора... С. 92.

398

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosofff.org

Нетушил И. В. Первый римский диктатор. 1907. Ч. VII. С. 87; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. S. 148; Meyer Er. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. Zurich; Stuttgart, 1961. S. 150.

399

Дементьева В. В. Магистратура диктатора... С. 94–96.

400

Утченко С. Л. Цицерон и его время. С. 100.

401

Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 246, 270–271; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. S. 304.

402

Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894. С. 163; Смирин В. М. Диктатура Суллы (классовая сущность и историческая роль): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1955. С. 12; Liebenam W. Dictator. Sp. 388; Bandel F. Die römischen Diktatoren. Breslau, 1910. S. 3; Hartmann L. M., [Kromajer]. *Römische Geschichte*. Gotha, 1919. S. 110; Pignaniol A. Histoire de Rome. P. 164; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte. S. 201; Bellen H. Sulla's Brief an den Interrex L. Valerius Flaccus... S. 554–569.

403

Werner R. Der Beginn der römischen Republik... S. 262; Heuß A. Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // ZSSRG. Weimar, 1944. Bd. 64. S. 57.

404

Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 63–64; Last H. Sulla's dictatorship. P. 284; Keaveney A. Studies in the dominatio Sullae. P. 194.

405

Wilcken U. Zur Entwicklung... S. 7.

406

Keaveney A. 1) Sulla. The last republican. L., 1982. Passim; 2) Studies in the dominatio Sullae. P. 193, 195–197. Созвучно: Hinard Fr. Sulla... P. 383–384.

407

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Carcopino J. Sylla, ou la monarchic manquee. P., 1931. P. 26, 60–61; Block
C. Carcopino J. Histoire Romaine. P. 448–449; 451–455.

408

Машкин Н. А. История древнего Рима. С. 253–254; Утченко С. Л. Цицерон и его время. С. 82.

409

Blaise F. Sylla... P. 816.

410

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 119–120; Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. С. 240.

411

Ковалев С. И. История Рима. С. 396. Отметим, что впервые определение сулланского режима власти как военной диктатуры впервые встречается у Т. Моммзена, см.: Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 266.

412

Игнатенко А. В. Древний Рим... С. 132; Кудрявцева Т. В. Чрезвычайные полномочия полководца как источник императорской власти в Риме: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 6; Schneider H. Die Entstehung der r#246;mischen Militardiktatur. Krise und Niedergang einer antike Republik. K#246;ln, 1977. S. 242–243; Dieter H. «Soziale Konflikte» in der sp#228;ten r#246;mischen Republik // Klio. 1980. Bd. 62. Hf. 1. S. 233.

413

Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 62–66.

414

Еремин А. В. Диктатура Суллы... С. 62; Lanciotti S. Silla e la tipologia del tiranno nella letteratura latina repubblicana // CQ. 1977. T. 3. № 6. P. 129–153; 1978. T. 4. № 8. P. 191–225.

415

Meier Chr. Res publica amissa: Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der sp#228;ten r#246;mischen Republik. Wiesbaden, 1966. S. 2.

416

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 56–57; Beloch C, Carcopino J. Histoire Romaine. P. 60; Balsdon J. P. V. D. Sulla Felix // JRS. 1951. Vol. 41. P. 13, 8.

417

Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 47–48; 2) Цицерон и его время... С. 82. Созвучные оценки были высказаны Ф. Блэйвом, см.: Blaive F. Sulla... P. 813, 818.

418

Frühlich F. Cornelius // RE. Bd. 4.1901. Sp. 1539; Blaive F. Sulla... P. 816.

419

Селецкий Б. П. Источники финансирования Суллы в период войны с Митридатом Евпатором // ВДИ. 1982. № 2. С. 65.

420

Обзор традиции см.: Dowling M. B. The clemency of Sulla // Historia. 2000. Bd. 49. Hf. 3. P. 303–340.

421

Kragelund P. Dreams, religion and politics in republican Rome // Historia. 2001. Bd. 50. Hf. 1. S. 53–95.

422

О памятниках в честь побед Суллы в Риме и провинциях см.: Mackay Ch. S. Sulla and the monuments: studies in his public persona // Historia. 2000. Bd. 49. Hf. 2. P. 161–210.

423

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 55; Brunt P. A. Italian manpower 225 B. C. – A. D. 14. Oxford, 1987. P. 427.

424

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 116; Ковалев С. И. История Рима. С. 396; Машкин Н. А. История древнего Рима. С. 253–254; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 47, 2) Цицерон и его время. С. 83; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 59; Игнатенко А. В. Древний Рим... С. 122, 132; Моммзен Т. История Рима. Т. 2. С. 266, 272; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. С. 73; Voak A. E. K. The extraordinary commands from 80 to 48 B. C. // American Historical Review. 1919. № 24. P. 1–25; Lanzani C. La rivoluzione Sillana // Historia. 1931. S. 353–382.

425

Ковалев С. И. Две проблемы римской истории // Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С. 96; Утченко С.Л. Древний Рим. С. 208; Игнатенко А. В. 1) Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976. С. 141–188; 2) Древний Рим... С. 125; Schneider H. Die Entstehung der römischen Militardiktatur... S. 239–243; Dieter H. «Soziale Konflikte»... S. 231–232.

426

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. С. 175; Игнатенко А. В. Древний Рим... С. 111–112, 117–119; Еремин А. В. Сулланские легионы: к вопросу о становлении римской наемной профессиональной армии // Античное общество IV: Власть и общество в античности: Мат. конф. антиковедов. СПб., 2001. С. 108–111; Cabba E. Ricerche sull' esercito professionale Romano di Mario ad Augusto // Athenaeum. 1951. № 29. P. 171–172. Сходные оценки см.: Adcock F. E. Roman art of war under the Republic. Cambridge, 1940. P. 20; Parker H. N. D. The roman legions. N. Y., 1958. Passim; Watson C. R. The roman soldier. Ithaca; N. Y. 1969. P. 2122; Grant M. The army of Caesars. L., 1974. P. 5.

427

Keaveney A. What happened in 88? P. 64.

428

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. С. 176; Игнатенко А. В. Древний Рим... С. 106–108; Smith R. E. Service in post-Marian Roman Army. Manchester, 1958. P. 10; Cabba E. Le origini dell' esercito professionale in Roma; i proletari e la riforma di Mario // Athenaeum. 1949. № 27. P. 184–185.

429

Утченко С. Л. 1) Идеино-политическая борьба... С. 54–56; 2) Две шкалы римской системы ценностей // ВДИ. 1972. № 4. С. 19–33; 3) Еще раз о римской системе ценностей // ВДИ. 1973. № 4. С. 3047; Махлаюк А. В. 1) «Между заискиванием и суровостью». О некоторых аспектах римской воинской дисциплины // ВДИ. 1998. № 1. С. 287–289; 2) Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000. С. 102–118, 119–143, 144–166; Neumann A. Disciplina militaris // RE. Hbhd. 10. 1965. Sp. 142–143, 176–177; Watson C. R. The Roman soldier... P. 118. См. также: Eisenhut W. Virtus Romana. Ihre Stellung in römischen Wertesystem. München, 1973; Cizek E. Mentalite et institutions politiques romaines. P., 1990.

430

См.: Кнабе Г. С. История. Быт. Античность // Быт и история в античности / Отв. ред. Г. С. Кнабе. М., 1988. С. 1213; MacMullen R. The legion as a society // Historia. 1984. Bd. 33. Hf. 4. S. 440–456.

431

Игнатенко А. В. Древний Рим... С. 124.

432

Baker C. P. Sulla the fortunate, the great dictator, being an essay on politics in the form of a historical biography. L., 1927. P. 239; Meier Chr. Res publica amissa... S. 240.

433

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. С. 43.

434

Hinard Fr. Sylla. P. 23–24.

435

Vlaive F. Sylla... P. 816.

436

Ковалев С. И. История Рима. С. 395; Carcopino J. Sylla... P. 137; Block C., Carcopino J. Histoire Romaine. P. 452.

437

Cabba E. Mario e Silla. P. 805; Hinard Fr. Sylla. P. 276.

438

Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 129–131.

439

Телеологические характеристики были свойственны Т. Моммзену, см.: Моммзен Т. История Рима. 2-е изд. Т 3. СПб., 1995. С. 311–314; позднее развиты в сочинениях: Meyer Ed. Caesars Monarchic und Prinzipat des Pompeius. 3 Aufl. Stuttgart; В., 1922. S. 321–345, 472; Celzer M. Caesar. 6 Aufl. Wiesbaden, 1960. S. 26–27, 332–337; Etienne R. Jules Cesar. P., 1997. P. 7.

440

См., например: Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975. С. 75; Kornemann E. Römische Geschichte. Bd. 1. Stuttgart, 1938. S. 410.

441

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта //К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119–120.

442

Нич К. В. История Римской республики / Пер. с нем. под ред. Д. П. Кончаловского. М., 1908. С. 445, 461; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. 2-е изд. / Пер. А. Захарова. СПб., 1997. Т. 1. С. 451–452.

443

Strasburger H. Caesars Eintritt in die Geschichte. München, 1938. S. 126–127; Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 1159; Balsdon J. P. V. D. Julius Caesar. A Political Biography. N. Y., 1967. P. 155–178; Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 241–243; Машкин Н. Л. 1) Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 64–74; 2) История древнего Рима. М., 1956. С. 315–316; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 100, 119, 159; 2) Юлий Цезарь. 2-е изд. М., 1984. С. 67; 3) Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986. С. 251. О том, насколько образ Цезаря приобрел характер литературного героя, см.: Корнилова Е. Н. «Миф о Юлии Цезаре» и идея диктатуры. М., 1999.

444

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 15.

445

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 15–16.

446

Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 416.

447

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 40.

448

Созвучная идея была высказана Р. Этьеном: Etienne R. Jules Cesar. P. 17–18.

449

Broughton T. R. S. The magistrates of the Roman republic. vol. 2. N.Y., 1951. P. 76, 81.

450

Ковалев С. И. История Рима. С. 400; Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 17; Вегнер В. Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Т. 2. 2-е изд. Минск, 2002. С. 72.

451

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 42.

452

Дюрант В. Цезарь и Христос / Пер. с англ. В. В. Федорина. М., 1995. С. 188.

453

Broughton T. R. S. The magistrates of the Roman republic... Vol. 2. P.132.

454

Вегнер В. Рим... Т. 2. С. 92–94; дуров В. С. Художественная историография древнего Рима. СПб., 1993. С. 39.

455

Утченко С. Л. Цицерон и его время. С. 168.

456

О положении Помпея см.: Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 245–247; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 62–63; Brunt P. A. Italian manpower 225 B. C – A. D. 14. Oxford, 1987. P. 430; Jameson S. Pompey's imperium in 67. Some constitutional fiction // Historia. 1970. Bd. 19. P. 539–560.

457

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 55; Лившиц Г. М. Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н. э. и заговор Катилины. Минск, 1960. С. 112; Kornemann E. Römische Geschichte. S. 563.

458

Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. 1. М., 1985. С. 31; Кашеев В. И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н. э. М., 1993. С. 141–142.

459

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 52.

460

Например, см.: Etienne R. Jules Cesar. P. 37.

461

Дюрант В. Цезарь. С. 188.

462

Машкин Н. Л. История древнего Рима. С. 282; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 99; 2) Цицерон и его время. С. 168.

463

См.: Иванов Ю. А. Заговор Катилины и его социальная база // ВДИ. 1940. № 1. С. 69–81; Чеканова И. В. Заговор Катилины: литературно-публицистическая аберрация и реальность // Жебелевские чтения-3: Тез. докл. научн. конф. СПб., 2001. С. 226–237; Hardy E. C. The Catilinarian conspiracy in its context. Oxford, 1924. Passim; Drexler H. Die catilinarische Verschwörung. Ein Quellenheft. Darmstadt, 1976. Passim; Stewart R. Catiline and the crisis of 63–60 B. C: the Italian perspective // Latomus. 1995. T. 54. Fasc. 1. P. 62–78; Price J. J. The attempts on Cicero's life: a note on Appian B. C 2. 11 // Classical studies in honor of David Sahlberg. Rome, 1996. P. 245–250.

464

Voissier J. La conjuration de Catilina. P., 1905. P. 209–214. См. также: Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991. С. 44.

465

Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 77; 2) Юлий Цезарь. С. 57.

466

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 116.

467

Там же. С. 117.

468

См., например: Нич К. В. История Римской республики. С. 425–426; Лившиц Г. М. Социально-политическая борьба... С. 81.

469

Ковалев С. И. История Рима. С. 419; Сергеев В. С. Заговор Катилины // ИЖ. 1937. № 2. С. 87–89; Иванов Ю. А. Заговор Катилины... С. 72; Бенклиев И. С. Заговор Катилины в русской историографии // Труды Воронежского гос. ун-та. Т. 50. Воронеж, 1950. С. 96. Н. А. Машкин считал причастие Цезаря к заговору Катилины, по крайней мере в 64–63 гг. несомненным, см.: Машкин И. Л. История древнего Рима. С. 284, 286; см. также: Вегнер В. Рим... Т. 2. С. 87; Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения / Пер. с нем. под ред. М. И. Ростовцева. СПб., 1908. С. 266; Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 195; Дюрант В. Цезарь... С. 188; Kornemann E. Römische Geschichte. S. 561.

470

Broughton T. R. S. The magistrates of the Roman republic. Vol. 2. P. 173.

471

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Дуров В. С. Юлий Цезарь... С. 49.

472

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 13.

473

Утченко С. Л. Цицерон и его время. С. 156; Meyer Ed. *Caesars Monarchie*... S. 40.

474

Дуров В. С. Юлий Цезарь... С. 51.

475

Например: *Вотес Le Y. Cesar. P., 1994. P. 44.*

476

Утченко С. Л. Древний Рим. С. 98, 100.

477

Ср.: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 45–47; Дуров В. С. Юлий Цезарь... С. 38; *Balsdon J. P. V. D. Julius Caesar. P. 29.*

478

Отношениям Цезаря и Цицерона посвящена обширная литература. Назовем лишь наиболее значимые: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 6–13; Буассье Г. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря. 2-е изд. СПб., 1993. С. 235–319; *Willrich H. Cicero und Caesar. Zwischen Senatsherrschaft und Gottkbnigtum. Göttingen, 1944; Lossman F. Cicero und Caesar im Jahre 54. Studien zur Theorie und Praxis des römischen Freundschaft. Wiesbaden, 1962; Celzer M. Cicero und Caesar. Wiesbaden, 1968; Botermann H. Rechtsstaat oder Diktatur: Cicero und Caesar 46–44 v. Chr. // *Klio*. 1992. Bd. 74. S. 179–196.*

479

Нич К. В. История Римской республики. С. 440. Об оформлении I триумvirата в конце 60 г. и даже в начале 59 г. писали: Meyer Ed. *Caesars Monarchic*. S. 59–60; *Hanslik R. Caesar und das I Triumvirat // RhM*. 1955. № 98. S. 324.

480

Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 21–22; Утченко С. Л. 1) Юлий Цезарь. С. 88–89; 2) Цицерон и его время. С. 173.

481

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 247–248; Сергеев В. С. Триумvirат и диктатура Юлия Цезаря // ИЖ. 1937. № 5. С. 96; Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 21; Kornemann E. Römische Geschichte... S. 572, 577; Meyer Ed. Caesars Monarchic. S. 59–60.

482

Машкин Н. А. История древнего Рима. С. 289; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 104; 2) Юлий Цезарь. С. 82–84, 86–87; 3) Цицерон и его время. С. 170–172; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 63; Грималь П. Цицерон. С. 207; Дюрант В. Цезарь. С. 190.

483

Чеканова Н. В. Эволюция системы триумvirата в Риме при переходе от республики к империи. Ярославль, 1992. С. 50–62.

484

Meier Chr. Zur Chronologie und Politik in Caesars ersten Consulat // Historia. 1961. Bd. 10. Hf. 1. S. 69–75; Broughton T. R. S. The magistrates of the Roman republic... Vol. 2. P. 191–192.

485

Колюбакин Б. М. Кай Юлий Цезарь (100–44 гг. до Р. Х.) // Уч. зап. ист.-фил. ф-та Дальневосточного ун-та. Вып. 3. Т. 3. Владивосток, 1922. С. 5; Игнатенко А. В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики. Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976. С. 201; Vogt J. Römische Geschichte. 3 Aufl. Leipzig; В., 1933. S. 172; Oost S. J. The Date of the Lex Julia de repetun- dis // AJPh. 1956. vol. 77. P. 19–27. Принципиально отрицательно к подобным оценкам относился С. Л. Утченко, см.: Утченко С. Л. 1) Консулат Цезаря – трибуна́т Клодия // ВДИ. 1961. № 3. С. 34, 4142; 2) Древний Рим. С. 107; 3) Юлий Цезарь. С. 89–90; 4) Цицерон и его время. С. 179–180.

486

Celzer M. Die lex Vatinia de imperio Caesaris // Kleine Schriften. Wiesbaden, 1963. S. 210–211; Timpe D. Caesars gallischer Krieg und das Problem des römischen Imperialismus // Historia. 1965. Bd. 14. Hf. 2. S. 192.

487

Метушевская О. С. Трибуна́т и аграрный вопрос в Риме в 70-х – первой половине 50-х гг. до н. э. // Проблемы истории государства и права: Сб. тр. Вып. 1. М., 1996. С. 15.

488

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 253–254. О принципах аграрного законодательства Цезаря см.: Carsana Ch. Riflessioni sulle leges Iulial agrariaae del 59 a. C: giuramento collettivo e principio di

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
inabrogabilita nel Il libro delle Guerre civili di Appiano // Atti della
Accad. naz. dei Lincei: Rend. Classe di scienze morali, stor. e filol.
Roma, 2001. Vol. 12. Fasc. 2. P. 259–274.

489

Утченко С. Л. Консулат Цезаря. С. 38–39, 42; Meyer Ed. *Caesars Monarchie*...
S. 31; Oost S. J. The Date of *lex Iulia de repetundis*... P. 19, 23; Etienne
R. *Jules Cesar*. P. 46–53.

490

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 271–282; Broughton T. R. S.
The magistrates of the Roman republic... Vol. 2. P. 233–234; Greenhagh P.
Pompey: The republican Prince. L., 1981. P. 268. См. также: Celzer M.
Pompeius / Hrsg. E. Herrmann-Otto. Stuttgart, 1984.

491

См.: Утченко С. Л. 1) Консулат Цезаря. С. 40–41; 2) Юлий Цезарь. С. 96–98;
Meyer Ed. *Caesars Monarchie*. S. 8487; Taylor L. R. The Date and the meaning
of the *Vettius Affair* // *historia*. 1950. Hf. 1. P. 45–51.

492

Нин К. В. История Римской республики... С. 442; Ростовцев М. И. Рождение
Римской империи... С. 63, 67; Сергеев В. С. Триумvirат и диктатура Юлия
Цезаря. С. 96; Большаков С. И. Социальная политика Цезаря // Уч. зап.
Ярославского пед. ин-та. Всеобщая ист. Вып. 10. Ярославль, 1947. С. 13;
Машкин Н.А. 1) Принципат Августа. С. 28–35; 2) История древнего Рима. С.
291, Ковалев С. И. История Рима. С. 427; Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С.
203; Грималь П. Цицерон. С. 221; 224; Meyer Ed. *Caesars Monarchie*. S.
87–88; Росock R. 1) *Clodius and the Acts Caesar* // *CQ*. 1924. Vol. 18. P.
5265; 2) A note of the Policy of *Clodius* // *CQ*. 1925. Vol. 19. P. 182185;
Carcopino J. *Histoire Romaine. Cesar*... P. 729; Bengtson H. *Grundriß der
römischen Geschichte mit Quellenkunde*. Bd. 1. 2 Aufl. München,
1970. S. 212–215; Etienne R. *Jules Cesar*. P. 80.

493

Утченко С. Л. 1) Консулат Цезаря. С. 42–46; 2) Древний Рим. С. 124–125; 3)
Юлий Цезарь. С. 99105; 4) Цицерон и его время. С. 181–188.

494

Meyer Ed. *Caesars Monarchie*. S. 103.

495

Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 33–35; Утченко С. Л. Консулат Цезаря... С.
48; Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 203.

496

См.: Зарщиков А. В. Галльское проконсульство Цезаря и римская аристократия
Страница 265

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
// АМА. 2002. Вып. 11. С. 70–71; Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 31; Taylor L. R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley; Los Angeles, 1949. P. 176; Bailey D. R. S. The Roman Nobility in the Second Civil War // CQ. 1960. Vol. 10. P. 257–260; Etienne R. Jules Cesar. P. 54–55.

497

Об оценке Цезарем и Цицероном состояния Римской республики, об их взглядах на роль законов и функции идеального правителя, об определении государственно-политического строя периода диктатуры Цезаря см.: Botermann H. Rechtsstaat oder Diktatur: Cicero und Caesar 46–44 v. Chr. // Klio. 1992. Bd. 74. S. 179–196.

498

Sordi M. I processi del 52 a. C. e lo scoppio della guerra civile fra Cesare e Pompeo // Processi e politica nel mondo antico. Milano, 1996. P. 207–212.

499

Broughton T. R. S. The magistrates of the Roman republic. Vol. 2. P. 257.

500

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 67.

501

Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. 2. Leipzig, 1874. S. 716.

502

wilcken U. Zur Entwicklung der römischen Diktatur // AbhPAW. B., 1940. S. 23.

503

Etienne R. Jules Cesar. P. 133–136.

504

Broughton T. R. S. The magistrates of the Roman republic. Vol. 2. P. 272, 286, 293–295, 305–306, 315–318.

505

Broughton T. R. S. The magistrates of the Roman republic. Vol. 2. P. 323.

506

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Ibid. P. 304–305.

507

Метушевская О. С. Трибунат и аграрный вопрос в Риме... С. 10.

508

Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. S. 705.

509

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 323–324, 325.

510

Машкин Н. Л. Принципат Августа. С. 64–66; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 142; 2) Юлий Цезарь. С. 262–263; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 69; Meyer Ed. *Caesars Monarchic*. S. 465–472; Syme R. *The Roman Revolution*. P. 52.

511

Alfoldi A. *Caesar in 44 v. Chr.* Bd. 1. *Studien zu Caesars Monarchic und ihren wurzeln*. Bonn, 1974. S. 26; Etienne R. *Jules Cesar*. P. 161.

512

Вопрос о социальной опоре власти Цезаря довольно подробно рассмотрен в исследовательской литературе, см., например: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 283–297; Speidel M. P. *Riding for Caesar: The Rome emperor's horse guards*. Cambridge, 1994.

513

См.: Штаерман Е. М. 1) От гражданина к подданному // *Культура древнего Рима*. Т. 1. М., 1985. С. 22–105; 2) Эллинизм в Риме // *Эллинизм: восток и запад* / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1992. С. 140–176; Карасева А. В. Образ жизни и интеллектуальная деятельность римской интеллигенции в I веке до н. э. (преимущественно по окружению Цицерона): Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2003. С. 10–16, 20; Raivson E. 1) *Intellectual Life in the Late Roman Republic*. Baltimore, 1985; 2) *Roman Tradition and the Greek world* // *САН*. 1989. vol. 8(2). P. 422–476; Cruen E. S. *Culture et National Identity in Republican Rome*. L., 1993.

514

Meyer Ed. *Caesars Monarchic*. S. 407, 409–410; Утченко С. Л. 1) Юлий Цезарь. С. 273–274; 2) Цицерон и его время. С. 244–246.

515

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Botermann H. Rechtsstaat oder Diktatur... S. 179–196.

516

Campi A. La «clementia» di casare nel «de bello Gallico» // Amnistia perdono e vendetta nel mondo antico. Milano, 1997. P. 253–270.

517

Буассье Г. Цицерон и его друзья... С. 279–319; Meyer Ed. Caesars Monarchic. S. 406–407.

518

Утченко С. Л. 1) Юлий Цезарь. С. 293–297; 2) Цицерон и его время. С. 247.

519

Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 146, 158–159, 165; 2) Юлий Цезарь. С. 267, 317; 3) Цицерон и его время. С. 246–247, 251–252; Нин К. В. История Римской республики. С. 497–499; Syme R. The Roman Revolution. P. 52–59; Strasburger H. Caesar im Urteil der Zeitgenossen // HZ. 1953. № 475. S. 225–264; Collins I. H. Caesar and the Corruption of the Power // Historia. 1955. Bd. 4. P. 445–465; Christ K. Geschichte der Römischen Kaiserzeit (von Augustus bis zu Konstantin). 2 Aufl. München, 1992. S. 42.

520

Meyer Ed. Caesars Monarchic. S. 472–473; Carcopino J. Histoire Romaine. Cesar... P. 755; Kornemann E. Römische Geschichte. S. 520–521; Etienne R. Jules Cesar. P. 134–135.

521

Нетушил И. В. Обзор римской истории. М., 1935. С. 61; Ковалев С. И. История Рима. С. 446–447; Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 138, 249, 309–311, 320. Подобные оценки особенно распространены в литературе популярного характера, см.: Остерман Л. Римская история в лицах. М., 1997. С. 329–330.

522

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 286; Meyer Ed. Caesars Monarchic. S. 472.

523

Низе Б. Очерк римской истории... С. 303; Gelzer M. Caesar. S. 332–337; Balsdon J. P. V. D. Julius Caesar... P. 104–105; Грант М. Двенадцать цезарей. М., 1998. С. 46–49.

524

Syme R. The Roman Revolution. P. 52–59.

525

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 70–71; Ehrenberg V. Caesar's Final Aims // HSCPh. 1964. Vol. 68. P. 149–150,160.

526

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 196–199.

527

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. С. 79.

528

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 386–387.

529

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. С. 451–452.

530

См. созвучно интерпретации Т. Моммзена: Утченко С. Л. Юлий Цезарь; Дуров В. С. Юлий Цезарь...; Meyer Ed. Caesars Monarchic..; Carcopino J. Histoire Romaine; Celzer M. Caesar; Alföldi A. Caesar in 44 v. Chr.: In 2 Bd. Bonn, 1974–1985; Meier Chr. Caesar; Etienne R. Jules Cesar. Созвучно интерпретации Г. Ферреро: Dahlheim W. Julius Caesar. Die Ehre des Krieges und der Untergang der römischen Republik. В., 1987.

531

Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. Zum Charakter des Zweiten Triumvirats. Göttingen, 1990. S. 55.

532

Дюрант В. Цезарь... С. 209.

533

Дуров В. С. Художественная историография древнего Рима. Спб., 1993. С. 39.

534

Etienne R. Jules Cesar. P. 143.

535

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosofff.org

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. С. 435; Etienne R. Jules Cesar. P. 144–145.

536

См.: Wirszubski Ch. Libertas as a political idea at Rome during the late republic and early principate. Cambridge, 1950.

537

Ковалев С. И. История Рима. С. 447; Earl D. C. The Moral and Political Tradition of Rome. L., 1984. P. 57–58.

538

Broughton T. R. S. The magistrates of the Roman republic. Vol. 2. P. 372.

539

Ibid. P. 373.

540

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 71; Грант М. Двенадцать цезарей. С. 45; Jehne M. Der Staat des Dictators Caesar. Kön, 1987. S. 88–89.

541

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 329; Дюрант В. Цезарь... С. 212.

542

Etienne R. Jules Cesar. P. 140–142. Созвучные оценки см.: Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 305.

543

Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме... С. 97.

544

Утченко С. Л. 1) Воззрения Саллюстия на идеальное государственное устройство // ВДИ. 1948. № 1. С. 190–202; 2) Развитие политических воззрений Саллюстия // ВДИ. 1950. № 1. С. 229–254; 3) Идеино-политическая борьба в Риме... С. 82–160; 4) Политические учения древнего Рима III–I вв. до н.э. М., 1977. С. 162–177; Егоров А. Б. Политические взгляды Саллюстия // Античный полис: Межвуз. сб. л., 1979. С. 101–124; Мотус А. А. Цицерон и Саллюстий в их отношении к гражданским войнам в древнем Риме (I в. до н.э.) // АМА. 1983. Вып. 5. С. 33–46; Seel O. Sallust. Von den Briefen ad Caesarem zur Conjuratio Catilinae. Stuttgart, 1930; Schur W. Sallust als Historiker. Stuttgart, B., 1934; Vretska K. Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum. Wien, 1955; Paananen U. Sallust's politico-social terminology.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Helsinki, 1972; Virioust C. Le sénat dans les lettres de Salluste à César
// Des ordres à Rome / Red. Cl. Nicolet. P., 1984. P. 101–104.

545

Etienne R. Jules Cesar. P. 138.

546

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 71.

547

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 72.

548

Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 52–59, 545.

549

Демина С. С. Римское общество в I в. до н. э.: гражданское сознание и поведение: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2000. С. 7.

550

Ramsey J. T. The Senate, Mark Antony and Caesar's Legislative legacy // CQ. 1994. Vol. 44. P. 130–145.

551

Schmitthenner W. Oktavian und das Testament Caesars. München, 1973. S. 117.

552

Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально- политической истории. Саратов, 1987. С. 10–11; Drumann W., Crobe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd. 3. Leipzig, 1906. S. 615–617; Heuß A. Römische Geschichte. Braunschweig, 1960. S. 216; Tiedge V. Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd. 2. Stuttgart, 1960. S. 50–88; Ehrenberg V. Caesar's final aims // HSCP. 1964. Vol. 68. P. 157; Cesche H. Hat Caesar den Octavian zum Magister equitum designiert? // Historia. 1973. Bd. 22. Hf. 3. S. 469; Etienne R. Jules Cesar. P. 134–135.

553

Meslin M. L'homme Romain d'origine au Ier siècle de notre ère. P., 1978. P. 22; см. также: Keppie L. Colonisation and Veteran Settlement in Italy, 47–14 B. C. L., 1983.

554

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 73.

555

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 290-291; Vittinghoff F. *Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus* // Abh. Akad. Mainz. 1951. № 14. S. 61.

556

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 366; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. С. 429; Meyer Ed. *Caesars Monarchic*. S. 426-427.

557

Машкин Н. А. История древнего Рима. С. 317.

558

Утченко С. Л. 1) Идеино-политическая борьба в Риме... С. 97; 2) Юлий Цезарь. С. 264.

559

Грант М. Двенадцать цезарей. С. 45. Подробно о римских муниципиях и муниципальной организации римской Италии в период Республики см.: Rudolph H. *Stadt und Staat in römischen Italien* (Untersuchungen über die Entwicklung des Munizipalwesens in der republikanischen Zeit). 2 Aufl. Göttingen, 1965.

560

Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. 2-е изд. СПб., 2000. С. 27.

561

Ковалев С. И. История Рима. С. 449; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. События. С. 144; 2) Юлий Цезарь. С. 265.

562

Этот тезис был сформулирован еще Т. Моммзеном. В последнее время см.: Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 121; Etienne R. *Jules Cesar*. P. 143-145.

563

Vlanekenburgs. von. *Die römischen Eroberung von Britannien* // Militärgeschichte. 1999. № 9. Hf. 3. S. 56-65.

564

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 267; ср.: Ковалев С. И. История Рима. С. 436.

565

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 94–95; Meyer Ed. *Caesars Monarchic*. S. 91; Oost S. I. *The Date of Lex Iulia de repetundis* // *AJPh*. 1956. № 77. P. 19–27.

566

Эти определения встречаются в «Записках» Цезаря и в письмах и речах Цицерона, см.: *Caes. BC*, I, 53; *Cic. Ad Quint.*, I, 1, 9; *In Verr.*, II, 1, 64; 67; 4, 15; 17; 37; 49; 5, 21; 108.

567

О «гостеприимстве» и значении неформальных связей в римской провинциальной политике см.: Смышляев А. Л. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // *ВДИ*. 1999. № 4. С. 65, 68; Колосовская Ю. К. Гостеприимство в системе *ius gentium* древнего Рима // *Древнее право. Ius antiquum*. М., 1999. № 1(4). С. 86–98; Badian E. *Foreign Clientelae*. 264–70 B. C. Oxford, 1958. *Passim*; Burton C. *Government and the Provinces* // *The Roman World*. Vol. 1. L.; N. Y., 1987. P. 424–427; Lintott A. W. *Imperium Romanum. Politics and Administration*. L.; N. Y., 1993. P. 129.

568

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 377–378.

569

Утченко С.Л. 1) Древний Рим. С. 144; 2) Юлий Цезарь. С. 290; Meyer Ed. *Caesars Monarchic*. S. 425.

570

Christ K. *Geschichte der Römischen Kaiserzeit (von Augustus bis zu Konstantin)*. 2 Aufl. München, 1992. S. 43.

571

Машкин Н. А. История древнего Рима. С. 282; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 99; 2) Цицерон и его время. С. 168.

572

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 113; Дюрант В. Цезарь... С. 188.

573

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. С. 391–392.

574

Campi A. La «dementia» di Cesare nel «de Bello Gallico» // *Amnistia perdono e vendetta nel mondo antico*. Milano, 1997. P. 253–270.

575

См.: Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 365, 408. Историография этой значительной и сложной проблемы представлена нами в гл. 3.1.

576

Парфенов В. Н. Марк Лициний Красс и «третий триумвират» Октавиана // *Культура и цивилизация: вопросы теории и истории: Сб. ст.* Н. Новгород, 1998. С. 224.

577

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 315–319. См.: Ковалев С. И. История Рима. С. 440; Дюрант В. Цезарь... С. 201.

578

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 296–297.

579

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 327–328; Машкин Н. А. 1) Принципат Августа. С. 72–110; 2) История древнего Рима. С. 317.

580

Pareti L. L'essenza della concezione politica di C. Giulio Cesare // *Studi Romani*. 1956. Vol. 5. P. 129–142.

581

История древнего Рима / Под ред. В. Н. Дьяконова, Н. М. Никольского. М., 1952. С. 635.

582

Ковалев С. И. История Рима. С. 425.

583

См.: Машкин Н. Л. История древнего Рима. С. 290; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 107–109; 2) Юлий Цезарь. С. 90; 3) Цицерон. С. 174; Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 62.

584

См., например: Ковалев С. И. История Рима. С. 425. Иначе представляют содержание аграрного законодательства Н. А. Машкин (История древнего Рима. С. 290) и С. Л. Утченко (Юлий Цезарь. С. 90–92).

585

Утченко С. Л. Древний Рим. С. 107; Метушевская О. С. Трибунат и аграрный вопрос в Риме в 70-х – первой половине 50-х гг. до н. э. // Проблемы истории государства и права: Сб. тр. Вып. 1. М., 1996. С. 910.

586

Машкин Н. А. История древнего Рима. С. 290; История древнего Рима / Под ред. В. Н. Дьяконова, Н. М. Никольского. С. 635; Ковалев С. И. История Рима. С. 425; Утченко С. Л. Цицерон. С. 174; Meyer Ed. Caesars Monarchic. S. 62–63; Schneider H. Die Entstehung der römischen Militardiktatur. Krise und Niedergang einer antiken Republik. München, 1977. S. 195.

587

Об истории принятия закона см.: Frederiksen M. Caesar, Cicero and the Problem of Debt // JRS. 1966. Vol. 56. P. 128–141; Ruggeri R. C Osservazioni sulla C. C. D. D. Leges Juliae de pecuniis mutuis e de bonis cedendis // Древнее право (Ius antiquum). М., 2000. № 1. P. 105–125.

588

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. С. 421; Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 294–306.

589

Celzer M Caesar. S. 249, 283.

590

Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit. S. 43.

591

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 292–293.

592

О типах монет периода Римской республики, в том числе и о цезаревых денариях, см.: Stewart R. The jug and lituus on Roman republican coin types: ritual symbols and political power // Phoenix. 1997. Vol. 51. № 2. P. 170–189.

593

Реформа суда упоминается у Цицерона, см.: *Cic. Pro Marc.*, 23, 7; *Phil.*, I, 19.

594

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 72.

595

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. С. 72; Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 213–220; Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 146, 158–159; 2) Юлий Цезарь. С. 267, 317; Нин К. В. История Римской республики. М., 1908. С. 497–499; Syme R. *The Roman Revolution*. P. 52–59; Collins I. H. *Caesar and the Corruption of the Power* // *Historia*. 1955. Bd. 4. P. 445–465.

596

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. С. 426, 451–452.

597

См.: Strasburger H. *Caesar im Urteil der Zeitgenossen* // *NZ*. 1953. № 175. S. 257.

598

Исходным моментом подобных оценок в современной литературе стала точка зрения Т. Моммзена, см.: Моммзен Т. *История Рима*. Т. 3. С. 311–315, 387. Позднее отчасти: Meyer Ed. *Caesars Monarchie...* S. 472, 509; Täger F. *Charisma*. Bd. 2. S. 50–88; Ehrenberg V. *Caesar's final arms...* P. 149–150, 160.

599

Kornemann E. *Römische Geschichte*. Bd. 1. S. 520–521.

600

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 72; Беликов А. П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 362; Celzer M. *War Caesar ein Staatsmann?* // *NZ*. 1954. № 178. S. 469. См. также: Jehne M. *Der Staat des Dictators Caesar*. Passim.

601

См.: Bernhardt R. *Polis und römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v.Chr.)*. В., 1985.

602

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org

Низе Б. Очерк римской истории... С. 306; Грант М. Двенадцать цезарей. С. 41, 51; Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 417–418; Etienne R. Jules Cesar. P. 202.

603

Подробнее об эволюции чрезвычайной магистратуры см.: Чеканова Н. В. Эволюция системы триумvirата в Риме при переходе от республики к империи: Уч. пос. Ярославль, 1992.

604

Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 196.

605

Буассье Г. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря. 2-е изд. / Пер. с фр. Н. Н. Спиридонова // Г. Буассье. Собр. соч.: в 10 т. / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Т. 1. СПб., 1993. С. 354–355.

606

Christ K. Kriese und Niedergang der römischen Republik. Darmstadt, 1979. S. 393.

607

Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 232. В. Н. Парфенов подчеркивал официальный характер оценок Веллея Патеркула, см.: Парфенов В. И. Триумvir Марк Эмилий Лепид // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества: Межвуз. сб. л., 1984. С. 126.

608

Кареев В. И. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. СПб., 1904. С. 223; Нетушил И. В. Обзор римской истории. М., 1935. С. 74; Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 263; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 171; Буассье Г. Цицерон... С. 359; Firth J. V. Augustus Caesar and the organization of the Empire of Rome. L.; N. Y., 1925. P. 97, 125; Frank T. A history of Rome. N. Y., 1928. P. 340; Cary M. A history of Rome down to the reign of Constantine. L., 1938. P. 446; Heufi A. Römische Geschichte. Braunschweig, 1960. S. 211–212; Bengtson H. 1) Grundriß der Römischen Geschichte mit Quellenkunde. Bd. 1. 2 Aufl. München, 1970. S. 243; 2) Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1977. S. 118; Hayne L. 1) Lepidus' role after the ides of March // Acta Classica. 1971. № 14. P. 109–117; 2) The defeat of Lepidus in 36 B. C. // Acta Classica. 1974. № 17. P. 5965; Weigel R. D. Lepidus reconsidered // Acta Classica. 1974. № 17. P. 67–73; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. Zum Charakter des Zweiten Triumvirat. Göttingen, 1990. S. 8.

609

Парфенов В. Н. Триумvir... С. 138; Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zweiten Triumvirats. München, 1968. S. 2.

610

Анализ военно-политической позиции Лепида накануне образования триумvirата см.: Rohden M. Aemilius Lepidus // RE. Bd. 1. 1894. Sp. 551; Bardt C. Plancus und Lepidus in Mutinensischen Kriege // Hermes. 1909. № 44. S. 591; Badian E. M. Lepidus and the second Triumvirate // Arctos. Helsinki, 1991. Vol. 25. P. 516.

611

Остерман Л. Римская история в лицах. М., 1997. С. 341.

612

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. 2-е изд. / Пер. А. Захарова. Т. 1. СПб., 1997. С. 443. См. также: Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 313.

613

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 77.

614

Утченко С. Л. 1) Древний Рим. С. 176–177; 2) Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986. С. 293.

615

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 83; Сергеев В.С. Второй триумvirат и падение Римской республики // ИЖ. 1937. № 9. С. 67; Утченко С. Л. Цицерон. С. 293; Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik... S. 56–59.

616

Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 476–479.

617

Парфенов В. И. Рим от Цезаря до Августа: Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 27.

618

Утченко С. Л. Цицерон. С. 301.

619

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
См.: Цветаева Г. А. Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря (март–апрель 44 гг. до н. э.) // ВДИ. 1947. № 1. С. 226–232; Машкин Н. Л. Социальные движения в Риме в первые дни после смерти Цезаря // Вестник МГУ. 1947. № 5. С. 6–14; Dieter H. «Soziale Konflikte» in der römischen Republik // Klio. 1980. Bd. 62. Hf. 1. S. 229–233; Hinard Fr. Rome. Des origines a la fin de la Republique (suite) // Revue historique. P., 1998. T. 299. № 607. P. 617–642.

620

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 312–352; Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 30. Созвучно: Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 454.

621

Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 176–178; Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 33–35; Millar F. Triumvirate and principate // JRS. 1973. Vol. 83. P. 5054; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 1–13.

622

Mommsen Th. Römisches Staatsrecht: In 3 Bd. Leipzig, 1887. Bd. 2. S. 712–713; Wilken U. Zur Entwicklung der römischen Diktatur. В., 1940. S. 29.

623

См.: Машкин Н. Л. Принципат Августа. С. 178.

624

Нетушил И. В. Обзор римской истории. С. 74; Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 2. S. 707–709, 718–720; Cardthausen V. Augustus und seine Zeit. Bd. 2. В., 1891. S. 130–132; Strasburger H. Triumviri // RE. Bd. 13.1939. Sp. 520; Grant M. From imperium to auctoritas. A historical study of the aes coinage in the Roman Empire 49 B. C – 14 A. D. Cambridge, 1946. P. 416; Last H. Imperium maius // JRS. 1947. № 37. P. 162; Vretska Dr. H. Triumviri // KP. Bd. 5. 1975. Sp. 939.

625

Miltner F. Sext Pompeius Magnus // RE. Bd. 21.1952. Sp. 2225–2226.

626

Ковалев С. И. История Рима. С. 494; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 85; Lacey W. C. Octavian in the Senate January 27 B. C. // JRS. 1974. Vol. 64. P. 176–184; Bernario H. Octavian's status in 32 B. C // Chiron. 1975. № 5. P. 301–309; Carthledge P. The second thoughts of Augustus of the res publica in 28/27 B. C // Hermathena. 1975. № 11. P. 30–40.

627

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 76.

628

О взаимоотношениях Антония и сената по поводу завещания и архива Цезаря
см.: Ramsey J. T. The Senate, Mark Antony and Caesar's Legislative legacy
// CQ. 1994. Vol. 44. P. 130–145.

629

см.: Collen H. Grundzüge der römischen Geschichte. Tl. 2. Die
Kaiserzeit von Augustus bis Diocletian. Darmstadt, 1998; Bleicken J.
Augustus. Eine Biographie. B., 1998; Eck W. Augustus und seine Zeit.
München, 1998.

630

Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 551.

631

Gafforini C. Le mogli romane di Antonio: Fulvia e Ottavia // Accad. di
scienze e lettere. Classe di lettere e scienze morali e stor. Bologna,
1995. Vol. 128. Fasc. 1. P. 109–134.

632

Bengtson H. Marcus Antonius. S. 221.

633

Игнатенко А. В. 1) Армия в государственном механизме рабовладельческого
Рима эпохи Республики. Свердловск, 1976. С. 198; 2) К вопросу о
политическом режиме в Риме в эпоху перехода от республики к монархии //
Методология историко-правовых исследований: Сб. ст. М., 1980. С. 74–80;
Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein
Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. Bd. 74. Hf. 1. S. 204.

634

Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 322; Егоров А. Б. Рим на
границе эпох. С. 78–79; Парфенов В. Н. Триумвир... С. 134.

635

Гримм Э. Д. Исследование по истории развития римской императорской власти.
Т. 1. СПб., 1900. С. 80–82; Егоров А. Б. Рим на границе эпох. С. 83; Bengtson
H. Grundzüge der römischen Geschichte... S. 242; Vretska Dr. H.
Triumviri... Sp. 939.

636

Rossi R. F. Marco Antonio nella lotta politica della tarda Repubblica
Romana. Triest, 1959. P. 77; Парфенов В. Н. Триумвир... С. 130.

637

Marsh F. B. A history of the Roman world from 146 to 30 B. C L., 1934. P. 273.

638

Kniely E.-M. Quellen kritische Studien zur Tätigkeit des M. Brutus im Osten (44–42 v. Chr.) wien, 1974. S. 185.

639

Watson C. R. Soldier and Politicians at Rome after Caesar // GR. 1970. vol. 20. № 1. P. 65. См. также: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 40.

640

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. С. 92; Syme R. The Roman Revolution. P. 231.

641

Парфенов В. Н. 1) Триумвир... С. 137; 2) Рим от Цезаря... С. 93; Syme R. The Roman Revolution. P. 232. Ср.: Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Bd. 2. S. 282.

642

Колосовская Ю. К. К. вопросу о социальной структуре римского общества I–III вв. н. э. // ВДИ. 1969. № 4. С. 123; Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 99; Scuderi R. Marco Antonio nell' opinione pubblica dei militari // Aspetti dell' opinione pubblica nel mondo antico. Milano, 1978. P. 117–138.

643

Туркина Л. Г. О роли армии в политической борьбе второго триумvirата (май 44 г. – ноябрь 43 г. I в. до н. э.) // Некоторые вопросы всеобщей истории: Сб. ст. Вып. 1. Челябинск, 1965. С. 3–23; Парфенов В. Н. Начало военно-политической карьеры Октавиана // АМА. Вып. 4. 1979. С. 104–124; Neufi A. Römische Geschichte. S. 212; Schmitt-henner W. Politik und Armee in der spätömischen Republik // HZ. 1960. № 190. Hf. 1. S. 4; Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik... Passim; Alföldi A. Oktavians Aufstieg zur Macht. Bonn, 1976. S. 3– 5, 7–11. Aigner H. Die Soldaten als Machtfactor in der ausgehenden römischen Republik. Innsbruck, 1974. S. 77.

644

Brunt P. A. Italian manpower 225 B. C. – A. D. 14. 2nd ed. Oxford, 1987. P. 531; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 80.

645

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
О подобных случаях подробнее см.: Schmitthenner W. Politik und Armee... S. 9.

646

См.: Токмаков В. Н. Военная присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 128.

647

Petzold K. E. Die Bedeutung des Jahres 32 für die Entstehung des Principals // Historia. 1969. Bd. 18. Hf. 3. S. 351.

648

Syme R. The Roman Revolution. P. 288–290.

649

См.: Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik... S. 28.

650

Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 10.

651

О стиле поведения Антония и отношении к нему солдат см.: Scuderi R. Marco Antonio... P. 117–119.

652

Harmand J. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P., 1967. P. 467. Правда, в литературе существует и противоположная точка зрения, см.: Maxfield V. A. The Military Decimations of the Roman Army. L., 1981. P. 66. Признавая, что взгляд Ж. Армана имеет обоснование в источниках, по существу против него высказывается и А. В. Махлаук, см.: Махлаук А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000. С. 186–187.

653

Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 39; Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik... S. 94.

654

Остерман Л. Римская история в лицах. С. 378.

655

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org

Машкин И. Л. Из истории римского гражданства // И АН СССР. Общ. н. 1945. Т. 2. № 5. С. 362; Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 48.

656

Weinstock S. Divus Julius. Oxford, 1971. P. 370–384.

657

Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего мира. М., 1987. С. 163–164.

658

Грималь П. Цицерон. С. 435–436.

659

См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 145; Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 8; Weinstock S. Divus Iulius. P. 366.

660

Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 126–132; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 173–174.

661

Grant M. Roman history from coins. Some uses of the Imperial Coinage to the Historian. Cambridge, 1958. P. 19; Levi M. A. L'impero Romano. Torino, 1971. P. 69.

662

Парфенов В. И. Рим от Цезаря... С. 35.

663

Rossi R. F. Marco Antonio... P. 110–112; Bengtson H. Marcus Antonius. S. 159.

664

Подробную оценку этой эмиссии и ее значения как составной части пропагандистской программы Антония дает Е. В. Смыков, см.: Смыков Е. В. Антоний и Дионис (Из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. Вып. 11. 2002. С. 89–90.

665

Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org S. 25; Чернышев Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. 4.1. Новосибирск, 1994. С. 127.

666

Об органичном характере поведения Антония на Востоке и в свя-зи с этим о его отрыве от традиций римской гражданской общины см.: Bengtson H. Marcus Antonius. S. 159. Противоположную точку зрения, в соответствии с которой религиозная политика Антония на Востоке представляется как серия продуманных политических акций, см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 214, 256; Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 128–129; Межелицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»... С. 155–156; Смыков Е. В. Антоний и Дионис. С. 82–83, 86–87, 104; Tarn W. W. Alexander Helios and the Golden Age // JRS. 1932. vol. 22. P. 148–150; Syme R. The Roman Revolution. P. 271, 275. О длительном стабильном интересе Антония к восточной традиции, см.: Rossi R. F. Marco Antonio... P. 112–113; Tager V. Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd. 2. Stuttgart, 1960. S. 90.

667

Bengtson H. Marcus Antonius. S. 294–296.

668

Парфенов В. И. 1) Триумвир... С. 131, 133; 2) Рим от Цезаря... С. 89.

669

Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи... ч. 1. С. 131.

670

Это мнение в самых разных вариантах получило широкое распространение в исследовательской литературе: Нин К. В. История Римской республики / Пер. с нем. под ред. Д. П. Кончаловского. М., 1908. С. 512; Нетушил И. В. Обзор римской истории. С. 68, 76; Сергеев В. С. Второй триумвират... С. 76; Машкин Н.А. Принципат Августа. С. 178, 606; Игнатенко А. В. 1) К вопросу о политическом режиме в Риме... С. 77, 79; 2) Армия в государственном механизме... С. 176; Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба... С. 160; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 79; Neufi A. Römische Geschichte. S. 209, 220–221; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte... S. 238–240; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 8.

671

Мы уже говорили (гл. 4.1) о существующей в исторической литературе дискуссии по поводу второго срока триумvirата. Предложенной даты придерживаются: Машкин Н.А. Принципат Августа. С. 176–178; Парфенов В. И. Рим от Цезаря до Августа: Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 33–35; Межелицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»... С. 143; Millar F. Triumvirate and principate // JRS. 1973. vol. 83. P. 50–54; Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. Zum Charakter des Zweiten Triumvirats. Göttingen, 1990. S. 14–16.

672

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 42.

673

О трансформации республиканских понятий «гражданин» и «воин» и об отношении римского воина к государству, правительству и обществу см.: Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältniss zu Staat und Gesellschaft // *Klio*. 1992. Bd. 74. Hf. 1. S. 197–220.

674

Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 43.

675

Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 108.

676

См.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 117; Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»... С. 161–162; Смыков Е. В. Антоний и Дионис. С. 95; Kromayer J. Die Vorgeschichte des Krieges von Actium // *Hermes*. 1898. Bd. 33. S. 68; Scott R. Octavian's propaganda and Antony's de sua ebrietate // *CPh*. 1929. Vol. 24. P. 133–141.

677

См.: Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества: Сб. ст. Л., 1982. С. 127; Bengtson H. Grundriß der römischen Geschichte mit Quellenkunde. Bd. 1. 2 Aufl. München., 1970. S. 258.

678

Смыков Е. В. Антоний и Дионис. С. 82; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 3. 2-е изд. / Пер. А. Захарова. СПб., 1998. Т. 2. С. 148, 165, 211; Syme R. The Roman Revolution. P. 206; Buchheim H. Die Orient – politik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960. S. 9–11.

679

См.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа... С. 108; Frank T. A. A history of Rome. N. Y., 1928. P. 343; Marsh F.V. A history of the Roman world from 146 to 30 B. C. L., 1934. P. 282; Cary M. A history of Rome down to the reign of Constantine. L., 1938. P. 435.

680

См.: Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»... С. 154; Смыков Е. В. Антоний и Дионис. С. 86–87, 102; Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn... S. 31.

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
681

Парфенов В. Н. Марк Лициний Красс и «третий триумвират» Октавиана // Культура и цивилизация: вопросы теории и истории: Сб. ст. Н. Новгород, 1998. С. 223; Schumacher L. Die imperatorische Akklamationen der Triumvirn und die auspicia des Augustus // Historia. 1985. Bd. 34. Hf. 2. S. 206–209.

682

Bengtson H. Zu den Proscriptionen der Triumvirn. München, 1972. S. 13.

683

Виппер Р. Ю. Очерки по истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 322; Сергеев В. С. Второй триумвират и падение Римской республики // ИЖ. 1937. № 9. С. 68; Туркина Л. Г. Проскрипции второго триумvirата (43–41 гг. до н. э.) и их социальная роль // Некоторые вопросы всеобщей истории: Сб. ст. Вып. 3. Челябинск, 1968. С. 3–19; Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 181; Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения / Пер. с нем. под ред. М. И. Ростовцева. СПб., 1908. С. 503; Нин К. В. История Римской республики / Пер. с нем. под ред. Д. П. Кончаловского. М., 1908. С. 513; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 3. С. 127.

684

Вегнер В. Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Т. 2. 2-е изд. / Пер. с нем. Мн., 2002. С. 169; Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. С. 86–87; Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 180–187; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 80; Парфенов В. Н. Рим от Цезаря... С. 34; Neufi A. Römische Geschichte. Braunschweig, 1960. S. 220; Bengtson H. 1) Zu den Proscriptionen... S. 16; 2) Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1977. S. 175; Canfora L. Proscrizioni e dissesto sociale nella repubblica Romana // Klio. 1980. Bd. 62. P. 425–437; Christ K. Geschichte der Römischen Kaiserzeit... S. 56.

685

Bleicken J. Zwischen Republik und Prinzipat. S. 49.

686

Парфенов В. И. Рим от Цезаря... С. 34.

687

Межеричкий Я. Ю. «Республиканская монархия»... С. 144.

688

Например см.: Нин К. В. История Римской республики. С. 513; Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 180–182; Туркина Л. Г. Проскрипции второго триумvirата... С. 3–9; Утченко С. Л. Древний Рим. С. 182; Neufi A. Römische Geschichte... S. 220; Bengtson H. 1) Grundriß der Römischen Geschichte... S. 240; 2) Zu den Proscriptionen... S. 14–16; Грант М. Цивилизация древнего Рима. М., 2003. С. 42.

689

Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. Leipzig, 1874. S. 736.

690

Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*: In 2 Bd. B., 1891–1904. Bd. 2. S. 51. Созвучно: Syme R. *The Roman Revolution*. P. 186–188.

691

Bengtson H. *Zu der Proscriptionen*... S. 18.

692

Парфенов В. Н. *Рим от Цезаря*... С. 31.

693

Буассье Г. *Цицерон*... С. 369.

694

Neufi A. *Römische Geschichte*. S. 224; Bengtson H. *Zu den Proscriptionen*... S. 24, 36.

695

Ковалев С. И. *История Рима*. С. 475; Утченко С. Л. *Древний Рим*. С. 186; Игнатенко А. В. *Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики. Историко-правовое исследование*. Свердловск, 1976. С. 165; Парфенов В. И. *Из истории Перузинской войны и Брундизийского мира* // АМА. Вып. 5.1983. С. 60; Егоров А. Б. *Рим на грани эпох*. С. 8; Cabba E. *The Perusine war and Triumviral Italy* // *HSCP*. 1971. № 75. P. 140.

696

Нун К. В. *История Римской республики*. С. 518–520.

697

Сергеев В. С. *Второй триумvirат*... С. 71; Syme R. *The Roman Revolution*. P. 207–209.

698

Машкин Н. А. *Принципат Августа*. С. 207.

699

Римская диктатура последнего века Республики. Н.В. Чеканова filosoff.org
Парфенов В. И. Рим от Цезаря... С. 56; Brunt P. L. The Army and the Land in
the Roman Revolution // JRS. 1962. Vol. 52. P. 81–82.

700

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 3. С. 147, 234.

701

Штаерман Е. М. 1) Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978.
С. 79; 2) Римская собственность на землю // ВДИ. 1974. № 3. С. 5.

702

Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 220–221; Утченко С. Л. Древний Рим. С.
184; Brunt P. A. The Army and the Land... P. 83.

703

Syme R. The Roman Revolution. P. 121–122, 207.

704

Schneider H. C. Das Problem der Veteranenversorgung in der späteren
römischen Republik. Bonn, 1977. S. 208.

705

Grant M. From imperium to auctoritas. A historical study of the aes coinage
in the in the Roman Empire 49 B. C. – 14 A. D. Cambridge, 1946. P. 417,
421; Petzold K. E. Die Bedeutung des Jahres 32 für die Entstehung des
Principals // Historia. 1969. Bd. 18. Hf. 3. S. 334.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!